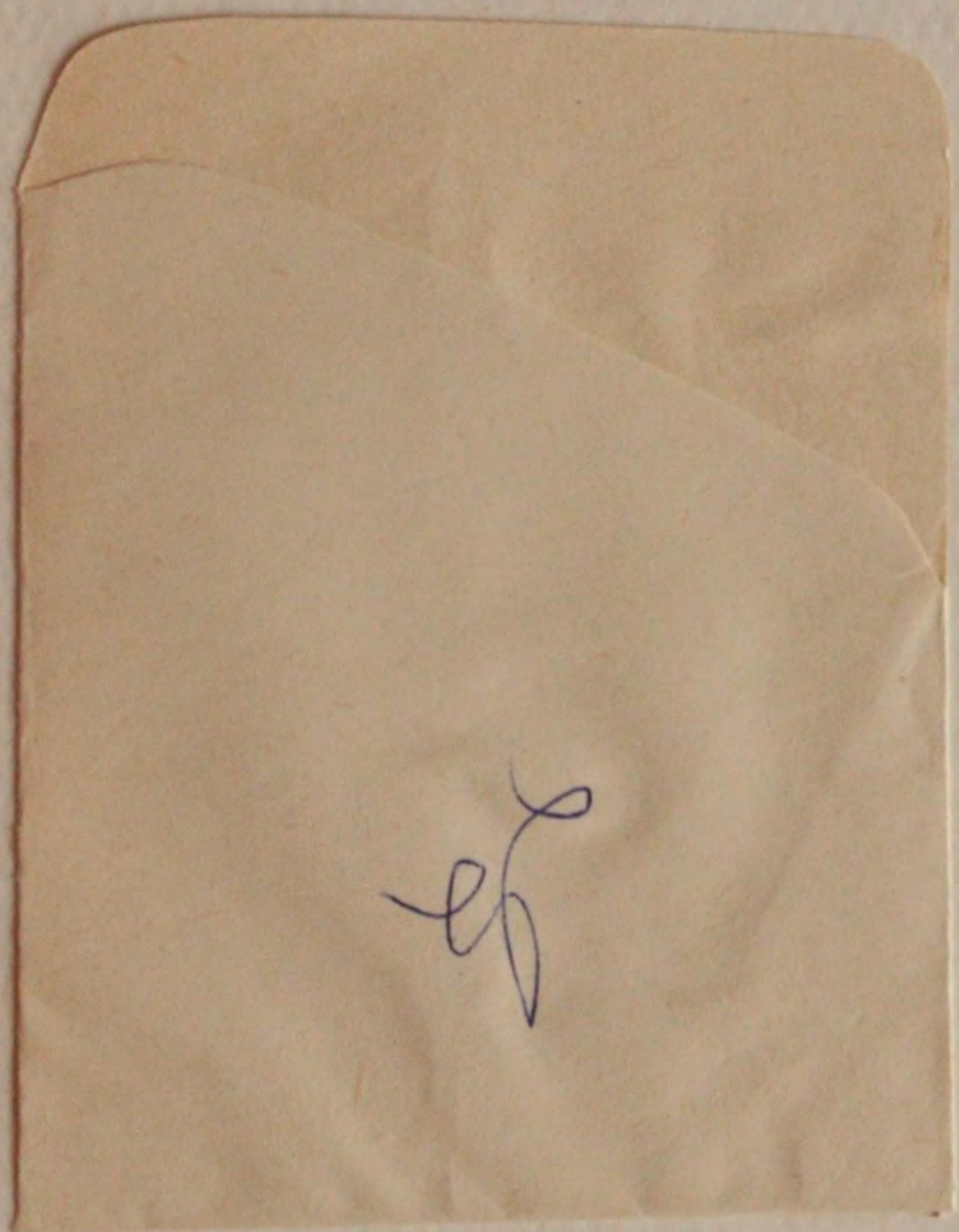
4С (Алт)
О-952

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ



Ч С (Алт)
0-952.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

804/2
1970
Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1972

Ответственный редактор
В. И. ЦИНЦИУС

7-1-1; 7-1-3; 7-1-4
367—72

В. И. ЦИНЦИУС

ЗАДАЧИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Лексикологические изыскания являются неотъемлемой частью историко-сравнительного изучения языков, первые поиски генетической общности которых начинаются, по существу, с лексических сопоставлений. Далее подбор убедительных параллелей необходим для проникновения в сущность особенностей развития и исторически сложившихся регулярных расхождений в звуковом облике сравниваемых слов, что является краеугольным камнем сравнительно-фонетических построений. Но эти лексические разыскания все же играют лишь подсобную роль, хотя, например, в процессе выявления основных фонетических закономерностей и обоснования их системного характера привлечено несколько сот слов общеалтайской значимости. Специальные лексикологические разработки становятся возможными лишь при достижении определенного уровня в области сравнительно-фонетических наблюдений, с установлением регулярных соответствий и хотя бы предварительной реконструкции предполагаемого исходного состояния фонем сравниваемых языков. Для алтайской группы в составе языков монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и корейского этот этап ведет свое начало с середины нашего столетия.[1] Таким образом, если сравнительно-фонетическое изучение опирается на словарные материалы, то лексикологические углубленные исследования требуют постоянного учета всего комплекса соответствующих фонетических нормативов. Однако при всей взаимообусловленности и взаимопереплетенности сравнительно-исторического изучения различных уровней языкового материала — фонетического, морфологического, лексикологического и синтаксического — каждый из этих аспектов обладает своими собственными объектами, задачами и методическими приемами исследования.

Лексикологическая проблематика, разрабатываемая в компаративном направлении, в конечном счете приводит к задаче выявления предполагаемого общего исходного словарного фонда генетически родственных языков с характеристикой его в семантическом, морфологическом и фонетическом отношениях. Приблизиться

[1] G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. MSFOu, 104 (1957); II. Formenlehre. MSFOu, 104 (1952); N. Poppe. 1) Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960; 2) Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.

к этой цели кратчайшими путями, как нам представляется, может отчасти помочь предварительный обзор словарных данных алтайских языков по широким лексическим сериям, таким, например, как термины родства, части тела, названия животных и растений, наименования, относящиеся к жилищу и его частям, утвари, средствам передвижения и упряжи, наименования различных качеств, обозначения действий (различные семантические группы глаголов) и т. д. Опираясь на методику внешней и внутренней реконструкции, удается выявить ряд интересных лексико-семантических и морфологических моделей, которые в пределах того или иного тематического разряда носят в целом устойчивый характер и являются для данного разряда типичными. Проиллюстрируем сказанное на названиях птиц.

Для обозначения понятия «птица вообще», «птицы», «пернатые» в алтайских языках используется не менее трех способов, т. е. обнаруживаются три лексические модели.[2]

К первой группе могут быть отнесены именные дериваты, образованные от глагольных основ со значением «летать», «подыматься ввысь», «порхать», исторически, по-видимому, восходящие к формам причастий, или сочетания причастий-определений «летающий», «перелетный» с существительным «зверь», «живое существо».

Так, в северной, тунгусской, подгруппе тунгусо-маньчжурских языков существительное *дэγӣ* < **дэгӣ* ‘птица’ несомненно ведет свое происхождение от глагольной основы *дэγ(и)-* < **дэги-* ‘летать’ ~ ‘прилетать’ ~ ‘улетать’, отличаясь от последней долготой гласного второго слога:[3]

тунг. (эвенк., эвен., сол., нег.) *дэγӣ* < **дэгӣ* ‘птица’, ‘перелетная птица’ (букв. ‘то, что летает’, ‘летающее’); ср.: ма. *дэйэрэ басҳа* ‘летящая птица’, ‘летающая птица’, ‘пернатые’ (*дэйэ-рэ* — причастие настоящего времени от глагола *дэйэ-* < **дэγи-* < **дэги-*); сюда же — ма. *дэйэрэ чэчикэ* ‘порхающая птичка’ и *дэйэрэ сиӈгэри*, *дэйэрэ доби* ‘белка-летяга’ (букв. ‘летучая мышь’, ‘летучая лисица’).

Кстати отметим, что в монгольских языках от побудительной формы глагола того же корня образовано название птенца-слетка:

п.-мо. *degde-*, монг., бур. *дэгдэ-* ‘взлетать’—п.-мо. *degdege-*, монг., бур. *дэгдээ-* побуд. ‘поднимать’, ‘вспугивать’ (птицу), п.-мо. ‘вскармливать’, ‘взращивать’, ‘воспитывать’; п.-мо. *degdegekei*, монг. *дэгдээхий*, бур. *дэгдээхэй* ‘птенец’ (оперившийся, букв. ‘тот, которому дали взлететь’, ‘взращенный’).

[2] В сжатом виде предварительные данные, связанные с рассматриваемыми здесь лексическими моделями названий для птицы в алтайских языках, приведены в статье В. И. Цинциус «Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков» (ПОАЯз, стр. 84—87).

[3] Ср. аналогичные образования: эвенк., эвен. *тэт(и)-* ‘одеться’, ‘надеть’—*тэтӣ* ‘одежда’, ‘то, что надевается’; *дас(и)-* ~ *дах(и)-* ‘накрыть’, ‘покрыть’—*дасӣ* ~ *дахӣ* ‘крышка’.

В тюркских языках также представлены семантико-морфологические образования, типологически сходные с приведенными выше тунгусо-маньчжурскими. В большинстве случаев это именные производные от характерной для тюркских языков глагольной основы *уч-* ~ *оч-* ~ чув. *веç-* 'летать':

др.-тюрк. *učuq* 'хищная птица', алт. (ойр.) *учар* женск. 'курица' (букв. 'летающая'), *учар куш* миф. 'птица' (букв. 'летающая птица'), тат. *очар кошлар* фольк. 'птицы' (ср.: *очар балык* 'летучая рыба', *очкалак* 'белка-летяга'), чув. *кайак* 'птица', также *веçен кайак* 'птица' (букв. 'летающая птица' или 'летающий зверь').

Несколько особняком стоят якутские примеры, которые связаны с другой глагольной основой, а именно с як. *кӧт-* 'летать':

як. *кӧтӧр* 'птица' (букв. 'то, что летает', 'летающий'), также *кӧтӧр кы̄л* 'птица', 'птицы', 'пернатые' (букв. 'летающий зверь'); ср.: як. *сӯрӓр кы̄л* 'четвероногий зверь' (букв. 'бегающий зверь'); сюда же — як. *кӧтчӧх* ~ *кӧрчӧх* ~ *кӧнчӧх* 'молодая осенняя утка, уже летающая'.

В связи с последним якутским примером небезынтересно отметить, что в туркменском языке наименование птенца-слетка образовано от побудительной формы глагола 'летать', подобно тому, как это мы видели на материале монгольских языков; ср. туркм. *уч-ур-ым* 'птенец-слеток'.

Корейский язык также предоставляет в наше распоряжение сочетания, подтверждающие общеалтайский характер конструкций типа «летающий зверь»=«птица»:

кор. *нальччымсэнъ* ~ *налькимсэнъ* 'птицы' (*наль-да* 'летать', *чымсэнъ* ~ *чимсынъ* ~ *кимсэнъ* ~ *кимсынъ* 'зверь'); сюда же — кор. *сэ-чымсынъ* 'птицы' (*сэ* 'птица', 'воробей'; букв. 'птица-зверь').

Ср. также: нивх. *пыи-ӈа* 'птица' (букв. 'летающий зверь' — *пыи-дь* 'летать', *ӈа* 'зверь').

Материалы тунгусо-маньчжурских и монгольских языков позволяют привести дополнительно еще две группы примеров на образование названий птиц от глагольных основ.

Так, дериватами от глагольной основы **н'ӣ-*, по нашему мнению, являются:

эвенк. *нӣкӣ*, *нӣкӣчэ̄н* уменьш., эвен. *н'ᵘэкӣ*, *н'ᵘэкӣ-чэ̄н* уменьш., нег. *н'ӣкӣчэ̄н*, ма. *н'эхэ* < **н'ӣ-кэй* 'утка' (вообще), 'водоплавающая (перелетная) дичь'; сюда же — нан. *н'иэчэ̄* ~ *н'иэчэ(н-)*, орок. *н'эчэ(н-)* < **н'ӣкӣчэ̄н* 'птичка', 'пташка', 'певчая птица'; ср.: п.-мо. *nis-*, монг. *нисэ-*, бур. *нии-дэ-* < **н'ӣ-сэ-*, калм. *nise-* 'летать', 'перелетать'.

В монгольских языках от глагольной основы **perbēge-* образовано существительное: ср.-мо. *herbē(ge)gei*, п.-мо. *erbē-kei*, монг. *эрвээхий*, бур. *эрбээхэй*, калм. *erwēkē*, монгор. *xaliege* 'бабочка' (букв. 'порхающая'); ср.: п.-мо. *erbelǯe-*, монг. *эрвэлзэ-*, *эрвэн дэрвэн нисэ-* 'порхать', бур. *эрбэлзэ-*, *эрбэгэнэ-* 'вертеться', 'кокетни-

чать'. В тунгусо-маньчжурских языках от указанной глагольной основы образованы названия птиц:

эвенк. вост. *ӭрбӭт*, нег. верх. *ӭрбӭт дэγӣ* парн. 'перелетная птица', эвен. *ӭрбӭч* 'гусь' < **ӭрбӭгэ-чи*.

Ко второму способу передачи представления о птицах вообще, о пернатых как родовом понятии, относится парное употребление двух слов, обозначающих видовые понятия, или более общего названия с более узким, например:

ма. *ƃасҳа чэчикэ* 'птица + пташка' = 'птицы вообще', др.-тюрк. *quš quzγun* 'птица + ворон' = 'птицы', 'всякие птицы', як. *кус хӣс* 'утка + гусь' = 'птица'; бур. *шубуу шонхор* 'птица + сокол' = 'птица'.

Наконец, какое-либо название для птиц, выступающее как видовое в одних языках, в других используется как общее родовое, например:

як. *кус* 'утка' || др.-тюрк. *quš*, тур. *kuş*, тув., алт. *куш* ~ казах. *кус*, башк. *ҡош*, тат. *кош*, аз., туркм. *гуш* 'птица' || эвенк. *гус*, *гусикӭн* ~ *гуһикӭн*, эвен. *гусӭтӭ* ~ *гуһӭтӭ* ~ *гушӭтӭ*, нег. *гусихӭн*, нан., ульч., орок. *гуси* 'орел';

эвенк. *гаса* ~ *гаһа* ~ *гаша* 'журавль', нег. *гаса* название птицы в орнаменте || нан., ульч., ороч. *гаса*, уд. *гаһа*, ма. *ƃасҳа* 'птица'.

Кстати отметим случаи соотнесенности наименования одной разновидности птиц с другими, например:

др.-тюрк. *qaz*, тур. *kaz*, башк. *ҡаз*, тат. *каз*, алт., тув. *кас*, як. *хӣс*, туркм. *гӣз* < **кӣр* > чув. *хур* 'гусь' || эвенк. *гӣрэ* 'сова', 'филин', 'лебедь', нег. *гӣйа* [< **гӣра*] 'сова', 'филин', эвен. *гаранӡа* увел. фольк. название огромной птицы, уд. *гӣ мафа* 'филин-дедушка', ма. *ƃару*, ульч. *гоара* 'лебедь'.

Таким образом, предварительный просмотр лексики по тематическим группам позволяет уловить у сравниваемых слов одного разряда общность облика в семантико-морфологическом отношении, подметить определенную связь между значением и формой, констатировать единообразие направленности возможных этимологий.

Проиллюстрируем высказанные положения схемой-таблицей, вернувшись еще раз к приведенным выше лексическим данным алтайских языков, служащим для обозначения понятия «птица» и этимологически связанным с глаголами «летать», «взлетать», «подниматься ввысь», «парить», «порхать».

Из приведенной таблицы отчетливо видно, что производящая глагольная основа может быть представлена в одних языках, а производное отглагольное имя — в других, о чем упоминалось выше: ср. мо. **нӣ-сэ-* 'летать' и т.-ма. **н′ӣ-кэй* 'утка'. Следует подчеркнуть, что с аналогичными фактами нам придется еще не раз встретиться при сравнительно-лексикологических изысканиях в области алтаистики.

Производящая глагольная основа	Отглагольные дериваты
т.-ма.*дэги- 'летать'	тунг. *дэгӣ* 'птица', ма. *дэйэ-рэ ҕасҳа* 'летающая птица', 'пернатые'
мо. *дэг-дэ-(гэ-)* 'взлетать'	мо. *дэг-дэ-гэ-кэй* 'оперившийся птенец' (букв. 'тот, которому дали взлететь')
мо. **нӣ-сэ-* 'летать'	тунг. *н'ӣ-кӣ*, ма. *н'э-хэ* < **н'ӣ-кэй* 'утка' (букв. 'летающая', 'перелетающая')
мо. **пэрбə̄гэ-* > *(h) эрбə̄гэ-* 'порхать'	мо. *(h)эрбə̄гэ-кэй* 'бабочка' (букв. 'порхающая'), эвенк. вост. *ə̄рбə̄т*, нег. *ə̄рбə̄т дэγӣ* 'перелетная птица', эвен. *ə̄рбə̄ч* 'гусь'
тюрк. *уч-* 'летать'	др.-тюрк. *ičиq* 'хищная птица', алт. *учар* женск. 'курица' (букв. 'летающая'), тат. *очар кошлар* 'птицы', чув. *веçен кайак* 'птица' (букв. 'летающий зверь')
тюрк. *кӧт(и)-* 'подниматься'	як. *кӧтӧр* 'птица' (букв. 'то, что летает'), *кӧтӧр кы̄л* 'птица' (букв. 'летучий зверь')
кор. *наль-/р-*'летать'	кор. *наль-ччымсэнъ* 'птицы' (букв. 'летающий зверь')
нивх. *пыи-*'летать'	нивх. *пыи-ӈа* 'птица' (букв. 'летающий зверь')

С учетом сделанного замечания сведенный в таблицу-схему материал позволяет с полной уверенностью говорить, во-первых, о наличии лексической модели «летающий (зверь) = птица» во всех языках алтайской общности, т. е. в тунгусо-маньчжурских, монгольских, тюркских и корейском; во-вторых, о типичности и устойчивости (повторяемости) этой модели и, в-третьих, о безусловной этимологической связи между словами «летать» — «летающий» ~ «летучий» — «птица (~ птенец ~ бабочка)».

Что касается словообразовательных элементов, с помощью которых от глагольных основ «летать» были созданы названия птиц, они также в значительной своей части несут на себе следы общеалтайского происхождения.

Сюда относится, прежде всего, т.-ма. суфф. *-кӣ* ~ ма. *-ҳа,- хэ* < **-кай*, *-кэй* и мо. суфф. *-кай*, *-кэй* ~ *-γай*, *-гэй*; ср. т.-ма. **н'и-кэй* 'утка' и мо.**(h)эрбə̄гэ-кэй* 'бабочка'. Правда, в тунгусо-маньчжурских языках этот суфф. *-ки* — омертвелый, хотя и встречается у многих именных основ, в частности у названий животных, например: эвенк. *сула-кӣ*, 'лисица', *улу-кӣ* 'белка', *тукса-кӣ* 'заяц', *ǯэлэ-кӣ* 'горностай', *тō-кӣ* 'лось', *тура-кӣ* 'ворона', *кукə̄-кӣ* 'сойка' и т. д. В монгольских же языках суфф. *-кай*, *-кэй* — живой продуктивный, образующий от глагольных основ названия качеств или свойств, а также действующих лиц. С этим тунгусо-маньчжурским и монгольским суфф. *-кай*, *-кэй* может быть сопоставлен тюркский афф. *-га*, *-кэ*, образующий отглагольные имена со значением орудия, процесса, результата или исполнителя

действия и т. д.[4] Имеются также указания по поводу наличия суфф. *-kai* в корейском языке.[5]

Общность тюркского аффикса причастия аориста или настоящего-будущего времени *-(α)p* и т.-ма. суфф. *-pa*, *-pэ*, а также монгольского суффикса деепричастия цели (супина) *-pa*, *-pэ* и корейского причастия будущего времени *-л/-p* давно уже отмечалась исследователями.[6] Здесь нам хотелось бы лишь подчеркнуть, что при субстантивации тюркских причастий с афф. *-(α)p* формы вроде приводившихся выше тюрк. *уч-ар* ~ *оч-ар* или як. *көт-өр* по-русски точнее было бы переводить как ‘летучий’ (‘летучий зверь’), чем ‘летящий’ или ‘летающий’

Что касается долготы конечного гласного у тунгусского существительного *дэгӣ* ‘птица’ в отличие от глагольной основы *дэги-* ‘летать’, то ее можно рассматривать как результат стяжения, т. е. *дэгӣ* < **дэги-+-(г)и*. В этом случае тунг. суфф. **-и* ~ **-(г)и*, как нам представляется, с полным основанием может быть сопоставлен с тюркским отглагольным афф. *-ы*, *-и*, *-у*, *-ү*.[7]

Заслуживают внимания и сами глагольные основы со значением «летать», «подниматься ввысь», «взлетать», «порхать». На первый взгляд, они ограничены в своем употреблении отдельными подгруппами алтайских языков: ср. тюрк. **уч-* ‘летать’, **көт(и)-* ‘подниматься ввысь’, мо. **нӣ-сэ-* ‘летать’, **(п)эрбэгэ-* ‘порхать’, кор. *наль-/р-* ‘летать’. И лишь общность корневых элементов в т.-ма. *дэги-* ‘летать’ и мо. *дэг-дэ-* ‘взлетать’ совершенно очевидна. Здесь мы вплотную подходим к новому этапу сравнительно-лексикологических исследований. Вслед за сравнительно-тематическим обзором, который позволяет выделить определенные устойчивые модели, и семантико-морфологическим анализом выявленных лексических типов возникает необходимость ознакомиться с гнездом слов одного корня в каждой языковой подгруппе и в отдельных языках. И только после предварительного просмотра гнезд, с получением общего представления об их семантическом диапазоне, о характере и широте семантической филиации можно делать дальнейшие заключения об отсутствии или наличии слов того или иного корня в других языках алтайской общности. При этом, само собой разумеется, следует учитывать имеющиеся историко-фонетические показатели в пользу общности возможных параллелей. Обратимся в нашему материалу.

Неоднократно приводившиеся глагольные основы — т.-ма. *дэги-* ‘летать’ и мо. *дэг-дэ-* ‘взлетать’, — так же как и некоторые их дериваты, уже привлекали внимание алтаистов в качестве лексических данных, пригодных для сравнительно-фонетических вы-

---

[4] Подробней о значениях тюркского аффикса *-га*, *-ка* см.: Севортян. Афф. им., стр. 227—234.

[5] Рамстедт, стр. 185.

[6] Там же, стр. 84—87.

[7] Севортян. Афф им., стр. 239—263.

водов. При этом среди тунгусо-маньчжурских именных форм помимо существительного *дэгӣ* ‘птица’ были отмечены эвенкийские наименования для крыла и пера,[8] что является фактом, общим для всех тунгусо-маньчжурских языков; ср.:

эвенк. *дэктилэ̄* [< **дэг-тилэ̄*], *дэктэ* [< **дэг-тэ*], *дэктэн*, *дэктэннэ*, эвен. *дэтлэ* [< **дэктилэ̄*], уд. *дэктэ̄нэ*, ульч. *дэктэтэ*, нан. *дэгдэчэ*, *ма. дэтхэ* ‘крыло’, ‘перо’ (большое, маховое).

В качестве монголизмов (?) в тунгусо-маньчжурских языках отмечены были также глаголы с основой типа мо. *дэг-дэ-*:[9]

эвенк. *дэг-дэ-* ‘подниматься’, ‘восходить’ (о солнце), *дэг-дӣ-* ‘поднять что-л. тяжелое’, *дэгдэ-в-*, *дэгдэ-вкэ̄н-* побуд. ‘поднять вверх’, ма. *дэкдэ-* ‘взлетать’, ‘взвиваться’, ‘подниматься вверх’, ‘всплывать’, *дэкӡи-* ‘подниматься’, ‘подрастать’, ‘возвышаться’, ‘процветать’, нан. *дэгдэ-* ‘летать’.

Что касается монгольских языков, в качестве возможных параллелей были привлечены также п.-мо. *dejile-* [< **degīle-*], монг. *дийлэ-*. бур. *дийлэ-* ‘взять верх’, ‘победить’ и прилагательное с основой *дэгэ̄-*, а именно п.-мо. *degē-dü*, монг. *дээд*, бур. *дээдэ* ‘верхний’, ‘высший’, ‘лучший’.[10] Сюда же тяготеют, с нашей точки зрения, монгольские наречия, а именно п.-мо. *degē-ši*, монг. *дээш*, бур. *дээшэ* ‘вверх’, ‘наверх’, п.-мо. *degē-re*, монг. *дээр*, бур. *дээрэ* ‘вверху’, ‘наверху’, п.-мо. *degē-gür*, монг., бур. *дээгүүр* ‘сверх’, ‘поверх’, которые были поставлены в связь с кор. *тэ* ‘более, еще более’.[11]

Семантика монгольского прилагательного **дэгэ̄-дӱ* позволила привлечь для сопоставления тюркские данные, а именно др.-тюрк. *jeg* ~ *jäg* ‘хороший’ [< **дэг*]; ср.: *jeg üstünki* ‘возвышенный’, *jegät-* ‘улучшать’, ‘превосходить’, ‘побеждать’.[12]

Таким образом, принимая во внимание установленное соответствие начальных согласных мо., т.-ма. *д-*||кор. *т-*||тюрк. *й-(j-)* < **д-*, мы получаем общеалтайскую праформу **дэг-* > мо. **дэг(э)-* ~ т.-ма. **дэг-*, кор. **тэ-*, тюрк. **йэг-* с исходной семантикой ‘верх’ ~ ‘высь’ → ‘подниматься вверх’ → ‘летать’ → ‘птица’ ~ ‘крыло’||‘вверх’ ~ ‘ввысь’ → ‘верхний’ → ‘высший’ → ‘лучший’ → ‘хороший’.

Кстати отметим, что глаголы «летать» в алтайских языках обозначают именно лишь «подняться вверх», без передачи каких-либо направлений в пространстве, т. е. соответствуют, например, русским *летать* ~ *прилетать* ~ *улетать* ~ *вылетать* ~ *влетать* — *перелетать*, как это имеет место в эвенкийском, эвенском и других языках тунгусо-маньчжурской группы. Для уточнения направления полета в монгольских и тюркских языках упо-

---

[8] P. Vergl., стр. 58, 61, 89.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] R. Einf., стр. 51.
[12] См. работы, указанные в предыдущих сносках; ср. также: Räs. EW.

требляются конструкции из сочетаний деепричастных форм глаголов «летать» с соответствующим глаголом, выражающим движение в определенном направлении, например: монг. *нисэн ирэ-* ʻприлетать' (букв. ʻлетая ~ лётом прибыть'; *ирэ-* ʻприходить', ʻприезжать', ʻприбывать'), *нисэн одо-* ʻулетать' (*одо-* ʻуходить', ʻуезжать', ʻотбывать'), бур. *нииджэ хүрэ-* ʻдолетать' (*хүрэ-* ʻдоходить', ʻдоезжать', ʻдостигать'), туркм. *учуп гел-* ʻприлетать' (*гел-* ʻприходить', ʻприезжать', ʻприбывать'), *учуп гит-* ʻулетать' (*гит-* ʻуходить', ʻуезжать', ʻотбывать'), *учуп геч-* ʻперелетать' (*геч-* ʻпереходить', ʻпереезжать', ʻперебираться'), як. *көтөн таҕыс-* ʻвылетать' (*таҕыс-* ʻвыходить') и т. д.

Обратимся к рассмотрению другой глагольной основы со значением «летать», а именно к мо. **нӣ-сэ-* с неясным элементом *-сэ-*, который отсутствует в т.-ма. *н′ӣ-кӣ* < **н′ӣ-кэй* ʻутка'. Насколько нам известно, эти слова алтаистами-компаративистами к сопоставлению не привлекались. Вместе с тем, исходя из комплекса значений, выявленного выше в связи с анализом лексемы **дэг-*, где понятие «летать» представляется неразрывно связанным со значением «верх» ~ «высь», мы считаем возможным привлечь следующие тюркские параллели:

др.-тюрк. *jügärü* ~ *jögärü* ~ *joqaru* ʻвверх', *jüksä-* ʻвозвышаться', ʻподниматься', *jüksäk* ʻвысокий', ʻвозвышенный', *joq* ʻвысокое место', *joqla-* ʻподниматься', ʻвзбираться'; сюда же — тур. *yukarī*, башк. *юғарыға* ʻвверх', тат. *югары* ʻверхний', ʻвысокий', ʻвысший', саг. *чоғары*, хак. *чоғар* ʻвверх', ʻзапад', шор., саг. *чок-та-* ʻехать вверх по реке', як. *соҕорӯ* ~ *соҕурӯ* ~ *соҕорӯ* ʻюг', ʻна юге'.[13]

Для сопоставления с монгольскими данными особенно интересно др.-тюрк. *jüksä-* ʻподниматься' ‖ мо. *нӣ-сэ-* ʻлетать'. На тюркской почве афф. *-са-*, *-сä-* (*-sa-*, *-sä-*) может быть разъяснен как глаголообразующий, имеющий оттенок модальности со значением желания;[14] ср., например: др.-тюрк. *suv-sa-* ʻжаждать', ʻхотеть пить' (*suv* ʻвода'), т. е. *jüksä-* < **jüg-sä-* (?) ʻстремиться ввысь'. Если наша тюркская параллель удачна, то и мо. *нӣ-сэ-* ʻлетать' < ʻстремиться ввысь'. В таком случае общая корневая праформа может быть реконструирована следующим образом: мо. *нӣсэ-* < **н′ӣ-сэ-* < **н′ӣ(г)-сэ-* > тюрк. **йӣг-сэ-* > др.-тюрк. *jüksä-*.[15]

Тюркский глагол **уч-* ʻлетать', представленный с этим значением в большинстве тюркских языков, в якутском языке, быть может, оставил свой след лишь в виде деривата с афф. *-ар*; ср. як. *учар* ~ *учӑр* ~ *очур* ʻбугорок', ʻвозвышение'; сюда же — як. *учардыт* ʻспособность перескакивать с одного бугра на другой'.

---

[13] Сводка примеров по Räs. EW, стр. 205б.

[14] См.: Севортян. Афф. глаг., стр. 295—316.

[15] Соответствия типа мо. *ни-* < **н′и-* < **н′у-* ‖ тюрк. *йу-* (*ju-*) не единичны; ср., например: мо. *нидурга* < **н′идурга* < **н′удурга* ‖ тюрк. *йудрук* ʻкулак' и т. д.

Поскольку в некоторых тюркских языках от глагольной основы *уч-* ‘летать’ образовано существительное ‘искра’ (ср., например, туркм. *уч-гун*, тур. *uç-kun*), постольку можно привлечь предположительно следующие тунгусо-маньчжурские параллели: эвенк. *hōсин-* ~ *hōhин-* ~ *ōсин-* ~ *очив-*, эвен. *носан-*, нан., ульч. *посин-* ‘лететь, вылетать’ (об искрах), эвенк. *hōсин* ~ *hōhин* ~ *ōсин* ~ *ohин*, эвен. *носан*, нан. *посӣ* ~ *поси(н-)*, ульч. *посикта* ‘искра’.

Значение «летать» в якутском языке, как уже упоминалось выше, передается глаголом *көт-* ‘летать’, ‘взлетать’, ‘прыгать’, ‘перепрыгивать’, которому соответствует др.-тюрк. *köti-* ‘подниматься вверх’ (например, о запахе), сюда же — др.-тюрк. *kötki* ‘возвышенность’, ‘холм’, *kötü* ‘крыша’. В других тюркских языках этот глагол обычно представлен побудительной формой, аналогичной др.-тюрк. *kötär-* ~ *kötür-*; ср.: казах. *көтөр-* ~ *кӱтӓр-*, алт., тув. *көдүр-*, туркм. *гөтэр-*, як. *көтөх-*, *көтӱт-* ‘поднимать’.[16] В том же облике тюркской побудительной формы этот глагол отмечен в п.-мо. *köter-*, калм. *көтɣ-* ‘поднимать’ и в эвен. *көтэр-* ~ *кутэр-* ‘подыматься в гору’, сюда же — п.-мо. *kötel*, монг. *хөтөл*, бур. *хүтэл* ‘холм’, ‘косогор’, ‘невысокий перевал’ и эвен. *көтэү* ‘подъем’, а также (?) эвен. *көтэн'э* ‘курносый’.

Что касается кор. *наль-да* (*наль-/р-*) ‘летать’, *нальгэ* ‘крыло’, эта глагольная основа может быть сопоставлена с эвенк. вост. *нэрэ-нӈэ-*, эвен. *нэрэ-к-* ‘порхать’, ‘махать крыльями’ или, как это предполагает Г. Рамстедт,[17] с эвенк. *на-* ‘махать крыльями’; ср. также: эвенк. *насана-* ‘махать руками, крыльями’, *насалди-* ~ *наһалди-* ‘поднять вверх руки’, эвен. *набдалда-* ‘махать, бить крыльями’. Принимая во внимание общую семантическую направленность гнезд слов, в которые входят глаголы со значением «летать», для поисков вероятных параллелей к интересующему нас корейскому глаголу можно указать также эвенк. *лэрēкчэн*, *лэрēдэ* ~ *лэрēдӯ* ~ *лэриндэ*, *лэрукчэн* ~ *лорукчāн* ~ *лоруткāн* ~ *лорикчāн*, *лорукī* ~ *лурекī* ~ *луреку*, *лородокāн* ‘бабочка’, ‘мотылек’, а также эвенк. *лоргоко* ‘холмик’ (на берегу), *лорголо-* ‘возвышаться’ (о холме и т. п.).

Приведеный выше разбор вопросов, встающих при сравнительно-лексикологическом подходе к алтаистическому материалу, позволяет наметить как бы несколько этапов разработки словарных данных по тематическим группам, а именно:

1) выявление характерных лексических моделей данного тематического разряда;

2) семантико-морфологический анализ установленных моделей по отдельным языковым подгруппам;

3) сравнение между собой результатов семантико-морфологического анализа;

---

[16] Räs. EW, стр. 294б.
[17] R.SKE, стр. 159.

4) сравнительная проверка направления возможных этимологий исследуемых слов;

5) ознакомление с соответствующими лексическими гнездами по отдельным языкам и языковым подгруппам;

6) суммарный учет широты семантической филиации того или иного гнезда, его семантического потенциала, характерных для него комплексов или пучков значений, основных тенденций семантического развития;

7) выявление новых, побочных лексических моделей («птица—крыло»);

8) привлечение и анализ лексических данных, выявленных ранее при установлении сравнительно-фонетических параллелей;

9) поиски лексических параллелей на основе установленных характерных направлений семантического развития и сравнительно-фонетических критериев;

10) выявление корневых морфем с возможной этимологией их.

Изложенное выше отнюдь не может считаться единственно приемлемым направлением сравнительно-лексикологических исследований в области алтаистики. Весьма эффективной могла бы быть и систематическая разработка уже накопленных при сравнительно-фонетических штудиях многих сотен слов одного предполагаемого корня. В равной степени возможно изучение лексики, начиная с анализа отдельного гнезда слов или даже отдельного слова, почему-либо заинтересовавшего исследователя. Но, как нам представляется, в любом случае общее направление и комплекс методических приемов изучения, который мы пытались наметить выше, в целом сохраняют свой характер. Приведем пример попытки сравнительно-лексикологического изучения единичного слова. Мы имеем в виду одно из возможных в монгольских языках обозначений понятия «жена», а именно: п.-мо. *gergei*, монг. *гэргий*, бур. *гэргэй*, *гэргэ(н)*, калм. *gergn̥*.

Мо. **гэргэй* ‘жена’ по своему корневому составу несомненно входит в одно гнездо с общемонгольским наименованием жилища; ср.: п.-мо., калм., монгор. *ger*, монг., бур. *гэр*, даг. *гэр′и* < **гэр* [18] ‘юрта’, ‘дом’, ‘жилище’, ‘домашний очаг’, ‘семья’. В этом отношении, казалось бы, приведенное название для жены находит семантико-морфологическую параллель в тюркских языках, в чем легко убедиться, использовав, например, данные древнетюркского словаря:

п.-мо.	*гэр*,	*гэр-тэй*,	*гэр ӳгэй*,	*гэр-лэ-*	‖ *гэр-гэй*
др.-тюрк.	*эв*, ‘дом’, ‘семья’,	*эв-лӱг*, ‘имеющий дом’, ‘семейный’	*эв-сиз*, ‘бездомный’,	*эв-лӓ-н-* ‘обзавестись домом, семьей’	‖ *эв-чи* ‘жена’

[18] P. Mo. Compar., стр. 45, 59, 152.

Но др.-тюрк. *evči (~эвчи)* ‘жена’ ~ ‘хозяйка дома’ по своему морфологическому составу является отыменным образованием, поскольку афф. *-či (-чи)*, прибавляясь к основам существительных, образует имя деятеля;[19] ср. др.-тюрк. *balïq-čï* ‘рыбак’ (*balïq* ‘рыба’). Морфологический же состав мо. **гэр-гэй* ‘жена’ своим афф. *-гэй* (< ? *-кай*, *-кэй*, см. выше) заставляет предполагать, что корневая морфема **гэр-* в этом случае имела глагольный характер. В монгольских языках глагола с основой **гэр-* не обнаруживается. Но в тюркских языках имеется весьма заманчивая параллель в виде, например, др.-тюрк. *ker-* ‘растягивать’, ‘натягивать’, *kerägü* ‘шатер’, ‘юрта’, *kerim* ‘ковер’, *kerik* ‘растянутый’; ср.: алт. *кер-*, башк. *кир-*, тат. *киер-*, тур. *ger-*, туркм. *гер-*, тув. *хер-*, чув. *хар-* ‘растягивать’, ‘натягивать’, ‘распяливать’, чув. *чатар кар-* ‘разбить палатку’; сюда же — тат. *кирәг* ‘каркас кочевой юрты из деревянных решеток или жердей’, туркм. *гереге* уст. ‘вьюк из разобранной кибитки и домашней утвари’, ‘ковер’, ‘одеяло’ (которое кладут на верблюжье седло), тур. *gergef* (< ? араб.), тат. *киергеч*, башк. *киргес*, чув. *каркас* ‘пяльцы’, также ‘пяло’ (для растягивания и просушки шкур).[20] Имея в виду соответствие мо. *г-* || тюрк. *к-(~г-)*, мы можем высказывать предположение, что тюрк. *кер-* ‘растягивать’ < **гэр-*, т. е. что в звуковом отношении оно идентично мо. *гэр* ‘юрта’ и что, по-видимому, оба эти слова — и тюркский глагол, и монгольское существительное — восходят к одному корню **гэр-* с глагольно-именной семантикой ‘растягивать’ ~ ‘ставить юрту’ ~ ‘юрта’. В таком случае мо. *гэр-гэй* этимологизируется как ‘та, которая ставит юрту’. В форме, исторически являющейся множественным числом, мо. *гергей* ~ *гер-ге-н* было заимствовано якутами (ср. як. *кӓргӓн* ‘семья’, ‘фамилия’, ‘дом’), а из якутского языка, в свою очередь, это слово, уже в якутской фонетической форме с начальным глухим согласным, было заимствовано эвенками; ср. эвенк. *кэргэн* ‘семья’, ‘хозяйство’, ‘дом’. Большой интерес представляет также тув. *херээжен* ‘женщина’, которое невольно ассоциируется с мо. *гэр-гэй* ‘жена’, дополнительно усложненным конечным слогом *-жен*. При наличии якутских «вторичных» форм множественного числа и сочетания *кӓргӓ-т-тӓр-ӓ ӡоно* ‘члены его семейства’ можно высказать предположение, что тув. *хөрээжен* < **гэр-э-гэ(н)+чон* ‘народ’, ‘население’; ср. тув. *ажылчы чон* ‘трудящиеся’.[21] Из тунгусо-маньчжурских параллелей можно было бы указать на ма. *гэрэн* ‘много’, ‘множество’, ‘все’, ‘толпа’, ‘ватага’, ‘партия’, ‘стая’, ‘общество’, ‘народ,’ ‘люди’, ‘счетное слово душ, людей’.

---

[19] Севортян. Афф. им., стр. 83—92.

[20] См.: Räs. EW, стр. 254, 255a; Егоров, стр. 90.

[21] По вопросу об этимологии тув. *херээжен* ‘женщина’ см. также: А. А. Пальмбах. Уч. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан, 1964, X, стр. 151—152.

Предложенная реконструкция тюрк. *кер-* ‘растягивать’ < **гер-* > мо. *гер* ‘юрта’ теряет свою убедительность, если принять как более надежную ранее предложенную параллель, а именно др.-тюрк. *ker-* ‘растягивать’, *ker-i-š-* ‘совместно растягивать’, перен. ‘тягаться’, ‘спорить’ || п.-мо. *kere-ldü-* ‘ссориться’, а также кор. *кель-да* (*кель-/р-*) ‘ссориться’.[22]

К сожалению, предлагаемая выше этимология мо. *гер-гей* ‘жена’ < *‘та, которая ставит юрту’ не находит аналогий на материале других алтайских языков, за исключением разве лишь ма. *сарҕан* ‘женщина’, ‘жена’ (<? **сара-ҕан*), если допустить, что последнее является производным от глагольной основы *сара-* ‘развертывать’, ‘раскрывать’, ‘расправлять’, ‘расставлять’, ‘распускать’ (зонт); ср. ма. *сара*, *сарачан* ‘зонт’.

В заключение нам хотелось бы остановиться на вопросе о заимствованной лексике, что необходимо иметь в виду при сравнительных исследованиях, поскольку «когда мы встречаем в нескольких языках, родственных или неродственных, слова, похожие и по форме и по смыслу, мы должны прежде всего спросить себя, не результат ли это заимствования одного языка у другого».[23] Более того, «если нет особых причин, мы должны считать сомнительным всякое сближение слов, не идущее дальше двух диалектов».[24] И наконец, «современный лингвист знает из индоевропейской лексики лишь небольшой запас общих терминов. . . Кроме того, лексика каждого индоевропейского языка существенно отличается от лексики любого другого языка той же семьи, и лишь у меньшинства слов каждого языка есть надежная индоевропейская этимология».[25]

Мы привели эти высказывания А. Мейе с тем, чтобы подчеркнуть, что в области алтаистики, как и в индоевропеистике, возникает немало трудностей, о которых исследователю необходимо помнить, если он отваживается пуститься в путь по непроторенным тропам сравнительно-лексикологических изысканий.

---

[22] R. SKE, стр. 104; P. Vergl., стр. 18, 79, 103, 124, 138; Räs. EW, стр. 254б.

[23] А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 381.

[24] Там же, стр. 383.

[25] Там же, стр. 285.

В. И. ЦИНЦИУС

К ЭТИМОЛОГИИ АЛТАЙСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Анализ лексического материала алтайских языков, который относится к тематическому разряду терминологии родства, позволяет дать суммарную характеристику этой группы слов как в лексико-семантическом, так и в фономорфологическом отношениях.[1]

В общем лексико-семантическом плане алтаистической номенклатуре, служащей для обозначения различных степеней родственных отношений, присущи довольно характерные черты.

1. По своему составу лексическая группа терминов родства невелика — в отдельно взятых языках она включает около трех десятков наименований.

2. Группа терминов родства подразделяется на термины кровного родства и термины свойства. Последние используются для обозначения родственных отношений, возникающих в связи с заключением брака. На их долю приходится примерно половина из указанного выше общего небольшого числа всех терминов.

3. Термины свойства большей частью выступают в роли вторичных по отношению к терминам кровного родства, т. е. в словообразовательном плане являются производными от последних; ср., например:

монг. *эцэг* ‘отец’—*хадам эцэг* ‘свекор’, ‘тесть’ (букв. ‘отец по браку’), *эх* ‘мать’—*хадам эх* ‘свекровь’, ‘теща’;

туркм. *ата* ‘отец’ — *гāйын ата* ‘свекор’, ‘тесть’, *эне* ‘мать’—*гāйын эне* ‘свекровь’, ‘теща’;

ма. *ама* ‘отец’—*ама-ҳа* ‘свекор’, *ам-ҳа* ‘тесть’, *эмэ* ‘мать’—*эмэ-кэ* ‘свекровь’, *эм-хэ* теща;

кор. *абэчжи, аби* ‘отец’—*си-абэчжи* ‘свекор’, *каси аби* ‘тесть’, *эмэни, эми* ‘мать’—*си-эмэни* ‘свекровь’, *каси эми* ‘теща’.

4. Большинство терминов родства и свойства в алтайских языках служат для обозначения довольно большого круга представителей различных поколений, причислявшихся по нормам существовавших прежде систем родства к одной брачно-возрастной группе, что откладывает на эти термины оттенок полисемантизма; ср., например:

---

[1] Предварительное сообщение о затрагиваемых здесь вопросах см. в статье В. И. Цинциус «Алтайские термины родства и проблема их этимологии» (ПОАЯз, стр. 127—138).

эвенк. *акин*, *акӣ*, *акā* обращ. ‘дядя’ (младший брат отца или матери); ‘брат’ (старший); ‘кузен’ (сын старшего брата отца или матери) и т. д.

5. В связи с естественным разделением полов многие из терминов выступают как коррелятивные слова-антонимы, из которых один член пары выступает как наименование для мужчин, а другой — для женщин соответствующей степени родства или свойства; например:

монг. *ах* ‘старший брат’—*эгч* ‘старшая сестра’;
башк. *ағай* ‘старший брат’—*апай* ‘старшая сестра’;
эвенк. *акин* ‘старший брат’—*экин* ‘старшая сестра’;
кор. *эрабэним* ‘старший брат’ (для сестры)—*нуним* ‘старшая сестра’ (для брата).

См. также приведенные в п. 3 термины «отец»—«мать», «свекор»—«свекровь», «тесть»—«теща».

6. Тематический разряд родственной номенклатуры характеризуется значительной устойчивостью. Доказательством может служить тот факт, что языковые подгруппы алтайской общности располагают своим набором терминов родства; ср., например, наименования «отец» и «мать»:

‘отец’ — общемонг. **этикэ* > п.-мо. *ečige*, монг. *эцэг*, бур. *эсэгэ*, калм. *ets°gə* ~ *etsgə* ~ *etskə*; общетюрк. **ата* > *ата* (аз., башк., казах., каракалп., кирг., тат., тур., туркм., уйг., др.-тюрк.), узб. *ота*, чув. *атте* ~ *ати*, алт., тув., хак. *ада* [2] (исключение — як. *аҕа* ‘отец’); общетунгусо-маньчж. **амин*; *амӣ* ~ *амā* > *ама*; кор. **аба* ~ *аби*;

‘мать’ — общемонг. **экэ* > п.-мо. *еке*, монг. *эх*, бур. *эхэ*, калм. *ek°*; общетюрк. (?) **эн'э* > **энэ̄* > **ана* (аз., гаг., казах., каракалп., тат., тур., уйг., др.-тюрк.), алт. *äнä*, башк. диал. *инәй*, як. *iҕä*, чув. *анне* [3] и т. д.; общетунгусо-маньчж. **эн'ин*, *эн'ӣ* ~ *эн'э*; кор. *эи*, *эми*, *эмэ-ни*.

7. Устойчивость отдельных терминов родства языков монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и корейского дает право исчислять их возраст (в том числе и на основании письменных памятников) многими столетиями.

8. Употребляясь в определенных значениях в пределах отдельных языковых подгрупп, многие наименования для мужчин и женщин являются вместе с тем бесспорно общеалтайскими; причем такой подход к ним позволяет уловить следы своеобразного развития и сдвигов в их семантике, ср., например:

мо. *экэ* ‘мать’ — т.-ма *экэ̄*, *экин* ‘тетка’ (младшая сестра отца или матери), ‘старшая сестра’ — мо. *экэ нэр* ‘женщина’;

ма. *эмэ*, кор. *эми* ‘мать’ — мо. *эмэ* ‘женщина’ и т. д.

---

[2] См.: Покровская, стр. 25—27.
[3] Там же, стр. 22—25.

9. Семантический диапазон родственной номенклатуры связывает ее с названиями животного мира, поскольку многие термины родства одновременно употребляются для обозначения самца и самки или, иносказательно, как подставные наименования таких животных, как медведь или тигр.

10. При всей тенденции к устойчивости терминов родства, они в условиях тесных экономических и культурных контактов, в частности при заключении браков между представителями различных народностей, могут заимствоваться. Примерами служат соответствующие монголизмы в якутском языке, якутизмы и русизмы — в языках тунгусо-маньчжурских, китаизмы — в корейском и маньчжурском и т. д.

В фономорфологическом отношении термины родства и свойства также характеризуются рядом своеобразных особенностей.

1. У некоторых терминов прослеживаются пережиточные явления смыслоразличительной функции оппозиции твердорядных и мягкорядных гласных *а—э*; ср., например:

ма. *ама* 'отец'—*эмэ* 'мать', эвенк. *акā* 'старший брат' — *экэ̄* 'старшая сестра', эвен. *атā* 'бабка'—*этэ̄* 'дед'.

2. Для терминов родства характерно наличие вокативных форм, которые представлены несколькими разновидностями:

а) аббревиированные основы, иногда с эмфатической долготой и расширением конечного гласного; ср., например:

эвенк. *амā*, *амӣ* обращ. 'папа'—*амин* 'отец' (склоняемая основа);

б) вокативные формы с общеалтайским суфф. *-й (-j)*,[4] например:

бур. *аха-й* 'братец', 'господин,' тат. *ага-й* 'дядюшка', эвенк. *ака-й* 'братец', 'дядюшка';

в) вокативные формы с суффиксом множественного числа, например:

нан. *агā-на* 'братья', *амā-на* 'отцы';

г) косвенно-вокативные формы при обращении супругов друг к другу с употреблением терминов «отец» или «мать» с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа, например:

нег. *Марья ами-нин* (~ *эн′и-нин*) 'отец (~ мать) Марьи', тат. *ана-сы* ~ *эни-сы* 'мать' (его, ее), башк. *ата-һы* 'отец' (его, ее) и т. д.

3. В словообразовательном отношении значительная часть родственных названий является производной от небольшой группы как бы первичных терминов, которые выступают в роли производящих основ и которые для современного состояния алтайских языков представляются корневыми основами. При этом имеются

---

[4] Покровская (стр. 80) отмечает, что в звательной форме с афф. *-й (-j)* употребляются термины родства, обозначающие старших родственников, и что указанная форма включает в себя оттенок почтительного обращения к старшим.

Горно-Алтайская областная БИБЛИОТЕКА.

как аффиксальные вторичные образования, так и возникшие путем словосочетания, словосложения и последующего сращения входящих в данную словесную группировку полнозначных (а также служебных) слов.

4. Специфика семантики родственной номенклатуры откладывает отпечаток своеобразия также и на функцию словообразующих средств языка. В качестве примеров можно указать на формы уменьшительные и заместительные, а также обладания—необладания, которые в алтайских языках занимают положение переходное от формообразования к словообразованию и в группе терминов родства скорее тяготеют к последней роли.

5. Словообразовательная функция форм уменьшительно-почтительных (общеалтайский суфф. *-кā*, *-кэ̄*, *-кāн*, *-кэ̄н*) проявляется, в частности, в использовании их для филиации значений по возрастной линии или по полу; например:

эвенк. *эн'э̄* ‘мама’ — *эн'э̄-кэ̄* ‘бабушка’, ма. *эмэ* ‘мать’ — *эмэ-кэ* ‘свекровь’, *эм-хэ* ‘теща’, монг. *эм(э)* ‘женщина’ — *эмэ-гэ* ‘бабушка’, тел. РСл *äнä* ‘мать’ — *äнä-кä* ‘бабушка’, ‘матушка’;

эвенк. *бэйэ* ‘человек’, ‘мужчина’ — *бэйэ-ткэ̄н* ‘мальчик’, *асī* ‘женщина’ — *аса-ткāн* ‘девочка’, эвен. *н'āрī* ‘мужчина’ — *н'āрī-кāн* ‘мальчик’;

п.-мо. *нојап* ‘князь’ — *ноја-хап* ‘княжна’, *кеї* ‘сын’ — *кеї-кеп* ‘дочь’.

6. Формы замещения в родственной номенклатуре служат для обозначения лиц, исполняющих роль кровных родственников. Они образуются либо аффиксальным путем, либо при помощи сочетаний с особыми словами; например:

эвенк. *амин* ‘отец’ — *ами-рāн* ‘отчим’, *эн'ин* ‘мать’ — *эн'и-рэ̄н* ‘мачеха’, *hутэ* ‘ребенок’ (сын, дочь) — *hутэ-рэ̄н* ‘пасынок’, ‘падчерица’, аз. *ата* ‘отец’ — *ата-лыҕ* ‘отчим’, *ана* ‘мать’ — *ана-лыҕ* ‘мачеха’, *оҕул* ‘сын’ — *оҕул-луҕ* ‘пасынок’, *ҕыз* ‘дочь’ — *ҕыз-лыҕ* ‘падчерица’, также *гардаш-лыҕ* ‘сводный брат’, *бачы-лыҕ* ‘сводная сестра’;[5]

монг. *эх* ‘мать’ — *хойт эх* ‘мачеха’, *эцэг* ‘отец’ — *хойт эцэг* ‘отчим’, *хүү* ‘сын’ — *хойт хүү* ‘пасынок’, *охин* ‘дочь’ — *хойт охин* ‘падчерица’,[6] башк. *ата* ‘отец’ — *үгэй ата* ‘отчим’, *инэй* ‘мать’ — *үгэй инэй* ‘мачеха’, *ул* ‘сын’ — *үгэй ул* — ‘пасынок’, *кыҙ* ‘дочь’ — *үгэй кыҙ* ‘падчерица’.[7]

7. Формы обладания в алтайских языках образуются суффиксальным путем, тогда как формы необладания в большинстве

---

[5] См.: Покровская, стр. 55.

[6] В монгольских языках п.-мо. *хоіtu*, монг. *хойт*, бур. *хойто*, которое в сочетании с терминами родства принимает значение «неродной», переводится обычно словами ‘следующий’, ‘последующий’, ‘второй’, ‘будущий’, ‘задний’, ‘северный’.

[7] Подробней о тюркском термине *үгей* и его вариантах см.: Покровская, стр. 54—57. Этимологически слово *үгей* ставится в связь с др.-тюрк. *өг* ‘мать’ (стр. 55).

случаев представляют собой аналитические образования из сочетаний наименований предмета необладания с отрицанием ‘без’, ‘не имеющий кого-либо или чего-либо’ или нередко хранят явные следы недавнего сращения с последним; ср., например:

эвенк. *асӣ-чӣ* ~ *аһӣ-чӣ*, *аһи-лкӑн*, эвен. *асӣ-лкӑн*, нан. *аси-ӷу/о* ‘женатый’ — эвенк. *асийа ӑчин* ~ *аһийа ӑчин*, эвен. *ач асӣла*, нан. *аси анӑ* ‘холостой’, монг. *эхнэр-тэй*, бур. *эхэнэр-тэй* ‘женатый’ — монг. *эхнэр-гүй* ‘холостой’, тур. *öksüz*, тат. *уксез* ‘сирота’ — др.-тюрк. *ög* ‘мать’, *ögsüz* ‘без матери’, ‘сирота’.

8. Значительную роль в обогащении родственной номенклатуры в алтайских языках играло словосочетание и словосложение. Именно таким способом передаются понятия «родители», «супруги», «братья», «сестры», «братья и сестры», а также «дети», «деды», «бабки», «родственник по браку» и т. д.

9. В этой группе может быть выделено несколько словообразовательных подтипов с устойчивыми моделями.

9.1. Антонимические парные сочетания с совокупно-собирательным значением. Сюда могут быть отнесены следующие случаи: а) «родители» по модели «мать+отец» или «отец+мать», например: эвенк., эвен., нег. *энтӣл амтӣл* ‘матери+отцы’=‘родители’, п.-мо. *eke ečige*, монг. *ех эцэг*, бур. *эхэ эсэгэ*, калм. *ekᵊ etsᵊgo χojɾ* ‘мать+отец’=‘родители’, др.-тюрк. *ana ata*, *ana baba*, тур. *ana baba*, туркм. *эне-ата*, ‘мать+отец’ = ‘родители’, п.-мо. *ečige eke*, др.-тюрк. *ata ana*, тат. *ата-ана*, башк. *ата эсэ*, чув. *атте анне*, як. *аҕа-ийэ* ‘отец + мать’ = ‘родители’; б) «дети» по модели «сын + дочь» ~ «мальчик+девочка», например др.-тюрк. *oγlan kïz*, *oγul kïz* ‘мальчик+девочка’=‘дети’, тат. *ул-кыз* ‘сын+дочь’=‘дети’; в) «супруги» по модели «муж+жена», например п.-мо. *ere ete*, узб. *эр-хатун*, казах. *ерли-катынды*, кирг. *ерди-катын*, тат. *ирле-хатынлы*, башк. *ирле-катынлы* ‘супруги’; г) «братья» по модели «старший + младший», например: нан. *ӑ-нэу*, п.-мо. *аха degüü*, монг. *ах дүү*, бур. *аха дүү*, др.-тюрк. *aγa ini*, туркм. *ага-ини*, тат. *агай-эне* ‘братья’; д) «сестры» по модели «старшая+младшая», например: тат. *апалы-сеңелле* ‘сестры’; е) «братья и сестры» по модели «старший брат+младшая (сестра)» или «старшая сестра+младший (брат)», например: п.-мо. *аха degüü* ‘брат и сестра’, тат. *апалы энеле* ‘старшая сестра с младшим братом’.

9.2. Синонимические парные сочетания с обобщенным значением, например: *п.-мо. üre keüked*, *nilxa keüked*, *nilxa baγačud*, ‘дети+дети’=‘дети’, др.-тюрк. *urï oγlan*, *urï oγul* ‘мальчик+мальчик’=‘сын’, ‘мужское потомство’, *uruγ özlüg*, *uruγ qadaš*, *uruγ tarïγ* ‘род, потомство+родственник’ =‘родня’, п.-мо. *ail aimak* ‘соседи’, ‘родственники’.

9.3. Присоединительные парные сочетания, например: п.-мо. *ači üre*, монг. *ач үр*, бур. *аша үрэ* ‘внук+ребенок’=‘потомство’, др.-тюрк. *qïz quduz* ‘девушки и женщины’, тат. *ата баба*

'отец+дед'='предки', *аналы балалы* 'мать с ребенком', туркм. *энели гыз* 'мать с дочкой', кор. *эи-ттал* 'мать и дочь'.

9.4. Определительные лексикализованные сочетания по следующим моделям: а) со словом «большой», «старший» при образовании наименований лиц по восходящей линии, например: ма. *сақда аǯа* 'старушка', 'матушка', ср. *аǯа-ҳа id*; тат. *дәү әни* 'бабушка', *дәү эти* 'дедушка', казах. *улы ата*, кирг. *улу ата* 'дед' (*дәү*, *улы* 'большой'); б) со словом, обозначающим родство по браку, например: монг. *хадам эх* 'свекровь', теща', *хадам эцэг* 'свекор', 'тесть'; кирг. *кайын ата*, казах., каракалп. *қайын ата*, тат. *каенната*, узб. *қайната*, туркм. *гайын ата* 'тесть', 'свекор', кирг. *кайын эне*, казах., каракалп. *қайын ене*, тат. *каенана*, узб. *қайнана*, туркм. *гайын эне* 'теща', 'свекровь'; в) со словом для указания на лицо, исполняющее роль кровного родственника, например: монг. *хойт эх* 'мачеха', башк. *угэй ата* 'отчим'; г) со словами для обозначения женского или мужского пола в наименованиях для человека или самок и самцов животных; употребляется также с названием некоторых предметов. Примеры: ма. *хэхэ урсэ* 'женщины', *хэхэ кэсикэ* 'кошка', *хэхэ тоҳон* 'петля пуговицы', монг. *эм хүн* 'женщина', *эм ямаа* 'коза', *эм товч* 'петля', *эм эрэг* 'гайка', тат. *ана* 'мать', *ана каз* 'гусыня', *ана каптырма* 'петелька для крючка', кор. *эма ни* 'мать', *ам-со* 'корова', *ам-данчху* 'петля для пуговицы', *ам- наса* 'гайка'.

Ниже нам хотелось бы поделиться результатами первых опытов сравнительно-исторического анализа и возможной этимологии нескольких терминов родства на материалах алтайских языков. При этом термины, которые, по нашему мнению, восходят к одной и той же корневой морфеме, рассматриваются в разделе, в подзаголовке которого указана форма реконструируемого корневого элемента, а именно: **эмэ-*,[8] **эн'э-/и-*, **экэ-(*э-кун)*, **эбэ-/*эпэ-* **аба-/*апа-*, **эти-/*ати-*, **эрэ-*, *эдэ-(эдӣ-)*, **ака-(*а-кун)*, **пӱрэ-*.[9]

****эмэ-.*** В тунгусо-маньчжурских языках термины родства и свойства́ с корнем **эмэ* имеются в маньчжурском и, в виде заимствований, в нанайском языке.

В маньчжурском языке гнездо слов с корнем **эмэ* невелико, и основное семантическое ядро его составляет понятие «мать». Но при этом именно в маньчжурском все лексемы данного гнезда

---

[8] Раздел с корневым элементом **эмэ-* из предлагаемой здесь серии сравнительно-исторических анализов алтайских терминов родства был помещен в качестве примера в упомянутой выше статье В. И. Цинциус «Алтайские термины родства и проблема их этимологии» (ПОАЯз, стр. 133—138). В предлагаемой здесь публикации расширены данные по корейскому языку и помещены соответствующие нивхские и юкагирские параллели.

[9] Раздел с корневым элементом **пӱрэ-* был прочитан как доклад на XI сессии PIAC (Permanent International Altaistic Conference), состоявшейся в Дании (Хорсхольм, 1968 г.), и опубликован в виде статьи под названием «К этимологии слова „ребенок“ в тунгусо-маньчжурских языках» в «Acta Orientalia», XXXII, 1970, стр. 279—289.

по своему фономорфологическому облику находят полный параллельный ряд терминов-антонимов для лиц мужского пола. В основе этой оппозиции лежит фонологическое противопоставление гласных *э—а*; ср.:

	эмэ 'мать'	*ама* 'отец'
	эмэ-кэ 'мать мужа' (свекровь)	*ама-қа* 'отец мужа' (свекор)
	эм-хэ 'мать жены' (теща)	*ам-ҳа* 'отец жены' (тесть)
Сюда же:	*эми-лэ* 'самка'	*ами-ла* 'самец'

В бикинском говоре нанайского языка *эмэ* 'мать' < ма. Более широко представлено в нанайских говорах второе заимствованное слово этого же корня, а именно куро-урмийское *эмхэ* 'теща', 'свекровь', найхинское *эӈпэ* 'свекровь' < **эхмэ* < ма. *эмхэ*, которое, как и найхинское *аӈпа* 'свекор' < **ахма* < ма. *амҳа*, отягощено метатезой согласных и их взаимной регрессивно-прогрессивной ассимиляцией в соответствии с характерными для данного говора нанайского языка нормами консонантных сочетаний.

В корейском языке интересующему нас термину свойственно то же значение «мать», как и в маньчжурском, и, кроме того, «самка»; ср. кор. *эми* 'мать', 'самка', *эмэм* 'мать', *эмани* ~ *эмэни* 'мать', 'матушка', *эмма* детск. 'мама', *эмэним* 'мамочка'. Этот же термин мы обнаруживаем в корейском языке в роли второго компонента сложных слов, частично сходных по значению с приведенными выше маньчжурскими производными от корня **эмэ*, причем они также находят структурную параллель в мужских терминах антонимах; ср.:

эми 'мать', 'женщина', 'самка'	*аби* 'отец'
эмэни [*эмэ-ни*] 'мать'	*абэчжи* 'отец'
эмэним [*эмэ-ним*] 'мамочка'	*абэним* 'папочка'
хальмэни [*халь-(э)мэ-ни*] 'бабушка'	*харабэчжи* 'дедушка'
хадэми [*хад-эми*] 'замужняя женщина'	*хадаби* 'женатый мужчина'
ыбудэми [*ыбуд-эми*] 'мачеха'	*ыбудаби* 'отчим'
сиэмэни [*си-эмэ-ни*] 'мать мужа'	*сиабэчжи* 'отец мужа'
касиэми [*каси-эми*] 'мать жены'	*касиаби* ~ *касиабэчжи* 'отец жены'
кхын-эмэни 'тетка' (жена старшего брата отца)	*кхын-абэчжи* 'дядя' (старший брат отца)
чагын-эмэни 'тетка' (жена самого младшего брата отца)	*чагын-абэчжи* 'дядя' (самый младший брат отца)
ачжумэни [*ачжу-(э)мэ-ни*] 'тетка' (родственница отца или матери)	*ачжэсси* 'дядя' (родственник отца или матери)

Термины *хальмэни* 'бабушка' и *харабэчжи* 'дедушка' в качестве первого компонента включают атрибутивную (причастную) форму (*халь-*/*хар-*) ныне не употребляемого глагола *ха-да* 'быть большим',[10] т. е. образованы по модели «большая мать», «большой

[10] R. SKE, стр. 59.

отец». По той же модели образованы термины *кхын-эмэни* ‘тетка’ и *кхын-абэчжи* ‘дядя’, в состав которых входит атрибут *кхын* ‘большой’, от *кхы-да* ‘быть большим’; ср. *чагын-эмэни* ‘тетка’ и *чагын-абэчжи* ‘дядя’ с атрибутивным компонентом *чагын* ‘маленький’ от *чагы-да* ‘быть маленьким’. В терминах *ачжумэни* ‘тетка’ и *ачжэсси* ‘дядя’ выделяется компонент **aža-*, употребляемый при названиях родства по отцовской линии.[11]

Г. Рамстедт считал возможным связать с корнем *эмэ* не только кор. *эмэни* ‘мать’, но и префиксальное словечко *ам-* ‘самка’, например; кор. *ам-со* ‘корова’, *ам-тхак* ‘курица’.[12]

Кроме того, Г. Рамстедт привлек для сопоставления с кор. *эмэ* также п.-мо. *ete* ‘женщина’, ‘жена’, ‘самка’, *etegen* ‘старуха’, *ete tobči* ‘петля для пуговицы’.[13]

Уместность привлечения монгольских параллелей с корнем **эмэ* для сопоставления их с корейским и маньчжурским не вызывает сомнения, но для наших целей их следует проанализировать подробнее.

Общими для п.-мо. *ete* (мн. ч. *etes*), монг. *эм*, бур. *эмэ*, калм. *eṃ* являются значения «женщина», а также, в сочетании с названиями животных, «самка», например:

п.-мо. *ete takijā*, монг. *эм тахиа*, бур. *эмэ тахяа*, калм. *eṃ takā* ‘курица’; ср. также: п.-мо. *ete kütün*, монг. *эм хүн*, бур. *эмэ хүн*, калм. *eṃ kün* ‘женщина’ (самка + человек).

Что касается значения «жена», то оно несвойственно бурятскому, для современного же монгольского считается устаревшим, хотя и встречается в устойчивых словосочетаниях, например:

п.-мо. *ere ete xojor*, монг. *эр эм хоёр* ‘муж и жена’, п.-мо. *ere ete bol-*, монг. *эр эм боло-* ‘стать мужем и женой’, ‘пожениться’.

Далее, в упомянутых монгольских языках от корня **ete ~ эмэ* образована производная уменьшительно-почтительная форма с суфф. *-gen* < **-kēn*, а именно:

п.-мо. *ete-gen* < **ete-kēn*, монг., бур. *эмгэн*, калм. *eṃgn̥* ‘старуха’.

Также:

п.-мо. *etege* < **etekē*, *etege eke* парн., монг. *эмгээ*, *эмээ*, *эмэг*, *эмэг эх* парн., бур. вост. *эмгэй* ‘бабушка’; ср. калм. *eṃgə* ‘бабушка’ (с отцовской стороны).

От основы приведенных существительных образуется в свою очередь глагол с суфф. *-ra*, *-re* ~ *-pa*, *-pэ*, *-p*, со значением становления:[14]

п.-мо. *etege-re-*, монг. *эмэгрэ-*, бур. *эмгэр-*, калм. *eṃgɾ-* ‘стареть’, ‘стариться’ (? о женщине).

---

[11] Там же, стр. 16.
[12] Там же, стр. 9, 54.
[13] Там же.
[14] О значении суффиксов см.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 137, п. 9; П. Бур., стр. 191, п. 8.

Приводимые ниже отыменные глагольные основы также являются регулярными производными с суффиксом уподобления *-čila*, *-čile* ~ *-чла*, *-члэ* и с суффиксом применения *-la*, *-le* ~ *-ла*, *-лэ*: [15]

п.-мо. *eme-čile-*, монг. *эм-члэ-*, калм. *emtšil-* ‘поступать по-женски’;

п.-мо. *eme-le-*, монг. *эм-лэ-* ‘жить как с женщиной’, ‘заниматься педерастией’.

Приведем также вторичное отыменное образование с суфф. *-saγ*, *-seg* ~ *-саг*, *-сэг* со значением имени склонности: [16]

п.-мо. *eme-seg*, монг. *эм-сэг*, калм. *emsəG* ‘бабник’.

Вместе с тем в монгольских языках имеется несколько производных именных основ, которые принадлежат к рассматриваемому гнезду слов, но морфологический анализ которых не представляется столь же простым. Сюда относятся:

п.-мо. *emegtei* ‘женщина’, ‘жена’, *emegtei nökür* парн. ‘жена’, ‘супруга’, монг., бур. *эмэгтэй* ‘женщина’;

п.-мо. *emegčin*, монг. *эмэгчин*, калм. *emәktšn̥* ‘самка’;

п.-мо. *emegelǯi* ‘дух — хранитель дома’, ‘богиня — покровительница детей, приносящая здоровье и счастье’.

Для первого слова напрашивается прежде всего следующее морфологическое членение:

п.-мо. *emeg-tei*, монг., бур. *эмэг-тэй* ‘женщина’; ср.: п.-мо. *ereg-tei*, монг., бур. *эрэг-тэй* ‘мужчина’.

В таком случае мы имеем широко известную для монгольских языков форму обладания с суфф. *-tai*, *-tei*; ср.: п.-мо. *eme-tei*, монг. *эм-тэй* ‘имеющий жену’, ‘женатый’. За вычетом суфф. *-tai*, *-tei* ~ *-тай*, *-тэй* остается производящая именная основа **emeg-* ~ *эмэг-*. Эта вычлененная предполагаемая основа близко напоминает приводившееся выше п.-мо. *emege*, монг. *эмэг(э)* ‘бабушка’, но форма обладания *emege-tei* означает ‘имеющий бабушку’, тогда как семантика слова *emeg-tei* ‘женщина’ требует другого содержания, а именно ‘имеющая что-л. свойственное женщине’, ‘обладающая чем-л. характерным для женщины’.

Попытаемся провести морфологическое членение второго существительного:

п.-мо. *emeg-čin*, монг. *эмэг-чин* ‘самка’; ср.: п.-мо. *ereg-čin*, монг. *эрэг-чин* ‘самец’.

В данном случае мы, по-видимому, имеем дело с суфф. *-čin* ~ *-чин*, который указывает на то, что лицо (деятель) имеет отношение к предмету, значение которого содержится в производящей основе; ср.: п.-мо. *ažil-čin* ‘трудящийся’ от *ažil* ‘труд’. [17]

Следовательно, в обоих последних случаях, т. е. и для п.-мо. *emeg-tei* ‘женщина’ и для *emeg-čin* ‘самка’, предполагаемая произ-

---

[15] Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 138, п. 12: стр. 135, п. 1.
[16] Там же, стр. 108, п. 9.
[17] Там же, стр. 106, п. 2.

водящая основа *emeg-* может быть, во-первых, только именной и, во-вторых, должна обозначать нечто специфически присущее женской особи, существу женского пола.

Поскольку ни в монгольских, ни в тунгусо-маньчжурских, ни в корейском языках мы не находим соответствующих данных, попробуем обратиться к материалам тюркских языков.

Действительно, недостающее звено, как нам думается, обнаруживается в нескольких тюркских языках. Сюда относятся:

др.-тюрк. *emig* ~ *emik*, сарыг-югурск. (ж.-уйг.) *етыҕ* 'грудь', тув. *емиг*~*ämiҕ* 'грудь', 'сосок', 'вымя'.

Приведенное существительное тюркологами рассматривается как отглагольное имя, образованное от основы *ет-* ~ *эм-* 'сосать' (грудь) с помощью суфф. *-(а)г/к*, который обладает очень широкой семантикой (процесс, носитель процесса, орудие, средство, объект, результат, место действия и их признаки).[18]

В других тюркских языках существительное «грудь» (женская), «сосок» образуется с суфф. *-чаг*, *-чэк* и его вариантами, например: аз. *эм-чэк*, туркм. *эм-җек*, узб. *эм-чак*, казах. *ем-шек*, кирг., алт. *эм-чек*, хак. *им-чек*, тур. *em-cik*.[19]

Отметим, что в турецком языке имеется параллельная форма *em-zik* 'сосок', 'соска', а также *emik*(*g*) 'красное пятно на коже' (от сосания).[20]

В якутском языке существительное *ӓм-сӓх* ~ *ӓмі-сӓх* означает 'соска', 'рожок для кормления', тогда как 'женская (кормовая) грудь', 'сосок' передается формой *ӓміі* ~ *ӓмір*, и именно последнюю Э. К. Пекарский сопоставил с тув. *ӓмі̄г*.[21]

В связи с нашей темой интерес представляет еще ряд тюркских производных, связанных с названиями для женской груди, например: др.-тюрк. *emik-däs* 'молочный брат или сестра', тув. РСл *ӓмиг-дӓш*, кирг. РСл *ӓмшӓк-тӓс* 'молочный брат'.[22] Обращают на себя внимание также як. *ӓмӓгӓт* ~ *ӓмігӓт* [< мо. мн. ч. *emeged* 'бабушки' от *emege* 'бабушка'] 'дух — покровитель шамана и як. *ӓмӓ̄хсін*[23] [< мо. *emeg-čin* 'самка'] 'старуха', 'бабушка',

---

[18] См.: Севортян. Афф. им., стр. 200—206, 214—215. Отметим кстати, что и в монгольских языках имеется словообразовательный суфф. *-γ*, *-g*, с помощью которого от глагольных основ образуются имена предмета со значением результата или объекта, например: п.-мо. *biči-g* 'письмо' от *biči-* 'писать' (см.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 94, п. 5; П. Бур., стр. 81, п. 1).

[19] Севортян. Афф. им., стр. 185—188.

[20] Л. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. 1931, стр. 283, 285.

[21] Пекарский, т. I, стр. 256, 260.

[22] Ср. интересные лексические параллели: *kökäl-taš*, *kökür-daš* и т. д. 'молочный брат', тождественные семантически и структурно др.-тюрк. *emik-däš* и приводимые у Дёрфера, стр. 481—482.

[23] См.: Калужиньский, стр. 16, 26, 80, 117; як. *сімӓхсін* (стр. 80) сопоставляется с п.-мо *šibegčin* 'служанка'. Калужиньский отмечает, что як. суфф. *-хсін* < мо. *γčin*, *-gčin* встречается редко и является непродуктивным и что мо. суфф. *-γčin*, *-gčin* обозначает не только масть самок животных.

'жена', 'оспа', которые в парном сочетании *ämägät ämāxsin=abāsы ämāxsin=ǯaba bāba* означают 'сказочная старуха, питающаяся человеческим мясом и похищающая детей'; ср. также *sімäxsin ämāxsin* фольк. 'старуха служанка-коровница, чистящая хлев'.

Но особый интерес представляют тюркские формы обладания с афф. *-lik, -lïq*,[24] которые в тюркских словарях обычно переводятся смысловыми оборотами, не адекватными морфологической структуре слова; ср., например, др.-тюрк. *emiklik* [*emik-lik*] 'кормящая грудью' (букв. 'имеющая грудь для сосания'), ср. тур. *emik-li* 'с соском', 'с горлышком' (о кувшине и пр.), 'кормящая грудью; [25] туркм. *эмзик-ли* 'кормящая' (о женщине), 'грудной' (о ребенке). В сущности, такую же морфологическую модель мы имеем в п.-мо. *emeg-tei* 'женщина', а также ма. *эми-лэ* [? < **эмиг-лэ*] 'самка'. Что касается п.-мо. *emegčin*, то нашей попытке членения **eme-g-čin‖ere-g-čin* монголистами противопоставляется более привычное *eme-gčin*.[26] Но все же мы считаем возможным отождествлять морфологическую структуру п.-мо. *emeg-tei* и др.-тюрк. *emiklik*, т. е. рассматривать их как одинаковую модель. Поскольку же др.-тюрк. *em-ik* рассматривается как производное от глагольной основы *em-* ~ *эм-* 'сосать' (грудь), а п.-мо. *emegtei* и *emegčin* относятся к гнезду слов с корневой основой *eme* ~ *эмэ* 'женщина', 'жена', 'самка' ~ ма., кор. 'мать', то мы вправе предложить следующую семантическую реконструкцию этого общеалтайского корня: **эм(э)-* 'сосать (мать)' ~ 'мать' (женская половозрелая особь — та, которую сосут)[27] (см. схему на стр. 26).

В свое время мною было высказано предположение, что ма. *эмэ* 'мать' и кор. *эм'эни* с тем же значением могут быть не только сопоставлены с п.-мо. *eme* 'женщина', как это было указано Г. Рамстедтом, но также с тюрк. *эм-* 'сосать', тур. *em-zir-* 'кормить грудью' и, следовательно, первоначально «женщина», «мать» могло означать «кормящая грудью».[28] Однако это высказывание было скорее интуитивным. Теперь же этимология соответствующих терминов уточнена на основании детального сравнительного морфологического анализа. Кстати отметим, что полную морфологическую и семантическую параллели тюркским каузативным (по-

---

[24] Об аффиксе обладания *-лы, -li* см.: Севортян. Афф. им., стр. 53—77. О турецком аффиксе обладания см.: Кононов, §§ 100.1; 105, 144, 218.6; 237—238, 240, 259—260.

[25] Л. А. Магазаник. Турецко-русский словарь, стр. 285.

[26] См. выше ссылку на работу Калужиньского. Аналогичную точку зрения высказал и Г. Кара, любезно поделившийся своими сомнениями по поводу правомерности членения типа *eme-g-čin*.

[27] В связи с предлагаемой нами этимологией слова *эмэ* 'мать' заслуживает внимания мнение, что две точки в китайском иероглифе, служащем для обозначения понятия «мать», изображают грудь (сосцы женщины) (см.: П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики. Владивосток, 1902, стр. 42).

[28] В. И. Цинциус. Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов. Уч. зап. ЛГПИ, т. 269. Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1965, стр. 223—224.

Алт. **эм(э)-*
'сосать (мать)' ~ 'мать' (та, которую сосут, — женская половозрелая особь)

кор.
эми 'мать' — *эмэ-ни* 'мать' — *халь-мэни* 'бабушка'
ам 'самка' — *ам-ёмсо* 'коза' — *си-эмэни* 'свекровь'

ма.
эмэ 'мать' — *эм-хэ* 'теща' — *эмэ-кэ* 'свекровь'

мо.
эмэ 'женщина, жена, самка' — *эмэ кӳмӳн* 'женщина' — *эмэ имаɣан* 'коза'
**эми-* — *эми-лэ* 'самка'
эмэгэ(н) 'бабушка' — *эмэг-чин* 'самка'
**эмэг* 'грудь' — *эмэг-тэй* 'женщина'

тюрк.
эм(э)- 'сосать грудь'
эм-ик 'грудь' — *эмик-ли(к)* 'кормящая грудью'
эм-ǯик 'соска' — *эмǯиг-ли(г)* 'кормящая грудью'
(букв. 'имеющая грудь, сосцы для сосания')

нудительным, побудительным) формам от глагола *эм-* (*~em-*) 'сосать грудь' типа тур. *em-dir- ~ em-zir-*, тув. *эм-зир-* 'давать сосать грудь', 'кормить грудью' и т. д. мы можем наблюдать в аналогичном по значению глаголе монгольских языков; ср.:

п.-мо. *kökü-*, монг. *хөхө-*, бур. *хүхэ-* 'сосать грудь', п.-мо. *kökü-gül-*, монг. *хөхүүлэ-*, бур. *хүхүүл-* 'давать сосать грудь' ~ 'давать грудь' ~ 'кормить грудью', п.-мо. *kökü-n*, монг. *хөх(өн)*, бур. *хүхэ(н)* 'грудь (женская)', 'сосок', монг. *хөхтөн* 'млекопитающие'.

При этом монг. *хөхтөн* [*хөхтөн* < *хөх(өн)* + *төн*] 'млекопитающие' структурно идентично тюрк. *emik-lik* 'кормящая грудью', т. е. 'имеющая грудь, сосцы для кормления'.

Для тунгусо-маньчжурских языков каузативные формы этих глаголов являются архаическими; ср.:

эвенк. *уку-*, эвен. *өк-* [< **öкү-* < **кöкү-*] 'сосать грудь', эвенк. *уку-в-*, эвен. *өк-у-* [< **öкү-в-* < **kökü-b-* < **kökü-bü-*] 'давать сосать грудь' ~ 'кормить грудью', эвенк. *уку-н*, эвен. *өкэ-н* [< **öкү-н* < **kökü-n*] 'грудь (женская)'.

В дополнение к приведенным выше лексическим данным, связанным с корнем **эмэ*, нельзя не указать, что среди тюркских языков в чувашском, при наличии в нем общетюркского глагола *эм-* 'сосать грудь', имеется и существительное *ама* 'мать', 'самка', 'пчелиная матка', диал. *аму* 'твоя мать', *амаше* 'его, ее, их мать'.[29]

К алтайским терминам с корневой морфемой **эм(э)* тяготеют также нивх. *умгу* 'женщина' и *ымык* 'мать' ~ при обращении *ымыка* 'мама' (матушка). Структурно нивх. *ымык* ~ *ымыка* полностью соответствует п.-мо. *emege* < **emekē* 'бабушка' и ма. *эмэкэ* 'мать мужа', *эмхэ* 'мать жены'; ср. нивх. *утку*

[29] См.: Егоров, стр. 25.

ымык ‘свекровь’ (букв. ‘мужа мать’) и *умгу ымык* ‘теща’ (букв. ‘жены мать’). Что же касается нивх. *умгу* ‘женщина’, то прежде всего отметим, что в сочетании *умгу оԉла* оно означает ‘девочка’, ‘дочь’ (букв. ‘женщина-ребенок’, ‘ребенок женского пола’), с местоименным же префиксом служит для передачи понятия «жена», например нивх. *н′умгу* ‘моя жена’ (букв. ‘моя женщина’); ср. эвенк. *асӣ* ‘женщина’, с притяж. суфф. *асӣ-в* ‘моя жена’. Вместе с тем нивхское существительное «женщина» по своему составу является сложным словом, в котором губная огласовка гласного первого компонента возникла под регрессивным влиянием губного гласного *у* второго члена, т. е. нивх. *умгу* < **ум-гу* < **эм-гу(н)* < **эмэ кун*; ср.: калм. *em̆ kīn*, монг. *эм хүн*, бур. *эмэ хүн* < **эмэ кун* ‘женщина’ (букв. ‘женщина-человек’, ‘женского пола человек’ ~ ‘самка-человек’). Иными словами, нивх. *умгу* представляет собой лишь фонетический вариант развития парного слова типа мо. **эмэ кун*.

Нивхское название для женской груди и глагол «сосать» фонетически также довольно близки к рассматриваемому корневому элементу **эмэ-*; ср. нивх. *мотъ* ‘женская грудь’, *момодь* ‘сосать’, *момос* ‘соска’.

Наконец, в колымском диалекте юкагирского языка «мать» обозначается термином *ämiä*, сходным с ма. *эмэ*.[30]

****эн′э-/и-***. Термин «мать» с корнем **эн′э-/и-* более характерен для тунгусо-маньчжурских языков, чем *эмэ-*, и представлен во всех без исключения языках этой группы. Что касается других алтайских языков, то он не менее типичен для тюркских.[31]

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков для этого термина следует различать форму обращения и форму склоняемой основы, которая характеризуется узким гласным последнего слога и наличием конечного носового согласного *н*; ср.: [32]

эвенк. *эн′и ~ э′н′э—эн′ин-* ‘мама—мать’, эвен. *эн′и ~ эн′э, эн′иӈэ—эн′ин-*, сол. *эн′э—энӣ* (*энин*), нег. *эн′эй—эн′ин-*, ороч. *эн′и*, уд. *энииӈэ—эни(н-)*, ульч. *эн′э, эн′эй—эн′-*, орок. *энэ ~ эннэ—эни(н-)*, нан. *эн′иэ, эн′иэнэ—эн′ӣ* (*эн′и(н-)*), ма. *эн′э*, чж. *ôh-nîng*.

Гнездо слов, связанных по своему корню с термином *эн′э—эн′ин* ‘мать’, в тунгусо-маньчжурских языках довольно обширно.

В первую очередь здесь следует указать на две подгруппы производных терминов родства.

Одна из них представлена в основном наименованиями женщин старшего поколения, куда входят не только «бабушка», т. е. «мать отца или матери», но также «тетки» — «старшие сестры отца или матери» и пр.; ср.:

---

[30] См.: Г. Н. К у р и л о в. О терминах родства и свойства́ тундренных юкагиров. Советская этнография, 1969, № 2, стр. 93.

[31] См.: Покровская, стр. 22—25.

[32] На первом месте парных форм приводится форма обращения.

эвенк. *эн'ӣкӣ*, *эн'экӣн*, *эн'ичӣн*, нег. *эн'экӣн*, *эн'эккӣн*, *сагди эн'э* ‘бабушка’ (мать отца или матери, а также старшая сестра отца или матери), ульч., нан. *эн'экэ* ‘мачеха’, нан. *дӣн'а* [< **дай + эн'э*]—*дӣн'ин* [< **дай + эн'ин-*], *сагӯэн'э* ‘бабушка’ (мать отца или матери, а также старшая сестра отца).

Эвенкийский и негидальский термин «бабушка», к которому по форме примыкает ульчский и нанайский со значением «мачеха», образованы с помощью уменьш. суфф. *-кӣ*, *-кӣ*, *-кӣн*, *-кӣн*, *-чӣн*, *-чӣн*.

Негидальское сочетание *сагди эн'э* и нанайское стяженное *сагӯэн'э* дословно означают ‘старая ~ старшая мать’.

Наконец, нан. *дан'а—дӣн'ин* представляют собой слияние слов **дай* ‘большой’ и *эн'э—эн'ин-* ‘мама ~ мать’, причем гласные второго слова по закону сингармонизма перешли из мягкого в твердый ряд.

Ядро второй подгруппы составляет термин «мачеха»:

эвенк. *эн'ирӣн* ‘мачеха’, ‘свекровь’, ‘кормилица’, эвен. *эн'рӣни*, нег. *эн'ийӣн* [< **эн'ирӣн*], орок. *энирэ(н-)* ‘мачеха’, ма. *баниркэ эн'э*, *банӯиркэ эн'э* ‘мачеха’, *араӯа эн'э* ‘названная (усыновившая) мать’; ср. нан. *эн'ирэ(н-)* ‘самка’ (зверя).

Эвенкийское, эвенское, негидальское и орокское наименование мачехи образовано при помощи суфф. *-рӣн(и)*, *-рӣн(-и)* со значением замещения, который употребителен не только в отношении терминов родства; ср., например, эвенк. *асӣ* ‘жена’—*асӣрӣн* ‘любовница’, *hокто* ‘дорога’, ‘путь’—*hокторӣн* ‘тропа’. Этот суффикс близок по своему звучанию и значению маньчжурскому глаголу *ара-* ‘делать, творить, делать вид, принимать звание, имя, исправлять должность’; причастие прошедшего времени данного глагола выступает в роли определения в маньчжурском сочетании *ара-ӯа эн'э* с близким к понятию «мачеха» значением ‘названная мать’.

Нанайское существительное *эн'ирэ(н-)* ‘самка’, совпадающее по форме с эвенк. *эн'ирӣн* ‘мачеха’, вводит нас в смежную область значений слов с корнем **эн'э ~ эн'и*, куда должны быть отнесены названия женских взрослых особей животных. Здесь, так же как и для производных терминов родства, намечаются две подгруппы.

Для первой из них прежде всего характерно название самки лося:

эвенк. *эн'ӣчӣ ~ эн'ӣтэ*, эвен. *эн'икчӣн*, нег. *энин*, уд. *эни*, ма. *эн'эн* ‘самка лося’.

Названия второй подгруппы в основном служат для обозначения самки рыб:

эвенк., нег. *энэн*, ороч. *энэ*, эвен. *энэкчӣн*, уд. *энэ'эсэ* [< **энэкчэн*], ульч. *эннэ* [< **энинэ*], нан. *энинэ* ‘самка рыб’.

Дополнительно могут быть указаны также следующие наименования:

эвенк. *энтӣ* ‘важенка с теленком’, нег. *эн′ихэн* ‘самка соболя’, ма. *эн′эхэ индаҳун*, *эн′эхэн ~ энихун* ‘самка собаки’.

Таким образом, семантическое ядро корня **эн′э ~ *эн′и* в тунгусо-маньчжурских языках составляет понятие «мать» не только по отношению к человеку, но и к животным.

Именно с последним значением приводится в словарях кор. *эи* [< **эн′и*] ‘мать’ (самка животных), которое Г. Рамстедт сопоставил с тунг. *эн′э ~ эн′и*, як. *ijä* и чув. *аӈпе*.[33] Впрочем, в парном употреблении кор. *эи-тталь* ‘мать и дочь’ прослеживается и другая сторона семантики этого слова.

В корейском языке имеется еще несколько существительных, в составе которых может быть выделен первый слог *ан-* со значением ‘жена, женщина’, например *анэбэи* вежл. ‘мать’, при *эбэи* ‘родители’, *анбанъ* ‘женская половина дома’, *анхэ* ‘жена’. Правда, Г. Рамстедт, который приводит последнее слово еще в формах *anak*, *annak*, *anä*, считает, что его следует поставить в связь с корейским послелогом *ан* ‘в, внутри’, а этот последний — с тунг. *анги* ‘правый’ (о руке, стороне).[34] Вместе с тем кор. *анхэ* ‘жена’ поразительно напоминает нивх. *аньх* ‘самка’, *аньх н′умгу*, *ан′гей* ‘жена’, которые Е. А. Крейнович не без основания сопоставляет с тунгусо-маньчжурскими *эн′э*.[35]

Переходя к рассмотрению тюркских данных, следует прежде всего, в связи с корейской и нивхской огласовкой *ан′-* вместо *эн′-*, отметить, что в этой группе алтайских языков интересующий нас термин родства имеет двоякую огласовку — либо с гласным *е* (*э*, *ä*), либо с *а*, а в некоторых из тюркских языков, в частности в казах., каракалп., тат., узб., уйг., употребляется параллельно два варианта: *ана* и *эне*‖*ине*, причем за первым (*ана*) прочно закрепилось значение «мать», тогда как второй (*эне*‖*ине*) может иметь другое значение, например казах. *ана* ‘мать’, *ене* ‘свекровь, теща’.[36]

Отметим также, что в тундренном диалекте юкагирского языка для передачи понятия «мать», служит слово *эн′иэ* < тунг.[37]

***экэ.** К терминам, с которыми в алтайских языках связываются значения «мать»—«женщина»—«жена»—«самка» (производительница), помимо слов с корневыми элементами **эмэ-*, **эн′э-* относятся также лексемы с корнем **экэ-*.

В первую очередь здесь следует привлечь материалы монгольских языков, в которых пока не удалось выявить широко представленные в других алтайских группах образования с корнем **эн′э-*.

---

[33] R. SKE, стр. 52.
[34] Там же.
[35] Е. А. Крейнович. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели. Институт языкознания АН СССР. ДАН, VIII, 1955, стр. 158.
[36] Покровская, стр. 22.
[37] Курилов. О терминах родства, стр. 93.

Монголисты давно уже обратили внимание на интересное в семантическом и морфологическом отношении явление, которое состоит в том, что существительное, совпадающее по своему облику с корнем *eke*, обладает значением «мать», тогда как в форме *eke-ner*, исторически являющейся не чем иным, как множественным числом, оно означает «женщина», «жена»; [38] ср.:

п.-мо. *eke* (мн. ч. *ekes*) 'мать', *eke ečige* парн. 'родители', *eke nilxa* 'мать и дети', *xadam eke* 'свекровь', *xoitu eke* 'мачеха', *ekener* 'женщина', 'жена', *ekener keüken* 'женщины и дети', *ekenertei* 'женатый', *ekener ügei* 'холостой';

монг. *эх* 'мать', 'матка' (самка-производительница у животных), *эх эцэг* парн. 'мать и отец', 'родители', *хадам эх* 'свекровь', *хойт эх* 'мачеха', *эх мал* 'матка', 'маточное поголовье' (скота), *эхлээр* 'вместе с матками' (быть, находиться — о молодняке), *эхнэр* 'жена', 'замужняя женщина', *эхнэргүй* 'неженатый', 'холостой';

бур. *эхэ* 'мать', *эхэ эсэгэ* парн. 'мать и отец', 'родители', *хадам эхэ* 'свекровь', *хойто эхэ* 'мачеха', *эхэнэр* 'женщина', 'жена', *эхэнэр хүн* 'женщина', *эхэнэр зон* 'женщины';

калм. *ekᵊ* (мн. ч. *ekᵊs*, *ekᵊnr̥*) 'мать', *ekᵊ etsᵊgə xojr̥* 'мать и отец'.

Из тунгусо-маньчжурских языков лишь нанайский, ульчский и орокский как бы дублируют монгольскую модель множественного числа со значением «женская особь»; ср.:

нан., ульч., орок. *эктэ* (< **эк-тэ* < **экэ-тэ*) 'особь женского пола', 'женщина', 'самка' (мн. ч. нан. *экэ-сэл*, *экэ-р*, ульч. *экэ-сэл(и)* ~ *экэ-л(и)*, орок. *экэ-л* ~ *эккэ-л*), нан. *эктэ эǯə̃* 'царица', *эктэ хон'ũ* 'овца', ульч. *эктэ пиктэ* 'девочка' (< *эктэ* + *пиктэ* 'ребенок'), орок. *эктэ путтэ* 'девочка', *эктэ мапа* 'медведица'.

Вместе с тем термин родства для лиц женского пола с корнем **экэ-* ~ **эки-* широко представлен в тунгусо-маньчжурских языках, но с иной семантикой: он употребляется для обозначения женщин класса «старших сестер», куда относятся не только старшие сестры говорящего, но также младшие сестры отца или матери, т. е. тетки. Приведем этот термин в форме обращения и склоняемой основы:

эвенк. *экӣ* ~ *экə̄—экин-*, сол. *эхэ—эхũ*, эвен. *экə̄* ~ *экӣ—экэн*, нег. *эгэ* ~ *эхэ* ~ *экэ* ~ *эхӣ*, *эхэй* ~ *экэй—эхин-* ~ *экин-*, уд. *эхэ—эхи(н-)* 'сестра старшая', 'тетка' (младшая сестра отца или матери), ороч. *эгэ* ~ *экэ* ~ *эхэ—эки(н-)* 'сестра старшая', 'невестка' (жена старшего брата), ульч. *эгэ* ~ *эйкэ* (? < **экэй*)—*эйэ-ни*, орок. *эгэ* ~ *эйгэ* ~ *эйүэ* ~ *эјкэ* ~ *эјэ* (? < **экэй*), нан. *эгэ* (мн. ч. *эгə̄нэ*)—*эйкэ* (? < **экэй*) 'сестра старшая', ма. *эйун* 'старшая сестра'.

Лишь в говоре эвенов Быстринского района на Камчатке термин *экэ—экэн* означает 'мать', тогда как *эн'и—эн'ин* — 'бабушка'.

---

[38] См., например: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 77—78.

Впрочем, в монгольских языках фонетическая разновидность со звонким согласным также употребляется со значением «старшая сестра»; ср.:

п.-мо. *egeči* (мн. ч. *egečiner*) ʻстаршая сестра’, ʻстаршая’ (по возрасту), *egeči degüü* ʻсестры’, *egečimed* ʻстаршая’, ʻпожилая’;

монг. *эгч* ʻстаршая сестра’, *эгч дүү нар* ʻсестры’, ʻсестры и младшие братья’; *эгчмэд* ʻстаршая’, ʻпожилая’;

бур. *эгэшэ* ʻстаршая сестра’, *эгэшэг* грамм. уст. ʻгласный (звук)’;

калм. *ektšį* (мн. ч. *ektšįs*, *ektšįD*, *ektsįsūD*, *ektšįdūD*) ʻстаршая сестра’, *ektšįməD* ʻсамая старшая из сестер’.

Что касается тюркских языков, то этот термин с комплексом значений, идентичным тунгусо-маньчжурским, отмечен в древнетюркском; ср. др.-тюрк. *ekä* ʻстаршая сестра’, ʻтетя’,[39] *ekälä-* ʻназывать старшей сестрой’, сюда же — *ekäč* ласкательное слово, употребляемое по отношению к смышленой девочке.[40] Вместе с тем в якутском языке указанное слово имеет твердорядную огласовку; ср.: як. *aҕac* [< мо. **egeči*] ʻстаршая родственница по отцу’, ʻстаршая сестра’, ʻтетка’ и т. п., ʻстаршая годами девица или женщина’, ʻпревосходящий других в каком-л. отношении’, *mai aҕac* ʻстаршая родственница по матери’, *aҕасыккаі* ласк. ʻсестричка’, чув. *акка*, *аки* (< ? *акай* обращ.) ʻстаршая сестра’, ʻтетка’ (сестра отца или матери), ʻсестра бабушки со стороны отца’, *акам* ʻназванная сестра’, ʻподруга-сверстница’ (букв. ʻсестрица моя’).[41] Так как последний термин по звучанию совпадает с термином, употребляемым в других тюркских языках в отношении лиц мужского пола (старший брат, отец и т .д.), то некоторые авторы отмечают, что «такое семантическое расхождение терминов *ага*‖*ака* в чувашском языке с другими тюркскими языками объяснить пока очень трудно»,[42] в то время как другие считают чувашскую твердорядную огласовку явлением, развившимся позднее, т. е. что чув. *акка* < **экэ*.[43]

Вместе с тем в древнетюркском зарегистрирован термин «мать» в огубленной мягкой огласовке *ög*, которая отмечается также в парном сочетании *ög qaŋ* ʻмать и отец’, ʻродители’, а также в производных *ögdäš* ʻбратья по матери’, *ögük* ʻдитя’ и *ögsüz* ʻсирота’ (букв. ʻбез матери’, ʻматери не имеющий’), причем последнее пережиточно сохраняется в ряде тюркских языков до наших дней; ср.: тур. *öksüz*, тат. *уксэз* ʻсирота’.[44]

По-видимому, с др.-тюрк. *ög* ʻмать’ связано п.-мо. *ükin* ~ *ökin* ~ *okin*,[45] монг. *охин* ʻдочь’, ʻдевочка’, *өхүй* ʻстаршая сестра’,

---

[39] Ср.: Дёрфер, стр. 190.
[40] Ср. там же, стр. 191.
[41] Ср: Егоров, стр. 23.
[42] Покровская, стр. 35.
[43] P. Vergl., стр. 55, 103.
[44] Покровская, стр. 55.
[45] Монгольские формы см. также: Дёрфер, стр. 167.

бур. *γхин* 'девица', 'девушка', бох. 'ребенок'; ср.: *γхибγγн* 'ребенок', 'дитя', *γхибγγд* 'дети', 'детвора'.

Сюда же тяготеют (?) эвенк. *укучэ̄н* ~ *укэчэ̄н*, эвен. *уки* 'самка' (собаки, лисицы, волка, соболя, песца), нег. *ухи* ~ *уки* 'самка выдры', *ухэчэ̄н* ~ *укэчэ̄н* 'самка' (собаки, лисицы, соболя), ороч. *вэ̄чкэ* ~ *уача*, ульч. *вэ̄чэ* ~ *вэчэкэ(н-)* ~ *уэчэ(н-)* 'самка собаки', уд. *гуас'а* [< **укэчэн*] 'самка' (волка, соболя, белки, горностая, бурундука, колонка, лисы), нан. *вэчэ̄* (< **укэчэ̄н*) 'самка собаки', *вуэрэ* 'самка пушного зверя' (соболя, колонка, норки), ма. *уки* 'самка' (выдры, бобра).

****эпэ/*эбэ-; *апа-/*аба-***. Анализ терминов, в которых двусложная корневая морфема в общеалтайском плане представлена интервокальным губным согласным, вызывает некоторые затруднения. Трудности заключаются, во-первых, в немотивированном смещении соответствий гласных *а* ~ *э*, во-вторых, в наличии или глухого, или звонкого согласного и, в-третьих, в связанности с тем или иным фонетическим обликом слова обозначения лиц мужского или женского пола. Впрочем, и другие корневые морфемы, типа **ака-/*ага-*— **экэ-/*эгэ-*, **ата-/*этэ-* дают сходную картину. Кстати, тенденция к подобным мутациям особенно характерна для тюркских языков.

Следы фонетической и семантической оппозиции по признаку мягкорядности—твердорядности прослеживаются на материале отдельных монгольских языков:

п.-мо. *aba*, монг. *ав*, бур. *аба* 'отец', 'батюшка'; сюда же — бур. *хадам аба* 'свекор'; *абай* обращ. уст. 'батюшка!', 'матушка!', 'любезный!', 'голубчик!';

п.-мо. *ebei* < **epei*,[46] калм. *ewɛ̄*, даг. *ə̣wə̣* ~ *əwō*, бур. зап. *иибии* 'мать', 'матушка', даг. также 'жена старшего брата отца'; ср. монг. *эвий* 'самка выдры'.

По существу, мягкорядная разновидность корня **эбэ-* < **эпэ-* в терминах, служащих для обозначения лиц женского пола, в монгольской группе исчерпывается приведенными данными, тогда как корень **аба-* обладает известной продуктивностью; ср.:

п.-мо. *abaγa* < **abakā*,[47] монг. *авга*, бур. *абга*, калм. *awγɒ* 'дядя' (по отцу), бур. также почтительное обращение к старшим.

Следует отметить, что в этой форме термин может сочетаться с другими терминами (служа определением) как при обозначении мужчин, так и женщин, например:

п.-мо. *abaγa axa*, монг. *авга ах* 'дядя по отцу';

п.-мо. *abaγa egeči*, *abaγa eke*, монг. *авга эгч*, бур. диал. *абга эгэшэ*, *абга эзы* 'тетка по отцу'.

В остальных производных от корневой морфемы **аба-* различение по полу стирается или даже смещается в группу обозначения лиц женского пола; ср.:

[46] P. Vergl., стр. 43, 128.
[47] Там же, стр. 56.

п.-мо. *abuγai* ‘почтенный’, ‘батюшка’ (почтительный феодальный эпитет при обращении к старшим), монг. *авгай* ‘замужняя женщина’, ‘пожилая женщина’, бур. *абгай* почтит. обращ. к старшим (вообще), к старшей сестре, ‘старшая сестра’, ‘невестка’ (жена старшего брата), диал. ‘старший брат’, *нагаса абгай*, *хадам абгай* диал. ‘шурин’ (брат жены), *абгайхан* ‘невестка’ (жена старшего брата);

п.-мо. *abaxai*, монг. *авхай*, бур. зап. *абхай*, калм. *awxā* ‘девушка’, ‘барышня’;

п.-мо. *abisun*, монг. *авьсан*, бур. вост. *абьһан*, калм. *awsn̥* ~ *äwsn̥* ‘невестка’ (жена одного брата по отношению к жене другого брата).

Наконец, в форме *абай* ~ *абагай* этот термин входит, в виде второго из слагаемых, в состав сложных слов, а именно:

монг. *баавай*, бур. *баабай* ‘отец’, ‘папа’, бур. диал. ‘старший брат’, ‘старшая сестра’, ‘предок’.

Ср.: п.-мо. *babaγai* ~ *baγabaγai*, монг. *баавгай*, бур. *баабгай* ‘медведь’.

Вместе с тем в отношении мужчин старшего поколения (старик, дед, прадед) употребляется и мягкорядная лексема, причем в некоторых монгольских языках с огубленными гласными:

п.-мо. *ebüge* ‘дед’, *ebügen* ‘старик’ [< **epükēn*],[48] монг. *өвгөн*, *өвгөн хүн* ‘старик’, *өвгөд хөгшид* парн. ‘старики’, ‘отцы’, бур. *үбгэ(н)* ‘старик’, ‘старец’, *үбгэн хүн*, *үбгэн баабай* ‘дед по отцу’ (букв. ‘старый отец’), *үбгэн аха* почтит. обращ., *үбгэ эсэгэ* парн. ‘старики’, ‘деды’, ‘предки’, *үбгэд хүгшэд* парн. ‘старики’, ‘старое поколение’, ‘старики и старухи’, *үбгэ һамган* ‘муж и жена’, ‘супруги’, калм. *öwgn̥* ‘старик’; ср.: як. *äbігä* ~ *öbүгä* ~ *өмүгä* ‘предки’, ‘прадеды’, ‘прабабки’, ‘дальние родственники’ (по происхождению от общего предка), ‘медведь’.[49]

В тюркских языках в качестве двух автономных лексических единиц принимаются формы *аба* и *ана*.[50] Это находит свое основание в том обстоятельстве, что последняя разновидность, т. е. термин с глухим губным согласным, служит для обозначения старших родственниц — иначе говоря, лиц женского пола, тогда как первая преимущественно относится к мужчинам; ср.:

др.-тюрк. *апа* ‘старшая родственница’, ‘старшая сестра’, *аба* ‘мать’, башк., тат. *ана*, *анай*, чув. *анна* ‘старшая сестра’, ‘тетя’, казах., кирг. *ана*, узб. *она* ‘старшая сестра’, ‘мать’, казах. *анай* обращ. ‘сестра’ (старшая), каракалп. *ана* ‘старшая сестра’, *үлкен ана*, *аше ана* ‘тетка’, туркм. *ана* ‘тетя’, уйг. *ана* ‘старшая сестра’, аз., тур. *абла* ‘старшая сестра’.

---

[48] Реконструкцию см.: P. Vergl., стр. 103, 132.
[49] См. также: Дёрфер, стр. 109—111.
[50] Покровская, стр. 29—32.

Вместе с тем в башкирском, татарском и якутском языках для обозначения лиц женского пола имеются также термины со звонким губным и мягкорядной огласовкой; ср.:

башк. *әбей* ‘тетка’ (старшая сестра отца или матери), ‘бабушка’ (старуха), тат. *әби* ‘бабушка’, диал. ‘теща’, ‘повитуха’, ‘ведущий в игре’, *әби-бабай* парн. ‘предки’, *әби-чаби* собир. пренебр. ‘старухи’, як. *ӓбӓ* ‘бабушка’ (мать отца или матери, сестра матери), почтит. ‘старушка’, ‘местность’ (в пути), ‘медведь’.

башк., тат. *әбекәй* ‘бабушка’, ‘бабуся’, як. *ӓбӓкӓ* ласк. о мае месяце, *ӓбӓккӓ* ‘бабуся’, *ӓбӓн* ‘пожилая, средних лет женщина’, ‘старая матка’ (кобыла).

Что касается формы *аба*, то она в общем охватывает понятие «старший родственник», которое складывается из отдельных более узких и конкретных понятий — «старший брат», «отец», «дядя по отцу», «старший брат жены», «дед», «предок»,[51] перен. «медведь»; ср.:

др.-тюрк. *aba* ‘медведь’, туркм. разг., тел., шор., саг. *аба* ‘отец’, дж. *аба* ‘предок’, кирг. ‘дядя по отцу’, кирг. фольк. обращ. к старикам, *абыгай* обращ. ‘дядя’ (к старшему), РСл *аба* ‘старший брат’, саг., койб., РСл *аба* ‘медведь’, алт. *абаай-абагай* ‘старший брат’ (обращ. к сородичу), ‘медведь’, тат. *абый* ‘дядя’ (обращ. к старшему), ‘старший брат’.

Также производные с афф. *-ка* || *-ҕа*: РСл *абака* ‘батюшка’, ‘дядя’ (брат отца), *абаҕа* ‘дядя’ (брат отца), як. *абаҕа* ‘дядя’ (старший брат отца), уйг. РСл *абуҕа* ‘дядя’ (младший брат отца) и пр.[52]

Интересны производные от основы *аба-*/*абы-* с афф. *-зын*||*-сын*, которые, как и в монгольских языках, употребляются женами братьев или других родственников как обращение друг к другу: [53]

тел. *абызын*, казах., кирг., хак., шор. *абызын*||*абысын*, башк. *апһын*, узб. *овсин*, казах., кирг. *абысын-ажын* парн.; ср. др.-тюрк. *abï-* ‘скрывать, прятать’.

Имеются также термины с афф. *-тай*:

башк., тат. *абыстай* обращ. ‘жена муллы’, ‘тетя’, тат. также ‘старшая сестра’, казах. РСл *абыстаі* ‘старшая сестра’, ‘родственница’ (обращ. к старшим женщинам).

Женские термины с афф. *-зын*|*-сын*|*-һын* рассматриваются как производные от форм с афф. *-з*, например: [54]

---

[51] Там же.

[52] Сводку тюркских терминов с основами *аба*, *абаҕа*, *авака*, *абышка* и перечни их значений см. также: Севортян, стр. 18—21. Автор считает, что тюрк. *аба* — «производное, образованное афф. *-а* в значении носителя процесса от глагола **аб-*; ср.: *ав-* ‘быть престарелым’ (РСл, I, 67)» (стр. 18). Вместе с тем Г. Дёрфер (стр. 107—108) высказывает сомнение относительно общеалтайского характера этой основы, склоняясь к тому, что для тюркских языков подобные термины скорее являются монгольскими заимствованиями.

[53] Покровская, стр. 31.

[54] Там же.

кирг., казах. РСл *абыз* ‘священник’, ‘мулла’, казах. *абызцан ағаі* — так жена старшего брата называет младшего брата мужа, *абыз біағаі* — так жена младшего брата называет старшего брата мужа, тат. *абзый* ‘просвещенный’, ‘грамотный’ (о мулле), ‘дядя’ (старший брат, мужчина, старший по возрасту).

В тюркских языках, как и в монгольских, имеется также сложное слово, состоящее из элементов *ба-* + *(а)ба(й)* со значением «отец» или «дед», «предок»; ср.:

др.-тюрк. *baba*, тур. *baba*, гаг. *боба*, хак. *баба* ‘отец’, аз., башк., каракалп., тат., узб., уйг. *баба* ‘дед’, туркм. *баба* ‘дед со стороны матери’;[55]

тат. *бабай* ‘старик’, ‘дед’, ‘дядя’ (старший брат отца или матери), ‘тесть’, обращ. к мужчине пожилого возраста.

Что касается тунгусо-маньчжурских языков, то в одних случаях лексика с корнями **эбэ-*, **аба-* несомненно является заимствованной из тюркских (якутского) или монгольских языков, в других же вопрос о заимствовании остается открытым. Так, термины, служащие для обозначения лиц женского пола, употребляемые главным образом в восточных говорах эвенкийского языка, безусловно представляют собой якутизмы, но вряд ли это можно утверждать для языков Приамурья; ср.:

эвэ̄, *эвэкэ̄* ~ *эбэкэ̄* [< як.], *эвэлэй* ‘бабушка’ (вместо тунг. *эн'экэ̄*), *эбэрэ̄* И ‘свекровь’, ‘невестка’, ‘свояченица’ (жена старшего брата), перен. ‘медведь’, *эбэй* [< як.], *эбэчӣ* С, С-Б ‘медведь’, нег. *эвэхэ* [< як.] ‘теща’, ороч. *эукэ* ‘невестка’ (жена старшего брата), ульч. *эвкэ* ~ *эукэ*, орок. *эвэ*, нан. *эукэ* [< **эвэкэ̄*] ‘невестка’ (жена старшего брата), ‘тетка’, ‘мачеха’, ма. *окэ* [< **эукэ*] ‘тетка’ (жена младшего брата отца).

Термины с корневой морфемой *аба-* ~ *абу-* выступают как якутизмы в западноэвенских говорах и являются монголизмами в солонском языке. Но, употребляясь как форма обращения к отцу в удэйском, при наличии одновременно общего тунгусо-маньчжурского слова *ами(н)-*, а также служа в маньчжурском для передачи понятий «небо», «бог», «божество», «погода», «день», эти слова не находят объяснения в факте непосредственного заимствования; ср.

эвен. зап. *абага* [< як.] ‘дед’, сол. *аба*, *абаи* [< мо.], уд. *абуга* обращ. ‘отец’, ма. *абқа* [< **аб(у)га* ~ **аб(а)га*] ‘небо’, ‘бог’, ‘божество’, ‘погода’, ‘день’, *абқа ҳан* ‘верховный владыка’, ‘бог’, будд. ‘Хормуста’, ‘император’.[56]

Предположительно к гнезду слов с корнем **аба-* ~ **абу-* можно отнести характерный для тунгусо-маньчжурских языков термин «старший зять», фонетический облик которого вполне до-

---

[55] Там же, стр. 25—26.

[56] О сопоставлении ма. *абка* ‘небо’ с п.-мо. *abuγai*, монг. *авгай* ‘почтенный’ см. также: Рамстедт, стр. II, 207.

пускает эту параллель, тогда как наличие афф. *-с(и)* напоминает структурно тюрк. *абыз*; ср.:

эвенк., нег. *авус*, эвен. *āвас* (мн. ч. *āваснил*) ~ *āвус* ~ *āваh* 'зять' (муж старшей сестры), 'дядя' (муж младшей сестры отца или матери), ороч. *ауси*, уд. *ауhи* (< **авуси*), ульч. *ауси* (мн. ч. *аусил(и)*), нан. *аоси* (мн. ч. *аосиана*) 'зять'; ср. ма. *эфу* (мн. ч. *эфутэ*) 'зять' (муж старшей сестры).

Корейские формы для обозначения понятия «отец», производные от корня *аба-*, были сопоставлены с монгольскими и тюркскими Г. Рамстедтом;[57] ср. кор. *абани*, *абаним* разг., *абачжи*, *абэни*, *абэним*, *абэчжи*, *абэм*, *аби* 'отец', *аппа* 'папа'. Слово «отец» является вторым компонентом ряда сложных слов, например кор. *харабэди* 'дед' и т. д. (см. выше, стр. 21).

Алтайским терминам с корнями *эпи-* и *аба-* ~ *абу-* близки юк. *эпиэ* 'тетка' (старшая сестра отца) и *абут'иэ* 'бабушка' (мать отца или матери), 'тетка' (жена старшего брата отца или матери); последний термин юкагироведами считается сложным и состоит из *абуй* 'старшая сестра' (колымск. диал.) + *(э)т'иэ* 'отец' (колымск. диал.).[58]

Сюда же тяготеет нивх. *апак* (< **апа-ка*) 'тесть'.

Отвлекаясь от семантических переплетений рассмотренных терминов, для которых в целом характерно обозначение лиц старшего поколения как мужского, так и женского пола, всё их фономорфологическое разнообразие можно свести к двум подтипам (без губного гласного и с огубленным гласным второго слога), восходящим, по-видимому, к четырем отдельным праформам, а именно:

$$\frac{*а\text{-}па\text{-}й \rightarrow аба(й) \rightarrow аби \sim аба\text{-}га(й) < *аба\text{-}кā(й) \parallel абуга < *а\text{-}буга}{*э\text{-}пэ\text{-}й \rightarrow эбэ(й) \rightarrow эби \sim эбэ\text{-}гэ(й) < *эбэ\text{-}кэ̄(й) \parallel эбӱ\text{-}гэ(н) < *э\text{-}пӱ\text{-}кэ̄(н)}$$

Отделенные в праформах гласные первых слогов *а-*, *э-* первоначально имели либо самостоятельное значение, служа для передачи представления о мужском и женском начале, либо выступали как префиксы вежливости [59] при обращении. К вычленению этого элемента побуждает, в частности, монгольский феодальный эпитет *абугай*, который в маньчжурском, с выпадением гласного второго слога, имеет форму *абка* < **а-буга* и означает 'небо', 'погода', 'день', 'божество', 'верховный владыка', т. е. второй компонент которого по форме и значению совпадает с обще-тунгусо-маньчжурским **буга*; ср.: эвенк. *буγа*, эвен. *буγ*, нег. *боγа*, нан. *боа* и т. д. 'небо', 'мир', 'вселенная', 'местность', 'страна',

---

[57] R. SKE, стр. 3.

[58] Курилов. О терминах родства, стр. 93. Е. А. Крейнович сопоставляет юк. *абут'иэ* с камас. *абиjо* (см.: Юкагирский язык. М.—Л., 1958, стр. 235).

[59] О префиксе вежливости в маньчжурских терминах см.: P. Schmidt. Chinesische Elemente im Mandschu. Asia Major, VII, 4, 1932, стр. 599.

'природа', 'погода', 'божество'; ср. также аналогичный комплекс значений в п.-мо. *tŋgri* 'небо', 'погода', 'небожитель', монг. *тэнгэр*, бур. *тэнгэри* 'небо', 'погода', 'гром', 'бог'; ср. также кор. *ханыль* ~ *ханаль* ~ *хануль* 'небо' и *хананим* 'бог', т. е. *хана(ль)* 'небо'+показатель почтительности *-ним* (также *аба-ним* 'отец', *эмэ-ним* 'мать' и т. д.).[60]

***эти-/*ати-.** Термины родства́ и свойства́ с корнем **эти-/*ати-* представлены в трех группах — тунгусо-маньчжурской, монгольской и тюркской.

Фономорфологическая структура этих терминов в тунгусо-маньчжурской группе довольно прозрачна, хотя по семантике они отличаются от монгольских и тюркских. При этом прежде всего следует отметить, что от корня с мягкой огласовкой **эти-* образуются мужские наименования, тогда как с твердым гласным в форме **ати-*, напротив, — женские.

Наиболее простыми по своей структуре являются эвенкийские и эвенские формы обращения, отличающиеся эмфатической долготой и расширением конечного гласного; ср.:

эвенк. *этэ̄* 'старик', эвен. вост. *этэ̄* (мн. ч. *этэнил*) 'дед', 'дедушка', 'дядя' (старший брат отца или матери);

эвенк. *атӣ* 'старуха', эвен. *атā* (мн. ч. *атанил*) 'бабушка'.

Шире представлены формы с уменьш. суфф. *-кāн*, *-кэ̄н*:

эвенк. *этиркэ̄н* (*этирӣкэ̄н* С, *этирӣн* С-Б, *эттикэ̄н* Сх), сол. *этиккэ̄* ~ *этиркэ̄* ~ *этхэ̄*, эвен. *этикэ̄н*, нег. *этикэ̄н* ~ *этихэ̄н* ~ *этухэ̄н* 'старик', перен. 'муж', нан. *эчэ*, *эчэкэ*, *эксэ* [< **эскэн* ~ < **эсикэн* < **эчикэн* < **этикэ̄н*] 'дядя' (младший брат отца), ма. *эчигэ* [< мо. *ečigē* < **этикэ̄*], *эчикэ* (мн. ч. *эчикэ сэ*), *эсхэн* (мн. ч. *эсхэ тэ*) [< **эсикэн* < **эчикэн* < **этикэ̄н*] 'дядя' (младший брат отца).

С этой же корневой основой связан термин свойства́, характерный для тунгусской группы, а именно:

эвенк., эвен., нег. *эткӣ* (< **этикэі*) 'свекор' (отец мужа), 'тесть' (отец жены), эвен., нег. также 'деверь' (старший брат мужа), 'шурин' (старший брат жены).

Приведем соответствующие лексические данные, служащие для обозначения лиц женского пола:

эвенк. *атиркāн* (*атирин* С-Б, *аттикāн* Сх), сол. *атиккā*, нег. *атикāн* ~ *атихāн* ~ *атухāн*, эвен. *атикāн* 'старуха', перен. 'жена', уд. *атига* (< **атикан*) 'женщина', 'жена', 'самка' (кабана, рыси, выдры и др.), *ат'а мафа*, *ат'а буи* 'медведица'; ср.: эвенк., эвен., нег. *атакӣ*, нан. *атаӷа мама*, ульч. *атан'ӷа* 'паук', ма. *ату* 'самка рыб', *атуха* 'самец рыб'.

---

[60] Об элементе *-ним* см.: Г. Рамстедт. Грамматика корейского языка. Перевод с английского. М., 1951, стр. 216.

эвенк., эвен., нег. *аткӣ* (< **атикаі*) ‘свекровь’ (мать мужа), ‘теща’ (мать жены), эвен., нег. также ‘золовка’ (старшая сестра мужа), ‘невестка’, ‘свояченица’ (старшая сестра жены).

В монгольских языках термин с корнем в мягкой огласовке **эти-* выступает со значением ‘отец’:

п-мо. *ečige* [< **etikē*],[61] монг. *эцэг*, бур. *эсэгэ*, калм. *ets°gə* ~ *etsgə* ~ *etskə* ‘отец’.

Сочетания этого термина с соответствующими определениями образуют ряд новых терминов родства и свойства́, относящихся к лицам мужского пола:

п.-мо. *ebüge ečige*, монг. *өбөг эцэг*, бур. *убгэ эсэгэ* ‘дед’ (отец отца, букв. ‘старый отец’);

п.-мо. *xoito ečige*, монг. *хойт эцэг*, бур. *хойто эсэгэ* ‘отчим’ (букв. ‘следующий отец’);

п.-мо. *xadam ečige*, монг. *хадам эцэг*, бур. *хадам эсэгэ*, калм. *xadm̥ ets°gə* ‘свекор’ (отец мужа), ‘тесть’ (отец жены, букв. ‘отец по браку, по свойству’).

Парное сочетание с термином-антонимом со значением «мать» служит для передачи понятия «родители»:

п.-мо. *ečige eke*, монг. *эцэг эх*, бур. *эхэ эсэгэ* ‘родители’ (букв. ‘отец+мать ~ мать+отец’).

Что касается тюркских языков, для них, за некоторыми исключениями, характерна твердая огласовка интересующего нас корня в форме *ата*, причем «в преобладающем большинстве языков, где употребляется термин *ата*, он означает „отец“»;[62] ср.:

др.-тюрк. *ata*, аз., башк., каракалп., тат., узб., уйг. *ата*, узб. *ота*, чув. *атте* ~ *ати*, алт., тув., хак. *ада* ‘отец’, ‘предок’.

Кроме того, в ряде языков он означает «самец», например:

тат. *ата эт* ‘кобель’, *ата каз* ‘гусак’, башк. *ата ҡош* ‘птица-самец’.

Употребляется этот термин и как уточнитель при названиях предметов, которые состоят как бы из мужской и женской половины, например:

тат. *ата каптырма* ‘крючок к петле’; ср.: *ана каптырма* ‘петелька для застежки крючка’.

Как и в монгольских языках, термин *ата* ‘отец’ в сочетании с дополнительно характеризующими его словами служит для передачи ряда родственных отношений, например:

казах. *улы ата* ‘дедушка’ (*улы* ‘великий’, ‘большой’), башк. *олатай* (< *оло + атай* ‘дед’) и т. п., тат. *дәү эти* ‘дедушка’ (*дәү* ‘большой’, ‘старший’), башк. *ҡарт атай* ‘дед’ (*ҡарт* ‘старый’), чув. *асатте* ‘дедушка’ (*асла* ‘старший’, ‘главный’);[63]

---

[61] Реконструкцию монгольской праформы и сопоставления с тунгусо-маньчжурскими данными см.: P. Vergl., стр. 51, 56, 103.

[62] Покровская, стр. 26.

[63] Там же, стр. 27.

башк. *үгәй ата*, тат. *уги ата*, каракалп. *огей ата*, кирг. *өгөй ата*, туркм. *өвей ата*, узб. *угай ота* ‘отчим’, чув. *çене атте* ‘отчим’ (букв. ‘новый отец’); [64]

уйг. *qejin ata*, каракалп., кирг. *кайын ата*, башк. *кайната(й)*, казах. *қайын ата*, тат. *каената*, узб. *кайната*, туркм. *гайын ата*, алт. *кайын ада* ‘свекор’, ‘тесть’ (*кайын* ‘родство по браку’). [65]

В связи с вопросом о разнице в характере гласных корня в отношении мягкорядности—твердорядности в тюркских языках сравнительно с монгольскими, а также тунгусо-маньчжурскими (в терминах для обозначения представителей мужского пола, см. выше) следует указать на сосуществование параллельных форм в татарском; ср.: *ата—әти* ‘отец’, *ата-ана—әти-әни* ‘родители’, *әткә* диал. ‘самец’; *ата эт—әткә эт* ‘кобель’.

Обращает на себя внимание отсутствие терминов с корнем в форме **ата-* в якутском языке. Вместе с тем здесь имеется термин *äсä* ‘дед’ (по отцу и по матери), перен. ‘медведь’, который не без основания считается заимствованием из мо.; [66] ср. *äсäкä* ~ ~ *äсäкäi* обращ. ‘дедко мой’, ‘господин (наш)’ (по отношению к лесному духу). Из якутского языка эти формы проникли в восточноэвенкийские говоры (ср.: *эһэ* ~ *эһэк* ‘медведь’, *эһэкэ* ‘дед’, *эһэкэн* ‘дух — хозяин животных’), где они выступают, таким образом, в роли дублетов к формам *этэ*, *этиркэн* ‘старик’.

К монголизмами следует отнести также др.-тюрк. *ečі* ‘старший брат’, ‘дядя’ и чаг. *ätäkä* ‘дядя’. [67]

Имея в виду общую семантическую направленность связи терминов, обозначающих лиц мужского пола, с представлениями об активном начале, можно высказать предположение о генетической общности корневой морфемы существительного **eti-* ~ **эти-* ‘отец’ с тюркским глаголом *et-* ~ *эт-* ~ *ät-* ~ *ит-* ‘делать’, ‘создавать’, ‘производить’, ‘устраивать’, т. е. о наличии общеалтайского глагольно-именного корня **eti-* ~ *эти-* ‘производить’, ‘производитель’.

С рассматриваемыми здесь терминами с корнем **эти-*/**ати-* несомненно связаны аналогичные наименования родственных отношений в нивхском и юкагирском языках.

В нивхских названиях обращает на себя внимание вариантность гласных, что отчетливо видно из приводимых ниже терминов, различающихся также и по своей семантике:

нивх. *атак*, *атака* [< **ата-ка*] обращ. ‘дед’; ср. тюрк. *ата* ‘отец’, ‘предок’;

нивх. *ытык*, *ытыка* [< **этэ-кэ* < **эти-кэ̄*] обращ. ‘отец’, ‘папа’; ср.: эвенк., эвен. *этэ̄* ‘старик’, ‘дед’, *эткӣ* [< **эти-кэі*] ‘свекор’, ‘тесть’, п.-мо. *ečige* [< **eti-kē*] ‘отец’;

---

[64] Там же, стр. 55—56.
[65] Там же, стр. 68—69.
[66] P. Vergl., стр. 103.
[67] Там же, стр. 51, 103.

нивх. *ытик*, *ытика* [? < **ати-ка̄*] обращ. ‘бабушка’, ср.: эвенк. *атē*, эвен. *ата̄* ‘бабушка’, *аткӣ* [< **ати-каі*] ‘свекровь’, ‘теща’;
нивх. *утку* (< **ут-ку* < **этэ+кун*) ‘мужчина’ (букв. ‘мужчина-человек’, ‘мужского пола человек’, ‘самец-человек’), *утку оӈла* ‘мальчик’, ‘сын’ (букв. ‘мужчина-ребенок’, ‘ребенок мужского пола’), *н′утку* ‘(мой) муж’, *утку ытык* ‘свекор’ (букв. ‘отец мужа’); ср.: башк., тат. *ата* ‘самец’, тат. *ата каз* ‘гусак’, башк. *ата кош* ‘птица-самец’.

Таким образом, нивх. *утку* ‘мужчина’, ‘муж’, как и *умгу* ‘женщина’, ‘жена’, по своему морфологическому строению является аббревиатурой, причем первый компонент утерял гласный, т. е. *ут-* < **этэ*, и подвергся регрессивной губной аттракции, тогда как у второго отпал конечный носовой согласный, т. е. *-ку* < **кун* ‘человек’.

В колымском диалекте юкагирского языка отец обозначается термином *эт′иэ*, который не без основания сопоставляется с монгольским *ečige*.[68] Кроме того, как в колымском, так и в тундренном диалекте этот термин входит в состав еще целой группы слов, обозначающих родственные отношения,[69] а именно:

хайт′иэ [< *хай-(э)т′иэ*] ‘дед’ (отец отца или матери), ‘дядя’ (муж старшей сестры отца или матери) и пр.;

хайт′иэп [< *хай-(э)т′иэ-п*] ‘свекор’ (отец мужа), ‘тесть’ (отец жены);

т′умуот′иэ ~ *т′омо:т′иэ* [< *т′омо* ‘большой’ + *(э)т′иэ* ‘отец’] ‘дядя’ (старший брат отца);

т′умуот′иэп [< *т′омо+(э)т′иэ-п*] ‘старший брат мужа’;

от′идиэ ‘дядя’ (младший брат отца) [< *эт′иэ-* ‘отец’ + суфф. уменьш. *-диэ* ‘маленький отец’];

абут′иэ ‘бабушка’ (мать отца или матери и т. д.) [< *абу(й)* ‘старшая сестра’ + *(э)т′иэ* ‘отец’];

абут′иэп ‘свекровь’ (мать мужа), ‘теща’ (мать жены) [< *абу(й)+(э)т′иэ-п*].

ака. Этот термин широко представлен в языках алтайской группы, за исключением корейского, причем наиболее характерным для него является понятие «старший брат».

В тунгусо-маньчжурских языках, как и для большинства других терминов родства, различается форма обращения и форма склоняемой основы:

эвенк. *ака̄*, *ака̄й*, *акӣ*, *акē*, *акӣйай*, *акӣка̄н* обращ. — *акин* (мн. *акнӣл*, *акинасал* ~ *акунасал*) ‘старший брат’, ‘двоюродный брат’ (сын старшего брата отца или матери), ‘дядя’ (младший брат отца или матери), сол. *аха* обращ. — *ахӣ* ‘старший брат’, *ахӣ нэхӯ* парн. ‘братья’ (старший и младший), эвен. *ака* ~ *аӄа* ~

---

[68] Е. А. Крейнович. Юкагирский язык, стр. 244.
[69] См.: Курилов. О терминах родства, стр. 92—96.

акē, *акаӈа* обращ. — *акан ~ аӄан* (мн. *акнӣл*) ‘старший брат’, ‘двоюродный брат’ (сын старшего брата отца или матери), ‘дядя’ (младший брат отца или матери), эвен. Бст ‘отец’, нег. *ага*, *аха*, *ахай*, *ахӣ*, *ахий*, *ака*, *акай* обращ. — *ахин*, *акин* (мн. *ахнӣл ~ акнӣл*, *ахинасал*) ‘старший брат’, ‘двоюродный брат’ (сын старшего брата отца или матери), ‘дядя’ (младший брат отца или матери), ороч. *ака*, *аки* обращ. — *акин-* (мн. *акина*), уд. *аг‘а* обращ. — *‘аи(н)-* ‘старший брат’, ‘дядя’ (младший брат отца), ульч. *ага* обращ. — *аг-/к-/ӈ-*, орок. *ага ~ агга*, *аӄа ~ аӄӄа*, *аӄӄанӯ* обращ. — *аг-/к-/ӈ-*, нан. *ā*, *ага* (мн. *агāна*, *āӈна*) обращ. — *āг-/к-/ӈ-* (мн. *āйил*) ‘старший брат’, нан. *ā-нэу* парн. ‘братья’ (старший и младший), ма. *агэ* (мн. *агэсэ*), *агу* (мн. *аггуса ~ аггусэ*) обращ. ‘старший брат’, ‘милостивый государь’ — *аӽун* (мн. *аӽута*) ‘старший брат’, ‘родственник, старший по годам’, чж. *‘á-hûn-wēn*, *‘á-hû-t‘ieh* ‘старший брат’.

Из приведенных значений ясно видно, что в понятие «старший брат» в тунгусо-маньчжурских языках входит обозначение лиц мужского пола, которые по возрасту старше говорящего, но моложе его отца (младший брат отца).

Во всех тунгусо-маньчжурских языках приведенные формы служат также вежливыми формами обращения к лицам, старше говорящего.

В связи с различием в обозначении старших и младших братьев в тунгусо-маньчжурских языках для обобщенного понятия «братья» используются не столько парные сочетания, сколько формы совместности; ср.:

эвенк. *акӣнан ~ акунан*, нан. *āӈмолиа* ‘вместе со старшим братом’, эвен. *аканун* ‘братья’ (старший и младший), нег. *акичил*, *акиначи*, ороч. *акимуна*, ульч. *аӄтуӡа*, *аӄтунӡуа(н-)*, орок. *āмӈуна ~ аӈмуна*, нан. *āӈна* ‘братья’ (старший и младший).

Употребительны также формы выделительно-уточнительные (которые в эвенкийском языке у имен прилагательных служат также в роли форм степеней сравнения):

эвенк. *акиндиӈу* ‘самый старший’, ‘тот, который старше всех’, *акиндимар*, эвен. *акаӡмар ~ акан'мар ~ акатмар*, нег. *ахинма ~ акитма*, орок. *агдума*, *агдуманнē*, нан. *āгӡима* ‘старший’, ‘тот, который (из двух лиц) старше’.

Отмеченный в нанайском языке наряду с парным сочетанием *ā-нэу* ‘братья’ (старший и младший) маньчжуризм-монголизм *ахō-дэу ~ ахондō* употребляется в значении ‘брат’, ‘побратим’, ‘семья’, ‘сородичи’, ‘братство’.

В эвенкийском языке зарегистрирована форма заместительная *акӣрāн* Брг ‘дядя’ (в 3-м колене, двоюродный) (ср.: *амирāн* ‘отчим’, *эн'ирэн* ‘мачеха’).

Могут быть также приведены глагольные производные:

эвен. *акан-та-* ‘доводиться кому-л. старшим братом, дядей’, *ак-ма-* ‘любить старшего брата, дядю’, *ак-ма-мāт-/ч-* взаимн. ‘любить друг друга по-братски’, ма. *аӽун-чила-*, *аӽу-чила-* (ср. мо.)

'пользоваться правами старшинства', *аҳу-ша-* (< мо.) 'почитать за старшего', 'нарекать кого-л. своим старшим братом'.

Небезынтересно отметить, что в тунгусском (эвенкийском, эвенском, негидальском) фольклоре обычно старший брат — энергичный, умный, деятельный охотник, добывающий пропитание для себя и младшего брата, который, напротив, рисуется вялым, глуповатым, увальнем-лежебокой, сидящим в юрте и способным лишь выполнять обязанности «повара» — стряпать еду или, в лучшем случае, перекочевывать при необходимости переменить место стоянки, т. е. перевозить домашний скарб и разборные части юрты, что он также выполняет крайне неумело.

В монгольских языках терминологическое значение существительного **аха* ограничивается понятием «старший брат»; ср.:

п.-мо. *аха* (мн. ч. *ахас*), бур. *аха* (мн. ч. *аханад*, *аханар*), монг. *ах*, даг. *аҕ ~ ага* 'старший брат', п.-мо. *аха degüü* (*ner*), бур. *аха дүү*, монг. *ах дүү*, даг. *аҕа дӯ* 'братья' (старший и младший), монг. 'братья и сестры', 'родственники'.

Но, как и в тунгусо-маньчжурских языках, этот термин выражает также понятие «старший» и служит почтительным обращением к старшим, например:

п.-мо. *аха ǯаха*, монг. *ах зах хүн* 'старший, почтенный человек', бур. *аха заха* парн. 'старшие', *аха бэри* 'старшая невестка', *аха нүхэр* 'уважаемый товарищ'.

Разнообразными значениями в бурятском языке и его говорах обладает форма обращения *ахай* 'старший брат', 'господин', перен. 'волк', диал. 'отец', 'старшая сестра', 'тетка', 'невестка' (жена старшего брата); ср.: п.-мо. *ахаі*, монг. *ахай* почтит. обращ. к замужней женщине.

Имеется ряд глагольных образований, например:

п.-мо. *аха-да-*, *аха-ла*, *аха-čила-*, монг. *ах-да-*, *ах-ла-*, *ахчла-*, бур. *аха-да*, *аха-л-* 'быть старшим', 'пользоваться правами старшего'.

Причастная форма субстантивируется:

п.-мо. *аха-ла-gči*, монг. *ах-ла-гч*, бур. *аха-ла-гша* 'старший', 'старшина', 'староста'.

Для тюркских языков более характерны варианты со звонким проточным (*ғ*) и смычным (г) согласным, хотя в др.-тюрк. и ряде других языков отмечается глухой (*q ~ k*); ср.:

др.-тюрк. *aqa* 'старший брат', *aqa ini* парн. 'братья' (старшие и младшие), уйг. *ака*, хак. *ака*, узб. *ака ~ оға* 'старший брат', 'старший' (при обращ.), кирг. *аке* обращ. 'отец', 'дядя', *ага* 'старший брат', Том тюрк. *ака* 'старший брат', 'дядя' (младший брат отца или матери), 'двоюродный брат' (старше меня), тур. *aga*, аз. *аға* 'господин', 'начальник', тур. *agabey* сложн. 'старший брат', аз. бакинск. *ағададаш* 'старший брат', тат. *ага* 'старший брат' (почтит. обращ. к старшему), *агай* 'дядюшка' (вежливое обращ. к старшему), *ага-эне*, *агай-эне* парн. 'братья' (старший и млад-

ший), ‘родня’, ‘братва’, ‘друзья’, *агакай* ласк. ‘старший брат’, *ага-жиҥгэ* парн. ‘брат с женой’, ‘брат и невестка’, башк. *ағай* ‘старший брат’, туркм. *ага* ‘старший брат’, ‘старший родственник’, *агасы* обращ. ‘брат’, ‘дяденька’ (обращ. к старшему), уст. ‘господин’, *ага-ини* парн. ‘братья’ (старший и младший), *агалык* ‘господство’, ‘власть’, *агалык эт-мек* ‘покровительствовать’ (как старший брат, родственник), тув. *акы*, *акый* ‘старший брат’, обращ. ‘дядя’ (к старшему), *акы-дуҥма* парн. ‘братья’ (старший и младший), ‘братья и сестры’;[70]

як. *аҕа* ‘старший годами’, ‘отец’, ‘главный’, *аҕабыт* ‘священник’ (букв. ‘наш отец’), *аҕаі* обращ. хозяйки дома к супругу или к постороннему почтенному человеку, *аҕа-к(к)а*, *аҕа-к(к)аі*, *аҕак(к)аллаі* ласк. ‘батюшка’ (мой), *аҕа-ла-* ‘зачислять в отцы’, ‘быть кому-л. за отца’, *аҕам* ‘пожилой’, *аҕамсыі-* ‘становиться пожилым’, *аҕарҕа-* ‘считать кого-л. своим родным отцом’, *аҕас* ‘старшая по возрасту’, ‘старшая сестра’, ‘вообще старшая родственница по отцу’, *аҕасыккаі* ласк. ‘сестрица моя’.

В связи с тем что среди тюркских языков лишь в якутском значение термина *аҕа* связано с понятием «отец» вместо общетюркского «старший брат», естественно, возникает вопрос, каким же термином передается последнее значение в якутском. Оказывается, здесь для этого служат либо як. *убай* [< ? *абай*], либо як. *бі̄* ‘старший по возрасту’, ‘старший брат’ (родной, двоюродный и пр.), ‘двоюродный дядя’, ‘племянник’, ‘старший родственник по отцу’. При этом як. *бі̄* < *бей* < *бег/к*, которое обычно в тюркских языках имеет значение «начальник», «господин»; ср.: др.-тюрк. *beg* ‘правитель’, ‘вождь’, ‘бек’, ‘князь’, ‘господин’, ‘муж’, ‘супруг’, *begläг begi* ‘князь князей’, туркм. *бег* ист. ‘бей’, ‘бек’ (старейшина), уст. ‘бек’ (прибавляется к мужским именам, придавая оттенок высокого уважения), тур. *bey* ‘бей’, ‘господин’, ‘туз’ (в картах), *beyim* ‘сударь мой’, *beyler beyi* ист. титул пашей, тат. *би* уст. книжн. ‘князь’, ‘вельможа’, ‘дворянин’, ‘господин’, ‘чиновник’, ойр. *бий* ‘чиновник’, ‘господин’.

Вместе с тем в тувинском языке существительное *бег* является и термином свойства́; ср. тув. *бег* ист. ‘бек’, ‘свекор’, ‘деверь’ (старший брат мужа). В классификационной системе родства свекор (отец мужа) приравнивается к группе «отец». С другой стороны, в тюркских языках, согласно Радлову (I, 144),

---

[70] Севортян приводит также тюркские диалектальные разновидности основы *акка ~ акга* и, по-видимому, склонен признать их более первичными, чем варианты *ака ~ аға*, т. е. с одним согласным, так как группирует материал под формой *akka* (стр. 45). Это находит себе объяснение в предлагаемой реконструкции праформы и этимологии, так как автор склонен считать, что *akka ~ ака ~ aka* и т. д. — производное, образованное афф. *-ка/-кы* в значении носителя процесса от глагольно-именных омонимов **ак‖*ак-* с центральным значением *‘старый’, ‘стареть’, ‘становиться старым’(стр.46).

Г. Дёрфер скорее склонен считать тюркские и тунгусо-маньчжурские термины *ака ~ аха* и т. д. монголизмами (стр. 131—140).

термин *ага* в ряде случаев по своим значениям близок термину *бег*; ср.: ‘старший брат’, ‘дядя’, ‘дед’, ‘почтенный, влиятельный человек’, ‘господин’, ‘офицер’, ‘дворянин’, ‘вельможа’, ‘евнух’, ‘почетный титул’. Большой интерес представляет тур. *ağabey* ‘старший брат’: в этом сложном слове второй компонент *bey*, принимая во внимание якутское значение слова *бī* ‘старший брат’, может рассматриваться не только как постпозиционное уважительное *bey* в значении ‘господин’, ‘уважаемый’, но и как равноправное синонимическое ‘старший брат’, т. е. *aga*+*bey*=‘старший брат+старший брат’.

Во всяком случае як. *бī* ‘старший брат’ служит как бы дополнительным свидетельством о той важной роли, какую играли лица, именуемые термином *ака* ~ *ага* ~ *аға* у тюркских, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских народностей.

Что касается значения як. *аҕа* ‘отец’, отметим, что термин *ахай* в булгатском говоре и селенгинском диалекте бурятского языка, а также *аӄа* — *аӄан-* в быстринском говоре камчатских эвенов тоже означает ‘отец’. Кроме того, аналогичное «смещение» значений наблюдается в отношении т.-ма. *экэ* — *экин* ‘старшая сестра’ (эвен. Б. ‘мать’) и мо. *экэ* ‘мать’ (см. стр. 30).

Этимологическая реконструкция терминов *ака* — *экэ*, как внешняя (морфологическая), так и внутренняя (семантическая), приводит нас к следующим выводам.

Формы *ака* ~ *ага* ~ *аға* — *экэ* ~ *эгэ* являются аббревиированными вокативами. Полные формы сохранились лишь в тунгусо-маньчжурских языках в двух близких фонетических вариантах — в северном (тунгусском) **акин* — **экин* и в южном, представленном лишь в ма. *аӈун* — **эӈун* > *эйун*. Эти формы морфологически членимы следующим образом: **а-хун* — **э-хун*, где начальный слог, представленный гласным, в виде самостоятельных слов-антонимов имеется в маньчжурском языке с характерной трактовкой:[71]

а — сила производящая, деятельное начало природы, мужское начало, мужчина, самец; свет, солнце, открытая лицевая сторона чего-л., юг; тон в музыке; выпуклость, резьба на чем-л. рельефом, рельефно.

э — страдательное начало, отрицательная сила природы, материя, женское начало, самка; тьма, тень; задняя сторона, несовершенство; полутон в музыке; углубленный (в противоположность выпуклому).

Второй элемент интересующих нас терминов представляет «слог» *-хун* ~ *-кун* || эвенк. *-кӣн*; ср.: ма. *фа-ӈун* || эвенк. *hā-кӣн* ‘печень’, ма. *инда-ӈун* || эвенк. *ӈина-кӣн* ‘собака’. Отчетливо выраженный суффиксальный характер слоги ма. *-хун* || эвенк. *-кӣн* имеют в отглагольных прилагательных; ср.: ма. *эту-хун*

---

[71] См.: Захаров. Словарь.

'сильный' от *этэ-* 'осиливать', эвенк. *ǯэму-кӣн* 'голодный' от *ǯэму* 'быть голодным', 'хотеть есть'. В таком случае эвенк. *а-кин* ‖ ма. *а-ҳун* < **а-кун* первоначально могло означать 'имеющий отношение к деятельному началу', 'деятельный', 'производящий', 'мужской'. Аналогичным образом эвенк. *э-кин* ‖ ма. *э-йун* < **э-кун* этимологизируется как 'имеющий отношение к пассивному, женскому началу', 'женский'. Отметим, что даже в современных алтайских языках термины *акин — ака — ага — аға* и *экин — экэ — эгэ* в значительной степени наделены не только предметной, терминологической семантикой, обозначая лиц из категории старших родственников, братьев или сестер, но и качественной, так как употребляются одновременно в обобщенной функции в отношении тех лиц, которые характеризуются признаком «старший по возрасту» и, соответственно, уважаются и почитаются. Но возможно также, что во втором слоге в архетипах **а-кун* — **э-кун* перед нами не что иное, как др.-тюрк. *kün* 'родственник', 'люди', 'народ'; ср.: *kün qadaš* ~ *qadaš kün* парн. 'родственник и родственницы', *el kün* парн. 'народ', а также монг., бур. *хүн* 'человек', 'люди'; ср.: монг. *эр хүн*, бур. *эрэ хүн* 'мужчина', монг., бур. *баян хүн* 'богач', монг. *явган хүн*, бур. *ябаган хүн* 'пешеход' и т. д.[72]

Таким образом, мы не можем принять высказанную в свое время П. Шмидтом точку зрения, что не только ма. *агэ* 'старший брат' < кит. *а-гэ* или ма. *аму* 'жена старшего брата' < кит. *а-му*, но и ма. *аҳун* 'старший брат' < кит. *а-хюн*, *аша* 'жена старшего брата' < кит. *а-сао*.[73] Вместе с тем сам по себе факт наличия в восточных диалектах китайского языка префикса имен существительных ласкательных или почтительных[74] *à-* и использование его при написании маньчжурских слов заслуживает внимания.

Заимствованиями из тунгусо-маньчжурских языков являются нивх. *ыкын*, *ыкын-а* обращ. 'старший брат'; ср.: *ыкыдь* 'быть старшим по возрасту' и юк. *ака:* 'старший брат', 'двоюродный брат' (сын старшего брата или старшей сестры, отца или матери).[75]

эр(э). Термин с корневой праформой **эрэ-* в значении 'муж', 'супруг', а также 'мужчина', 'самец' широко представлен в монгольских языках и находит четкую параллель в тюркских; ср.:

п.-мо. *ere* (мн. ч. *eres*), монг. *эр*, бур. *эрэ*, калм. *ер* 'муж', 'супруг', 'мужчина', 'самец';

---

[72] См.: В. И. Цинциус. Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов, стр. 226—227.

[73] P. Schmidt. Chinesische Elemente im Mandschu, стр. 599.

[74] См. «Китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина» (М., 1959, стр. 310), где приводятся следующие существительные с указанным префиксом: *абā* 'папа', *агэ̄* 'старший брат', 'Вы', *амā* 'няня', 'мать', *анян* 'мать', *ама* ма 'отец'.

[75] См.: Курилов. О терминах родства, стр. 92—94.

п.-мо. *ere kümün*, монг. *эр хүн*, бур. *эрэ хүн* ‘мужчина’;
п.-мо.*ere takija*, монг. *эр тахиа*, бур. *эрэ тахяа*, калм. *er° takā* ‘петух’.

Некоторые производные слова, имеющие общий с приведенным термином корень, в монгольских языках, как уже упоминалось, соотносительны с производными формами антонимичного термина *eme ~ эмэ* ‘жена’, ‘супруга’, ‘женщина’ ‘самка’:

п.-мо. *ere-gtei*, монг., бур. *эрэгтэй* ‘мужчина’, ‘муж’;
п.-мо. *ere-gčin*, монг. *эрэ-гчин* ‘самец’;
п.-мо. *ere-čile-*, монг. *эр-члэ-* ‘поступать как мужчина’.

Если в приведенных выше примерах семантика существительных отвечает представлению о мужской особи (человека, животных), то в ряде других производных этого же корня превалирует переносное значение, отмечаемое в монгольском (п.-мо., монг.) для существительного *ere ~ эр(э)*, а именно ‘мужество’, ‘храбрость’:

п.-мо. *ere-tei*, монг. *эр-тэй* (форма обладания) ‘замужняя’, ‘мужественный’, ‘храбрый’, ‘сильный’;
п.-мо. *ere-lke-*, монг., бур. *эрэ-лхэ-* ‘храбриться’, ‘кичиться мужеством’;
п.-мо, *ere-lke-g*, монг., бур. *эрэ-лхэ-г* ‘мужественный’, ‘храбрый’, ‘смелый’;
п.-мо. *ere-mekei*, монг. *эрэ-мгий*, *эрэ-мхий*, бур. *эрэ-мгэй* ‘мужественный’, ‘смелый’, ‘неустрашимый’;
п.-мо. *ere-meg*, монг. *эр-мэг*, бур. диал. *эр-мэг*, *эрэ-мэг* ‘мужественный’, ‘смелый’, ‘неустрашимый’, ‘самцу подобная’ — ‘бесплодная’, ‘яловая’.

Обращает также на себя внимание омонимичное форме множественного числа имя прилагательное:

п.-мо. *eres*, монг. *эрс*, бур. *эрид*, калм. *er°s* ‘решительный’, ‘резкий’, ‘категорический’.

Необходимо отметить, что некоторые из приведенных выше монгольских вторичных имен с корнем *ere- ~ эрэ-* по характеру своих словообразовательных аффиксов предполагают наличие производящей глагольной основы. Сюда относятся, прежде всего, п.-мо. *ere-mekei* и *ere-meg* ‘мужественный’,[76] а также п.-мо. **ere-g*, которое прослеживается в формах *ere-g-tei* ‘мужчина’ и *ere-g-čin* ‘самец’ (см. выше морфологический анализ терминов *eme-g-tei* и *eme-g-čin*). Здесь, по-видимому, может быть указан следующий глагол:

п.-мо. *eri-*, монг. *эрэ-*, бур. *эри-* ‘искать’, ‘домогаться’, ‘требовать’.

Что касается тюркских языков, то в круг значений исходной формы существительного *er* (*ӓр ~ эр*) входит не только ‘муж’, ‘супруг’, ‘мужчина’, но и ‘храбрец’, ‘молодец’, ‘мужественный’,

---

[76] См.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 96, п. 13 и стр. 104, п. 41.

'храбрый', 'смелый', тогда как понятие «самец» прослеживается лишь у вторичного образования *er-kek (äр-кек, эр-кек)*; ср.:

др.-тюрк. *er* 'муж', 'мужчина', 'муж', 'супруг', *erän* (мн. ч. *eränlär*, *erät*) 'муж', 'мужчина', 'воин', *er-käk* 'муж', 'мужчина', 'самец';

тур. *er* 'муж', 'супруг', 'мужчина', 'мужественный человек', *erkek* 'мужчина', 'самец';

туркм. *әр* 'муж', 'супруг', 'мужчина', 'молодец', 'мужественный', 'храбрый', *эркек* 'мужчина', 'самец', 'мужественный', 'храбрый';

як. *äр* (мн. ч. *äр-дäр*, *äрä-т-тäр*) 'муж', 'супруг', 'мужчина', 'витязь', 'мужество', 'возмужалость', 'сила', 'энергия', 'твердость';

тат. *ир* 'муж', 'супруг', 'мужчина', 'герой', 'богатырь', *ир-ат* собир., *ир-лəр* собир. 'мужчины', *иркәк* диал. 'самец';

чув. *ар* 'муж', 'супруг', 'мужчина'.

Широко представлены в словарях формы обладания и необладания, например:

др.-тюрк. *erän-siz* 'без мужей', тур. *er-siz* 'вдова', туркм. *әрли* 'замужняя', *әрсиз* 'незамужняя', 'без мужа', як. *äрä суох* 'незамужняя', *äрдäх* 'замужняя', 'мужественный', неутомимый', 'настойчивый', тат. *ирле* 'замужняя', 'имеющая мужа', *ирсез хатын* 'вдова'.

Но для целей этимологических построений бóльший интерес представляют производные существительные, образованные с широко употребительным афф. *-лыг*, *-лик* со значением свойства, качества и т. п.,[77] например:

др.-тюрк. *erlik* 'мужская сила, потенция', туркм. *әрлик* 'мужество', 'храбрость', 'смелость', РСл *äplik* 'мужество', 'мужская сила', тат. *ирлек* (=*батырлык*) 'героизм', 'отвага', 'смелость', 'мужество', 'решимость', 'решительность', 'дерзание'.

В связи с рассматриваемой формой обращает на себя внимание значение, которое отмечается для нее в монгольско-тюркском словаре Мукаддимат Ал-Адаб, а именно: мо. *erelik*, *erelik usun*, чаг. *erlik suji* 'сперма', мо. *erelik ügei*, чаг. *erliksiz* 'не имеющий спермы', мо. *erelik ügei bolba*, чаг. *erliksiz boldi* 'стал импотентом'.[78]

Как видно из приведенных выше примеров, в формах с афф. *-лыг*, *-лик* на первый план выступают переносные значения, связанные с представлением о мужских качествах — «мужество», «храбрость», «смелость», «решимость», «дерзание». В еще большей степени отвлеченным значением характеризуются образования с афф. *-(ɑ)г*, *-(ə)к* и производные от последних; ср.:

др.-тюрк. *erik* 'быстрый', 'ловкий', *erik er* 'ловкий мужчина', *eriklig* 'быстрый', 'резвый', *eriklik* 'быстрота';

---

[77] См.: Севортян. Афф. им., стр. 20—52.
[78] МА, стр. 152.

РСл *ärik ~ erik* ‘могущество’, ‘сила’, ‘рвение’, ‘сильный’, ‘стремительный’, ‘ревностный’, ‘воля’, ‘желание’, ‘каприз’, ‘свобода’, кумык. *erüv* [< **erik*] ‘быстрый’, ‘энергичный’.[79]

Но, как уже отмечалось выше, в связи с рассмотрением термина *эмэ*, афф. *-(α)г/к* образует имена от глагольных основ.[80]

По др.-тюрк. материалам здесь может быть указан глагол *er-* ‘быть’, ‘находиться’, который, судя по имеющимся производным *ermäk* ‘бытие’ и *ermäksiz* ‘нежизненный’, мог иметь также значение ‘жить’; сюда же тяготеет як. недостаточный глагол *ăр-* ‘быть’, ‘как раз чем-нибудь быть заняту’, ‘начинать’, ‘собираться что-л. делать’. Последнее значение в якутском языке позволяет связать др.-тюрк. глагол *er-* ‘быть’ с тур. *er-*, *eris-* ‘достигать’, ‘доходить’, ‘добиваться’, ‘созревать’ (ср.: туркм. *эржеш-* ‘дразнить’, ‘пытаться что-л. сделать’, *эржел* ‘упорный’, ‘настойчивый’, тат. *иреш-* ‘достигать’, ‘добиваться’), что, в свою очередь, позволяет сопоставить эти глаголы с приведенным выше п.-мо. *eri-*, монг. *эрэ-*, бур. *эри-* ‘искать’, ‘домогаться’, ‘требовать’.

Таким образом, термин *эр(э)* ‘мужчина’, ‘муж’ тяготеет к глагольно-именному корню *эр(э)-* ‘дерзать(ель)’, ‘созидать(ель)’ ‘плодотворить(ельный)’, ‘производить(ель)’.

Для тунгусо-маньчжурской группы характерно отсутствие слов указанного корня. Можно отметить лишь ма. *эркэ* [< мо.] ‘сильный мужчина’, ‘мужественный, славный парень’, ‘молодец’, ‘удалец’, ‘удалой’ (в титулах), *эру žуру*, *эрури* ‘неутомимый’, ‘незнающий усталости’, *эрэ-* ‘надеяться’, ‘предполагать’, ‘ожидать’, *эрэчукэ* ‘надежный’, ‘внушающий надежду’, *эрэчун* ‘надежда’, ‘ожидание’.

Вместе с тем в нивхском языке имеется существительное *ар* ‘самец’, ‘производитель’, с помощью которого отмечаются мужские особи животных, например: *ар-мур* ‘жеребец’, *ар-ɣан ~ қан-ар* ‘кобель’, *ар-эмань* ‘козел’, *ар-эγа* ‘бык’, *ар-феқ* ‘петух’, *ар-нёни* ‘гусак’. Сюда же — *нем-ар*, *нем-ар-а* ‘старик’; ср. *нем-анях*, *нем-аняђ-а* ‘старуха’.

Помимо существительного *ар* для нивхского языка отмечается термин *эр* ‘отец, дядя’, в котором, как и в ряде других случаев, конечный *-р* рассматривается как суффикс. Кроме того, «омертвелый» словообразовательный компонент *-р* выступает также в числительных *ныр* ‘четыре’, *т‘ор* ‘пять’, используемых при счете людей, а также в числительных *мор* ‘два’, *т′ор* ‘три’, *нур* ‘четыре’, *т‘ор* ‘пять’, используемых при счете животных, и это позволяет сделать вывод, что формант *-р* «передавал более широкое понятие о живом существе».[81]

---

[79] Севортян. Афф. им., стр. 250.
[80] Там же, стр. 200—217.
[81] См.: В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч. I. М.—Л., 1962, стр. 59—60, а также стр. 183—185, 202.

Нам думается, что нивхский формант *-р* в указанных числительных является аббревиатурой существительного **ар* ~ **эр* ‘(живое) существо’. Кстати укажем, что для тюркских языков отмечается служебная функция слова *er* ‘муж’, ‘мужчина’, например др.-тюрк. *qapïγčï er* ‘привратник’, *udčï er* ‘пастух’, *kejikči er* ‘охотник’.

эдэ-i. Лексика с корнем *эдӣ* представлена в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Близкой к восстанавливаемой праформе является др.-тюрк. *idä* ~ *idi* ~ *iδi* ‘хозяин, владелец, обладатель’, ‘господин’ (о боге). В других тюркских языках фонетический облик слова и его значения несколько отличаются; ср.:

Саг. *äzi*, казах. *ijä* ‘господин’, ‘хозяин’, ойр., тув. *ээ* ‘хозяин’, ‘владелец’, ойр. также ‘дух’, *от ээžи* ‘дух огня’, *суу ээžи* ‘дух воды, рек’, як. *ірчі* ~ *ітчі* ~ *іччі* ‘хозяин’, ‘владетель’, ‘владыка’, ‘дух-хозяин’, ‘дух-властитель’, ‘хранитель’, ‘сущность’, ‘содержимое’, ‘зародыш’ (в яйце), ‘зрачок’. Интересны также производные, а именно: тув. *ээжок* ‘бесхозяйственный’, *ээле-* ‘хозяйничать’, ‘занимать место’, *ээн*, *ээнзиргей* ‘бесхозный’, ‘пустующий’, ‘необитаемый’, як. *іччікä* ласк. ‘хозяинушка мой! хозяюшка моя!’ *іччілӣ-* ‘снабжать хозяином, духом, содержимым’, *іччілӣх* ‘имеющий духа, хозяина, обладающий таинственной силой’, *іччімсӣх* ‘привязчивый’ (к хозяину), *іччітӓх суох* ‘пустой’, ‘порожний’, ‘необитаемый’, ‘пустынный’, *іччітӓхтӣ-* ‘опорожнить, опустошить’. По-видимому, монголизмами (см.

‘быть жизнедеятельным’, ‘держать’ ~ ‘мужская особь’ (активный, деятельный = мужественный)	*эрэ-	*эрэ-мэг	*эрэ-лик
Алт. ‘мужчина’, ‘самец’	‘мужчина’, ‘самец’	‘бесплодная’	‘мужская потенция’
мо.			
эри-	эр-	эр-ик	эрик-лик
‘домогаться’	‘добиваться’, ‘быть’	‘стремительность’	‘стремительный’
*эрэ-г	эркэк	эр-ик	—
‘стремительность’	‘самец’ ‘муж’ ‘мужчина’	‘стремительность’	
эрэ-мэкэй	эрӓ	эр-лик	—
‘смелый’	‘воин’	потенция’	
эрэ-тэй	эрдэ	мужественный’	—
‘замужняя’	‘муж’, ‘мужчина’, ‘самец’		
‘мужественный’			

ниже) являются следующие тувинские слова: *эжеле-* ‘захватывать’, ‘оккупировать’, *эжелекчи* ‘захватчик’, ‘агрессор’ и пр. В якутском фольклоре также отмечается монголизм *äžäн ~ äžiäн*[82] ‘важный’, ‘почтенный’, ‘великий’, по значению синонимичный як. *хан ~ хāн*.

В монгольских языках исходными в гнезде слов интересующего нас корня являются варианты формы *эžэн* < **эžин* < **эдин*;[83] ср.:

п.-мо. *eže̮n* (мн. ч. *eže̮d*), монг. *эзэн*, калм. *ezn̥* ‘хозяин’, ‘владелец’, ‘обладатель’, ‘господин’, ‘владыка’, ‘повелитель’, бур. *эжэн* (мн. ч. *эжэд*) ‘хозяин’, ‘владелец’, ‘обладатель’; ср. монг. *эзэн хан* парн. ‘самодержец’, ‘монарх’.

Интересны монгольские производные, совпадающие по значению с якутскими; ср.:

п.-мо. *eže̮*, монг. *эз* ‘судьба’, ‘рок’; два варианта форм необладания — п.-мо. *eže̮n ügei*, монг. *эзэнгүй* ‘неимеющий хозяина’ и п.-мо. *eže̮güi*, монг. *эзгүй*, бур. *эжэгүй ~ эзэгүй* ‘лишенный хозяина’, ‘бесхозный’, ‘необитаемый’, ‘пустой’; ср. формы обладания — п.-мо. *eže̮ntei*, монг. *эзэнтэй*, бур. *эжэнтэй* ‘имеющий хозяина’, ‘обитаемый’; отыменные глаголы и их производные — п.-мо. *eže̮mde-*, монг., бур. *эзэмдэ-*, п.-мо. *eže̮le-*, монг. *эзлэ-*, бур. *эзэл-*, п.-мо. *eže̮mši-*, монг., бур. *эзэмши-* ‘владеть’, ‘обладать’, ‘хозяйничать’, ‘занимать (место)’; п.-мо. *eže̮rke-*, монг., бур. *эзэрхэ-* ‘господствовать’ ‘властвовать’, ‘самовольничать, действовать силой’; п.-мо. *eže̮rkeg*, монг., бур. *эзэрхэг* ‘самовластный’, ‘деспотичный’.

В тунгусо-маньчжурских языках прослеживаются три группы форм слов, связанных с корнем **эдū*, — монголизмы, тюркизмы (якутизмы) и собственно тунгусо-маньчжурская разновидность.

Монголизмы обнаруживаются в прибайкальских и дальневосточных говорах эвенкийского языка, а также в солонском и негидальском языках северной подгруппы и во всех представителях южной; ср.:

эвенк. *эžэн* ‘хозяин’, сол. *эžэ̃* ‘хозяин’, ‘царь’, нег. *эžэн*, ороч., уд., ульч. *эžэ(н-)*, нан. *эžэ̃* ‘хозяин’, ‘дух-хозяин’, ‘правитель’, ‘властитель’, ‘царь’, ма. *эžэн* (мн. ч. *эžэтэ*) ‘хозяин’, ‘владелец’, ‘обладатель’, ‘господин’, ‘владыка’, ‘повелитель’, ‘царь’, ‘государь’, ‘император’, чж. *’óh-žân-ni* ‘хозяин’, ‘владетель’.

Как видно из приведенных значений, в языках Приамурья наряду с семантикой «правитель, властитель» имеется и связанное с анимистическими воззрениями «дух-хозяин» (животных, растений и пр.). В маньчжурском языке этот семантический нюанс прослеживается, пожалуй, в следующих словосочетаниях: *сэлэй эžэн* ‘магнит’ (букв. ‘хозяин железа’) и *žун и эžэн* ‘дух домашнего очага’. Ярко обрисовывается это направление семантики также в нег. и ульч. *эžэхэ* ‘дух-покровитель охотника’, ‘антропоморфное

---

[82] См.: Пекарский, стр. 231; также: Калужиньский, стр. 25.

[83] Реконструкцию монгольской праформы см.: P. Vergl., стр. 53, 105, 137, 157.

изображение духа — покровителя охотника' (деревянная одетая в шкурки или серебряная фигурка, которую во время охоты надевали на шею); ср. с приведенным выше як. *ітчікä* 'хозяин мой!'. С другой стороны, значения производных от *эӡэн* напоминают нам семантику приведенных выше монгольских и якутских производных; ср.:

ульч. *эӡэп-*, нан. *эӡэрэкпи-*, *эӡэрэпчи-* 'привыкнуть', 'приручиться', ульч., нан. *эӡэрэкпи(н-)* 'прирученный' (о животных), ульч. *эӡэрэмэси-* 'ласкаться' (о животных), 'заискивать' (о людях), ма. *эӡилэ-* ~ *эӡэлэ-* 'завладевать', 'захватывать' (власть), 'своевольничать', 'присваивать', *эӡэлту*, *эӡэргэн* 'захватчик'.

В восточноэвенкийских говорах отмечается якутизм *итчи* ~ *итчин* 'дух-хозяин', который в этом значении употребляется в речи героев сказаний [84] и очень близок аналогичной семантике приамурского монголизма-маньчжуризма *эӡэн* ~ *эӡэ*. Кстати, нельзя не упомянуть здесь и о нивхском *ыс* ~ *ыз* 'хозяин', 'дух-хозяин',[85] что является хорошим дополнением к сказанному о приамурском варианте.

Тунгусо-маньчжурский вариант корня **эдӣ* фонетически тождествен ему, но отличается от тюркского и монгольского по своей семантике, так как относится к терминам со значением «муж», «супруг»:

эвенк., эвен., сол., нег. *эдӣ* (эвенк. мн. ч. *эдэл*), ульч. *эди*, нан. *эӡи* (< **эдӣ*) 'муж', 'супруг', нег. *эдӣккэ̄н* 'самец птиц';

эвенк., эвен. *эдилэ̄-*, ульч. *эдилэн-*, нан. *эӡилэ-* 'выйти замуж';

эвенк. *эдӣчӣ*, эвен. *эдӣлкэ̄н*, нан. *эӡику* 'замужняя'.

Интересны следующие ульчские и удэйские производные термины: ульч. *эдэкэ* свекор, уд. *од'о* [< **эдэкэ̄*] обращ., *эдиги-* склоняемая форма 'дед' (отец отца или матери), 'дядя' (старший брат отца или матери), 'старик'.

По-видимому, в тунгусо-маньчжурских языках значение «муж» у данного слова развилось из значения «хозяин».

---

[84] См., например; Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Л., 1966; см. в сказании З. Сēкак прямую речь героини девицы: «*Дулин тур-дуннэ̄ив итчин, дōлдикал!*» (стр. 41), что означает: «Дух средней земли, послушай!» (стр. 199 и примеч.автора к этому сказанию на стр. 343, к сноске 6).

[85] О нивхском духе-хозяине см., например; Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Сборник исследований, статей, лекций под ред. и с предисловием Я. П. Алькора. Л., 1936, статья «Хозяин в первобытной религии», стр. 216; там же «Религия гиляков», стр. 34.

В широком историко-этнографическом плане освещаются вопросы, связанные с значением и распространением тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских наименований «хозяин» и «дух-хозяин» также в статье E. Lot-Falck «La notion de propriété et les esprits-maitres en Sibérie» (Annales du Musée Guimet. Revue de l'histoire des religions, № 144, 2, 1953, стр. 172—197. Press universitaires de France).

Схематически соотношение семантики корневых основ, восходящих к праформе **эдӣ* < (?) **эдэі* в языках алтайской общности, может быть представлено следующим образом:

общe-алт. **эдӣ* 'владетель'
- тюрк.: др.-тюрк. *edi* ~ *idi* 'хозяин', 'обладатель', 'господин'; казах. *ijä* 'хозяин', 'господин'; ойр. *ээ* 'хозяин', 'дух-хозяин'; як. *ітчі* 'хозяин', 'дух-хозяин'
- т.-ма.: эвенк., эвен., нег. *эдӣ* 'муж'; эвенк. *ітчі* [< як.] нан. *эӡи* < **эдӣ* 'муж'; нан., ульч., ма., нег. *эӡэн* [< мо.] 'властитель', 'дух-хозяин'
- мо.: п.-мо. *еӡеп* 'хозяин', 'властитель', 'господин'; монг. *эзэн* 'хозяин', 'властитель', 'господин'

nüjp(э). Среди терминов родства, характеризующихся наличием общеалтайского корневого элемента, обращает на себя внимание слово, которое служит для обозначения понятия «ребенок, дитя, потомство» в языках монгольских и в большинстве тунгусо-маньчжурских языков.

В монгольских языках фонетический облик этого существительного представляет собой довольно простой случай регулярных фонетических соответствий:

ср.-мо. *hüre*, п.-мо. *üre*, монг. *үр*, бур. *үрэ* 'ребенок', 'дитя', 'потомок', 'плод', 'семя', 'зерно', 'результат', 'следствие', 'плоды'.

Что касается семантики, которая в монгольских языках проявляется как бы в трех аспектах,[86] то приведенный комплекс значений отчетливо прослеживается и в словах, являющихся производными от данного именного корня:

п.-мо. *üre-tei*, монг. *үр-тэй*, бур. *үрэ-тэ(й)* 'имеющий детей, потомство', 'имеющий плод', 'имеющий результаты', 'плодотворный', 'эффективный';

п.-мо. *üre ügei*, монг. *үр-гүй*, бур. *үрэ-гүй* 'бездетный', 'бесплодный', 'безрезультатный', 'непроизводительный'.

Интересно, что в сложных существительных, представляющих собой парные сочетания с рассматриваемым словом, вторые компоненты-синонимы также различны по своей семантике и тем самым как бы усиливают одно из трех отмеченных выше значений:

п.-мо. *üre keīked*, монг. *үр хүүхэд*, бур. *үрэ хүүгэд*, *үрэ бэе* 'дети', 'потомство' (*keīked* || *хүүхэд* || *хүүгэд* 'дети', 'ребята');

п.-мо. *ačі üre*, монг. *ач үр*, бур. *аша үрэ* 'внучата', 'внуки и правнуки', 'потомки', 'потомство', 'результат', 'следствие', 'последствие', 'эффект' (*ačі* || *ач* || *аша* 'внук' (по мужской линии),

---

[86] В монгольских словарях существительное *үр* ~ *үрэ* в значении 'ребенок', 'дитя' приводится как омоним (см.: Монгольско-русский словарь под ред. Лувсандэндэва. М., 1957; Бурят-монгольско-русский словарь, сост. К. М. Черемисовым. М., 1951).

'племянник' (по брату), 'следствие', 'результат', 'воздаяние', 'благодеяние', 'милость').

В последнем парном образовании обращает на себя внимание, что в семантическом пучке существительного *ачи* || *ач* || *аша*, как и в *üre* || *үр* || *үрэ*, обособляется значение «результат, следствие». Вместе с тем и смысловая линия «потомство» проходит весьма отчетливо; ср.:

монг. *ач гуча*, бур. *аша гуша* 'внуки и правнуки', 'потомки, потомство' (*гуча* || *гуша* 'правнук').

В значении «потомство, потомки» выступают также формы множественного числа:

бур. *үри-нэр* ~ *үрэ-нэр* (*аша-д*, *аша-на-д*, *аша-нар*) 'потомство', 'потомки'.

Смысловой оттенок «семя» получает свое развитие в следующих парных образованиях:

п.-мо. *üre tarijā*, монг. *үр тариа* 'зерно'; ср. словосочетания бур. *үрэһэнэй таряан* 'семенное зерно', *таряанай үрэ* 'семена злаковых растений' (*tarijā* || *тариа(н)* || *таряа(н)* 'хлеб, зерно').

К этой же линии семантического развития относятся:

п.-мо. *üre-sün*, бур. *үрэ-һэн* 'семя', 'семена';

бур. *үрэ-бшэ*, *үрэ-һэ-бшэ* бот. 'семенник'.

В третьей группе парных образований на передний план выступает значение «результат»:

п.-мо. *üre düng*, монг. *үр дүн*, бур. *үрэ дүн* 'результат', 'следствие' (*düng* || *дүн(г)* 'итог', 'сумма', 'результат').

Дополнительный смысловой оттенок вскрывается в производном от именной основы *üre* || *үр* || *үрэ* непереходном глаголе, который образуется с суфф. *-ǯi* || *-жи* || *-жа*, *-жэ*, *-жо* и по своей семантике относится к группе отыменных глаголов становления: [87]

п.-мо. *üre-ǯi-*, монг. *үр-жи-*, бур. *үрэ-жэ-* 'плодиться', 'размножаться', 'умножаться'.

Те же значения прослеживаются в переходной форме этого глагола, образуемой с помощью побуд. суфф. *-үūl*, *-gūl* || *-уула*, *-үүлэ* || *-уул*, *-үүл*:

п.-мо. *üre-ǯi-gūl-*, монг. *үр-ж-үүлэ-*, бур. *үрэ-ж-үүл-* 'плодить', 'размножать', 'множить', 'умножать'.

Вторичная отглагольная именная основа с суфф. *-l* || *-л*, *-lga*, *-lge* || *-лга*, *-лгэ* приобретает значение «прирост», «приплод» и т. д.:

п.-мо. *üreǯi-l*, *üreǯi-lge*, монг. *үржи-л*, бур. *үрэжэ-л* 'прирост', 'приплод', 'плодородие', 'размножение'.

Производная глагольная основа со значением «усыновлять» образуется с помощью суффикса уподобительного значения *-čila*, *-čile* [88] || *-чла*, *-члэ* || *-шал*, *-шэл*, *-шол*: [89]

---

[87] См.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 136—137; П. Бур., стр. 190.

[88] Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 138.

[89] К. М. Черемисов. Краткий грамматический справочник по бурят-монгольскому языку. Приложение к бурят-монгольскому словарю, стр. 851.

п.-мо. *üre-čile-* (~ *köbečile-*), монг. *үр-члэ-*; ср. бур. *хүбүү-шэл-* ‘усыновлять’, ‘брать на воспитание’.

Можно отметить также следующие монгольские производные:

п.-мо. *üre-de-*, *üre-le-*, монг. *үр-лэ-* ‘сеять’, ‘сажать’, ‘вырастать’, ‘всходить’ (о хлебах);

п.-мо. *üreleči*, монг. *үрлээч* ‘сеялка’;

монг. *үрслэ-* ‘рассаживать’ (овощи, цветы), *үрслүүр* ‘рассадник’ ‘питомник’.

Рассмотренное выше монгольское существительное *hüre* || *üre* || *үр* || *үрэ* привлекало внимание алтаистов в плане возможного сопоставления с тунгусо-маньчжурскими материалами в качестве одного из убедительных примеров соответствия начального мо. *0* || т.-ма. *ф-* || *n-* || *h-* || *0*.

Так, Г. Рамстедт приводит ряд:[90]

п.-мо. *üre* ‘ребенок’, ‘потомок’, ‘плод’, *üresün* ‘семя’, калм. *ürē* ‘трехлетний жеребенок’, ма. *фурсун* ‘приплод’ (скота), нан. Гр *пури* ~ *фури* ‘семья’, эвен. Ох *нурул*, уменьш. *нуркан*, манегр. *ури* ‘дитя’.

П. Пельо, подключивший к монгольским данным ср.-мо. *hüre* (~ *hürä*) ‘зерно’, ‘плод’ и широнг. *fure* ‘семя’, ‘зародыш’ в отношении тунгусо-маньчжурских примеров, ссылается на Г. Рамстедта.[91] О тюркских сопоставлениях, приводимых П. Пельо в связи с рассматриваемой группой слов, будет сказано ниже.

Останавливает свое внимание на тунгусо-маньчжурских материалах, связанных с интересующим нас термином «ребенок», и С. М. Широкогоров, который приводит довольно детальный список различных вариантов написания относящихся сюда слов по прежним источникам и высказывает ряд не лишенных интереса соображений.[92] Однако его методика сопоставлений страдает отсутствием достаточно строгих обоснований в отношении сравнительно-исторических фонетических построений, и поэтому привлекаемый им лексический багаж представляется излишне отягощенным.

Н. Н. Поппе ограничивается следующими параллелями:[93]

ср. -монг. *hüre*, п.-мо. *üre* ‘семя’, ‘плод’, ‘ребенок’, ‘потомок’, ма. *фурсун* < **фурэсун* ‘приплод’ (скота), ‘разведение растений’, ‘рассада’, эвенк. *hурил*, эвен. *hурэл* ‘дети’.

Тунгусо-маньчжурские лексические данные могут быть значительно расширены за счет остальных языков этой группы, но вместе с тем они требуют специального рассмотрения.

---

[90] G. J. Ramstedt. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. JSFOu 32 : 2, 1916.

[91] P. Pelliot. Les mots á *h* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles. Journal asiatique, Paris, 1925, стр. 237.

[92] S. M. Shirokogoroff. Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages. Rocznik Orjentalistyczny. Lwow, 1931, t. VII; 1929—1930, p. 251—255.

[93] P. Vergl., стр. 111, 126.

Как уже отмечалось выше, почти во всех тунгусо-маньчжурских языках (за исключением маньчжурского и чжурчженьского) понятие «ребенок» (в значении «сын ~ дочь», «потомок») обозначается словом одного корня, а именно:

эвенк. *hутэ* (~ *утэ*), эвен. *hут* (~ *ут*), сол. *үтэ*, *үрэ* (< мо.), нег. *хутэ*, ороч. *хитэ*, уд. *ситэ*, ульч. *пиктэ*, орок. *путтэ* ~ *путэ*, нан. *пиктэ* (~ *фиктэ* Бк, *футэ* К-У) 'ребенок' (сын, дочь).

Приведенный ряд слов выступает в качестве формы единственного числа, тогда как для множественного отмечается неправильное образование, и лишь в эвенкийском языке сосуществует и регулярное производное:

эвенк. *нурил* ~ *нутэ-л*, эвен. *нурэл* [< **нурил*], *сол. үрил*, нег. *хуйил* [< **нурил*], *ороч. хӣ* [< **хӣл* < **хуйил*], уд. *ситэнэ(л)*, ульч. *пурул* [< **пурил*], орок. *пурил*, нан. *пурил* (~ *фурил* Бк, К-У) 'дети' (сыновья ~ дочери, потомки).

Формы множественного числа проявляют больше единообразия, и если принять во внимание, что конечный *-л* является типичным (для северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков) показателем множественности, то, за вычетом его, т.-ма. *hури-* ~ *пури-* близки по своему облику мо. *hüre* ~ *үрэ*. Различие в гласном второго слога может быть предположительно объяснено стяжением двух гласных, возникших с присоединением суфф. *-ил*, т. е. *hуре-*+*-ил*=*hурил*.[94] Таким образом, тунгусо-маньчжурские формы слова «дети» восполняют весь ряд соответствий начальных *п-* || *ф-* || *h-* || *х-* || *с* (*и*)-, хотя причина делабиализации гласного первого слога в ороч. *хӣ* (*л*) и уд. *ситэ*(*нэл*) (так же как и в единственном числе для ульч., нан. *пиктэ*) остается неясной.

Необходимо также попытаться выяснить характер отношений форм единственного числа к таковым множественного, как например эвенк. *hутэ* 'ребенок' и *нурил* 'дети', или, соответственно, орок. *путэ—пурил*. Предварительные поиски в области исторической морфологии позволяют видеть в эвенк. *hутэ*, орок. *путэ* 'ребенок' наличие архаического форматива множественного числа *-та*, *-тэ*, *-то*, который в такой функции свойствен лишь маньчжурскому языку, т. е. расчленить приведенные выше существительные *hутэ* и т. д. на две морфемы: *hу-тэ*, *ху-тэ*, *пу-тэ*, *фу-тэ*, *хи-тэ*, *си-тэ*. Несколько особняком стоит ульч., нан. *пи-ктэ*, но и здесь может быть выделен собир. суфф. *-кта*, *-ктэ*, *-кто*, что служит подтверждением правомерности членения *hу-тэ* и т. д. Следовательно, приведенные выше формы «единственного числа» по существу, с исторической точки зрения, служили не столько для передачи понятия об «(одном) ребенке», сколько для обозначения собирательного «дети», «отпрыски».

---

[94] Ср.: В. И. Цинциус. Множественное число имен в тунгусо-маньчжурских языках. Уч. зап. ЛГУ, серия филологических наук, вып. 10, 1946, стр. 88.

Таким образом, если формы единственного и множественного числа типа эвенк. *hу-тэ—hу-ри·л* ‘ребенок—дети’ не являются супплетивными, то сопоставление их структуры приводит к выводу, что корневой морфемой для тунгусо-маньчжурских языков является лишь однослог *hу-* ~ *ху-* ~ *пу-* ~ *фу-* ~ *си-*. Переразложение основы *hу-ри-л* ~ *пу-ри-л* могло произойти под влиянием таких форм множественного числа, как ма. *мама—мама-ри* ‘бабушка—бабушки’, *мафа—мафа-ри* ‘дед—деды; предки’.[95]

От основы единственного числа в тунгусо-маньчжурских языках, как и в монгольских, образуется ряд новых слов, в частности со значением обладания и необладания:

эвенк. *hутэ-чӣ* (~ *утэ-чӣ*), эвен. *hутэ-лкэ̄н* (~ *утэ-лкэ̄н*), нег. *хутэ-чӣ*, *хутэ-лкэ̄н*, ороч. *хитэ-ки*, уд. *ситэ-хи*, ульч. *пиктэ чу*, орок. *путэ-ллу* ~ *путэ-лу*, нан. *пиктэ-ку* ‘имеющий детей’ (сюда же — эвен. *hутэ-пчи*, *утэ-пчун* ‘многодетный’);

эвенк. *hутэйэ а̄чин*, эвен. *ач hутлэ*, нег. *хутэлэ а̄чин*, ороч. *хитэлэчи*, *хитэ ана*, уд. *ситэлэ анчи*, ульч. *пиктэ ана*, орок. *путэлэ ана*, нан. *пиктэ ана̄* ‘бездетный’.

При необходимости уточнить пол ребенка образуются парные сочетания:

эвенк. *hутэ бэйэткэ̄н*, эвен. *н'а̄рикэ̄н hут*, нег. *нэ̄йа̄вӣ хутэ*, нан. *хусэ пиктэ* ‘сын’;

эвенк. *hутэ асаткэ̄н*, эвен. *асаткэ̄н hут*, нег. *асӣ хутэ*, нан. *асиа пиктэ* ‘дочь’.

От этой же основы суффиксальным путем образуется существительное со значением «пасынок», «падчерица»:

эвенк. *hутэ-рэ̄н*, эвен. *hутсэ̄ни* ~ *hуссэ̄ни* [< **hутрэ̄ни*], ульч. *пиктэ-рэ(н-)*, орок. *путтэ-рэ(н-)* ‘пасынок’, ‘падчерица’; ср. нан. *пиктэ-рэ̄* (~*фиктэ-рэ̄* К-У) ‘внук’, ‘внучка’, ‘племянник’, ‘племянница’, ‘пасынок’, ‘падчерица’.

Существительное *hутэ* и т. д. может означать не только ‘ребенок’, но также ‘детеныш’, особенно в формах уменьшительных:

эвенк. *hутэ-ткэ̄н*, *hуту-кэ̄н* ‘детеныш’, ‘медвежонок’, ‘лосенок’, нан. *фиктэ-кэ(н-)* Бк ‘кабаненок’; ср. эвен. *накат hутэн* ‘медвежонок’.

Из отыменных глаголов можно отметить следующие:

эвенк. *hутэ-лэ-*, эвен. *hутэ-ӈ-*, орок. *hутэ-лэ*, нан. *пиктэ-лту-* ‘усыновить’;

эвенк. *hутэ-ӈ-*, *hутэ-тэ-*, эвен. *hутэ-лбэ-*, ульч. *пури-/у-*, *пури-чи-*, орок. *пуриlчу-*, нан. *пури-*, *пуриэ-чи-* ‘производить на свет детенышей’, реже — ‘рожать’ (детей).

---

[95] Особенности анализируемых форм единственного и множественного числа послужили причиной того, что С. М. Широкогоров усматривал здесь наличие трех различных корней: *hit* ~ *hikt* (~ *pikt*), *uta* и *ur* (*kan*) (см. ук. соч., стр. 252). П. Пельо, в свою очередь, тунгусо-маньчжурские формы единственного числа считал возможным привлечь для сопоставления со ср.-мо. *hači* || п.-мо. *ači* (см. ук. соч., стр. 202).

Как видно из приведенных примеров, глаголы со значением «производить на свет детенышей» в языках ульчском, орокском и нанайском, в отличие от эвенкийского и эвенского, ведут свое начало от основы *пур-* ~ *пури-*. Но и в языках северной подгруппы имеется ряд слов, в составе которых можно предполагать наличие корневой морфемы в аналогичной форме *hур-* ~ *hури-*. Сюда относятся два различных по своей семантике гнезда слов.

Первое из них представлено существительным, которое с морфологической точки зрения может рассматриваться как форма уменьшительная с суфф. *-кāн, -кэ̄н*:

эвенк. *hур-кэ̄н, hур-кэ̄-кэ̄н* (~*ур-кэ̄н, ур-кэ̄-кэ̄н*), сол. *үк-кэ̄-хэ̄̄* ~ *үр-кэ̄-хэ̄*, эвен. *hур-кэ̄н* (~*ур-кэ̄н*), орок. *пурē* ~ *пуриэ* ~ *пуриүэ* [< **пури-кэн*] ‘мальчик-подросток’, ‘юноша’, ‘парень’ (сюда же — эвенк. *hур-кэ̄-кэ̄-ткэ̄н* ‘малыш’, ‘маленький мальчик’, орок. *пурэ-сэл* ‘молодежь’, нан. *фури(н-) наи* Бк ‘молодой человек’).

Вторая группа слов связана с понятием «семья» или, чаще, «самка с детенышами»:

эвенк. *hурӯ* ‘семья’, ‘многодетная женщина’, *hурун* ~ *hурунэ* ~ *hурунэн* ‘медведица с медвежатами’, эвен. *hуркэ* ‘беременная’ (о самке медведя, оленя, волка), *hуркэч* ‘медведица с медвежатами’, ‘многодетный’, нег. *хуйкэт* < **hуркэт* ‘медведица с медвежатами’, ‘выдра с детенышами’, ороч. *хӯнэ* [< **хуйунэ* < **hурунэ*] ‘самка животного с детенышами’, *хӯнэ мапа* ‘медведица с медвежатами’, нан. *пури* ~ *фури* Гр ‘семья’, ‘домашние’, *фури-ку* Гр ‘семейный’; ср. эвенк. *hутэвумнӣ, hутэвун* ‘медведица с медвежатами.’

Что касается тюркских данных, то, принимая во внимание весь комплекс значений, который был приведен и рассмотрен выше исходя из материалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, в качестве параллелей к мо. *hüre* > *üre* как будто бы должны быть привлечены следующие глагольные основы,[96] отмечаемые во многих языках этого третьего алтайского звена:

башк., тат. *үр-* ‘прорастать’ (о семенах), тур. *üre-*, башк. *үрсе-*, тат. *үрче-*, чув. *ĕрчĕ-* ‘размножаться’, ‘плодиться’.

Для сравнения приведем также формы побудительные:

тур. *üre-t-*, башк. *үрсе-т-*, тат. *үрче-т-*, чув. *ĕрчĕ-т-* ‘размножать’, ‘плодить’, ‘разводить’.

В ряде тюркских языков отмечаются также следующие имена существительные:

казах. *үрөн* ‘семя’, ‘семена’, тув. *уре* ‘семя’, ‘зародыш’, *уре төл* парн. ‘потомок’, ‘дитя’, *үрүң* ‘зерно’, башк. *үренде* ‘росток’, ‘побег’, *үрсем* ‘приплод’, *үрген, үренте* ‘росток’, ‘рассада’, *үрчем* ‘приплод’.

---

[96] На это обстоятельство обратила наше внимание Т. А. Боровкова.

Ср. тюрк. РСл.: алт. (Тел, шор.), хак. (Саг, койб., кач.) *үрäн* ‘семя’, ‘плод’, ‘зерно’, ‘потомство’, ‘поколение’.[97]

Конечный *-н* в тюрк. *үрä-н*, возможно, является архаическим показателем множественного числа.[98] В таком случае это существительное по своему морфологическому облику напоминает нан. *пури-л*, эвенк. *hури-л* ‘дети’. С другой стороны, имея в виду омонимичный непродуктивный уменьш. афф. *-(а)н*,[99] тюрк. *үрä-н* можно сопоставить с приводившимся выше эвенк., эвен. *hур-кэ̄н* ‘мальчик’.

Таким образом, этимология тунгусо-маньчжурского термина «ребенок» (сын, дочь) потребовала от нас учета следующих моментов.

а) Нерегулярность характера форм множественного числа, что может объясняться или супплетивностью, или переосмыслением морфологической структуры; ср. еще раз формы:

ед. ч.	*пу-те*	*фу-тэ*	*hу-тэ*	*ху-тэ*	*у-тэ*	*хи-тэ*	*си-тэ*
мн. ч.	*пу-рил*	*фу-рил*	*hу-рил*	*ху-йил*	*у-рил*	*хӣ-л*	*си-тэ-нэ-л*

б) Близость тунгусо-маньчжурских форм множественного числа к монгольским формам единственного числа, т. е. ср.-мо. *hüre*, п.-мо. *üre*.

в) Наличие монгольских заимствований в тюркских языках, типа алт., хак. *ӱрäн* ‘потомство’.

г) Наличие в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках глаголов того же корня, что позволяет более широко привлечь тюркский материал типа тур. *üre-* ‘размножаться’.

д) Возможность восстановления праформы **püre*(~ *пүрэ*) с глагольно-именной семантикой «плод(иться) ~ дитя (производить детенышей)».

О вербальном характере праформы **pür(e)* помимо тюркских глаголов косвенным образом могут свидетельствовать п.-мо. *üre-sün* || бур. *үрэ-hэн* ‘семена’ с суфф. *-sun*, *-ṣün* || *-hан*, *-hэн*, поскольку в этих языках зафиксированы подобные словообразовательные модели; ср., например: п.-мо. *köge-sün*, бур. *хөө-hэн* ‘пена’ от *köge-* || *хөө-* ‘пухнуть’, п.-мо *nilbu-sun* || бур. *нёлбо-hон* ‘слеза’, ‘плевок’ от *nilbu-* || *нёлбо-* ‘плевать’.[100] Таково же морфологическое строение ма. *фур-сун* ‘приплод’ (скота), ‘ростки’, ‘рассада’, по-видимому, являющегося заимствованием из мо.

---

[97] Следует отметить, что П. Пельо, приводя как параллель к ср.-мо. *hüre*, п.-мо. *üre*, тюрк. *үрäн*, считает его заимствованием из мо. Вместе с тем он привлекает для сопоставления тюрк. *урук*, *уруг* ‘семя’, ‘потомок’ и др.-тюрк. (уйг.) *urï* ‘сын’ (см. ук. соч., стр. 237).

[98] Ср., например, трактовку как формы множественного числа тур. *oğlan* ‘юноша’ при *oğul* ‘сын’ у Кононова, стр. 71, § 95.

[99] В форме на *-(а)н* выступает также ряд отглагольных имен; см.: Севортян. Афф. им., стр. 172.

[100] См.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 95; П. Бур., стр. 82.

В заключение соотношение однокоренных слов с семантикой «плод—семя—ребенок—потомство—плодиться» трех ветвей алтайской семьи схематически может быть представлено следующим образом:

Алт. **pür(e)* 'плод(иться)'

мо.	т.-ма.	тюрк.
ср.-мо. *hüre*, п.-мо. *üre*, монг. *үр*, бур. *үрэ*	нан. *пури-*	тур. *üre-*
'ребенок', 'плод', 'результат'	'плодить'	'плодиться'
	нан. *пури-л*, эвенк. *нури-л*, сол. *үри-л*	башк., тат. *үр-*
	'дети', 'детеныши'	'прорастать'
п.-мо. *üre-sün*, бур. *үрэ-нэн*	ма. *фур-сун*	алт., хак. *үрä-н*
'семена'	'приплод'	'потомство', 'семена'
п.-мо. *üre-ǯi-*, монг. *үр-жи-*, бур. *үрэ-жэ-*	нан. *пуриэ-чи-*	башк. *үр-се-*, тат. *үр-че-*, чув. *ĕр-чĕ-*
'плодиться', 'размножаться'	'плодить детенышей'	'плодиться, размножаться'

Следует, наконец, отметить, что в маньчжурском языке имеется близкое по звучанию и по значению существительное *фусэн* ʻплодʼ, ʻприплодʼ, ʻвыводокʼ, ʻразмножениеʼ (животных), с которыми связан глагол *фусэ-*[< **фусэн-*, *фусэн-дэ-*, *фусэн-дэ-рэ*] ʻплодиться, расплождатьсяʼ, ʻнарождатьсяʼ, ʻбыть плодовитымʼ, ʻумножатьсяʼ, перен. ʻобогащатьсяʼ; ср. побуд. *фусэ-мбу-* ʻплодитьʼ, ʻрасплождатьʼ, ʻрассаживатьʼ (деревья).

Но этот маньчжурский глагол, по-видимому, ведет нас к другому общеалтайскому лексическому ряду, для которого может быть восстановлен корень **pös(e)-*, а именно:

ср.-мо. *ös-*, п.-мо. *ös-*, монг. *өсө-*, бур. *үдэ-* ʻрастиʼ, ʻподрастатьʼ, ʻразмножатьсяʼ;[101]

п.-мо. *ös-ke-*, монг. *өс-гө-*, бур. *үд-хэ-* ʻраститьʼ, ʻвыращиватьʼ, ʻразмножатьʼ, ʻразводитьʼ;

башк. *үҫе-*, тат. *үс-*, чув. *ӳс-* ʻрастиʼ, ʻразвиватьсяʼ;

башк. *үҫ-тер-*, тат. *үс-тер-*, чув. *ӳс-тер-* ʻраститьʼ, ʻвыращиватьʼ, ʻвоспитыватьʼ.

* * *

Подводя некоторые итоги анализа ряда терминов родства и свойствá, представленных в языках алтайской общности, мы хотели бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Общеизвестны скептические взгляды на возможность этимологических изысканий в области определенной части подобных тер-

---

[101] Н. Н. Поппе склонен считать монгольские глаголы древним заимствованием из тюркских языков, поскольку для ср.-мо. зафиксировано *ös-* вместо ожидаемого **hös-* (см.: P. Vergl., стр. 108).

минов на том основании, что они являются так называемыми «детскими лепетными словами». Но даже если встать на эту точку зрения, вряд ли можно согласиться с нигилистическим отношением именно к этой группе слов, так как в данном случае «из ванны вместе с водой выплескивают ребенка». Дело в том, что, оценивая те или иные родственные термины как «детский лепет», обычно упускают из виду, что эти слова не только входят в лексический запас языка, но что они несут важную семантическую нагрузку, обладают грамматическими формами и словообразовательными возможностями, т. е. создают свое гнездо слов, имеют свою историю возникновения и развития и, подобно другим словам, являются драгоценным свидетельством истории данного общества, данного народа, его внутренних и внешних общественно-экономических отношений, истории его языка, диалектов, говоров и т. д.

Имея в виду придать конкретный характер высказанной выше точке зрения на необходимость попытки сравнительно-исторического и этимологического анализа основных терминов родства и свойства́ алтайских языков, расположим их рядами, исходя из семантической оппозиции лексем, обозначающих женские и мужские особи, т. е. опираясь на свойственную этой группе слов антонимичность. При этом в качестве первого члена (ряда) оппозиции примем для всех языков однокоренные наименования женских особей; помещаемые же во втором, нижнем ряду соответствующие обозначения мужских особей в отдельных языках, как мы увидим ниже, могут являться производными от различных корней (см. схемы на стр. 62—69).

Таким образом, из приведенных в схемах примеров оппозиций к однокоренным терминам, относящимся к женщинам, можно видеть, что соотносительные с ними наименования для мужчин в различных языках связаны с различными корнями. Это особенно отчетливо проступает, если при сопоставлении женских и мужских терминов ограничиться основными, корневыми, морфемами, а именно:

1. ма. *эмэ/ама* ‘мать/отец’
кор. *эми/аби* ‘мать/отец’
п.-мо. *ете/ere* ‘женщина, самка/мужчина, самец’
чув. *ама/аҫа, ар* ‘мать, самка/отец, самец’
(др.-тюрк. *ет-* ‘сосать’, *emig* ‘сосцы’, *emik-lig* ‘кормящая грудью’)
(як. *ӓм-* ‘сосать грудь’, *ӓмii* ‘грудь’)
(тур. *ет-* ‘сосать’, *em-zik* ‘грудь’, *em-zik-li* ‘кормящая грудью’)
нивх. *ум-гу/ут-ку* ‘женщина/мужчина’
« *ымы-к/ыты-к* ‘мать/отец’
юк. *ӓмiӓ/эт'иэ* ‘мать/отец’

2. эвенк. *эн'э̄/амā* ‘мать/отец’
кор. *эи, анхэ/аби* ‘мать, самка, жена/отец’
чув. *анне/атте* ‘мать/отец’
др.-тюрк. *ана/ata, baba* ‘мать/отец’
як. *іҕä/аҕа* ‘мать, самка/отец’
тур. *ana, anne/ata, baba* ‘мать/отец’
тат. *ана, эни/ата, эти* ‘мать/отец’
нивх. *аньх/ар* ‘самка/самец’

3. нег. *экэ/ака* ‘старшая сестра, тетка/старший брат, дядя’
нан. *эгэ/ага* ‘старшая сестра/старший брат’
п.-мо. *eke/ečige* ‘мать/отец’
чув. *акка/пичче* ‘старшая сестра, тетка/старший брат, дядя’
др.-тюрк. *ekä/aqa* ‘старшая сестра, тетка/старший брат’
як. *аҕас/бӣ, убай* ‘старшая родственница по отцу/старший родственник по отцу’

4. ульч. *эукэ/ауси* ‘невестка/зять’
п.-мо. *ebe/aba* ‘мать/отец’
чув. *апай/атте* ‘мать/отец’
др.-тюрк. *ара/aba* ‘мать, старшая сестра/отец’
як. *ӓбӓ/абаҕа* ‘бабушка/дядя (старший брат отца)’
тат. *еби/абый* ‘бабушка/старший брат, дядя’
юк. *эпиэ/т'омо:т'иэ* ‘тетка (старшая сестра отца)/дядя (старший брат отца)’

5. эвен. *атā/этэ̄* ‘бабушка/дедушка’
др.-тюрк. *ačï/ečі* ‘пожилая женщина/старший брат, дядя’
нивх. *ытик/атак* ‘бабушка/дедушка’

Антонимические ряды терминов родства и свойства́ позволяют еще раз обратить внимание на своеобразие этой группы слов, свойственное ей не только в области семантики, но и в отношении единообразно направленных характерных фономорфологических черт. Это позволяет выделить среди общего числа лексем, служащих для обозначения родственных отношений, простейшие производящие основы, т. е. реконструировать корневые элементы **эм(э)*, **эн'э*, **экэ*, **эпэ*, **ати*, **эр(э)*, **ака*, **эти*, **эдэ*, **пурэ*. Вместе с тем сравнительно-исторический анализ алтайских терминов родства и свойства́, установление и сводки их корневых морфем побуждают в заключение высказать предположение о том, что некоторые из таких корней в свою очередь могут быть расчленены на составные элементы (см. на стр. 70 таблицу архетипов и праформ алтайских терминов родства[102]).

[102] В данной работе мы считаем возможным придать адекватным терминам «архетип» и «праформа» некоторое отличие, а именно: использовать первый из них для обозначения более архаичного прототипа.

ПРИМЕРЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ОСОБИ

1. С корневой морфемой **эм(э)* в верхнем ряду

Маньчжурский язык.

эмэ	*эмэ-кэ*	*эм-хэ*	—	*эми-лэ*
ама	*ама-ка*	*ам-ха*	—	*ами-ла*
'мать'	'мать мужа'	'мать жены'	—	'самка'
'отец'	'отец мужа'	'отец жены'	—	'самец'

Корейский язык.

эми	*си-эмэ-ни*	*каси-эми*	*халь-(э)мэ-ни*	*ам-*
аби	*си-абэ-чжи*	*каси-аби*	*хар-абэчжи*	(*сут-*)
'мать'	'мать мужа'	'мать жены'	'бабушка'	'самка'
'отец'	'отец мужа'	'отец жены'	'дедушка'	('самец')

Монгольский язык.

eme	*eme-ge*	*eme-gen*	*eme-g-tei*	*eme-g-čin*
ere	—	—	*ere-g-tei*	*ere-g-čin*
'жена', 'женщина', 'самка'	'мать отца'	'старуха'	'женщина', 'жена'	'самка'
'муж', 'мужчина', 'самец'	—	—	'мужчина', 'муж'	'самец'

Чувашский язык.

ама	—	*арам*	*хуняма*	‖ *ем-*
аҫа ар	—	*арҫын*	*хуняда*	—
'мать', 'самка'		'жена'	'теща', 'свекровь'	‖ 'сосать грудь'
'отец', 'самец'		'муж', 'мужчина'	'свекор'	—

Продолжение

Древнетюркский язык.

(*em-*	*em-ig*	*emik-lig*	*emüz-*	*emik-däš*)
('сосать грудь'	'грудь', 'сосцы'	'кормящая грудью'	'дать сосать грудь'	'молочный брат')

Якутский язык.

(*äм-*	*äм-ii*	*ämägät*	*äм-täр-*	*ämäxcін*)
('сосать грудь'	'грудь', 'сосцы'	'дух покровитель шамана'	'дать сосать грудь'	'старуха', 'жена')

Турецкий язык.

(*em-*	*em-ik*	*em-zik*	*em-zik-li*	*em-zir-*)
('сосать грудь'	'пятно от сосания'	'сосок', 'соска'	'кормящая грудью'	'дать сосать грудь')

Нивхский язык.

умгу	*н'умгу*	*ымык(а)*
утку	*н'утку*	*ытык(а)*
'женщина'	'жена'	'мать'
'мужчина'	'муж'	'отец'

2. С корневой морфемой *эн'э* в верхнем ряду

Эвенкийский язык.

эн'ā	*эн'ин*	*эн'экэ*	*эн'экāн*	*эн'ирāн*	*эн'ātэ*	*энэн*	*энтил* (*амтил*)
ама	*амин*	*амака*	*амакāн*	*амирāн*	*аминан*	*амнан*	*амтил* (*энтил*)
'мама'	'мать'	'бабушка', 'тетка'	'бабушка', 'медведица'	'мачеха'	'лосиха'	'самка рыбы'	'родители'
'папа'	'отец'	'дедушка', 'дядя' 'небо', 'бог'	'дедушка', 'дядя'	'отчим'	'олень-бык'	'самец рыбы'	'родители'

Корейский язык.

эи	*эи-тталь*	*ан-эбэи*	*анхэ*
сут, аби	—	*абэчжиним*	(*пэу*)
'самка', 'мать'	'мать и дочь'	'мать'	'жена'
'самец', 'отец'	—	'отец'	('муж')

Чувашский язык.

анне, ани	*асанне*	*паянам*
атте	*асатте*	*паятам*
'мама', 'мать'	'бабушка'	'свекровь', 'теща'
'папа', 'отец'	'дедушка'	'свекор', 'тесть'

Древнетюркский язык.

ana	*anač*	*ana ata ~ ana baba*
qaŋ, ata, baba	*atač*	*ata ana* —
'мать'	'маменька', 'умница' (о девочке)	'родители'
'отец'	'папенька', 'умница' (о мальчике)	'родители'

Якутский язык.

iǰä	*äк(к)ä, äк(к)äi*	*iǰä-aҕa*
aҕa	*aҕaк(к)a, aҕaк(к)ai*	*aҕa-iǰä*
'мать', 'самка'	'маменька'	'родители'
'отец', 'старший'	'батюшка'	'родители'

Продолжение

Турецкий язык.

ana, anne	*anacık*	*analık ~ üvey-ana*	*büyük anne*	*ana-baba*
ata, baba	*babacan*	*babalık ~ üvey-baba*	*büyük baba*	—
'мать', 'главный'	'маменька'	'мачеха'	'бабушка'	'родители'
'отец', 'уважаемый'	'милейший'	'отчим'	'дедушка'	—

Татарский язык.

ана	*әни*	*әнкә*	*үги ана ~ уги әни*	*аналы кызлы*	*дәү әни*	—
ата	*әти*	*әткә*	*үги ата*	*аталы уллы*	*дәү әти*	*ата-ана, әти-әни*
'мать'	'мама'	'самка'	'мачеха'	'мать с дочерью'	'бабушка'	—
'отец'	'папа'	'самец'	'отчим'	'отец с сыном'	'дедушка'	'родители'

Нивхский язык.

аньх	*нем-анях*
ар	*нем-ар*
'самка'	'старуха'
'самец'	'старик'

3. С корневой морфемой **экэ-* в верхнем ряду

Негидальский язык.

экэ ~ эхэ ~ эгэ ~ эхӣ, экэй ~ эхэй, экин- ~ эхин-
ака ~ аха ~ ага ~ ахӣ, акай ~ ахай, акин- ~ ахин-
'старшая сестра', 'тетка', 'младшая сестра отца или матери'
'старший брат', 'дядя', 'младший брат отца или матери'

Продолжение

Нанайский язык.

эгэ, эгэ̄нэ, эйкэ ‖ эктэ (экэ-сэл)	
ага, агā̄на, аг-/к-/ ӈ- ‖ хусэ	
'старшая сестра' ‖ 'женщина', 'самка'	
'старший брат' ‖ 'мужчина', 'самец'	

Монгольский язык.

eke	*eke ečige*	*emege eke*	*xoito eke*	*xadam eke*	*egeči ‖ eke-ner*
ečige	*ečige eke*	*ebüge ečige*	*xoito ečige*	*xadam ečige*	*axa ‖ er*
'мать'	'родители'	'бабушка'	'мачеха'	'свекровь', 'теща'	'старшая сестра' ‖ 'женщина', 'самка'
'отец'	'родители'	'дедушка'	'отчим'	'свекор', 'тесть'	'старший брат' ‖ 'мужчина', 'самец'

Чувашский язык.

акка, аки	*паяхам*
теме	*пинче*
'старшая сестра'	'тетка'
'старший брат'	'дядя'

Древнетюркский язык.

ekä	*ekäč*
aqa	*aqa ini*
'старшая сестра', 'тетка'	'умница' (о девочке)
'старший брат'	'старший и младший братья'

Продолжение

Якутский язык.

аҕас, аҕасыккаі	*аҕас балыс*
бī, убаі	*іпі бī*
'старшая сестра', 'тетка', 'старшая родственница' (по отцу)	'сестры'
'старший брат', 'старший родственник' (по отцу)	'братья'

4. С корневой морфемой **эпэ-* в верхнем ряду

Ульчский язык.

эвкэ ~ эукэ
ауси
'невестка' (жена старшего брата)
'зять' (? муж старшей сестры)

Монгольский язык.

ebei
abai, abaγa
'мать', 'матушка'
'отец', 'батюшка', 'дядя'

Чувашский язык.

апай, апи	*анна*	*анас*
атте	—	—
'мать', 'мамаша'	'сестра старшая'	'повитуха'
'отец'	—	—

Продолжение

Древнетюркский язык.

apa, aba	*očü apa*
aba, ata	—
'мать', 'старшая сестра'	'предки'
'отец', 'медведь'	—

Якутский язык.

äбä	*äбäккä*	*äбäн*
абаҕа	—	—
'бабушка'	'бабуся'	'пожилая'
'дядя' (старший брат отца)	—	—

Татарский язык.

апалы-сеңелле	*апалы-әнеле*	*әби-*	*әби-бабай*
агалы-сеңелле	*агалы-әнеле*	*абый, ага, агай*	—
'старшая сестра с младшей'	'старшая сестра с младшим братом'	'бабушка', 'теща', 'повитуха'	'предки'
'старший брат с младшей сестрой'	'старший брат с младшим'	'старший брат', 'дядя'	—

Юкагирский язык.

эпиэ	(*абут'иэ*)
т'омо:т'иэ	*хайт'иэ*
'тетка' (старшая сестра отца)	'бабушка'
'дядя' (старший брат отца)	'дедушка'

Продолжение

5. С корневой морфемой **ати-* в верхнем ряду

Эвенский язык.

атā	*ати-кāн*	*аткī*
этэ	*эти-кэн*	*эткī*
'бабушка'	'старуха'	'мать мужа ~ жены'
'дедушка'	'старик'	'отец мужа ~ жены'

Древнетюркский язык.

ачi	*аča*	*ečä*
eči ~ ičі	—	*ini ečі*
'пожилая женщина'	'родственник'	'старшая сестра'
'старший брат', 'дядя'	—	'младшие и старшие братья'

Нивхский язык.

ытик, ытика
атак, атака
'бабушка'
'дедушка'

Таблица архетипов и праформ алтайских терминов родства

Архетип	Праформа корневой морфемы	Тунгусо-маньчжурские языки	Корейский язык	Монгольские языки	Тюркские языки	Нивхский язык	Юкагирский язык
**эмэ* 'сосать мать ~ мать'	**эм(э)* 'мать сосать'	*эмэ* 'мать'	*эми* 'мать' *ам-* 'самка'	*ете* 'жена', 'женщина', 'самка'	*ет-* 'сосать'	*ум-гу* 'женщина' *ымы-к* 'мать'	*ämiä* 'мать'
**э-н'э/и* 'женское начало + человек'	**эн'э/и(н)* 'мать'	*эн'э/ин* 'мать'	*эи-* 'самка', 'мать' *анхэ* 'жена'	—	*апа* 'мать'	*аньх* 'самка'	*эн'э* 'мать'
**э-кӱн* 'женское начало + человек'	**экэ̄/и(н)* 'старшая сестра'	**экэ̄/и(н)* 'старшая сестра'	—	*eke* 'мать' *eke-ner* 'женщина'	*екä* 'старшая сестра'	—	
—	—	—	—	*egeči* 'старшая сестра'			
**э-пэі* 'женское начало + человек'	**эбэ(і)* 'старшая'	**эвэ-кэ̄* 'невестка старшая'	—	*ebei* 'матушка'	*ара* 'мать', 'старшая сестра'	—	*эпиэ* 'тетка' (старшая сестра отца)
**ати*?	*ат^{а}/и* 'старшая'	*ата* 'бабушка'	—	—	*ачі* 'пожилая женщина'	*ыти-к* 'бабушка'	—
**ами* 'жить'	*ам^{а}/и(н)* 'человек'	*ама/ин* 'отец'	—	*amin* 'жизнь'	—	*ахмальк* 'тесть'	*ама* 'отец'
**эрэ/и* 'жить'	*эр(э)* 'мужчина', 'жить'	*эрӣ-* 'дышать'	—	*ere* 'муж', 'мужчина', 'самец'	*er* 'муж', мужчина', 'быть'	*ар* 'самец'	—
**а-кӱн* 'мужское начало + человек'	*ак^{а}/и(н)* 'старший'	*ак^{а}/и (н)* 'старший брат'	—	*аха* 'старший брат'	*aqa~aga* 'старший' (брат)	*ыкын* 'старший' (брат)	*ака* 'старший брат'
**а-баі* 'мужское начало + человек'	*аба(і)* 'старший'	—	*аби* 'отец'	*abai* 'батюшка'	*aba* 'отец'	*апа-к* 'тесть'	—
**эти* 'производить (ель)'	*эти/э̄* 'старший'	*этэ̄* 'дед'	—	*ečige* 'отец'	*ata* 'отец'	*ата-к* 'дед'	*эт'иэ* 'отец'
**эдэі* 'владеть (ель)'	*эдӣ, эӡ̌эн* 'хозяин, владыка'	*эдӣ* 'муж'		*eӡ̌en* 'хозяин'	*edi* 'господин'	*ызь* 'хозяин'	—
**пӱр^{э}/и* 'плод(иться)'	*(n~h)ӱр^{э}/и* 'потомство'	*hурил* 'дети'	—	*üre* 'дети'	*üre-* 'плодиться'		

В. Д. КОЛЕСНИКОВА

НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Слова, обозначающие названия частей тела человека, являясь одним из наиболее устойчивых разрядов лексики, представляют, как уже приходилось отмечать,[1] особый интерес в исследовании вопроса о генетическом родстве алтайских языков.

Предварительный анализ материала показал, что каждый из языков (диалектов, говоров) этой группы располагает двумя-тремя сотнями наименований различных частей тела. Вместе с тем языковая подгруппа в целом характеризуется значительно бóльшим числом названий. Так, например, в тунгусо-маньчжурской их выявлено свыше шестисот.[2] Это объясняется главным образом детализацией некоторых обозначений в том или ином языке, проникновением заимствований, тáбу на употребление отдельных названий и т. п.

Тем не менее общность названий частей тела весьма характерна для каждой из языковых подгрупп алтайской семьи и это позволяет реконструировать праформы в пределах группы. Последнее, в свою очередь, дает возможность выявлять более широкие взаимосвязи и восстанавливать общеалтайские архетипы.

В настоящее время можно привести несколько десятков названий частей тела, имеющих общие корневые основы в языках тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейском. К ним относятся обозначения головы ~ головного мозга, лица, носа, рта, глаз, ушей, затылка, шеи, груди ~ грудной клетки ~ грудины, нескольких названий для спины, плеч, конечностей (рук, ног) и их частей (локтя, кисти, ладони, бедра, колена, ступни) и др. Из них нами детально рассматриваются шестнадцать наименований.

В морфологическом отношении многие из слов, обозначающих части тела, характеризуются в алтайских языках наличием архаических омертвелых собирательных показателей и аффиксов множественного числа. Это находит свое объяснение в самом строении человеческого организма со свойственными ему симметричностью отдельных частей (грудная клетка, лицо, нос), парностью (глаза,

---

[1] См.: В. Д. Колесникова. О названиях частей тела в алтайских языках. ПОАЯз, стр. 139.

[2] См. в настоящем сборнике мою статью «К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках».

уши, руки, ноги, почки) или совокупным характером (зубы, ногти, волосы, ресницы), а также массовидностью (мышцы, сухожилия). Типичными примерами такой морфологической структуры являются названия для глаз, ресниц, век, бровей, сухожилий и др.[3]

Для рассматриваемой группы лексики в алтайских языках характерно также наличие ряда устойчивых, повторяющихся семантических моделей и этимологических связей. Так, название для рта, из которых одно является общим для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (праформа **ама(н)*), а второе — общим для тюркских и корейского (праформа **агур*), этимологически связано прежде всего с представлением об отверстии, входе куда-либо, во что-либо. Общеалтайское название для руки (**гари/а*) подобно монголо-тюркскому обозначению члена тела, конечности (**мӧчи*) этимологизируются как ‘отрасль’, ‘ответвление’, ‘ветвь’, ‘сук’.

Общеалтайские корневые морфемы **ар(а)* ‘спина’ ~ ‘зад’ ~ ‘тыл’, ‘север’ ~ ‘запад’ и **гэдэ/и* ‘затылок’ ~ ‘задняя часть’ ~ ‘позади’, ‘позже’, **н′ири* ‘спина’ ~ ‘хребет’ ~ ‘крестец’, ‘налево’ ~ ‘на север’, ‘сезон’ ~ ‘пора’ и т. д. говорят об интересных семантических связях названий частей тела с пространственными и временными представлениями.

Ярко выражена также этимологическая связь ряда наименований частей тела с обозначениями мер длины — локоть, пядь, четверть, ширина пальца и т. п.

В анатомической лексике алтайских языков прослеживаются связи и с представлениями о форме предметов, как это имеет место, например, в монгольских и тунгусо-маньчжурских названиях для ключицы, плеча, локтевого сустава с праформой **эг-ин*, которая в тюркских языках обнаруживает себя в глаголах со значением «сгибать», «сгибаться», «гнуться», «склоняться». Другой иллюстрацией служит наименование локтя и извилины, излучины реки в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках с восстанавливаемой праформой **токай*.

Следует также указать и на типичный для названий частей тела в алтайских языках полисемантизм, состоящий в том, что одно и то же слово используется для выражения двух, трех и более смежных понятий. В виде иллюстрации можно привести слова, обозначающие одновременно горло, гортань, дыхательное горло, глотку, нёбо, пищевод, шею; ср. т.-ма. **билга*, монг. **хоγолай* и тюрк. **тамак*. Аналогичное явление отмечается в монгольских и тюркских языках, где словами с общей праформой **омур* обозначаются ключица, грудная кость, грудная клетка, плечо, лопатка, спина, а также грудина, подгрудок у крупного рогатого скота.

---

[3] См. названную выше мою статью в ПОАЯз, стр. 144—145.

В предлагаемых ниже реконструкциях алтайских праформ, основанных на исследовании некоторых наименований частей тела, мы пытались учесть наряду с фонетическими соответствиями также и те наблюдения, которые касаются структурно-морфологических, семантических и этимологических особенностей данных лексем, привлекая при этом с возможной полнотой и другие различные производные соответствующих гнезд слов.

***ама(н).** Корневая морфема **ама(н)* широко представлена в алтайских языках прежде всего в названиях для рта (мо., т.-ма.) и в семантически связанных с ними наименованиях входных отверстий различных предметов и пр. Интересны также довольно разнообразные вторичные и т. д. именные и глагольные производные.

Наиболее близки к праформе **ама(н)* следующие монгольские существительные:

п.-мо. *ама(n)*, монг. *ам(ан)*, бур. *ама(н)* ‘рот’, ‘уста’, ‘губы’, ‘пасть’, ‘зев’ (у животных), перен. ‘слово’, ‘язык’, ‘речь’, ‘едок’, ‘иждивенец’, ‘дыра’, ‘отверстие’, ‘жерло’, ‘дуло’, также бур. ‘клюв’, ‘устье’ (реки), ‘проход’, ‘удила’, калм. *амп* ‘рот’, ‘уста’, ‘устье’, ‘дыра’, даг. *ам ~ амй* ‘рот’.

Дополнительная семантическая характеристика может быть почерпнута в следующих парных и определительных сочетаниях:

п.-мо. *aman büle*, монг. *ам бүл* парн. ‘семейство’; п.-мо. *aman erüke*, монг. *өрх ам* парн. ‘хозяйство’; п.-мо. *aman kümüs* парн. ‘население’; п.-мо. *aman küžügün*, монг. *аман хүзүү* ‘атлант’ (первый шейный позвонок), бур. *аман хүзүүн* ‘второй шейный позвонок’.[4]

Отметим также прямые и переносные значения форм обладания и необладания:

п.-мо. *amatai*, *amatu*, монг. *амтай*, *амт*, бур. *амтай* ‘имеющий рот, уста, пасть, отверстие’, перен. ‘говорливый’, ‘болтливый’, также монг. перен. ‘обладающий специфическим действием, способностью подавлять’ (о лекарствах);

бур. *амгүй* ‘не имеющий рта, отверстия’, перен. ‘бессловесный’, ‘немой’, ‘без удил’, перен. ‘не приученный к езде’ (о лошади).

От основы **ама(н)* образованы следующие отыменные глаголы:

бур. *ама-да-* ‘начинать говорить’, ‘запевать’, ‘начинать впервые шаманить’, ‘перебивать’ (речь), ‘пересекать’ (путь);

п.-мо. *ama-la-*, монг. *ам-ла-* ‘давать слово’, ‘обещать’, ‘вызывать’ (противника), ‘впервые брать грудь’ (о новорожденном), бур.

---

[4] бур. *амаргал*, Тунк *амалгар*, Эхир *амаргол* ‘атлант’ рассматривается с исторической точки зрения как результат деформации сложного слова: **амаһар ~ *амасар* ‘отверстие’ + *гол* ‘позвоночник’ (см.: Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, стр. 18).

ама-л- 'пригубить', 'отведать', 'обещать', 'говорить', 'просить', 'взнуздывать', 'выдалбливать', калм. *amḷ̥-* 'говорить', 'обещать';

п.-мо. *am-sa-*, монг. *ам-са-*, бур. *ам-са-* ~ *ам-ħа-* 'пробовать', 'отведывать', 'вкушать', перен. 'переживать', 'нести ответственность'.

Имеется также ряд вторичных именных производных, от которых в свою очередь образуются новые именные или глагольные основы.

Так, с уменьш. афф. *-сар* ~ *-ħар* образовано имя существительное:

п.-мо. *ama-sar* ~ *am-sar*, монг. *ам-сар*, бур. *ам-ħар*, калм. *am-sr̥*, даг. *ам-сăр*, 'отверстие', 'горлышко' (сосуда), даг. 'устье', 'вход', бур. *ам-ħар-та* 'посудина', 'тара', бур. зап. *ам-ħагар* 'развернутый', монг. *амсар-ла-* 'делать отверстие'.

По связям с тунгусо-маньчжурским названием для рта (см. стр. 75) интересно следующее существительное со своими производными:

п.-мо. *ama-γai*, *ama-γai-bči*, монг. *ам-гай*, *ам-гай-вч*, калм. *am-γā* ~ *am-γā̊*, *am-γā̊-ptšı̣* 'удила';

п.-мо. *amaγai-la-*, *amaγai-čila-*, монг. *амгай-ла-*, *амгай-чла-*, бур. *амгай-л-*, *амгай-шал-*, *амгай-гшал-*, калм. *amγäl-*, *amγā-ptšḷ̥-* 'разнуздывать' (лошадь).

Имеется еще ряд вторичных существительных и прилагательных:

п.-мо. *ama-sun*, монг. *амас*, бур. *ам-ħа(н)* уст. 'каша', 'жертвенная пища', бур. название кушанья из молока и зерен (ранее — из семян и корней растений), 'краюшка черного хлеба' (помазанная топленым маслом);

п.-мо. *amančar*, монг. *аманцар* 'говорун';

п.-мо. *amarxaγ*, монг. *амархаг*, бур. *амархуу*, *амалгай* ~ *амалигай* 'речистый', 'говорливый', бур. *амарха-* 'любить прекословить';

бур. *амтигар*, *амшагар* 'беззубый' (рот), *амшагана-* 'жевать беззубым ртом', *амшы-* 'иметь беззубый рот';

бур. зап. *амхагар* 'провал', перен. 'беззубый', *амхай-* 'образоваться бреши', перен. 'становиться беззубым', калм. *атχā̊* 'беззубый'.

Особое место в гнезде слов с корневой морфемой **ама(н)* занимает существительное *амта(н)* 'вкус', весьма продуктивное в словообразовательном отношении; ср.:

п.-мо. *amta(n)*, монг. *амт(ан)*, бур. *амта(н)*, калм. *amtn̥* 'вкус';

п.-мо. *amta-tai*, *amta-tu*, монг. *амт-тай*, *амта-т*, бур. *амта-тай*, *амта-тай шэмтэ-тэй* парн., калм. *amtɒ-tɛ̄* 'вкусный', 'сладкий', 'приятный';

п.-мо. *amta ügei*, монг. *амтгүй*, бур. *амтагүй*, калм. *amtn̥ugɛ̄* 'невкусный', 'безвкусный';

п.-мо. *amta-tan*, монг. *амт-тан*, бур. *амтата эдеэн* 'сласти';

п.-мо. *amta-γda-*, монг. *амтагда-* ‘ощущать вкус’;

п.-мо. *amta-rxa-*, монг. *амта-рха-* ‘сильно желать’, бур. *амта-рха-* ‘проявлять аппетит’, ‘пристращаться’;

п.-мо. *amta-la-*, монг. *амт-ла-*, бур. *амта-л-* ‘пробовать’ (на вкус), ‘отведывать’, ‘вкушать’, ‘приправлять’, ‘делать вкусным’;

п.-мо. *amta-ši-*, монг. *амт-ши-*, бур. *амта-ша-*, калм. *амтᴐ-š-* ‘входить во вкус’, ‘повадиться’, бур. ‘смаковать’;

бур. Бох. *амтуурга* ‘вкус’, *амтуури шэмтγγри* парн. ‘привкус’.

Тунгусо-маньчжурское наименование для рта имеет общую для этих языков праформу **амӈа < *амга < *ама-гаі*,[5] т. е. в морфологическом отношении соответствует мо. **ама-гаі* ‘удила’:

эвенк. *амӈа ~ амма* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ‘отверстие’ (камелька), ‘вход’ (в нору), ‘устье’ (реки), фольк. ‘сотрапезник’, сол. *амма* ‘рот’, эвен. *амӈа ~ амӈъ ~ амӈо ~ амга*, Арм *аӈ* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, нег. *амӈа* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ороч. *амма* ‘рот’, ‘уста’, ‘устье’ (реки), уд. *аума* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ульч. *аума* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ‘вход’ (в берлогу), ‘устье’ (реки), орок. *амӈа ~ аума* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ‘отверстие’ (бутыли), ‘дуло’ (ружья), ‘горловина’ (вьючной сумы), ‘клешня’ (рака, краба), нан. *аума ~ амӈа ~ амга* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ‘отверстие’, перен. ‘слово’, ‘речь’, ма. *ауҍа* ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ‘клюв’, ‘отверстие’, ‘дыра’ (раны), ‘щель’, ‘ворота’ (на заставе, в городской стене), ‘проход’, ‘ущелье’ (в горах), ‘устье’ (реки), чж. *ān-hāh(kā)* ‘рот’.

В словообразовании, связанном с основой **амӈа*, в тунгусо-маньчжурских языках наблюдается довольно пестрая картина, причем в эвенкийском имеется тождественная глагольная основа; ср.:

эвенк. *амӈа- ~ амма-* ‘проглотить’, *амӈа-в-* ‘быть проглоченным’, ‘открыться’ (о рте), *амӈадан* ‘нёбо’, *амӈамакта-* ‘тявкать’ (о собаке), *амӈарикта* ‘большеротый’, *амӈадā-* ‘наговорить’, ‘сглазить’, *амӈасикта ~ амӈаһикта* ‘глоток’, *амӈасикта- ~ амӈаһикта-* ‘пригубить’, ‘откусить’, *амӈат-* ‘просить’, ‘выпрашивать’, ‘ответить’, ‘предложить’, *амӈаһин-*, *амӈӯ-*, *амӈӯһин-* ‘взять в рот’, ‘держать во рту’;

эвен. *амӈъγдъ*, *амӈънӡа* ‘большеротый’, ‘широкоротый’, ‘горластый’, *амӈърй* ‘разговорчивый’, *амӈӱдан* ’узда’;

нег. *амӈанʲа* ‘раскол на березе’ (в форме рта), *амӈухонʲа ~ амӈуконʲа* ‘калуженка’ (небольшая калуга с большим ртом), ‘озеро с протокой’, *амӈут-/ч-* ‘осуждать’, ‘порицать’;

ороч., ульч., орок., нан. *амда-* ‘подражать’, ‘передразнивать’;

уд. *аумакчи* ‘мундштук’ (курительной трубки), *ауман-а-* ‘брать в рот’;

ульч., нан. *аумара-* ‘балагурить’, нан. *аумаразйсо/ӱ* ‘балагур’;

орок. *аумапӱ(н-)* ‘мундштук’ (курительной трубки).

В маньчжурском языке обнаруживаются две группы вторич-

---

[5] P. Vergl., стр. 40, 68, 94, 121, 140, 150.

ных образований — от основы *ауга* [< **амуа* < **ама-га*] и от корня **ам(а)-*; ср.:

ма. *ауҕакӯ* [< *ауҕа* + *акӯ* ‘нет’] миф. название зверя, не имеющего рта, *ауҕала* ‘семейство’, ‘домочадцы’, ‘сам’, счетное слово людей, душ, *ауҕала-* ‘просить’, ‘домогаться’, *ауҕалиуҕо* ~ *ауҕалиуҕу* ‘говорун’, ‘речистый’, *ауҕара* ‘чан’, ‘кадка’ (с широким отверстием), *ауҕату* ~ *ауҕута* ‘намордник’ (надеваемый, чтобы животные не ели хлебных растений), ‘накладка’ (под шляпку гвоздя), *ауҕуша-* ‘намекать’;

амӽулан [< *ам-* + *ӽула-* ‘призывать’ + *-н*] ‘свисток’ (для приманивания зверей);

амдан ‘ковш’ (выдолбленный из цельного дерева);

амча- ‘вторично допрашивать’, *амчада-* ~ *амчата-* ‘кричать’, ‘ругаться’, *амчакӯша-* ‘выведывать’.

По-видимому, заимствованием из монгольских языков является следующая группа слов с суфф. *-су(н)*:

амсу уст. ‘яства’, ‘кушанья’ (подававшиеся государю), *амсун* ‘жертвенные приношения’ (снеди, яства и вино), *амсун йали* ‘жертвенное мясо’ (уже приготовленное), *амсун и ӡэку* ‘хлеб’ (жертвенный, в зерне), *амсу-ла-* ‘вкушать’, ‘отведывать’ (о важных лицах), *амтун* [< *амсун* ‘жертва’ + *тэтун* ‘сосуд’] ‘корыто’, ‘поднос для жертвенного мяса, выдолбленный из дерева’.

Монголизмами являются также следующие примеры:

сол. *аммар* [< мо. *ам-сар*] ‘устье пади’, *ам-мā-* [< мо. *ам-са-*] ‘закусить’, ‘взять зубами’.

Во всех тунгусо-маньчжурских языках, как и в монгольских, особое место в рассматриваемом гнезде слов занимает вторичная основа *амта(н)* ‘вкус’, причем в северной подгруппе (эвенк., эвен., нег.) отмечается и омонимичная глагольная основа *амта-* ‘пробовать’ (на вкус), ‘чуять’; ср.:

эвенк., эвен. *амта* ~ *амтан*, нег., ма. *амтан*, ороч., уд., ульч. *амта*, орок. *апта* [< **амта*], нан. *амта* ‘вкус’, ‘чутье’, ‘ощущение’, ‘сладость’, ‘запах’, также ма. перен. ‘удовольствие’, ‘приличие’, ма. *амтан симтэн* парн. ‘вкус’, ‘приятность’ (в пище);

эвенк., эвен., нег. *амта-*, уд., ульч., нан., ма. *амта-ла-*, орок. *апта-ла-* ‘пробовать’ (на вкус), ‘отведывать’, ‘чуять’, эвенк., эвен. *амта-вкāн-* побуд. ‘угостить’, ‘дать попробовать’, эвенк. *амта-да-* ‘нюхать’ (о животном), *амтат-/ч-* ‘принюхиваться’ (о животном), эвенк. *амта-кси-*, уд. *амта-си-*, ма. *амта-ша-* ‘пробовать’;

эвенк. *амта-чӣ*, *амта-лкāн*, *амта-му*, сол. *анта-ш'и* [< **амта-чӣ*], эвен. *амта-ч*, *амта-лкан* ~ *амтъ-лкан* ~ *амто-лкан*, нег. *амта-сй*, *амта-кӱ*, уд. *амта-хи*, ульч. *амта-ӱлй*, орок. *апта-ӱлй*, нан. *амтаӈко/ӱ*, ма. *амта-ӈҕа* ‘вкусный, сладкий’, ‘приятный’;

эвенк. *амтанā āчин*, *амта-ла āчин*, эвен. *ач амтанā*, ульч. *амтана* [< *амта* + *ана* ‘нет’], нан. *амта ана*, ма. *амтан акӯ* ‘невкусный’, ‘безвкусный’;

ульч., нан. *амтаӷа* ‘ягоды’, ‘плоды’, нан. *амтаӷа-ла-* ‘отправиться собирать ягоды’, *амтаӷа-ла-ча-* ‘ходить или ездить за ягодами, *амтаӷпāчй-* ‘есть с аппетитом’, *амталā бū*, *амтасйлā бū* ‘сладковатый’, ма. *амтан би* ‘вкусно’ (букв. ‘вкус есть’).

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что мо. и т.-ма. *амта(н)* [< **ама-та*] ‘вкус’ весьма близко по своему фонетическому облику кор. *мат* [< ? *(а)мат(а)*] ‘вкус’, перен. ‘интерес’; ср. также глаголы *мат-та* ‘нюхать’, ‘обонять’, *мат-пода*, *масыль-пода* ‘пробовать’ (на вкус), ‘отведать’, *мат-тыда* ‘становиться вкусным’, ‘киснуть’ и предикативы *мадит-та*, *манна-да* ‘вкусный’, *мадоп-та* ‘невкусный’ или такие именные образования, как *маккам* ‘вкус пищи’. С меньшей уверенностью можно говорить о принадлежности к этому же гнезду слов кор. *маль* ‘слово’, ‘речь’, ‘язык’, *мар-хада* ‘говорить’.

Интересно, что в тюркских языках со значительным монгольским влиянием среди монголизмов также можно отметить наличие лексики, связанной с обозначением понятия «вкус»; ср.:

РСл *амтан* ~ *амтам*, як. *амтам* [< мо.], тув. *амдан* ‘вкус’, РСл *амтандӯ* ~ *амтамдӯ* [< *амтан-лӯ*], тув. *амданныг* [< *амданлыг*], як. *амтаннāх* [< *амтан-лāх*] ‘вкусный’, як. *амтасыі-* ‘пробовать’ (на вкус), тув. *амдажы-*, РСл *амташ-* ‘привыкнуть’, ‘повадиться’.

К заимствованиям из монгольских языков относится также следующий глагол:

РСл *амза-* [< мо.], як. *амсаі-* ‘пробовать’ (на вкус), ‘отведывать’, ‘вкушать’.

Ср. также: ойр. *амайла-* ‘разнуздать’, як. *амаі-* ‘смеяться’ (громко, широко раскрывая рот), *ымаі-* ‘улыбаться’ (углами рта), ‘усмехаться’.

Можно отметить также др.-тюрк. *amšu* ‘жертвенная пища’.

Имеется мнение, что к общеалтайскому гнезду с корнем **ама-*, возможно, относится следующее слово, представленное в ряде тюркских языков: [6]

др.-тюрк. *ет*, РСл, н.-уйг., кирг., тат., тур. *ам*, ст.-узб. *амцык* ‘женский половой орган’.

Однако особенность семантики тюркских слов (имеющей к тому же бранный оттенок) и, что самое главное, вполне реальная возможность сопоставления их с як. *abas* ‘женские половые органы’, *öbüs* ‘мужские половые органы’ и с калм. *äpş* < **abis* ‘половой орган мальчика’,[7] заставляет усомниться в достоверности подобного мнения и предполагать в тюрк. *ам* ~ *ем* иную корневую основу.

агур-. В семантическом отношении лексика с корневой морфемой **агур* в тюркских языках не только в обозначении рта,

[6] P. Vergl., стр. 68, 94, 121, 140.
[7] Калужиньский, стр. 129.

но и всякого рода входных и выходных отверстий представляет почти полную параллель монгольским и тунгусо-маньчжурским наименованиям рта и пр., связанным с праформами **ама(н)* и **ама-гай* (см. стр. 73, 75); ср.:

др.-тюрк. *аγаz* ‘рот’, ‘уста’ ~ *аγїz* ‘рот’, перен. ‘губы’, ‘уста’, ‘отверстие’ (сосуда, колодца), ‘устье’ (реки), аз., туркм. *ағыз*, тур. *ağız*, уйг. *ағиз* ~ *еғиз*, тат. *авыз*, башк. *ауыз*, узб. *оғиз*, кирг. *өз*, тув., хак., шор. *ас* (*аас*), РСл *аҕз* ~ *аз* ~ *ауз* ~ *аус* ~ *ӧс* ~ *ӱс*, чув. *çавар* [< **йаγыр* < **агыыр*] ‘рот’, ‘уста’, ‘пасть’, ‘отверстие’, як. *уос* [< **оγуз* < **аƀуз* < *аγур*] ‘губа, губы’, ‘уста’, ‘выемка полукруглая’; др.-тюрк. *аγїz тїл* парн. ‘речь’; также: тур., туркм., чув. ‘клюв’, ног., тат., узб. ‘зев’, аз., казах., тат., башк., узб. ‘горлышко’ (сосуда), аз., башк., тат., тур., туркм., тув., узб., чув. ‘дуло’, ‘жерло’, аз., уйг. ‘проход’, аз., уйг., тув., туркм. ‘вход’, аз., кирг. ‘ворота’, ‘выход’, башк., тув., тур., узб., уйг., хак., чув. ‘устье’ (реки), кирг. ‘исток’.

Очевидно, по ассоциации с краями рта также аз. ‘край’, ‘около’, ‘у края’, ‘у’, аз., тур., туркм. ‘лезвие’. Отметим также чув. ‘глоток’, ‘едок’.[8]

Вслед за Рамстедтом нам представляется возможным сопоставить приведенные выше тюркские названия для рта с кор. *агури* ~ *агари* простореч. ‘рот’, ‘рыло’, ‘дыра’, ‘отверстие’.[9]

В то же время трудно согласиться с Н. Поппе, который в качестве монгольской параллели привлекает п.-мо. *аγur*, монг. *агур* ~ *уур*, бур. *уурал*, калм. *ur* ‘пар’, ‘испарение’,[10] далекое по семантике от приведенных тюркских и корейских значений.

köke-(n). От корневой морфемы с праформой **köke-* в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках образовано название женской груди, тогда как в тюркских соответствующая лексическая параллель несколько отличается по своей семантике, обозначая грудь вообще, грудную клетку.

Наиболее близки по своему фонетическому облику к архетипу монгольские, точнее, письменно-монгольские формы; ср.:

п.-мо. *köke-n* ~ *kökü-n*, монг. *хөх(өн)*, бур. *хүхэ(н)*, калм. *кӧкң* ‘женская грудь’.

С морфологической точки зрения приведенные существительные являются производными от следующей глагольной основы:

п.-мо. *köke-* ~ *kökü-*, монг. *хөхө-*, бур. *хүхэ-*, калм. *кӧк-* ‘сосать грудь’.

Таким образом, в отглагольном имени *köke-n* конечный носовой согласный представляет собой словообразовательный афф. *-n (-н)*, который имеется не только в монгольских, но также в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, т. е. является,

---

[8] Подробный обзор тюркских значений см.: Севортян, стр. 26—27.
[9] R. SKE, стр. 5.
[10] P. Vergl., стр. 95, 131, 141.

по существу, общеалтайским. При этом во всех указанных языковых группах афф. *-n (-н)* выполняет тождественную функцию. Так, для монгольских языков указывалось, что суфф. *-n* образует имена качества и основным его значением является «качество, вызванное действием; изредка — процесс действия».[11] Примеры: *šingen* ‘жидкий’ от *šinge-* ‘впитываться’, *orčin* ‘окрестность’ от *orči-* ‘вертеться’, *nayadun* ‘игра’ от *nayad-* ‘играть’. Для бурятского языка отмечено третье значение этого аффикса, а именно: предмет действия, результат. Примеры: *долгин* ‘волна’ от *долги-* ‘волноваться’, *хойшолон* ‘последствие’ от *хойшол-* ‘откладываться’.[12]

Принимая во внимание, что в монгольских языках при помощи афф. *-n(-н)* от переходных глаголов образуется имя предмета или объекта действия, существительное *köke-n* ‘женская грудь’ в буквальном переводе означало ‘то, что сосут’.[13]

Следует отметить, что в тунгусо-маньчжурских языках с афф. *-н* также образуется преимущественно имя процесса, например: эвенк. *ӈэнэ-н* ‘движение’, ‘путь’ от *ӈэнэ-* ‘идти’, эвен. *тӧрэ̄-н* ‘речь’, ‘язык’ от *тӧрэ̄-* ‘говорить’, нан. *ǯари-(н)* ‘песня’ от *ǯари-* ‘петь’.[14]

Наконец, что касается тюркских языков, то «производные на *-н* отличаются . . . преобладанием среди них отглагольных имен со значением имени действия и в меньшей степени — носителя процесса. Остальные значения, в частности значение признака, в данной группе развиты слабо».[15] Примеры: аз. *ах-ы-н* ‘поток’, ‘течение’, ‘натиск’ от *ах-* ‘литься’, ‘быть унесенным течением, водой’, башк. *јау-ы-н* ‘осадки’ (атмосферные) от *јау-* ‘идти’, ‘сыпать’ (о дожде, снеге), тат., казах. *жы-ј-ы-н* ‘сход’, ‘сходка’, ‘сбор’ от *жыј-* ‘собрать’, ‘собирать’. Представляет интерес также др.-тюрк. *saγ-ï-n-lïγ* [*er*] ‘[мужчина] имеющий дойное животное’ от *saγ-* ‘доить’.[16] В последнем примере легко может быть выделен афф. обладания *-lïγ*, и в таком случае вычленяется существительное

---

[11] См.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 101, § 31.

[12] См.: К. М. Черемисов. Краткий грамматический справочник по бурят-монгольскому языку. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951, стр. 826—827.

[13] Зафиксированная для письменно-монгольского языка форма *köke-l* ‘женская грудь’ либо также является отглагольным именем, образованным с афф. *-l*, либо это *-l* выступает здесь как архаический аффикс множественного числа. Об интересном монголо-тюркском образовании *kökäl-täš* ‘молочный брат’ см.: Дёрфер, стр. 481, 482.

[14] См.: О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, стр. 87; Л. Д. Ришес, В. И. Цинциус. Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. М., 1952, стр. 718; Т. И. Петрова. Краткий очерк грамматики нанайского литературного языка. Л., 1960, стр. 232.

[15] См.: Севортян. Афф. им., стр. 332.

[16] См.: ДТС, стр. 480.

*saγ-i̯-n 'дойное животное', которое и в морфологическом, и в семантическом отношении напоминает рассматриваемое выше мо. *köke-n*.

В монгольских языках от глагольной основы **köke-* 'сосать' помимо существительного **köke-n* 'женская грудь' имеется еще несколько именных образований, а именно:

имя процесса и имя предмета — объекта[17] или результата действия[18] — п.-мо. *köke-lte*, монг. *хөхө-лт* 'сосание', 'соска', бур. *хүхэ-лтэ*, калм. *kök-l̥tə* 'соска';

имя деятеля или имя орудия[19] — п.-мо. *köke-gūl*, монг. *хөх-үүл*, бур. *хүх-үүли* 'сосунок', 'грудной' (ребенок);

имя орудия[20] — п.-мо. *kökü-gūr*, монг. *хөх-үүр*, бур. *хүх-үүр* 'бурдюк'.[21]

В свою очередь от существительного **köke-n* 'женская грудь' образуется вторичное имя, относящееся к семантической группе с обозначением прикрытий:[22] п.-мо. *köke-bči*, монг. *хөхө-вч*, бур. *хүхэ-бшэ* 'лифчик', 'бюстгальтер'.

Для монгольского может быть также отмечено имя собирательное с суфф. *-тан*, *-тэн*, *-төн* — *хөх-төн* 'млекопитающие', т. е. буквально 'те, для которых характерно наличие груди для сосания'.[23]

Отметим также побудительную форму глагола **köke-*:

п.-мо. *köke-gūl-*, монг. *хөх-үүлэ-*, бур. *хүх-үүл-*, калм. *kök-l̥-* 'кормить грудью', 'давать (сосать) грудь'.

Тунгусо-маньчжурские названия для женской груди, как и монгольские, являются именами, образованными с афф. *-н* от глагола 'сосать' (грудь); ср.:

эвенк. *укун* (мн. ч. *укур*), *hукун* (мн. ч. *hукур*) В-Л, *укуксун* Тк, *hукуhу* Хнг 'женская грудь', 'сосок', С-Б 'вымя', сол. *ухӯ* ~ *уккун* Ив. 'молоко' (грудное), эвен. *өкън* ~ *өкэн* ~ *укэн* ~ *экэн* Ск, *көккэ* Арм, нег. *өхөн* ~ *өкөн*, ороч. *око(н-)* ~ *уку(н-)*, уд. *око(н-)*, *кос'о*, ульч. *куэ(н-)* ~ *кӯ(н-)*, орок. *кō(н-)* ~ *кӯ(н-)*, нан. *кӯ̄* ~ *кӯ(н-)*, ма. *хухун*, чж. *hūh-hûn* 'женская грудь', 'грудное молоко', 'соски', 'вымя'.

По сравнению с монгольскими названиями приведенные тунгусо-маньчжурские наименования для женской груди обладают, как мы видим, еще рядом дополнительных близких значений — «молоко грудное», «вымя».

Фонетическое развитие праформы **köke-(n)* в тунгусо-маньчжурских языках сравнительно с монгольским более сложно. Так, начальный согласный **k-* сохраняется (см. выше) в виде *x-* ~ *k-*

---

[17] См.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 98, п. 22.

[18] См.: К. М. Черемисов. Краткий грамматический справочник..., стр. 822.

[19] Поппе, стр. 93, п. 2.

[20] Черемисов, стр. 834—835.

[21] Поппе, стр. 94, п. 3; Черемисов, стр. 834.

[22] Поппе, стр. 106, п. 3; Черемисов, стр. 816—817.

[23] См. также: Дёрфер, I, стр 451—452.

лишь в трех из тунгусо-маньчжурских языков, а именно в нанайском, ульчском и орокском, но исчезает в остальных языках как северной подгруппы (эвенк., эвен., сол., нег.), так и южной (уд., ороч.); [24] ср., например: п.-мо. *köke-n* и эвен. *өкэ-н* < * *(к) өкэ-н*. Правда, в некоторых говорах эвенкийского языка в отдельных случаях наблюдается отражение начального **к-* в виде *h-*; ср. эвенк. *уку-н* < **(к)уку-н* < **köke-n*, но *нуку-н* В-Л.

Подобное же исключение в названии для женской груди наблюдается в арманском диалекте эвенского языка, где отмечена форма *көккэ* < **көкнэ* < **көкэ-н*; сюда же относится ма. *хуху-н* (в данном случае, вероятно, сказалось влияние монгольских норм). Следующей характерной для некоторых тунгусо-маньчжурских языков чертой является выпадение интервокального *-к-* ~ *-х-*.[25] Это выпадение согласного *к* в середине слова между гласными с последующим стяжением смежных гласных отчетливо прослеживается на вариантах ульчских форм; ср.: ульч. *кӯ(н-)* ~ *куэ(н-)* < **ку(к)эн* < **köke-n*; нан. *кӯ* ~ *кӯ(н-)*, орок. *кō(н-)* ~ *кӯ(н-)*. Что касается гласных, то лишь в эвенском и негидальском языках установлено наличие фонемы *ө* мягкого ряда,[26] которое в рассматриваемом случае выступает как рефлекс **ӧ* (ср.: эвен. *өкэн*, нег. *өхөн* ~ *өкөн*), в остальных же тунгусо-маньчжурских языках оно отражается обычно как *у* мягкого ряда, реже — в виде *э*; ср.: эвенк. *укун*, эвен. *экэн*.

Относительно основы глагола сосать (грудь) в тунгусо-маньчжурских языках следует заметить, что для южной подгруппы она зафиксирована в форме вида продолженного действия с афф. *-чи*, *-тчи*, тогда как в маньчжурском это значение передается словосочетанием; ср.: эвенк. *уку-*, *уксукэ-* И, эвен. *ӧк-* ~ *ук-* [< **өку-* ~ **уку-*], нег. *өхө-* ~ *өкө-*, ороч. *ō-чи* ~ *уэ-чи-*, уд. *ко-с'о-*, ульч. *куэ-чи-* ~ *кӯ-чи-*, орок. *кӯ-тчи-* ~ *кӯ-ччи-*, нан. *кӯ-чи-*, ма. *хухун сими-* 'сосать' (грудь).

Вторичная глагольная основа со значением «кормить кого-л. грудью», «давать (сосать) грудь» в тунгусо-маньчжурских языках образуется при помощи суфф. *-в* ~ *-у* < **-бу*, который в историческом плане может рассматриваться как каузатив; [27] ср.: эвенк. *уку-в-*, эвен. *ӧк-у-* ~ *ук-у-* < **өку-в-* ~ **уку-в-*, нег. *өхө-в-* ~ *өкө-в*, ороч. *ō-чи-куна*, уд. *кос'о-у-си-*, ма. *хухун улэбу-* 'кормить грудью'.

Что касается ма. *куку-лэ-* (< ? мо.) 'припаривать скотскою грудинкою рану для извлечения из нее яда', то этот глагол представляется образованным от именной основы **кукун* 'грудь'.

---

[24] См.: Цинциус, стр. 133—146, § 32.

[25] См. там же, стр. 218—231, § 68.

[26] См.: К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 48—49; В. Д. Колесникова, О. А. Константинова. Негидальский язык. В сб.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, стр. 110—111.

[27] См.: И. В. Кормушин. Категория каузатива в алтайских языках. Автореф. канд. дисс., Л., 1968, стр. 10—11.

В интересующем нас гнезде слов в тунгусо-маньчжурских языках имеются, как и в монгольских, также следующие именные образования:

имя орудия с суфф. *-вун ~ -пу(н-)* и сходные по значению имена предмета с суфф. *-птин*, *-птун* и др. — эвенк. *уку-вун*, *уку-птун*, *уку-птин* вост., *эку-птин* И, эвен. *өкэ-лди-вун ~ укэ-лди-вун*, нег. *өхө-вун*, ульч. *куэ-пу(н-) ~ куэ-чи-пу(н-)*, нан. *кӯ-чи-пӯ* ‘соска’;

имя лица с суфф. *-ри* — эвен. *өк-ри ~ ук-ри* (прич. наст. вр., букв. ‘сосущий’), ма. *хуху-ри* ‘грудной ребенок’, ‘сосунок’;

имя склонности, сев. подгруппа с суфф. *-тā/-тэ*, южн. подгруппа с суфф. *-ла(н)* — эвенк. вост. *уку-тэ ~ укэ-тэ*, эвен. *өкъ-тэ ~ өкэ-тэ ~ укэ-тэ*, орок. *кӯ-ччу-лэ* ‘сосунок’.

Как уже отмечалось, в тюркских языках интересующее нас существительное с корневой морфемой *köke-*, в отличие от монгольского и тунгусо-маньчжурского ‘женская грудь’, означает, за некоторыми исключениями, «грудь (вообще), грудная клетка»; ср.:

др.-тюрк. *köküs ~ köküz*, ст.-узб. *көкус ~ кэгус*, ойр. *когус*, хак. *көгіс*, тур. *göğüs*, чув. *кăкăр*, туркм. *кукрек*, кум. *кёкюрек*, кирг. *көкүрөк*, ног. *коькирек*, чаг. *көкрэк*, тат., башк. *кукрэк*, узб. *кукрак*, каз. *көкрек*, уйг. *көкрэк*, тув. *хөрек* ‘грудь’, ‘грудная клетка’.

Вместе с тем в узбекском и чувашском языках это слово употребляется одновременно и для обозначения женской груди; в татарском оно имеет такие переносные значения, как «грудь матери», «молоко матери». Особая семантика ему свойственна в якутском языке; ср.: як. *көгӱ-с ~ көӈӱ-с ~ көрӱ-с* ‘спина выше поясницы’, ‘хребет’, ‘тыльная часть стопы, ладони’, ‘туловище’, ‘туша’.

Корневая глагольная морфема **köke-*, имеющаяся в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, в тюркских языках отсутствует. Морфологическая же структура приведенных выше имен, обозначающих в различных языках этой группы грудь, грудную клетку, позволяет выделить среди них три следующих типа:

1. **kökü-z* — с конечным афф. *-z* (*-з*) ~ *-s* (*-с*) (др.-тюрк., ст.-узб., ойр., хак., тур., як.);

2. **kökü-r* — с конечным афф. *-r (-р) || -z (-з)* (чув. *кăкă-р*);

3. **kökü-r-ek* — т. е. основа второго, «чувашского», типа с дополнительным наращением к афф. *-r*(*-р*) морфологического элемента *-ак ~ -ек ~ -ök* (остальные языки).

Попытаемся проанализировать эти три типа.

Афф. *-z*(*-з*) рассматривается тюркологами как архаический показатель множественного числа, который встречается, в частности, «в названиях некоторых парных частей тела: *qöz* ‘глаз, -а’; *ağız* ‘рот, уста’; *boynuz* ‘рог, -а’; *gögüs(z)* ‘грудь’.[28]

---

[28] См.: Кононов, стр. 71, § 94.

Если встать на точку зрения алтаистов, которые в явлениях ротацизма и зетацизма в тюркских языках видят не только соответствие *r* ‖ *z* (*p* ‖ *з*), но и развитие в общеалтайском плане $*r^2 > z$ ($*p^2 > з$), то отсюда можно сделать вывод, что как в первом типе — **kökü-z*, так и во втором — **kökü-r* [> чув. *кăкă-p*] следует усматривать архаический общеалтайский афф. мн. ч. $*\text{-}r$ (-**p*) ‖ тюрк. *-z* (*-з*) < $*\text{-}r^2$ (*-p*²).

Известно, что в тунгусо-маньчжурских языках афф. мн. ч. *-r* (*-p*) является живым и в настоящее время, служа показателем мн. ч. в эвенкийском и эвенском языках для именных основ с конечным *-н*; ср.: эвенк. *уку-р* ‘женские груди’ от *уку-н* ‘женская грудь’.

В монгольских языках общеалтайский афф. мн. ч. *-r* (*-p*) исторически можно предполагать в составе сложного афф. *-nar* ~ *-ner* (*-нар* ~ *-нер*).[29]

Что же касается выделенного выше третьего тюркского типа — **kökü-r-ek*, то в афф. *-ak* ~ *-ek* ~ *-ӧk* можно прежде всего усматривать наслоившийся на более архаичную (в фонетическом отношении) «чувашскую» форму с афф. *-r* (*-p*) непродуктивный афф. мн. ч. *-k*, «который сохраняется в некоторых словах-названиях парных частей тела, таких как *aya-k* ‘нога, -и’, *duda-k* ‘губа, -ы’, *kula-k* ‘ухо—уши’. . .» [30] С другой стороны, *-ak* ~ *-ек* ~ *-ӧк* можно трактовать как аффикс с уменьшительным значением.[31]

От существительных — названий груди в тюркских языках образуются вторичные имена. Среди них могут быть выделены:

имена прилагательные, исторически являющиеся формами обладания; ср.: др.-тюрк. *köküz-lüg* ‘храбрый’, ‘мужественный’ (букв. ‘имеющий грудь’), тур. *göğüs-lü* ‘широкогрудый’, тат. *киң күкрәкле* ‘широкогрудый’, кирг. *көкүрөктүү* ‘широкогрудый’, перен. ‘смелый’, ‘храбрый’;

имена существительные — названия прикрытий (ср.: мо. и т.-ма.): др.-тюрк. *kökü̈zmäk* ‘куртка’, тур. *göğüslük* ‘нагрудник’, ‘детский передник’, кирг. *көкүрөкчө* ‘детский нагрудник’, тат. *күкрәкчә*, башк. *күкрәксә* ‘лифчик’, ‘нагрудник’ (женский).

Отметим также як. *көҕӱӧр* [< мо.] ‘большой кожаный мех’ (для хранения жидкостей, а также для приготовления кумыса).

Из отыменных глаголов можно указать: тур. *göğüsle-* ‘сопротивляться’, як. *көҕӱсӱӧргӓ-* ‘страдать болью в спине’ (например, конь — от седла).

К рассмотренным выше монгольским, тунгусо-маньчжурским и тюркским названиям груди с корневой морфемой **köke-* весьма близко по звучанию и, в известной мере, по значению кор. *ккокчи* ‘верхушка’ (дерева и т. п.), которое в сочетании *чэт-ккокчи*

---

[29] См.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 75.
[30] См.: Кононов, стр. 71, § 94.
[31] См.: Севортян. Афф. им., стр. 167.

(*чэт* ‘женская грудь’) означает ‘сосок’; ср. также кор. *когэ* ‘скат’, ‘склон’.

Наименования женской груди, сосцов, соски в тюркских языках входят в гнездо слов другого корня со значением «сосать» (тюрк. *ет(е)-* ~ *эм(э)-* и т. д.) и рассмотрены в связи с термином *эмэ* ‘мать’, ‘жена’, ‘женщина’, ‘самка’ (см. стр. 25—26).

Наконец, Н. А. Сыромятников считает возможным в плане алтаистических изысканий привлечь сюда же яп. *кокорō* ‘сердце’.

ар(у)-ка. Среди различных наименований спины в каждой из трех групп языков — монгольской, тюркской и тунгусо-маньчжурской— существует слово, содержащее общую корневую основу *ар-* [< мо. **ару-*], которым выражается понятие «спина, зад, задняя сторона человеческого тела», исходя из противопоставления значению «перед, передняя сторона тела».[32]

В монгольских языках оно представлено следующим образом: ср.-мо., п.-мо. *ar-u*, монг. *ар*, бур. *ар-а*, калм. ar^{v} ~ $\bar{a}r^{v}$ ‘спина’.

Значение «зад, задняя сторона, задняя часть чего-л.», а также «тыл, тыльная, оборотная сторона» (предмета), «северная (теневая) сторона (горы)», «север» наряду с обозначением спины имеют и все приведенные выше монгольские слова.

В монгольских вариантах более древней, по-видимому, является корневая основа **aru-* (~*ара-*),[33] конечный гласный которой в современных языках оказался утраченным и сохранился лишь в бурятском. Сопоставление некоторых производных от указанной корневой основы подтверждает правильность высказываемого предположения; ср.:

ср.-мо. *aru-dur örgüksen yama* ‘поднятая на спину вещь’.

Присоединяемый в этих словах к корневой основе показатель дательно-местного падежа образует наречие:

ср.-мо. *aru-dān*, п.-мо. *aru-du*, монг. *ар-д*, бур. *ара-да*, *ара-даа*, калм. $ar\text{-}d^{v}s$ ‘сзади’.

Но монг., бур. *ар-ла-* ‘двигаться по северному склону теневой стороны’ (горы).

Слово с выделяемой корневой основой *ар-* в значении «спина» широко представлено своими фонетическими вариантами в тюркских языках:

др.-тюрк. *ar-qa*, тур. *ar-ka*, башк., казах., кирг., ног., тат., туркм. *ар-ка*, уйг. *а(р)-ка*, хак. *ар-ҕа*, як. *ар-ҕā*, узб. *ор-қа* ‘спина’.[34]

В некоторых из тюркских языков это слово служит, кроме того, особым названием для верхней части спины — ме́ста между

---

[32] См.: Н. К. Дмитриев. Служебные имена в турецком языке. Советское языкознание, III, 1937, стр. 137; Пекарский, I, стр. 141, статья *арҕā* (*арҕан*).

[33] P. Vergl., стр. 129.

[34] См. также: Севортян, стр. 69—71.

лопатками (ног.) или заплечья (тат.), или хребта, а также шва, соединяющего рукав со спинкой одежды (хак.), спинки одежды (башк.), наконец, хребта горы (башк.).

Подобно монгольскому *ару ~ ара ~ ар* тюркское *арка*, употребляясь в значении «спина», обозначает одновременно зад, заднюю сторону, заднюю часть чего-л., тыл, тыльную сторону, оборотную сторону.

Кроме этих основных значений в некоторых из тюркских языков оно обозначает север, северную сторону, запад; ср.: каракалп. *арка јаны* ‘страна, куда обращена спина’, як. *арҕā* ‘запад’, ‘на запад’, ‘на западе’, ‘западный’ (ср. монгольское значение «северная сторона горы, север»).

Особенностью семантики тюркского слова в отличие от монгольского является употребление его в таких значениях, как туркм. ‘род’, ‘поколение’, тур., тат., чаг. ‘поколение предков’, ‘колено’, ‘род’, а также в переносном смысле, например: др.-тюрк., туркм. ‘поддержка’, ‘опора’, др.-тюрк. ‘пособник’, туркм. ‘защита’, ‘покровительство’, тур., тат., чаг. ‘величие’.

В ряде языков оно используется в служебном значении: туркм. ‘из-за’, ‘благодаря’, ‘вследствие’, узб. ‘за’, ‘сзади’, ‘позади чего-л.’.

Наличие общего корня *ар-* в приведенных выше тюркских словах было отмечено в ряде тюркологических работ на основании сравнения этих слов с монгольскими *ару ~ ара ~ ар*.[35] В отношении же морфемы *-ка ~ -ӄа ~ -ҕа- ~ -ҕā* указывалось на ее значение как показателя дательного падежа.[36] Можно, однако, предположить непосредственную связь этого аффикса с распространенным словообразовательным тюркским аффиксом *-га*, обладающим весьма широким значением.[37] Во всяком случае различные новые производные слова образуются во всех тюркских языках от основы *арка-*:

др. -тюрк. *arqa-lïγ* ‘имеющий опору, поддержку’, ‘опирающийся’, *arqa-lan-* ‘прислоняться’, ‘опираться спиной’, *arqa-š-* ‘помогать нести ношу’ (на спине);

тур. *arka-lı* ‘широкоплечий’, *arka-da* ‘позади’, *arka-dan* ‘сзади’;

кирг.,туркм. *арка-ла-* ‘взваливать себе на спину’, ‘нести на спине’;

туркм. *арка-н-ла-* ‘откидываться назад’, ‘пятиться, медленно отходить назад’;

хак. *арҕа-лыг* ‘с хребтом, имеющий хребет’, ‘высокий’, ‘возвышенный’ (о местности);

---

[35] См.: А. Н. К о н о н о в. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 88, примеч. 63; Севортян, стр. 69—70.

[36] Vambery, стр. 18—19; Н. К. Д м и т р и е в. Служебные слова в турецком языке. Советское языкознание, III, 1937, стр. 144.

[37] Севортян. Афф. им., стр. 227—234.

як. *арҕāууы* ‘западный, на западе находящийся’, *арҕāлā-* ‘отправиться в западную сторону’, ‘склоняться’ (о солнце), *арҕа-р-* ‘располагать предметы один позади другого’.

Наряду с *арка* привлекает внимание другое тюркское слово с близким значением, а именно *арт*, в котором также может быть выделена корневая основа *ар-*. Конечный же согласный *т* в этом слове по аналогии с *-ка* (в *ар-ка*) может рассматриваться как некий непродуктивный аффикс, хотя известна попытка считать его показателем локативного падежа.[38]

Приведем примеры из различных тюркских языков: др.-тюрк. *ar-t* ‘спина’, ‘задняя сторона чего-л.’, башк. *ар-т* ‘зад’, ‘задняя сторона’, ‘спина’, казах. *ар-т* ‘зад’, ‘задняя часть’, ‘задняя сторона’, кирг. *ар-т* ‘зад’, ‘задняя часть’, ‘задняя сторона’, ног. *ар-т* ‘зад’, ‘задняя часть чего-л.’, ‘тыл’, ‘седалище’ (у животного), ‘задний’, ‘тыльный’.

От основы *арт-*, как и от *арка-*, могут быть образованы различные производные слова: башк. *арт-ка* ‘назад’, ‘вспять’, *арт-кы* ‘задний’, *арт-та*, *арт-тан* ‘позади’, ‘сзади’, казах. *арт-кы* ‘задний’, *арт-ы*, *арт-кы* ‘задок чего-л.’ (например, телеги), кирг. *арт-кы* ‘задний’, ‘последний’, *арт-та*, *арт-тап* ‘сзади’, ‘несколько поотстав’, ног. *арт-кы*, *арт-тагы* ‘задний’, *арт-ыннан* нареч. ‘сзади’, *арт-тында-* ‘за’ (чем-л., кем-л.), тат. *арт-кы* ‘задний’, ‘последний’, *арт-лы* ‘со спинкой’, ‘с задком’, *арт-сан* ‘огузок’, ‘зад’, ‘задняя часть’, *арт-тан* ‘сзади’, ‘с задней стороны’, тур. *арт-а-* ‘оставаться позади’, ‘быть последним’, ‘пережить своих детей’, узб. *орт-қы* ‘задний’, ‘расположенный сзади, позади чего-л.’, *орт-ыга* ~ *орт-ыда*, *орт-ыдан* ‘за’, ‘на ту (противоположную) сторону’.

В группе тунгусо-маньчжурских языков различные фонетические варианты слова с корневой основой *ар-*, выражающего понятие «спина», сходны по своей форме с тюркскими вариантами *арка*, с присоединением, однако, конечного *-н*. Слово это широко распространено во всех языках северной подгруппы и лишь в трех языках южной подгруппы:

эвенк. *ар-ка-н*, сол. *ар-кā* ~ *ар-ка-н*, эвен. *ар-ӷъ-н* ~ *ар-къ-н* ~ *ар-ка-н* ~ *ар-ко-н*, нег. *aj-ка-н* ~ *ас-ка-н* [< **аркан*], ороч. *аӷ-ӷа(н-)*, уд. *а-ка(н-)*, орок. *ат-та(н-)* [< **ачан* < **аркан*].

Относительно семантики данного слова в различных тунгусо-маньчжурских языках следует отметить, во-первых, что общий круг его значений по сравнению с монгольскими и тюркскими языками ограничен в основном выражением понятий, непосредственно связанных со спиной человека. В значении же «зад, тыл, задняя, тыльная, оборотная сторона, задняя часть», а также в служебных и переносных значениях это слово не встречается.

---

[38] Vambery, стр. 18—19.

Во-вторых, при обозначении спины в большинстве случаев имеется в виду не спина в целом, а лишь верхняя часть ее. Так, например, в эвенском и негидальском языках указанное слово относится лишь к верхней, надлопаточной части спины. В говорах эвенкийского и эвенского языков оно употребляется для названия углубления между лопатками и плечами. В эвенском им называется, кроме того, спинной хребет и горб. В эвенкийском и ороч-ском оно используется для обозначения спинки одежды.

В этом смысле для сравнения может быть приведено солонское словосочетание *аркā толи* ‘зеркало на спине шамана’, которое также связано с представлением о верхней части спины.

Важно отметить, что большинство этих значений, а также еще и такие, как эвен. ‘спинной хребет’, совпадают с некоторыми тюркскими обозначениями (ср.: ног. ‘верхняя часть спины — место между лопатками’, тат. ‘заплечье’, хак. ‘хребет’).

В западных эвенских говорах — Аллайховском и Саккырырском — имеет место непосредственное заимствование из якутского языка — *аргā* [< *арҕā*] в значении «запад».

Все производные от существительного *аркан* в тунгусо-маньчжурских языках, как правило, образуются от *арка-*, т. е. с отпадением конечного *н* именной основы, что также сходно с образованием новых слов от вариантов тюркской основы *арка-*:

эвенк. *арка-лан* ~ *арка-лана* ‘шаманская накидка’ (покрывающая грудь и спину), ‘нашивка, пластинка’ (на спине у шамана);

эвен. *арка-гда* ‘широкоплечий’;

нег. *аjка-пун* ‘детский наспинник’ (с пришитыми к нему амулетами);

уд. *ака-žаптиг'е* ‘задом наперед’.

Однако некоторые производные сохранили и полную основу; ср.: эвенк. *аркан-ка* ‘спинка’ (выкройка), ‘верхняя часть спины’, уд. *акан-да-* ‘повертываться спиной’.

Привлекаемый по всем трем группам вышеназванных языков материал позволяет выделить общую корневую основу *ар-* в словах, общих по своему основному лексическому значению и связанных с понятием «спина» (человека). Однако эта общая корневая основа, по-видимому, не может быть возведена к единой для этих языков праформе **ар-*, так как монгольским архетипом, очевидно, является **aru-*. С другой стороны, можно предполагать, что тюрк. *арт* представляет собой заимствованное из монгольских языков служебное слово *ард* ‘сзади’, ‘позади’, используемое в тюркских языках и как служебное слово, и как имя в значениях ‘зад’, задняя сторона’, ‘тыл’, ‘спина’.

Что же касается тунгусо-маньчжурских языков, то фонетические варианты **ар-ка-н* имеют, по всей видимости, тюркское происхождение. При этом, в отличие от тюркских языков, их семантика оказалась ограниченной выражением лишь основных значений, связанных с понятием «спина человека».

н′ирӣ. Наименование спины, связанное с понятием «спинной хребет, позвоночник», представлено в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках словом с общей корневой основой **н′ирӣ-*. В монгольских языках эта основа осложнена суфф. *-γун* и имеет ряд переносных значений:

п.-мо. *niru-γu(n)*, ср.-мо. *nirγun ~ nir-ūn*, монг. *нуру-у(н)*, бур. *нюр-ган*, калм. *nur-γn* ‘спина’, ‘спинной хребет’, ‘позвоночник’, перен. ‘горный хребет’, перен. ‘рост’; также п.-мо., монг. ‘скирд’, ’стог’, ‘матица’, ‘общее состояние чего-л.’, бур. ‘верхняя часть чего-л.’, ‘возвышенность’ (на ровной поверхности), ‘пора’, ‘сезон’.

В бурятском языке имеется параллельная форма *нюруу* [< монг.] ‘гребень’, геогр. ‘поверхность’. Сюда же относится даг. *н′ірӧ* ‘конек крыши’.

Обращает на себя внимание семантика форм дательного падежа в бур. *нюрган-да* ‘в отсутствие кого-л.’ (собственно за спиной), ‘в течение какого-л. времени’.

Интересны переносные значения форм обладания и необладания в монгольских языках; ср.:

п.-мо. *niruγu-tai*, монг. *нуруу-тай*, бур. *нюрга-тай*, калм. *nurγ^{u}-tē kün* ‘высокий’, ‘рослый’ (о человеке);

п.-мо. *niruγu-liγ*, монг. *нуруу-лаг*, калм. *nurγ^{u}lvg* ‘сильный’, ‘здоровый’, ‘энергичный’ (о человеке);

п.-мо. *niruγun ügei* монг. *нуруу-гүй* ‘беспозвоночный’, ‘со стертой спиной’, ‘горбун’, бур. *нюрга-гүй* ‘невысокого роста’, ‘низкорослый’.

Может быть также отмечено вторичное имя с афф. **-бчи*, образующим названия покрытий:

п.-мо *niruγu-bči*, монг. *нуруу-вч* ‘чересседельник’, бур. *нюрга-биша* ‘деревянная планка’ (накладываемая на колки-спицы саней).

В отыменных глагольных образованиях дополнительно прослеживаются направления семантического развития монгольских существительных **нирӣ-γун*; ср.:

п.-мо. *niruγu-la-*, монг. *нуруу-ла-*, бур. *нюруу-л-*, *нюрга-л-* ‘заканчивать работу в основном, сделать больше половины’, п.-мо., монг. также ‘двигаться по хребту’, бур. ‘завершать’ (о стоге сена), бур. *нюрга-л-* также ‘взваливать на спину’, бур. *нюрга-лда-* ‘поворачиваться спиной’.

В тунгусо-маньчжурских языках именная основа **н′ирӣ* в языках Приамурья оформляется собирательным суфф. *-кта ~ -ктэ*; ср.:

эвенк. вост. *н′ири ~ н′ирӣ* ‘позвонок’, ‘позвоночник’, ‘филейная часть туши’, *н′ири-кта* Тт ‘третий шейный позвонок’, сол. *нэ̄р-дэ*, эвен. *н′йрӣ ~ н′æрй* ‘спинной хребет’, ‘горный хребет’, ‘перевал’, нег. *н′йкта ~ нйјй-кта* [<* *нирӣ-кта*] ‘спинной хребет’, ‘костяк рыбий’, ороч., уд. *н′ӣ-кта* [<* *н′ирӣкта*], ульч., орок., нан. *н′йрй-ӷта*, ульч. *н′йраӷта* ‘спинной хребет’, ‘позвоночник’.

Для эвенкийского языка могут быть отмечены глаголы: вост. *н'ир- ~ н'ирӣ-* ‘разъединять позвонки, длинные кости по суставам’, *н'ирӣ-мӑ-* ‘ранить в позвонки’ (попасть прямо в позвонок).

В эвенском языке отмечаются еще следующие существительные: *н'йрй-вӯн* ‘жердь’ (основная — в палатке), *н'йрй-мча* ‘костяк’ (лососевых рыб), ‘юкола’, ‘мякоть’ (рыбы или мяса).

Что касается тюркских языков, то для сопоставления с приводимой выше монгольской и тунгусо-маньчжурской лексикой с корнем **н'ирӣ-*могут быть привлечены лишь следующие наречные формы: др.-тюрк. *jïra-ja* ‘слева’ (на север), *jïr-γaru* ‘налево’ (на север).

В первой форме этого наречия выделяется афф. дат. п. *-ja*, во второй — афф. направ. п. *-γaru*.[39] Основа *jïra- ~ jïr-* возводится, как и в монгольских, и тунгусо-маньчжурских языках, к архетипу *n'ïrī̄-* (**н'ирӣ-*), т. е. данный пример относится к тем случаям, когда в анлауте в тюрк. *j-* < **n'-* (**н'-*), в мо. **n'-* (**н'-*) > *n-* (*н-*), тогда как в т.-ма. **n'-* (**н'-*) = *n'-*(*н'-*).[40]

****дагӑ(ри).*** Комплекс значений, связанный с алтайской праформой **дагӑ(ри)*, очень своеобразен. В тюркских языках с ним ассоциируются значения «лопатка-плечо-спина-загривок», с одной стороны, и «ссадина» (на спине верхового животного, натертая седлом), с другой; в подавляющем большинстве монгольских языков мы находим второе значение, т. е. «ссадина», и лишь в единичном случае, в п.-мо.— «спина»; в тунгусо-маньчжурских языках один фономорфологический вариант имеет значение «ссадина», тогда как другой — «поясничная часть спины», «поясница», «крестец». Перейдем к рассмотрению данных каждой из упомянутых трех языковых групп.

Что касается тюркских языков, то прежде всего следует напомнить, что алтайский архетип **дагӑри*, согласно установленным закономерным нормам развития начального согласного **д-*, отражается как общетюркское *йагары*,[41] и уже далее, на тюркской почве, в отношении начального согласного *й-* (~*j-*, *у-*) мы имеем соответствия *й-/дь-/ж-/ч-/с'-/с-*; ср.:

др.-тюрк. *jaγïr ~ jaγrï* ‘лопатка’, ‘ссадина’ (от седла на спине лошади), тур. *yağır* ‘холка’, ‘загривок’ (у лошади), ‘ссадина’, ‘рана’ (натертая седлом), туркм. *ягырны* ‘спина’, *ягыр* ‘ссадина’ (на спине вьючного животного), башк. *йаврын* ‘заплечье’, ойр. (алт.) *дьарын* анат. ‘лопатка’, казах. *жаурын*, кирг. *жоорун*,

---

[39] Gabain, стр. 87—89, 354.

[40] P. Vergl., стр. 39, 116, 135. — У Н. Поппе на основании ошибочного эвенского написания с долгим гласным в первом слоге восстанавливаемая монгольская праформа приводится также с долгим в первом слоге, т. е. **n'ī̄rï-gun* вместо **n'ïrī-gun*. Г. Дёрфер считает привлечение тюркской параллели мало убедительным (см. стр. 529—530).

[41] P. Vergl., стр. 23, 122, 139.

тув., хак. *чарын* ‘лопатка’, чув. *с′урăм* ‘спина’, як. *сарын* ‘плечо’, долг. ‘лопатка’ (кость домашнего оленя для гадания — благополучен ли будет путь). [42] Сюда же (?) — тат. *яра* ‘рана’, ‘язва’, чув. *суран* ‘рана’, ‘язва’.

Отмечаемые в словарях формы обладания связаны как с понятием о ссадине, так и о плече, спине; ср.:

др.-тюрк. *jaγïrlïγ*, тур. *yağïrlïk* ‘имеющий ссадину’ || ойр. *дьарынду* ‘плечистый’, ‘коренастый’, ‘крепкий’, як. *сарыннāх* ‘плечистый’.

Отыменные глагольные основы также связаны со значениями «ссадина» и «лопатка»:

др.-тюрк. *jaγrï-* ‘покрываться ссадинами от седла’, *jaγïrla-* ‘делать ссадину на спине верхового животного’, *jaγïrlan-* ‘появляться ссадине’, *jaγrït-* ‘сделать ссадину на спине лошади’, *jaγrïnla-* ‘бить по лопаткам’, як. *сарыннā-* ‘поддавать плечом’.

Интересны также вторичные именные производные, связанные со значением «лопатка» как с предметом, при помощи которого производилась ворожба, гадание:

РСл *jaʁрінчі* ‘предсказатель по бараньим лопаткам’, ойр. *дьарынчы* ‘гадальщик по сожженным лопаткам’; ср. тув. *чарын салыр* ‘гадать по лопаткам’.

Приведем также следующие существительные:

РСл *jaγрік*, тур. *yağrïk* ‘гребень’, ‘чурбан для рубки мяса и колки дров’, туркм. *ягырничлик* ‘подкладка на спине платья, рубашки’.

В монгольских языках, как уже говорилось выше, с архетипом **дагāри* связаны существительные со значением «ссадина»: ср.-мо. *da'ari ~ dāri* ‘ссадина’, п.-мо. *daγari* ‘спина’, ‘ссадина’, монг., бур. *дайр*, *даари* ‘ссадина’, ‘рана’, ‘болячка на спине лошади’ (от седла или хомута).

Ср. также:

ср.-мо. *da'aritu* ‘с садиной на спине’, п.-мо. *daγarita-*, монг. *дайрта-*, бур. *даарита-* ‘появляться ссадинам, болячкам, мозолям’, ‘покрываться ссадинами’.

Тунгусо-маньчжурские наименования ссадины фонетически близки монгольским: сол. *дагари* [< мо.], ма. *дарин* ‘ссадина’ (натертая седлом на спине лошади), эвен. *дагаран* ‘ссадина’ (натертая седлом на спине оленя, лошади); ср. орок. *дāрйқтӣ* ‘с ссадиной’ (натертой седлом).

Могут быть приведены также соответствующие глаголы:

орок. *дāрй-*, ма. *дари-* ‘натереть ссадину седлом’ (на спине лошади), ма. *дариқа* ‘натер ссадину, мозоль’, *даримбу-* ‘дать натереть ссадину’, эвен. *дагаран-* ‘натереть ссадину седлом’ (на спине оленя, лошади).

Значительно шире представлены в тунгусо-маньчжурских языках названия для поясничной части спины с общей праформой

---

[42] Тюркские параллели чув. *суран* см. также: Егоров, стр. 220.

**дара-ма*, которую, в свою очередь, можно возводить к архетипу **дагāри*; ср.:

эвенк. *дарама* 'спина', 'поясница', 'спинной хребет', 'филейная часть туши', 'почки', 'почечное блюдо' (свадебное угощение), сол. *дарама* 'спина', эвен. *дарам* [< **дарама*] 'поясница', 'поясничные позвонки', нег. *дайама* [< **дарама*], ороч., уд. *дāма* [< **дайама* < **дарама*], ульч., орок., нан. *дарама*, нан. *дарма* 'спина', 'поясница', 'поясничные позвонки', ма. *дара*, *дарама* ~ *дарма* 'спина', 'поясница', 'крестец', 'спинка' (у рыбы); ср. калм. *darm̥* 'поясничная часть спины'. Интересны следующие вторичные глагольные образования:

нан. *дара-псӣн-* 'прислониться спиной к чему-л.', *дара-псӣӈ-ӄо/ӱ* 'спинка' (стула, кресла; то, к чему прислоняются), ма. *дармаламэ ӄой-* 'попасть выстрелом в спину' [*дарма-ла-мэ* деепричастная форма от глагола **дарма-ла-*].

Мы считает возможным привлечь для сопоставления также следующие существительные:

эвенк. *даγан'а* ~ *даӈан'а* ~ *даӈайа* ~ *даӈанӣ* 'кость' (плечевая, берцовая, бедреная); *данди* ~ *данни* ~ *данна* 'ленчик', 'остов седла', 'боковые доски, полки, крылышки седла'.

*** *мӧирэ*.** В качестве специального названия для плеча в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках известно слово с общей праформой **мӧирэ*; ср.:

п.-мо. *mörün* 'плечо', 'спинка', 'тупая часть ножа', монг. *мөр(өн)*, бур. *мүр*, калм. *mörn̥*;

эвенк. *мӣрэ* [< **муйрэ* < **мӧйрэ*[43]], сол. *мӣри* ~ *мӣрэ*, эвен. *мӣр*, нег., ороч. *мӣйэ* [< **мӣрэ*] 'плечо', уд. *мӱӧ* 'шея', орок. *муйрэ* 'плечо', ульч., нан. *мэйрэ* ~ *ӈуйрэ*, нан. *муирэ* 'плечо', 'должностное лицо', 'начальник', 'чиновник', 'офицер', ма. *мэйрэн* 'плечо', 'заплечье' (у шлема), 'два крупных зерна против плеч у чиновничьих четок', 'бок', 'сторона', 'фланг' (в войсках), *мэйрэн и ǯаӈгин* 'фланговый командир', *мэйфэн* 'шея', *мэйфэхэ* ~ *мэйфухэ* 'скат', 'косогор'.

Рассматриваемое нами наименование для плеча отмечено и в некоторых тюркских языках, но является здесь монголизмом:

кирг. *мүр* ~ *мүрө* ~ *мүрү*, уйг. *мүрэ*, РСл *мӱрӓ* 'плечо'.

В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках с приведенным существительным «плечо» связаны такие производные, как «плечистый» и «наплечник»; ср.:

бур. *мүрэлхүү* 'плечистый', эвенк. *мӣрэктурэ̄* 'широкоплечий', эвен. *мӣрэгдэ* 'плечистый';

п.-мо. *mörübči*, монг. *мөрөвч* 'наплечный ремень', 'лямка', 'портупея', эвенк. *мӣрэкэ̄птин*, *мӣрэптун* 'нашивка', 'наплечное украшение' (на одежде), ма. *мэйрэту* 'наплечник' (часть шлема).

---

[43] P. Vergl., стр. 35, 132.

Г. Рамстедт считал возможным сопоставить монгольские и тунгусо-маньчжурские названия для плеча с кор. *мē-да ~ меи-да* ‘нести (груз) на плече’.[44] Но монгольские и тунгусо-маньчжурские глаголы аналогичного значения являются производными от основы существительного «плечо»; ср.:

п.-мо. *mörü-le-*, монг. *мөр-лө-* ‘поднимать, поддерживать плечом’, п.-мо. *mörubči-le-*, монг. *мөрөвч-лө-* ‘надевать на плечо’, эвенк. *мӣрэ-лэ-* ‘нести на плече’, нан. *мэйрэ-дэ-* ‘упираться плечом’, ма. *мэйхэрэ-* ‘взваливать на плечи’, ‘нести на плечах’, ‘нести на коромысле’.

В связи с приведенными данными следует отметить, что Рамстедт считал возможным рассматривать наименования для плеча в качестве производных от глагола **мэи-*: **мэи-рин*.[45] Это позволило ему также привлечь для сопоставления тюрк. *ми-н-* ‘сесть верхом на спину лошади’; ср. як. *мӣнjӓр- ~ мӣнӓр-* ‘взлезать’, ‘садиться верхом, ехать верхом’ (на коне, быке, олене).

****эг-ин.*** Названия частей тела с корневой морфемой **эг-* в тюркских языках служат для обозначения плеча или спины (тур., як.), в монгольских — плеча (бур., калм.) или ключицы; ср.:

др.-тюрк. *egin ~ egnin ~ eŋin*, аз., тув., туркм. *эгин*, РСл *ӓгін ~ ӓӈін*, *ӓгнӓ*, тат., РСл *ігін ~ ігні ~ ін*, уйг., РСл *ӓӈil*, хак. *иӈни* ‘плечо’, *иӈни сӧӧге* ‘ключица’, тур. *eğiç ~ egin*, як. *іӓн* ‘спина’, ‘хребет’, ‘позвоночник’, также як. ‘крестец’.

Вторичные именные образования от основы *эгин* широко представлены в ряде языков; ср.:

туркм. *эгин-лек* ‘плечистый’, *эгин-лик* ‘холмистость’ ,‘холмистый’, ‘украшение’ (женское, которое пришивается на плече и спускается на грудь), *эгин-деш* ‘одного роста’, ‘вместе’, ‘рядом’ ‘соратник’, *эгин-баш*, *эгин-эшик* собир. ‘одежда’, *эгин-эсбāп* ‘одеяние’, тур. *eğindirik* ‘перелина’, ‘широкий воротник’.

Хотя тюркологи как в отношении имени *эгин*, так и ряда других сходных образований, например аз. *бурун* ‘нос’, *ирин* ‘губа’ и пр., полагают, что «вследствие затемненности морфемного состава перечисленных слов пока нельзя установить, к какому из словообразовательных разрядов на *-н* они имеют отношение»,[46] имея, в частности, в виду производные с уменьш. афф. *-(а)н*,[47] представляется весьма вероятным, что существительное *egin* (*эгин*) ‘плечо’ ~ ‘спина’ относится к числу образований с афф. *-н* от глагольной корневой основы *eg-* (*эг-*) ‘гнуть’, ‘сгибать’, широко представленной в тюркских языках; ср.;

др.-тюрк. *eg-* ‘сгибать’, ‘наклонять’, тур. *eğ- ~ iğ-*, тув., туркм. *эг-*, РСл *ег- ~ ӓг- ~ӓк- ~ӓӈ-*, як. *іӓх-*, чув. *ав-* ‘гнуть’.

---

[44] R. SKE, стр. 144—145.
[45] Там же.
[46] Севортян. Афф. им., стр. 337.
[47] Там же, стр. 172.

От глагольной основы *eg-* (*эг-*) образуется еще ряд имен:

др.-тюрк. *eg-dü* ‘нож’ (кривой, изогнутый), *eg-ri* ‘кривой’, ‘изогнутый’, тур. *eğ-ri* ~ *iğ-ri* ‘кривой’, ‘изогнутый’, ‘кривизна’, туркм. *эгди* ‘нож’ (дугообразный), *эгрем* ‘кривизна’.

В монгольских языках глагольная корневая морфема **eg-* (*эг*)- не зафиксирована, тогда как интересующие нас названия частей тела представлены отглагольным именем с афф. *-м*, образованным от основы **ege-*;[48] ср.:

п.-мо. *egem*, монг. *эгэм* ‘ключица’, бур. *ээм* ‘ключица’, ‘плечо’, *ээрэм* ‘плечо’, калм. *ēm* ‘плечо’.

Обращает на себя внимание сходство бур. *ээрэм* [< **эгэрэм*] ‘плечо’ и приведенного выше туркм. *эгрем* ‘кривизна’.

Вторичные образования немногочисленны, например:

бур. *ээмэрхүү* ‘плечистый’, монг. *эгэм-дэ-* ‘схватить за шею’.

В тунгусо-маньчжурских языках существительное *эгэм* ‘ключица’ является заимствованием из монгольского; ср.:

эвенк. Брг *эγэ̄* ~ *эγэм*, сол. *эгэм* [< мо.] ‘ключица’.

омур-. В монгольских и тюркских языках имеются названия частей тела с корневой праформой **омур-*,[49] семантика которых довольно разнообразна: ср.:

п.-мо. *omiru-γū(n)* ~ *omiriu* ‘ключица’, ‘грудина’, ‘подгрудок’ (свисающая часть кожи под шеей у животных), ‘белый подшейный волос’ (у животных), ср.-мо. *omoriud* (мн. ч.) ‘грудная кость’, монг. *омруу* ‘ключица’, бур. *омогюу(н)* ‘грудина’ (лошади), калм. *omrūn* ~ *omrū* ‘грудная клетка’, ‘грудина’, ‘подгрудок’ (крупного рогатого скота), *omrūptšị* ‘подпруга’ (у седла), *omrūptšl̥-* ‘подтянуть подпругу’.

В тюркских языках с фонетической стороны следует отметить чередование и соответствие *-r* (*-р*) || *-z* (*-з*) (тур., туркм.); ср.:

тур. *omuz* ‘плечо’, ‘спина’, *omuz küreği* ‘лопатка’, туркм. *омуз* ‘плечо’, *омурдан* ‘плечо’, ‘верхняя часть рукава’, чув. *ӑмӑр*, *ӑмра* ‘грудь’ (животных), башк. *умрау*, *умрау һөйәгә*, тат. *умрау сөяге* ‘ключица’, казах. *омырау* ‘грудь’, ойр. *омуру* ‘стан’, ‘строение тела’, кирг. *омуроо* ‘грудь’ (верхового животного), узб. *ўмров* ‘грудь’, РСл *омрау*, *омрыг*, *омрӯ* ‘передняя часть’, ‘грудь’ (лошади), ‘осанка’ (у человека).[50]

Могут быть приведены примеры вторичных именных и глагольных образований:

тур. *omuzdaş* ‘одного роста’, ‘товарищ’, *omuzluk* ‘наплечник’, *omuzla-* ‘взваливать на плечи’, ‘помогать’, туркм. *омузлак* ‘плечистый’, ‘широкоплечий’, *омузла-* ‘упираться плечом в плечо’

---

[48] P. Vergl., стр. 60, 126, 154.

[49] H. Poppe для монгольского языка реконструирует праформу **omurigūn*; см.: P. Vergl., стр. 68, 129.

[50] Тюркские данные см. также: Räs. EW, стр. 361—363; Егоров, стр. 40.

(в национальной борьбе), узб. *омилдирик* ‘нагрудник’ (принадлежность конской сбруи).

***öм(ÿ)-гäн.** Это наименование части тела обращает на себя внимание тем, что оно представлено в единичных случаях в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках; ср.:

др.-тюрк. *ömgän ~ ümgän* ‘место у шеи’, ‘верхняя часть груди’ [51] || уд. *эмугэ*, орок. *эмогэ* ‘ключица’, также уд. ‘дужка’ (грудная кость у птиц).

***мöчи-.** Имя с корневой морфемой **мöчи-* в монгольских и тюркских языках интересно по своей семантике тем, что служит наиболее общим наименованием членов или частей тела; ср.:

п.-мо. *möče ~ möči*, монг. *мөч*, бур. *мүсэ*, калм. *mötš'* ‘член тела’, ‘конечность’;

п.-мо. *möči*, монг. *үө мөч*, бур. *уе мүсэ* парн. ‘конечности’ (букв. ‘сустав и конечность’).

При наращении афф. *-r* (*-p*), по-видимому, являющегося архаическим показателем мн. ч., эта основа означает «ветвь», «сук», «хворост»:

п.-мо. *möčir*, монг. *мөчир*, бур. *мүшэр*, калм. *mötšŗ ~ bitšn̥ ~ bütšn̥* ‘ветка’, ‘сук’, ‘хворост’, монг. перен. ‘отрасль’ (хозяйства).

Семантическая связь между значениями «конечность» ~ «ветка» прослеживается также на глаголах; ср.:

п.-мо. *möči-*, монг. *мөчи-* ‘чистить дерево от сучьев’, п.-мо. *möčir-le-*, монг. *мөчир-лө-* ‘обрастать ветками’, ‘обрубать сучья’, монг. *мөчирхө-* ‘превосходить ростом’ (длиной конечностей). Сюда же — п.-мо. *möčel-ge ~ möčil-ge(n)*, монг. *мөчлө-гө*, калм. *mötšl̥-gn̥* ‘двенадцатилетний животный цикл’ || РСл *мӱчäл*, туркм. *мүче* ‘двенадцатилетний животный цикл’, РСл *мӱшöл* ‘год двенадцатилетнего цикла’, як. *мäсäл-гä ~ мiсäл-гä ~ мöсÿл-гä ~ мÿсäл-гä* ‘сорокалетняя пора женщины, время прекращения рождения детей’.

В тюркских языках преобладает значение частей или органов тела:[52]

башк. *мөсэ* уст. ‘орган’, ‘член’, ‘телосложение’, ‘доля’, ***мөсэй*** уст. этн. ‘кусок мяса’ (вручаемый во время угощения участникам помочи, т. е. совместной работы для кого-л. за угощение), кирг. *мүчө-* ‘часть тела’, ‘член’, этн. ‘подарок на помин души’, перен. ‘член организации’, ‘орган’, матем. ‘член’, грамм. ‘член предложения’, РСл *мӱшö* ‘восемь органов тела’ (две руки, две ноги, два уха, два глаза), казах. *муше* ‘часть тела’, ‘член’, ‘орган’, узб. *муча* уст. ‘часть тела’, ‘член’, грамм. ‘член предло-

---

[51] См. также: Räs. EW, стр. 372.

[52] Для тюркских языков эти слова рассматриваются как монголизмы; см.: Дёрфер, стр. 505; Räs. EW, стр. 346.

жения', уйг. *мүчэ* 'часть тела', 'орган', грамм. 'член предложения', РСл *муца* 'туловище', РСл *муча* ~ *мучэ* 'член тела', 'конечность', 'нога', як. *мӱсӓ* 'каждая из восьми частей расчлененной скотской туши'.

В качестве возможной тунгусо-маньчжурской параллели может быть приведено следующее существительное с архаическим собирательным формантом *-кта* ~ *-ктэ* ~ *-т*:

эвенк., нег. *мучи-ктэ* 'хвоя' (лиственницы), эвен. *мӱчӣ-т*, як. *мочукта* ~ *мучукта* ~ *мучукча* ~ *мутукча* [< тунг.] 'лиственница'.

Ср. также: эвенк. И, С *бучу-* 'собирать валежник, ветки, хворост', *бучу-вун* 'валежник, хворост'.

* ***гари-/а-***. Корневая морфема **гари-/а-* является общеалтайской. При этом как наименование одной из частей тела, а именно руки, она выступает в монгольских и тюркских языках. В монгольских языках существительное этого корня означает «рука», «руки» вообще, в целом:

п.-мо. *γar*, монг. *гар* 'рука', также перен. 'сторона, фланг, крыло', бур. *гар*, калм. *g̱ar*, даг. *гар'i* 'рука', 'руки', бур. перен. 'почерк'.

От приведенной именной основы образуется глагол:

п.-мо. *γar-da-*, монг. *гар-да-* 'делать что-л. рукой, руками', 'брать в руки', 'вступать в рукопашную', бур. *гар-да-* 'брать рукой, в руки', калм. *g̱ar-d-* 'направлять', 'вести за руку'.

В тюркских языках в отличие от монгольских (исключение — дагурский, см. выше) эта корневая морфема двусложна, причем уже в пратюркском звонкий **г-* в анлауте совпал с **к-*. В семантическом отношении отличие состоит в том, что в большинстве языков тюркской группы именная основа **кары* служит наименованием не для всей руки, а лишь для ее части — локтевой или плечевой; ср.:

др.-тюрк. *qar* 'верхняя часть руки', 'плечо', *qarï* 'локтевая часть руки', перен. 'локоть', 'аршин' (мера длины), кирг. *кары* 'верхняя часть руки' (от локтя до плеча), 'плечо', перен. мера длины (от середины груди до конца пальцев), туркм. *гары* 'берцовая кость', 'кость голени', уст. мера длины, равная расстоянию от груди до конца пальцев вытянутой руки, РСл *кары* 'рука', 'верхняя часть руки', 'мера длины' (локоть), узб. *кари* ист. 'мера длины, равная 140—145 см', уйг. *кары* 'рука' (верхняя часть), перен. 'локоть' (мера длины), як. *хара* ~ *хары* ~ *харын* ~ *харыӈ* 'предплечье' (часть руки от локтя до запястья), 'лучевая кость', 'нижняя половина передней ноги животного', 'голень', перен. 'локоть' (мера длины — расстояние от вершины локтя до конца вытянутых пальцев), ойр. *кары* 'рука' (верхняя часть — от локтя до плеча).

Заслуживает быть отмеченным также вторичное имя, образованное от существительного **кары* при помощи непродуктивного афф. *-š* (*-ш*) ~ *-s* (*-с*)[53] и означающее единицу измерения — пядь. Оно имеется и в ряде тех тюркских языков, в которых не зафиксирована основа **кары* (тур., тат., тув.):

др.-тюрк. *qariš*, аз. *гарыш*, тат., тув. *карыш*, тур. *kariş* ‘пядь’ (мера длины), ойр. *карыш*, як. *харыс* ‘пядь’ (равная расстоянию от вытянутого большого пальца до среднего), туркм. *гарыш* ‘пядь’ (равная расстоянию между концами вытянутого большого пальца и мизинца).

От именной основы **карыш* образуются глаголы:

др.-тюрк. *qariš-la* ~ *qaršla-*, ойр. *карыш-та-*, як. *харыс-тā-*, тув. *карыжа-* ‘мерить пядями’.

Могут быть отмечены также следующие единичные производные:

др.-тюрк. *qaršaγ* ‘длина одежды’, аз. *гара-ма* ‘пятерня’, *гарма-ла-* ‘загребать пятерней’.[54]

В качестве параллели мо. **гар* ‖ тюрк. **кары* привлекается т.-ма. **ɣāла* ‘рука’.[55] Но с фонетической точки зрения это тунгусо-маньчжурское существительное вряд ли можно считать входящим в гнездо *гари-/а-* по несоответствию согласных второго слога *р* и *л*. Вместе с тем в тунгусо-маньчжурской группе имеется имя с корневой праформой **гара*, семантика которого лишь на первый взгляд мешает отождествлению его с монгольским **гар* и тюркским **кар* ‘рука’, а именно:

эвенк. *гара* ‘сук’, ‘ветка’ (сухая), ‘палка’, сол. *гара* ~ *гар* ‘ветвь’, эвен. *гар* ‘сук’, ‘ветка’, ульч. *гара*, нег. *гайа* [< **гара*], ороч., уд. *гā* [< **гайа* < **гара*] ‘сук’, ‘ветка’, ‘уключина’ (из сучка), нан. *гара* ~ *гари* ‘сук’, ‘ветка’, ‘уключина’, ‘заноза’, орок. *гара* ‘сук’, ‘ветка’, ‘уключина’, ‘отросток оленьего рога’, ‘приток реки’, ма. *ҕарҕа* ~ *ҕарҕан* ‘сук’, ‘ветка’, ‘отрасль’, ‘отпрыск’, ‘член тела’, ‘конечности’ (две руки и две ноги), ‘приток’, ‘рукав’ (реки), ‘полотенце’, ‘половинка’ (двери, ворот), ‘друг’, ‘приятель’, ‘одиночный’, ‘непарный’, ‘нечетный’ (о числах), ‘простой’, ‘12 знаков зодиака’, счетное слово отделенных от целого предметов (ветвей, членов тела, притоков реки, дверей, отрядов войск и пр.), чж. *hāh-rh* ‘сук’, ‘ветвь’.

Возможность проследить связь между значениями «конечность — рука — отрасль — ветвь — сук» предоставляет нам в данном случае ма. *ҕарҕан*. Вместе с тем этот семантический комплекс в алтайских языках носит устойчивый характер и проявляется еще в целом ряде слов других корней; например:

п.-мо *gesigüü* ~ *gesigüün*, монг. *гишүү* ~ *гишүүн* ‘ветка’, ‘сук’, ‘хворост’, ‘член тела’, ‘член какой-л. организации’, *уе гишүүн*

---

[53] Севортян. Афф. им., стр. 171.
[54] Там же.
[55] P. Vergl., стр. 24, 97, 150, 159.

парн. 'конечности' (букв. сустав и конечность), даг. *ɽėсɣ̄* 'ветка', бур. *гэшүүһэ(н)* 'ветка', 'сук', *гэшүү(н)* 'член какой-л. организации'.

Ср. также:

др.-тюрк. *qol* ~ *qōl* 'рука', 'ответвление', 'рукав', *qoluŋa* 'побег', 'отпрыск', 'потомок', аз. *гол*, башк., тат. *кул*, каракалп. *кол*, узб. *кўл* 'рука', тат. перен. 'сторона', 'крыло', 'фланг', перен. 'почерк', разг. 'овраг', 'сухое русло', 'рукав', 'ответвление' (долин, оврагов и т. п.), казах., кирг., ойр., уйг., *кол*, тув., хак., як. *хол* 'рука', 'передняя нога животного', кирг. 'кисть руки', 'палец', кирг., уйг. 'армия', 'войско', 'отряд', тув. 'сухое русло', тур. *kol* 'рука', 'передняя конечность животного', 'ручка', 'рукоятка', 'засов', 'задвижка', 'рукав' (платья, руки), 'ветвь', воен. 'колонна', 'отряд', 'крыло', 'фланг', 'команда', *ağaç kolu* 'ветвь дерева', *kol at-* 'разветвляться', 'пускать ветви', РСл *кол* ~ *кул*, чув. *хул* 'рука' (от кисти до плеча), туркм. *гол* 'рука', перен. 'подпись', перен. 'ветвь' (дерева, растения).

См. также монгольские названия частей тела, конечностей с корневой праформой **мöчи-* (стр. 94).

Из корейских параллелей с корневой морфемой **гари-/а-* мы считаем возможным привести здесь следующие:

кары-да 'делить', 'подразделять', *сон-карак* 'палец' (*сон* 'рука'), *кальлэ* 'разветвление', 'ответвление', *кальлэккиль* 'развилина' (дороги), *кальли-да* 'разветвляться' (о дороге и т. п.), 'разделяться' 'расходиться.'[56]

***билэ (к/н).** Среди наименований для руки, ее различных частей общими для тюркских и тунгусо-маньчжурских, частично для монгольских, являются именные образования с производящей основой **билэ-*.

В тюркских языках эти названия образованы с помощью афф. *-к*, по-видимому являющегося архаическим показателем мн. ч.:

др.-тюрк. *biläk* 'запястье', 'предплечье', перен. 'рука', 'хватка' 'обшлаг', 'нижняя часть рукава', тур. *bilek* 'кисть руки', 'запястье', тув. *билек* 'запястье', аз. *билэк*, башк., тат. *белэк* 'предплечье', 'рука от кисти до плеча', казах. *билек*, кирг., кумык., ног., туркм., узб. *билак*, уйг. *билэк*, хак. *пілек* 'предплечье', як. *bilä* ~ *bilö* 'отворот' (на рукавицах, на обуви).

Для некоторых тунгусо-маньчжурских языков характерен конечный *н*:

эвенк., эвен. *билэ̄н*, уд. *бул'э* 'запястье'; ср.: эвенк., нег., орок. *билэ* 'отворот' (на рукавицах, унтах), нег., ульч. *билэ*, нан. *бирэл* (< **билэр*) 'борт' (лодки).

---

[56] Сопоставления, которые имеются у Г. Рамстедта, в данном случае нам представляются менее удачными; см.: SKE, стр. 96—98.

В значении «запястье» в монгольских языках это наименование представлено лишь п.-мо. *bile*.[57]

Интересны вторичные образования от основы существительного «рука», «запястье». Так, в тюркских языках сюда относятся производные имена со значением «сильный», например:

др.-тюрк. *biläk-lig* ‘сильный’ (с развитыми мышцами рук), тат. *белэк-ле* ‘сильный’.

Из сочетания **билэк+йӱзӱк* ‘кольцо’, ‘перстень’ возникло наименование браслета (букв. ‘запястья кольцо’);[58] ср.:

др.-тюрк. *biläzük*, тур. *bilezik*, башк., тат. *белэзэк*, туркм. *билезик*, кирг. *билезик* ~ *билерик* ~ *билелик*, *билеризик*, аз. *билэрзик*, узб. *билагузик*, уйг. *билэйузук* ‘браслет’, тув. *билектээш*, хак. *пілектөөс* ~ *пілектӧс* ‘браслет’.

По-видимому, для монгольских языков существительное «кольцо», «перстень» является тюркизмом; ср.:

п.-мо. *bilečüg* ~ *biličeg* ~ *bilüčeg* ~ *bilečeg* ~ *bilüčüg* ~ *bülüčüg* ~ *bilisig*, монг. *билэцэг* ~ *билүцүг* ~ *билцэг*, бур. *бэһэлиг* [< **бэсэлиг* < **бэличэк* < **билэчэк*], калм. *biltsɛg* ~ *bültsɛg* ‘кольцо’, ‘перстень’.

В тунгусо-маньчжурских языках названия «браслет», «нарукавник», «напульсник» образуются от основы *билэ-* с помощью афф. **-птун*:

эвенк. *билэ-птун*, сол. *ӡила-птун*, эвен. *билэ-пэн* [< **билэ-птун*], уд. *бул'э-пти(н)* Им ‘браслет’, ульч., орок. *гилэ-пту(н-)* ‘нарукавник’, ‘напульсник’.

***эбир-**. Название для вертлюга имеет, по-видимому, общую глагольную корневую морфему **эбир-* в языках тюркских и монгольских. Слова с указанной корневой морфемой выражают понятия, связанные с вращением:

як. *іӓр-чӓх* ‘вертлюг’, ‘шарнир’, ‘петля’ (у ящика, у двери), РСл *ӑчӓк* ‘петля’ (у двери).

Оба эти слова являются именными образованиями (с афф. уменьш. *-чак*) от глагольной основы, которая в различных тюркских языках представлена следующим образом:

др.-тюрк. *evir-* ~ *evür-* ‘вращать’, ‘поворачивать’, ‘направлять’, перен. ‘переводить’ (с одного языка на другой), тур. *evir-*, чув. уст. *авӑр-*, ног. *уьир-*, казах. *ӱйир-* ‘вертеть’, ‘вращать’, ‘поворачивать’, ‘повертывать’, хак. *ибир-* ~ *ерге-* ‘вертеть’, тув. *ээр-* ‘крутить’, РСл *ӓбір-* ~ *ебір-* ‘ворочать’, ‘обращать’, ‘вертеть’.

В некоторых тюркских языках от глагола со значением «вертеть», «вращать» произведен глагол со значением «прясть», например:

чув. *авӑр-ла-* ~ *ар-ла-*, тат. *эр-лэ-* ‘прясть’.

---

[57] См.: P. Vergl., стр. 117.
[58] См.: Räs. EW, стр. 76.

Можно привести еще ряд существительных, образованных от указанной выше глагольной основы:

др.-тюрк. *evir-gü* ‘вращение’, кирг. *ири-м*, тат. *ире-м*, чув. *авăр* ‘омут’, ‘водоворот’, ‘пучина’, ‘глубокая яма’ (на дне реки или озера).

В монгольских языках слово с основой **эбир-*, служащее наименованием для вертлюга, находится в составе довольно многообразного гнезда слов, среди которых также и те, которые связаны с понятием «прясть»; ср.:

п.-мо. *eger-čeg* ‘тазобедренный сустав’, мо. *эгэ̄р-цэг*, *ээр-цэг* ‘тазобедренный сустав’, ‘прялка’, бур. *ээр-сэг* ‘веретено’, ‘прялка’, ‘волчок’.

Особенно богата семантика глагольных основ:

п.-мо. *egere-*, мо. *эгэ̄рэ-* ~ *ээрэ-* ‘вращать’, ‘вертеть’, ‘кружить’, ‘окружать’, ‘обступать кругом’, ‘поворачивать’, ‘прясть’, ‘сучить’, ‘вить’, ‘свивать’, перен. ‘заикаться’, ‘захлебываться’ (от плача), бур. *ээрэ-* ‘кружиться на одном месте’, ‘топтаться’, ‘прясть’, ‘заикаться’, ‘захлебываться’ (от плача, от кашля), калм. *ärᵛγ-ļ-* ~ *ārᵛγ-ļ-* ‘окружать’.

От приведенной глагольной основы, кроме существительных — названий для вертлюга, образован ряд других имен:

п.-мо. *egere-gül*, монг. *эгэ̄рэ-Ү* ~ *эгэ̄р-Ү* ~ *ээр-үү* ‘заика’, ‘заикающийся’, бур. *ээр-үү* ‘заикающийся’, ‘косноязычный’;

монг. *эгэ̄рэ-м* ‘заика’, ‘косноязычный’, *эгэ̄рэ-лтэ* ‘круговращение’, ‘верчение’;

бур. *ээрэ-лгэ* ‘прядение’;

калм. *ārvg* ~ *ārəg* ~ *ārvg* ‘круг’, ‘кольцо’ (?), ‘лассо’ (?).

тамир. Эта корневая основа является общей для тюркских и монгольских языков со значением «жила», «кровеносный сосуд», «артерия», «вена»; в тюркских языках — «пульс» и, кроме того, «корень растения» (по-видимому, как проводник жизненных соков); ср.:

др.-тюрк. *tamar* ~ *tamïr* ~ *tamur* ‘кровеносный сосуд’, ‘артерия’, ‘вена’, ‘канал’, жила’, ‘пульс’, аз. *дамар* ‘жила’, ‘вена’, тур. *damar* ‘жила’, ‘жилка’, ‘вена’, перен. ‘рудная жила’, ‘нрав’, ‘раздражение’, ‘гнев’, уйг. *тамур*, узб. *томир*, кумык. *тамур* ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’, ‘пульс’, ‘корень’, кирг. *тамыр* ‘кровеносный сосуд’, ‘пульс’, ‘корень’, перен. (между мужчинами) ‘друг, приятель, побратим’, туркм. *дамар* ‘жила’, ‘сухожилие’, ‘жилка’, ‘прожилка’ (у растения), башк., тат. *тамыр* ‘корень’, ‘жила’, ‘жилка’, ‘сосуд’, лингв., матем. ‘корень’, ‘род’, ‘племя’, тув. *дамыр* ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’, як. *тымыр* ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’, ‘артерия’, ‘вена’, ‘нерв’, РСл *тамыр* ‘корень’, ‘разветвление корня’, ‘жила’, ‘артерия’, ‘вена’, перен. ‘родственник’, ‘друг’, чув. *тымар* ‘корень’, ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’.

Из наиболее распространенных производных форм от приведенных имен можно указать на следующие:

др.-тюрк. *tamïr-lïγ* ‘жилистый’ (о мясе), *tamur-* ‘капать’ (о крови из носа);

тур. *damar-lı*, башк., тат. *тамыр-лы*, туркм. *дамар-лак*, як. *тымыр-лах* ‘жилистый’;

кирг. *тамыр-да-* ~ *тамыр-ла-* ‘пускать корни’, ‘укореняться’, ‘разветвляться’, ‘разрастаться’;

башк., тат. *тамыр-лык* ‘место разветвления корней’;

уйг. *томур-чи*, кирг. *тамыр-чи* ‘лекарь (знахарь), определяющий болезнь по пульсу’ и др.

Интересное семантическое развитие получили некоторые производные в тувинском языке, например: *дамыр-ак* ‘ключ, родник’, ‘ручей, ручеек’, *дамыр-ак-талыр-*, *дамыр-ак-тал-* ‘разветвляясь образовать ручеек’ (о реке), *дамыр-таан* ‘истощенный’, *дамыр-таар-*, *дамыр-та-* ‘истощаться, слабеть’ (о больном) (ср. ниже значения монгольских слов с рассматриваемой корневой основой).

В монгольских языках слова с этой корневой основой имеют свои семантические особенности по сравнению с тюркскими в том смысле, что наряду с обозначением кровеносных сосудов, которое в современных монгольских языках относится к устаревшим, они широко распространены в значениях — «физическая сила», «крепость», «здоровье», «энергия». Последние, однако, надо полагать тесно связаны с той функцией, которую кровеносные сосуды выполняют в организме человека и животного, точно так же как корни и их разветвления у растений; ср.:

п.-мо. *tamir*, монг., бур. *тамир* ‘сила’, ‘крепость’, ‘здоровье’, ‘энергия’, ‘бодрость’, ‘кровеносный сосуд’.

Характерно, что в семантике различных новообразований от приведенных выше монгольских имен отражены значения, связанные лишь с понятиями о физической силе, например:

п.-мо. *tamir-tai*, монг. *тамир-т*, *тамир-ту*, *тамир-тай* ‘сильный’, ‘крепкий’, ‘мощный’, ‘способный’ (физически);

п.-мо. *tamir-či* ‘атлет’, монг. *тами-рч:биейн тамир-ч* ‘физкультурник’;

монг., бур. *тамир-гүй* ‘слабый’, ‘немощный’;

п.-мо. *tamir-da-*, монг., бур. *тамир-да-* ‘ослабевать’, ‘терять силу’, ‘изнемогать’.

В группе тунгусо-маньчжурских языков рассматриваемая корневая основа находит место лишь в учурском говоре эвенкийского языка в качестве якутского заимствования: эвенк. *тымэр* [< як. *тымыр*] Учр ‘аорта’.

Следует отметить, что слова с общей корневой морфемой **тамыр-* в тюркских и монгольских языках сходны по своему фоне-

тическому облику и отчасти по значению с персидским словом *дäмар* ‘корень’ (растения), ‘искоренение’, ‘истребление’.[59]

**гэдэ/и.* Эта основа представлена в монгольских и тунгусо-маньчжурских названиях для затылка, а также для косы, т. е. заплетенных на затылке волос. В тюркских языках гнездо слов с указанной основой выражает пространственные понятия, относящиеся к задней части, задней стороне чего-л., а также к последующему отрезку времени.

В монгольских языках корневая основа **гэдэ/и* представлена следующими существительными:

п.-мо. *gede* ‘затылок’, ср.-мо. *geǯi-ge* ‘затылок’, ‘загривок’, п.-мо. *geǯi-ge* ‘коса’, ‘затылок’, ‘задняя часть шеи’, монг. *гэзэ-г* ‘коса’ (волосы), бур. *гэзэ-гэ* ‘коса’, уст. ‘косички’ (у мужчин), зап. ‘затылок’, калм. *gidž'-gə* ‘затылок’, ‘коса’.

Отделяемый нами элемент *-г*, *-гэ* в вышеприведенных словах является, очевидно, аффиксом, образующим от глагольных основ имена результата действия.

Можно привести также ряд производных глаголов и существительных:

п.-мо. *geǯi-ge-de-* ~ *gedi-ge-ne-*, монг. *гэзэ-г-дэ-*, бур. *гэзэ-гэ-дэ-* ‘хватать, поймать за косу’;

монг. *гэзэ-г-дуулэ-*, бур. *гэзэ-гэ-дуул-* ‘быть схваченным за косы’;

калм. *gidž'-ge-ptšį* ‘что-л. находящееся на затылке, спине’, ‘часть шубы, кафтана у затылка’, ‘затылочная часть большой зимней шапки’, ‘затылочный ремень на узде’, *gidž'-ge-ptš-ļ-* ‘привязывать затылочный ремень’ (накладывать узду).

Наряду с этим указанная основа выделяется в словах, обозначающих направление, наклон, выгибание назад главным образом головы, спины; ср.:

п.-мо. *gede-ger* ‘с закинутой головой’, ‘при высоком положении головы наклон назад’, перен. ‘упрямый’, ‘высокомерный’, ‘тщеславный’, ‘самодовольный’, монг. *гэди-гэр* ‘с закинутой головой’, перен. ‘высокомерный’, бур. *гэдэ-гэр* ‘с выпяченной грудью’, перен. ‘с горделивой походкой’, ‘с высокомерным видом’, ‘напыщенный’, калм. *ged'gr* ‘с запрокинутой головой’, ‘с напряженным затылком’.

Представляют интерес еще такие примеры:

п.-мо. *gede-i-*, монг. *гэди-й-* ‘выгибаться назад’, ‘закидывать голову’, перен. ‘упрямиться’, ‘артачиться’, бур. *гэды-*, калм. *gedə-* ‘откидывать назад корпус’, ‘выпячивать грудь’, перен. ‘ломаться’, ‘пыжиться’;

п.-мо. *gede-i-lge-*, монг. *гэди-э-лгэ-* ‘выгибать спину’, ‘запрокидывать голову’;

---

[59] См.: Егоров, стр. 267.

монг. *гэдэ-гнэ-* ~ *гэдэ-лзэ-* ‘частью выгибать спину или закидывать голову назад’, ‘то и дело закидывать голову назад’, бур. *гэдэ-л-зэ-* ‘ходить с важной осанкой, с важным видом’, калм. *ged-ɻz^{ə}-* ‘часто запрокидывать голову назад’ (при работе), ‘идти с высоко поднятой головой’;

п.-мо. *gede-rgüü*, монг. *гэдэ-ргээ*, бур. *гэдэ-ргэ*, калм. *ged-ɻgə* ~ *ged-ɻgn̥* ‘назад’, ‘обратно’, ‘вспять’, ‘к задней стороне’, ‘к тылу’;

п.-мо. *gede-s*, монг. *гэдрэ-г*, бур. *гэдэ-рисэ*, калм. *ged^{ə}s* ‘обратно’, ‘назад’;

бур. *гэдэ-р-*, калм. *ged-ɻ-gɻ-* ‘возвращаться назад’.

В тунгусо-маньчжурских языках это название представлено главным образом в северной подгруппе и в удэйском языке:

эвенк. *гэт-кэ̄н* Брг, В-Л, С-Б, *гэди-мук* П-Т, Алд, Урм, Учр, Хнг, Чмк, *гэду-мук* Сх, Урм, Учр, *гэдэ-мук* М ‘затылок’, *гэди-кэ̄н* В-Л, *гэӯи-гэ-н* ~ *гэ-ӯэ-гэ-н* ~ *гэӯэ-н* [< мо.] К., сол. *гэт-хэ̄* [< мо.] ‘коса’ (на голове), эвен. *гэдэ-кэ* Ол, Мом, Ох, П, *гэдъ-мък* Б, Мом, Т, *гөдө-мөк* Ск, *гӓдӓ-мӓк* К-О, *кэтэк* [< як] Юк ‘затылок’, ‘затылочная кость’, ‘затылочное отверстие’ (в черепе оленя), нег. *гэдэ-мук* Н ‘затылок’, Ш. ‘шея’, уд. *гэди-гэ*, Хор, Ан, Бик, Смрг ‘затылок’, ‘шея’ (тыльная сторона).

В группе тюркских языков, как уже указывалось ранее, семантика слов с корневой основой **гэдэ/и* получила развитие в сторону обозначений пространственных и временных представлений:

др.-тюрк. *ked* ~ *ket* ‘конец’, ‘зад’, ‘задняя часть’, *kedi-n* ~ *kedі-n* ‘сзади’ (~ в западном направлении), ‘задний’ (~ западный), ‘затем’, ‘после’, посл. ‘после’, ‘за’, ‘назад’, ‘сзади’ ~ *keji-n* ~ *kii-n* ~ *ke-n* ~ *ki-n* ‘затем’, ‘после’, посл. ‘после’, РСл *kī-н* ‘задняя часть предмета’, ‘после’, ‘позади’, посл. ‘после’, ‘за’, ‘вперед’, ‘на будущее время’, *kei-н* ‘после’, ‘сзади’, *käji-н* ‘после’, ‘потом’, *käді-н* ‘сзади’, ‘после’, *käӯi-н* ~ *keӯi-н* ‘задний’, ‘задняя часть’, ‘после’, узб. *кейи-н* нареч. ‘после’, ‘потом’, ‘позже’, ‘затем’, ‘вслед’, посл. ‘после’, ‘потом’, ‘спустя’, ‘погодя’, ‘впредь’, ‘дальше’, ‘через’, ‘конец’, ‘последствие’.

В некоторых языках отмечены производные от слов, приведенных выше, — существительные, прилагательные, глаголы и наречия, например:

др.-тюрк. *kini-n-tä* ‘в конце’, *kedi-n-ki* ‘задний’, ‘последующий’ ~ *ked-ki* ‘конечный’, ‘поздний’ ~ *kin-ki* ‘последующий’, *kedi-r-ti* ‘сзади’, РСл *kī-н-kī* ‘последующий’, ‘задний’, ‘крайний’, ‘следующий’, ‘последующий’;

др.-тюрк. *ki-n-ik-* ~ *ki-n-i-l-*, уйг. *кечик* ‘запаздывать’, ‘задерживаться’, кирг. *кийи-н-де-* ‘податься назад’;

др.-тюрк. *ki-n-dirti* ‘назад’, *ki-rü* ‘назад’ (~ на запад), узб. *кейи-н-да* нареч. ‘позади’, ‘сзади’, *кейи-н-дан* нареч. ‘потом’, ‘позже’, ‘впоследствии’.

В то же время в некоторых тюркских языках существуют и прямые монгольские заимствования, например:

РСл *kijä*, *kijägä* ‘мужская коса’, *kičä*, *kičkä* ‘затылок’, кирг. *кежиге* ‘затылок’, *кежи* ~ *кежиге-лдирик* ‘верхняя часть оглавля’ (ремень, часть узды, идущей поперек головы лошади за ушами); *кежи-р* ‘упрямый’, ‘капризный’, *кежи-р-ден-* ‘упрямиться’, ‘капризничать’, хак. *кицеге* ‘коса’ (девушки), казах. *кежеге* ‘затылок’, тув. *кежеге* ‘коса’, *кежеге-лээр-*, *кежеге-ле-* ‘отращивать волосы для косы’, ‘хватать за косу’, як. *кётях* ‘затылок’, ‘тыл’, ‘задняя сторона, часть’, ‘зад или задняя обшивка женской шапки’, ‘последний сорт’, *кётях-тя-* ‘пришивать заднюю часть шапки’ (букв. ‘снабжать затылком’), ‘упрямиться, не слушаться’.

Сопоставление монгольских и тунгусо-маньчжурских слов с корневой основой **гэдэ/и* в значении ‘затылок’, ‘коса’ с тюркскими наречными и другими формами, выражающими представления, связанные с задней, тыльной стороной чего-л., а также с представлениями о более позднем времени, мы находим у Н. Поппе[60] и у Г. Рамстедта.[61]

---

[60] P. Vergl., стр. 24, 53, 56, 105, 135, 154, 155.
[61] R. KW, стр. 131, 132.

К. А. НОВИКОВА

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКОЙ ЛЕКСИКЕ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ЖИВОТНОМУ МИРУ[1]

Лексика, относящаяся к животному миру, является одной из древнейших лексических групп тунгусо-маньчжурских языков. Она представлена большим количеством слов. В настоящее время собрано и включено в словари по различным тунгусо-маньчжурским языкам около 1700 наименований, из них домашних и диких животных (включая половозрастные обозначения, а также названия по масти или по каким-либо другим признакам) — более 800, птиц — свыше 500, рыб — свыше 200, насекомых, червей, моллюсков — свыше 150, земноводных и пресмыкающихся — около 20.

Наиболее характерная особенность данного раздела лексики заключается в наличии для ряда промысловых животных, а также для животных, игравших важную роль в культовых представлениях тунгусо-маньчжуров, большого количества иносказательных (или подставных) названий, что объясняется существованием в прошлом у всех алтайских народностей охотничьих словесных запретов на имена животных. Особенно много таких иносказательных названий для медведя, волка, лося, дикого оленя, кабарги, кабана, росомахи, рыси и др. Табу на имена животных привело к тому, что в настоящее время названия многих животных различны не только в отдельных тунгусо-маньчжурских языках, но и в диалектах одного языка. Для тех животных, которые играли важную роль в экономике тунгусо-маньчжурских народностей, как например олень, лось — у эвенков, эвенов, негидальцев; нерпа — у орочей и ороков, детально разработана половозрастная терминология и богато представлены сезонные названия. Следует отметить также разработанность названий животных по масти, при этом нередко то или иное наименование относится к животным различных классов — к млекопитающим, птицам, рыбам.

[1] При написании данной работы была использована рукопись Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, составленного сотрудниками сектора алтайских языков Института языкознания АН СССР под руководством В. И. Цинциус. Монгольские наименования животных приводятся по словарям современных монгольских языков, изданным в СССР, а также по: 1) Лессинг, 2) Владимирцов. Грамматика. Тюркские наименования животных — по словарям современных тюркских языков и по ДТС. Встречающиеся в статье солонские и дагурские названия животных заимствованы из работ: Ивановский, П. Сол. и П. Даг.

Анализ состава данного раздела лексики по происхождению позволяет выделить в нем две неравные группы: а) бóльшую группу исконно тунгусо-маньчжурских слов, значительное количество которых восходит к эпохе предполагаемого единого тунгусо-маньчжурского языка; в их числе есть слова, общие (в плане историческом) для всех или для большинства алтайских языков; б) значительно меньшую группу заимствований, среди которых преобладают заимствования из алтайских языков. Каждая из этих групп должна быть рассмотрена в отдельности, так как задачи сравнительно-исторического изучения лексики тунгусо-маньчжурских языков требуют строго разграничения в ней словарного материала, восходящего к праязыковому состоянию, с одной стороны, и лексических заимствований — с другой. Прежде всего должны быть рассмотрены и исключены заимствования, составляющие поздний слой данного раздела лексики.

В разделе лексики, относящейся к животному миру, выявлено более 300 монгольских, тюркских, китайских, русских и других заимствований. Иноязычные слова проникали в тунгусо-маньчжурские языки в разные исторические периоды и с разной степенью интенсивности. Установить точную хронологию проникновения заимствований при отсутствии письменных памятников по большинству тунгусо-маньчжурских языков затруднительно. Недостаточны сведения о том, в какие исторические времена и где существовали экономические, культурные и иные контакты тунгусо-маньчжурских народностей с родственными и неродственными племенами и народами. Ниже речь будет идти о сравнительно поздних заимствованиях, позволяющих установить, хотя бы приблизительно, время их вхождения в тот или иной тунгусо-маньчжурский язык или диалект. Заимствования, общие для большинства тунгусо-маньчжурских языков, вошедшие, по-видимому, в период существования предполагаемого единого тунгусо-маньчжурского языка, а возможно, еще раньше — в период алтайской языковой общности, рассматриваются здесь лишь частично.

Поздние заимствования в отличие от предполагаемых ранних распознаются довольно легко, так как большинство из них распространено лишь в одном-двух, реже в трех тунгусо-маньчжурских языках или в единичных диалектах и говорах какого-либо одного из них. Определить иноязычные слова помогает главным образом семантика, а также в ряде случаев морфологический состав слова. Фонетический критерий не всегда надежен, так как звуковой облик заимствованного слова, как правило, подвергается значительным изменениям в соответствии с фонетическими нормами заимствующего языка.

Следует иметь в виду, что в некоторых тунгусо-маньчжурских языках и диалектах лексические заимствования имели место не только в тех случаях, когда в них не было соответствующего по значению слова. Иногда иноязычные названия (монгольские,

тюркские, китайские, русские) употреблялись наряду с соответствующими им по значению тунгусо-маньчжурскими словами и постепенно вытесняли их. Этот процесс, возможный, по-видимому, только в условиях активного двуязычия, происходит и сейчас в районах со смешанным населением (эвенкийским и бурятским, эвенкийским и якутским, эвенским и якутским, эвенским и русским и т. п.). Об этом свидетельствует тот факт, что у некоторых двуязычных групп тунгусо-маньчжурских народностей для наименования одних и тех же предметов и действий употребляются во многих случаях и свои, и заимствованные слова, т. е. эвенкийские и бурятские, эвенские и якутские, эвенские и русские и т. п.

Для удобства пользования материалами статьи содержащиеся в ней заимствования распределены по разделам: «Монголизмы», «Тюркизмы», «Китаизмы», «Русизмы», «Прочие заимствования». В пределах каждого раздела материал расположен по единой схеме, учитывающей (в самом общем плане) естественно-биологическую классификацию животных организмов, т. е. сначала рассматриваются названия млекопитающих, затем названия птиц, названия рыб, названия земноводных и пресмыкающихся и, наконец, названия червей, моллюсков, и прочих беспозвоночных.

При рассмотрении заимствований для сравнения привлекаются материалы по родственным алтайским языкам, а в отдельных случаях также по некоторым языкам иных систем. В пределах возможности дается морфологический анализ заимствований и сравниваемых слов, предположительно восстанавливаются их праформы и приводятся этимологии.

МОНГОЛИЗМЫ

Монгольские заимствования наиболее многочисленны. Их свыше ста наименований. Они относятся к различным историческим периодам, о чем во многих случаях позволяет судить фономорфологический облик монголизмов в тунгусо-маньчжурских языках, в котором достаточно точно отражены древние и более новые этапы развития монгольских слов. По времени значительная часть их является наиболее ранней по сравнению с прочими иноязычными заимствованиями. Многие из этих слов имеют параллели и в тюркских языках.

Монгольские заимствования проникли преимущественно в те тунгусо-маньчжурские языки, которые находились под сильным и длительным монгольским языковым влиянием, — в маньчжурский, солонский, а также в южные и восточные диалекты эвенкийского языка (в северобайкальский, баргузинский, верхоленский, витимо-нерчинский). Общеизвестно, что маньчжуры, солоны и эвенки с древних времен живут в тесном соседстве с монголами в ряде областей Центральной Азии, главным образом

на территории Китая и Монголии.[2] Это длительное соседство не могло не отразиться на их хозяйственной деятельности и языке. Они заимствовали у монголов животноводство, а с ним и терминологию, связанную с этим видом хозяйственной деятельности. Были заимствованы также названия некоторых диких животных, обитающих в Центральной Азии, особенно парнокопытных и пушных, охота на которых является исконным занятием большинства тунгусо-маньчжурских народностей.

В разные исторические периоды в те или иные группы тунгусо-маньчжурских языков монголизмы проникали различными путями. В более ранние эпохи развития этих языков, а также в бесписьменные языки во все периоды их развития они проникали только устным путем. В маньчжурский язык, начиная с XVII в., когда был создан маньчжурский письменный язык, монголизмы входили также и через литературу. В монгольском облике в маньчжурский язык проникли тюркские, санскритские и тибетские слова.[3]

К монголизмам относятся следующие лексические группы.

1) Некоторые собирательные названия домашних животных.

эвенк. *адугун ~ адуγун*[4] (Нрч), сол. *адӯ*[5] ‘табун лошадей’, ма. *адун*[6] ‘табун лошадей’, ‘стадо скота’ < мо.: п.-мо. *aduγun*, *aduγūn*, *aduγū*,[7] *adaγun*[8] [< **adugū(n)*[9] < **adu-* + **-gūn*], монг. *адуун*, *адӯ* (Халх), *адō* (Даг), бур., калм. *адуун* ‘лошадь’, ‘табун’.[10] Ср.:

---

[2] В настоящее время на территории КНР тунгусо-маньчжурские народности расселены преимущественно на северо-востоке страны (в бывшей Маньчжурии), а также в автономном районе Внутренняя Монголия, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в провинциях Хэбэй, Шаньси, Шаньдун, Ганьсу и др. По переписи 1953 г. общая численность их составила около 2.5 млн чел., из них маньчжуров 2 419 тыс., сибинцев 19 тыс., эвенков (включая солонов, которых в Китае отождествляют с эвенками) — 5 тыс., ороченов (которых выделяют в особую народность) — 2 тыс., нанайцев — 1 тыс. (см.: Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, стр. 672—690). На территории МНР в бассейне р. Иро и у оз. Буир-Нур проживает небольшое количество эвенков. По переписи 1897 г. их значилось около 2 тыс. чел. (см.: Народы Сибири. М.—Л., 1956, стр. 701). На территории нашей страны в непосредственном соседстве с бурят-монголами живут эвенки Баргузинского, Баунтовского и Северо-Байкальского районов Бурятской АССР.

[3] О монгольских элементах в маньчжурском языке см.: Санжеев. Параллели, № 8, стр. 601—626; № 9, стр. 673—708.

[4] Примеры из тунгусо-маньчжурских (кроме чжурчженьского), современных монгольских и тюркских языков даны в транскрипции на русской графической основе. Чжурчженьские, письменно-монгольские и древнетюркские слова по традиции даны в латинице.

[5] П. Сол., стр. 36.

[6] Санжеев. Параллели, стр. 619.

[7] МА, стр. 14.

[8] R. KW, стр. 2; Котвич, стр. 41, 72.

[9] P. Vergl., стр. 130.

[10] Более архаичной монгольской формой является, по-видимому, *adaγun* > *aduγun*. Видоизменение гласного второго слога *a* в *u* произошло под влиянием очень распространенной в монгольских языках регрессивной

др.-тюрк. *at*, аз., башк., казах., каракалп., кирг., ног., ойр., тат., туркм., уйг., хак., як. *am*, тув. *аът*, узб. *от*, чув. *ут* ‘конь’, ‘лошадь’, як. ‘осел’, ‘кладеный самец’, которое, по-видимому, этимологически родственно мо. *aduγun*.[11] Тунгусо-маньчжурской параллелью к мо. *aduγun* и тюрк. *at* предположительно можно считать эвенк. *агдӯ* > *авдӯ* ~ *абдӯ*, эвен., нег., орок. *абду* [< **агдуγу*] ‘скотина’, ‘домашнее животное’, ‘скот’, ‘хозяйство’, ‘имущество’.[12] Общеалтайская праформа, из которой развились мо. *aduγun*, тюрк. *at* и т.-ма. *агдӯ*, может быть восстановлена в виде **agdaγūn*[13] (ср. *адусӯ* на стр. 109).

ассимиляции. В. Котвич считает мо. *adaγun* производным словом, осложненным архаичным имяобразующим аффиксом *-γun*, который он называет морфологическим элементом неясного происхождения (см.: Котвич, стр. 72). Аналогичный аффикс тюркских языков, встречающийся в небольшом количестве слов (например, *alquγun* ‘все’), по характеристике К. Грёнбека, является архаичным аффиксом имен собирательных (см.: K. Grönbech. Der türkische Sprachbau I. Kopenhagen, 1963, стр. 59—60). Долгота в этом монгольском аффиксе свидетельствует о выпавшем щелевом согласном, находившемся между двумя гласными, т. е. *-γun* < *-γūn* < **-γuγun* (о монгольских долгих гласных см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 192—310).

[11] О сближении мо. *adaγun* с тюрк. *at* см.: Котвич, стр. 41, 72. — Наблюдающееся в данных словах соответствие монгольского *d* в середине слова тюркскому конечному *t* не единично, оно возможно и в других парах слов, например: п.-мо. *andaγar* ‘клятва, присяга’ — др.-тюрк. *and* ~ *ant*; п.-мо. *edü-* ‘затевать’, ‘начинать что-л.’, ‘творить’ — др.тюрк. *et-* ‘совершать’, ‘создавать’, ‘строить’ и др. Следует также иметь в виду, что монгольский *d* и тюркский *t* в данной позиции близки по звучанию. По характеристике Б. Я. Владимирцова, монгольский *d* является оглушенным звонким согласным, на слух производящим впечатление звука, среднего между русским *д* и *т* (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 61, 384—385). Тюркский конечный *t* предрасположен к озвончению, так как в тюркских языках в конечной позиции противопоставление глухих и звонких нейтрализуется (см.: А. М. Щ е р б а к. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 101). Гласный второго слога в монгольской корневой морфеме *adu-*, *ada-* является редуцированным гласным, так как недолгие гласные непервых слогов в монгольском языке являются гласными неполного образования, с ослабленной артикуляцией, и произносятся бегло, более кратко, чем русские редуцированные (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 55). При самостоятельном употреблении основы *adu-*, *ada-* конечный редуцированный гласный мог отпадать.

[12] Н. Н. Поппе сопоставляет мо. *aduγun* с эвенк. *авдӯ* < **адвӯ* < **адувӯ* < **адугӯ*, считая, по-видимому, этот вариант исходным, и с лам. *абдӯ* < *авдӯ*. Эвенкийский вариант *агдӯ* при сравнении не учитывается. В качестве тюркской параллели к мо. *aduγun* и эвенк. *авдӯ* он приводит др.-тюрк. *adïγ* < **aduγ* < **adugū* ‘медведь’, что нам представляется ошибочным (см.: P. Vergl., стр. 130). Тюркское же *at* < **akt* < **akta* ‘лошадь’ он сближает с мо. *agta* < **akta* ‘мерин’ (там же, стр. 89, 95, 121), что также спорно, так как *agta* считается персидским словом (ср. перс. *āḫta*), вошедшим в монгольские и тюркские языки в XIII в. в эпоху монгольских завоеваний (см.: П. М. М е л и о р а н с к и й. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. Изв. ОРЯС АН, т. X, кн. 4. СПб., 1905, стр. 4—5; R. KW, стр. 5; Räs. EW, стр. 9).

[13] При восстановлении праформы **agdaγūn* мы исходили из того, что наиболее архаичной из приведенных алтайских форм является эвенк. *агдӯ*, сохранившая в первом слоге согласный *г*. В тюркских языках этот согласный обнаруживается в тувинской форме слова *at* ‘лошадь’ — *аът* < **агт*,

сол. *адусӯ*[14] ‘скотина’ < мо.: п.-мо. *aduγusun*, *adaγusun*,[15] *aduγūsun*, *adu'ūsun*, *adaγūsun*, *adūsun*, *adāsun*[16] [< **aduγūsun* < **aduγūn* + **-sun*],[17] монг. *адууса(н)*, *адгууса(н)*, *адγӯсӯ* < *аддӑγӯс* (Халх), *адӑсӑ* (Даг), бур. *адууһа(н)*, *адӑһӑŋ* (Ал), калм. *адӯсн* ‘скот’, ‘крупный рогатый скот’.

сол. *мал*[18] ‘скот’ < мо. *мал*. Ср.: тюрк. *мал* (туркм. *мӑл*, як. *мӑл* ~ *мал*, узб. *мол*, чув. *мул*) ‘имущество’, ‘богатство’, ‘добро’, ‘деньги’, ‘товар’, ‘скот’, як. ‘скарб’, ‘пожитки’, ‘домашняя рухлядь’, ‘вещи’, ‘движимое имущество’. В монгольских и тюркских языках это слово считается арабско-персидским заимствованием (ср. перс. *māl*).[19]

2) Видовые названия для некоторых домашних животных.

сол. *унигэ* ~ *унэгэ*[20] ‘корова’, ма. *ун'эн*[21] ‘дойная корова’ < мо.: п.-мо. *ünigen* > *üniyen*[22] [< др.-мо. **ünigēn*[23]], ср.-мо. *üni'en*, монг. *унээ(н)*, *ун'ē* (Халх), *ун'ē*,[24] *унін*[25] (Даг), бур. *унеэ(н)*, *н'ээŋ* [< **ун'ээŋ*] (Ал) ‘корова’. Ср.: др.-тюрк. *inäk* ~ *iŋäk* [**in-gäk*],[26] тур. *inek*, аз., узб. *инэк*, алт., гаг., карач., кирг., кумык., полов., тув., туркм., хак. *инек*, тоф. *иниг*, тат. диал. *енэк*, як. *ынах* ~ *анах*, шор. *нэк* [< **инэк*], хак. *ник* (Саг), чув. *ĕне* [< **inek*] ‘корова’, ‘самка’, тоф., чув. ‘самка лося, оленя’,

---

так как предполагается, что фарингализованный гласный *аъ* в ней получил свое качество от выпавшего *г* (см.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 26). По замечанию С. Е. Малова, в языке желтых уйгуров слово *ат* ‘лошадь’ произносится как *ахт* (см.: С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 163). Следовательно, тюрк. *ат* < **agda*. Мнение некоторых тюркологов о том, что гласный *а* в тюрк. *ат* ‘лошадь’ всегда был чистым кратким, а тувинская фарингализация — пóзднее явление, по всей вероятности, ошибочно (см.: Щербак, стр. 83).

[14] П. Сол., стр. 39.
[15] R. KW, стр. 2.
[16] МА, стр. 13, 15, 94.
[17] По определению В. Котвича, мо. *-sun/-sün* является архаичным имяобразующим аффиксом со значением собирательности (см.: Котвич, стр. 73). Г. И. Рамстедт полагает, что этот очень распространенный в монгольском языке аффикс служит для подчеркивания конкретности слова (см.: Рамстедт, стр. 199). По мнению Н. Н. Поппе, он выражает единичность (см.: N. Poppe. On Some Ancient Mongolian Loan-words in Tungus. CAJ, v. XI, no. 3, September 1966, стр. 189).
[18] Сол., стр. 58.
[19] Егоров, стр. 134; Räs. EW, стр. 323.
[20] П. Сол., стр. 76.
[21] Санжеев. Параллели, стр. 624.
[22] Владимирцов. Грамматика, стр. 323.
[23] P. Vergl., стр. 62, 141; N. Poppe. On Some Ancient Mongolian Loan-words in Tungus, стр. 191.
[24] П. Даг., стр. 95.
[25] Ивановский, стр. 39.
[26] Räs. EW, стр. 172.

огуз. ‘самка черепахи’, которое, вероятно, одного происхождения с мо. *ünigen*.[27] Ср. скр. *dhenā* ‘корова, дающая молоко’.[28]

эвенк. *тэмэгэн ~ тэмэγōн* (Брг[29]), сол. *тэмэгэ̄*,[30] ма. *тэмэн*[31] ‘верблюд’, ма. *тэмэгэ чоқо* ‘страус’, букв. ‘верблюд-птица’ < мо.: п.-мо. *temegen* [< др.-мо. **temegēn*[32] < **teme-* + **-gēn*], монг. *тэмээ(н)*, *т‘емē* (Халх, Даг), бур., калм. *тэмээ(н)* ‘верблюд’ (эвенк. *тэвēн* (Сх, Урм) ‘верблюд’ < як. *тäбіäн* < мо. *тэмээн*; ороч. *тэмэ*, нан. *тэмэ̄* ‘верблюд’ < ма. *тэмэн* < мо. *тэмээн*). Ср.: др.-тюрк. *devä ~ tevä ~ tevi ~ tebä*, тур. *deve*, гаг. *дәвә*, аз. *дәвә*, башк., тат. *дөйә ~ дөйа*, туркм. *дүйе*, тув. *теве*, чув. *тӗве*, караим. *тевэ*, хак. *тибе*, алт., кирг., ойр., шор. *төө*, уйг. *төгә*, узб. *туйа*, каракалп., ног. *түйө*, казах., кумык. *түйе* ‘верблюд’.[33] В якут-

---

[27] О правомерности сопоставления мо. *ünigen* и тюрк. *inek* см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 175, 323; Котвич, стр. 44; P. Vergl., стр. 141. — Большинство исследователей полагает, что наиболее архаичными из приведенных форм являются удлиненные (монгольские), а краткие появились в результате утраты конечного согласного или конечного слога удлиненных форм. В. Котвич допускает, что более архаична краткая (чувашская) форма, тогда как удлиненные, по его мнению, — результат дополнительного морфологического оформления. Согласно этимологии Г. Вамбери, тюрк. *inek* означает ‘стонущая’, что маловероятно (см.: Vambery, § 54). По мнению А. М. Щербака, основой тюрк. *inek*, как и основой др.-тюрк. *iŋän* ‘верблюдица’, тат. *энчек* ‘собака-самка’, тат. диал. *енәк* ‘самка’, могло быть слово **инэ ~ *ене* ‘мать’, ‘самка’ (см.: Щербак, стр. 97). Структурной и семантической тунгусо-маньчжурской параллелью к приведенным монгольским и тюркским словам, по-видимому, могут быть эвенк. *эн‘ēкēн* [< **эн‘ē-* + уменьш. афф. **-кēн*) ‘медведица’, *эн‘ēкē̄* (Урм), нег. *эн‘ихэн* ‘самка соболя’, ма. *эн‘эхэн ~ эн‘ихэн* ‘собака-самка’ и другие наименования самки, в основе которых, как и в тюркских, лежит слово *эн‘э ~ эн‘и* ‘мать’, ‘самка’.

[28] Егоров, стр. 64.

[29] П. Тунг., стр. 54.

[30] П. Сол., стр. 71.

[31] Санжеев. Параллели, стр. 694.

[32] N. Poppe. On Some Ancient Mongolian Loan-words in Tungus, стр. 191.

[33] О тюркских наименованиях для верблюда см.: K. Menges. Die Wörter für «Kamel» und einige seiner Kreuzungsformen im Türkischen. UJ, Bd. XV, стр. 517—582. — Существуют различные точки зрения на происхождение приведенного слова. К. Г. Менгес считает его общеалтайским. К монгольским заимствованиям он относит только эвенк. *тэмэгэн ~ тэмэγōн*, а ма. *тэмэн* сближает с мо. *temegen* и тюрк. *devä~tevä* (см.: Karl H. Menges. Altajische Studien. «Der Islam», Bd. 37, Berlin, Oktober, 1961, стр. 14). С. Калужиньский признает родство монгольских и тюркских вариантов этого слова (см.: Калужиньский, стр. 16). По мнению А. М. Щербака, тюркские варианты являются наиболее древними: мо. *temegen* он считает тюркским заимствованием, так как полагает, что верблюд и многие другие домашние животные стали известны монголам через тюрок (см.: Щербак, стр. 109—110). Г. Е. Корнилов, пытаясь этимологизировать чув. *тӗве* ‘верблюд’, сближает его с чув. *тийе-* ‘грузить’, ‘вьючить’ и т.-ма. *тэвэ ~тэвӯ* ‘груз’, ‘кладь’ (см.: Г. Е. Корнилов. Алтайские параллели к чувашским названиям оленя и верблюда. ПОАЯз, стр. 40). По нашему мнению, наличие сходного китайского наименования верблюда дает основание предположить, что это миграционный термин, распространившийся в очень отдаленное время, при этом в алтайских языках, по-видимому, сохранились его наиболее древние варианты, развившиеся

ском языке этому слову соответствует твердорядное *таба* ‘олень’, а для наименования верблюда употребляется монгольское заимствование *тäбіäн ~ тіміäн*.[34] Ср.: кит. *тó* ‘верблюд’, ‘вьючный’, ‘нести на спине’, *тома* ‘вьючная лошадь’ [< *тó* ‘верблюд’, ‘вьючный’ + *ма* ‘лошадь’]. Ср.: рус. *тыме́нь* (сиб.) < мо., рус. *тюя ~ тюэ* (Орнб) < тюрк. ‘двугорбый верблюд’.[35]

сол. *элӡиг*[36] ‘осел’ < мо.: п.-мо. *elǯigen* [< **elǯiken*[37] < **el-ǯi-* + **-ken*], монг. *элжиг ~ илжиг ~ илжгэн*, бур. *элжэгэ(н)* ‘осел’. Ср.: др.-тюрк. *ešjäk ~ ešgäk ~ eškäk ~ ešäk*, тур. *ešek*, кирг., каракалп., кумык., ног., туркм. *эшек*, узб. *эшак*, уйг. *ешэк*, аз., узб. диал. *ешшэк*, алт. *ештек*, башк., тат. *ишэк*, гаг. *йешек*, казах. *йесэк*, чув. *ашак* ‘осел’ [< **älǯäk*[38] < **elǯiken*. Звукосочетание *lǯ* в праформе > мо. *lǯ*, тюрк. *šj ~ šg ~ šk ~ š*].[39] Ср. рус. *ишáк*, заимствованное из тюркских языков.[40]

ма. *лоосэ ~ лоса*, *лоусэ ~ луси ~ лус* (сиб.) ‘мул’, ‘лошак’ < мо.: п.-мо. *lagusa ~ luusa* [(?) < **la-* < кит. *лȍ* < **ла* ‘мул’ + арх. имяобразующий афф. **-γusan*],[41] монг. *луус*. В тунгусо-маньчжурских языках есть еще сол. *лӧ̄с*, нан. *лосо* ‘мул’, которые, по-видимому, являются маньчжурскими заимствованиями. Ср. ранние китайские заимствования: др.-тюрк. *la* ‘мул’ < кит.

из праформы **tevegē(n)*. В процессе модификации этой праформы интервокальное **v* дало в монгольском *m*, а в тюркских языках — *v ~ b ~ g ~ j*. В более поздних монгольских, а также в тюркских формах конечный слог *-gē(n)*, являющийся аффиксом, благодаря выпадению интервокального *g* и стяжению гласных был утрачен. Возможно, что корневая часть праформы — **teve-* действительно связана по происхождению с общеалтайской основой **tevē- ~ *tebē-* ‘груз’, ‘грузовой’, ‘грузить’, ‘перевозить’. Ср.: п.-мо. *tege-* ‘перевозить’ < **tevē- ~ *tebē-* (P. Vergl., стр. 14, 127), чув., казах., каракалп., ног. *тийе-*, башк. *тейэ-*, тат. *төя*, як. *тиэй-* ‘грузить’, ‘перевозить’, эвенк. *тэвӯ* ‘груз’, *тэвӯ-* ‘грузить’.

[34] Щербак, стр. 104.

[35] Даль, стр. 447.

[36] П. Сол., стр. 49.

[37] P. Vergl., стр. 86, 140.

[38] Там же, стр. 86.

[39] Приведенные монгольские и тюркские наименования осла сопоставляют (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 323) и идентифицируют (см.: P. Vergl., стр. 86, 140). Этимология неясна. По А. Габен, тюрк. *eškäk* < **eš* ‘спутник’+уменьш. афф. **-käk* (A. von. G a b a i n. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, § 59). Допускается также связь тюркского наименования осла с армянским *ēš* ‘осел’, которое рассматривается как заимствование из малоазийских языков (см.: K. H. M e n g e s. Altajische Studien, стр. 15; Э. Г. Т у м а н я н. Морфологический анализ индоевропейских терминов, обозначающих животных, в армянском языке. ВЯ, 1968, № 5, стр. 56—57). В этом случае можно предположить, что тюрк. *eškäk ~ ešgäk ~ ešjäk ~ ešäk* < **eš-käk*, **eš-gäk*, **eš-jäk*, **eš-äk*, где *-käk*, *-gäk*, *-jäk*, *-äk* — аффиксальные элементы.

[40] Фасмер, II, стр. 146.

[41] Сохранение в мо. *laγusa* наиболее древней формы наименования мула и оформление его архаичным аффиксом свидетельствует о том, что **la* — или доисторический миграционный термин, или очень раннее китайское заимствование.

лò, *луа* < **ла*[42] и тюрк. *аласа* ~ *алаша* ~ *лаша*[43] 'мерин' < кит. *лòцза* 'мул' [< *лò* 'мул' + афф. *-цза*], а также кор. *насэ* 'мул', которое, по-видимому, также является ранним китайским заимствованием, и рус. *лошá* 'жеребенок', *лошá-к* (гибрид от осла и кобылы), *лóша-дь* < тюрк. *лаша* 'мерин'.[44]

сол. *гáга* ~ *гáγа*[45] 'свинья' (домашняя, самец и самка) < мо.: п.-мо. *gaqai* ~ *γaqai* [< **ga-*(?) + **-qai*],[46] монг. *гахай*, *гахаĕ* (Халх), *гаγ* (Даг), бур. *гахай* 'свинья'. Ср. чув. *какай* 'мясо' < мо. *gaqai* 'свинья'.[47]

3) Половозрастные названия домашних животных.

эвенк. *гēγ* (Вт), *гōг* ~ *гōγ* (Брг[48]), *гōγō* (С-Б, Тк, Тмт, Учр, Члм), *гээн* (В-Л), *гэ̄к* (Нрч) 'кобыла', С-Б 'самка дикого оленя', сол. *гэ̄γ*,[49] *гóу морíн*[50] 'кобыла' < мо.: п.-мо. *gegün* ~ *gegüü* [< **gegū̃n* < **ge-* (?) + **gū̃n*],[51] монг. *гγγ(н)*, *гȳ* (Халх), *гė̆ў* (Даг), бур. *гγγ(н)* 'кобыла', ма. *гэо* 'кобыла', 'корова', 'самка четвероногих', по мнению Е. Хауера, восходит к мо. *gegüü* (см.: Х.), а по мнению И. Захарова и П. Шмидта — к кит. *ко* 'кобыла' (см.: З., Ш.).

---

[42] Gabain, стр. 318.

[43] Начальное *а* в тюрк. *аласа* ~ *алаша* объясняется тем, что в древних тюркских языках не было слов с начальным *л*.

[44] Фасмер, II, стр. 525—526.

[45] Ивановский, стр. 32.

[46] Можно предположить, что мо. *gaqai* 'свинья' является по происхождению производным именем качества, образованным от образного слова **gang* ~**gan* 'визг' с помощью афф. **-qai* и означает букв. 'визгливый' (*-qai* — продуктивный имяобразующий аффикс современных монгольских языков. Конечный *ng* ~ *n* в слове **gang* ~ **gan* перед этим аффиксом утрачен).

[47] Егоров, стр. 85.

[48] П. Тунг., стр. 41.

[49] П. Сол., стр. 52.

[50] Ивановский, стр. 33.

[51] Корневая морфема **ge-* в мо. *gegün* 'кобыла', по-видимому, восходит к самостоятельному слову с обобщенным значением 'самка', которое является или миграционным термином, или очень ранним (доисторическим) заимствованием. Возможно, что эта же корневая морфема содержится в тюркском наименовании домашней козы — др.-тюрк., аз., гаг., тур. *кечи* (< **ке-* + **-чи*), туркм. *гечи*, узб. диал. *геччи* ~ *гэǯǯи*, тат. *кəжə* (< **кə-* + **-жə*), башк. *кəǯə*, чув. *качака* [< **ка-* + **-ча* + **-ка*]. Предположение О. Н. Трубачева об образовании этого тюркского наименования от древнего междометного подзывания животных — рус. *кис-кис*, рус. диал. *кось-кось*, *кóся* (подзывание жеребенка), польск. диал. *kis-kis* (подзывание лошади), а также предположение А. М. Щербака о заимствовании тат. *кəжə*, башк *кəǯə* и чув. *качака* из русского языка представляются нам менее вероятными (см.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 99; Щербак, стр. 118). Помимо алтайских языков, корневая морфема **ge-* ~**ke-* обнаруживается в китайском; ср.: *ко*, *кэ̀* 'кобыла', *кэ̀мă* (< *кэ̀* 'самка' + *мă* 'лошадь') 'кобыла', а также в слав. *koza* < тюрк. (см.: Ф. Е. Корш. О бытовых словах, заимствованных древними славянами. ЗРГО, XXXIV, СПб., 1908, стр. 542; О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 86—87).

сол. *сувєи гэ̄γ*[52] ‘яловая кобыла’, *сувєи* ‘яловая’ < мо.: п.-мо. *subai*, монг. *сувай*, бур. *нубай* ‘яловая’.

эвенк. *байтаһун* (Брг,[53] М, Тк, Урм, Учр) ‘яловая важенка’ < мо.: п.-мо. *bajitasun* [< **bajïtalsun*[54] < **bajïta-* + **-l* + **-sun*],[55] монг. *байтса(н)*, *баётăс* (Халх), *бāдасу* (Орд), бур. *байтаһа(н)*, *байтарһаӈ* (Тунк), калм. *бāсн* ‘молодая нежеребившаяся кобыла’, ‘яловая жирная кобыла, корова’, бур. Бох ‘откармливаемый на убой скот’. Ср. як. *баітасын* ~ *баітаһын* ‘яловая кобыла, корова’, ‘нерожавшая’ (женщина, самка), ‘жирный скот’ < мо. *bajitasun*.[56]

эвенк. *чар* (Брг,[57] В-Л, Нрч) ‘кастрированный бык крупного рогатого скота’ < мо.: п.-мо. *šar* (< **čarï*),[58] монг. *шар*, бур. *сар*, ойрат. *цар* (Баит, Дэрб-Аст, Дэрб-Кобд) ‘кастрированный бык, вол’. Ср.: алт. *чар*, тат. *чар* (Бараб), хак. *шар* (Качин), шор. *шар*, тув. *шары* ‘вол’.[59]

---

[52] П. Сол., стр. 68.

[53] П. Тунг., стр. 39.

[54] P. Vergl., стр. 86.

[55] Весьма вероятно, что мо. *bajitasun* < **bajïtalsun* является отглагольным именем, образованным от основы **bajïta-* [< **bajï-* ‘быть’+афф. страд. зал. **-ta-*] ‘иметь в себе’, ‘жиреть’ присоединением имяобразующего афф. **-l*, продуктивного в современных монгольских языках, и отыменного арх. афф. **-sun* и означает букв. ‘содержащий в себе’, ‘разжиревший’. Характерно, что по этой же морфологической модели образовано эвенк. *бивук* (П-Т) ‘бесплодная важенка’ < *биву-* [< *би-* ‘быть’ +афф. страд. зал. **-ву-*] ‘иметь, содержать в себе’+имяобразующий афф. **-к*. Глагольную основу **baǰita-* в мо. **bajïtalsun*, по-видимому, следует считать общеалтайской. В тюркских языках она прослеживается в алт., таг., казах., кирг., каракалп., кумык., ног., туркм., узб., уйг. *баитал*, башк. *байтал* < **bajïta-l* ‘молодая нежеребившаяся кобыла’ (о тюркском афф. *-l* см.: Севортян. Афф. им., стр. 191) и в як. *баіталын-* ‘потолстеть’ (Пекарский, I, стр. 339—340), а в тунгусо-маньчжурских языках — в сол. *баитӣ* < **байитӣн* ‘яловая кобыла’. (Об общем происхождении мо. *bajitasun* и тюрк. *баитал* см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 291; P. Vergl., стр. 86).

[56] Калужиньский, стр. 36.

[57] П. Тунг., стр. 59.

[58] мо. *šar* предположительно возводится нами к общемонгольской праформе **čarï* потому, что в большинстве исконно монгольских слов *š* ~ *ш* > *s* развилось из **č* (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 373—378). Этимология этого слова для нас пока неясна.

[59] По Г. И. Рамстедту, тюрк. *чар* ~ *шар* ~ *шары* родственно мо. *šar* ‘вол’ (см.: R. KW, стр. 422). Нам представляется более вероятным предположение о заимствовании тюрк. *чар* ~ *шар* ~ *шары* из монгольских языков (см.: Щербак, стр. 99), так как распространение этого слова в тюркских языках ограничено языками Сибири и Алтая. Тюркской параллелью к мо. *šar*, по-видимому, следует считать хак. *тазын* (*tazïn*) ‘кастрированный бык’. Эти слова возводятся нами к алтайской праформе **tarïn*, при восстановлении которой мы учитывали, что мо. *š* (< **č*) и тюрк. *t* развились из первоначального алтайского **t* (см.: P. Vergl., стр. 26), а интервокальное мо. *r* архаичнее тюрк. *z*. (О первичности алтайского *r* > мо., т.-ма. *r*, тюрк. *z* (чув. *r*), кор. *l* ~ *r* см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 360; Menges. Turkic Languages, стр. 96). А. М. Щербак считает возможным сближать хак. *тазын* ‘кастрированный бык’ с таг. *тосун* ‘трехлетний бык’, тур. *tosun* ‘бычок’ и др.-

сол. *йэӈэ*[60] ‘верблюдица’ < мо.: п.-мо. *inggen* [< **jiŋegen* < **jiŋe-* + **-gen*), монг. *ингэ(н). иӈгӗ* (Халх), бур. *энги(н)* ‘верблюдица’, бур. Ок, Хорин ‘лосиха’. Ср.: др.-тюрк. *iŋän*, туркм. *инен*, казах., кирг., каракалп., тув. диал. *иӈген*, тув. *иӈгин ~ эӈгин*, тат. *hiŋgan* (Тар) ‘верблюдица’, тув. диал. ‘важенка’.[61]

эвенк. *куча* (А, Брг,[62] Нрч) ‘баран’, ма. *ᵹуча* ‘козел-производитель’, *ƃуча*[63] ‘коза’ < мо.: п.-мо. *quča(n)*, монг. *хуц*, бур. *хуса* ‘баран-производитель’. Ср.: др.-тюрк. *qoč*, *qočqar* [< **qoč-* + **-qar* < **-gar*], *qočuŋar* [< **qočun-* + **-gar*], *qočŋar*, аз., туркм. *ɣоч*, тур. *koč*, караим. *ᵹочхар*, алт., кирг. *ᵹочᵹор*, казах., каракалп., ног., тув., уйг. *ᵹошᵹар*, тат. диал. *ᵹучᵹар ~ ᵹуцᵹар*, башк. *ᵹусᵹар ~ ᵹушᵹар* ‘баран’, ‘баран-производитель’, этимологически родственное мо. *quča*,[64] а также: алт. *ᵹуча* ‘самец дикого горного барана’, хак. *хуча* ‘козел’ < (?) мо. *quča*. Ср.: рус. диал. *куцáн* ‘некладеный

тюрк. *tosun* ‘необузданный, необъезженный’, полагая, что этимологически они связаны с тур. *tos* ‘удар рогами, бодание’ (см.: Щербак, стр. 99). Сближение этих слов сомнительно, так как в них различны гласные, к тому же в словаре Л. З. Будагова *тосун* дано с пометой «перс.»; ср. перс. *то͡усäн* ‘поровистый, своенравный’, ‘буйный’ (см.: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, стр. 394).

[60] П. Сол., стр. 57.

[61] Г. И. Рамстедт допускает родство мо. *inggen* и тюрк. *iŋän* (см.: R. KW, стр. 209). Как уже упоминалось, А. М. Щербак считает монгольские наименования верблюда, в том числе и *inggen*, тюркскими заимствованиями. Об этом свидетельствуют, по его мнению, исторические данные, в частности предположение Б. Я. Владимирцова, высказанное им в книге «Общественный строй монголов», о том, что предки монголов были лесными охотниками, а также фонетические и морфологические особенности наименований верблюда (см.: Щербак, стр. 109—110). Гипотеза А. М. Щербака является спорной. Нам представляется, что мо. *inggen* наиболее архаичная из приведенных форм, осложненная очень распространенным в алтайских наименованиях животных афф. *-gan / -gen*. В этом слове мы имеем ту же словообразовательную модель, что и в рассмотренных выше *üni-gen* ‘корова’, *teme-gen* ‘верблюд’. Др.-тюрк. *iŋän* [< **iŋegen* > **iŋeen* > **iŋēn* > *iŋen*], очевидно, — стяженная форма, а тув. *иӈген ~ иӈгин ~ эӈгин*, судя по его внешнему облику, — монгольское заимствование. Этимология этого слова окончательно не выяснена. О возможности происхождения тюрк. *iŋän* от наименования самки см.: Щербак, стр. 97, 105.

[62] П. Тунг., стр. 49.

[63] Санжеев. Параллели, стр. 678, 681.

[64] О родстве мо. *quča* и тюрк. *qoč* ‘баран’ см.: P. Vergl., стр. 121. Полные тюркские формы этого слова восходят к кратким *qoč*, *qočun*, осложненным словообразующим показателем **-gar*, значение которого пока не установлено. (Об этом непродуктивном тюркском аффиксе см.: Севортян. Афф. им., стр. 199). Этимология основы *qoč-*, *qočun-* также пока неясна. А. М. Щербак относит мо. *qučan* и другие монгольские наименования овцы к тюркским заимствованиям, которые, как он полагает, вошли в монгольский язык в предорхонский период, так как в некоторых из них наблюдается интервокальное *n′*, развившееся будто бы из тюркского *j* < общетюрк. **j* (ср., например, мо. *qonin* ‘овца’ < тюрк. *qojun*), и интервокальное *r*, развившееся из тюркского *z* (ср. мо. *qurayan* ‘ягненок’ < тюрк. *qozu*) (см.: Щербак, стр. 116—117). С этим мнением также трудно согласиться, т. к. соответственно традиционной алтаистической точке зрения интервокальное тюркское *n′ ~ j* < **n′*, а *z* < **r*

баран' < мо. *qučan*, рус. диал. *кочка́р* ~ *кочка́рь* 'племенной баран' < тюрк. *qočqar*,[65] с.-хорв., болг. *коч* 'баран-производитель' < (?) тюрк. *qoč*.

сол. *иргэ*[66] 'кастрированный баран', ма. *иргэ*[67] 'кастрированный' < мо.: п.-мо. *irge* [< **irgen* < **iregen* < **ire-* + **-gen*], монг. *ирэг*, *ирӗг* ~ *ирӗк* ~ *иргэ̆* (Халх), бур. *эрье* 'кастрированный взрослый баран, валух'. Ср.: др.-тюрк. *irk* 'овца по четвертому году', тур. *hirek* 'овца с курдюком', алт. *ирк* (Тел), тув. *ирт*, шор. *ириг*, кирг. *ирик* 'кастрированный баран'.[68] Ср. рус. вост.-сиб. *иргэ́нь* 'кастрированный баран' < мо. **irgen*.[69]

эвенк. *имаγан* (Брг, Нрч, Хнг) 'коза', 'козел', сол. *имаγа̄*[70] 'коза', ма. *ниман*[71] 'общее название козы и козла', 'вонючий баран' < мо.: др.-мо. **imaγān*[72] [< **jïmaγān*[73] < **jïma-* (?) + **-γān*], п.-мо. *imaγan* ~ *nimaγan*,[74] ср.-мо. *ima'an*, монг. *ямаа(н)*, *йамā* (Халх), бур. *ямаа(н)*, *н'амāн* (Хорин), *н'имāγ* (Ал), калм. *ямаа(н)*, монгор. *имā* 'коза', 'козел'. Кроме приведенных заимствованных названий козы в тунгусо-маньчжурских языках есть еще сол. *імá*,[75] ороч., ульч. *има*, уд. *има* (Смрг), нан. *има* (Бк), *имā* (Нх, К-У), *имахэ* (Снг), нег. *имайа*, ма. *имаху*, чж. *yīh-mà-lâh* 'коза', 'дикая коза', которые имеют параллели в других алтайских языках. Ср.: др.-тюрк. *jïmγa* ~ *ïmγa*, уйг. *ымγа*, алт. *йумγа* 'дикая горная коза', як. *ымаҕа* 'теленок-альбинос', а также кор. *йэмсо* 'коза'.[76]

(см. труды Г. И. Рамстедта, Б. Я. Владимирцова, М. Рясянена, Н. Н. Поппе К. Г. Менгеса и др.).

[65] Фасмер, II, стр. 359, 437.

[66] П. Сол., стр. 55.

[67] Санжеев. Параллели, стр. 623.

[68] Приведенные монгольские и тюркские слова развились, по-видимому, из единой более древней формы **hiregēn* > **iregēn*. Шор. *ириг* и кирг. *ирик* Б. Я. Владимирцов считает монгольскими заимствованиями (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 338).

[69] Фасмер, I, стр. 486.

[70] П. Сол., стр. 55.

[71] Санжеев. Параллели., стр. 674.

[72] N. Poppe. On Some Ancient Mongolian Loan-words in Tungus, стр. 190.

[73] P. Vergl., стр. 32, 123.

[74] В монгольском письменном языке в ряде случаев наблюдается чередование начальных *i* ~ *ni* < **ji*, которому в монгольских наречиях соответствует чередование *i* ~ *ja* ~ *н'а* ~ *н'и*. Вместе с тем установлено, что в большом количестве слов п.-мо. *n* > *н* монгольских наречий соответствует тюркскому *j*. Эти наблюдения позволяют предполагать, что в алтайском праязыке имелась фонема **j* — среднеязычный носовой согласный (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 350—351, 368—370).

[75] Ивановский, стр. 18.

[76] Признана очевидной генетическая связь между приведенными монгольскими, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими (кроме эвенк. *имаγан*, сол. *имаγа̄*, ма. *ниман* < мо.) и корейским словами (см.: R. KW, стр. 214; P. Vergl., стр. 32, 123). В них прослеживается общая основа, восходящая к **jïma-*, которая в большинстве языков оформлена афф. **-γān* > *-γan* >

эвенк. *мэкэ̄ин* (Нрч, Хнг) ‘самка кабана’, сол. *мэхэ̄ӣ*[77] ‘свинья’, ма. *мэхэ̄эн* ‘свиноматка’ < мо.: п.-мо. *tegeǯin* [< *tegen-* + *-ǯin*],[78] ср.-мо. *tegüǯin*, монг. *мэгж*, *мэгж(ин)*, *мэгэ̄и* (Халх), бур. *мэгэжэ* ‘самка кабана’. Ср.: узб. *мегажин* ‘самка кабана’, казах., кирг. *мегежин*, чаг. *мигечин* ‘свинья, свиноматка’, также заимствованные из монгольского языка.[79]

эвенк. *гунан* (Брг) ‘бычок или телка трех лет’, сол. *гунӣ*[80] ‘трехлетний самец животного’, ма. *гунан*[81] ‘трехлетний бычок’ < мо.: п.-мо. *γunan* [< **γunān* < **γu-* — корневой элемент числительного *γurban* ‘три’ + **-nān*],[82] монг. *гуна(н)*, *гунӣ* (Халх), бур. *гуна(н)* ‘трехлетний бычок’, ‘трехлетний тигр’, ‘трехлетний’ (о самцах крупных животных и зверей). Ср.: узб. *ƃонан*, туркм., уйг. *ƃунан*, узб. диал. *ƃунан ~ хунан*, башк. *ҡонан*, алт., казах., кирг., ног., чаг. *ҡунан*, тув. *хунан* ‘жеребец трех лет’, ‘лошадь трех лет’, ‘трехлетний’ (о животном), ж.-уйг. *ҡунан* ‘вол двух-трех лет’, як. *ҡунан* ‘молодой бык, бычок’, шор. *ҡунаҡ* ‘трехлетний’ (о животном) < мо. *γunan*.[83] Ср. рус. вост.-сиб. *гунáн*, *гунáк* ‘трехгодовалый бычок’, также заимствованные из монгольских и тюркских языков.[84]

сол. *дөнӧ̄* ‘четырехлетний самец животного’, ма. *дунэн* ‘четырехлетний баран’, *дэонэ* ‘бык или корова четырех лет’ < мо.: п.-мо. *dönen* [< **dönēn* < **dö-* — корневой элемент числительного *dörben* ‘четыре’ + **-nēn*,[85] монг. *дөнө(н)*, *дөнӧ̄* (Халх), бур. *дүнэ(н)* ‘четырехлетний’ (о самцах крупных животных и зверей). Ср.:

-γa > *-an* > *-n*. Иное аффиксальное оформление этой основы наблюдается в некоторых тунгусо-маньчжурских и в корейском языках (ср.: нег. *има-йа*, чж. *yīh-mà-lâh*, нан. *има-хэ* (Снг), ма. *има-ху*, кор. *йэм-со*). Этимология основы не выяснена. По мнению А. М. Щербака, п.-мо. *imaγan ~ nimaγan* < др.-тюрк. *jïmγa* < общетюрк. **д'ïmγa* (см.: Щербак, стр. 118).

[77] П. Сол., стр. 58.

[78] Основа мо. *tegeǯin* — *tegen-* имеет соответствия в тунгусо-маньчжурских языках, ср.: ма. *мэхэн* (< **мэкэн*) ‘свинья’, *мэхэ* ‘молодая, еще не поросившаяся свинья’, *мэхэ-тэ* ‘со вздернутой верхней губой’, ‘с полуоткрытым ртом’ (о сближении мо. *tegeǯin* с ма. *мэхэ*, *мэхэн* см.: P. Vergl., стр. 35, 61, 125). Этимология *tegen-* пока затруднительна. Возможно, что это образное слово, передающее внешний вид рыла свиньи. Афф. *-ǯin* обозначает самку животного (см.: Б. Я. Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольском языке. Доклады Российской Академии наук, 1925, стр. 31; Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 113).

[79] R. KW, стр. 260.

[80] П. Сол., стр. 53.

[81] Санжеев. Параллели, стр. 690.

[82] О наличии в составе мо. *γunan* корневого элемента числительного «три» *γu-* см.: МА, стр. 69.

[83] R. KW, стр. 155.

[84] Фасмер, I, стр. 321.

[85] О корневом элементе *dö-* в мо. *dönen* см.: МА, стр. 69. Монгольские слова с корнем *dö-* — *dörben* [< **dör̄-ben*] ‘четыре’, *döčin* (< **dör̄-tin*) ‘четвертый’ и др. являются однокоренными с ма. *дуйин* [< **dü-gin* < **dȫ-gün*], эвенк. *дигин*, эвен. *дигэн* [< **dü-gün* < **dȫ-gün*] ‘четыре’, а также с др.-тюрк. *tört*, як. *туөрт*, туркм. *дөрт*, чув. *тăватă* [<**tör̄te*] ‘четыре’ (см.: P. Vergl., стр. 110).

тур. *dönen*, казах., каракалп., тув., чаг. *дөнен*, ног. *дөнөн*, уйг. *дөнән*, башк. *дүнән*, узб. *дунан*, тув. *төнен*, алт. *төнөн* ‘жеребец трех-четырех лет’, ‘лошадь трех четырех лет’, ‘четырехлетний’ (о животном) < мо. *dönen*.[86]

эвенк. *донуǯин* (Брг) ‘четырехлетняя самка животного’ <мо.: п.-мо. *dönežin* [< *dönen* ‘четырехлетний’ + афф. *-ǯin*, обозначающий самку животного], монг. *дөнж(ин)*, *дөнж*, бур. *дүнжэн* ‘четырехлетняя самка крупных животных’. Ср.: каракалп., ног. *дөнөǯин*, башк. *дүнәǯән*, алт. *төнөǯин*, *төнөзӱн* (Тел) ‘кобыла, корова четырех лет’ <мо. *dönežin*.

эвенк. *унукāн* (Брг,[87] Нрч), ма. *унаҳан*[88] ‘годовалый жеребенок’ < мо.: п.-мо. *unaγan* ~ *unigan* [<* *unakān* ~ * *unikān* < * *una-* (?) + * *-kān*[89]], монг., бур. *унага(н)* ‘жеребенок до года’.

эвенк. *боро* (Брг) ‘годовалый теленок’ <мо.: п.-мо. *biraγu* [< * *biraγū*[90] < * *bira-* (?) + * *-γū*], ср.-мо. *bura'u*, монг. *бяруу*, *б'ару* ~ *биру* (Халх) ‘теленок до года’, бур. *буруу* ‘в возрасте до года’ (о медведе, рыси, лосе, изюбре). Ср.: др.-тюрк. *bozaγu* ~ *buzaγu* ~ *buzaγ*, тур. *buzaγi*, каракалп., кумык., ног. *бызав* ~ *бузав*, башк. *бызау*, тув. *бызаа*, алт. *быза* ~ *бозу*, аз. *бызоо* ~ *бызов* ~ *бузов*, тат. *бызау* ~ *бозау*, чаг. *бузаӈу*, казах. *бузау*, гаг. *бузаа*, балк., карач. *бузоу*, узб. *бузок*, уйг. *мозай*, кирг. *музоо*, шор. *пызаа*, хак. *пызоо*, тат. *пузау* (Бараб), чув. *пăру* [< *пăрăв*[91]] ‘теленок’, ‘годовалый теленок’ — [< * *bïzaγu* < * *bïraγu*].[92]

---

[86] R. KW, стр. 99.
[87] П. Тунг., стр. 56.
[88] Санжеев. Параллели, стр. 624.
[89] N. P o p p e. The Primary Long Vowels in Mongolian. JSFOu, 63 : 2, 1962, стр. 8. Об аффиксе * *-kān* > * *-gān* > * *-gan* см. там же, стр. 13.
[90] Владимирцов. Грамматика, стр. 181; P. Vergl., стр. 21.
[91] Егоров, стр. 149.
[92] О сопоставлении тюрк. *bïzaγ* и мо. *bïraγu* см.: Котвич, стр. 42. Н. Н. Поппе предполагает, что эвенк. *боро*, мо. *biraγu* и тюрк. *bozaγu* ~ *buzaγu* генетически родственны. К данному этимологическому гнезду слов он относит также эвенк. *бēру* (Н) ‘овца’, *боре* (Олкм, Тнг) ‘баран’ (см.: P. Vergl., стр. 21, 60, 81, 131, 146, 147). По мнению А. М. Щербака, родственны между собой только тюркские варианты этого слова, для которых он реконструирует праформу * *бураγу* ~ * *бузаγу*, хотя, по-видимому, наиболее архаичны тюркские варианты с гласным *ы* (*ï*) в первом слоге, так как в некоторых тюркских языках *ï* > *и* под влиянием начального губно-губного согласного. Монгольское *biraγu* он относит к числу тюркских заимствований, восходящих якобы к др.-чув. * *бураγу* (ср. чув. *пăру*). Кроме того, к фонетическим разновидностям рассматриваемого слова он относит як. *боруоску* ‘теленок с потемневшей шерстью’, ‘теленок после четырех-пяти месяцев’ (ср. як. *боруор-* ‘темнеть’), что позволяет ему считать * *бураγу* ~ * *бузаγу* производным от корня *бур-* ~ *буз-* (ср. п.-мо. *bora* ~ *boru*, монг. *бор* ~ *бур*, бур. *боро* ‘серый’ (о масти), ‘потемневший’) (см.: Щербак, стр. 100). С нашей точки зрения, очевидно родство только монгольских и тюркских форм рассматриваемого слова, которое можно объяснить из праформы * *bïra-γū*. Этимология корневого элемента * *bïra-* пока неясна, афф. * *-γū* имеется в письменно-монгольском языке, где он образует отглагольные имена со значением качества или склонности к действию. Можно предположить, что эвенкийские диалектные

эвенк. *каһирик* (Брг[93]) ‘двухлетний теленок’ < мо.: п.-мо. *qasiraγ* [< **qačïraγ*],[94] бур. *хашараг* ‘двухлетний теленок’. Ср.: казах., узб. диал. *қачар ~ қашар* ‘двухлетний теленок’.[95]

эвенк. *куркан ~ куркāн* (Нрч) ‘ягненок’, ‘овца’ < мо.: п.-мо. *quriγan ~ quraγan* [< **qurïkān* < **qurï-* (?) + **-kān*], монг. *хурга(н)*, бур. *хурьга(н)* ‘ягненок’. Ср.: др.-тюрк. *qozï ~ quzï*, тур. *kuzu*, казах., каракалп., ног. *қозы*, кирг. *қозу*, уйг. *қоза*. тат. диал. *құзы*, гаг. *қузу*, узб. *қузи*, туркм. *гузы*, аз. *гузу* [< **qozï ~ *quzï*] ‘ягненок’, родственные мо. *quraγan*;[96] алт. *қураγан*, тув. *хураγан* ‘ягненок’ являются монгольскими заимствованиями.

сол. *унухӯ*[97] ‘козленок’ < мо.; п.-мо. *üpügün* [< **üpü-* + **-gün*] ‘козленок’.[98]

4) Названия домашних животных, главным образом лошади, по масти.

эвенк. *ǯōрдэ* (Брг[99], Нрч, Сх), сол. *ǯāрдэ*[100], ма. *ǯэрдэ ~ йэрдэ*[101] ‘рыжий’ (о масти лошади) < мо.: п.-мо. *ǯegerde*, ср.-мо. *ǯe'erde*, монг. *зээрд*, *ǯērdĕ* (Халх), бур. *зээрдэ* ‘рыжий’ (о масти лошади). Ср.: др.-тюрк. *jegrän*, алт. *йигрен* (Леб), шор. *йигрен* (Кондом), ног. *йийрен*, тат. *йиран* (Мишар), ойр. *йäрäн*, башк. *ерән*, кирг.,

---

слова *бēру* ‘овца’ и *боре* ‘баран’ восходят к доалтайскому субстрату или являются древними миграционными терминами. Ср.: ст.-слав. *baranъ* ‘баран’, алб. *berr* ‘овца’, ‘баран’, дагест. (андийск.) *bura* ‘барашек’, думаки *beḍa* (*ḍ* < *r*) ‘овца’ (см.: И. Хубшмид. Дославянские и дороманские этимологии. «Этимология 1967». М., 1969, стр. 245—246).

[93] П. Тунг., стр. 47.

[94] п.-мо. *qasiraγ* восходит, по-видимому, к **qačïraγ*, так как в ранние периоды развития монгольского языка фонема *s* встречалась очень редко, главным образом в заимствованных словах. В некоторых словах письменно-монгольского языка *s* в инлауте и ауслауте развилось из *č*, вероятно, еще в общемонгольскую эпоху. В тюркских параллелях наблюдается в этом случае *č* или *š*, ср.: п.-мо. *ös* [< **öč*] ‘гнев’, ‘месть’ ‖ тюрк. *öč ~ öš*; п.-мо. *köske* [< **köčke*] ‘вьючный багаж’ ‖ тюрк. *köč-* ‘передвигаться, кочевать’ и др. (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 373—378).

[95] А. М. Щербак этимологизирует тюрк. *қачар ~ қашар* как производное от казах., кирг. *қач-* ‘быть в охоте’ — о самке животного (см.: Щербак, стр. 101).

[96] Для алтаистов очевидна генетическая связь монгольских и тюркских форм этого слова (см.: R. KW, стр. 198). Древнейшим вариантом, по-видимому, следует считать мо. *quriγan* [< **qurïkān*]. Как уже упоминалось выше, А. М. Щербак относит мо. *quriγan* к тюркским заимствованиям, указывая, что мо. *quriγan* < тюрк. *qozu* (см.: Щербак, стр. 116—117) и что оно вошло в монгольский из древнечувашского или из другого древнего тюркского языка, который имел интервокальное *r* (там же, стр. 113).

[97] П. Сол., стр. 76.

[98] Предположительно мо. *üpügün* ‘козленок’ может быть сопоставлено с шор., алт. диал. *унэгэш*, тат. диал. *өнөгөш* ‘щенок’, як. *ӱнӱгäс ~ өнӱгäс* ‘малолеток’, ‘подросток’, ‘щенок’, которое является производным от глагольной основы *ӱн- ~ өн-* ‘расти’, ‘вырастать’ (см.: Пекарский, III, стр. 3128). Конечное *-с ~ -ш*, по-видимому, следует рассматривать как непродуктивный аффикс со значением уменьшительности (см.: Севортян. Афф. им., стр. 171).

[99] П. Тунг., стр. 44.

[100] П. Сол., стр. 83.

[101] Санжеев. Параллели, стр. 701.

кумык. *жийрен*, уйг., тат. *жирән*, казах., каракалп. *жирен*, туркм. *жерен*, алт. *дьерен*, хак. *чигрен*, чув. *çӳрен* ‘рыжий’ (о масти лошади), як. *сіäр* ‘саврасый или светло-гнедой’ (о масти лошади), которое родственно мо. *žegerde* ‘рыжий’.[102] Ср. рус. *игре́ний*, заимствованное из тюркских языков.[103]

ма. *курэн*[104] ‘темно-бурый, чалый’ (о масти лошади) < мо.: п.-мо. *küreŋ*, монг. *хүрэн*, бур. *хүри(н)*, калм. *күрн* ‘коричневый, бурый’ (о масти).[105]

эвенк. *калун* (Нрч) ‘игреневый’ (о масти), ‘выдра’, ма. *ҡайлун* ‘каурый’ (о масти лошади), *ҳайлун*[106] ‘выдра’, ‘бобр’ < мо.: п.-мо. *qaliγun* [< **qali-* + **-γun*], ср.-мо. *qali'un*, монг. *халиун*, *хал'ӣ* (Халх) ‘буланый’ (о масти лошади), бур. *халюун* ‘игреневый’, ‘выдра’.[107] Ма. *ҡайлун* ~ *ҳайлун* < мо. представлены также в маньчжурских сложных словах *ҡайлун н'оӈн'аха* ‘гусь-казарка’, *ҳайлун чэчикэ* ‘красный зимородок’.

сол. *сӯдāр*[108] [< **субдāр* < **сабдāр*], ма. *чабдари* ~ *чабдара*[109] ‘рыже-бурый с белой гривой и белым хвостом, игреневый’ (о масти самца лошади) < мо.: п.-мо. *čabidar* [< **čābïdarï* < **čā-* < **čaγa-*[110]

---

[102] О сближении основ тюрк. *jegren* [< **jeger-en*] ‘рыжий’, мо. *ǯeger-d*^{e} ‘рыжий’ и мо. *ǯeger-en* ‘антилопа’ см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 194’ R. KW, стр. 474; P. Vergl., стр. 60.

[103] Фасмер, II, стр. 116.

[104] Санжеев. Параллели, стр. 679.

[105] По мнению Н. Н. Поппе, мо. *küreŋ* ‘коричневый’, а также мо. *kürene* ‘хорек’ одного происхождения с ма. *ҡури* ‘темно-бурый’ и алт. (Тел, Куманд), тат. (Тоб) *küzän* ‘хорек’ (см.: P. Vergl., стр. 82, 112). О наблюдающемся в этих словах закономерном соответствии мо., т.-ма. *r* ‖ тюрк. *z* < **r* упоминалось выше. Г. И. Рамстедт сближает только мо. *kürene* и тюрк. *küzän* ‘хорек’ (см.: R. KW, стр. 248), а М. Рясянен — только мо. *küreŋ* ‘коричневый’ и тюрк. *küzän* ‘хорек’ (см.: Räs. EW стр. 312).

[106] Санжеев. Параллели, 675, 681.

[107] Н. Н. Поппе считает ма. *ҡайлун* и *ҳайлун* разновременными монгольскими заимствованиями: ма. *ҡайлун* (*qajilun*) < **qaliun* каурый < ср.-мо. *qali'un*, п.-мо. *qaliγun* ‘буланый’; ма. *ҳайлун* (*xajilun*) < **xaliun* ‘выдра’ < мо.; ср. : Халх *хал'ӯ*, бур. *халюун*, п.-мо. *qaliγun* ‘выдра’ (см.: P. Vergl., стр. 140, 141).

[108] П. Сол., стр. 67.

[109] Санжеев. Параллели, стр. 700.

[110] Корневая морфема *ča-* [< **čā-* < **čaγa-*] в мо. *čabidar* ‘игреневый’, передающая цветовое представление о белом, является общеалтайской. Она прослеживается в ряде слов монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Ср.: п.-мо. *čaji-* [< *ča-ji-*] ‘белеть’, *čaγān* ‘белый’, *čaγā* ‘бельмо’, *čakir* ‘белые пятна’ (на ногтях, на крыльях птиц), *čal* ‘беловолосый, седой’, *časun* [< **čā-l-sun*] ‘снег’, др.-тюрк., аз., карач., тат., туркм., узб., уйг., хак., чув. *чал*, башк. *сал*, балк., казах., шор. *шал* ‘серовато-белый, чалый, седой’, чув. ‘седина’, ‘первая желтизна на листьях’, каракалп. *шай* ‘седой’, ‘старик’, туркм., чув. *чалар-*, аз. *чаллаш-* ‘седеть’, эвенк., нег. *чалбан*, эвенк. *чāлбāн* (Брг), эвен. *чāлбāн*, сол. *сāлбā*, ороч. *чалба* ‘береза’, уд. *чафакта* (Им) ‘молоденькая березка’, ма. *чалфа* [< **чāлбāн*] ‘береста’, эвенк. *чалка* ~ *чолко* ‘белый’ (о шерсти), ‘седой’, *чāпāрā* ‘утка с белыми перьями на хвосте’, *чāтирā* ‘песец’, уд. *чалиги*, уд. *чагǯа* (Смрг) ‘белый’, нан. *чагǯā* ‘белый’, *чāйгā* ‘бело’, ‘белея’, *чаки* ‘бельмо’, *чāкини* ‘бабочка-капустница’, *чāлā бӣ* ‘беловатый’,

'белый' + афф. **-bïdarï* > *-btar*, в сочетании с которым имя обозначает ослабленное качество, главным образом ослабленную окраску], ср.-мо. *čabdar*, монг. *цавьдар*, *цабдăр* (Халх), бур. *сабидар* 'игреневый'. Ср.: алт. *чабыдар* ~ *чабдар*, кирг. *чабдар*, тат. *чаптар*, чув. *чуптар*, хак. *сабдар*, башк. *саптар*, казах., каракалп. *шабдар* 'игреневый' < мо. *čabidar*.[111]

ма. *толботу* 'серо-сивая лошадь с кругловатыми темными разводами' < мо.: п.-мо. *tolbotu* [< *tolbo* 'пятно' + афф. имен обладания *-tu*] 'имеющий пятна, с пятнами'.

ма. *чакилҕату кулук* 'аргамак с круглыми пятнами на ляжках' < мо.: п-мо. *čakilgatu* [< *čakilgān* 'молния'[112] + *-tu*] *kölüg* 'аргамак, быстрый, как молния', букв. 'с молнией'.

эвенк. *маӈқăр* (Брг[113]), ма. *маӈқара* 'белоносый, лысый' (о лошади, собаке) < мо.: п.-мо. *mangqar* [< **mangqāra* < **mangqā-* 'белеть', 'седеть'[114] + **-ra*] 'с белой мордой' (о лошади, быке).

ма. *ǯаҳа*, *ǯаҳала* 'с черными или красными полосами на шее и груди' (о масти лошади) < мо.: п.-мо. *ǯaγal* [< **ǯaγala* < **ǯaγa-* + **-la*], монг., бур. *загал* 'с пятнами на шее и лопатках' (о масти лошади). Ср. як. *ǯaγыл* 'большие пятна, обычно коричневого цвета, на шее или лопатках у лошади' < мо. *ǯaγal*.[115]

ма. *ǯаҳалту* 'соловая с красноватыми полосами на шее и груди' < мо.: п.-мо. *ǯaγaltu* [< *ǯaγal* 'пятна на шее и лопатках' + *-tu*].

ма. *одонту ҕайлун* 'чубарая лошадь с мелкими пятнами, похожими на звезды', *одонту* < мо.: п.-мо. *odontu* [< *odon* ~ *odun* 'звезда', 'круглые пятнышки, звездочки на материале' + *-tu*].

ма. *ҕалǯа морин* ~ *ҕалча морин* 'лошадь с белым пятном или лысиной на лбу', *ҕалǯа* ~ *ҕалча* < мо. *qalǯan* 'лысина', 'белое

чāрон- 'побелеть', 'поседеть' и др. Ср.: также ороч. *чэккэ* 'белый', уд. *чэкэ* кличка белой собаки (см.: P. Vergl., стр. 97). Ср. рус. *чáлый* < тюрк. *чал* (см.: Vasmer, III, стр. 301).

111 R. KW, стр. 424.

112 мо. *čaki-l-γān* 'молния' [< *čaki-l-* 'сверкать' (о молнии), 'очень быстро бегать' + *-γān*] родственно др.-тюрк., тур., чаг. и др. *čaq-*, казах. *шаҕ-*, як. *сах-* 'высекать огонь', др.-тюрк., тур. *čaq-maq* 'огниво', тур. *čaq-ıt*, тур., чаг. и др. *čaq-ïn* 'искра', 'молния', алт. *čaγ-an* (Леб) 'искра' (см.: R. KW, стр. 420; P. Vergl., стр. 26, 95, 134).

113 П. Тунг., стр. 49.

114 Основа **mangqā-* [< **mangqaji-*] 'белеть', 'седеть' представлена в калм. *маӈхă-* 'становиться светлым', 'светать', а также в п.-мо. *mangqa-n* 'беловатая' (масть скота), 'светлоголовый', 'со звездочкой на лбу' (например, о лошади) и Халх, Ург. *маӈ^{к}хă* [< *mangqan*] 'лысый'. Ср.: хак. *маӈхан* 'бледно-желтый', *мауан* (Саг) 'белое пятно на лбу лошади', тув. *маӈган* 'совершенно белый' < мо. *mangqan* (см.: R. KW, стр. 257; Räs EW, стр. 326); як. *маӈхаі-* ~ *маӈаі-* 'белеть', 'седеть' < мо. **mangqaji-* 'белеть' (см.: Калужиньский, стр. 57) и производные от него — *маӈан* ~ *мауан* [< *маӈаі-* + *-н*] 'белый, беловатый, белесоватый' (лошадь, птица), *маӈас* ~ *мауас* [< *маӈаі-* + *-с*] 'белоголовый, беломордый' (о животных). Ср. рус. сиб. *магáный* 'белокурый' < як. *мауан* (см.: Пекарский, II, стр. 1523).

115 R. KW, стр. 463; Räs. EW, стр. 122.

пятно на лбу животного', 'лысый', 'беломордый' (о лошади).[116] Это монгольское заимствование представлено также в ма. *ҳаран ҳалžа* 'ворона-лысуха', эвенк. *калžану* (Нрч, Сх) 'барсук' (букв. 'с белым пятном'), эвенк. *калžāр* (Брг[117]) 'овца с белой полосой вдоль головы' и, по-видимому, в ма. *ҳанžиҳа иҳан* 'корова с белой лысиной', *ҳанžиҳа ӈ'оӈн'аҳа* 'гусь с белым гребнем', в которых *ҳанžи-ҳа* < **ҳалža-ҳа*. Допустимо сопоставление мо. *qalžan* с др.-тюрк. *qašγa* 'белая отметина на лбу животного, звездочка', балк., карач. *ҳасγа*, казах. *ҳасҳа*, кирг. *ҳачҳа*, хак. *ҳасҳа* ~ *хасха* (Саг) 'белолобый'.[118] (О закономерном соответствии мо. *lž* || тюрк. *š* упоминалось на стр. 111). Ср. як. *халтаӈ* 'голый', 'оголенный', 'без шерсти' < бур. *халзаӈ* < мо. *qalžan*[119] и рус. сиб. *калтáн* 'летний соболь' < як. *халтаӈ*.[120]

ма. *саратай кэйрэ* 'каурая или гнедая лошадь с белой лысинкой на лбу', *саратай* < мо.: монг. *сартай* [< **saratai* < *saran* 'луна', 'лысина' + афф. имен обладания *-tai*] 'имеющий лысину, с лысиной'.

ма. *маҳала* 'с белой или черной головой' (о животном) < мо.: п.-мо. *malaγai* ~ *malaγa*, ср.-мо. *maqalai*, монг. *малгай*, *маγал* (Даг), бур. *малгай*, калм. *махлā* 'шапка'. Ср.: алт. *малаккай* (Тел) 'остроконечная меховая шапка с наушниками', рус. *малахáй* (Олонец), *махлáй*, *махлáк*, *махалáй* (Арханг) с тем же значением < мо. *malaγai*[121] и тат. *малахай* (Каз), заимствованное, по-видимому, из русского языка.

5) Названия домашних животных по каким-либо другим признакам — внешнему виду, породе, значимости в хозяйстве, времени появления (о молодняке) и др.

ма. *шалаӈто* ~ *шалаӈту* 'откормленный' (о рогатом рабочем скоте) < мо.: п.-мо. *šalaŋtu* [< *šalaŋ* 'подгрудок' + *-tu*] букв. 'имеющий подгрудок, с подгрудком'.

эвенк. *катарчи* (Брг[122]) 'рысак' < мо.: п.-мо. *qatarič̌i* [< *qatari* 'рысь, аллюр' + *-č̌i*] 'рысак'.

ма. *ачин тэмэн* 'вьючный верблюд', *ачин* < мо.: п.-мо. *ač̌iγan* [< **ač̌i-* 'вьючить' + **-γan*], монг. *ачаан* 'груз, вьюк'.

эвенк. *кэндэ* (Брг) 'летний ягненок' < мо.: п.-мо. *kenž̌e* 'поздний, родившийся осенью' (о молодняке скота). Ср.: казах. *кенже* 'последний ребенок' (в семье), тув. *хенче* 'рожденный осенью' (о молодняке мелкого скота), чаг. *кенž̌ä* 'младшая дочь' < мо. *kenž̌e*.[123]

---

[116] Санжеев. Параллели, стр. 675.
[117] П. Тунг., стр. 47.
[118] P. Vergl., стр. 17.
[119] Там же.
[120] Пекарский, III, стр. 3269.
[121] R. KW, стр. 254; Фасмер, II, стр. 562.
[122] П. Тунг., стр. 47.
[123] R. KW, стр. 226; Räs. EW, стр. 252.

эвенк. *эӈгун* (В-Л, С-Б), *эӈун* (Брг, Вт) рел. ‘табуированный олень, посвященный духу — хозяину тайги’ < мо: п.-мо. *оӈγоп* ~ *оӈоп* ‘онгóн’ (изображение какого-л. божества, изготовлявшееся шаманом), ‘идол’, ‘дух гений, дух предков’ (у шаманистов), ‘священный, посвященный онгóнам’. Ср. як. *оӈонјор* ~ *оӄонјор* [< мо. *оӈон* ‘онгóн’ + як. глаголообразующий афф. *-j-* + як. афф. глагольного имени *-ор*] ‘старик, старец’ (почетное название для людей, достигших глубокой старости), ‘старейшина’, ‘родоначальник’, ‘медведь’ (табуированное название).[124]

6) Обобщенные названия диких животных.

эвенк. *арāту* (Брг[125]) ‘зверь’ < мо.: п.-мо. *arijatan* [< **arïgātan*[126] < **arïgā*[127] ‘клык’ + **-tan*], монг. *ар'āтă* (Халх), *арā'тăӈ* (Даг), бур. *араатан* ‘зверь, хищник’ (букв. ‘клыкастый’), бур. *араата* ‘лиса’ (Хорин), ‘волк’ (Тунк), калм. *арāтă* ‘лиса‘. (Ср. *арҕату*, *арҕали* на стр. 127).

7) Названия диких степных животных, неизвестных предкам тунгусо-маньчжуров — кочевым охотникам, жившим в зоне лесов.

а) Копытные, например:

ма. *тахи* ‘дикая лошадь’, ‘лошадь Пржевальского’ < мо.: п.-мо. *taki*, монг. *тахь* ‘дикая лошадь’;

ма. *чиктэ* ~ *чихэтэй* ‘дикий осел’ < мо. *чихтэй* [< **čiketei* < **čiken* + **-tei*] ‘дикая лошадь, кулан’.[128]

б) Хищные, например:

ма. *малахи* ‘дикая степная кошка’ ‘серый степной заяц’ < мо. *maluqai*[129] [< **malu-* + **-qai*] ‘дикая кошка’.[130]

в) Грызуны, например:

эвенк. *чиндакāн* (Нрч), ма. *чиндаҳан* ~ *чиндаҳун* ‘большой белый заяц, водящийся в Хинганском хребте’ < мо.: п.-мо. *činda*γ*an*

---

[124] UAJ, XXXIII, стр. 140.

[125] П. Тунг., стр. 39.

[126] P. Vergl., стр. 81.

[127] Признана очевидной генетическая связь мо. **arïgā* > *araga* ‘клык’, ‘зуб’, с др.-тюрк. *azïγ* > алт. *азыг* (Леб), тув., хак. *азыг*, узб., уйг., чаг. *азык*, аз., туркм. *азы*, тур. *azi-dişi*, караим., кр.-тат. *азав*, башк., тат. *азау*, ног. *азув тис*, н.-уйг, *азук*, тат. *азӯ* (Каз), каракалп., ойр. *азу тис*, кирг. *азуу тиш*, як. *асы̄*, чув. *асав*, *асав шӑл* ‘клык’, ‘зуб’ и ма. *арҕан* [< **араҕан*] ‘росток’, ‘зубчик, зубец’, ‘глазные зубы’, ‘клыки у зверей’ (см.: R.KW, стр. 12; P. Vergl., стр. 81, 133). О закономерном соответствии мо., т.-ма. *r* ‖ тюрк. *z* < **r* упоминалось выше.

[128] Возможно, что мо. *чихтэй* [< **čiketei*] ‘кулан’ восходит к **čiken* ~ **čikin* ‘ухо, уши’ + афф. имен обладания **-tei* и означает букв. ‘имеющий уши, ушастый’. По мнению Рамстедта и Поппе, мо. *čikin* ‘ухо, уши’, ‘боковой’ родственно тур. *çekin*, чаг. *чикин*, тат. *чигэ* ‘плечо у самой шеи’, кирг. *чэкэ* ‘висок’ и ма. *чикин* ‘край’, ‘опушка, оторочка’ (см.: R. KW, стр. 439; P. Vergl., стр. 26, 55, 136).

[129] Пятиязычный словарь (маньчжуро-тибето-монголо-уйгуро-китайский). Пекин, 1957, III, стр. 4919.

[130] Ср. п.-мо. *malur* ~ *malar* [< **malu-* + **-r*] ‘дикая кошка’, ‘семейство кошачьих’. Семантика основы для нас неясна.

[< *čïndakān < *čïnda- + *-kān], [131] монг. *чандага*, бур. *шандага(н)* ‘заяц-беляк’, ‘заяц-русак’. Ср. тув. *шымдаган* ‘заяц’, также заимствованное из монгольского языка;

сол. *тӧлэи* ‘заяц’ < мо.: п.-мо. *taulai*, ср.-мо. *tawlai* [< *tablai < *tablγai < *tablγa- < *tab-l- + *-γai], [132] монг. *туулай, тӯлаи ~ тӯлӑ* (Халх), *тʻаулʼӗ* (Даг), бур. *туулай* ‘заяц’, ‘кролик’. [133] Ср.:

---

[131] мо. *činda-γan* ‘заяц-беляк’ является, по-видимому, однокоренным с мо. *cinda-ra* ‘белый пепел’ (на угасающих углях). А. М. Щербак объясняет это слово иначе. Он считает мо. *čindaγan* сложным словом, восходящим к *čin* + *daγan*, и сравнивает *-daγan* с мо. *дааган* ‘годовалый жеребенок’ в словосочетании *алаг дааган* ‘тушканчик’, букв. ‘пестрый годовалый жеребенок’ (см.: Щербак, стр. 136). Однако при этом сравнении он не учитывает, что слово *дааган* [< *daγagan* < *daγa-kān] в *алаг дааган* ‘тушканчик’ имеет в современных монгольских языках долгий гласный (ср. монг. *алагдааган*, *аллăк дāγа* (Халх), бур. *алаг дааган*), тогда как в мо. *čindaγan* ‘заяц-беляк’ долготы нет.

[132] О восстановленных монгольских формах см.: P. Vergl., стр. 89; о вариантах афф. *-γai ~ -γa* см.: P. Mo. Compar., стр. 83, 273.

[133] Допустимо сближение мо. *taulai* с др.-тюрк. *tabïšγan* [< *tabï-š- + *-γan] ~ *tavïšγan* ~ *tavïčγan* ~ *tavušγan* ~ *tavšan*, уйг. *тавышγан ~ тавышкан*, чаг. *тавушкан*, як. *табысхан*, тур. *tavšan*, гаг., кумык. *тавшан*, туркм. *товшан ~ товсан*, аз. *довшан*, узб., уйг. *тошкан* ‘заяц-беляк’, ‘тушкан’ (степной заяц). В приведенных словах наблюдается закономерное соответствие мо. *wl* > *ul* > *l* ‖ тюрк. *bïš* > *vïš* > *vuš* > *vš* > *š*, которое генетически восходит к **bl* (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 255; R. KW, стр. 413; P. Vergl., стр. 13, 44, 77, 89). А. М. Щербак видит в тюрк. *tabïšγan* исконно тюркское слово, образованное от глагольной основы *tabïš-* ‘прыгать’, ‘скакать’ (см.: Щербак, стр. 136). Несомненно родственные мо. *taulai* и тюрк. *tabïšγan* могут быть сопоставлены с эвенк. *туксакӣ ~ тӯхакӣ* (< *тӯ-кса- + *-кӣ), нег. *тоқсақā*, ороч. *туқсаи*, уд., орок. *тукса*, ульч. *тоқса ~ тӯқса*, нан. *тоқса*, ма. *тоқсақа ~ туқсақа* ‘заяц’, орок., нан., ма. перен. ‘внебрачный’ (о ребенке), хотя, по мнению Н. Н. Поппе, они не принадлежат к данному гнезду слов (см.: P. Vergl., стр. 13). Заслуживает внимания также предложенное впервые Рамстедтом сближение мо. *taulai* и тюрк. *tabïšγan* с кит. *mao*, *ту-цзы* ‘заяц’, позволяющее думать, что корневая часть этих слов является доалтайской, принадлежащей, как и корневые элементы некоторых рассмотренных выше наименований домашних животных (верблюда, осла, мула и др.), к очень древним миграционным терминам (см.: R. KW, стр. 413; R. Mat., стр. 126—127). Б. Я. Владимирцов считает возможным сближать мо. *taulai ~ tawlai* с грузинским *tʻawlai* ‘заяц’, но эта связь менее вероятна и объясняется, по-видимому, случайным звуковым совпадением (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 255). Мы полагаем, что мо. *taulai*, тюрк. *tabïšγan* и т.-ма. *тӯксакӣ* являются производными от общеалтайского корня **tab-* > мо. *taw-* > *tau-* > *tū-*, тюрк. *tabï-* > *tavï-* > *tavu-* > *tav-* > *to-*, т.-ма. *tū-* > *tu-* > *to-*. Значение этого корня может быть установлено на материале тунгусо-маньчжурских языков, в производных глагольных основах которых он легко вычленяется; ср. эвен. *тӯ-с- ~ тӯ-h-* ‘бегать’, ‘прыгать, скакать’ (о животных), *тӯ-сан- ~ тӯ-han-* ‘прыгнуть, подпрыгнуть, подскочить’ (*-с- ~ -h-*, *-сан- ~ -han-* — видовые аффиксы). Существует, по-видимому, генетическая связь и между аффиксами, которыми оформлены рассматриваемые слова. Так, мо. *taulai* этимологически членится на глагольную основу **taul-*, состоящую из корня **tau-* и непродуктивного основообразующего афф. **-l-* со значением часто повторяющегося быстрого действия, и на отглагольный имяобразующий афф. **-ai* < **-γai* со значением качества, приобретенного в результате действия (об афф. *-l-* и *-γai* см.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 102, 143). Тюрк. *tabïšγan* членится на

тув. *тоолай* ‘кролик’, хак. *толай* (Саг) ‘заяц’, як. *тӯлаі* ‘добыча хищных птиц’, заимствованные из монгольских языков;[134]

эвенк. *тарбаγан* (Тмт, Учр), *тарбаγā* (Зей, Хнг), *тарбакā* (Сх), сол. *тарбаха* ~ *табха*,[135] эвен. *тарбахан* (Арм) ‘тарбаган’, ма. *тарбаки* ~*тарбахи* ~ *тарбихи*, *тарбаγан* ~ *тарбаγа* (Сиб) ‘азиатский сурок, байбак’, ‘черная с проседью выдра, водящаяся в Монголии’ < мо.: п.-мо. *tarbaγan* [< **tarbakān* < **tar-ba-* + **-kān*],[136] монг. *т‘арвага(н)*, *т‘арвăγă* (Халх), бур. *тарбага(н)*, монгор. *т‘орда* ‘степной сурок, тарбаган’, бур. перен. ‘коренастый, приземистый’, ‘низкорослый’. Ср.: алт., тув., хак. *тарбаγан*, як. *тāрбаγан* ~ *тāрмаγан* ‘сурок’ < мо. *tarbaγan*[137] и рус. *тарбага́н*, также заимствованное из монгольских языков. (Ср. *тарбалžи* на стр. 138);

сол. *žумбур* ~ *žумбрā*[138] ‘суслик’, ма. *žумарβан* ~ *žумарχан* ~

глагольную основу **tabïš-*, состоящую из корня **tabï-*, непродуктивного основообразующего афф. **-š-* с учащательным или интенсифицирующим значением, и на отглагольный имяобразующий афф. **-γan* со значением склонности к определенному действию (об афф. *-š-* см.: Севортян. Афф. глаг., стр. 355; об афф. *-γan* — Севортян. Афф. им., стр. 310). Основа *tabïš-* может быть сопоставлена со ст.-узб. *тавыш-* ‘бежать’, ‘прыгать’ (см.: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь. . ., I, стр. 338). Следовательно, тюрк. *tabïšγan* может быть этимологизировано как ‘бегун’, или ‘прыгун’. т.-ма. *тӯксакӣ* членится на глагольную основу **тӯкса-* ‘бежать’, состоящую из корня **тӯ-*, основообразующего афф. **-кса-* со значением быстроты действия, и на непродуктивный афф. *-кӣ*, которым оформлены некоторые отглагольные имена, в частности названия животных по действию, обычно ими производимому. Таким образом, *тӯксакӣ* означает букв. ‘бегун’ (см.: Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958., стр. 761); ср.: эвенк. *туксалāн* ‘мастер бегать’, эвен. *тӣсалан* (Ох) ‘хорошо прыгающий, прыгун’, эвенк. *туксāн* ~ *тухāн*, *туксака* (Сх) ‘бегун’. Близкие по значению мо. *-l-*, тюрк. *-š-*, т.-ма.- *кса-* являются, по-видимому, фонетическими вариантами в прошлом одной аффиксальной морфемы. Учитывая бóльшую архаичность мо. *l* внутри слова по сравнению с тюрк. *š* (см.: P. Vergl., стр. 73—78) и, по-видимому, по сравнению с т.-ма. *š*, а также изначальность *g* в тунгусском афф. *-кса-*, мы восстанавливаем ее в виде **-gla-*. мо. *-ai* (< *-γai*), тюрк. *-γan* (~ *-γa*), т.-ма. *-кӣ* развились, по-видимому, из аффиксальной морфемы **-γai*. Конечное *n* в тюрк. *-γan* могло прибавиться позже. Таким образом, общеалтайская праформа наименования зайца может быть реконструирована как **tabïglagai*.

[134] R. KW, стр. 413.

[135] П. Сол., стр. 70.

[136] N. Poppe. The Primary Long Vowels in Mongolian, стр. 8. — Возможно, что лексическое значение мо. *tarbaγan* связано с представлением о полосатой, пестрой масти животного. Основа этого слова **tarba-* содержится, по-видимому, также в мо. *tarbalži*, *тарваж* ‘ястреб’, бур. *тарбажа* ~ *тарбалжа* ‘лесной орел’ < **тар-ба-л-*+**-жа*], а его корневая часть **tar-* — в монг. *тарлан*, бур. *тарлай* [< **тарлаγай* < **тар-ла-*+**-γай*] ‘пестрый, крапчатый’, ‘полоска’ и др.-тюрк. *tarγïl* [< **tar-*+**-γïl*] ‘полосатый’ (о масти животного). О монгольских афф. *-жа*, *-γай* см.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 94, 102; о древнетюркском афф. *-γïl* — Севортян. Афф. им., стр. 194.

[137] R. KW, стр. 381.

[138] П. Сол., стр. 84.

ǯумарх̣а 'полевая мышь', *ǯумара* 'крот', 'ласка' < мо.: п.-мо. *ǯumran* ~ *ǯurman* [< **ǯumaran*], монг. *зурам* ~ *зурма*, *ǯумбӑрӑ* ~ *ǯумбрā* (Халх) 'суслик', *ǯумбрā* (Даг) 'степная мышь', бур. зап. *зумбараа(н)* ~ *зумбара*, *зумара* ~ *зумари* 'суслик' [< **ǯumbaraγan* < **ǯum-bara* + **-γan*]. Это монгольское слово родственно башк., тат. *йомран*, уйг. *йумран*, узб. *йумронкозик*, чув. *йӑмран*, алт. *йубуран* (Тел), *йымран* (Тел), *йыбыран* (Леб), карач. *ǯумран* 'суслик', чаг. *йумран* 'крот', 'крыса'. 'мышь',[139] которые также восходят к праформе **ǯumbaraγan*;[140]

сол. *алагдā* ~ *алагдā̄*[141] 'тушканчик, земляной заяц' < мо.: п.-мо. *alaγdaγa* [< **alaγdaγakan* < *alaγ* 'пестрый, пегий' + *daγakan* 'годовалый жеребенок'], монг. *алагдаага*, *алагдаахай*, *аллӑк дāγӑ* ~ *аллак тāхаĕ* (Халх), бур. *алаг дааган* 'тушканчик'.[142] Ср. тув. *алак таагы* 'тушканчик', также заимствованное из монгольского языка;

эвенк. *кулуγуна* (Нрч), *кулуγу* (А) 'мышь' < мо.: п.-мо. *quluγana* [< **quluγanaan* < **quluγanaγan* < **quluγana-* + **-γan*],[143] монг. *хулгана*, *хуллӱγӱн* (Халх), бур. *хулгана*, *хулганаан* 'мышь';

сол. *оγтуна*[144] [< *оγутна*] 'род степных мышей', ма. *ох̣отоно* 'даурский зайчик' (зверек, похожий на мышь) < мо.: п.-мо. *oγutuna* [< **oγutunaan* < **oγutunaγan* < **oγutuna-* + **-γan*],[145] монг.

---

[139] R. KW, стр. 481. — А. М. Щербак ошибочно относит к этому гнезду слов як. *ǯабарāскы* ~ *ǯабрāскы* ~ *ǯабара* ~ *ǯӓбӓрӓ* 'суслик', 'еврашка' — вид суслика (см.: Щербак, стр. 148), которое считается русским диалектным заимствованием (см.: Пекарский, I, стр. 764—765).

[140] Этимология праформы **ǯumbaraγan* окончательно не выяснена. На основании тюркского материала можно предположить, что она связана по происхождению с туркм. *jумры*, тат. *jомры* < **jumbara* < **ǯumbara* 'круглый, округлый, шарообразный', 'пухлый'.

[141] П. Сол., стр. 40.

[142] Компоненты сложного монгольского слова *alaγ-daγa* имеют параллели в тюркских языках: мо. *alaγ* ‖ тюрк. *ала* (узб. *ола*, чув. *ула*) 'пестрый' (R. KW, стр. 6—7); мо. *daγa* < *daγaγan* < **dawāqan* < **dapākan* ‖ тур. *japaq*, алт. *jабаγа* (Тел), чаг. *jабаγи*, кумык. *jабу*, казах. *ǯабаγы*, хак. *чабаγа* (Саг), шор. *чобаγа* 'жеребенок-сосунок', тув. *чаваа* 'стригунок' (R. KW, стр. 81; P. Vergl., стр. 47; Räs. EW, стр. 187).

[143] Пытаясь дать этимологическое объяснение мо. *quluγana* 'мышь', предположительно сближаем его с мо. *qulaji-* 'быть корноухим', *quluγur* 'корноухий', так как допускаем, что лексическое значение этого слова может быть связано с представлением об округлой форме ушей мыши. Следует заметить, что в алтаистическом плане мо. *qulaji-* и *quluγur*, а также *qulki* (бур. *хулха* ~ *холхи*) 'ушная сера', 'внутреннее ухо', *qulgubči* 'зимний головной убор, закрывающий уши' сопоставляются с др.-тюрк. *qulγaq* ~ *qulak*, казах., каракалп., карач., кирг., ног., ойр., тур. *кулак*, узб. *кулок*, башк., тат. *колак*, аз. *гулаг*, туркм. *гулак*, хак. *хулах*, як. *кулгāк*, чув. *хӑлха* 'ухо' (см.: R. KW, стр. 196; P. Vergl., стр. 18, 75, 86). К этому же этимологическому гнезду слов, по-видимому, относится эвенк. *корокто* (М, Тт), эвен. *корит* ~ *корот* 'ушная раковина, ухо' (о соответствии монгольского и тюркского *l* внутри и в конце слова тунгусо-маньчжурскому и корейскому *l/r* см.: P. Vergl., стр. 74).

[144] П. Сол., стр. 63.

[145] Можно высказать предположение, что мо. *oγutuna* 'степная мышь' является однокоренным с мо. *ogtuji-* 'быть коротким, кургузым', 'быть не-

оготно, *оʻтăγпā* (Даг) ʻстепная мышьʼ, бур. *охотоно*, *охотноо(н)* ʻласкаʼ;

сол. *ǯарā*[146] ʻежʼ < мо.: п.-мо. *ǯараγан* [< **ǯараγан* **ǯара-*(?) + **-γан*], монг. *зараа(н)*, *ǯарā* (Халх), бур. *заряа* ʻежʼ. Ср. тув. *чараа-дүгү*, *чараа-чечен* ʻежʼ, в которых первый компонент *чараа* < мо. *ǯарā*, этимологическое объяснение которому мы пока дать не можем, а вторыми компонентами являются тувинские слова — *дүгү* ʻволосяной покровʼ, ʻшерстьʼ, *чечен* ʻметкийʼ. Можно предположить, что тув. *чараа-дүгү* означает букв. ʻиглошерстныйʼ, а *чараа-чечен* — ʻиглометʼ.[147]

8) Названия промысловых животных, обитающих в степях и горной тайге.

а) Копытные, например:

эвенк. *кандаγā* ~ *кандаһа* (С-Б) ʻлосьʼ < мо.: п.-мо. *qangdagai* ~ *qandagai* [< **qangdagai* < **qangda-* + **-gai*], монг. *хандгай*, бур. *хандагай* ʻлосьʼ. Кроме этого заимствования в тунгусо-маньчжурских языках есть ма. *қандаҳан* [< **қанда-* + **-ҳан*] ʻлосьʼ, родственное мо. *qanda-gai*. Их объединяет наличие общей основы, которая оформлена различными, но семантически близкими аффиксами. Ср. як. *Ӓlin Хандаҕai*, *Алып Хандаҕан* — имена лесных духов, покровителей промыслов, в которых *Хандаҕai* может быть сопоставлено с мо. *qandagai* ʻлосьʼ, а *Хандаҕан* — с ма. *ҳандаҕан* ʻлосьʼ.[148] Ср. тув. *каңдай* ʻнеповоротливый, неуклюжийʼ, которое, возможно, восходит к мо. *qangdagai* ʻлосьʼ > *qangdgai* > *qangdai*;[149]

высоким, приземистымʼ, *ogtugur* ʻкороткий, кургузыйʼ, ʻневысокий, приземистыйʼ. К этому же гнезду слов, по-видимому, относится мо. *ogtol-*, ср.-мо. *hoqtal-* [< **pōktal-*], бур. *отол-* ʻрезать, рубить поперекʼ, которое Н. Н. Поппе сближает с эвенк. *hōг-* ʻотрезать, отрубить что-л.ʼ, ʻсрубитьʼ (дерево), ʻскоситьʼ (траву), *hōгсамда* ~ *hōгсамна* ʻкусок, обрезок дереваʼ (см.: P. Vergl., стр. 54, 99).

[146] П. Сол., стр. 82.

[147] А. М. Щербак ошибочно, по-видимому, сближает компонент *чараа* в тув. *чараа-дүгү* и *чараа-чечен* ʻежʼ с тюрк. *кирпи* ʻежʼ и дает ему неверное этимологическое объяснение, полагая, что оно может восходить к тув. *чараа* ʻслюнаʼ (см.: Щербак, стр. 151).

[148] Пекарский, I, стр. 88, 248; III, стр. 3299.

[149] мо. *qangda-gai* ~ *qanda-gai* ʻлосьʼ, судя по его аффиксальному оформлению, может быть и отыменным, и отглагольным именем качества (об афф. *-gai* ~ *-qai* см.: Поппе. Грамматика п.-мо., стр. 102, 109). Семантика основы *qangda-* ~ *qanda-* на монгольском материале не ясна. В отношении ее этимологии могут быть высказаны два предположения. 1. Допустима связь мо. *qangda-* ~ *qanda-* с тунгусо-маньчжурской основой *қаңда-* ~ *ҳанда-*, которая прослеживается в ряде слов — ма. *қанда*, нан. *қандо* ʻподгрудокʼ (отвислая кожа под шеей у коровы, лося), ма. *қандарҳан* [< **қандар-* + **-ҳан*] ʻкистьʼ (у нагрудника или у узды под шеей), эвен. *қаңдун* ~ *кандун* ~ *кандон* [< **қаңдавӯн* < **қаңда-* + **-вӯн*] ʻчурка на шее оленя или собакиʼ (для ограничения движения), эвен. *қаңдун-* ~ *кандун-* ~ *кандон-* ʻподвешивать чурку на шею оленя или собакиʼ, ульч., нан. *қандапō/ӯ* (< **қаңда-пӯн* < **қаңда-вӯн*) ʻпоплавок у невода'. Приведенные слова, за исключением *қанда* ~ *қандо* ʻподгрудокʼ, в котором основа совпадает с целым словом, являются отглагольными образованиями. Таким образом, на ос-

эвенк. *уӈулэ ~ уӈулō* (С-Б) ‘самец кабарги’ < бур. *үнгэлөө* [< **үнгэл- + *-өө*] ‘кабарговая струя’;[150]

ма. *арӷату* ‘самец кабарги’ < п.-мо. *ariγatu* [**arïγātu* < **arïγā* > *araγa* ‘клык’ + *-tu*] ‘самец сайги’, букв. ‘имеющий клыки, клыкастый’. (Ср. *арāту* на стр. 122, *арӷали* на стр. 127);

сол. *ǯэгэрэ ~ ǯигрэ*[151] ‘антилопа’, ма. *ǯэрэн* ‘дикая коза’, ‘косуля’ < мо.: п.-мо. *ǯegeren*, монг. *зээр(эн)*, *ǯēр* (Халх), бур. *зээр(эн)* ‘антилопа джейран’, ‘серна’.[152] Ср. тюрк. (ж.-уйг.) *джіγыр* ‘антилопа’, *джігер ~ йігер ~ йігыр* ‘олень’,[153] которое, по-видимому, родственно мо. *ǯegeren* ‘антилопа джейран’, а также алт. *järän* ‘дикая коза’, туркм. *җерен*, уйг. *жәрән*, тув. *чээрэн* ‘антилопа джейран’, туркм. ‘газель’ < **ǯegeren*, тур., караим. *ceylan ~ ceylân* ‘газель’, аз. *жейран*, казах., узб. *жайран*, кирг. *жейрен* ‘антилопа джейран’ < **ǯejeren* < **ǯegeren*, которые являются монгольскими заимствованиями;[154]

ма. *онон* ‘дикий козел’, ‘самец серны’ < мо.: п.-мо. *oγopo* [< **oγopon*] ‘степной козел’, монг. *ооно* ‘самец антилопы джейран’, бур. *ооно*: *хадын ооно* ‘горная серна’. Ср.: тув. *оона* ‘антилопа джейран’, кирг. *оона* обозначение месяца в народном календаре < мо. *ооно*;[155]

ма. *арӷали*[156] ‘дикая коза’, ‘серна’ < мо.: п.-мо. *arγali* [< **arïγālï* < **arïγān* ‘клык’ + **-lï*] ‘горный баран’, монг. *аргаль* ‘самка

новании тунгусо-маньчжурского материала можно предположить, что основа *ҳаӈда- ~ ҳанда-* является глагольно-именной и означает ‘что-л. отвислое, подвешенное’, а также ‘быть отвислым, подвешенным’. Монгольская основа *qangda- ~ qanda-* может быть сближена с як. *ханда* ‘злой дух’, ‘домовой’, если допустить, что мо. *qangdagai ~ qandagai* является иносказательным, эвфемистическим названием.

[150] Возможно, что бур. *унгэл-өө* ‘кабарговая струя’, представляющая собою бурую массу со своеобразным острым запахом, которая служит для привлечения самок, является производным от *унгэл-* ‘раскрашивать, расцвечивать’, ‘наводить глянец’, перен. ‘придавать внешний вид, приукрашивать’.

[151] П. Сол., стр. 83.

[152] Как уже упоминалось в статье *ǯōрдэ* на стр. 118, мо, *ǯeger-en* ‘антилопа’ является однокоренным с мо. *ǯeger-de* и тюрк. *jegren* [< **jeger-en*] ‘рыжий’.

[153] С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 29, 40.

[154] R. KW, стр. 474. — По мнению А. М. Щербака, тюркские наименования антилопы джейрана являются не монгольскими, а персидскими заимствованиями, при этом фонетический вариант *ǯejren* он возводит непосредственно к перс. جیران, а вариант *ǯeren* к нему же, через посредство мо. *ǯegeren* (см.: Щербак, стр. 133). Ср. также точку зрения П. Пельйо, который считает, что приведенное персидское наименование антилопы было заимствовано персами у монголов (см.: P. Pelliot. Le nom persan du cinabre dans les langues «altaïques». «T'oung Pao», v. XXIV, Leide, 1926, стр. 253).

[155] Г. И. Рамстедт и М. Рясянен допускают родство приведенных слов. К этому же этимологическому гнезду они относят тур., чаг. *hona* ‘олень-самец’ и тув. *хуна* ‘козел-производитель’ (см.: R. KW, стр. 292; Räs. EW, стр. 362). Такое сближение, на наш взгляд, ошибочно, так как ма. *онон* ‘дикий козел’ и тув. *оона* ‘антилопа джейран’ являются монголизмами, а тур., чаг. *hona* ‘олень-самец’ и тув. *хуна* ‘козел-производитель’, по-видимому, следует сближать с мо. *uqina* ‘козел’.

[156] Санжеев. Параллели, стр. 621.

архара, горного барана'.[157] Ср.: др.-тюрк. *arqar*, аз., алт., казах., кирг., каракалп. *арқар*, тув. *арҕар*, узб. *алқар* 'горный баран', родственное мо. *arγali*.[158] Ср. рус. *аргали́*, *аргале́й* 'дикая камчатская овца, баран', 'дикий степной, горный, каменный баран' <мо. *arγali* и рус. *аркáр* ~ *архáр* 'дикий баран'<тюрк. *arqar*.[159] (Ср. *арāту* на стр. 122, *арҕату* на стр. 127);

сол. *тэхэ*[160], ма. *тэхэ* 'дикий козел'<мо.: п.-мо *teke*, монг. *тэх*, *т'еххĕ* (Халх) 'дикий горный козел', бур. *тэхэ*, калм. *тэк* 'козел' (некастрированный). Ср.: др.-тюрк. *tekä*, тур. *teke*, алт., казах., каракалп., кирг., кумык., ног., ойр., туркм. *теке*, аз., узб., уйг. *тәкә*, башк. *тәкә* (*кәзә тәкәһе*), тат. *тәкә* (*кәҗә тәкәсе*) 'козел', ойр. 'каменный козел', тув. *те* 'дикий козел', *деге* 'козел' (домашний и дикий), алт. *тägä* (Леб), шор. *тägä* 'баран', 'козел', чув. *така* 'баран', *качака таки* 'козел', которое этимологически родственно мо. *teke*;[161]

эвенк. *гӯран* ~ *гуран* (А, Брг, Вт. Нрч, С-Б, Хнг) 'дикий козел', ма. *гуран*[162] 'сайгак'<мо.: п.-мо. *γuran* [**gūran*][163] 'сайгак', монг. *гур*, *гурă* (Халх) 'дикий козел', 'самец косули', бур. *гура(н)* 'дикий козел', 'лось' (в период, когда у него отпадают рога). Кроме приведенных заимствований в тунгусо-маньчжурских языках есть еще нан. *горā*, употребляющееся в словосочетании *горā гиу* 'дикий козел', букв. 'самец дикой козы, косули', которое восходит, по-видимому, к ма. *гуран*. Ср.: алт. *ҕуран* (Леб, Тел.) 'самец косули', *ҕуранақ* (Леб, Тел) 'двухгодовалый самец косули'<мо. *γuran*;[164] башк. *ҡоралаі*, казах. *құралаі*, узб. диал. *ҕуралай* 'дикая степная коза' образовалось, по-видимому, из *ҕуран*<мо. *γuran* при помощи монгольского архаичного афф. *-лаі* со значением самки;[165]

эвенк. *кōрай* (В-Л, Нрч) 'дикая коза'<мо.: бур. *хуурай* [<**kuγurai*] 'дикая коза'. Ср. як. *хороі* ~ *хуораі* 'молодой олень одного-двух лет';[166]

---

[157] По мнению Г. Д. Санжеева, наиболее древнее значение мо. *arγali* — самец горного барана, а значение самки является позднейшим (см.: Санжеев. Параллели, стр. 621).

[158] R. KW, стр. 13.

[159] Фасмер, I, стр. 84, 87.

[160] П. Сол., стр. 71.

[161] О сопоставлении тюрк. *tekä* и мо. *teke* см.: Котвич, стр. 43. Рамстедт и Рясянен считают это тюркско-монгольское слово родственным ма. *тэхэ* 'дикий козел' (см.: R. KW, стр. 390; Räs. EW, стр. 470).

[162] Санжеев. Параллели, стр. 681.

[163] N. Poppe. The Primary Long Vowels in Mongolian, стр. 17. — Этимология неясна.

[164] R. KW, стр. 115.

[165] См.: Щербак, стр. 121. О монгольском аффиксе *-лаі* см.: Б. Я. Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольском языке, стр. 31—34.

[166] О сближениях як. *хороі* ~ *хуораі* 'молодой олень' с бур. *хуурай* 'дикая коза' см.: Пекарский, III, стр. 3507. Этимология этого наименования, которая помогла бы понять, почему им можно называть дикую козу и молодого оленя, к сожалению, для нас не ясна.

сол. *йаӈир*[167] ‘дикий баран’, ма. *йаӈгир*: *йаӈгир ниман* ‘горный козел’ < мо.: п.-мо. *janggir* [< **jang-* + **-gir*] ‘горный козел’, ‘горная коза’, *janggir imaγa* ‘горный козел’, монг. *янгир*: *янгир ямаа* ‘горный козел’.[168] Ср. кит. *ян* ‘баран’, ‘овца’, ‘козел’, а также кор. *яӈ* ‘баран’, ‘овца’, заимствованное из китайского языка.

б) Хищные, например:

эвенк. *чинукай* (Ткм), *чанукай* (А, Е) ‘волк’ < мо.: п.-мо. *čipuγa* ~ *čipuwa* ~ *čipua* [< **čipuγai* < **čipu-* + **-γai*],[169] ср.-мо. *čipā*, монг. *чоно*, *чоно̆* (Халх), бур. *шоно*, могол. *чінō* ‘волк’;

сол. *бэлтиргэ*[170] ‘волчонок’, ‘лисенок’ < мо.: п.-мо. *belterig*, монг. *бэлтрэг*, бур. *бэлтэргэ* ‘волчонок’;[171]

эвенк. *чабидар* (Нрч) ‘песец’ < мо. *čabidar* ‘игреневый’. (Ср. *сӯдāр* на стр. 119);

ма. *кирса* ~ *хирса* ~ *хирхо* ‘серая степная лиса, корсáк’ < мо.: п.-мо. *kirsa* [< **kirsaγ*], монг. *хярс*, бур. *хэрсэ*[172] ‘корсáк’. Ср.: др.-тюрк., тур., чаг. *qarsaq* ‘корсáк’, казах. *карсак* ‘род лисицы’, чув. *карсак* ‘заяц-русак’, алт. *карсактиг аӈ*[173] ‘соболь’, которые этимологически родственны мо. *kirsa* [< **kirsaγ*]; кирг. *кырса* ‘лисица’, тув. *кырза* ‘хорек’, як. *кырса* ‘песец’ являются монгольскими заимствованиями.[174] Тунгусо-маньчжурской параллелью к мо. *kirsa* [< **kirsaγ*] и тюрк. *qarsaq* следует считать, по-видимому, ороч. *ҳаса* [< **харса*] ‘корсак’, уд. *кани* ~ *каһа* [< **каса* < **карса*], нан. *ҳарсā* (Нх), *ҳарса* (Бк), ма. *ҳарса* ‘куница’, нан. *ҳарса* (К-У) ‘росомаха’ [< **ҳарсан*]. Общим элементом в мо. **kirsa-γ*, тюрк. **qarsaq* и т.-ма. **харса-н* является основа **kirsa-* ~ **qarsa-* ~ **ҳарса-*, этимология которой пока для нас неясна. Многообразие значений тюрк. **qarsaq* и т.-ма. **ҳарсан* объясняется, по-видимому, тем, что они служат наименованием всех зверьков

---

[167] П. Сол., стр. 57.

[168] мо. *jang-gir* ‘горный козел’, ‘горная коза’ имеет и другие значения — ‘лысый, оголенный’, ‘без мяса’ (о кости), ‘без растительности’ (о горе), которые позволяют, как нам кажется, сближать его корневую часть с эвенк. *йаӈ* ~ *йāӈ*, нег., орок. *йаӈ*, нан. *йаӈй* ‘безлесная гора, сопка-голец’ (с нетающим снегом на вершине), орок. ‘гора’, ‘горный хребет’.

[169] Допустимо также предположение, что эвенк. *чинукай* ‘волк’ образовалось из монгольского заимствования *чинука* < *čipuγa* при помощи эвенкийского аффикса обращения *-й*. Этимология мо. *čipuγa* неясна. Можно попытаться сопоставить его с бур. *шогногор* ‘остромордый’, допустив, что *čipuγa* < **cignuγa*. Утрата первоначального *g* в монгольских словах возможна, как известно, не только в положении между гласными, но и перед согласным (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 394).

[170] П. Сол., стр. 43.

[171] С целью этимологического объяснения мо. *belterig* ‘волчонок’ предположительно сближаем его с бур. *бэлты-* ‘быть выпученным’ (о глазах), *бэлтэгэр* ‘выпученный, на выкате, вытаращенный’.

[172] И. А. Подгорбунский. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909.

[173] В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий. Казань, 1884.

[174] R. KW, стр. 232; Räs. EW, стр. 238.

семейства куньих. Ср. рус. *корса́к* ‘животное рода лисиц’ < тюрк. *qarsaq*;[175]

ма. *силун* ~ *шулун*[176] ‘рысь’ < мо.: п.-мо. *šilügüsün* [< **silü-gün* + **-sün*] < **šilüwūsün* < **sīlübūsün*,[177] ср.-мо. *šilü'üsün*, монг. *шилүүс(эн)*, *шүлүс* (Халх), бур. *шэлүүһэ(н)* ~ *шүлүүһэ(н)*, калм. *шүлүсн*, монгор. *сēлие* [< **sīle*] ‘рысь’.[178] Ср.: алт. *шӱлӱзин*, *шӱлӱзӱн* (Тел), башк. *неләйһен*, казах. *силейсин*, карач. *сюлеусюн*, кирг. *силäйсӱ* ~ *сӱлөөсӱн*, тат. *селәйчән*, узб. *силовсин*, уйг. *силәвсин*, н.-уйг. *сӱлейсӱн*, чув. *ҫӳлевӗҫ* ‘рысь’, уйг. *шилäзӱн* ‘леопард’[179] < мо. *šilegüsün* ~ *šilügüsün* ‘рысь’;[180]

эвенк. *ǯэйэган* (В-Л) ‘росомаха’ < мо.: п.-мо. *ǯigegen* [< **ǯigekēn* < **ǯige-* + **-kēn*], монг. *зээх(эн)*, *зэгээ*, бур. *зээгэн* ‘росомаха’. Ср.: алт. *jēкэн* ~ *jēккэн*, тув. *чекпе*, хак. *jэкпэ* (Койб), як. *сіäгäн* ‘росомаха’ [< **ǯīgben* < **ǯīgbe-* + **-n*], которые одного происхождения с мо. *ǯigegen*. Путем сравнения фонетических вариантов этого тюркско-монгольского слова можно восстановить его первоначальную форму в виде **ǯīgbekēn* [< **ǯīgbe-* > **ǯīge-* > **ǯīe-* > **ǯī-* ~ **ǯē-* ‘есть’, ‘пожирать’ + **-kēn*] со значением ‘пожирающая’;[181]

эвенк. *дорокон* (Брг[182]) ‘еж’, *дорокон* (П-Т), *дорогун* (Зей), *тороко̄н* (Урм) ‘барсук’, ма. *дорҕон*[183] ‘барсук’ < мо.: п.-мо.

---

[175] Фасмер, II, стр. 338.

[176] Санжеев. Параллели, стр. 690.

[177] P. Vergl., стр. 78.

[178] Н. Н. Поппе рассматривает ма. *силун* ‘рысь’, как слово, этимологически родственное мо. *šilügüsün* и як. *is* [< **sīš*], *ūs* < **hūs* [< **sūš*] ‘рысь’ (см.: P. Vergl., стр. 31, 78, 117, 139; N. Poppe. The Primary Long Vowels in Mongolian, стр. 19). Фонетическим вариантом як. *is* ~ *ūs* ‘рысь’ является як. *ūs* ‘соболь’, ‘куница’, ‘рысь’, которому соответствует тур. *üšäk*, *vašak*, тув., хак. (Саг), шор. *ус* ‘рысь’ (см.: Пекарский, III, стр. 3184; Räs. EW, стр. 523).

[179] Р. Сл., IV, стр. 1078.

[180] R. KW, стр. 371; Räs. EW, стр. 421.

[181] О возможности происхождения монгольского и тюркского наименования росомахи от глагола ‘есть’, ‘пожирать’ см.: P. Vergl., стр. 27; Ras. EW, стр. 195. Этот общеалтайский глагол, предположительно возводимый нами к **ǯīgbe-*, сохранился в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках; ср.: др.-тюрк., тур. *je-*, аз., уйг., узб. *йе-*, алт. *йи* (Тел), туркм. *ӣ-*, казах., каракалп., кирг. *же-*, алт. *дьи-*, тоф., тув., хак. *чи-*, як. *сіä-*, чув. *ҫи-* ‖ эвенк. *ǯэв-* ~ *ǯэп-*, эвен. *ǯэб-* ~ *ǯэп-*, сол. *ǯэг-*, ульч. *ǯэп-*, *ǯэк-*, орок., ороч., нан. *ǯэп-*, уд., ма. *ǯэ-*. В монгольских языках, помимо наименования росомахи, он прослеживается в слове *ǯеme* ‘падаль’ (см.: R. Vergl., стр. 27). По мнению Г. И. Рамстедта, мо. *ǯigegen* ‘росомаха’ восходит к тюрк. *jākkän* ‘росомаха’, а мо. *ǯeme* ‘падаль’ — к тюрк. *jem* ‘еда’, что кажется нам менее вероятным (см.: R. KW, стр. 472, 474). Возможно, что глагол **ǯīgbe-* ‘есть, кушать’ является урало-алтайским словом; ср. урал. **sewe-* ~ **sege-* ‘есть, кушать’ (см.: В. И. Лыткин, Е. И. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, стр. 252). В. М. Иллич-Свитыч сближает алт. **ǯē-* и урал. **seγe-* ‘есть’ с и.-е. **seH-* ‘сытый’ и картв. **ǯeγ-* ‘насыщаться’ (см.: В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. «Этимология 1965», М., 1967, стр. 340).

[182] П. Тунг., стр. 43.

[183] Санжеев. Параллели, стр. 698.

doroγon ~ doruγun ~ doryu [< **dorukun* < **doru-* (?) + **-kun*], монг. *дорго ~ дорго(н)*, *дорӧг* (Халх), бур. *доргон* ‘барсук’, бур. Тунк ‘корсак’.[184] Аналогичное слово имеется и в других тунгусо-маньчжурских языках; ср.: нег. *дӯҳо*, ороч. *дого*, ульч. *доро(н-)*, нан. *дорӯ* (Нх), *доро(н-)*, *дорко(н-)* (К-У) < **доргон* ‘барсук’, но история его не совсем ясна. Можно предположить, что оно одного происхождения с мо. *doroγon*. Не исключено также, что это фонетически видоизмененное маньчжурское заимствование. Ср. як. *тороку ~ тороху* ‘дикая свинья’, ‘кабан’, которое, вероятно, восходит к мо. *doroγun ~ doroγu* ‘барсук’.[185] Подтверждением нашему предположению является то, что в эвенкийских диалектах як. *тороку* служит для наименования барсука; ср. эвенк. *тораку* (Чмк) ‘барсук’ < як. *тороку ~ тороху* ‘дикая свинья’, ‘кабан’. Ср. также нивх. *т‘орӷ* ‘барсук’;

эвенк. *калӡану* (Нрч, Сх) ‘барсук’ < мо. *qalǯan* ‘лысый’, ‘с белым пятном на лбу’. (Ср. *ӷалӡа морин* на стр. 120);

эвенк. *солоŋгӯ* (Бнт, Брг, Олкм, С-Б, Сх, Тк, Тмт, Тнг, Тт, Урм), *солоŋо* (П-Т), *соноŋго* (З), *holoŋgӯ* (Е, И, Нак, Ткм), *honoŋgo* (Е), *шоноŋгӯ* (П-Т) ‘хорек’, ‘колонок’ < мо.: п.-мо. *solungga ~ solonggo* [< **solunggai* < **solung-* (?) ‘желтеть’ + **-gai*],[186] монг.

---

[184] Этимология мо. *doroγon*, которое может служить наименованием ряда животных — ежа, барсука, кабана, степной лисы, пока для нас затруднительна. Вполне возможно, что эти животные названы по одному из характерных для них признаков — неуклюжему телу, острой морде или грубой шерсти, а может быть, по цвету волосяного покрова. В последнем случае предположительно его можно сопоставить с тур. *doru*, тув. *доруг*, туркм. *дор*, др.-тюрк. *toruγ*, уйг. *торук*, карач., кирг., кумык. *тору*, хак. *торыγ*, хак. *тор* (Саг), казах., ног. *торы*, балк. *тор ~ торы*, узб. *турик*, башк., тат. *туры*, тат. *турӑ* (Каз), чув. *турӑ*, як. *тураҕ-ас* [**doraγ* < **dorakan*] ‘гнедой, рыжий, карий’.

[185] Э. К. Пекарский сравнивает як. *тороку ~ тороху* ‘дикая свинья’, ‘кабан’ с тюрк. *торай* ‘молодой кабан’ и мо. *torai* ‘поросенок-сосунок’, ‘теленок яка’, ‘теленок некоторых домашних животных’ (см.: Пекарский, III, стр. 2741). Аналогичное сближение допускает и А. М. Щербак, который считает, что тюркской параллелью к як. *тороку ~ тороху* ‘дикая свинья’, ‘кабан’ может быть не только казах. *торай* ‘молодой кабан’, но и кирг. *торопой* ‘поросенок’, казах. *торпок*, хак. *торбак*, алт. *торбок* ‘теленок’, тур. *torum*, туркм. *торым*, тув. *дорум* ‘верблюжонок’ (см.: Щербак, стр. 125—126). Вряд ли это сближение верно, так как як. *тороку ~ тороху* ‘дикая свинья’, ‘кабан’ и приведенные названия детенышей — разные по происхождению слова. Прав, по-видимому, Г. И. Рамстедт, который считал, что тюрк. *торай* ‘молодой кабан’ < мо. *torai* ‘поросенок’, а тюрк. *торум* ‘верблюжонок’ < мо. *torum*. Что касается тюркских *торпак* ‘теленок’ и *торопой* ‘поросенок’, то они, вероятно, одного происхождения с монгольскими *torai* ‘поросенок’, torum ‘верблюжонок’ (см.: R. KW, стр. 401, 402).

[186] Можно предположить, что лексическое значение мо. *solungga* ‘желтый хорек’, ‘колонок’ связано со светло-рыжим цветом меха этого животного; ср. калм. *солң боро* ‘светло-серый’, ‘желто-серый’ (см.: Калужиньский, стр. 95). К этому же этимологическому гнезду слов принадлежит, по-видимому, мо. *solungga* ‘радуга’ (см.: Räs. EW, стр. 427). Ср. также: як. *солоҥу* ‘светло-серый’, эвенк. *хӯлан-* (Сх, Урм) ‘желтеть’ (о листьях), *хӯлаңā* (П-Т, Сх, Тк, Урм, Учр) ~ *хӯлиңā* (Тк, Учр) ~ *холиγа* (Тк) ~ *сӯлиңā* (Тмт) ‘радуга’, уд. *холиги*, *хол‘о* (Хор) ‘желтый’, нан. *сӯлā* (Нх) ‘желтовато’.

солонго, бур. *һолонго* ‘колонок’. Кроме этих заимствований в тунгусо-маньчжурских языках есть еще эвенк. *солиγā* (Сх, Урм), *солга* (Сх), *солγγе* (Урм, Чмк) ‘хорек’, ‘колонок’, эвенк. *солико* (П-Т) фольк. ‘колонок’, сол. *сōлиги*, уд. *сōлӱо* (Ан, Бик, Смрг, Хор), нан. *сол′ӱ* (К-У) ‘колонок’, ма. *силихи* ~ *солохи* ‘хорек’, которые следует рассматривать как слова, этимологически родственные мо. *solungga* ~ *solonggo* ‘желтый хорек’, ‘колонок’.[187] Сравнение фонетических вариантов этого монголо-тунгусо-маньчжурского слова позволяет восстановить его первоначальную форму в виде **sōlinggai*. Ср. як. *солоҕго* ~ *солоҕко* ~ *солоҕдо* ~ *соломо* [< **соломго* < **солоҕго*] ‘хорь, хорек, солонгой’, *солобуй* ‘хорек’ (игривое название у скупщиков пушнины) < мо. *solonggo*,[188] а также рус. сиб. *солонгóй* ‘хорек’ < мо. *solonggo* < **solonggoi* < **solunggai*.[189]

9) Названия диких животных жарких стран.

сол. *арсалā* ~ *арчалā*,[190] ма. *арсалан* ‘лев’ < мо.: п.-мо. *arsalan*, монг. *арслан*, бур. *арсалаҥ* ‘лев’, которое, очевидно, заимствовано из тюркских языков.[191] Ср.: др.-тюрк. *arslan*, тур. *arslan* ~ *aslan*, алт., каракалп., кумык., ног., тат., туркм., уйг. *арслан*, узб. *арслáн*, аз., балк., гаг., карач., уйг., чаг. *аслан*, башк., каракалп., ног., туркм. *арыслан*, чув. *арăслан*, казах. *арыстан*, кирг. *арстан*, тув. *арзылаҥ*, уйг. *арсалаҥ*[192] ‘лев’ [< **arsilaŋ* < **ar-sil* ‘рыжий’ + *аŋ* ‘зверь’].[193]

---

[187] См.: P. Vergl., стр. 75, где мо. *solonggo* ‘хорек’ > эвенк. *солоҥго* ~ *солоҥо* ‘хорек’ ‖ ма. *солохи*, эвенк. *солиγā* ‘хорек’. Согласно М. Рясянену, мо. *solonggo* ~ *solungga* ‖ эвенк. *солоҥго*, ма. *солохи* (см.: Räs. EW, стр. 427).

[188] См.: R. KW, стр. 330; Калужиньский, стр. 95. — А. М. Щербак ошибочно возводит к мо. *solonggo* алт. *құлунақ* и хак. *қоланақ* ‘колонок’ (см.: Щербак, стр. 146), которые, по-видимому, относятся к числу русских заимствований (см.: Räs. EW, стр. 277).

[189] Даль, IV, стр. 267.

[190] П. Сол., стр. 41.

[191] См.: R. KW, стр. 14. — История этого слова не до конца ясна. Можно предположить также, что оно является общеалтайским, так как в маньчжурском языке в этом слове наблюдается чередование гласных *а/э* лексического характера (*арсалан* ‘лев’ — *эрсэлэн* ‘львица’), которое считается наиболее архаическим способом словообразования; ср.: *ама* ‘отец’—*эмэ* ‘мать’, *хаха* ‘мужчина’—*хэхэ* ‘женщина’ и др. (см.: Санжеев. Параллели, стр. 621).

[192] J. Klaproth. Abhandlung über die Sprachen und Schrift der Uiguren. Paris, 1912, стр. 16.

[193] Об этой этимологии см.: Naelvtudományi Közlemenyek. Budapest, XVI, стр. 459; Щербак, стр. 137. Др.-тюрк. *ar* ~ *ār* означает ‘рыжий, бурый, красноватый’; афф. *-sïl/-sil*, по определению А. М. Щербака, — «форма интенсива» (что, по-видимому, ошибочно, так как интенсив — глагольная форма), по определению К. Г. Менгеса — «adj. qualitatis» (см.: Menges. Turkic Languages, стр. 115); *аŋ* со значением ‘зверь’ встречается в каракалпакском языке. О правильности этой этимологии свидетельствуют возможные в тюркских языках словосочетания алт. *арсыл аң*, *арсыл айу* (Тел), тув. *арсыл аба* ‘лев . Существуют и другие, на наш взгляд, менее убедительные этимологии: *арсылан* < *арсыл* ‘дикий’, ‘свирепый’, ‘лютый’ + *ан* ‘зверь’ (В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий, стр. 26);

сол. *тасах*: *тасах ан'ē*[194] ‘год тигра’ (третий год двенадцатилетнего животного цикла), ма. *тасҳа*, *тасæ* (Сиб) ‘тигр’, ‘год тигра’ < мо.: п.-мо. *tašqa*: *tašqa anija* ‘год тигра’, монг. *т‘асхă* ~ *т‘асăх* (Даг) ‘тигр’, ‘год тигра’.

сол. *бар* ~ бари[195] ‘барс’, ‘тигр’, *бари ан'ē* ‘год тигра’ (третий год двенадцатилетнего животного цикла) < мо.: п.-мо. *bars*, монг. *бар*, *барăс* ~ *барă* ~ *бар* (Халх), бур. *бар* ‘барс’, ‘тигр’, бур. зап. ‘лев’, которое, по-видимому, восходит к перс. *pārs* ~ *fārs* ‘пантера’.[196] Ср.: др.-тюрк. *bars* ~ *bārs* ‘тигр’, тур. *pars* ‘леопард’, карач., каракалп., кирг., тат., туркм. *барс* ‘тигр’, казах. *барыс* ‘тигр’, ‘леопард’, ‘пантера’, тат. *парс* (Каз) ‘рысь’, которое также, по-видимому, является персидским заимствованием,[197] алт. *бар*, *пар* (Тел), тув. *пар* ‘тигр’ < мо. *bar* ~ *bars*.[198] Ср. рус. *барс* < тюрк. *bars*.[199]

сол. *ǯа* ~ *ǯā*[200] ‘слон’ < мо.: п.-мо. *ǯаγан* (квадратное письмо), *ǯahan* ~ *ǯа'an*,[201] монг. *заан*, *ǯā* (Халх), бур. *заан* ‘слон’. Ср.: др.-тюрк. *jaγan* ~ *jaŋan* ~ *jaŋa*, ж.-уйг. *йаγан* ~ *йаŋан*, чаг. *йаγан*, *йиγант* ‘слон’, которые, по-видимому, этимологически родственны мо. *ǯаγан* и могут быть возведены к общей для них праформе

арсылан < *арыс* ‘сильный’ + *лан* ‘зверь’ (H. V á m b é r y. Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig, 1879, стр. 184); *арсылан* > *арслан* < *арс-* ‘рычать’ (ср. кирг. *арсылда* ‘рычать’) + *лан* < кит. *лаң* ‘зверь’, ‘животное’ (Рамстедт, стр. 202—203).

[194] П. Сол., стр. 70.

[195] П. Сол., стр. 43.

[196] См.: Владимирцов. Грамматика, стр. 341. — Г. И. Рамстедт и М. Рясянен делают предположение о тюркском происхождении мо. *bars* (см.: R. KW, стр. 35; Räs. EW, стр. 64).

[197] История этого тюркского слова неясна. Вполне возможно, что оно, как и мо. *bars*, восходит к перс. *pārs* ~ *fārs* ‘пантера’, так как его фонетический облик (стечение двух согласных в конце слова и наличие вариантов с вставным гласным, например казах. *барыс* ‘тигр’) свидетельствует о его иноязычном происхождении. Г. И. Рамстедт и М. Рясянен сравнивают тюрк. *bars* с греческим παρδος (см.: R. KW, стр. 35; Räs. EW, стр. 64). Это сравнение, по-видимому, не лишено оснований, так как в некоторых тюркских наименованиях животных из семейства кошачьих, представляющих собою сложные слова, *bars* является вторым из слагаемых компонентов; ср.: др.-тюрк. *jolbars* ‘тигрица’, уйг., чаг. *йолбарс* ‘пантера’, ‘леопард’, башк., тат *йулбарыс*, узб. *йўлбарс*, казах., каракалп. *ǯолбарс*, кирг. *ǯолборс* ‘тигр’ < *jol* ‘полосатый’ + *bars*; хак. *алабарыс* ‘лев’ < *ала* ‘*пестрый*’ + *барыс* (см.: Щербак, стр. 138). По В. Бангу, *йолбарс* — искаженное **албарс* > **йалбарс* > **йäлбарс* > **йилбарс* > **илбарс* (ср.: чаг. *илбарс*, кирг. *илбирс* ‘барс’, ‘тигр’, узб. *илвирс* ‘снежный барс’, уйг. *илвиз* ~ *ǯилвиз* ‘леопард’) (W. B a n g. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen. Keleti-Szemle. Budapest, 1916—1917, стр. 117). М. Рясянен считает тюрк. *илбарс* и *йолбарс* разными словами и сравнивает *илбарс* с мо. *irbis* ‘тигр’, ‘леопард’, фин. *ilves* ‘рысь’ (M. R ä s ä n e n. Uralaltaische Wortforschungen. StO, XVIII, 3, стр. 14; Räs. EW, стр. 173).

[198] Щербак, стр. 139.

[199] Фасмер, I, стр. 128.

[200] П. Сол., стр. 82.

[201] Владимирцов. Грамматика, стр. 312.

*žiγan.[202] В других тюркских языках это слово не сохранилось; алт. žān и тув. čān ‘слон’, судя по их форме, являются монгольскими заимствованиями.

10) Названия некоторых видов птиц, преимущественно обитающих в степях и равнинах.

а) Страусовые, например:

ма. *тоги ~ токи* ‘страус’ < мо.: п.-мо. *toki*, монг. *тохь* ‘страус’. Ср. кит. *тоцзū* ‘страус’.

б) Наземные, или куриные, например:

эвенк. *тōдок* (Брг[203]), ма. *тодо*[204], *тодой* ‘степная курица, дрофа, дудак’ < мо.: п.-мо. *toγaday ~ toγoday ~ toγuday* [< **toγaday* < **toγa-* + **-day*], монг. *тоодог*, *т‘ōдŏк* (Халх), *т‘оадă ~ т‘уáда* (Даг), бур. *тоодог*, *тōдăк* (Ал), калм. *тōдăγ* ‘дрофа’. Ср.: чаг. *тоƃадақ ~ тоƃдақ ~ тавдақ*, тув. *тогдук*, алт., койб., кирг. *тōдаг*, уйг. *доƃдақ*, балк. *дудақ* ‘дрофа’, аз. *давдақ*, казах. *дуадақ*, *дуалақ* ‘дикий гусь’ [< **toγaday*], а также: др.-тюрк. *toj*, *toδ*, тур. *toj* ‘дрофа’, тур. *tojdari*, *toγdari* [< **toj-dari*, **toγ-dari*], н.-уйг. *доƃдур*[205] ‘род крупной дрофы’, являющиеся, по-видимому, однокоренными с приведенными выше тюркскими словами.[206] Ср. рус.

---

[202] Г. И. Рамстедт сближает мо. *žaγan*, *žiγan* и чаг. *йаγан* ‘слон’ с алт. *йāн* ‘большой’ (см.: R. KW, стр. 469), а М. Рясянен еще и с алт. *н′āн* (Леб), тур. *jïγan* ‘толстый’, ‘высокий’, ‘большой’, алт. *йāн-а* (Куманд, Тел) ‘увеличиваться’. У него же мы находим сравнение мо. *žaγan* ‖ тюрк. *jaγan* с гр. *γίγας*, *γίγαντες* (см.: Räs. EW, стр. 178).

[203] П. Тунг., стр. 55.

[204] R. KW, стр. 404.

[205] Le Coq. Sprichwörter und Lieder aus der Gegend von Turfan. Leipzig—Berlin, 1910.

[206] О сближении мо. *toγuday* с тюрк. *toγdaq* см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 197, 326; о сближении мо. *toγaday* с тюрк. *tōdaq*, *duadaq* см.: R. KW, стр. 404; о родстве мо. *toγaday* со всеми называвшимися выше тюркскими словами, кроме др.-тюрк. *toj*, *toδ*, тур. *toj*, см.: Räs. EW, стр. 483. Монгольско-тюркская праформа **toγaday* восходит, по-видимому, к основе **toγa-*, осложненной афф. **-day*, общим для монгольских и тюркских языков. Этимология ее затруднительна, так как неясна семантика основы. Непродуктивный афф. **-day* в монгольских языках оформляет отглагольные имена, например мо. *sirdeg* ‘стеганое одеяло’ от *siri-* ‘стегать’ (см.: P. Mo. Compar., стр. 273—274). В древних тюркских языках афф. **-dag* (чаще **-lag* < **-dag*) мог образовывать производные и от именных, и от глагольных основ, например др.-тюрк. *qawur-daq* ‘жареное мясо’, *jalin-daq* ‘обнаженный’. В ряде случаев тюркские производные имена с этим аффиксом означают множество или совокупность предметов, например: *ašlaq* ‘пища’ от *aš* ‘еда’, *atlaq* ‘лошади’ от *at* ‘лошадь’ (см.: Севортян. Афф. им., стр. 217—221). Поэтому можно предположить, что **toγa-daγ* является существительным со значением собирательности от **toγ* ‘дрофа’. Попытку этимологического объяснения названия этой птицы находим у Л. А. Кубановой, которая возводит его к глаголу *tu- ~ tuu- ~ toγ- ~ tok-* ‘родить, родиться’ и малопродуктивному афф. *-dak* (см.: Л. А. Кубанова. Тюркизмы в диалектной лексике русского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1968). Предложенная ею этимология — ‘рожденный, родившийся’ — для названия птицы необычна и вызывает возражение, тем более что названия птиц в алтайских языках связаны

драфа́, *дрофа́*, *драхва́*, *дрохва́*, которые, по мнению М. Рясянена, восходят к чув. **tə̂raq*,[207] и рус. *дуда́к*, также, по-видимому, заимствованное из тюркских языков, однако определить конкретный источник заимствования из-за близости тюркских форм затруднительно;[208]

сол. *йтаӱ*,[209] ма. *иту*[210] ‘серая куропатка’ < мо.: п.-мо. *itaγu* [< **itaγun*], монг. *ятуу*, *йотӯ* (Халх), *йото* (Халх зап.), *итӯ* (Орд), калм. *йотӯн*, ойрат. *йотн* ~ *йотӯ* (Дэрб-аст) ‘куропатка’.[211] Ср. чаг. *ита'ун* ‘серая куропатка’ < мо. *itaγu* [< **itaγun*];[212]

сол. *бэдэнэ*[213] ‘перепелка’ < мо.: п.-мо. *bödöne* ~ *bödüne* ~ *büdüne* [< **bödene*[214] < **bedene*], монг. *бөднө* ~ *бүднэ* ‘перепелка’, *бӱддӱн* ~ *бӱддӱнӱ* (Халх), *bödönö* (Орд) ‘перепел’, бур. *бүдэнэ* ‘перепелка’, монгор. *бодоно*, калм. *бӧдн^{ӧ}* [< *bödᵒnə*] ‘перепел’.[215] Ср.: алт. *пӧдине* ~ *пӧдӱне* ‘перепел’, ‘перепелка’, башк. *бӱтәнә*, казах., каракалп., карач. *бӧдене*, кирг., ойр. *бӧдӧнӧ*, кумык. *бёдене*, тат. *бӱдәнә* (Каз), *пӓдӧнӓ* (Бараб), туркм. *бедене*, узб. *бе-*

чаще всего или с цветом их оперения, или с издаваемыми ими звуками, или с характерными для них повадками.

[207] См.: Räs. EW, стр. 483; M. R ä s ä n e n. Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 29 : 196; Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 20 : 448; Фасмер, I, стр. 542. О тюркском происхождении славянских названий дрофы см. также: И. Г. Д о б р о д о м о в. Дрофа — дудак. «Русская речь», 1968, № 4, стр. 100—104.

[208] Даль, I, стр. 500; R. KW, стр. 404; Фасмер, I, стр. 550.

[209] П. Сол., стр. 56.

[210] ма. *иту* ‘серая куропатка’ является позднейшим заимствованием живой монгольской формы **итӯ* (Санжеев. Параллели, стр. 623). Другое маньчжурское наименование этой птицы — *гитуку*, близкое фонетически мо. *itaγu*, восходит к кит. *гитоу-гу* (R. KW, стр. 219).

[211] Превращение письменно-монгольского начального *i* в *j* и проникновение в первый слог гласного последующего слога (п.-мо. *itaγu* > *jataγu* > *jatū* > *jotū*) получило в монгольском языке название «перелома» гласных (см.: Владимирцов. Грамматика, стр. 176—190).

[212] Räs. EW, стр. 175.

[213] П. Сол., стр. 43.

[214] P. Mo. Compar., стр. 49.

[215] В отношении этимологии мо. *bödöne* [< **bedene*] ‘перепел’, ‘перепелка можно предположить, что оно является однокоренным с п.-мо. *beder* ~ *bider*, монг. *бидэр*, *б^{i}еддёр* ~ *бедер* [< *bider*] (Халх), бур. *бүдэр* ~ *бэдир* ‘полоса, линия’, ‘полосы, пятна’ (на шкуре зверей), ‘крапины’ (на перьях птиц), бур. *бүдэн* ‘веснушки’. Тюркской параллелью к этим монгольским словам является др.-тюрк. *bediz* ‘резьба’, ‘орнамент’, ‘украшение’ (см.: R. KW, стр. 41; P. Vergl., стр. 53, 126), а тунгусо-маньчжурской, по-видимому, — эвенк. *буγдӣ*, *буγγдӣ* (В-Л, Е, Н), *буди* (П-Т), эвен. *бӯди* (Б, Ол, П), *буγди* (М, Ох), *бувди* (Ск, Т), *буд* (К-О), орок. *бугӡи* ‘пестрый, пегий, рябой’ (о масти животных), Ск ‘орел-стервятник’, эвен. *бӯдиӈа* (Б, Ол, П), *бӯдун'а* (Т) ‘крохаль’ (утка), ‘пеструшка’ (грызун), П, Т ‘пегий олень’, ма. *будуху нимаха* ‘речной вьюн’ (с пятнами на коже), казах., кирг. *бедэр* ‘красота’, ‘рисунок’, як. *бӓдӓр* ‘рысь’, ма. *бэдэри* ‘полоса, полосы’, ‘пятно, пятна’, ‘крапины’ являются монгольскими заимствованиями (см.: R. KW, стр. 41; Räs. EW, стр. 67).

дана, уйг. *бӧдӱнә*, чаг. *будана* ~ *бӱдӓнӓ* ~ *бӧдӓнӓ*, чув. *путене* 'перепел' < мо. *bödöne*[216] < **bedene*;

эвенк. *чоркелу* ~ *чоркелӯ* (Нрч) 'рябчик' < мо.: п.-мо. *čorkirū* [< **čorkiruγun* < **torkiruγun*],[217] монг. *цорхируу(н)* ~ *цорихруу* 'рябчик', бур. *торхируу(н)* 'степной рябчик, или белая куропатка'. Ср.: алт. *торло* (Тел), хак. *торлаӈы* (Саг) 'горный рябчик', хак. *торлаӈа* 'куропатка', тув. *торлаа* 'серая куропатка';[218]

ма. *нутуру* 'степной рябчик, или белая куропатка' < мо.: п.-мо. *nuγturū*, монг. *ногтруу*, *нуγтурӯ* (Орд) 'степной рябчик', *нуγтӑрӯ* (Халх) 'куропатка', монгор. *лоγтор* 'степной рябчик' [< общемонг. **nuγturuγu* 'куропатка'].[219]

в) Пластинчатоклювые, например:

эвенк. *галав* ~ *галаф* (Н) 'гусь' < мо.: п.-мо. *γalaγun* [< **γalaγūn* < **γala-* + **-γūn*], монг. *галуу(н)*, *γалӯ* (Халх), *γалō*,[220] *галý*[221] (Даг), бур. *галуу(н)* 'гусь'. Ср.: др.-тюрк. *gaz*, тур. *kaz*, башк., казах., кирг., кумык., ног., тат. *ҟаз*, туркм. *ҟāз*, алт. *ҟас*,[222] ойр., тув. *ҟас*, тат. *ҟас* (Тоб), аз., каракалп., уйг. *ҕаз*, узб. *ҕоз*, хак. *хас*, як. *хāс* [< **qāz* < **qār*], чув. *хур* [< **qār*] 'гусь'. Тунгусо-маньчжурской параллелью к мо. *γalaγun* и тюрк. *qaz* следует считать, по-видимому, ма. *ҕару* [< **kāra-γū*][223] 'лебедь', эвенк. *гāрэ* [< **kāra*][224] 'большой серый лебедь', 'филин', 'сова', эвен. *гāр* фольк. 'большая птица'.[225] Ср. перс. *ҕаз*

---

[216] R. KW, стр. 54; Räs. EW, стр. 82.

[217] О развитии п.-мо. *č*, тюрк. *t* и тунг. *t* в начале некоторых слов из первоначального (общеалтайского) **t* см.: P. Vergl., стр. 26.

[218] Приведенные монгольские и тюркские слова этимологически являются, по-видимому, однокоренными производными, образовавшимися от ономатопоэтического слова *tor*, которое прослеживается также в мо. *tor-la-* 'петь', 'пускать трели', 'щебетать, чирикать' (см.: R. KW, стр. 402; Räs. EW, стр. 490) и др.-тюрк. *torïγa*, тур. *tojgar*, *turgaj*, кирг. *торҕой*, тат. *турҕай* (Каз), хак. *торҕай*, *торҕайаҟ* 'жаворонок', хак., койб. *тоҕайаҟ*, тув. *торҕа* 'дятел'.

[219] P. Mo. Compar., стр. 164. О соответствии *n* ~ *l* < **l* в начале некоторых монгольских слов см. там же, стр. 155. Вполне возможно, что название этой птицы связано с образным словом *loγ* (см.: R. KW, стр. 252); ср. монг. *логлогор* 'толстенький', *логлой-* 'быть толстеньким, пухленьким'.

[220] П. Даг., стр. 73.

[221] Ивановский, стр. 62.

[222] Из словаря В. Вербицкого.

[223] P. Vergl., стр. 120.

[224] Там же.

[225] Н. Н. Поппе включает в данное этимологическое гнездо только тюрк. *qaz* и т.-ма. *ҕару*, *гāрэ* (см.: R. Vergl., стр. 120). На основании установленных им фонетических закономерностей в алтайских языках возможны следующие два ряда соответствий интервокального *l* и *r*: $*l^1$ > мо. *l* ‖ т.-ма. *l* ‖ кор. *l/r* ‖ тюрк. *l*; $*l^2$ > мо. *l* ‖ т.-ма. *l* ‖ кор. *l/r* ‖ тюрк. (кроме чув.) *š* ‖ чув. *l*; $*r^1$ > мо. *r* ‖ т.-ма. *r/l* ‖ кор. *r/l* ‖ тюрк. *r*; $*r^2$ > мо. *r* ‖ т.-ма. *r* ‖ кор. *r/l* ‖ тюрк. (кроме чув.) *z* ‖ чув. *r* (см.: P. Vergl., стр. 73—82). Но пример, приведенный выше, — мо. *γalaγun* ‖ тюрк. *qaz* ‖ т.-ма. *ҕару*, *гāрэ*, позволяет предполагать, что в некоторых алтайских словах возможен, очевидно, и третий ряд соответствий интервокального *l*, т. е. $*l^3$ > мо. *l* ‖ т.-ма. *r* ‖ тюрк. (кроме чув.) *z/š* ‖ чув. *r*.

'гусь',[226] а также скр. *гарудай* 'феникс-самец'. Ср. рус. *каза́ра*, *каза́рка*, которые, возможно, восходят к тюрк. *qaz* 'гусь';[227]

ма. *борǯин н'эхэ* 'самка дикой утки', *борǯин* < мо.: п.-мо. *borǯin* [< **bor-* 'серый' + афф. **-ǯin* со значением самки],[228] бур. *боржон* 'самка дикой утки', букв. 'серянка',[229] монг. *боржин*: *боржин нугас* 'гусыня'. Ср.: чаг. *борчин* 'самка утки', 'самка оленя', алт. *мор$^{\partial}$јын* (Тел) 'самка домашней утки' < мо. *borǯin*.[230]

г) Аистовые, например:

эвенк. *токоров* ~ *токороф* (Нрч, С-Б) 'журавль' < мо.: п.-мо. *toγuriγun* [< **toγuri-* + **-γun*], монг. *тогоруу*, бур. *тохорюу(н)*, калм. *тоγрӯн* 'журавль';[231]

эвенк. *сар* (Нрч) 'чайка' < мо.: п.-мо. *sar*, *sart*, *sārt* [< **sārita* < **sāri-* 'желтый' + афф. качественных имен **-ta*], калм. *сар* 'коршун', букв. 'желтая, желтоватая' (птица), монг. *сар* 'лунь' (хищная птица, самка которой имеет серовато-белое оперение), 'ястреб-мышелов'. Ср.: кирг. *сар* 'коршун', чаг. *сар* 'коршун', 'ястреб-перепелятник', алт., тув. *сары*, тат. *сарыч* ~ *сарыча*, узб. *сарыксор* 'вид ястреба', тат. *сарыша* (Каз) 'вид кречета', кумык. *сарича* 'иволга' [< *sarï* < *sarïγ* 'желтый', *sarïča* 'желтоватый'],[232] которые, очевидно, этимологически родственны мо. *sar*, *sart*, *sārt*.[233] Ср. як. *сар* 'канюк', *сарт* ~ *са̄рт* 'хищная птица из семейства соколиных', 'птица из семейства совиных', 'кукша' < мо. *sar*, *sart*, *sārt*,[234] а также рус. *сарыч* 'хищная птица канюк, коршун', *сарыга* 'самка канюка', заимствованные из тюркских языков;[235]

нег. *ӷапӷа* 'белая чайка с черной головой' < мо.: п.-мо. *qabqaγ* [< **qab-qa-γ*[236] < **kan-ka-k* от мо. *qaγa-* < **qawā-* < **kapa-* 'закрывать' || тюрк. *qapa-* 'закрывать'],[237] монг. *хавхаг*, *хавхӑк* (Халх), *γawӷaγ* (Орд), бур. *хабхаг*, калм. *ӷawӷaγ* 'крышка', бур. 'черепная коробка', бур. Ал 'коробка из бересты' (для предметов рукоделия). Ср.: др.-тюрк. *qapaq*, тур. *kapak*, *kabuk*, аз. *гапаг*, *габыг*,

---

[226] Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1953, стр. 375; Егоров, стр. 306.

[227] Л. А. Булаховский. Славянские наименования птиц. «Вопросы славянского языкознания», т. I, Львов, 1948, стр. 183; Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях птиц. «Советская тюркология», № 2, Баку, 1970, стр. 88.

[228] R. KW, стр. 51; Räs. EW, стр. 81.

[229] К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951, стр. 778.

[230] R. KW, стр. 51; Räs. EW, стр. 81.

[231] R. KW, стр. 397.

[232] О наименовании этих тюркских птиц по цвету оперения см.: Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях птиц, стр. 91.

[233] R. KW, стр. 313; Räs, EW, стр. 402.

[234] Räs. EW, стр. 402.

[235] Vasmer, II, стр. 582; Д. С. Сетаров. Тюркизмы в русских названиях птиц, стр. 91.

[236] P. Mo. Compar., стр. 98.

[237] P. Vergl., стр. 43, 89.

туркм. *гапаҡ*, *габыҡ*, башк., казах., кирг., тат. *ҡабыҡ*, аз., кр.-тат., уйг., чаг. *ҡапаҡ*, узб. *ҡопҡоҡ*, *ҡобиҡ*, хак. *хабых*, тув. *хавык*, як. *хаппах*, чув. *хупă* 'крышка', 'покрышка', 'оболочка'. Ср. эвенк. *капкак* (Алд, Тк, Учр, Члм), *капкакӣ* (З), *каппак* (Тк, Тмт, Учр) 'крышка посуды' < як. *хаппах*.[238]

д) Хищные, например:

ма. *тарбалǯи* 'черноватый с пестринами орел' < мо.: п.-мо. *tarbalǯi* ~ *tarbaǯi* [< * *tar-ba-l-ǯi*], калм. *тарwᵃдǯи* 'маленький черный орел', монг. *тарваж* 'ястреб', бур. *тарбалжа* ~ *тарбажа* 'лесной орел',[239] бур. *тарбăγāлжăӈ* (?) 'тарбаганник'.[240] Ср. алт. *тарбалдјын* (Тел) 'вид маленького ястреба' < мо. *tarbalǯi*[241] (ср. *тарбаγан* на стр. 124);

ма. *итулхэн* ~ *итурхэн* 'кречет' < мо.: п.-мо. *itelgü* [< **itelgün*] 'кречет', 'коршун-зайчатник', 'балобан', калм. *итлγă* ~ *итлγăн* 'вид хищной птицы' (ср. мо. *ite* 'вид хищной птицы').[242] Ср.: тур. *ötelgü* ~ *ötlegü* 'орел-ягнятник', н.-уйг. *итäлгγ* 'вид охотничьей птицы', чаг. *итäлгγ* ~ *өтäлгγ* ~ *γтилгγ* ~ *тäлгγ* 'вид коршуна', 'орел-ягнятник', казах., кирг. *итäлги* 'хищная птица', 'сокол', туркм. *ителги* 'коршун' < мо. *itelgü*,[243] а также тур. *tüläк* ~ *dü-läк*, шор. *тäглäгäн*, алт. *тäјлигäн* ~*тäлгäн* (Тел), *тäлигäн* (Леб), тат. *тилгäн* (Тоб), чаг. *тγјлäгäн* ~ *тγлäгäн*, казах. *төјлäгäн* ~ *тγлгäн* 'коршун' [< **iteglegün* > **iteglegen* > **teglegen*], которые, по-видимому, следует рассматривать как слова, этимологически родственные мо. *itelgü* [< **itelgün*];

эвенк. *элиэ* (Нрч) 'сокол' < мо.: п.-мо. *elije* [< *eli-* 'пари́ть' + афф. *-je*[244]] 'коршун', 'сокол', 'ястреб', монг. *элээ*, бур. *элеэ* 'коршун', калм. *элē* 'ястреб'.[245] Ср. як. *äliä* 'коршун' < мо. *elije*;[246]

ма. *шоӈҡоро* 'белый сокол', *шоӈҕон ҕасҳа* ~ *шоӈҡон ҕасҳа* 'сокол' < мо.: п.-мо. *šongqor*, монг., бур. *шонхор*, калм. *шоӈҡᵒр* 'сокол', 'кречет'. Ср. кор. *соӈкʿор*.[247]

е) Вороновые например:

эвенк. *сāǯиγа* ~ *сāǯиге* (Брг[248]), сол. *сāǯигӣ* ~ *сāǯиг*[249] 'сорока' < мо.: п.-мо *šaγaǯiγai*, монг. *шаазгай*, *шāǯăгᵃē* (Халх), бур. *шаазгай*, *шаажгай* (Хорин) 'сорока'.

---

[238] А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Л., 1968, стр. 74.

[239] R. KW, стр. 381. Об этимологии этого наименования см. сноску 136.

[240] См.: Санжеев, стр. 693. — Русского названия этой птицы он не дает.

[241] R. KW, стр. 381; Räs. EW, стр. 464.

[242] R. KW, стр. 211.

[243] Räs. EW, стр. 175, 376.

[244] Калужиньский, стр. 33.

[245] По мнению Н. Н. Поппе, мо. *elije* 'коршун' соответствует ср.-мо. *hele'e*, *elē* (см.: МА) 'дьявол, черт, бес', монгор. *илиē* 'злой дух' (см.: P. Mo. Compar., стр. 45).

[246] R. KW, стр. 119; Калужиньский, стр. 33; Räs. EW, стр. 40.

[247] R. KW, стр. 364.

[248] П. Тунг, стр. 52.

[249] П. Сол., стр. 66.

11) Названия некоторых пресноводных промысловых рыб.

эвенк. *чирукай ~ черукай* (Брг, Нрч, С-Б) ‘щука’ < мо.: п.-мо. *čiruqai ~ čuruqai*, монг. *цурхай*, *цурхē* (Халх), бур. *сурхай*, калм. *цурхӑ* ‘щука’. Ср.: казах. *шорағатай*, тат. *чураγай* (Каз)[250], як. *ǯорохоі ~ чорохоі ~ чороҕоі*[251] ‘маленькая щука’, также заимствованные из монгольского языка.

эвенк. *кэлтэгэ* (Нрч), ма. *кэлтэхэ* ‘карась’ < мо.: монг. *кэлтэгэ* ‘карась’. Ср. нан. *кэлтэкэ* ‘карась’, заимствованное, по-видимому, из маньчжурского языка.

эвенк. *кадара* (Нрч), ма. *ҳадара*[252] ‘хариус’ < мо.: п.-мо. *qada-ra(n)*, монг. *хадар*, бур. *хадаран* ‘хариус’.

12) Названия некоторых животных, обитающих в водной среде (морских млекопитающих, ракообразных).

ма. *эдэн* ‘рыба-пила’ < мо.: п.-мо. *edeng* ‘рыба-пила’. Ср. нег. *эдэн*, ульч., орок. *эдэ* ‘касатка’, которые восходят, по-видимому, к ма. *эдэн* ‘рыба-пила’.

ма. *панҳай* ‘рак’ < мо.: п.-мо. *pangqai* ‘краб’. По мнению П. Шмидта и Е. Хауера, мо. *pangqai* является китайским заимствованием (ср. кит. *пансѐ* ‘краб’).

13) Названия некоторых насекомых.

эвенк. *батагана* (Нрч) ‘муха’ < мо.: п.-мо. *bataγana*, монг. *батгана*, бур. *батагана ~ батаганаа(н)* ‘муха’.

эвенк. *тарча ~ тарчи ~ тарте* (Нрч) ‘кузнечик’, ‘сверчок’, ‘лягушка’ < мо.: бур. *таршаа* ‘кузнечик’, ‘кобылка’, ‘саранча’, п.-мо. *čarčaqai* ‘саранча’.

эвенк. *черголǯи ~ чергōлǯи* (Нрч) ‘муравей’ < мо.: п.-мо. *širgulǯin*, монг. *шоргоолж(ин)*, бур. *шоргоолзон* ‘муравей’.

В процессе заимствования монгольских названий животных в ряде случаев изменилась их семантика, например: мо. *gegün ~ gegüü* ‘кобыла’ > ма. *гэо* ‘корова’, эвенк. *rēγ* ‘самка дикого оленя’; мо. *aǯirγa* ‘жеребец’ > ма. *aǯирҕан ~ aǯирҳан* ‘кобель’; мо. *инаγан* ‘жеребенок до года’ > сол. *унуҳӯ* ‘козленок’ и др.

К монголизмам следует относить также названия животных, образованные от монгольских именных и глагольных основ с помощью тунгусо-маньчжурских словообразовательных аффиксов, например: эвенк. *куримин ~ курумин* ‘олень, предназначенный для угощения на свадьбе’ < *курим ~ курум* < мо. *qurim* ‘праздничество, пир’ + эвенкийский именной афф. *-н;* эвенк. *бēруткāн* (Н) ‘ягненок’ < *бēру* < халх. *бирӯ* ‘теленок по второму году’ + эвенкийский афф. *-ткāн*, обозначающий детеныша; эвенк. *сōличӣ* (Брг) ‘волк’, букв. ‘имеющий хвост, хвостатый’ < *сōл ~ сӯл* < мо.

---

[250] Räs. EW, стр. 116.
[251] Калужиньский, стр. 20.
[252] Санжеев. Параллели, стр. 682.

сүүл ‘хвост’ + эвенк. афф. имен обладания *-чӣ*; ма. *гэтэхури* ‘вороватый воробей’ < *гэтэ-* < мо. *gete-* ‘подсматривать’, ‘подкрадываться’, ‘выжидать’ + ма. именной афф. *-ху* + ма. афф. *-ри*, указывающий на бóльшую степень качества; ма. *ҳабари индаҳун* ‘комнатная собачка, болонка’, *ҳабари* < мо. *qaba* ‘комнатная собачка’ + ма. афф. *-ри*.

В ряде маньчжурских названий животных, представляющих собою сложносокращенные слова,[253] монголизмы являются одним из двух слагаемых компонентов, как правило — первым. При словосложении наблюдается выпадение из состава слова звуков и целых слогов, например: ма. *тайлахи* миф. название длинношерстного зверя < мо. *тай[ган]* ‘борзóй кобель’ + ма. *[ма]лахи* ‘кошка’ (Х., Ц.); ма. *сайдаҳа* миф. название зверя, похожего на свинью, < мо. *сай[н]* ‘хороший’ + ма. *[ай]даҳа* ‘кабан’ (Ш.); ма. *султаҳа* название птицы < мо. *сул[а]* ‘свободный’, ‘слабый, вялый’ + ма. *[ан]таҳа* ‘гость’ (Ш., Х.).

ТЮРКИЗМЫ

Тюркские элементы в тунгусо-маньчжурских названиях животных представлены преимущественно якутскими словами, которые являются, как правило, сравнительно поздними заимствованиями.[254] Их насчитывается около ста наименований. Они проникли в большом количестве в диалекты эвенкийского и эвенского языков в результате непосредственного контакта эвенов и эвенков с якутским населением. Особенно тесны эти контакты на территории Якутской АССР, где бóльшая часть эвенов и эвенков двуязычна. Единичные тюркские заимствования имеются в негидальском языке. Многие якутские заимствования имеют параллели в других тюркских, а также в монгольских языках. Некоторые из них по происхождению русские, но проникли в тунгусо-маньчжурские языки через якутский.

Приведем перечень якутских заимствований.

1) Собирательные названия домашних животных: эвенк. *cohy* (Учр) ‘скот’ < як. *суohy*.

---

[253] Анализу сложносокращенных слов маньчжурского языка уделено особое внимание в Маньчжурско-русском словаре И. Захарова, а также в Словаре Хауера и в специальных работах Цаха и Шмидта. Следует упломянуть также кандидатскую диссертацию И. Т. Мороз, в которой рассмотрению сложносокращенных слов посвящена специальная глава под названием «Образование имен существительных способом аббревиации» (см.: И. Т. Мороз. Автореф. канд. дисс. М., 1967).

[254] В среде советских исследователей преобладает мнение, что формирование якутского народа относится к XIII—XIV вв. Археологические данные свидетельствуют о длительном и постепенном продвижении на Север из Прибайкалья в бассейн средней Лены южных тюркоязычных скотоводческих племен, которые смешивались с местным охотничье-рыболовецким населением, составившим основное этническое ядро якутской народности (см.: Народы Сибири. М.—Л., 1956, стр. 267—270).

2) Видовые названия домашних животных: эвенк. *инак* (Алд, А, Сх, Урм), нег. *инак* ‘корова’ < як. *ынах* (ср. тюрк. *иҷэк ~ инэк ~ инек ~ ёне* ‘корова’, а также тюрк. *енэк* ‘самка’, *иҷен* ‘верблюдица’, *инчек* ‘самка собаки’, в которых выделяется общая корневая основа *иҷэ- ~ инэ-*); эвенк. *тобо* (И) ‘олень’ < як. *таба* (ср. тюрк. *тэвэ ~ тэбэ* ‘верблюд’); эвен. *hибин'э* (Ск) ‘свинья’ < як. *сибиннэ ~ сибинйэ* < рус. *свинья*.

3) Половозрастные названия домашних животных: эвенк. *бэ̄* (Учр) ‘кобыла’ < як. *биэ* (ср.: тюрк. *би ~ бе ~ бее ~ бийэ ~ бейэ ~ пии* ‘кобыла’, кит *бй* ‘самка’); эвенк. *сэрибэс* (М, Тт) ‘жеребец’ < як. *сэрибэс* < рус. *жеребец*; эвенк. *оҕус ~ овус ~ эҕус* ‘бык крупного рогатого скота’ < як. *оҕоо ~ оҕус ~ уҕус* (ср. тюрк. *өгүз ~ өкүз ~ өгиз ~ үгез ~ hокуз ~ хукиз*, мо. *үхэр ~ үкр*); эвенк. *тармийак* (М, Тт), *торбуйок* (Чмк) ‘телка’ < як. *тарбыйах ~ торбуйах ~ тармыйах ~ тормуйах* (ср.: ст.-узб. *тор* ‘теленок’, казах. *торпақ* ‘двухгодовалый теленок’, мо. *торой* ‘детеныш некоторых домашних животных’).

4) Названия диких животных: эвенк. *бичэ̄н* (М, Тт) ‘косуля’, эвен. *бучэ̄н* (Т), *бучэкэ* (Ох) ‘кабарга’ < як. *биичээн ~ бүүчээн* ‘кабарга’ < мо. *bežan ~ bižan*; эвенк. *торокӣ* (З, Урм, Учр), нег. *торокӣ* ‘кабан’ < як. *тороку ~ тороху*; эвенк. *болка* (Тк) ‘волк’ < як. *болка ~ буолка* < рус. *волк*; эвенк. *кирса* (Тмт, Чмк), *кырса* (Учр), эвен. *кырса ~ кырhа ~ кыhра* (Ск) ‘песец’ < як. *кырса* < мо. *кирса* (ср.: тюрк. *қарсақ, қырса ~ қырза*, мо. *кирса*); эвенк. *колӧ̄пка* (Сх, Урм, Учр) ‘соболь’ (*самый лучший, черный*) < як. *холуопқа ~ холуоққа ~ қолуоққа* < рус. *головка*; эвенк. *киринас* (М, Тт), эвен. *киринӗ̄с ~ киринӑ̄h ~ кирнӑ̄h* (Мом, Ск) ‘горностай’ < як. *қырынастай ~ қырынаас ~ қырнас* < рус. *горностай*; эвенк. *нэтэ̄гэ* (Алд, Тмт) ‘белка-летяга’ < як. *нэтээгэ* < рус. *летяга*; эвенк. *бобура* (Учр) ‘бобер’ < як. *буобура ~ буобра* < рус. *бобер*.

5) Названия некоторых видов птиц: эвенк. *туруйа* (Тмт, Тнг, Урм, Учр) ‘серый журавль’ < як. *туруйа* (ср. п.-мо. *toγuru*, бур. *тохорюу(н)*); эвенк. *элие* (Тмт) ‘коршун’ < як. *элиэ* < мо. *elije*; эвенк. *тэҷсэүэй* (Учр) ‘пестрый дятел’ < як. *тоҷсоҕой* (< *тоҷсуй-* ‘стучать’, ‘долбить’ < мо. *тонши- ~ тоншо-*).

6) Названия пресноводных рыб: эвенк. *сордоҷ ~ сордон ~ чордон*, эвен. *сордоҷ ~ hордоҷ* (Алл), *сордох* (Ск) ‘щука’ < як. *сордоҷ*; эвенк. *сово ~ собо ~ сэвэ*, эвен. *hобо* (Ск) ‘карась’ < як. *собо*.

7) Названия насекомых: эвенк. *комордос* (Урм), *коҷордос* (Алд, И, Учр), эвен. *комордос ~ комордоh* (Ск) ‘жук’ < як. *хомурдуос ~ хоҷурдуос*; эвенк. *куйур* (Сх, Урм, Учр) ‘моль’, эвен. *куйур* (Ол) ‘личинка жука’ < як. *күйүр ~ көйүүр* ‘моль’ (ср. бур. *хүйр*, тур. *güve*, шор. *куйа* ‘моль’, эвенк. *куйа-кта ~ куй-кта* ‘личинка овода’); эвенк. *кулаhи* (Алд, Учр) ‘блоха’ < як. *кулапы ~ кулахы ~ кулакы* ‘клоп’ < рус. *клопы* (ср. бур. зап. *хулпаа*).

Как и в монгольских заимствованиях, среди якутизмов встречаются названия животных, образованные от якутских именных и глагольных основ с помощью тунгусо-маньчжурских словообразовательных аффиксов. Например эвен. *хауқарук* (Алл) ‘олень для перевозки детей’ < як. *хауха* ‘вьючное седло’ + эвен. афф. *рук*; эвенк. *мундукāн* (Учр) ‘гальян’ < як. *мунду* ‘рыба-мундушка’ < рус. *мунда* ‘вьюн’ + эвенк. афф. *-кāн*.

КИТАИЗМЫ

Китайские заимствования наблюдаются главным образом в маньчжурском языке, который подвергся активной китаизации с середины XVII в., когда маньчжуры завоевали Китай, создав последнюю в истории Китая династию Цин. Особенно много китайских слов проникло в маньчжурский письменный язык в процессе переводов на маньчжурский язык произведений китайской литературы.[255] Со временем использование китайского языка маньчжурами усиливается и постепенно они начинают забывать родной язык и свою национальную письменность. В настоящее время, по официальным сведениям, большинство маньчжуров говорит по-китайски, хотя отдельные группы их продолжают пользоваться родным языком в повседневной жизни. Так, например, известно, что маньчжурская речь сохранилась в некоторых селах провинции Хэйлунцзян,[256] а также у маньчжуров, живущих в Синьцзяне (в Или, Хуйюань, Дихуа, Тачэн), которые не только говорят на родном языке, но даже пишут на нем, используя латинскую графику.[257] В других частях Китая родной язык помнят преимущественно маньчжуры старшего поколения, хотя обычно на нем не говорят.[258] Вполне вероятно, что китайские слова продолжают проникать в речь тех маньчжуров, которые, живя на территории непосредственного контакта маньчжурского и китайского населения, являются двуязычными. К сожалению, о современном состоянии языка этих групп маньчжуров нам ничего не известно.

Китаизмы встречаются также в солонском языке и в тунгусо-маньчжурских языках Приамурья — в нанайском, ульчском, орочском, удэгейском, в которые они проникли преимущественно через маньчжурский язык. Как известно, солоны имели давние связи с маньчжурами и постепенно были ассимилированы ими. С XVIII в. они стали переходить на оседлость и наряду с охотой

---

[255] Ср.: И. Т. Мороз. Относительно китайских заимствований в маньчжурском языке. В кн: Восточная филология, М., 1971, стр. 127—129.

[256] Народы Восточной Азии, стр. 673.

[257] Honda-Ceadel. A Survey of Japanese Contribution to Manchurian Studies. «Asia Major», vol. V, 1955, стр. 91; И. Т. Мороз. К вопросу о периодизации маньчжурской системы письма. «Народы Азии и Африки», 1969, № 3, стр. 134.

[258] Народы Восточной Азии, стр. 673.

заниматься земледелием.[259] Тунгусо-маньчжурские народы Приамурья, в особенности нанайцы, также в течение нескольких веков находились под влиянием маньчжуров и китайцев. Это влияние прослеживается в их прежней хозяйственной деятельности, старой материальной и духовной культуре.[260]

В названиях животных маньчжурского письменного языка, судя по словарям И. Захарова и Э. Хауера и по работам П. Шмидта и Э. Цаха, имеется около сорока китайских заимствований.

1) Названия диких животных жарких стран: ма. *насин* ‘большой гималайский медведь’ < кит. *ма̄-сю́н* (З.); ма. *йуван* ‘обезьяна’ < кит. *юа́нь* (Ш.); ма. *сиӈсиӈ ~ сирсиӈ* ‘человекообразная обезьяна’ < кит. *син-син* (З.), *сы̄нсин* (Ш., Х.); ма. *онасу* ‘онагр’ < кит. *э̀-на̀-сы̄-юе̄* (Х.) ‘жираф’; ма. *уту* ‘тигр’ (одно из названий) < др.-кит. южн. диал. *утӳ* (Ш., Х.); ма. *килин* ‘единорог’ < кит. *цили́нь* (З., Ш., Х.); ма. *х'эсэ* ‘скорпион’ < кит. *х'э-цзы* (З.), *сēцза* (Ш., Х.); ма. *угун* ‘сколопендра’ < кит. *у́гун* (Ш., Х.).

2) Названия птиц: ма. *тоги ~ токи* ‘страус’ < кит. *то-ги* (З.); ма. *х'ан* ‘серебристый фазан’ < кит. *ся́нь* (Ш.); ма. *гитукӯ* ‘серая куропатка’ < кит. *ги-тоу-гу* (З.), *цзы̄-то́у-ху́а* (Ш., Х.); ма. *ҳооҳан ~ ҳоҳан* ‘цапля’ (общее название) < кит. *ху́н-хан* ‘желтая цапля’ (З.); ма. *чурби ƃасҳа ~ чӯби ƃасҳа* ‘чайка с синими перьями’, *чӯби* < кит. *цӳй-бы̄* (З., Ш., Х.); ма. *чуну ƃасҳа* ‘вид чайки’, *чуну* < кит. *цюй-ну* (Ш., Х.); ма. *шокин н'эхэ* ‘дикая утка’ (одно из названий), *шокин* < кит. *шао-кин* (З.), *шао-цы̄н* (Ш., Х.) ‘дикая утка’; ма. *луху* ‘чирок’ (одно из названий) < кит. *лу-ху*, *ху-лу* (З.), *ю-ху-лу* (Ш.); ма. *ҳарчин* ‘коршун’ < кит. *хай-циӈ* ‘сокол’; ма. *шэ* ‘беловатая сова’ < кит. *шэ* (З., Ш.); ма. *хурӄун ƃувара* ‘большой филин’ (одно из названий), *хурӄун* < кит. *ху-хуа* (З.), *хӯ-куӑ-ы̄н* (Х.) ‘филин’; ма. *чингири ~ чинӂири ~ чинчири* ‘желтый дрозд’ < кит. *цинь-ги-ляо* (З.), *цинь-цзѝ-ля̆о* (Ш., Х.); ма. *шарук* ‘черный скворец’ (одно из названий) < кит. < скр. (?) *шӑ-ло̀* (З., Ш.); ма. *чалиҳун* ‘чечетка’ < кит. *цяньлй-ху́н* (З.), *цяньлй-ху́н* (Х.); ма. *соти* ‘попугай’ (одно из названий) < кит. *са̄о-то́* (Х.); ма. *утун вэйӂун* ‘аист’, *утун* < кит. *у-тун-гуан* (Ш., Х.); ма. *йуӈг'уй ƃасҳа* ‘эму’, *йуӈг'уй* < кит. *юань-цзю̄й* (Х.).

3) Названия рыб: ма. *вэй* ‘стерлядь’ < кит. *вӑй* ‘осетр меченосный’ (Х.); ма. *чима ~ чимэ* ‘вид кеты’ < кит. *ци-мэ* (З., Х.); ма. *лу нимаҳа* ‘морской окунь’, *лу* < кит. *лу́* ‘морской окунь’ (З., Ш., Х.).

4) Названия пресмыкающихся: ма. *йуван* ‘большая морская черепаха’ < кит. *юа́нь* (З., Ш., Х.).

5) Названия насекомых и червей: ма. *биси* ‘клоп’ < кит. *бишӣ*; ма. *фэӈ* ‘пчела’ < кит. *фэ̄н* (З., Ш., Х.); ма. *лаӈлай* ‘на-

---

[259] Там же, стр. 686.
[260] Народы Сибири, стр. 783—784.

возный жук' < кит. [*кян*]-*лан* (З.), [*цян*]*ла́н* (Ш.); ма. *т'о̄о* 'цикада' < кит. *тя́о*; ма. *б'о̄о* 'гусеница шелкопряда' < кит. *бяо* (З.).

Из домашних животных встречаются только названия мула и собаки: ма. *лоосэ* ~ *лоса* (З., Сиб) 'мул' < кит. *лɔ̀цза* (< *лɔ̀* 'мул' + афф. *-цза*); ма. *линҕгучи* 'смирная собака' < кит. *лин-гэу* (З.), *лин-гоу* (Х.); ма. *х'ан* 'охотничья собака с длинной мордой' < кит. *сянь* (Ш.). Из промысловых животных — название белки: ма. *сойсон* 'темная белка' < кит. *суншӯ* (Ш.).

Среди китайских заимствований, кроме названий реально существующих животных, большую группу составляют мифические названия зверей и птиц, упоминаемые в китайских классических книгах: ма. *йурйу* 'зверь, похожий на лошадь' < кит. *ю-ю* (Ш., Х.); ма. *ǯирǯин* 'зверь, похожий на быка' < кит. *цзӣн-цзӣн* (Ш., Х.); ма. *лирлиҥ* 'зверь, похожий на корову' < кит. *лин-лин* (Ш., Х.); ма. *дурдун* 'зверь, похожий на однорогого барана' < кит. *дун-дун* (Ш., Х.); ма. *сирси* 'зверь, похожий на черного медведя' < кит. *си-си* (Ш., Х.); ма. *х'айǯай* 'олень-единорог' < кит. *сечй* (Ш., Х.); ма. *тумги* 'двухголовый олень' < кит. *ту-му-ги* (Ш.), *ча́-мӯ-цзы̄* (Х.); ма. *бирбин* 'зверь, похожий на лисицу' < кит. *би-би* (Ш., Х.); ма. *лорлон* 'зверь, похожий на тигра' < кит. *ло-ло* (Ш., Х.); ма. *марман* 'зверь, похожий на мышь' < кит. *ма́нь-ма́нь* (Ш., Х.); ма. *вэрвэн* 'зверь, имеющий способность говорить' < кит. *вэ́нь-вэ́нь* (Ш., Х.); ма. *форфой* 'зверь, похожий на обезьяну' < кит. *фэ̀й-фэй* 'бабуиндрилл' (порода мартышек) (Ш., Х.); ма. *фуҥ* 'феникс-самец' < кит. *фэ̀н* (Ш., Х.); ма. *фуҥхуваҥ* 'феникс, самец и самка' < кит. *фэ̀нхуан* (Ш., Х.); ма. *ǯирг'о* 'птица, похожая на утку' < кит. *цǯюй-цǯю̄* (Х.) и многие другие.[261]

В других тунгусо-маньчжурских языках непосредственные заимствования из китайского в названиях животных единичны: сол. *лоǯа* (Ив.), чж. *lào-sāh* 'мул' < кит. *ло́цза*; нан. *лото* (Бк) 'верблюд' < кит. *лото*; ороч. *чума* ~ *чумэ*, ульч. *чӣмада* 'вид кеты' < кит. *ци-мэ*; нан. *лайха̄ма* (Бк) 'жаба' < кит. *лайха́ма*; сол. *сӯсӯ*, нан. *туцу* ~ *цеуцу* (Бк) 'клоп' < кит. *чɔ̀учун*.

Кроме того, некоторые китайские названия животных входят в состав сложносокращенных слов маньчжурского письменного языка, образовавшихся в результате слияния в одну лексическую единицу китайских и маньчжурских компонентов с одинаковым или различным лексическим значением. Китаизмы в них являются,

---

[261] Существует предположение, что большое количество фантастических животных среди маньчжурских божеств объясняется не влиянием китайской культуры, а тем, что в прошлом подобные существа были тотемами различных маньчжурских родовых групп (см.: Е. П. Лебедева. Опыт сравнительно-морфологического анализа названий животных в маньчжурском и эвенкийском языках. «Доклады и сообщения Института языкознания», 1958, № 11, стр. 44).

как правило, первыми из слагаемых компонентов и выступают, как и маньчжурские компоненты, чаще всего в сокращенном виде. Ряд сложносокращенных названий животных представляет собою лексические кальки и полукальки с китайского.

Образований этого типа насчитывается свыше пятидесяти. Они обозначают: домашних животных — ма. *лорин* ‘мул’ < кит. *лò[цза]* ‘мул’ + ма. *[мо]рин* ‘лошадь’; ма. *гилуӄ морин* ‘аргамак’, *гилуӄ* < кит. *цзѝ* ‘скакун’ + ма. *[ку]лук* ‘выносливый конь’ (Ш., Х.); ма. *уйури* ‘кошка’ < кит. *ӯ* ‘черный’ + ма. *[ни]нури* ‘кошка’ (Ш.); диких животных — ма. *нуӽаси* ‘носорог’ < кит. *ну[цзяо]* ‘носорог’ + ма. *[и]ӽаси* ‘носорог’ (Ш.); ма. *шаӽаси* ‘дикий бык, буйвол’ < кит. *ша̄-[сӣ]* ‘носорог’ + ма. *[и]ӽаси* ‘носорог’ (Ц., Х.); ма. *лиӈсиӄа* ‘тигр’ (одно из названий) < кит. *лй-[ӗр]* название тигра + ма. *[та]ӈсиӄа* ‘барс’ (З., Ш., Х.); ма. *тарфу* ‘тигр’ (одно из названий) < ма. *тар[ɓан]* ‘тигренок’ + кит. *[ли]фӯ* название тигра (Ш., Х.); ма. *фижирӽи* ‘заяц-русак’ (одно из названий) < кит. *пӣ* ‘щенок лисы, барсука’ + ма. *[у]жирхи* ‘заяц-русак’ (Ш., Х.); ма. *лэжирхи* ‘темно-серый заяц’ (одно из названий), Ш. ‘дикая кошка’ < кит. *ла[й]* ‘дикая кошка’ + ма. *[у]жирхи* ‘заяц-русак’ (Ш., Х.); насекомых и червей (вредителей полей) — ма. *фэбсэхэ* ‘вид саранчи’ < кит. *фэ[й]* ‘летучие вредители риса’ + ма. *[сэ]бсэхэ* ‘травяная кобылка’; ма. *мин-м'аӽа* ‘оса-паразит’ < кит. *мѝн* ‘зеленая гусеница’ + ма. *[у]м'аӽа* ‘червь’ (Ш., Х.); ма. *мибсэхэ* ‘хлебный червь’ < кит. *мѝ[н]* ‘зеленая гусеница’ + ма. *[сэ]бсэхэ* ‘травяная кобылка’ (Ш., Х.); ма. *мобсэхэ* ‘хлебный червь’ (поедающий корни хлебов) < кит. *ма́о* ‘насекомые — вредители хлебных растений’ + ма. *[сэ]бсэхэ* ‘травяная кобылка’ (Х.); мифических животных — ма. *вэйхэн* ‘зверь, похожий на осла’ < кит. *вэй* одно из названий осла + ма. *[эй]хэн* ‘осел’ (Ц., Ш., Х.); ма. *гэрдун* ‘зверь, похожий на барана’ < кит. *гоу-[цзы]* мифическое название зверя + ма. *[ду]рдун* мифическое название зверя (Ш., Х.); ма. *вэйдаӽун* ‘зверь, похожий на собаку’ < кит. *вэй* ‘животное, похожее на собаку’ + ма. *[ин]даӽун* ‘собака’ (Ш., Х.); ма. *маӽунту* ‘зверь, похожий на обезьяну’ < кит. *мă-хуа* ‘превращенный в лошадь’ + ма. *[эли]нту* ‘обезьяна’ (Ц., Ш., Х.).

Бóльшая часть сложносокращенных слов, связанных с животным миром, относится к названиям различных видов птиц: ма. *йэнгухэ* ‘большой попугай’ < кит *ӣн[ъу]* ‘серый попугай’ + ма. *[кэ]кухэ* ‘кукушка’ (Х.); ма. *йэӈгэхэ* ‘попугай небольших размеров’ < кит. *ингэ̄* ‘попугай’ + ма. *[кэку]хэ* ‘кукушка’; ма. *гиӈгухэ* ‘вид попугая’ < кит. *гāнь* + ма. *[йэӈ]гухэ* ‘попугай’ (Ш., Х.); ма. *шужин* ‘вид павлина’ < кит. *шӣ* ‘письмена’ + ма. *[то]жин* ‘павлин’ (Ш., Х.); ма. *йожин* ‘вид павлина’ < кит. *юѐ[няо]* ‘павлин’ + мо. *[то]жин* ‘павлин’ (Ш., Х.); ма. *кундужин* ‘вид павлина’ < кит. *кӯ-дӯ-[хӯ]* + ма. *[то]жин* ‘павлин’ (Ш., Х.); ма. *моложин* будд. ‘павлин’ < кит. *мò-ю̀-ло̀* ‘павлин’ + ма. *[то]жин* ‘павлин’; ма. *йаӈгидэй*

‘золотистый фазан’ < кит. *ян[цза]* ‘красивый вид’ + ма. *[ӡу]ӈгидэй* ‘фазан’ (Ш., Х.); ма. *б'аӈгидэй* ‘золотистый фазан’ < кит. *бе-[и]* ‘фазан’ + ма. *[йа]ӈгидэй* ‘золотистый фазан’ (Ц., Х.); ма. *шуӈгидэй* ‘красивый фазан’ < кит. *шӣ* ‘письмена’ + ма. *[ӡу]ӈгидэй* ‘фазан’ (Ш., Х.); ма. *ӡуӈгидэй чоӄо* ‘длиннохвостый фазан’, *ӡуӈгидэй* < ма. *ӡуӈги[н]* < кит. *чжӯн-цзйнь* ‘парча’ + ма. *[гэру]дэй* ‘феникс-самка’ (Ш., Х.); ма. *нирӄувату* ‘вид куропатки’ < кит. *ни́хуа[хуа́]* ‘вальдшнеп’ + ма. *[и]ту* ‘куропатка’ (Ш.); ма. *нэситун* ‘вид куропатки’ < кит. *нѐйшй* + ма. *[ӡуки]дун* ‘куропатка’ (Ц.); ма. *бимсу ~ бимшу* ‘перепелка’ < кит. *бй* ‘самка’ + ма. *мушу* ‘перепелка’ (Ш., Х.); ма. *ӡасу ~ ӡашу* ‘осенняя перепелка’ < кит. *цӡӑ[о-цю̄]* ‘осень’ + ма. *[му]шу* ‘перепелка’ (Ш.,); ма. *гимшу* ‘пе́репел’ < кит. *цзе* ‘перепел’ + ма. *мушу* ‘перепелка’ (Ц., Ш., Х.); ма. *тэӡихэн* ‘аист’ < кит. *тай-[сянь]* ‘журавль’ + ма. *[гувэ]ӡи[хэ]* ‘внутренности’ + ма. *[булэ]-хэн* ‘журавль’ (Ш., Х.); ма. *васэри вэйчжун* ‘аист, вьющий гнездо на кровельных украшениях’, *васэри* < кит. *васэ* ‘черепица’ + ма. *[энду]ри* ‘бог’ (Ш., Х.); ма. *ламурчан* ‘большой серый журавль’ < ма. *ламу[н]* < кит. *лам* ‘синий, голубой’ + ма. *[ӄу]рчан* ‘журавль’ (Ш., Х.); ма. *ламурӄан* ‘вид цапли’ < ма. *ламур[и]* ‘синий, голубой’ + кит. *хàнь* ‘крыло’ (Х.); ма. *нимаси* ‘зеленый рыболов’ < ма. *нима[ӄа]* ‘рыба’ + кит. *ши* ‘мастер’ (Ш., Х.); ма. *тотан* ‘вид пеликана’ < кит. *то́о* ‘пеликан’ + ма. *[ӄу]тан* ‘пеликан’ (Ш., Х.); ма. *пэлэхэн* ‘вид ибиса’ < кит. *пэ́н-[ла́й]* ‘ибис’ + ма. *[бу]лэхэн* ‘ибис’ (З., Ц., Ш., Х.); ма. *ун'эхэ* ‘вид утки’ < кит. *у́* ‘утка’ + ма. *н'эхэ* ‘утка’ (Ц., Ш.); ма. *ӄулгичан н'эхэ* ‘утка-нырок’, *ӄулгичан* < кит. *ху́-[лу́]* ‘нырок’ + ма. *[йа]ргичан* ‘нырок’ (Х.); ма. *пилгичан н'эхэ* ‘чирок’, *пилгичан* < кит. *пи-[ти]* ‘род дикой утки’ + ма. *[йа]ргичан* ‘нырок’ (Ш.).; ма. *тулгири н'эхэ* ‘вид гагары’, *тулгири* < кит. *то́у* ‘голова’ + ма. *[и]лгири* ‘гагара’ (Ш., Х.); ма. *сулдарӷан* ‘ястреб’ < кит. *су[н]* ‘вид ястреба’ + ма. *[ба]лдарӷан* ‘вид ястреба’ (Ш., Х); ма. *йэлмэн* ‘молодой ястреб’ < кит. *я[нь]* ‘ястреб’ + ма. *[си]лмэн* ‘ястреб’ (Ц., Ш., Х.); ма. *йалдарӷан* ‘птица ястребиной породы’ < кит. *я̀[нь]* ‘ласточка, стриж’ + ма. *[ба]лдарӷан* ‘вид ястреба’ (Ц., Ш., Х.); ма. *тилдарӷан* ‘птица ястребиной породы’ < кит. *ти́-[цзянь]* ‘вид ястреба’ + ма. *[ба]лдарӷан* ‘вид ястреба’ (Ш., Х.); ма. *тушаӽу* ‘вид совы’ < кит. *тӯ-[ся̄о]* ‘сова’ + ма. *[ӽу[шаӽу* ‘сова’ (Ш., Х.) (калька с кит., ср. кит. *тӯ-ся̄о* ‘сова’ букв. ‘земля’ + ‘сова’); ма. *фушаӽу* ‘вид совы’ < кит. *фӯ* ‘сова’ + ма. *[ӽу]шаӽу* ‘сова’ (Х.); ма. *йаӈӷоӽа ~ йаӈӄаӽа* ‘черная ворона’ < кит. *я́н-[у]* ‘черная ворона’ + ма. *ӷаӽа* ‘ворона’ (З., Ш., Х.); ма. *чулин ӷаӽа* ‘вид вороны, вьющей гнезда на низких деревьях’, *чулин* < кит. *чӯ* ‘вид вороны’, *чӯ-[ця̄о]* ‘пташка’ + ма. *[гу]лин* ‘чижик’ (Ш., Х.); ма. *ӄаӄсаӽа* ‘сорока’ (одно из названий) < кит. *га̄[нь-ця̄о]* ‘сорока’ + ма. *[са]ӄсаӽа* ‘сорока’ (Ш., Х.); ма. *гӯӡэхэ* ‘кукушка’ (одно из названий) < кит. *гӯчжоу* ‘горлица, голубь’ + ма. *[кэку]хэ* ‘кукушка’ (Ц., Ш., Х.); ма. *гирду* ‘дрозд’ < кит.

ги-[дяо] ‘дрозд’ + ма. *[дэ]рду* ‘дрозд’ (З., Ш., Х.); ма. *барбэхэ* ‘дрозд’ < кит. *ба-ба-[няо]* ‘вид дрозда’ + ма. *[к'оҥгу]хэ* ‘скворец’ (Ш., Х.); ма. *баҥгухэ* ‘черный дрозд с пестрым оперением’ < кит. *бā-[гэ̄]* ‘дрозд’ + ма. *[йэ]ҥгухэ* ‘попугай’ (Ш., Х.); ма. *ǯуҥгухэ* ‘пестрый дрозд’ < кит. *ǯуҥ[гин]* ‘пестрый’ + ма. *[к'оҥ]гухэ* ‘черный дрозд’ (Х.); ма. *бойҳоǯу чибин* ‘ласточка, прилетающая весной ко дню жертвоприношения духу земли’, *бойҳоǯу* < ма. *бойҳон[н]* ‘земля’ + кит. *чжу* ‘дух земли’; ма. *туҥгури чэчикэ* ‘вид синицы’, *туҥгури* < кит. *ти́-гу[й]* ‘козодой’ + ма. *[сима]ри* ‘вид синицы’ (Ш., Х.); ма. *аймиқа чэчикэ* ‘самка ремеза’, *аймиқа* < кит. *ай* + ма. *[то]миқа* ‘ремез-самец’ (Ц., Х.); ма. *вэндэдэн* ‘полевой жаворонок’ < ма. *вэндэ[рхэн]* ‘жаворонок’ + кит. *[янь-лань]-дуй* ‘жаворонок’ (Ш., Х.); ма. *элдэдэй* ‘жаворонок’ (одно из названий) < ма. *элдэ[рхэн]* ‘жаворонок’ + кит. *[янь-лань]-дуй* ‘жаворонок’ (Ш.); ма. *ододон* ‘жаворонок’ (одно из названий) < кит. *о-дуо-[хуй]* ‘жаворонок’ + ма. *[вэндэ]дэн* ‘жаворонок’ (Ш., Х.); ма. *шулин* ‘чижик’ (одно из названий) < кит. *шā[н-чэ̄н]* ‘иволга’ + ма. *[гу]лин чэчикэ* ‘чижик’ (Ш.); ма. *ламукэ* ‘голубая варакушка’, букв. ‘синебородая’ < ма. *ламу[н]* ‘синий, голубой’ + кит. *кэ* ‘подбородок’ (калька с кит. *лань-дя̀нь-кэ*); ма. *йарудай* ‘вид феникса’ < кит. *юй-[цяо]* название феникса, букв. ‘яшмовая птичка’ + ма. *[ɓа]рудай* ‘феникс’ (Ш., Х.); ма. *сурудай* ‘вид феникса’ < кит. *сӯ-[шуā̄н]* ‘феникс’ + ма. *[ɓа]рудай* ‘феникс’ (Ш., Х.); ма. *ирудай* ‘вид феникса’ < кит. *ю̄-[чā̄н]* ‘темный феникс’ + ма. *[ɓа]рудай* ‘феникс’ (Ц., Ш., Х.); ма. *ламудай* ‘голубоватый феникс’ < ма. *ламу[н]* < кит. *лам* ‘синий, голубой’ + ма. *[ɓару]дай* ‘феникс’; ма. *фарудай* ‘восточный феникс’ < кит. *фа-[ми́н]* ‘феникс’ + ма *[ɓа]рудай* ‘феникс’ (Ш., Х.).

В ряде случаев маньчжурскими компонентами сложносокращенных названий животных выступают аффкисы, например: в словосочетании *ǯэмэту лорин* ‘мул’ *ǯэмэту* < кит *чжэ-мэ[н]* + ма. афф. *-ту* (Ш., Х); в словосочетании *васури мон'о* ‘обезьяна’ *васури* < кит. *вā[н]-сӯ[нь]* + ма. афф. *-ри* (Х.); в *ǯуҥгири чоқо* ‘золотистый фазан’ *ǯуҥгири* < ма. *ǯуҥги[н]* < кит. *чжӯн-цзйнь* ‘парча’ + ма. афф. *-ри*; в *лалури дуду* ‘зеленая горлица’ *лалури* < кит. *лан-лоу* ‘зеленая горлица’ + ма. афф. *-ри* (Ш.); в *йаҥсиму н'эхэ* ‘вид дикой хохлатой утки’ *йаҥсиму* < ма. *йаҥсэ* < кит. *я̀нцза* ‘красивый вид’ + ма. афф. *-му* (Ш.); в *дуйун чэчикэ* ‘птичка, похожая на ласточку’ *дуйун* < кит. *дуй̆[й]* ‘кукушка’ + ма. афф. *-н* (Ш.).

Приведенные в таком большом количестве маньчжурские сложносокращенные названия животных с китайскими компонентами, а также с упоминавшимися выше монгольскими компонентами свидетельствуют о том, что при образовании новых слов способом словосложения, который был очень характерен для словообразования маньчжурского письменного языка, широко использовалась заимствованная лексика.

Русские названия животных начали проникать в тунгусо-маньчжурские языки примерно с середины XVII столетия.[262]

В дооктябрьский период заимствования были единичны, так как русское население в районах Севера и Дальнего Востока было немногочисленным, а в некоторых районах его не было совсем. Тунгусо-маньчжуры, владеющие русским языком, встречались тогда очень редко. Знание русского языка было распространено главным образом среди зажиточной части населения (родовых старейшин, старост, посредников купцов, шаманов), а также среди проводников и каюров.

Основная масса русских заимствований проникла в тунгусо-маньчжурские языки в послеоктябрьский период, когда начался усиленный приток русского населения в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока, и особенно после 30-х годов XX в., в период формирования письменных, литературных тунгусо-маньчжурских языков, когда русские заимствования в большом количестве начали проникать через учебники и через переводную литературу. В настоящее время русский язык является вторым языком большинства тунгусо-маньчжурских народностей. Нередко встречаются лица, являющиеся трехъязычными, т. е. знающими, помимо своего родного и русского языков, еще язык населения, живущего по соседству (бурятский, якутский, юкагирский, чукотский, коряк-ский и другие языки).

Точное количество русских заимствований в названиях животных указать невозможно, так как в существующих словарях тунгусо-маньчжурских языков русская заимствованная лексика, к сожалению, представлена неполно, а в некоторых словарях она отсутствует совсем.

Приведенные ниже русские заимствования почерпнуты нами в основном из диалектологических работ по тунгусо-маньчжурским языкам.[263]

1) Названия домашних животных: эвенк. *кобӣла* (М), эвен. *ӷабӣла* ~ *кэбы̄лэ* < рус. *кобыла*; эвен. *ӷо̄н'и* (Арм) 'лошадь' < рус. *конь*; эвен. *лан'чаӷ* (Арм) 'годовалый жеребенок' <рус. *лончак*; эвен. *ӷорӧ̄ва* (Арм) < рус. *корова*; эвенк. *опча* (С) 'овца', 'баран' <

---

[262] Приход первых русских на территорию Якутии относится к 20—30-м годам XVII в. Первые отряды русских казаков проникли на Амур в 40-х годах XVII в.

[263] Л. Д. Ришес. Арманский диалект эвенского языка. Канд. дисс., М.—Л., 1947 (Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра. Машинопись); К. А. Новикова. 1) Ольский говор эвенского языка. Канд. дисс. Л., 1948. (Машинопись); 2) Очерки диалектов эвенского языка (говоры западного наречия). (Машинопись, 1955 г.); А. В. Романова и А. Н. Мыреева. 1) Очерки токкинского и томмотского говоров эвенкийского языка. М.—Л., 1962; 2) Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., 1964, и др.

рус. *овца*; эвенк. *косā* (Учр) < рус. *коза*; эвенк. *сивинӡа* ~ *чивинӡа* (П-Т), *чивалӡа* (С), эвен. *сӣвӣнʹнʹа* ~ *чӣвӣнʹнʹа* ~ *hибинʹнʹэ* ~ *hибинʹэ* (Ол.) < рус. *свинья*; эвенк. *чӯскэ* (Учр), нег., ороч. *чӯсӄа* < рус. *чушка*; эвенк. *кōска* (Учр), эвен. *ӄōсӄа* (Арм), нег., орок. *кэскэ*, нан. *кэскэ* ~ *кэксэ* ~ *кʹэшикʹэ* < рус. *кошка*; ороч. *кисэ̄* 'кошка' < рус. *ки́са*.

2) Названия диких животных: эвенк. *нараган* (Тмт) 'особый вид степной лисы' < рус. обл. *нараган*; эвен. *писēс* (Арм) < рус. *песец*; эвен. *расамāӄа* (Арм) < рус. *росомаха*; эвен. *сōбал* (Арм) < рус. *соболь*; эвен. *гурната* (К-О) < рус. *горностай*; эвенк. *летāгэ* (А, С-Б, Сх, Урм, Учр), эвен. *нэтэ̄ги* (Ск) < рус. *летяга*; эвен. *вы̄дра* ~ *бы̄дра* (Ск) < рус. *выдра*; эвен. *ондāтра* < рус. *ондатра*; эвен. *крӣса* (Арм) < рус. *крыса*; эвен. *кит* (Ск) < рус. *кит*; эвен. *дӣлтӣн* (Ол), *делфиннай* (Арм) 'полярный дельфин, белуха' < рус. *дельфин*; эвен. *нʹэ̄рпа* ~ *нʹэ̄рпэ* < рус. *нерпа*; эвен. *ӡичикэ* (Арм) 'детеныш зверей' < рус. *дитятко*; эвен. *мāтка* (Арм) 'самка', 'медведица' < рус. *матка*.

2) Названия птиц: эвенк. *ботӯ* (Учр) < рус. *петух*; эвенк. *куриса* ~ *курича* ~ *куриче* ~ *куричо*, *кӯрусса* (Учр), эвен. *кӯриса* ~ *кӯрисэ* ~ *кӯриччэ* < рус. *курица*; эвенк. *палник* (Е, Н, Ткм) 'черный тетерев' < рус. сиб. *пальник*; эвен. *ирибōк* ~ *эрибōк* ~ *рибōк* ~ *рибōвку*, *рāпчик* (Арм) < рус. *рябчик*; эвен. *куропāсӄа* ~ *коропāсӄа* (Арм) < рус. *куропатка*; эвен. *вастраӽвōстӄа* (Арм) 'вид утки' < рус. местн. *востроxвостка*; эвен. *турпāн* ~ *трупāн* < рус. *турпан*; эвен. *совā* (Арм) < рус. *сова*; эвен. *сōӄол* (Арм) 'ястреб' < рус.! *сокол*; эвен. *кидрōвӄа* (Арм) < рус. *кедровка*; эвен. *кукӯсӄа* (Арм) < рус. *кукушка*; эвенк. *сесаткан* 'ли́ска' < рус. *чечётка*; эвен. *чорōӄа* (Ол.) < рус. *сорока*.

4) Названия рыб: эвенк. *кампари* (Учр, Чмк), эвен. *ӄāмбала* (Арм) < рус. *камбала*; эвен. *чир* (Алл) < рус. *чир*; эвен. *ӄāритон* (Арм) 'хариус' < рус. местн. *харитон*; эвен. *сōкур* (Алл) 'сиг' < рус. колымск. *шокур* ~ *шохур*; эвен. *счӯӄа* (Арм) < рус. *щука*; эвен. *ōмул* (Алл) < рус. *омуль*; эвен. *чавича* (Арм) < рус. *чавыча* (рыба); эвен. *чироӄ* (Арм) < рус. *чирок* (рыба).

5) Названия насекомых и пресмыкающихся: эвенк. *болōшка* (Брг, Н, П-Т, С-Б) 'блоха' < рус. *блошка*; эвен. *ӄолӣпи*, *ӄōлоп* (Арм) < рус. *клопы*, *клоп*; эвен. *мол* (Арм) < рус. *моль*; эвен. *мурāв* (Арм) < рус. *муравей*; эвен. *измēй*, *измēйа* (Арм) < рус. *змей*, *змея*; эвен. *лʹигӯсӄа* (Арм) < рус. *лягушка*.

Некоторые названия животных представляют собою русские заимствованные слова, осложненные тунгусо-маньчжурскими словообразовательными аффиксами, например: эвенк. *сайгачāн* 'сайга' < рус. *сайга* + эвенк. афф. пренебрежительности *-чāн*; эвенк. *бебевкӣ* 'овца' < рус. *бе-бе* + причастный афф. *-вкӣ*.

ПРОЧИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

В числе прочих заимствований имеются единичные санскритские, японские и палеоазиатские слова, например: ма. *ғодарға* ‘курица’ < скр.; ма. *ғабишара* ‘фазан’ (одно из названий) < скр.; ма. *гарудай* ‘феникс-самец’ < скр.; ма. *маҳораға* ‘мифические существа, живущие в горах, лесах и в преисподней’ < скр.; орок. *ивакаси* ‘щука’ (ср. яп. *иваси* — название рыбы); орок. *наукимуси* ‘клоп’ < яп. *нанкинмуси*; эвен. *мөмө* (Ск), *мӣмэчэ* (Ол, П) ~ *мӣмэчэн* (Алл) ~ *мэмэчан* (К-О), *мӣмэкэ*, *мӣмэнʲжэ* (Мом) ‘медведь’ < юк. *мэмэ* ‘медведь’ + эвен. афф. *-чэ* ~ *-чэн* ~ *-чан*, *-кэ*, *-нʲжэ*; эвен. *эвйэч* (Ол) ~ *евеч* (Бст) ~ *евӣч* (Ох) ‘чавыча’ < чук., коряк. *эвэч* ‘чавыча’, ‘сиг’ и др.

Итак, приведенная в большом количестве заимствованная лексика, относящаяся к животному миру, свидетельствует о глубоком и длительном процессе воздействия монгольской, тюркской, китайской и русской культур на предков современных тунгусо-маньчжурских народностей.

Особенно интересны и ценны наиболее ранние монгольские заимствования. Их корневые элементы нередко имеют соответствия в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, что позволяет предполагать существование общего пласта корневых слов, восходящего к очень древнему периоду — к эпохе так называемой алтайской языковой общности, от которой, кроме слов, не осталось либо еще не обнаружено других исторических свидетельств.

Л. В. ДМИТРИЕВА

НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ В ТЮРКСКИХ И ДРУГИХ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Предлагаемая работа является сводкой материала по названиям растений, наиболее распространенных на территории расселения тюркских и других алтайских народностей. Лексические данные расположены по трем группам (анатомия растений; деревья, кустарники и ягоды; злаки и травы) в порядке алфавита русских названий, как это принято в большинстве подобного рода работ. Русские названия снабжены теми латинскими их эквивалентами,[1] которые передают лишь наименование рода, к каковому упоминаемые растения относятся.

Выборка соответствующей лексики производилась по словарям современных тюркских языков, по диалектам, по некоторым ранним тюркским языковым памятникам, а также по известным нам специальным ботаническим словарям и справочникам.[2]

Лексические данные помещены в трех языковых отделах: I — тюркский, II — монгольский, III — тунгусо-маньчжурский. Материалы в каждом отделе приводятся в виде схем — перечней названий, которые сгруппированы по однокоренным словам в их основных вариантах, с указанием буквальных значений для целого ряда наименований.

В тюркском отделе древнетюркская лексика (по ДТС) и данные тюркоязычных памятников XIV и последующих веков (не вошедших в ДТС) помещаются в начале соответствующих групп названий, материал современных тюркских языков и их диалек-

---

[1] Латинские названия приводятся по наиболее известным справочникам-определителям: Деревья и кустарники СССР. Под ред. С. Я. Соколова и Б. К. Шишкина. М.—Л., 1949—1954; Флора СССР, тт. I—XXIII. М.—Л., 1934—1954; А. Л. Новиков. Определитель деревьев и кустарников в безлистном состоянии. Киев, 1959, и др.

[2] Например: Н. А. Анненков. Ботанический словарь или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. М., 1859; Н. Уразметов. Ботаника буйынса русса-башҡортса һәм башкортса-русса терминологик һүҙлек. Өфө, 1952; С. С. Сахобиддинов. Словарь местных и научных названий полезных и вредных растений Средней Азии. Ташкент, 1953; В. В. Никитин и Б. Б. Кербабаев. Туркменские народные и научные названия растений. Ашхабад, 1962; А. Д. Плетнева-Соколова, А. Н. Львова, К. С. Дмитриева. Русско-чувашский словарь названий растений. Чебоксары, 1963, и др.

тов располагается по мере фонетического удаления от лексики памятников.[3] В случае одинаковых фонетических вариантов для современных языков и диалектов названия помещаются по алфавиту использующих их языков с указанием названия диалекта и источника для каждого диалекта.

В монгольском и тунгусо-маньчжурском языковых отделах в начало выносятся перечни названий, встречающихся в бóльшем числе входящих в этот отдел языков. При этом внутри отделов сохранен принятый в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» порядок следования языков: для монгольских — письменно-монгольский, монгольский, бурятский, калмыцкий и др.; для тунгусо-маньчжурских — эвенкийский, солонский, эвенский, негидальский, орочский, удейский, ульчский, орокский, нанайский, маньчжурский, чжурчженьский.

Во всех трех языковых отделах на первые места выносятся группы незаимствованных названий. Для заимствованных названий указывается оригинальное звучание и значение только в случае их отклонения от оригинала в заимствующих их языках или если дается перечень фонетических вариантов заимствованного названия в группе заимствующих его родственных (например, тюркских) языков.

Тюркские названия в целях унификации даются в академической транскрипции, но для материалов ДТС и некоторых тюркоязычных памятников сохраняется принятое в этих изданиях написание. Монгольская лексика фиксируется с соблюдением ее орфографии (для калмыцкого языка, кроме того, приводится фонетическая транскрипция по словарю Г. Рамстедта),[4] тунгусо-маньчжурская лексика дана в фонетической транскрипции, принятой в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков».

В подборе и анализе материалов по тунгусо-маньчжурским и монгольским языкам большую помощь нам оказала профессор В. И. Цинциус, за что приносим ей искреннюю благодарность.

* * *

Как видно из работы, в каждом языковом отделе почти для всех видов растений встречается несколько названий, причем в тюркском и тунгусо-маньчжурском отделах таких названий больше, чем в монгольском. Нередко это многообразие названий для тюркских вызывается заимствованиями из языков иранских

---

[3] Принятое нами построение тюркской части работы представляется в целом более удобным для пользования и наглядным с точки зрения историко-географического распределения исследуемой лексики в тюркских языках, хотя ДТС и ряд тюркоязычных памятников не всегда дают ближайшие к праформам варианты и бывают случаи, когда современные тюркские языки и их диалекты сохраняют более старые названия и их фонетические формы.

[4] Русские заимствования в калмыцком даются в орфографии, принятой в «Русско-калмыцком словаре» (М., 1964).

(например, среди названий барбариса, бересклета, вербы и др.), арабского (алыча, апельсин, барбарис и др.), китайского (акация и др.), единично — из польского (тисс), марийского (сосна), грузинского (самшит). Немало заимствований из русского языка (брусника, бузина и др.) и через него — из ряда других языков (из французского, греческого, латинского и др.). Для монгольских языков встречаются заимствования из иранских, тибетского, русского, для тунгусо-маньчжурских — из русского и китайского (в маньчжурском языке).

Для растений, являющихся исконными или хорошо знакомыми местному населению, число названий и их разнообразие (разносторонность семантической характеристики таких растений) значительно больше, чем для малоизвестных.

В ряде случаев названия (например, для абрикоса, персика, сливы и алычи; багульника, вереска и можжевельника и др.) повторяются [5] не только в силу внешнего сходства отдельных пород растений или смешения их, но и в силу некоторой общности их свойств и т. п. Например, по-видимому, сходством строения плодов у абрикоса, персика, сливы и алычи объясняется тот факт, что детализация их наименований идет за счет дополнительного определения по цвету; ср.: др.-тюрк. *erük* 'слива', *sarïγ erük* 'абрикос' [< *sarïγ* 'желтый' + *erük* 'слива'] и т. д. Нередко учитывается поедание плодов разных растений одними и теми же животными; так, тюркская модель «медведь + калина ~ калина его» характерна для обозначения бузины (*айу баланы*) и жимолости (*айыубалан*) и т. п.[6]

В основу семантических моделей названий растений и относящихся к их анатомии положены реальные свойства этих растений и их частей — форма, цвет, вкус плодов, характер цветения, оттенки цвета листьев, ствола, их форма, прочность древесины и коры и т. д.

Среди семантических моделей есть восходящие к глаголам, что особенно характерно для старых слоев лексики (древнетюркские памятники). Имеются модели, построенные по принципу подобия, сходства с общеизвестными и не относящимися к ботанике предметами (части тела человека или животного, географические понятия, посуда и др.). Наблюдается перенесение видового наименования на родовое (ива, тополь — дерево, плод можжевельника — плод, ягода).

В работе рассматриваются наименования около 140 наиболее распространенных среди тюркоязычных народов или хорошо известных им пород растений и свыше 35 названий, относящихся

---

[5] Ср.: Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969, стр. 243.

[6] Правда, следует учитывать, что в индоевропейских языках, например в моделях типа «волчий горох», «собачий хлеб» и т. п. семантика прилагательного обычно выхолощена (Меркулова, 89).

к их анатомии и местоположению. Привлекаются для сравнения монгольские и тунгусо-маньчжурские наименования.

Отметим, что названия, относящиеся к анатомии растений и их местообитанию (лес, цветник и т. п.), для целого ряда групп языков (славянской, индоевропейской, например) определяются, как наиболее интересные, общие, а также в большинстве случаев исконные в области лексического запаса той или иной языковой группы.[7]

Общие названия для тюркского и монгольского языковых отделов обусловлены, в основном, межъязыковыми заимствованиями (например, некоторые из названий вереска, ветлы, ежевики и др.), что может быть отмечено и для монгольского и тунгусо-маньчжурского отделов (акация, брусника, бузина и др.), с одной стороны, и тюркского и тунгусо-маньчжурского отделов, с другой (багульник, боярышник, вяз и др.).

Рассматриваемые названия растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках образованы двумя путями: присоединением к глагольным и несколько реже именным основам аффиксов и способом словосочетания.[8] Подбор аффиксов в каждом конкретном случае определяется смыслом. Часто в тюркских названиях встречаются аффиксы, образующие имена со значением уменьшительности, что характерно и для славянских и латинских названий, относящихся к анатомии растений, для которых ботаническое значение является второстепенным, метафорическим, и которые обозначают более мелкие или менее важные части растений.[9] В монгольских наименованиях нередко употребляется афф. *-сун* (п.-мо. *sinesün*, монг. *шинэс(эн)*, бур. *шэнэһэ(н)* ‘лиственница’), а в тунгусо-маньчжурских — афф. *-кта* (эвенк. *ирэ̄ктэ* ‘лиственница’).

Отметим также, что в одних языках названия образуются способом словосочетания за счет присоединения к основному наименованию слов со значением «дерево» (тюрк. *аҕач*, мо. *modu(n)* ~ *мод(он)* ~ *модо(н)* ~ *mod̥n*, т.-ма. *моо*), «куст» (тюрк. *құаҕ*, *ӱлкӱ*), «цветок» (для маньчжурских наименований ряда фруктовых деревьев), в то время как в других языках названия этих же пород представлены без указанных выше слов: казах. *қайың*, тур. *kayın ağacı*, п.-мо. *xusu(n)*, монг. *хус(ан)*, калм. *хусн̥ mod̥n* ‘береза’; башк. *зелпе*, тат. *зелеп аҕачы* ‘бересклет’; башк. *кӱгән*, кумык. *бобан ӱлкӱ* ‘терн’; ма. *мэj илха* ‘дикий абрикос’ и т. п.

---

[7] Н. И. Забинкова. Некоторые вопросы современной ботанической терминологии и принципы составления латинско-русского ботанического словаря. Автореф. канд. дисс., Л., 1958, стр. 5. (Далее: Забинкова).

[8] О словообразовании рассматриваемой лексики см. мою статью: Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящиеся к анатомии растений. ПОАЯз, стр. 152—160.

[9] Забинкова, стр. 5.

* * *

В работе приняты сокращения, указанные в списке сокращений ко всему сборнику. Исключением является Бараб, что в работе означает не только язык барабинских татар (=барабинский диалект татарского языка), но и то, что материалы по этому диалекту взяты из моей работы «Язык барабинских татар. Материалы и исследования» (в печати).

НАЗВАНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К АНАТОМИИ РАСТЕНИЙ

1. Береста.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *toz*, казах. *тоз*, ног., тув. Тодж, хак. *тос*, тат. *туз*, башк. *туҙ*, узб. *тўс*, башк. Горн *туйыҙ*, як. *туос* ‘береста’, ‘кора’, ‘берестовина’ (см.: Кора; п. 4); 2) казах. *қабық* ‘береста’, ‘кора’, чув. *хуран хуппи* [< *хуран* ‘береза’ + *хуппи* ‘кора ее’], тур. *kayınağacı kabuğu* [< *kayınağacı* ‘береза — дерево ее’ + *kabuğu* ‘кора ее’] (см.: Кора, п. 3); 3) каракалп. *береста* [< рус.; ср.: рус. *берест* ‘вяз’, гот. *brešt*, др.-в.-нем. *beraht* ‘светлый’, ‘сияющий’, арм. *barti* ‘осина’, ‘тополь’] (Фасмер, I, 156).

II. мо.: п.-мо. *üisü(n)*, монг. *үйс(эн)*, бур. *үйһэ(н)*, калм. *üsn̥* ‘береста’.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *таливун ~ талӣвӯн*, сол. *тала ~ талӯ*, нег., ороч., ульч., орок. *талу*, уд. *талуҕа*, нан. *тало || ӯ*, ма. *толҳон* ‘береста’; 2) эвенк. *кӣвэ̄ ~ кивэ̄ ~ кӣвэ*, эвен. *кӣвэ ~ кӣвэ*, нан. *кӣвэ* ‘береста’; ср.: ороч. *кава(н-)*, уд. *кава*, орок. *қаӯра(н-)*, нан. *қава* ‘шалаш’; 3) эвенк. С *шинэ* ‘береста’; 4) ма. *чалфа* ‘береста’; ср.: эвенк. *чӑ̄лбӑ̄н*, эвен., нег. *чӑ̄лбан*, сол. *сӑ̄лбӑ̄* ‘береза’; 5) ма. *ф'а* ‘береста’; ср.: ульч., орок. *пӗ̄*, нан. *пӥа* ‘береза’; 6) ма. *ала ~ алан* ‘береста’; ср.: ма. *шанjан алан* ‘белая береста’, *кури алан* ‘пестрая береста’, *фунг'ан алан* ‘красная береста’; 7) эвенк. *накчан* ‘гнилая береста’.

2. Бутон.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *bıdıq* ‘бутон’, ‘соцветие’, ‘чашечка’; ср.: др.-тюрк. *boγıq ~ bıdıq ~ būq* ‘опухоль’, ‘нарыв в горле’, ‘зоб’ (см.: Сережка (соцветие), п. 1; Чашечка, п. 1); 2) тат. *чәчәк бөресе* [< *чәчәк* ‘цветок’ + *бөресе* ‘почка его’], башк. *сәскә бөрөһө*, ног. *шешекей бӱри*, чув. *чечек папки*; 3) тат. *чәчәк төймәсе* [< *чәчәк* ‘цветок’ + *төймәсе* ‘пуговица его’], башк. *сәскә төймәһе*; 4) кирг. *ботқақ*; 5) тув. *доңбурақ*; 6) кирг. *бунча ~ бынча ~ бымча* [< ир. *гунча* ‘бутон’], узб. *булбунча* [< *бул* < ир. *гол* ‘цветок’, ‘роза’ + ир. *гунча* ‘бутон’]; 7) казах., ног., хак., як. *бутон* [< рус. *бутон* < фр. *bouton* ‘почка’, ‘бутон’] (Фасмер, I, 253).

II. мо.: п.-мо. *čoturliγ*, монг. *цоморлог* ‘почка’, ‘бутон’, ‘букет’ (см.: Почка, п. 2); 2) бур. *буурсал*; 3) калм. *tsetsᵊgin börᵒ* [< *tsetsᵊgin* ‘цветка’ + *börᵒ* ‘почка’].

III. т.-ма.: 1) ма. *губсу* ‘бутон’, ‘головка цветка’; 2) эвен. *бутон* [< рус. *бутон*; см. п. 7].

3. Ветвь (прут, побег, сук).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *butaq* ~ *butïq*, Зам. *budaq*, узб. XIV в. *бутақ* ~ *будақ*, казах., карач.-балк., кирг., кумык., ног., тат. Том (Абдрахманов) *бутақ*, узб. *бутоқ*, башк., тат. *ботақ*, тат. Бараб *ботақ* ~ *бытақ*, *путақ* ~ *потақ*, тур. *budak*, аз. *будаɣ*, тув. *будуқ*, як. *бутук* ~ *мутук*, алт. Туба *быдақ* (Баскаков), тат. Том, уйг. *путақ*, алт. Туба (Баскаков), туркм. *пудақ* ‘ветвь’, ‘побег’, казах. *бутақша*, каракалп. *путақша* ‘ветвь’, ‘побег’ [< *бутақ* в том же знач. + афф. уменьш. *-ша*]; ср.: др.-тюрк. *butaq čïbïq* парн. ‘ветки’ [< *butaq* ‘ветвь’, ‘побег’ + *čïbïq* ‘прут’, ‘тонкая, гибкая ветвь’, ‘стебель’]; 2) др.-тюрк. *čïp* ~ *cïbïq*, тат. Бараб *сабақ*, чув. *сапақ* ~ *сапақа* ‘тонкая гибкая ветвь’, ‘прут’ [< *čïp* + афф. уменьш. *-ïq*]; ср.: карач.-балк. *чэб*, тув. *сып*, тур. *sap*, тат. Том (Абдрахманов), хак. *сап*, як. *уп* ‘стебель’; 3) др.-тюрк. *dal* ‘ветвь’ ~ *tal* ‘ивовый прут’, ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Ива, п. 1; Тальник, п. 1), тур. *dal*, кирг. *тал* ‘прут’, ‘ива’, ‘тальник’, алт. Туба *сала* (Баскаков), хак. *салаа* ‘ветвь’, ‘прут’; ср.: хак. *салаа* ‘палец’, п.-мо. *salaγa(n)*, *salburi*, монг. *салаа*, *салбар*, бур. *налаа*, *налбари* ‘ответвление’; 4) др.-тюрк. *bandal* ‘большой сук на дереве’; 5) др.-тюрк. *qaγal* ‘прут’ ~ *qaγïl* ‘ивовая ветвь, ивовый прут’, ‘розга’ [? < *qaq-* ‘стучать’, ‘ударять’, ‘бить’ + *-al* ~ *-ïl*]; 6) башк., тат. *тармақ*, узб. *тармоқ* ‘ветвь’, ‘отрасль’, ‘ответвление’; ср.: др.-тюрк. *tarmaq* ‘лапа’, ‘когти’, як. *тарбах* ‘палец’; 7) аз. *ɣол*, тур. *kol* ‘рука’, ‘передняя конечность животного’, ‘ветвь’; 8) каракалп. *нарт* ‘ветвь’; 9) тоф. *бур*; ср.: хак. *пӱр*, тув. *бӱрӱ* ‘лист’, ‘листва’; 10) чув. *турат* ‘ветвь’; 11) як. *лабā* ‘ветвь’, ‘сук’, ‘верхняя часть руки’; ср.: эвенк. *лава* ‘разветвленный’, п.-мо. *патаγа*, монг. *намā* ‘ветвь’; 12) аз., уйг. *шах*, кирг. *шақ*, каракалп. *шақа*, туркм. *шаха*, узб. *шох* ‘ветвь’, ‘ветка’ [< ир. *шах* ‘ветвь’, ‘отрасль’]; 13) кирг., узб. *новда* ‘молодая ветвь’, ‘побег’ [< ир. *ноу* ‘новый’, ‘молодой’, ‘юный’]; 14) як. *мутукча* ~ *мучукта* ~ *мучукча* ‘хвоя’, ‘игла хвойная’, ‘почка’, ‘листва молодая’, ‘ветвь’; ср.: т.-ма. *мучиктэ* ~ *мучуктэ* ‘хвоя лиственницы’ (см.: Хвоя, п. 10; Игла, п. 10; Почка, п. 11; Лист, п. 6).

II. мо.: 1) п.-мо. *gešigün* ~ *gešigüü*, монг. *гишγγ* ~ *гишγγн*, бур. *гэшγγ(н)* ~ *гэшγγһэ(н)* ‘ветвь’, ‘ветка’, ‘сучок’, ‘сучья’, ‘хворост’; 2) п.-мо. *möčir*, монг. *мөчир*, калм. *bütšŗ* ~ *bitšŗ* ‘ветка’, ‘сук’, ‘хворост’; ср.: п.-мо. *möče* ~ *möči*, монг., калм. *mötš*^{i} ‘конечность’, бур. *уе мγсэ* парн. анат. ‘конечности’, бур. *мγсэ* ‘член’ (тела); 3) п.-мо. *nailžaγur* ~ *nailžur*, монг. *найлзуур*, *гишγγ найлзуур* парн., бур. *найлзуур* ‘побег’, ‘молодая ветка’, ‘мелкие ветви’; 4) п.-мо. *salaγa* ‘ветвь’, ‘сук’; ‘отпрыск от дерева или растения’; ср.: монг. *салаа*, бур. *налаа* ‘развилина, разветвление’.

III. т.-ма.: 1) эвенк., сол., ульч., орок., нан. *гара* ‘сук’, ‘сухая ветка’, сол., эвен. *гар*, нег. *гаја* [< **гара*], ороч., уд. *гā* [< **гаја* < **гара*] ‘сук’, ма. *ƃарƃа ~ ƃарƃан*, чж. *hāh-rh* ‘ветка’; ср.: п.-мо. *γar*, монг., бур. *гар* ‘рука’, др.-тюрк. *qarï* ‘локтевая часть руки’, ‘локоть’; 2) эвенк. *сэктэ ~ hэктэ ~ шэктэ*, эвен. *hэγтэ ~ hэвтэ ~ сэвтэ ~ эγтэ*, нег. *сэктэ*, орок. *сокто*, ульч. *сукту*, нан. *сӯкту* ‘ветвь хвойная’, ‘подстилка’; 3) эвен. *ирэ̄т* ‘прут’, ‘дерево растущее, молодое деревцо’, ‘лиственница’, ‘тальник’, ороч. *ијэктэ* ‘прут’, ‘тальник’, уд. *јакта*, ульч., орок., нан. *урэктэ* ‘прут’ (см.: Дерево, п. 2; Лиственница, п. 2; Тальник, п. 17); 4) эвенк. *кар* ‘тонкий прут’, ‘лоза’, ‘корень черемухи’, ‘лучевая кость’; ср.: др.-тюрк. *qarï* ‘локтевая часть руки’, ‘локоть’; 5) эвен. *кэӈкър* ‘прут рябиновый’; 6) ма. *шуварг'ан ~ шуварк'ан* ‘прут’, ‘ветка’, ‘розга’; 7) ма. *ласари ~ ласири* ‘нависшие ветви’.

4. Дерево.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jïγač ~ ïγač*, Зам. *jïγač*, узб. XIV в. *аƃач*, узб. *йоƃоч*, чув. *йывăç*, кирг. *жыƃач*, тув. *ыйаш*, аз., алт., тат., туркм. *аƃач*, тур. *ağaç*, башк., хак. *аƃас*, алт. *аƃас ~ аƃыс*, алт., каракалп. *аƃаш*, тат. Бараб *аƃац ~ аƃач*, алт. Туба *аƃыч ~ анаш ~ аач* (Баскаков), гаг. *аач*; ср.: п.-мо. *аγči ~ аγči modu(n)* ‘клен’ (R. KW, 6); 2) др.-тюрк. *sögüt ~ söküt* ‘ива’, ‘дерево’ (см.: Ива, п. 2); 3) др.-тюрк. *urγa* ‘высокое дерево’; ср.: алт. *öз-* ‘расти’, калм. *urγā* ‘растущий’, ‘возрастающий’; 4) карач.-балк., кирг., кумык., ног. *терек* ‘тополь’, ‘дерево’ (см.: Тополь, п. 1); ср.: др.-тюрк. *teräk* ‘тополь’; 5) узб. XIV в. и совр. *дарахт*, уйг. *дäрäх*, кирг. *дарах ~ дарақ* ‘дерево’ [< ир. *дерехт* ‘дерево’]; 6) аз. *атаƃар* ‘дерево’; ср.: аз. *атаƃар* ‘лес’; 7) сал. *тал ~ дал* ‘дерево’; ср.: башк. *тал* ‘тальник’, алт. *тал* ‘ива’; 8) як. *мас* ‘дерево’; ср.: п.-мо. *modu(n)*, эвенк. *мō* дерево, кит. *му* ‘дерево’, ‘древесина’.

II. мо.: п.-мо. *modu(n)*, монг. *мод(он)*, бур. *модо(н)*, калм. *modn̥* ‘дерево’; ср.: эвенк. *мō*, як. *мас* ‘дерево’, кит. *му* (см. I. 8).

III. т.-ма.: 1) эвенк., сол., эвен., нег., ороч., уд., ульч., орок., нан. *мō*, ма. *моо*, чж. *мóh ~ тиh* ‘дерево’; ср.: п.-мо. *modu(n)*, як. *мас* ‘дерево’, кит. *му* (см. I. 8); 2) эвенк. *ирэ̄ктэ* ‘дерево’, ‘лиственница’, эвен. *ирэ̄т* [< **ирэ̄ктэ*] ‘дерево растущее’, ‘молодое деревцо’, ‘лиственница’, ‘прут’, ‘тальник’ (см.: Ветвь, п. 3; Лиственница, п. 2; Тальник, п. 17); 3) эвенк. *опкоро ~ эпкэрэ̄*, ороч. *оппо*, уд. *окпо* ‘дерево сухостойное’, ‘пихта’ (см.: Пихта, п. 3); 4) эвенк. *ниннун ~ ниндун ~ ниӈнун ~ нимнун ~ ӈиннун ~ нирнун ~ нирдун*, эвен. *нинқат* ‘дерево сухостойное’; 5) эвенк. *луглукэ* ‘старое дерево с большим пучком веток на стволе или сучьях’; ср.: п.-мо. *legleger*, монг., бур. *лэглэгэр* ‘косматый’, ‘громоздкий’; 6) эвенк. *hēкита* ‘дерево высокое в подлеске’; ср.: эвенк. *hēкӣ* ‘лиственница старая, толстая’, *ǣкӣтачан* ‘боярышник’.

5. Желудь.

I. тюрк.: 1) карач.-балк. *чэртлеуйик* ‘желудь’, ‘орех’ (см.: Орех, п. 5), ног. *эмен шетлевиги* ‘желудь’ [< *эмен* ‘дуб’ + *шетлевиги* ‘орех его’], тат. Ср *имән чиклəвеге* (Бурганова); 2) казах. *эмен тӱйіршіги* [< *эмен* ‘дуб’ + *тӱйіршіги* ‘шарик его’]; 3) кумык. *эмен аш* [< *эмен* ‘дуб’ + *аш* ‘еда’]; 4) тат. *əкəле*, чув. *йĕкел* ‘желудь’, ‘шишка’ (см.: Шишка, п. 5); ср.: нем. *Eichel* ‘желудь’, тат. Ср *туйыра əкəлесе* (Бурганова) ‘желудь’ [< *туйыра* ‘дуб’ + *əкəлесе* ‘шишка его’]; 5) узб. *хақалақ*; 6) уйг. *чочқа йаңиги* ‘желудь’ [< *чочқа* ‘свинья’ + *йаңиги* ‘орех ее’]; 7) тат. Бараб *мəшкə* ‘желудь’; ср.: ир. *бошке* ‘бочка’; 8) аз. *палыд ғозасы* ‘желудь’ [< *палыд* < ир. *белут* ‘дуб’ + *ғозасы* ‘шишка его’]; 9) тур. *palamut* ‘желудь’ [< гр. βαλανος ‘упавший плод’, ‘падаль’]; 10) кирг., тув., хак. *желудь*, тат. *жолудь* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *čarasu(n) samar* [< *čarasu(n)* ‘дуб’ + *samar* ‘орех’], монг. *царсны самар*, *царсны үр*, *царсны боргоцой* ‘желудь’ [< *царсны* ‘дуба’ + *үр* ‘плод’, *боргоцой* ‘шишка’]; 2) бур. *шэнгэрүүһэ(н)* ‘желудь’, ‘шишка’ (см.: Шишка, п. 2); 3) бур. *дүүбэй борбоосгой* ‘желудь’ [< *дүүбэй* ‘дуба’ < рус. *дуб* + *борбоосгой* ‘шишка’].

III. т.-ма.: 1) уд. *уһикта* [< **усикта*], ульч. *оста*, нан. *осақта* ~ *ос'ақта* ~ *осиқта* [< **усиқта*] ~ *ҳосақта* ‘желудь’, ма. *ǯанчуҳун усиҳа* [< *ǯанчуҳун* ‘сладкое’ + *усиҳа* ‘ядрышко’], *маңға моо и усиха* ‘желудь’, ‘орех’, ’каштан’ [< *маңға моо и* ‘дуба-дерева’ + *усиҳа* ‘ядрышко’]; 2) нег. *пулуку*; 3) эвенк., эвен. *желудь* [< рус.].

6. Зерно.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *ašlïq* ‘зерно’, ‘злак’, ‘хлеб’ [< *aš* ‘еда’ + афф. *-lïq*] (см.: Злак, п. 1); Зам. *ašlïq*, карач.-балк. *ашлыҡ*, ног. *аслыҡ*, казах. *астыҡ*; ср.: п.-мо. *alisu(n)* ‘мякина’, кор. *al* ‘семена’, ‘хлебные злаки’, ‘зерно’ (R. Einf. 139); 2) др.-тюрк. *tarïγ* ‘зерно’, ‘злак’, ‘просо’ [< *tarï-* ‘сеять’ + афф. *-γ*] (см.: Злак, п. 2; Просо, п. 1), тув. *тараа*, чув. *тырă*, ног. *тӱйир*; ср.: нан. *тари-* ‘сеять’, ‘сажать’; 3) др.-тюрк. *игиγ* ‘зерно’, ‘семя’, ‘косточка’, ‘род’, ‘потомство’ (см.: Семя, п. 1; Косточка, п. 1); тат. *орлыҡ*; 4) др.-тюрк. *benäk* ‘зернышко’; 5) Зам. *dana* ‘зерно’, ‘семя’ [< ир. *дане* ‘зерно’, ‘семя’]; туркм. *däne*, тур. *tane*, гаг. *тенă* ‘зерно’, казах. *дăн*, узб. *дон* ‘зерно’, ‘семя’ (см.: Семя, п. 3); аз., каракалп. *дăн* ‘зерно’; ср.: др.-тюрк. *tänä* ‘семена и плоды некоторых растений и деревьев’; 6) хак. *ӱрен* ~ *ӱрезин* ‘зерно’, ‘семя’ (см.: Семя, п. 4); ср.: п.-мо. *üre*; 7) карач.-балк., кирг. *бӱртӱк*, ног. *бӱртик*, тат. *бөртек* ‘зерно’, ‘крупинка’; 8) башк., тат. *төш* ‘зернышко’, ‘ядрышко’, ‘косточка’, ‘семя’ (см.: Косточка, п. 4; Семя, п. 6), чув. *тĕшĕ* ~ *тĕше* ~ *тĕшшĕн* ~ *тĕшши* ‘зерно’; 9) хак. *тамах* ‘зерно’; 10) хак. *тоңас* ‘зерно’; 11) тур. *hububat* ‘зерновые хлеба’, ‘зерна’, ‘злаки’ [< ар. *хубубат* ‘зерновые хлеба’, ‘зерна’, ‘злаки’] (см.: Злак,

п. 8); 12) узб. *ғалла* ‘зерно’, ‘злак’ [< ир. *геле* ‘зерно’] (см: Злак, п. 7); 13) аз., туркм. *тохум*, тур. *tohum*, узб. *тухум*, кирг. *туқум*, таг. *тӯм* ‘зерно’, ‘семя’ [< ир. *тохм* ‘семя’, ‘яйцо’] (см.: Семя, п. 8).

II. мо.: 1) п.-мо. *üre*, монг. *үр*, бур. *үрэ ~ үрэһэн* ‘плод’, ‘зерно’, ‘семя’ (см.: Плод, п. 1; Семя, п. 1); ср.: тюрк. (см. п. 6); 2) калм. *екп* ‘зерно’; 3) п.-мо. *čöme ~ čötü*, монг. *цөм* ‘косточка’, ‘ядро’, ‘зерно’ (см.: Косточка, п. 2); ср.: як. *сиэмэ* [< рус. *семя*] ‘косточка’, ‘семя’, ‘племя’, ‘потомство’; 4) бур. *орооһо(н)* ‘зерно’ [< рус. *рожь*].

III. т.-ма.: 1) нан., ульч. *усэ* ‘зерно’, ‘семя’ (см.: Семя, п. 1), ма. *усэ* ‘зерно’, ‘семя’, ‘гнида’, *усэ фаҳа* парн. ‘семена’; 2) уд. *чид'а* ‘зерно’, ‘семя’ (см.: Семя, п. 2); 3) ульч. *араҳа* ‘зерно’; ср.: нан. *араҳа* ‘отруби’, ‘крупа’; 4) ма. *фаҳа* ‘ядро’, ‘косточка’, ‘зерно’, ‘семя’ (см.: Косточка, п. 1; Семя, п. 3); 5) эвенк. *орос* ‘зерно’, ‘семя’ [< рус. *рожь*] (см.: Семя, п. 4); ср.: бур. *орооһо(н)* ‘зерно’, *ород* ‘озимая рожь’, башк. *арыш* ‘рожь’ [< рус.]; 6) эвенк. *чэмэ*, эвен. *чэйнэ ~ чēјинэ* ‘зерно’, ‘семя’ [< мо. < як. < рус. *семя*] (см.: Семя, п. 5); ср.: эвен. *чеи- ~ чеји-* [< рус. *сей*] ‘сеять’, ‘сажать’ (овощи, растения); 7) эвенк., эвен., нан. *зерно* [< рус.]; ср.: др.-прусск. *syrne* ‘зерно’, др.-инд. *jīrṇás* ‘трухлявый’, ‘растертый’, ‘старый’ (Фасмер, II, 95).

7. Злак.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *ašlïq* ‘зерно’, ‘злак’, ‘хлеб’ (см.: Зерно, п. 1), кирг. *аштық*; 2) др.-тюрк. *tarïγ* ‘злак’, ‘зерно’, ‘просо’ (см.: Зерно, п. 2; Просо, п. 1), як. *туорах*; 3) башк. *ҡыйаҡлы* (~ *башаҡлы*) ‘злак’ [< *башаҡ* ‘колос’ + афф. *-лы*], тат. *ҡыйаҡлы ~ ҡыйаҡлы ашлыҡ* [< *ҡыйаҡлы* ‘с колосом ~ колосовой’ + *ашлыҡ* ‘зерно’], узб. *бошоқли ўсимликлар* [< *бошоқли* ‘колосовой’ + *ўсимликлар* ‘растения’], чув. *пучахлă ӳсентӑрансем* ‘злак’, ног. *мысаҡлы эгин* [< *мысаҡлы* ‘колосовой’ + *эгин* ‘посев’]; 4) казах. *дәнди*; 5) тув. *чемниң үнүш*; 6) чув. *тӗштыра тавраш*; 7) туркм., узб. *ғалла* ‘злак’, ‘зерно’ [< ир. *геле* ‘зерно’] (см.: Зерно, п. 12); 8) тур. *hububat* ‘злаки’, ‘зерна’, ‘зерновые хлеба’ [< ар. *хубубат* ‘злаки’, ‘зерна’, ‘зерновые хлеба’] (см.: Зерно, п. 12; 9) аз. *тахыл*; 10) хак., як. *злактар* [< рус. *злак*].

II. мо.: 1) п.-мо. *ати tarija(n)* [< *ати* ‘злак’, ‘зерно’ + *tarija(n)* ‘хлеба’], монг. *амуу тариа*; 2) бур. *злагууд* [< рус. *злак*].

III. т.-ма.: эвенк. *злак* [< рус.].

8. Игла (шип, колючка).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *tikän ~ tikkän* ‘шип’, ‘колючка’ [< *tik-* ‘жалить’ + афф. *-kän*], Зам. *diken*, казах., туркм. *тикен*, аз., башк., узб. *тиқан*, тур. *diken*, тув. *тен* ‘колючка’, ‘шип’, ‘заноза’, тоф. *žäh'än* ‘шип’, ‘колючка’, ‘малина’, ‘роза’, ‘шиповник’ (см.: Малина, п. 14; Роза, п. 3; Шиповник, п. 5); казах., кирг. *тикенек* [< *тикен* ‘шип’, ‘колючка’ + афф. *-ек*], хак. *тигенек*, ног.

тегенек ‘колючка’, ‘шип’, ‘тернии’; 2) узб. *игнä*, аз. *ийнä*, як. *иннä*, хак. *иҙе*, казах. *ине*, тат. *инä* ‘игла’, ‘хвоя’ (см.: Хвоя, п. 1); 3) тат. *чänечке* [< *чänч-* ‘колоть’, ‘вонзить’ + афф. *-ке*], ног. *шанышқы*, башк. *сänскäк* [< *сänс-* ‘колоть’, ‘вонзить’ + афф. *-käк*] ‘колючка’, ‘шип’, ‘игла’; 4) туркм. *ʁылчық* ‘шип’, ‘колючка’ [< *ʁыл* ‘волос’ + афф. уменьш. *-чық*], казах. *қылқан* ‘игла’ [< *қыл* ‘волос’ + афф. *-қан*]; 5) хак. *хазалчых* ‘шип’, ‘колючка’; 6) ног. *шӧкир* ‘игла’; 7) хак. *пӱр* ‘игла’, ‘лист’ (см.: Лист, п. 4); 8) чув. *йеп* ‘игла’, ‘шип’, ‘колючка’, ‘хвоя’ (см.: Хвоя, п. 8); 9) як. *хатыы* ‘шип’, ‘колючка’; 10) як. *мутукча* ~ *мучукта* ~ *мучукча* ‘игла хвойная’, ‘хвоя’, ‘почка’, ‘ветвь’, ‘листва молодая’ [< эвенк. *мучиктэ* ~ *мучуктэ* ‘хвоя лиственницы’] (см.: Хвоя, п. 10; Почка, п. 11; Ветвь, п. 14; Лист, п. 6);

II. мо.: 1) п.-мо. *örgesü(n)* ~ *örgegüsü(n)* ~ *örgüsü(n)*, монг. *өргөс(өн)*, бур. *үүргэнэ*, *хадхуур үүргэнэ* парн. ‘колючка’, ‘шип’; 2) п.-мо. *silmügüsü(n)* ~ *silbegüsü(n)* ~ *silbüsü(n)* ~ *silümüsü(n)*, монг. *шилмүүс*, бур. *шэлбэһэн*, *шэлбүүһэн*, ‘игла’, ‘хвоя’ (см.: Хвоя, п. 1); ср.: ульч. *пулмэктэ*, нан. *хурмэӈкулэ* ‘шипы’, ‘колючки’, ‘иглы’ (см. п. 1.); 3) п.-мо. *čičigür*, монг. *чичүүр* ‘колючка’, ‘шип’; 4) калм. *xatxātšịg* ‘игла’, ‘колючка’, ‘шип’.

III. т.-ма.: 1) ульч. *пулмэктэ*, нан. *хурмэӈкулэ* ‘шипы’, ‘колючки’, ‘иглы’; 2) эвенк. *чиҙэ* ‘игла хвойная’, ‘волос’, ‘шерстинка’; 3) нан. *кӣмлон* ‘шип’, ‘колючка’, ‘игла (растения)’; 4) ма. *була* ‘шип’, ‘колючка (растений)’, ‘кустарник колючий’; 5) ма. *сада* ~ *сата* ‘хвоя’, ‘иглы (хвойных деревьев)’, ‘шип (растений)’ (см.: Хвоя, п. 3); 6) ма. *чаjси* ~ *чаjсэ* ‘шип’, ‘колючка (терновника)’, ‘шпилька’ [< кит. *чай цза* ‘шпилька для волос’, ‘головная булавка’].

9. Колос.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *baš* ‘колос’, ‘вершина’, ‘голова’, ‘метелка (растений)’ (см.: Метелка, п. 1), карач.-балк., кирг., кумык., тув., туркм. *баш*, башк., кумык., тат., тур., уйг. *башақ* [< *баш* + афф. *-ақ*], узб. *бошоқ*, кирг. *машақ*, казах., каракалп., ног. *масақ*, алт., тув. *мажақ*, хак. *пазах*, чув. *пучах*; 2) тат. *бäрчä* ‘колос’, ‘метелка’ (см.: Метелка, п. 4); 3) аз. *сӱнбӱл*, туркм. *сӱммӱл* ‘колос’ [< ар. *сенбеле* ‘колос’]; 4) як. *қуолос* ‘колос’, ‘метелка’ (см.: Метелка, п. 7); ср.: алб. *kall* ‘колос’, ‘соломинка’, лат. *collum*, гот. *hals* ‘шея’ (Фасмер, II, 295).

II. мо.: 1) п.-мо. *türügün*, монг. *түрүү(н)* ‘колос’, калм. *tarānā tolγā* ‘колос’ [< *tarānā* ‘хлеба’ + *tolγā* ‘голова’, ‘вершина’, ‘кусок’, ‘пачка’, ‘кочан’]; 2) бур. *хоолсо* [< рус. *колос*].

III. т.-ма: 1) нан. *лиэци* ‘колосья’; ср.: кит. *суй* ‘колос’, ‘метелка (растения)’; 2) ма. *суjхэ* ‘колос (хлебных растений)’, ‘кисть (пояса)’ [< кит. *суй* ‘колос’ + афф. *-хэ*]; 3) ороч. *чэмэсэ̄г* ‘колос’ [< *чэмэ* ‘зерно’, ‘семя’ < мо. < як. < рус. *семя* + афф. *-сэ̄г*]; 4) эвенк. *колос* [< рус.].

10. Кора.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *qas ~ qaz* ‘кора’, ‘кожура’, *qasïq ~ qasuq* ‘кожура’, ‘кора’, ‘кожа’ [< *qas* + афф. *-ïq* || *-uq*], алт. Туба *ҕааза* (Баскаков); ср.: эвенк. *накчан* ‘гнилая береста’; 2) др.-тюрк. *qadız ~ qaδız* ‘кора’, ‘корица’, тат. *ҕайры*, тат. Бараб *ҕайра*, чув. *хуйар*, як. *катырык ~ хатырык*; 3) Зам. *qab ~ qabuq* ‘кора’, ‘кожура’, чув. *хуп ~ хупа* ‘кора’, ‘кожура’, ‘лубок’, ‘скорлупа’, ‘чешуя’, карач.-балк., кумык. *ҕабуҕ*, тур. *kabuk*, башк., казах., кирг., каракалп., ног., тат., тат. Том *ҕабыҕ* (Абдрахманов), узб. *ҕобиҕ*, туркм. *ҕабыҕ*, аз. *ҕабығ*, уйг. *ҕовзаҕ*, хак. *хаҕпас* [< **хапҕас*], як. *какпас*; 4) башк. *туҙ ~ туйыҙ*, ‘береста’, ‘кора’ (см.: Береста, п. 1); ср.: др.-тюрк. *toz* ‘береста’; 5) тув. *чөвүрмее*, тат. Бараб *чоғырма*, алт. *чобра*, ‘кора’; 6) тат. Бараб *кәрмәк* ‘кора’; 7) узб. *пўст* ‘кожица’, ‘кожура’, ‘кора’, ‘шкура’ [< ир. *пуст* ‘кора’] ~ *пустлоҕ* ‘кора’, ‘лыко’, ‘луб’ [< ир. *пуст* + афф. *-лоҕ*].

II. мо.: 1) п.-мо. *xoltasu(n) ~ xoltusu(n)*, монг. *холтос(он)*, бур. *холтоһо(н)*, калм. *körsn̥* ‘древесная кора’; 2) п.-мо. *modunu xalisu(n)* ‘кора’ [< *modunu* ‘дерева’ ~ ‘древесная’ + *xalisu(n)* ‘оболочка’ ~ ‘кожица’]; ср.: монг. *хальс* ‘оболочка’, ‘кожура’, ‘кожица’, ‘скорлупа’.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *улдакса ~ олдакса ~ угдакса ~ угдакша ~ угдаһа*, нег. *огдакса* ‘кора хвойных деревьев’; 2) эвенк. *урта* [< **ураkта*], уд. *вакта ~ уакта* [< **ураkта*], ульч. *ҳорақта ~ ҳўраҳта*, орок. *ҳўрақта*, нан. *ҳорақта ~ орақта*, ма. *умриҳа ~ уриҳа* ‘кора’; ср.: ма. *умриҳа ~ уриҳа ~ уриҳа нотҳо* ‘заболонь’; 3) эвенк. *эрэктэ* ‘кора’; ср.: эвен. *эртэ* [< **эрэктэ*], нег. *эjэктэ* [< **эрэктэ*], ороч. *ӣктӣ* [< **эjэктэ* < **эрэктэ*], ульч., орок., нан. *хэрэктэ* ‘кожа’ (человека, птицы); 4) эвенк. *ивакса* Д, ороч. *ивақта* ‘кора’, ‘шуга’; 5) уд. *кокто* ‘кора бархатного дерева’, ‘поплавок’; ср.: нег. *ҕӧкто*, ульч. *ҕоқто*, орок. *ҕолчйқта* ‘поплавок’, нан. *ҕӧқтӧ* ‘пробковый дуб’, ‘поплавок’, ма. *ҳоқтан* ‘кора молодого дерева (употребляемая на оклейку лука и пр.)’, ‘поплавок’; 6) ма. *ҳасҳуран ~ ҳасуран* ‘кора’; 7) сол. *хәр* ‘кора’; 8) ма. *нотҳо* ‘кора’, ‘скорлупа’.

11. Корень.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *kök*, аз., гаг., туркм. *көк*, тур. *kök*, чув. *как*; 2) др.-тюрк. *jïldïz*, Зам. *jïldïz*, уйг. *йилтиз*, узб. *илдиз*, тоф. *сылҗыз*, як. *силис*; ср.: др.-тюрк. *kök jïldïz* парн. ‘корень’, ‘основание’; 3) др.-тюрк. *töz*, алт. *төз*, тув. *дөс*; ср.: др.-тюрк. *töz jïltïz* парн. ‘корень’, ‘основа’; 4) др.-тюрк. *tüp* ‘корень’, ‘низ’, ‘дно’, ‘основание’, ‘основа’, ‘сущность’, тат. Бараб, башк., тат. *төп* ‘дно’, ‘корень’, ‘пень’, туркм. *дүп*; ср.: др.-тюрк. *töz tüp* парн. ‘основа’, *tüp töz* парн. ‘происхождение’, ‘род’, ‘предки’ (см.: Пень, п. 2); 5) алт. Туба (Баскаков), башк., казах., карач.-балк., кирг., ног., тат., хак. *тамыр*, кумык. *тамур*, узб. *томир*, уйг. *томур*, туркм. *дамар*, чув. *тымар*; ср.: ир. *демар* ‘корень’;

6) алт. *тазыл*, тув. *дазыл*; 7) хак. *чилеге*; 8) як. *төҥүргäс* ~ *төгүргäс* ‘корень’, ‘пень’ (см.: Пень, п. 4); 9) як. *чөҥөчөк* ~ *чөгөчөк* ~ *чоҥочох* ~ *чоҕочох* ‘корень’, ‘пень’, ‘обрубок’ [< п.-мо. *tögüček* ‘обугливщийся пень’] (см.: Пень, п. 6).

II. мо.: 1) п.-мо. *ündüsü(n)*, монг. *үндэс(эн)*, бур. *үндэһэ(н)*, калм. *ündüsn̥* ‘корень’, ‘основа’, ‘основание’; 2) п.-мо. *иγ*, монг. *уг*, калм. *иŋgᵛ*.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *дαγачāн*, сол. *дагасā̄* ~ *дагсā* [< **дагачан*], нег., уд., ульч. *дā* [< **дαγа*], ороч., уд. *даһа* ‘корень’, ульч. *дāча(н-)* [< **дαγачан* ‘корень’, ‘пень’], орок. *дāта(н-)* [< **дāчан* < **дαγачан*] ‘корень’, нан. *дā̄*, *дāчā*, ма. *да* ‘корень’, ‘пень’, ‘комель’ (см.: Пень, п. 3); 2) эвенк. *тэкэ̄н*, эвен., нег. *тэкэн*, ороч. *тэкэ(н-)* ~ *тэнэ(н-)*, уд. *тэхэ(н-)*, ульч., нан. *тэхэ*, орок. *тэккэ(н-)* ‘корень’, ‘комель’; 3) эвенк., нег., ороч., уд. *ҷиҥтэ*, эвенк., эвен. *ҷӣҥтэ*, эвен., нег. *ниҥтэ* [< **ҷиҥтэ*], эвен. *ҷēнтъ*, ульч. *ҷунктэ*, ульч., орок., нан. *муиктэ*; 4) эвенк. *hопкон*, нег. *сапкӣн*; 5) эвенк. *чēji* Б; 6) эвенк. *кар* ‘корень черемухи’, ‘прут тонкий’, ‘лучевая кость’; ср.: др.-тюрк. *qarï* ‘верхняя часть руки’, як. *хара* ~ *хары* ~ *хары̄* ‘рука’, ‘предплечье’, ‘локтевая кость’, ‘лучевая кость’; 7) сол. *дэтэ*; 8) ма. *фулэхэ*, *фулэхэ да* парн. ‘корни’; 9) эвенк. *ундэһун* Нрч, К., сол. *ундусу* [< мо., см. II. 1]; 10) эвенк. *аӯуркаj* Алд ‘корень березы’ [< як. *аӯурхаі* ‘взъерошенный’]; 11) эвен. *hигэ* Алл; ср.: як. *сигä* ‘тальник’, ‘лыко’.

12. Косточка (плода).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *иγиγ* ‘зерно’, ‘семя’, ‘косточка’, ‘род’, ‘потомство’ (см.: Зерно, п. 3; Семя, п. 1); 2) казах. *сүйек*, ног., хак. *сөөк* ‘кость’, ‘косточка’, башк. *һөйәк* ‘кость’, ‘косточка’, ‘семя’ (см.: Семя, п. 5), як. *уҕуох* ‘косточка’, ‘кость’; 3) тур. *çekirdek* [< *çekirde-* ‘производить звукоподражание стуку, треску’ + афф. *-k*], аз. *чäйирдäк* ~ *чäрдäк*; 4) башк., тат. *төш* ‘семя’, ‘зернышко’, ‘косточка’ (см.: Семя, п. 6); 5) ног. *ас* ‘косточка’, ‘семечко’ (см.: Семя, п. 7); 6) кирг. *данек*, узб. *данақ* [< ир. *дане* ‘зерно’, ‘семя’ + афф. *-к*]; 7) як. *шэмэ* ‘семя’, ‘косточка’, ‘племя’, ‘потомство’ [< рус.] (см.: Семя, п. 10).

II. мо.: 1) п.-мо. *jasu(n)*, монг. *яс(ан)*, бур. *яһан* ~ *яшал*, калм. *jasn̥* ‘кость’, ‘косточка’, ‘скорлупа’; 2) п.-мо. *čötë* ~ *čötü*, монг. *цөм* ‘косточка’, ‘ядро’, ‘зерно’ (см.: Зерно, п. 3); ср.: як. *сиэмэ* [< рус. *семя* ‘семя’, ‘косточка’, ‘племя’, ‘потомство’].

III. т.-ма.: ма. *фаҳа* ‘ядро’, ‘косточка’, ‘зерно’, ‘семя’ (см.: Семя, п. 3).

13. Куст.

I. тюрк.: 1) башк. *ҡыуаҡ*, тат. *ҡуаҡ* ‘куст’, ‘кустарник’; 2) кирг. *түп*, узб. *туп*, чув. *тĕм*; ср.: др.-тюрк. *tüp* ‘корень’, ‘низ’, ‘дно’, ‘основание’, ‘основа’, ‘сущность’; 3) тат. Бараб *көтäр*, чув. Сунд *кĕтĕр* (Чуркин); ср.: осет. *kˈütær* ~ *kˈotar* ‘куст’ (Абаев, 643); 4) башк. *өлкөм*, кумык. *ӱлкӱ*; 5) казах., узб. *бута* ‘куст’, ‘кустарник’, ‘чаща’, ‘заросли’ [< мо. *бута* ‘кустарник’,

'чаща', 'заросли', калм. *буту* 'куст', 'кустарник' < др.-тюрк. **buta* < **but*] (Дёрфер, II, 329, № 779); ср.: др.-тюрк. *but* 'бедро', 'нога', 'основа', 'основание', *buta* ~ *bütä* 'много', 'обильно'; 6) аз. *ҡол* 'куст', 'кустарник'; ср.: тур. *kol*, аз. *бол* 'рука'; 7) аз. *таб* 'куст'; ср.: тюрк. *таб* 'гора'; 8) алт. *töс* 'куст'; ср.: др.-тюрк. *töz*, тув. *дöс* 'корень'; 9) тур. *çalı* 'куст', 'кустарник', 'щепки'; 10) туркм. *пессеҗик ағач* 'куст' [< *пессеҗик* 'низенькое' + *ағач* 'дерево']; 11) хак. *кизек ағазах* 'куст' [< *кизек* 'часть', 'кучка' + *ағазах* 'деревцо']; 12) як. *сэпэрээк* 'куст' [< *сэбэрээ-* 'взъерошиться' + афф. *-к*]; ср.: эвенк. *супирэ* ~ *нупирэ*, ульч. *сэпэриктэ* ~ *сэфэриктэ* 'кустарник колючий'.

II. мо.: 1) п.-мо. *buta*, монг., калм. *бут* [< др.-тюрк. **buta* < **but*; см. I. 5]; ср.: бур. *бута* 'кучка', 'почка'; 2) калм. *burγ^{n}sn* 'куст', 'верба' (см.: Верба, п. 1), бур. *һөөг*, *һөөг бургаахан* 'куст'; 3) калм. *bag* 'куст'; ср.: бур. *баг* 'связка', 'пучок', тюрк. *баб* 'связь', 'связка', 'узел'.

III. т.-ма.: 1) эвенк., нег. *сиγӣ* 'куст', 'чаща', 'заросли', ороч. *сиǯаӄа* 'куст'; ср.: п.-мо. *šiqui* < **sïgui*, монг. *šigui* 'лес', 'роща' (P. Vergl., 58); 2) эвенк. *супирэ* ~ *нупирэ*, ульч. *сэпэриктэ* ~ *сэфэриктэ* 'кустарник колючий'; ср.: як. *сэпэрээк* 'куст' (см. I. 12); 3) эвенк. *урукту* ~ *урупту* Е; ср.: эвенк. *урӯ*, *урӯкта* 'горсть', 'кучка'; 4) эвен. *тэкън* ~ *тэкэн* 'куст развесистый', 'корень' (см.: Корень, п. 2); 5) нег. *хуjумкэ*, нан. *пуjу* ~ *фэjлэ* К-У; 6) орок., ульч. *дэксу(н-)*, нан. *дэ* Бк 'куст'; ср.: орок. *дэксу(н-)* 'кустарник'; 7) нан. *поуγо*; 8) сол. *хосо* 'куст', 'кустарник'; ср.: ороч. *кочоӄто* 'кустарник сухостойный', п.-мо. *хusiγun* 'кедр'.

14. Лес.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jïγačlïq* 'лесистое место' [< *jïγač* 'дерево' + афф. *-lïq*], Зам. *jïγačlïq*, тат. Бараб, кумык., туркм. *ағачлыӄ*, тур. *agaçlık*, каракалп., ног. *ағашлыӄ* 'лес', 'роща', алт., карач.-балк. *ағач*, хак. *ағас*, казах., каракалп., ног. *ағаш* 'лес', 'дерево' (см.: Дерево, п. 1); 2) др.-тюрк. *orman*, тат. Бараб, казах., кумык., ног. *орман*, тур. *orman*, узб. *урмон*, чув. *варман* 'лес'; ср.: тох. AB *or* 'лес' (Дёрфер, II, 142, № 588); 3) др.-тюрк. *arïγ*, тоф. *арыб*, тув. *арыб* ~ *арба* 'лес'; ср.: др.-тюрк. *arïγ semäk* парн. 'лес', хак. *арыб* 'роща', 'чаща', 'заросли', як. *арыы* 'остров', 'лесная чаща', 'поле', 'луг'; 4) др.-тюрк. *bük* 'лес', 'чаща', 'заросли', Зам. *bök*; 5) др.-тюрк. *bišä* 'роща', 'лес' [< ир. *биша* 'лес', 'роща'], аз. *мешä*; ср.: гаг. *мешä*, тур. *meşe* 'дуб'; 6) гаг. *дā* 'лес', кр.-тат. *даб* 'лес', 'гора' (Дмитриев, 274); каракалп. *тоғай*, туркм., уйг. *тоӄай*, кирг. *тоӄой*, як. *тайба* ~ *тыа* 'тайга', 'лес'; ср.: тюрк. *даб* ~ *таб* 'гора'; 7) карач.-балк. *чегет*; 8) кирг. *чер* 'густой, дремучий лес', 'чаща', 'непроходимые заросли'; 9) тув. *эзим* 'лес', 'тайга'; 10) як. *тӯт* 'лес', 'лиственница', 'заболонь' (см.: Лиственница, п. 1); 11) як. *ойуур* 'густой лес', 'лесная чаща', 'дремучий лес', 'тайга'; ср.: як. *ой* 'отдаленный', 'лесок в открытом поле', монг. *ой* 'лес', 'бор', 'роща'; 12) кирг.

җаӈгел, уйг. *җанҕал*, туркм. *җеӈӈел* 'лес', 'заросли' [< ир. *дженгел* 'лес']; ср.: казах. *шеӈгел*, хак. *саӈыс* 'калина'; 13) узб. *дарахтзор* 'роща', 'лесистое место' [< ир. *дерехт* 'дерево' + афф. *-зор* < ир. афф. *-зар*].

II. мо.: п.-мо. *oi*, монг., бур. *ой* 'лес', 'роща', калм. *ȫ* 'лес'; ср.: туркм. *ōj* 'котловина' (P. Vergl., 99), ср.-мо. *hoi*, бур. *oi*, тюрк. *oj* 'долина', тунг. *hoj* 'болото', 'трясина' (R. Einf., 55).

III. т.-ма: 1) эвенк. *сиγӣ*, эвен. *hиγӣ*, орок. *сӣγи*, ульч. *сеу*; 2) эвенк. *hурэ*, нег. *хуjэ̄н*, ороч. *хуэ(н)*, ульч., орок. *пурэ(н)*, нан. *пурэ̃* 'лес', 'горная тайга'; 3) эвенк. *дӣлкэкэ̄*, эвен. *дē* 'лес', 'тайга', нег. *дӣн* 'тайга', ороч. *дихи* 'лес'; 4) эвен. *дӧмӈэ*, нан. *дуэнтэ* 'тайга', 'лес'; 5) эвен. *бургаγ* 'лиственный лес', ма. *буǯан* [< **бурган*] 'лес', 'роща на равнине'; ср.: п.-мо. *burγasu* ~ *burγasu(n)* 'ивняк', 'тальник', монг. *бургаас(ан)* 'ивняк', 'тальник', 'прут', бур. *бургааhа(н)* 'кустарник', 'прут'; 6) эвенк. *hаргӣ* 'мелкий лес'; 7) эвенк. *аγӣ* 'тайга', 'лес на равнине', 'открытое пустынное место', 'поле'; ср.: п.-мо. *аγӣ* ~ *аγии* 'просторный', 'обширный', монг. *агуу* 'великий', 'обширный', бур. *агуӈ* 'великий'; 8) эвен. *типқы* 'чаща', 'заросли', 'густой лес'; 9) сол. *сидул* 'лес'; 10) нан. *гириа* 'лес'; 11) ороч. *сōкто* 'лес'; ср.: *соктан* 'падь'; 12) нан. *биҳа̃* 'тайга'; ср.: ма. *биҕан* ~ *биҳан* 'поле', 'степь'; 13) эвенк. *тē* 'тайга' [< як. *тыа* 'лес', 'тайга']; 14) эвенк. *лэсэ̄γ* 'лес из мелких лиственниц' [< рус. *лес*]; 15) ма. *ǯаǯихи* ~ *ǯаǯури* 'густой лес', 'чаща'.

15. Лист.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *japïrγaq* ~ *japurγaq* ~ *jalbïrγaq* 'лист', 'лепесток' [< *jap-* ~ *jalp-* < **nab-* 'быть плоским' + афф. побуд. *-ïr* + афф. *-γaq* 'нечто сплющенное', 'плоское'; ср.: мо. **nap-*, т.-ма. **nap-* [< мо.] 'быть плоским' (P. Vergl., 37, 44), и.-е. **lep-*, **lop-*, **lэp-* 'быть плоским' (Меркулова, 33—34), узб. XIV в. *jaburγaq* ~ *jabraq*, алт. *йалбырақ*, кирг. *жалбырақ*, ног. *йапырақ*, уйг. *йапурмақ*, каракалп. *жапырақ*, башк., тат. Бараб, кумык., тат. Том (Абдрахманов), туркм. *йапрақ*, тур. *japrak*, узб. *йапроқ*, тат. *йафрақ*, карач.-балк. *чапрақ*, аз. *йарпаҕ*, як. *сäбирдäх*, чув. *çулça* ~ *çăвăлча*; 2) др.-тюрк. *javïšγu* 'лист', 'лепесток' [< *javïš-* 'цепляться', 'приклеиваться' + афф. *-γu*], *jap javïšγu* парн. 'листья'; 3) тат. Бараб *қавақ*, тат. Том *қаақ* (Абдрахманов); 4) тув. *бӱрӱ*, хак. *пӱр* 'лист'; ср.: тоф. *бур* 'ветвь'; 5) узб. *барҕ*, кирг. *берк* 'лист' [< ир. *берг* 'лист']; 6) як. *мутукча* ~ *мучукча* ~ *мучукта* 'хвоя', 'хвойная игла', 'почка' 'ветвь', 'молодая листва' [< эвенк. *мучуктэ* ~ *мучиктэ* 'хвоя лиственницы'] (см.: Хвоя, п. 10; Игла, п. 10; Почка, п. 11; Ветвь, п. 14).

II. мо: 1) п.-мо. *nabčin*, *nabčiš*, *namaγa* ~ *namija* ~ *nakija* 'росток травы', 'почка листа', монг. *навч(ин)*, *навч намаа* парн., *навч нахиа* парн., бур. *набша*, *набшаhан*, *намаа*, *набша намаа* парн., *намаа набша* парн.; ср.: др.-тюрк. *japïrγaq* ~ *japurγaq* ~ *jalbïrγaq* 'лист' (см.: I. 1); 2) калм. *xamtᵛγasn̥*.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *абданна ~ абдан ~ абданда ~ абдандра ~ абдарна ~ абдонно ~ авдан ~ авданда ~ авданна, авдарна ~ аудан*, эвен. *эбдэнрэ ~ эбдэндэ ~ эбдэннэ*, нег. *абдана*, ороч. *абдаса ~ абдаһа*, уд. *абдеһа*, ульч., нан. *ҳабдата*, орок. *ҳамдата*, ма. *абдаҳа* ‘лист’; 2) нан. *абаха* [< ма.], ма. *афаҳа*, чж. *’á-pûh-hāh* ‘лист’; 3) эвенк. *напчи* [< мо.] Нрч, К., сол. *натчи* [< мо.] ‘лист’.

16. Луб, лыко.

I. тюрк.: 1) чув. *хуп ~ хупӑ*, казах., каракалп., ног., тат., тув. *бабық*, туркм. *габық* ‘кора’, ‘береста’, ‘луб’, ‘лыко’ (см. Кора, п. 4; Береста, п. 2); 2) тат. *қайры* ‘кора’, ‘луб’, ‘лыко’ (см.: Кора, п. 2); 3) башк. *йўкә*, казах. *жөке* ‘луб’, ‘лыко’; 4) башк. *құрыс* ‘луб’, ‘лыко’; 5) хак. *хастырых* ‘луб’, ‘лыко’, ‘стручок’ (см.: Стручок, п. 6); 6) узб. *пўст* [< ир. *пуст* ‘кора’] ~ *пўстлоқ*, чув. *пушăт ~ пушăтлăх* ‘кора’, ‘лыко’, ‘луб’ (см.: Кора, п. 7); 7) як. *сутука* ‘луб’, ‘лыко’.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *илāкса ~ илакā ~ илāкиэ ~ илаһа ~ илдакса*, нег., ороч. *илакса*, уд. *илака ~ илаке*, ульч., нан. *инакса*, орок. *синакса*, ма. *илаҳа* ‘луб’, ‘лыко’; 2) ульч. *сирпэ*, нан. *сирпӗ* ‘луб’, ‘лыко’; 3) ма. *чикэку* ‘лыко’, ‘дрань’, ‘соломинка’, ‘травинка’, ‘кусок рогожи’.

17. Метелка (колоса).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *baš* ‘метелка (растений)’, ‘колос’, ‘голова’, ‘вершина’ (см.: Колос, п. 1); 2) казах. *сипсебас*; 3) ног. *шашақ* ‘метелка (колоса)’; ср.: тат. *чăчăк* ‘цветок’; 4) тат. *бăрчă* ‘метелка (колоса)’, ‘колос’ (см.: Колос, п. 2); 5) чув. *шерепе*, тат. *себеркăч* ‘метелка (растений)’ [< *себерке* ‘метла’, ‘веник’ + афф. *-ч*]; 6) як. *төбө*; 7) як. *куолас* ‘метелка (колоса)’, ‘колос’ [< рус. *колос*] (см.: Колос, п. 4).

II. мо.: п.-мо. *žalag-a*, монг. *залаа* ‘метелка (колоса)’, ‘кисточка’; ср.: бур. *залаа* ‘красная кисточка (на шапке)’, ‘тычинка’, ‘хохол’.

18. Орех.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jaγaq* [? < jaγ- ‘идти’, ‘падать (о дожде, снеге и пр.)’ + афф. *-aq*], Зам. *jānqāq*, Sanglax *jangaγ ~ jangaq*, уйг. *йаңақ*, узб. *йонғоқ*, казах., кирг. *жаңғақ*; 2) др.-тюрк. *quz* (ср.: ир. *гоуз*, осет. *ængūz ~ ængozæ* ‘грецкий орех’) (Абаев, 160), тур. XVII в. *kuz*, аз. *ғоз*, туркм. *хоз*, каракалп. *гöз*, кумык. *кöз*; 3) др.-тюрк. *qusïq*; 4) тур. XVII в. *fïndïk*, аз. *фындығ*, гаг. *пындық* [< ар. *фындық* сорт ореха]; 5) карач.-балк. *чэртлэйўк* [< *чэртлэ-* ‘лопаться с треском’ + афф. *-ўк*], башк. *сăтлăўек*, казах. *шаттауық*, тат. *чиклăвек*; 6) тув. *тооруқ* ‘кедровая шишка’, ‘орех’ (см.: Шишка, п. 1); 7) чув. *мăйăр ~ мырьă*; 8) тур. *ceviz* [< ир. *джоуз* ‘грецкий орех’]; 9) кирг. *орех*, як. *эриэке ~ эриэхэ* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *samur*, монг. *самар*, бур. *намар*; 2) п.-мо. *sid*, монг. *шид* [< тиб. **çid* ‘орех’]; 3) калм. *екҥ* ‘орех’, ‘шишка’ (см: Шишка, п. 3).

III. т.-ма.: 1) эвенк., эвен., уд. *н'ауга* ‘орех кедровый’, ‘шишка’, ороч. *н'ан'икта* ‘орех’, ма. *н'ан'ун* ‘орех пальмовый’ (см.: Шишка, п. 7); 2) эвен. *боӈъ̄т*, нег. *боҳото* ороч. *боӈто*, ульч., ороч. *бо̄ӈто* ‘орех’, ‘шишка’, ‘почка’ (см.: Шишка, п. 1; Почка, п. 1); 3) эвен. *то̄дэ* Арм ‘орех’, ‘шишка’ (см.: Шишка, п. 8); 4) сол. *сучӯ* ‘орех кедровый’; 5) ороч. *ӈуиӈта* ‘орех лещинный’; 6) нан. *ачйаӈта* ~ *ачаӈта* ‘орех’, ‘лещина’ (орешник); 7) нан. *исактэ*; 8) ульч. *хукту* Ш.; 9) сол. *ш'иш'икта*, нан. *сисиӈта* Бк, К-У, ма. *сӣсӣ*, *сисири* ‘орех (плод лещины)’; 10) нан. *лоҳосо* [< кит. *лохуашэн* ‘арахис’, ‘земляной орех’].

19. Пень.

I тюрк.: 1) Зам. *отча*, тур. *отса*, туркм. *омча*; 2) тат. Бараб, тат. *төп* ‘пень’, ’дно’, ‘корень’ (см.: Корень, п. 4); башк. *төп* ~ *төпсөк*, хак. *төкпес* [< **төпкес*] ‘пень’, ‘пенек’, ‘окурок’, ‘огарок’, казах., ног. *тӱбир* ‘пень’; 3) полов. XVI в. *ӄотух* ~ *көтӱх* ‘пень’, ‘палка’, аз. *көтӱк*, тур. *kütük* ‘пень’, ‘колода’, ‘бревно’ (< *küt* ‘тупой’ + афф. *-ük*]; 4) узб. *тунҕаӄ* ~ *тӯнӄа*, тат. Бараб *төӈәк*, чув. *тунӄата*, туркм. *төӈне* ‘пень’, ‘чурбан’, як. *төӈӱргәс* ~ *төгӱргәс* ‘пень’, ‘корень’ (см.: Корень, п. 8); 5) башк. *тӱҙлек*, тув. *төш* ~ *төжек* ‘пень’, ‘пенек’; ср.: др.-тюрк. *töz* ‘корень’, ‘основа’, ‘сущность’; 6) як. *чөӈөчөк* ~ *чөчөчөк* ~ *чоӈочох* ~ *чоҕочох* ‘корень’, ‘пень’, ‘обрубок’ [< п.-мо. *tögüčeg* ‘обугливщийся пень’] (см.: Корень, п. 9).

II. мо.: 1) п.-мо. *tögüčeg*, монг. *төгцөг*, бур. *тугэсэг* ~ *тугсуул* ‘пень обугливщийся’; ср.: як. *чөгөчөк* (см. п. 6), мо. *čongočok* ‘деревянная трубка’ (Калужиньский, 75); 2) монг. *хожуул*; 3) калм. *modnā jozūr* [< *modnā* ‘дерева’ + *jozūr* ‘корень’].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *мугдэкэ̄н* ~ *мугдэ̄кэ̄чэ̄н* ‘пень’, ‘комель’, сол. *мугдэхэ̄*, эвен. *муӄдъкън*, нег. *мугдихэ̄н*, ороч. *мугдэ(н-)*, уд. *мугд'а*, ульч. *мугду(н-)* ~ *мугдэ(н-)*, орок. *мӯгдэ(н)*, нан. *мугду* ~ *мугдэкэ̄* ‘пень’, ма. *мукдэхэн* ‘пень’, ‘засохшее на корню дерево’; 2) эвенк. *туӄучэк* ‘пень’ [< п.-мо. *tögüčeg* ‘обугливщийся пень’]; 3) ульч. *да̄*, *дача(н-)*, нан. *да̄̄*, *да̄ча̄̄*, ма. *да* ‘пень’, ‘корень’ (см.: Корень, п. 1); 4) ма. *чиӄтэн* ‘пень’, ‘ствол’, ‘древко’, ‘счетное число ветвей, прутьев, розог, палок’ (см.: Ствол, п. 2).

20. Плод (фрукт).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jemiš* ‘фрукт’, ‘плод’ [< *je-* ‘есть’ + афф. *-miš*], Зам., Sanglax *jemiš*, узб. XIV в. *йемиш*, аз. *йемиш*, тат. Бараб *йәмиш* ~ *йӗмиш*, кумык. *йэмиш*, узб. *йомиш*, ног. *йэмис*, башк. *йемеш*, тат. *жимеш*, казах., каракалп. *жемис*, тув. *чимис*, чув. *ҫимӗс* ‘плод’, ‘фрукт’, кирг. *жемиш* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ (см.: Ягода, п. 3); 2) др.-тюрк. *qat* ‘плод’, ‘плод можжевельника’, ‘ягода’, карач.-балк. *кэгет* (см.: Ягода, п. 1); 3) др.-тюрк. *tüš* ‘плод’, ‘фрукт’, *evin tüš* парн. ‘плод’ [< *evin* ‘зерно’ + *tüš* ‘плод’, ‘фрукт’]; 4) др.-тюрк. *tänä* семена и плоды некоторых растений и деревьев [< ир. *дане* ‘зерно’, ‘семя’]; 5) алт. *йшилек*, башк.

йелäк ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ (см.: Ягода, п. 2); 6) алт. *ӱрен* ‘плод’, ‘фрукт’; ср.: п.-мо. *üre* ‘плод’, ‘семя’, ‘зерно’; 7) кирг. *аш* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘пища’; 8) як. *отон* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ (см.: Ягода, п. 5); 9) аз. *мейвä*, тур. *meyva*, узб. *мева*, уйг. *мевä*, каракалп. *миуе* ‘плод’, ‘фрукт’, туркм. *миве* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ [< ир. *мивä* ‘плод’, ‘фрукт’] (см.: Ягода, п. 6); 10) аз. *бар* ‘плод’, ‘фрукт’ [< ир. *бар* ‘плод’]; 11) алт., хак. *плод* [< рус.]; 12) чув. *фруқт*, як. *фрукта* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *üre*, монг. *үр* ‘плод’, ‘семя’, ‘зерно’ (см.: Зерно, п. 1; Семя, п. 1); ср.: алт. *ӱрен*; 2) п.-мо. *žemis* ~ *žemiš*, монг. *жимс*, *жимсгэнэ*, бур. *жэмэс*, калм. *žem°š* ~ *žemš* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ [< др.-тюрк. *jemiš*; см. п. 1] (см.: Ягода, п. 1).

III т.-ма: 1) сол. *тувик*, ма. *тубихэ*, чж. *t'üh-wôh-hēi* ‘плод’, ‘фрукт’; ср.: эвенк. *тэвуктэ* ‘ягода’; 2) нан. *амтақа* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ (см.: Ягода, п. 2); 3) эвенк., эвен., нан. *плод* [< рус.].

21. Почка.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *bür*, кумык. *бӱр*, як. *бӱӧр*, башк. *бөрө*, тат. Бараб *пӧрä* (ср.: ир. *пӱрä* ‘зародыш’), алт. *бӧрӧк*, хак. *пӱӱрек*, туркм. *бӧврек*, каракалп. *бӱйрек* [ср.: др.-тюрк. *bür* ‘почка’, *bür-* ‘стягивать’, ‘затягивать (с образованием складок)’]; алт. *бӱрчӱк*, хак. *пӱрчӱк*, казах. *бӱршик*, тат. Бараб *порчоқ*, тат. Том *бӧрцӧг* (Абдрахманов), каракалп. *буртик* (ср.: др.-тюрк. *bür*, *bür-*; ср.: осет. *bilč*, ~ *birč* ‘побег’, ‘почка у растений’, пшавский диалект груз. *bit'li* ’мелкий плод’) (Абаев, 260); 2) аз. *тумурчуқ*, тур. *tomurcuk* ‘почка’, ‘глазок’, ‘бугорок’; ср.: тюрк. *тамыр* ‘корень’, ир. *демар* ‘корень’; 3) кирг. *бӱчӱр*, тув. *бочурҕа*; 4) карач.-балк. *чирчик*; 5) кирг. *кӱчӱк* ‘почка растения’, ‘сережка растения’, ‘щенок’; ср.: ир. *кучек* ‘малый’, ‘небольшой’, ‘малолетний’ [< общему элементу *ку*, Шредер, 383] (см.: Сережка, п. 2); 6) чув. *папақ* ‘почка’, ‘зародыш’, ‘глазок клубня’; ср.: тур. *bebek*, туркм. *бäбек* и т. п. ‘дитя’, башк. *бäбäк* ‘зародыш’, ‘зачаток’; 7) узб. *қуртақ* ‘почка’, ‘зародыш’; ср.: осет. *к'оура* ‘почка растений’ (Абаев, 651); 8) туркм. *пынтық* ‘почка’ [< ар. *фындик* сорт ореха]; 9) уйг. *бих* ‘почка’; ср.: ир. *беһ* ‘айва’; 10) карач.-балк., ног. *почқа* [< рус.]; 11) як. *мутукча* ~ *мучукта* ~ *мучукча* ‘хвоя’, ‘игла хвойная’, ‘почка’, ‘ветвь’, ‘листва молодая’ [< эвенк. *мучиктэ* ~ *мучуктэ* ‘хвоя лиственницы’] (см.: Хвоя, п. 10; Ветвь, п. 14; Лист, п. 6; Игла, п. 10).

II. мо.: 1) п.-мо. *gölüge*, монг. *гөлөг*, бур. *гулгэ(н)* ‘почка’, ‘зародыш’ ‘росток’, ‘глазок клубня’; 2) п.-мо. *čoturlig*, монг. *цоморлог* ‘почка’, ‘бутон’, ‘букет’ (см.: Бутон, п. 1); 3) п.-мо. *nakij-a(n)*, монг. *нахиа(н)* ‘росток’, ‘почка’, *навч нахиа* парн. ‘листва’; 4) калм. *bōr°* ‘почка’, ‘зародыш’, ‘глазок клубня’ [< тюрк., см. п. 1]; ср.: ир. *пӱрä* ‘зародыш’.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *бокото*, эвен. *боқът*, орок. *бōта* ‘орех’, ма. *бах'а* ‘почка’, ‘шишка’ (см.: Орех, п. 2; Шишка, п. 1);

2) эвенк. *н'ашамда* ‘почка растений’, ма. *н'аҳара ~ н'аҳари* ‘росток’, ‘почка растений’; ср.: п.-мо. *nakij-a(n)* ‘росток’, ‘почка’; 3) ульч., нан. *чимчиктэ*, орок. *чипчиктэ* [< **чимчиктэ*] ‘почка’, ‘шишка’ (см.: Ш и ш к а, п. 3); 4) эвен. *hӣрбаγ* ‘почка’; ср.: эвенк. *сир- ~ hир- ~ шир-*, эвен. *hӣр-* ‘жать’, ‘выжимать’; 5) ма. *суӄӡи* ‘почка’.

22. Р а с т е н и е.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *ï* ‘растение’, *ï ïγač* парн. ‘всякая растительность’ [< *ï + ïγač* ‘дерево’]; 2) др.-тюрк. *jörgäj* ‘вьющееся растение’ [< *jörgä-* ‘обертывать’, ‘заворачивать’, ‘наматывать’ + афф. *-j*]; ср.: *jörgänč* ‘вьюн’, ‘плющ’; 3) др.-тюрк. *japčan ~ javčan* ‘колючее растение’ [< *jap-* ‘прикладывать’, ‘приклеивать’ + афф. *-čan*]; 4) др.-тюрк. *jemšän* ‘растение, растущее в степи’; 5) др.-тюрк. *jaš*; ср.: *jaš* ‘зеленый’, ‘молодой’, ‘свежий’, ‘зелень’, *jïmïrtγa jaš* ‘свежая, сочная зелень’, *jaš juš* ‘всякая зелень’; 6) др.-тюрк. *mandar* ‘вьющееся растение’, *mandarak ~ mandarik* ‘растение’ [< скр. *mandāraka* ‘растение’]; 7) др.-тюрк. *nakapušp* ‘растение’ [< скр. *nāgapuṣpa* ‘растение’]; 8) алт. *özüm* [< *öz-* ‘расти’ + афф. *-üm*], хак. *özim* ‘растение’, чув. *üsen-taran* ‘растение’ [< *üsen* ‘растущий’ + *taran* ‘стоящий’] (Егоров, 281), ног. *ösimlik* ‘растение’ [< *ösim* ‘растение’ + афф. *-лик*], каракалп. *osimlik*, кумык., уйг. *ösümlük*, туркм. *ösümlik*, казах. *ösimdik*, кирг. *ösümdük*, узб. *ўсимлик*, башк. *үсемлек*, тат. *үсемлек*, карач.-балк. *йösümlük*, як. *үүнээйи*; 9) аз. *битки*, карач.-балк. *битим*; 10) тув. *үнүш*; 11) башк., тат. *үлән* ‘трава’, ‘растение’ (см.: Т р а в а, п. 3); 12) чув. *ӄурăӄ* ‘трава’, ‘растение’ (см.: Т р а в а, п. 8); 13) тур. *nebat* ‘растительность’, ‘растение’ [< ар. *небат* в тех же значениях]; 14) карач.-балк. *растение* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *urγumal*, монг., бур. *ургамал*, калм. *urγāml̥*.

III т.-ма.: 1) эвен. *hūžək* ‘растение’; 2) эвен. *н'өчэ* ‘растение’, ‘трава’ (см.: Т р а в а, п. 3); 3) нан. *н'ажаха* ‘растение’, ‘трава’ (см.: Т р а в а, п. 5); 4) ма. *орҳо* ‘растение’, ‘трава’, ‘сено’ (см.: Т р а в а, п. 1).

23. С е м я.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *uruγ* ‘зерно’, ‘семя’, ‘косточка’, ‘род’, ‘потомство’ (см.: З е р н о, п. 3; К о с т о ч к а; п. 1), узб. *уруғ*, кирг. *уруӄ*, казах. *урық*, ног. *урлық*, тат. *орлык*, башк. *орлоӄ*, чув. *вăрлăх ~ вăрă*; 2) др.-тюрк. *čigit* ‘хлопковое семя’, Зам. *čigit*, аз. *чийид*; 3) Зам. *dana* ‘зерно’, ‘семя’ [< ир. *дане* ‘зерно’, ‘семя’], казах, *дән*, узб. *дон* ‘семя’, ‘зерно’ (см.: З е р н о, п. 5); 4) хак. *üren ~ ürezin* ‘семя’, ‘зерно’ (см.: З е р н о, п. 6); ср.: п.-мо. *üre*; 5) башк. *höйәк* ‘кость’, ‘косточка’, ‘семя’ (см.: К о с т о ч к а, п. 2); 6) башк., тат. *төш* ‘семя’, ‘зернышко’, ‘ядрышко’, ‘косточка’; (см.: К о с т о ч к а, п. 4; З е р н о, п. 8); 7) ног. *ас* ‘косточка’, ‘семечко’ (см.: К о с т о ч к а, п. 5); 8) аз., туркм. *тохум*, тур. *tohum*, узб. *тухум*, кирг. *туӄум*, гаг. *тōм* ‘зерно’, ‘семя’ [< ир. *тохм* ‘семя’, ‘яйцо’]; (см.: З е р н о, п. 13); 9) як. *туорах* ‘семя’,

'шишка' (см.: Шишка, п. 1); 10) як. *сиэмэ* 'семя', 'косточка', 'племя', 'потомство' [< рус. *семя*] (см.: Косточка, п. 7).

II. мо.: 1) п.-мо. *üre*, монг. *үр*, бур. *үрэ* ~ *үрэһэн* 'плод', 'семя', 'зерно' (см.: Зерно, п. 1; Плод, п. 1), эвен. *hurəl* 'дети', 'сыновья', эвенк. *huril* 'дети', ма. *fursun* 'размножение', 'потомство', 'побеги растений и овощей' (P. Vergl., 111); 2) калм. *būd'ā̆n ekn̥* 'семя' [< *būd'ā̆n* 'пшеницы' + *ekn̥* 'зерно'].

III. т.-ма.: 1) нан., ульч. *усэ* 'зерно', 'семя' (см.: Зерно, п. 1), ороч. *уси* 'семя', ма. *усэ* 'зерно', 'семя', 'гнида', *усэ фаҳа* парн. 'семена'; 2) уд. *чид'а* 'семя', 'зерно' (см.: Зерно, п. 2); 3) ма. *фаҳа* 'ядро', 'косточка', 'зерно', 'семя' (см.: Косточка, п. 1; Зерно, п. 4); 4) эвенк. *орос* 'семя', 'зерно' [< рус. *рожь*]; (см.: Зерно, п. 5); ср.: бур. *ороһо(н)* 'зерно', *ороод* 'озимая рожь', башк. *арыш* 'рожь' [< рус.]; 5) эвенк. *чэмэ*, эвен. *чэйнэ* ~ *чēјинэ* 'семя', 'зерно' [< мо. < як. < рус. *семя*]; (см.: Зерно, п. 6); ср.: эвен. *чеи-* ~ *чеји-* [< рус. *сей*] 'сеять', 'сажать' (овощи, растения).

24. Сердцевина (дерева).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *uš* 'сердцевина дерева, кости'; 2) тур. *öz*, як. *ӱöс*, чув. *вăрă* 'сердцевина дерева' (ср.: др.-тюрк. *öz* ~ *öδ* 'сердцевина' (предмета), 'нутро', 'сущность', 'самость', мо. *örö* ~ *öre* 'внутренности', 'аорта', эвенк. *ur* 'желудок животного', эвен. *ur* 'желудок', 'брюхо', 'живот', мо. *örö* < пратюрк. **öre* Дёрфер, II, 146, № 595), аз. *öзäк*, казах., тув. *öзек*, кирг. *öзöк*, узб. *ўзақ*, башк. *ӱҙäк*, хак. *öзен* 'сердцевина дерева', 'стебель', 'ствол' (см.: Ствол, п. 3; Стебель, п. 3).

II. мо.: п.-мо. *γool*, монг., бур. *гол*, калм. *gol* 'сердцевина дерева', 'середина', 'центр', 'стержень', 'ось', 'основа', 'ствол' (см.: Ствол, п. 2).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *һутука* 'сердцевина дерева', 'ядро ореха', 'мозг', уд. *хутига* 'сердцевина дерева', 'сердцевина'; 2) эвенк. *һурка*, нег. *хојқāн* 'сердцевина дерева', 'мозг спинной', 'сердцевина'.

25. Сережка (соцветие).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *buquq* 'чашечка', 'соцветие', 'бутон' (см.: Бутон, п. 1; Чашечка, п. 1); 2) кирг. *кӱчӱк*, чув. *қăчқă* 'почка растения', 'сережка растения', 'щенок' (см.: Почка, п. 5); 3) ног. *салқым* 'гроздь', 'кисть', 'сережка растения' [< *салқы-* 'становиться вялым', 'отвисать' + афф. *-м*]; 4) тув. *анайхаақ* 'сережка ивы'; 5) узб. *қучала* 'аконит', 'сережка', 'соцветие'; 6) казах. *шоқ гӱл* 'соцветие', 'сережка' [< *шоқ* 'пучок' + *гӱл* < ир. *гол* 'цветок', 'роза']; 7) кирг. *чачыгӱл* 'сережка' [< *чачы* 'кисть', 'кисточка' + *гӱл* < ир. *гол* 'цветок', 'роза']; 8) тат. *сырҕа*, хак. *ызырҕа*, як. *ытарҕа* 'сережка', 'соцветие' [< рус. *серьга*].

II. мо.: п.-мо. *ača čečeg* [< *ača* 'вилы', 'разветвление', 'парный' + *čečeg* 'цветок'], монг. *ац цэцэг* 'сережка'; 2) бур. *һиихэ сэсэг* 'сережка' [< *һиихэ* 'серьги', 'сережки' + *сэсэг* 'цветок'].

26. Сок, смола древесная.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *toγrayu* ‘смола’, ‘древесный клей’, ‘камедь’; 2) др.-тюрк. *jü*, як. *уу*, тув. *чуӄ* ‘сок древесный’; 3) башк. *сайыр*, чув. *сухăр* ‘смола’, ‘сок растений’, ‘канифоль’, ‘сера (ушная)’; тур. *sakız* ‘древесный клей’, ‘смола’, *çam sakızı* ‘древесный сок’, ‘смола’ [< *çam* ‘сосна’ + *sakızı* ‘ее смола’, ‘ее древесный клей’], як. *ыас* ‘смола’; 4) хак. *хырымчых* ‘березовый сок’; 5) як. *ǯилäі* ‘сок древесный’, ‘смола древесная’ [< п.-мо. *ǯilii* ‘древесная смола’]; 6) як. *дабархаі* ~ *лабархаі* ‘древесная смола’, ‘сера’ [< п.-мо. *dabirγai*; см. II. 2]; 7) аз. *смолы*, башк. *ыҫмала*, узб. *смола* ‘смола древесная’, чув. *хысма* ‘припарок’, ‘нагар’, ‘сок дерева’ [< рус. *смола*].

II. мо.: 1) п.-мо. *sigüsü(n)*, монг. *шүүс(эн)*, бур. *шүүһэн*, калм. *šüsn* ‘древесный сок’, ‘влага’; 2) п.-мо. *dabirγai*, монг. *дабархаі* ~ *дабиркаі*, бур. *дабирхай* ‘древесная смола’; ср.: як. *дабархаі* ~ *лабархаі* (см. I. 6); 3) п.-мо. *ǯilii*, монг. *жилий*, бур. *жэлии* ‘древесная смола’; ср.: як. *ǯилäі* (см. I. 5); 4) п.-мо. *sim-e*, монг. *шим*, бур. *шэмэ* ‘древесный сок’, ‘сок’.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *дилгу* ~ *дилгукса* ‘сок древесный, березовый’, эвен. *дилгъс* ‘сок древесный’, ‘заболонь’, нег. *дилгуӄса*, ульч. *ǯēлчума*, орок. *ǯиллу*, нан. *ǯилӄо̄/ӯ* [< **ǯилӄофо(н-)*] ‘сок древесный’; 2) эвенк. *н'утэ*, эвен. *н'ут*, нег. *нутэ* ‘смола древесная’, ‘сера древесная’, ороч., уд. *н'утэ*, ульч., нан. *нӯтэ*, орок. *нӯтэ* ~ *н'утэ* ‘смола древесная’; 3) эвенк. *чӯксэ*, сол. *сӯрчэ* ‘сок древесный’, *сутчи* ‘смола’, эвен. *чус*, нег. *чӯхсэ*, ороч. *чуксэ*, уд. *чуөӈки* ‘сок древесный’, ‘сок растений’; ср.: п.-мо. *sigüsün* (см. II. 1).

27. Ствол.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *olun* ‘ствол’, ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 2); башк. *олон* ‘ствол’; 2) Зам. *boj*, кумык. *бой* ‘ствол’, ‘рост’; ср.: туркм. *бой* ‘рост’, ‘длина’, ‘образ’, ир. *пай* ‘нога’, ‘ступня’; 3) Булгат *özen* ‘ствол’, ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 3); ср.: туркм. *özen* ‘сердцевина’, ‘основа’, ‘ядро’, шор. *özän* ‘сердцевина’; 4) тув. *ун*, як. *умнас* ‘ствол’, ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 4); 5) карач.-балк. *тэнгек* ~ *тэмек* ‘ствол’; ср.: др.-тюрк. *tamaγ* ~ *tamaq* ~ *tamγaq* ‘горло’, ‘глотка’, ‘задняя часть нёба’; 6) тат. Бараб *сап* ‘ствол’; 7) ног. *турӄы* ‘ствол’; ср.: др.-тюрк. *torqu* ~ *toγru* ‘прямой’, *tuγru* ‘стержень, при помощи которого лезвие закрепляется на рукоятке’; 8) аз. *көвдä* ‘ствол’, ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 11), тур. *gövde*, тат. *кäүҫä* ‘ствол’; ср.: ир. *гоуда* ‘ров’, ‘канава’, *гоуди* ‘глубина’, ‘впадина’; 9) уйг. *тенä* ‘ствол’, узб. *тана* ~ *тäнä*, чув. *туна* ‘ствол’, ‘стебель’ [< ир. *тене* ‘тело’, ‘стан’, ‘ствол’] (см.: Стебель, п. 13); 10) аз. *саҕ* ‘ствол’; ср.: тур. *sak* ‘стебель’, ир. *сак* ‘голень’; 11) ног. *ствол* [< рус.].

II. мо.: 1) ср.-мо. *hesin*, п.-мо. *esi*, монг. *иш*, бур. *эшэ*, калм. *iš* ‘ствол’, ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 1); 2) п.-мо. *γool*, монг., бур. *гол*, калм. *gol* ‘ствол’, ‘сердцевина дерева’, ‘середина’,

'центр', 'стержень', 'ось', 'основа'; ср.: тур. *kol* 'рука', 'ветвь'; 3) бур. *модоной бэе* 'ствол' [< *модоной* 'дерева' + *бэе* 'тело', 'рост'].

III. т.-ма.: 1) эвенк., нег. *аγи(н)*, эвен. *аγ* 'ствол', 'стебель'; ср.: ма. *аф'а* 'стебель', 'соломинка' (см.: Стебель, п. 1); 2) ма. *чиктэн* 'ствол', 'пень' (см.: Пень, п. 4); 3) эвенк. *дабиркаj* Вт, Нрч 'древесная смола', 'деготь', 'сера' [< мо. *dabirγai*]; 4) эвенк; *н'уксэн* ~ *н'укшэн* 'сок березовый'; 5) ма. *шуги* ~ *шугин* ~ *шухи* 'сок', 'лак'; ср.: кит. *шу цзīн* 'дерево' + 'эссенция', 'сущность', 'семя', 'душа'; 6) эвенк. *лӣ* 'смола древесная'.

28. Стебель.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *čïbïq* 'стебель', 'прут', 'тонкая гибкая ветвь' (см.: Ветвь, п. 2.), казах., карач.-балк., кирг., ног., тат. *сабақ*, башк. *һабақ* 'стебель' (ср.: тат. Бараб *сабақ*, чув. *сапақ* ~ *сапақа* 'ветвь', 'прут'), карач.-балк. *чэб*, тув. *сып*, тур. *sap*, тат. Том (Абдрахманов), хак. *сап*, як. *уп* 'стебель' (ср.: др.-тюрк. *čïp* 'тонкая гибкая ветвь', 'прут'), аз. *саплаҗ*, 'черешок', 'черенок', 'цветоножка', 'стебелек' [< *сап* + афф. *-лаҗ*]; ср.: тат. Бараб *сап* 'ствол' (см.: Черенок, п. 1); 2) др.-тюрк. *olun* 'ствол', 'стебель' (см.: Ствол, п. 1); ср.: башк. *олон* 'ствол'; 3) Булгат *өзен* 'ствол', 'стебель' (см.: Ствол, п. 3); ср.: туркм. *өзен* 'сердцевина', 'основа', 'ядро', шор. *өзäн* 'сердцевина', кирг. *өзөк* 'сердцевина', 'нутро', 'стебель'; ср.: др.-тюрк. *öz* ~ *öд* 'сердцевина' 'сущность' 'самость' (см.: Сердцевина, п. 2), чув. *авăр* 'стебель'; ср.: др.-тюрк. *öz* ~ *öд* 'сердцевина', 'сущность', 'самость'; 4) тув. *ун*, як. *умнас* 'ствол', 'стебель' (см.: Ствол, п. 4; 5) кирг. *сöңгök* 'стебель'; ср.: др.-тюрк. *söŋük* 'кость'; 6) туркм. *балдақ* 'стебель'; ср.: туркм. *балдыр* 'голень', 'икра'; 7) чув. *хăмăл*; 8) чув. *вулă*; 9) як. *ук* 'стебель', 'черенок' (см.: Черенок, п. 5); 10) тур. *sak* 'стебель'; ср.: аз. *саҗ* 'ствол', ир. *сак* 'голень'; 11) аз. *көвдä* 'ствол', 'стебель' (см.: Ствол, п. 8), чув. *кĕпçе* 'стебель'; ср.: ир. *гоуда* 'ров', 'канава', *гоуди* 'глубина', 'впадина'; 12) кирг. *пайа*, узб. *пойа* 'стебель', 'ножка' [< ир. *пой* 'нога', 'ступня']; 13) узб. *тана* ~ *тäнä*, чув. *туна* 'ствол', 'стебель' [< ир. *тене* 'тело', 'стан', 'ствол'] (см.: Ствол, п. 9); 14) ног. *стебель* [< рус.].

II. мо.: 1) ср.-мо. *hesin*, п.-мо. *esi*, монг. *иш*, бур. *эшэ*, калм. *iš* 'ствол', 'стебель' (см.: Ствол, п. 1); 2) п.-мо. *silbu(n)*, монг. *шилбэ(н)* 'стебель', бур. *шэлбэ* 'стебель' 'черенок' (см.: Черенок, п. 2); 3) бур. *налаа* 'стебель'; ср.: як. *салаа* 'ветвь', 'прут', хак. *салаа* 'палец'.

III. т-.ма.: 1) эвенк., нег. *аγи(н)*, эвен. *аγ* 'ствол', 'стебель' (см.: Ствол, п. 1), ма. *аф'а* 'стебель', 'соломинка'; 2) эвенк. *мэргэчин* 'стебель'; 3) эвен. *э̄* 'стебель', 'росток', *э̄кэкэ̄н* 'стебелек'; 4) ма. *игэхэ* 'стебель (плода, овоща)'; 5) ма. *гисхэ* ~ *гисухэ* ~ *ǯусхэ* 'плеть-стебель (тыкв, огурцов и т. п.)'.

29. Стручок.

I. тюрк. 1) башк. *құуҙақ*, тат. *құзақ*, узб. *қўзоқ*; 2) казах. *қабық*, хак. *хабых*; 3) карач.-балк. *қын*; 4) тув. *чочақ* ‘цветок’, ‘стручок’ (см.: Цветок, п. 1); 5) туркм. *кўрек*; 6) хак. *хастырых* ‘стручок’, ‘луб’, ‘лыко’ (см.: Луб, лыко, п. 5); 7) чув. *хутаç*; 8) як. *стручок* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *xalisu(n)*, монг. *хальс(ан)* ‘оболочка’, ‘кожица’, ‘кожура’, ‘кора’, ‘скорлупа’, ‘стручок’ (см.: Кора, п. 2); 2) монг. *уут*; 3) бур. *хорхинсог*.

III. т.-ма.: 1) ма. *ҳоқо ~ ҳоҳо* ‘стручок’, ‘кисть’, ‘гроздь’ [< кит. *цзяо* < **киок*, *кок* ‘стручок’, ‘рожки’]; ср.: нан. *ҳоҳо* ‘лоза’, ‘кисть’, ‘гроздь’; 2) эвен. *стручок* [< рус.].

30. Трава.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *ot* ‘трава’, ‘зелень’, Зам. *ot*, аз., туркм., хак., як. *от*, тур. *ot*, узб. *ўт*, тув. *өт* ‘трава’; ср.: пратюрк. **ōt* < пратох. В **oti* < тох. АВ *āti* ‘трава’ < инд.-герм. **ados* ‘хлебные злаки’ (Rona-Tasch, № 21); 2) др.-тюрк. *qajačıq* ‘пахучая горная трава’ [< *qaja* ‘скала’ + афф. *-čıq*]; 3) ног. *ölen*, як. *өлөң*, узб. *ўлан* ‘трава’, башк., тат. *улан* ‘трава’, ‘растение’ (см.: Растение, п. 11); ср.: монг. *олоң* ‘густая трава’, ‘осока’; 4) тув. *сиген*, як. *сиэги*; 5) казах. *шөп*; 6) узб. *майса* ‘первая зелень’, ‘всходы’, ‘трава’; 7) тув. диал. *аҕы* ‘сочная трава’; 8) чув. *ҫурăҫ* ‘трава’, ‘растение’ (см.: Растение, п. 12).

II. мо.: 1) п.-мо. *xaγdan*, монг. *хагд*, бур. *хагдан* ‘трава прошлогодняя’, ‘ветошь’; ср.: ма. *ҳаққа* (см. III. 8); 2) п.-мо. *noγuγan*, монг. *ногоо(н)*, бур. *ногоон*, калм. *noγān* ‘трава’, ‘зелень’; 3) п.-мо. *ebesü(n)*, монг. *өвс(өн)*, калм. *öwsn̥*, бур. *үбэһэн*; 4) монг. *олоң* ‘густая трава’, ‘осока’; ср.: як. *өлөң* ‘трава’.

III. т.-ма.: 1) эвенк., орок., нан. *орокто*, эвен. *орāт*, нег. *ojокто*, ороч. *ōкто*, уд. *окто* ‘трава высохшая’, ‘сено’, ‘солома’, сол. *орōкто*, чж. *wôh-rh-huô* ‘трава’, ма. *орҳо* ‘трава’, ‘растение’, ‘сено’ (см.: Растение, п. 4); ср.: нан. *орхода*, ульч. *олхуда*, уд. *олондо* ‘женьшень’ [< ма. *орҳо*]; 2) эвенк. *чӯка*; 3) эвен. *н'ōчэ* ‘трава’, ‘растение’ (см.: Растение, п. 2); 4) нег. *ajамна*; 5) нан. *н'аӡаха* ‘трава’, ‘растение’ (см.: Растение, п. 3); 6) ма. *сурсэн орҳо* ‘трава (растущая кустами)’; 7) ма. *фухэн* ‘трава (сухая, для растопки)’; 8) ма. *ҳаққа* ‘трава (старая, сухая среди зелени)’ [< мо.; см. II. 1).

31. Усик (колоса, растения).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *qïldruq* ‘усик на колосе’, ‘ость’ [< *qïl* ‘волос’ + афф. *-druq*], казах. *құылқан* [< *құыл* ‘волос’ + афф. *-құан*], чув. *хылчаҫ* [< *хыл* ‘волос’ + афф. *-чаҫ*], хак. *хыллар* [< *хыл* ‘волос’ + афф. мн. ч. *-лар*]; 2) тат. *мыйыҗча* [< *мыйыҗ* ‘ус, усы’ + афф. *-ча*]; 3) чув. *ҫиппи*; 4) чув. *авҫи*; 5) як. *батыктар*; 6) узб. *ғажақ* ‘завиток’, ‘усик (у вьющихся растений)’, ‘локон’, ‘завиток волос’ [< ир. *кедж* ‘кривой’ ‘изогнутый’ + афф. *-аҫ*].

II. мо.: 1) п.-мо. *saχal*, монг. *сахал*, бур. *hахал* ‘усики растений’, ‘борода’, ‘усы’; ср.: др.-тюрк. *saqal* ‘борода’; 2) калм. *öwsnä saχvl* ‘усик’ [< *öwsnä* ‘травы́’ + *saχvl* ‘борода’, ‘усы’].

III. т.-ма.: ма. *соло* ‘усики’, ‘отпрыски’, ‘волокно’.

32. Хвоя.

I. тюрк.: 1) башк. *энә* ‘игла’, ‘хвоя’, аз. *ийнә йарпаҕ*, ног. *ийне йапырақ* ‘хвоя’ [< *ийнә* ‘игла’ + *йарпаҕ* ‘лист’], узб. *игнә барҕ* ‘хвоя’ [< *игнә* ‘игла’ + *барҕ* < ир. *берг* ‘лист’] (см.: Игла, шип, колючка, п. 2); 2) башк. *ылыҫ*, тат. *ылыс*, чув. *лӑс ~ лӑса* ‘хвоя’; 3) казах. *құылқан жапырақ* ‘хвоя’ [< *құылқан* ‘игла’ + *жапырақ* ‘лист’]; 4) тув. *кӱзӱрӱм* ‘хвоя опавшая’; 5) тур. *çam yaprağı* ‘хвоя’ [< *çam* ‘сосна’ + *yaprağı* ‘лист ее’]; 6) туркм. *тикен ~ тикенек* ‘шип’, ‘колючка’, ‘хвоя’ (см.: Игла, п. 1); 7) хак. *сабал* ‘хвоя’; 8) чув. *йĕп* ‘игла’, ‘шип’, ‘колючка’, ‘хвоя’ (см.: Игла, п. 8); 9). як. *көтөгө* ‘хвоя опавшая’; 10) як. *мутукча ~ мучукта ~ мучукча* ‘хвоя’, ‘игла хвойная’, ‘почка’, ‘ветвь’, ‘листва молодая’ [< эвенк. *мучиктэ ~ мучуктэ* ‘хвоя лиственницы’] (см.: Игла, п. 10; Почка, п. 11; Ветвь, п. 14; Лист, п. 6).

II. мо.: п.-мо. *silmügüsü(n) ~ silbegüsü(n) ~ silbüsü(n) ~ silütüsü(n)*, монг. *шилмүүс*, бур. *шэлбэһэн*, *шэлбүүһэн* ‘игла’, ‘хвоя’ (см.: Игла, п. 2).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *мучиктэ ~ мучуктэ*, эвен. *мӯчӣт* ‘хвоя лиственницы’; ср.: эвенк. *мучу-* ‘зеленеть (о лиственнице)’, як. *мутукча*; 2) эвенк. *декта* ‘лиственница’, ‘хвоя лиственницы’ (см.: Лиственница, п. 4), эвен. *дэ̄т ~ дэ̄тэ̄* ‘хвоя’; ср.: орок. *ǯē̄кта* ‘листья (опавшие)’; 3) ма. *сада ~ сата* ‘хвоя’, ‘иглы (хвойных деревьев)’, ‘шип (растений)’ (см.: Игла, л. 5).

33. Цветок.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *čečäk ~ čičäk* ‘цветок’, ‘метелка’ [< *čeč-* ‘рассеиваться’, ‘распространяться’ + афф. *-äk*], Зам. *čičäk*, сол. *чичӑх ~ цицӑх*, алт., кумык., тув. *чечек*, уйг. *чечäк*, тат. *чәчәк*, узб. *чечақ*, аз., тат. Бараб *чичäк*, тур. *çiçek*, казах. *шешек*, ног. *шешекей*, хак. *хахайах*, тат. *чәчкә*, башк., чув. *çеçке*; 2) др.-тюрк. *gül* ‘цветок’ [< ир. *гул* ‘цветок’, ‘роза’], казах., карач.-балк., кирг., туркм., уйг. *гӱл*, каракалп., узб. *гул*, аз., кирг. *күл*, башк., тат. *гөл*; 3) др.-тюрк. *хиа* ‘цветок’ [< кит. *хуа* ‘цветок’], *хиа čečäk* парн. ‘цветы’; 4) хак. *порчо* ‘цветок’; ср.: ир. *берче* ‘завязь’, др.-тюрк. *bür* ‘почка растения’; 5) чув. диал. *петелĕш* ‘цветок’; 6) як. *сибэкки ~ сибэтки ~ сибэрки* [< рус. *цветки*].

II. мо.: п.-мо. *čečeg*, монг. *цэцэг*, бур. *сэсэг*, калм. *tsetsəg* [< тюрк.] (Дёрфер, III, 57, № 1073).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *илаγа ~ илγа ~ илха*, сол. *илгā*, нег. *илаγа*, уд. *ила* [< **илаγа*], ульч. *сила*, *ирга* [< **илга*], орок. *силла*, нан. *силаҕта*, *илга*, ма. *илҕа ~ илҳа*, чж. *yīh-léh-háh*; 2) эвенк. *чэчэк* Нрч, К., ульч., *чичаҕо*, нан. *чачака* [< мо. < тюрк.; см. I. 1]; 3) эвенк. *гэјэкэктэ* Учр ‘цветок’; ср.: эвен. *гојо ~ гэјэ* ‘нарядный’, ‘красивый’; 4) эвенк. *чӯка* ‘цветок’, ‘трава зеленая’;

5) эвен. *н'өчэ ~ jөсэ* Арм ‘цветок’ ‘растение’ ‘зелень’, ‘всходы’; 6) нан. *кэкӯкэ*; 7) эвенк., эвен. *цветок* [< рус.], эвен. *нибэкки* [< як. < рус. *цветки*].

34. Чашечка.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *bиqиq* ‘чашечка’, ‘соцветие’, ‘бутон’ (см.: Бутон, п. 1; Сережка, п. 1); 2) башк. *ҡасаҕыч* ‘чашечка’ [< *ҡаса* ‘чашка’ < ар. *кийс* ‘мешок’, ‘сумка’, ‘кошель’ + афф. *-ҕыч*], тат. *чәчәк ҡасасе* ‘чашечка’ [< *чәчәк* ‘цветок’ + *ҡасәсе* ‘чашка его’], узб. *ҕулқоса* ‘чашечка’ [*ҕул* < ир. *гол* ‘цветок’, ‘роза’ + *ҡоса* ‘чашка’]; 3) тур. *keis* ‘чашечка цветка’ [< ар. *кийс* ‘мешок’, ‘сумка’, ‘кошель’]; 4) як. *чааскы* ‘чашечка’ [< рус. *чашка*].

II. мо.: 1) п.-мо. *čečegein γadar*, монг. *цэцгийн гадар* ‘чашечка’ [< *цэцгийн* ‘цветка’ + *гадар* ‘таз’]; 2) бур. *сэсэгэй аяга* ‘чашечка’ [< *сэсэгэй* ‘цветка’ + *аяга* ‘чашка’].

III. т.-ма эвен. *чашечка* [< рус.].

35. Черенок.

I. тюрк.: 1) аз. *сап ~ саплаҕ* ‘черенок’, ‘цветоножка’, ‘стебелек’, хак. *сап* ‘черенок’, ‘стебель’, туркм. *кичи сап* ‘черенок’ [< *кичи* ‘маленький’ + *сап* ‘стебель’], ног. *сабаҡ* ‘черенок’, ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 1); 2) казах. *кесинди*; 3) тур. *aşı* ‘черенок’, *agaç aşısı* [< *agaç* ‘дерево’ + *aşısı* ‘черенок его’], *aşı fidani* [< *aşı* ‘черенок’ + *fidani* ‘отпрыск его’, ‘росток, побег его’, ‘лоза его’], *aşı kalemi* [< *aşi* ‘черенок’ + *kalemi* ‘черенок его’ < ар. *kalem* ‘перо’, ‘черенок’]; ср.: др.-тюрк. *uš* ‘сердцевина дерева, кости’; 4) чув. *ҫулҫа аври* ‘черенок’ [< *ҫулҫа* ‘лист’ + *аври* ‘сердцевина его’]; 5) як. *ук* ‘черенок’. ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 9); 6) як. *сото* ‘черенок’, ‘голень’; 7) аз. *dästä*, туркм. *дестe* ‘черенок’ [< ир. *дест* ‘рука’]; 8) узб. *ҡаламча* ‘черенок’ [< ар. *калем* ‘перо’, ‘черенок’ + афф. *-ча*].

II. мо.: 1) ср.-мо. *hesin*, п.-мо. *esi*, монг. *иш* ‘черенок’, ‘ствол’, ‘стебель’ (см.: Ствол, п. 1; Стебель, п. 1); ср.: тур. *aşı* ‘черенок’; 2) монг. *шилбэ*, бур. *шэлбэ* ‘черенок’, ‘стебель’ (см.: Стебель, п. 2), калм. *šilwį* ‘черенок’.

36. Шишка.

I. тюрк.: 1) кирг. *тобурчаҡ*, тат. Бараб *томырчаҡ ~ томорчыҡ*, башк. *тубырсаҡ* ‘шишка’ (ср.: тюрк. *тумурчаҡ* ‘почка’; см.: Почка, п. 2); тув. *тооруҡ*, як. *туорах* ‘шишка’, ‘семя’ (см.: Семя, п. 9); кумык. *томпур* ‘шишка’; 2) алт. Туба *местрик* (Баскаков), хак. *махайах*; 3) казах. *исик*; 4) карач.-балк. *ҕаҕанаҡ ~ ҕаҕарай*; 5) чув. *хыр йӗкел* [< *хыр* ‘сосна’ + *йӗкел* ‘желудь’]; 6) алт. *чочоҕой*, тув. *чочоҕай* [? < рус. *шишка*?].

II. мо.: 1) п.-мо. *borγusuγ ~ borγučui*, монг. *боргоцог ~ боргоцой*, бур. *борбоосгой*; 2) бур. *шэнгээрһэ(н) ~ шэнгэрүүһэ(н)* ‘шишка’, ‘желудь’ (см.: Желудь, п. 2); 3) калм. *ekn̥* ‘шишка’, ‘орех’ (см.: Орех, п. 3).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *бокото*, эвен. *боҡът*, нег. *бохото*, ороч. *бōто*, ульч., орок. *боҡото*; 2) ма. *бах'а* ‘шишка‘, ‘почка’; (см.:

Почка, п. 1); 3) нег. *чимчукта*, ороч., ульч., нан. *чимчиктэ*, орок. *чипчиктэ* [<*чимчиктэ*] ‘шишка’, ‘почка’ (см.: Почка, п. 3); 4) эвенк. *чунми*; 5) эвенк. *чиндалбэк* С ‘шишка’; 6) эвенк. *чурбикан* ‘шишка лиственницы’, *чурикā* ‘шишка еловая, сосновая’; 7) эвенк. *н'ауmа* ‘шишка’, ‘орех’ (см.: Орех, п. 1); 8) эвен. *тōдэ* ‘шишка’, ‘орех’ (см.: Орех, п. 3); 9) уд. *сэутиги* [<**сэутики*], нан. *сидчихā* ~ *сэучихи* [<**сэутикин*]; 10) уд. *муктэ* ‘шишка кедровая’; 11) нан. *корэкта*; 12) ма. *ҳури* ‘шишка’, *ҳури бах'а* парн. ‘шишки’, чж. *hūh-li'a-hu-li* ‘шишка’.

37. Ягода.

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *qat* ‘ягода’, ‘плод’, ‘плод можжевельника’ (см.: Плод, п. 2), тув. *ҳат* ‘ягода’; 2) аз., туркм. *чигäлäк* ‘ягода’, ‘земляника’ (см.: Земляника, п. 1), ног. *чиглек* ‘ягода’, алт. *йшилек*, башк. *йелек* ‘плод’, ‘ягода’ (см.: Плод, п. 5), тат. Бараб *йäлäк* ~ *йĕлäк*, тат. *җилäк*, каракалп. *желäк*, карач.-балк. *джилек*, казах. *жидек*, хак. *чистек*, кумык. *авлақ*, чув. *çырла* ‘ягода’; ср.: др.-тюрк. *jigdä* ‘джида’, ‘лох’, п.-мо. *ǯigda*, эвенк. *ǯikte* ‘грудная ягода’ (P. Vergl., 89; R. Mat., 188); 3) уйг. *йемиш*, тур. *yemiş* ‘ягода’, кирг. *жемиш* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’, кирг. *жер жемиш* [<*жер* ‘земля’ + *жемиш* ‘плод’, ‘фрукт’], туркм. *ир йемиш* ‘ягода’; 4) казах. *бӱлдирген*; ср.: ног. *бӱлдирген* ~ *бӧлдирген* ‘ежевика’, узб. *булдурғун* ‘малина’; 5) як. *отон* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ (см.: Плод, п. 8); 6) туркм. *миве* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’ [<ир. *мивä* ‘плод’, ‘фрукт’], (см.: Плод, п. 9); аз. *килä-мейвä* ‘ягода’ [<ир. *килä* ‘зерно’ + ир. *мивä* ‘плод’, ‘фрукт’], узб. *резавор мева* ‘ягода’ [<ир. *резавор* ‘ягода’ + ир. *мевä* ‘плод’, ‘фрукт’].

II. мо.: 1) п.-мо. *ǯemis*, монг. *жимс*, *жимсгэнэ*, бур. *жэмэс* ‘ягода’; ср.: др.-тюрк. *jemiš* ‘плод’, ‘фрукт’, уйг. *йемиш* ‘ягода’, кирг. *жемиш* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘ягода’; 2) калм. *bōldǯɣəпə* ‘ягода’, ‘крыжовник’, ‘малина’ (см.: Крыжовник, п. 3; Малина, п. 1); ср.: казах *бӱлдирген*.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *тэвуктэ* ‘ягода’, ‘клюква’ (см.: Клюква, п. 5), эвен. *тъвтъ* ‘ягода’; ср.: нег. *тэвуктэ* ‘брусника’, ‘голубика’, ‘черника’, уд. *тэуктэ* ‘брусника’, ульч. *туиктэ* ‘брусника’, ‘черника’, нан. *чуиктэ* ‘брусника’, ‘черника’, ма. *тубихэ* ‘плод’, ‘фрукт’; 2) ульч., нан. *амтақа* ‘ягода’; ср.: эвенк., ороч., уд., ульч., нан. *амта*, эвен. *амтан*, орок. *апта* ‘вкус’; 3) эвенк. *зиктэ* ‘ягода’, ‘голубика’ (см.: Голубика, п. 1); ср.: др.-тюрк. *jigdä* ‘джида’, ‘лох’, п.-мо. *ǯigde* ‘грудная ягода’; 4) эвен. *текла* Арм ‘ягода’; ср.: эвенк. *тикили* ‘брусника’; 5) орок. *сэдуху(н-)* ‘ягода’; ср.: ульч. *сеǯуху(н)* ‘голубика’.

НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ

Названия деревьев, кустарников и ягод

1. Абрикосовое дерево, абрикос (Armeniaca Mill.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *sarïγ erük* ‘абрикос’ [<*sarïγ* ‘желтый’ + *erük* ‘слива’], Зам. *erük*, Sanglax *ärük*, Хоутс. *эрик*, аз. *ärик*,

туркм. *эрик*, каракалп. *ерик*, узб. *ўрик*, кирг., уйг. *өрүк*, тат. *өрек*, башк. *өрөк* ‘урюк’, ‘абрикос’; ср.: тур. *erük* ‘слива’, кумык. *эрик* ‘алыча’, ‘слива’; 2) тур. XVII в. и соврем. *kaysı* (ср.: венг. *kajsi*; Дёрфер, III, 570, № 1602); 3) кумык., ног. *кӱреге* ‘абрикос’, ‘сушеный абрикос’; ср. рус. *курага, курега* ‘сушеные абрикосы’ [< кумык.] (Фасмер, II, 425); 4) карач.-балк. *шаптал* [< ир. *шефталу* ‘персик’]; 5) узб. *зардоли* [< ир. *зардолу* ‘абрикос’ < *зард* ‘желтый’ + *алу* ‘слива’]; ср.: ир. *алу* ‘сладкий плод из Персии’, есть в тур., тат., тюрк. Синьцзяна (РСл, I, 378); 6) алт., тат., тур., хак., чув. *абрикос* [< рус. < фр. < ар. *ал-биркук* ‘абрикос’] (Фасмер, I, 57).

II. мо.: 1) п.-мо. *gülesün*, монг. *гүйлс(эн)*; 2) калм. *šar^{n} ör^{ö}g* ‘абрикос’, ‘персик’, ‘слива’ [< *šar^{n}* ‘желтый’ + *ör^{ö}g* ‘слива’ < тюрк.; см. I. 1] (см.: Персиковое дерево, п. 3; Слива, п. 2); 3) бур. *абрикос* [< рус.; см. п. 6].

III. т.-ма.: 1) ма. *гуйлэхэ моо* [< *гуйлэхэ* ‘абрикос’ + *моо* ‘дерево’], нан. *гуjлэхэ мони* Бк [< *гуjлэхэ* ‘абрикос’ + *мони* ‘дерево его’]; ср.: п.-мо. *güilesün*; 2) ма. *мэj илҳа* ‘дикий абрикос’ [< кит. *мэj* ‘слива’, ‘чернослив’ + *илҳа* ‘цветок’]; 3) ма. *нэндэн илҳа* ‘ранний абрикос (дикий)’; 4) эвенк., эвен., нан. *абрикос* [< рус].

2. Айва (Cydonia Mill.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *avja*; Хоутс *айва*, алт., башк., казах., карач.-балк., ног., тат., хак., чув. *айва*, аз. *нейва*, гаг. *найва*, кумык. *ҕайва*; 2) узб. XIV в. *сефержил* [< ар.]; 3) туркм. *бехи* [> ир. *бехи*]; ср.: осет. *bia* ‘айва’ (Абаев, 260), каракалп. *бии*, кирг. *бее* ‘айва’, кирг. *пийалма* ‘айва’ [< *пий* < ир. *бехи* ‘айва’ + *алма* ‘яблоко’].

II. мо.: 1) п.-мо. *γaduran modu(n)* [< *γaduran* ‘айвы’ + *modu(n)* ‘дерево’], монг. *гадирын мод* ‘айва (дерево)’; 2) бур., калм. *айва* [< рус. < тюрк.; см. I. 1].

III. т.-ма.: 1) ма. *моторо* ‘айва’; 2) ма. *моо хэӈкэ* ‘айва’ [< *моо* ‘дерево’, ‘деревянный’ + *хэӈкэ* ‘тыква’]; ср.: кит. *му гуа* ‘айва’; 3) ма. *вэмбури* ‘айва’, ‘кизил’ [< кит. *вэ̄ньбо* ‘айва’ + афф. *-ри*] (см.: Кизил, п. 2).

3. Акация (Robina L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *čavzu* ~ *čabzu* сорт акации [< кит. *цзаошу* ‘жужуб’], *avužγan* сорт акации; 2) др.-тюрк. *qaraqan* [< мо. *qaragana* ‘акация’, ‘мимоза’ [< пратюрк. **qaraqanä* ‘акация’, ‘карагана’ < *qara* ‘черный’ + афф. *-gana*~*-qana*] (Дёрфер, I, 398, № 275; P. Vergl., 119), алт. *қарағана*, тув. *хараған*; ср.: хак. *хараған* ‘терн’; 3) тур. XVII в. *сант.* ‘акация’ [< ир. *сент* ‘акация’, ‘мимоза’]; 4) тат. *борчало* (ср.: *борчақ* ‘горох’ + афф. *-лы*), чув. *пăрҫа йывăççи* [< *пăрҫа* ‘горох’ + *йывăççи* ‘дерево его’], тат. *чыпчык борчақ* [< *чыпчык* ‘воробей’ + *борчақ* ‘горох’]; 5) тат. *құзақ ағачы* [< *құзақ* ‘стручок у растений’ + *ағачы* ‘дерево его’], *құзақлык* [< *құзақ* ‘стручок у растений’ + афф. *-лык*]; 6) гаг. *салқым* ‘акация’, ‘виноград’ [< *салқы-* ‘становиться вялым’, ‘отвисать’ + афф. *-м*];

ср.: тур. *salkım* ‘виноград’, ‘кисть’, ‘гроздь’ (см.: Виноград, п. 4); 7) кирг. *алтыҕана*; ср.: монг. *алт(ан)* ‘золото’, ‘золотой’ + мо. афф. *-ҕана*, тюрк. *алтын* ‘золото’, ‘золотой’; 8) тат. *сыбызҕы құаҕы* [< *сыбызҕы* ‘свисток’, ‘дудка’ + *құаҕы* ‘куст его’]; 9) тат. *сызырҕыч*; 10) хак. *ырҕай хăстырых* [< *ырҕай* ‘шомпол’ + *хăстырых* ‘стручок’]; 11) тат. *сăрви аҕачы* [< ар. *серви* ‘кипарис’ + *аҕачы* ‘дерево его’], тат. Бараб *сăрбикей* [< ар. *серви* ‘кипарис’ + афф. *-кей*]; 12) туркм. *сӧзен*; ср.: ир. *сусен* ‘лилия’, ‘ирис’, ир. *сузен* ‘игла’; 13) башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., ног., тат., узб., уйг., хак. *ақация*, аз. *ақасийа*, кумык. *ақазия*, тур. *akasya*, узб. *ақас*, як. *акасыйа*, тат. *ақачи* ~ *ақаци* ~ *аҕачи* ~ *äкäси* [< рус. < лат. *acacia* < гр. *ἀχαχία* ‘акация’ < гр. *ἄκακος* ‘невинный’, потому что акация является символом невинности] (Фасмер, I, 65); 14) тат. *бояр аҕачи* [< бояр < рус. *боярин* + *аҕачи* ‘дерево его’]; 15) тат. *бузин құаҕы* [< *бузин* < рус. *бузина* + *құаҕы* ‘куст его’].

II. мо.: 1) п.-мо. *xovaisa*, монг. *хуайс* [< кит. *хуайцзы шу* ‘акация’]; ср.: ма. *хувајсэ моо* (см. III. 4); 2) калм. *lerē* [< тиб.?] (R. KW, 252); 3) бур. *акаци* [< рус.; см. I. 13].

III. т.-ма.: 1) нан. *ҳотолā̃*; 2) ма. *ҳоҳоҥҕо моо* [*ҳоҳоҥҕо* ‘с гроздьями’, со стручками’ + *моо* ‘дерево’]; 3) ма. *ҕоро* ~ *ҕоро моо*; 4) ма. *ҳувајсэ моо* [< *ҳувајсэ* < кит. *хуайцзы шу* ‘акация’ + *моо* ‘дерево’]; ср.: п.-мо. *xovaisa*; см. п. 1; 5) эвенк., эвен. *акация* [< рус.].

4. Алыча (слива растопыренная; Prunus divaricata Ledb.).

I. тюрк.: 1) кумык. *эрик* ‘алыча’, ‘слива’ (см.: Слива, п. 1); карач.-балк. *сары эрик* ‘алыча’ [< *сары* ‘желтый’ + *эрик* ‘слива’]; ср.: туркм. *эрик* ‘абрикос’; 2) ног. *шылма*; 3) башк. *алыча* [< ир. *алу* ‘слива’ + афф. *-ча*], тат. *äлӳчä*, аз. *алуч*, аз., туркм. *алча*, казах. *алша* ‘алыча’, кирг. *алча* ‘алыча’, ‘вишня’ (см.: Вишня, п. 4); узб. *таҕолча* ‘алыча’ [< *таҕ* ‘гора’ + *олча* ‘алыча’?]; 4) кумык. *зымых* [< ? ар.].

5. Апельсиновое дерево, апельсины (Citrus senensis).

I. тюрк.: 1) Зам. *turunǰ* [< ар. *турундж* ‘лимон’]; 2) Зам. *nārinǰ* [< ар. *наранджж* ‘кислый апельсин’]; 3) тур. *portakal* [< ит. ‘португальский’], гаг. *портақал*, аз. *портаҕал*, узб. *портахол* [< рус. *португальский* < ит.]; 4) алт., башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., тув., туркм., узб., уйг., хак. *апельсин* [< рус. < голл. *appelsien* < нж.-нем. *appelsine* ‘китайское яблоко’ < фр. *pomme de Sine* ‘китайское яблоко’, так как вывезен из Китая португальцами в 1548 г.] (Фасмер, I, 80), башк., тат. *äфлисун*, узб. *афлисун*, чув. *апельсин*.

II. мо.: 1) п.-мо. *ǯürǯi*, монг. *зүрж* ~ *жүрж* ‘апельсин’; ср.: осет. *dyrğ* ‘плод’, ‘фрукт’, ‘плоды’, фрукты’ (Абаев, 383); 2) бур., калм. *апельсин* [< рус.; см. I. 4].

III. т.-ма.: 1) ма. *ǯофоҳон, ǯофоҳори, ǯофоҳото, ǯофоҳочи, ǯанчуҳун ǯофоҳори* ‘сладкий апельсин’, *ǯушухун ǯофоҳори* ‘кислый апельсин’; 2) ма. *цэнсэ* [< кит. *чэнцза, чэ́ньцза* ‘апельсин’]; 3) эвенк., эвен. *апельсин* [< рус.].

6. Багульник (Lédum palustre L.).

I. тюрк.: 1) башк. *һаҙанаҡ* [< *һаҙ* ‘болото’ [10] + *анаҡ* ‘сорняк’ или афф. *-анаҡ* ?], тат. *сазанаҡ* ‘багульник’, тув. *шаанаҡ* ‘багульник’, ‘вереск’, ‘можжевельник’ (см.: Вереск, п. 3; Можжевельник, п. 4); 2) аз. *бозалаƃ* [< *боз* ‘серый’ + *алаƃ* ‘сорняк’]; 3) як. *суƃун абаƃата* [< *суƃун* ‘голубика’ + *абаƃата*; ср.: як. *абаƃа* ‘ольха’]; 4) чув. *ухмах йывăҫҫи* [< *ухмах* < ар. *ахмак* ‘дурак’, ‘глупый’ + *йывăҫҫи* ‘дерево его’]; 5) як. *н'алыкта*; ср.: эвенк. *н'аллиɣ* ~ *н'алликта* ‘багульник’.

II. мо.: 1) п.-мо. *terelǯi*, монг. *тэрэлж* ‘багульник’; ср.: бур. *тэрэлжэ* ‘кустарник’, ‘рододендрон’, *цагаан тэрэлж* ‘болотный багульник’ [< *цагаан* ‘белый’, ‘болотный’ + *тэрэлж* ‘багульник’]; 2) п.-мо. *serlig*, монг. *сэрлэг, сургар* (УНТКМ).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *сэӈкирэ* ‘багульник’, ‘можжевельник’ (см.: Можжевельник. п 3), эвен. *һэӈкъс*, нег. *сэӈкиjэ̄*, ороч. *сэӈки*, уд. *сэӈкиэ*, ульч. *сэӈкурэ*, орок. *сэккурэ*, нан. *сэ̄ӈкурэ* ‘багульник’; 2) эвенк. *н'аллиɣ, н'алликта*; ср.: як. (см. I, 5); 3) эвенк. *јаникта*; ср.: монг. *янагд* ‘кипрей’; 4) эвен. *арча* ‘можжевельник’, ‘багульник’ (см.: Можжевельник, п. 1); 5) нег. *аданчуjа*; 6) нег. *одомкура*.

7. Барбарис (Bérberis L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *čaxšu* растение из семейства барбарисовых: 2) кирг. *сары жыƃач* [< *сары* ‘желтый’ + *жыƃач* ‘дерево’]; 3) карач.-балк. *тӱртӱ*; 4) кирг. *бӧрӱ қарақат* [< *бӧрӱ* ‘волк’ + *қарақат* ‘смородина’]; 5) кумык. *қатынтузлуқ* [< *қатын* ‘женщина’, ‘жена’ + *тузлуқ* ‘грудь’]; 6) кирг., туркм., узб., *зирк* ‘барбарис’ [< ир. *зирк* ‘барбарис’], уйг. *зирик*, каракалп. *зырқ осимлиги* ‘барбарис’ [< *зырқ* < ир. *зирк* ‘барбарис’ + *осимлиги* ‘растение его’]; 7) аз. *зäринч* ‘барбарис’ [< ир. *зерин* ‘золотой’], узб. *зараӈ* ‘барбарис’, ‘клен’ (см.: Клен, п. 5); 8) алт., башк., казах., тат., туркм., чув. *барбарис* [< рус. < лат. *berberis* < ар.], тур. *amberbaris* [< лат. < ар.].

II мо.: 1) п.-мо. *tosiluɣ*, монг. *тошлог*; ср.: кумык. *қатынтузлуқ* ‘барбарис’; 2) монг. *шар мод*; 3) калм. *барбарис* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *мӧдуги* Нрч; 2) уд. *сӑ*; ср.: ма. *сарача* название растения (горный барбарис?); 3) ульч. *н'еликтэ* ~ *н'иликтэ* ~ *н'иэликтэ* ‘барбарис’, ‘смородина (красная)’ (см.: Смородина, п. 13); ср.: як. *н'алыкта* ‘боярышник’; 4) ма. *маjсҳа* ~ *маjсҳон* ‘барбарис (мелкий)’.

---

[10] Ср. рус. *багульник* < **багно* (юж.-рус. говоры, укр., белорус.) ‘болото’ (В. А. Меркулова. Из истории названий некоторых растений. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. III, стр. 15—17).

8. Береза (Bétula L).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *qajïŋ ~ qaδïŋ ~ qïjïŋ* [? < **qat-* ‘становиться твердым’, ‘твердеть’ + афф.-*ïn*; ср. этимологизацию собственного имени Кайы у Рашид ад-дина и у Салыр-баба: Кайы — т. е. крепкий; Мухамедова, 154], алт., казах., каракалп., кирг., тат. Том *қайың* (Абдрахманов), алт. Туба (Баскаков), тат. Бараб, башк., карач.-балк., ног., тат. *қайын*, узб. *қайин*, уйг. *қейин*, шор. *қазың*, тув. *хадың*, хак. *хазың*, як. *хатың* (ср.: ир. *ḫadang* ‘береза’ < др.-тюрк. *qaδïŋ*; калм. *χadn̥* ‘дерево (? береза)’, Дёрфер, III, 183, № 1164), чув. *хурӑн*, кумык. *қайын аҕач* ‘береза’ [< *қайын* ‘береза’ + *аҕач* ‘дерево’], тур. *kayın ağacı* [< *kayın* ‘береза’ + *ağacı* ‘дерево ее’], аз. *ҕайынаҕачы*, туркм. *ҕайың аҕажы*; аз. *аҕчаҕайын* ‘береза’ [< *аҕча* ‘беловатый’ + *ҕайын* ‘береза’]; 2) др.-тюрк. *kürt*; 3) кумык. *мақар*.

II. мо.: 1) п.-мо. *xusu(n)*, монг. *хус(ан)*, бур. *хуһа(н)*, калм. *χusn̥ modn̥* [< *χusn̥* ‘береза’ + *modn̥* ‘дерево’]; 2) п.-мо *borulǯin*, монг. *боролж(ин)* ‘береза кустарниковая’; ср.: бур. *боролжо* ‘кустарник’.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *чӑ̄лбан ~ чӑ̄лбӑ̄н*, сол. *сӑ̄лбӑ̄ ~ цӑ̄лбӑ̄*, эвен., нег., *чӑ̄лбан*, ороч. *чӑ̄ба ~ чӑ̄бба(н)*; ср.: тюрк. *čal*, мо. *čal* ‘пепельно белый’, ‘чалый’ (R. Einf., 63), уд. *чафакт‘ан* ‘березняк мелкий’, ма. *чақуран* ‘береза чернокорая (с листьями как у белой березы)’, ма. *чалфа* ‘береста (еще не высохшая, красноватая)’; 2) ульч., орок. *пӗ̄*, нан. *пиа*, ма. *ф'а моо*, ульч., орок. *пӗ̄гда*, нан. *пӣагда* ‘береза карликовая’; ср.: ма. *ф'а* ‘береста’; 3) эвенк. *кӣвӗ̄* ‘береза’, ‘береста’ (см.: Береста, п. 2); 4) эвенк. *ӧ̄ктамкура*, *ӧ̄ктан*, *ӧ̄ктар*, нег. *октахамка ~ октакамка* ‘береза полярная’; 5) эвенк. *нивӗ̄ктэ*, эвен. *ӈивэт ~ н'ивэт*, нег., орок. *н'ӣвэктэ* ‘береза карликовая’, ‘тальник’ (см.: Тальник, п. 18); 6) эвенк. *дӣвэктэ*, эвен. *дивуд* [< *дивэгдэ*], нег. *дивэгдэ* ‘береза карликовая’, ороч. *дуокта*, ульч. *дивэгдэ* (*дуоктэ*), орок. *дувэтэ*, *ǯӯвэгдэ*, нан. *дивэгдэ* ‘береза черная’; 7) эвенк. *гуран* ‘береза полярная’, ‘болото’, ‘безлесное место’; 8) ма. *тан* ‘береза черная’ [< кит. *та́нь* ‘сандаловое дерево’, ‘черная береза’]; 9) эвенк. *убгучӗ ~ увгучӑ̄* ‘береза (гнилая)’; 10) нан. *чигбора* ‘береза черная’; 11) ма. *ǯорби моо* ‘чернокорая береза’.

9. Бересклет (Evónymus L.).

I. тюрк.: 1) башк. *осқат* [< *ос* ‘острие’, ‘кончик’ + *қат* ‘ягода’]; 2) башк., тат. Ср *зелпе* (Бурганова), тат. Хвал *зелеф ~ зӧлеф* (Бурганова) [< ир. *зелф* ‘завиток волос’, ‘кудри’]; тат. Ср *зелеп аҕачы* (Бурганова) [< *зелеп* < ир. *зелф* ‘завиток волос’, ‘кудри’ + *аҕачы* ‘дерево его’]; ср.: тат. *зелпе* ‘жимолость’; 3) тат. *қабар аҕачы* [< *қабар* < ар. *габар* ‘пыль’ + *аҕачы* ‘дерево ее’]; 4) чув. *қӑпчанқӑ* [< рус. *закопченый*, *копченый*].

10. Боярышник (Crataégus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *imiti* сорт боярышника; 2) аз. *йемишан* [< *йемиш-* ‘липнуть’, ‘цепляться’ + афф. *-ан*], туркм. *йе-*

мшан, тат. Бараб *йабышқан*, карач.-балк. *жабышмақ* [< *йабыш-* ~ *жабыш-* ~ *йемиш-* ‘липнуть’, ‘цепляться’ + афф. *-қан*, *-мақ*]; 3) башк. *қоморлоқ* [< ? *қамыр* ‘тесто’ + афф. *-лоқ*], тат. *қамыр аҕачы* [< *қамыр* ‘тесто’ + *аҕачы* ‘дерево его’]; 4) тат. Чист *қатырҕан* (Бурганова) [< ? *қатыр-* ‘делать твердым’ + афф. *-ҕан*], чув. *қатăрҕас*; 5) тат. Куз *майар милäше* (Бурганова) [< *майар* + *милäше* ‘рябина его’]; 6) тат. Мам *қара қайын* (Бурганова) [< *қара* ‘черный’ + *қайын* ‘береза’]; ср.: казах. *қызыл қайын* ‘граб’, башк. *қара қайын* ‘карагач’, карач.-балк. *қара қайын* ‘черемуха’; 7) тат. Мал *бöгäн* (Бурганова; 8) чув. *ушй* ~ *уш*; 9) хак. *тоо аҕазы* [< *тоо* ‘гора’ + *аҕазы* ‘дерево ее’]; 10) казах., уйг. *долана*, кирг. *долоно*, тув. *долоана*, башк. *дунала*, тат. Шад *дулана* (Бурганова), узб. *дўлана*, тат. *дўлäнä*, тат. Том *тулана* (Абдрахманов) ‘боярышник’, як. *долоҕоно* ~ *долоҕон* ~ *долохоно* ~ *долокуна* ~ *долукуна* ~ *дöлүкүнэ* ‘боярышник’, ‘шиповник’ (см.: Шиповник, п. 20), алт. *толоныҥ аҕажы* ‘боярышник’ [< *толоныҥ* ‘боярышника’ + *аҕажы* ‘дерево его’], тат. Бараб *даулан аҕачы* [< *даулан* ‘боярышник’ + *аҕачы* ‘дерево его’]; ср.: Зам. *dolana* ‘кизил’; 11) туркм. *алыч*; ср.: аз. *алуч* ‘алыча’ [< ир. *алу* ‘слива’]; 12) як. *н'алыкта* ‘боярышник’, ‘багульник’ (см.: Багульник, п. 5); ср.: эвенк. *н'аллиҥ* ~ *н'аликта* ‘багульник’; 13) як. *байāркы* [< рус. *боярка*, *боярышник*].

II. мо.: 1) п.-мо. *dolγana* ~ *dolini* (ср.: *dola(n)* ‘семь’ + *-ана*, монг. *долоогоно*, бур. *долōгоно*, калм. *dolāno* ~ *dolanⁿ* ‘боярышник’); ср.: як. (см. I. 10), т.-ма. (см. III. 4); 2) монг. *имдий*.

III. т.-ма.: 1) эвенк., уд., нан. *заликта* К-У, нег. *зāлта*, ороч., ульч. *ǯараkта*, орок. *дāтакта*, нан. *зāрикта*; 2) эвенк. *ǣкйтачāн*; ср.; эвенк. *hēкī* ‘лиственница старая толстая’, *hēкита* ‘дерево высокое в подлеске’; 3) нан. *опоқто*; 4) эвенк. *долгино* ~ *долоγино* [< мо.]; ср.: як. (см. I. 10).

11. Брусника (Vaccinium vitis ideae L.).

I. тюрк.: 1) алт. *тийиҥҕат* [< *тийин* ‘белка’ + *ҕат* ‘ягода’], хак. *тиин хады* [< *тиин* ‘белка’ + *хады* ‘ягода ее’]; 2) карач.-балк. *қызыл шкилди* [< *қызыл* ‘красный’ + *шкилди* ‘можжевельник’], тат. Том *қызылҕат* (Абдрахманов) [< *қызыл* ‘красный’ + *ҕат* ‘ягода’; ср.: тат. *қысылҕат* ‘костяника’], як. *қысыл отон* [< *қысыл* ‘красный’ + *отон* ‘ягода’]; 3) чув. *кĕтмел* ~ *кетмĕл* [< удм. или кавказ., Егоров], башк. *қызыл көртмäлä* [< *қызыл* ‘красный’ + *көртмäлä*]; ср.: ног. *кертпе* ‘груша’ Егоров, осет. *kærdo* ~ *kærttu* ‘груша’ (Абаев, 584); 4) казах. *ит бўлдирген* [< *ит* ‘собака’ + *бўлдирген* ‘ягода’]; 5) кумык. *тавуқбалам* [< *тавуқ* ‘курица’ + *балам* ‘калина’]; 6) тат. *нарат җилäге* [< *нарат* ‘сосна’ < п.-мо. *narasu(n)* ‘сосна’ + *җилäге* ‘ягода ее’]; 7) тув. *кишқулаа* [< *киш* ‘соболь’ + *қулаа* ‘ягода’]; 8) чув. Сунд *пöттер* (Чуркин); 9) хак. *нир*; 10) як. *уулаах отон* [< *уулаах* ‘водяной’ + *отон* ‘ягода’]; 11) казах., каракалп., кирг., ног., уйг. *брусниқа* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *alirsu(n)*, монг. *алирс(ан)*, бур. *алирһа(н)*; 2) п.-мо. *anisu*, монг. *анис*.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *hӣмиктэ ~ имиктэ*, эвен. *h"ēмтъ*, *h"емтчэн ~ "ēмтъ*; 2) сол. *ʻаӈарāлди*; 3) эвен. *орāнлā* Арм; 4) ороч., уд. *гохонку*; 5) орок. *сэдухи(н)* [< *сэгдэ(н)* ʻкрасный’]; 6) эвенк. *ǯуjапчу* С; 7) эвенк. *алерсун* Вт [< мо.] (см. II, 1); 8) уд. *тэуктэ* ʻбрусника’; ульч. *туиктэ*, нан. *чуиктэ* ʻбрусника’, ʻчерника’ (см.: Черника, п. 4).

12. Бузина (Sambúcus L.).

I. тюрк.: 1) казах. *балам ~ палам* ʻбузина’, ʻкалина’ (см.: Калина, п. 1); ср.: алт. *балан* ʻкалина’, тат. Бараб *балан* ʻкалина’, ʻрябина’, тат. Том *байлан ~ пайлан* (Абдрахманов) ʻкалина’, ʻпихта’, тат. *айу баланы* [< *айу* ʻмедведь’ + *баланы* ʻкалина его’; ср.: башк. *айыубалан* ʻжимолость’], чув. *упа палане*; 2) тат. Мал *байбай аҕачы* (Бурганова) [< *байбай* иноск. ʻмедведь’ + *аҕачы* ʻдерево его’]; 3) карач.-балк. *уллӱезаӄ*; 4) ног. *эшки тал* [< *эшки* ʻкоза’ + *тал* ʻива’]; 5) тат. *ӄарҕа милäше* [< *ӄарҕа* ʻворона’ + *милäше* ʻрябина ее’], Бер *чыпчыӄ милäше* (Бурганова) [< *чыпчыӄ* ʻворобей’ + *милäше* ʻрябина его’]; 6) тат. Арч *бохар милäше* (Бурганова) [< *бохар* ʻбухарский’ + *милäше* ʻрябина ее’]; 7) тат. Темн *бӱре йилäге* (Бурганова) [< *бӱре* ʻволк’ + *йилäге* ʻягода его’]; ср.: тат. Минз *бӱре җилäге* (Бурганова) ʻкрушина’; 8) тат. Минз *эт җилäге* (Бурганова) [< *эт* ʻсобака’ + *җилäге* ʻягода ее’]; ср.: тат. Лем *эт йилäге* (Бурганова) ʻкрушина’; 9) тат. Тау *самовар аҕыртӄач* (Бурганова) [< рус. *самовар* + *аҕыртӄыч* ʻочиститель?’ < *аҕырт-* ʻбелить’, ʻчистить’ + афф. *-ӄыч*], Лем *самовар ачӄыч* (Бурганова) [< рус. *самовар* + *ачӄыч* ʻключ’]; 10) тат. Минз *ӄауҕыраӄ аҕач* (Бурганова) [< *ӄауҕыраӄ* < *ӄауҕыр-* ʻскитаться’, ʻблуждать’, ʻгоревать’, ʻодуреть’ + афф. *-ыӄ* + *аҕач* ʻдерево’]; 11) тат. Минз *шӱре аҕачы* (Бурганова) [< *шӱре* ʻшпулька’ + *аҕачы* ʻдерево ее’]; 12) тат. Перм *ӄумрыӄ* (Бурганова); 13) чув. *улпут çырли* [< *улпыт* ʻбарин’, ʻзнатный человек’ + *çырли* ʻягода его’]; 14) тур. *mürver*; 15) аз. *кäндалаш* [< ? ар. *кенд* ʻсахар’]; 16) каракалп., кирг., уйг. *бузина*, тат. Лем *пизун ~ пизäнä* (Бурганова) [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *ötükei xobula* [< *ötükei* ʻзловонный’ + *xobula* ʻкора’], монг. *өмхий ховол*; 2) мон. *гандигар* (УНТКМ); 3) бур. *бузина* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ороч. *аӈанӄӕ*, нан. *ӽāӈгоā* ʻбузина’, ульч. *хаӈгакура* ʻбузина’, ʻшиповник’ (см.: Шиповник, п. 9); ср.: орок. *ӽаӈҕаттура мōнʲи* название дерева; 2) эвенк. *заланкакта*; 3) ма. *ӽоболон*; ср.: п.-мо. *ötükei xobula* (см. II. 1); 4) эвен. *бузина* [< рус.].

13. Бук (Fagus L.).

I. тюрк.: 1) тур. XVII в. *şamşad* [< груз. *шамшад* ʻбук’]; 2) тур. *ak gürgen* [< *ak* ʻбелый’ + *gürgen* ʻграб’]; 3) аз. *фыстыҕ* [< ар. *фустук* < ир. *пеште* ʻфисташка’]; 4) карач.-балк. *чынар*,

кумык. *чинар* [< ир. *ченар* ‘бук’]; 5) алт., башк., казах., каракалп., кирг., ног., туркм., уйг., хак. *буқ* [< рус. < и.-е. < гот. или догот.] (Фасмер, II, 234), чув. *буқ йывăççи* [< *бук* + *йывăççи* ‘дерево его’].

II. мо.: 1) п.-мо. *eberlig modu(n)* [< *eberlig* ‘роговидный’ + *modu(n)* ‘дерево’], монг. *эвэрлэг мод*; 2) калм. *хаr^{n} modn̥* ‘бук’, ‘дуб’ [< *хаr^{n}* ‘черный’ + *modn̥* ‘дерево’] (см.: Дуб, п. 2); 3) бур., калм. *бук* [< рус.; см. I. 5).

III. т.-ма.: эвенк., эвен. *бук* [< рус.].

14. Верба (Salix vulgaris Salisb.).

I. тюрк.: 1) алт., казах., кирг., кумык., ног., тат. *қызыл тал* [< *қызыл* ‘красный’ + *тал* ‘ива’], каракалп. *қзыл тал*, уйг. *кизил тал*, карач.-балк. *суу тал* [< *суу* < ир. *сурх* ‘красный’ + *тал* ‘ива’], чув. *хĕрлĕ хăвă* [< *хĕрлĕ* ‘красный’ + *хăвă* ‘ива’], як. *ӳрӳҥ талах* [< *ӳрӳҥ* ‘белый’ + *талах* ‘ива’]; 2) башк., тат. *тал* ‘верба’, ‘ива’ (см.: Ива, п. 1), хак. *тал пазы* [< *тал* ‘ива’ + *пазы* ‘вершина ее’]; 3) тур. *sögüt*, туркм. *сӧвӱт* ‘верба’, ‘ива’ (см.: Ива, п. 2); 4) узб. *самбит* ‘верба’, *самбиттол* ‘верба’ [< *самбит* ‘верба’ + *тол* ‘ива’]; 5) як. *ширэ ӳӧт* [< *ширэ* ‘тальник’ + *ӳӧт* ‘тальник’]; 6) аз. *бӓдмӱшк* [< ир. *бед* ‘плохой’ + *мӱшк* < ир. *мешк* ‘мускус’]; 7) чув. *верба* [< рус.].

II. мо.: 1) калм. *burγ^{n}sn̥* ‘верба’, ‘куст’ (см.: Куст, п. 2), бур. *хони(н) бургаана(н)* ‘верба’ [< *хони(н)* ‘овцы’ + *бургаана(н)* ‘ива’]; ср.: монг. *хонин бургаас* ‘ива сизая’ [< *хонин* ‘овцы’ + *бургас* ‘ива’], п.-мо. *burγasu(n)*, монг. *бургаас(ан)* ‘ива’, ‘тальник’; 2) бур. *үшөөһэ(н)*, *үшөөһэ(н) модон* ‘верба’, ‘ветла’, ‘ива’, ‘тальник’ [< *үшөөһэ(н)* ‘верба’, ‘ива’, тальник’ + *модон* ‘дерево’] (см.: Ветла, п. 2; Ива, п. 3; Тальник, п. 3).

III. т.-ма.: 1) эвенк., нег. *сӗкта*, эвен. *hӕ̄т* ‘верба’, ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Ива, п. 1; Тальник, п. 1); 2) эвен. *н'эγн'э*, *н'эγн'эмкэр* ‘верба’, ‘ветла’ (см.: Ветла, п. 1); 3) эвенк. *боломкура* ‘верба’, ‘таволга’ (см.: Таволга, п. 1); 4) орок. *потокто ~ поттокто* ‘верба’, ма. *фодо* ‘верба’; ср.: ма. *фодоҳо* ‘ива’, нан. *фотоҳа* ‘тальник’.

15. Вереск (Calluna vulgaris Salisb.).

I. тюрк.: 1) узб. XVI в. *халанж* (?); 2) башк. *арса* ‘вереск’; ср.: кирг. *арча*, башк. *артыш* ‘можжевельник’, ир. *aris* ‘можжевельник’, бур. (см. II. 2); 3) тув. *шаанаҟ* ‘вереск’, ‘багульник’, ‘можжевельник’ (см.: Багульник, п. 1; Можжевельник, п. 4), тоф. *ашаанаҟ* ‘вереск’; 4) як. *кытыан* ‘вереск’, ‘можжевельник’ (см.: Можжевельник, п. 5); 5) казах., карач.-балк., каракалп., кирг., чув. *вереск* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *ǯangǯüü(n) güilesün*, монг. *жанжуу гүйлс* [< *жанжуу* + *гүйлс* ‘абрикос’]; 2) бур. *арса* ‘вереск’, ‘можжевельник’ (см.: Можжевельник, п. 1); ср.: башк. (см.: I, 2).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *эбкэмкирэ̄*; ср.: эвенк. *эпкэкин*, нег. *эпккин*, ороч., ульч., орок. *эухэхи* название растения; 2) сол. *ӽима*; ср.: ма. *кима* [< кит. *цин ма*] ‘конопля’; 3) ма. *аян х'ан*.

16. Ветла (Salix fragilis L.).

I. тюрк.: 1) узб. *сариқ тол* [< *сариқ* ‘желтый’ + *тол* ‘ива’], ног. *сары тал*, каракалп. *шұыр тал*; казах. *боз тал* [< *боз* ‘серый’ + *тал* ‘ива’]; 2) уйг. *сөгет* ‘ива’, ‘ветла’ (см.: Ива, п. 2), аз. *аҕ сөйүд* [< *аҕ* ‘белый’ + *сөйүд* ‘ива’]; 3) тат. Бараб *йөнкә* ‘ветла’, ‘тополь’ (см.: Тополь, п. 3), башк. *өйәнкә* ‘ветла’; ср.: тат. *өйәнке* ‘ива’, казах. *ӱйеуки* ‘клен’; 4) чув. *йӑмра*; 5) як. *ӱрӱҥ ӱөт* [< *ӱрӱҥ* ‘белый’ + *ӱөт* ‘тальник’]; ср.: п.-мо. *uda* (см.: II. 1).

II. мо.: 1) п.-мо. *uda*, монг. *уд.*, калм. *udn̥* ‘ветла’, ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Ива, п. 2; Тальник, п. 2); ср.: як. *ӱрӱҥ ӱөт*; (см.: I, 5); 2) монг. *өшөөс*, *үшөөһэ(н)*, *үшөөһэ(н) модон* ‘ветла’, ‘верба’, ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Верба, п. 2; Ива, п. 3; Тальник, п. 3).

III. т.-ма.: эвен. *н'эүн'э*, *н'эүн'эмкэр* ‘верба’, ‘ветла’ (см.: Верба, п. 2).

17. Виноград (Vitis L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк., Зам. *üzüm*, узб. XIV в. *йӱзӱм*, *üzüm*, аз., туркм. *ӱзӱм*, тур. *üzüm*, кумык. *йӱзӱм*, ног. *йӱзим*, тат. *йөзем*, узб. *узум*, казах. *жӱзим*, карач.-балк. *жӱзӱм*, каракалп. *жузим*, кирг. *жӱзӱм* ‘виноград’, чув. *исем сырли* ‘виноград’ [< *исем* ‘виноград’ + *сырли* ‘ягода его’]; ср.: мо. (см.: II. 1); 2) др.-тюрк. *buda* [< кит. *nytao*], кирг. *пӱтӱвӧ* ‘виноград’, ‘виноградная кисть’; 3) др.-тюрк. *mešič*; ср.: т.-ма. (см. III. 1); 4) гаг. *салқым* ‘виноград’, ‘акация’ (см.: Акация, п. 6); 5) узб. *тоқ* ‘виноград’ [< ир. *так* ‘виноградная лоза’]; 6) алт., башк., тат., тув., хак., чув. *виноҕрад*, як. *винэгирээт* [< рус. < гот. *weinagards*] (Фасмер, I, 317).

II. мо.: 1) п.-мо. *usu(n) üzüm* [< *usun* ‘вода’, ‘водяной’ + *üzüm* ‘виноград’ < тюрк., монг. *усан үзэм*, калм. *usn̥ üzm̥*]; 2) бур., калм. *виноград* [< рус.; см. I. 6].

III. т.-ма.: 1) уд. *мэсуктэ*, *мэсиктэ*, нан. *муксултэ*, *мужуктэ* ~ *мучуктэ* ~ *мусултэ*, ма. *мучу*, чж. *méh-č'ūh*; ср.: др.-тюрк. *mešič* (см.: I. 3); 2) ороч. *холомукта* [? *нулама* ‘красный’]; 3) эвенк. *виноград* [< рус.].

18. Вишня (Cerasus vulgaris Mill.).

I. тюрк.: 1) тур. XVII в. и сов. *vişne*, аз., гаг. *вишнә*, алт., тат. Бараб, туркм., хак. *вишня*, тат. Серг *бишня* (Бурганова), чув. *вишнӗ* ~ *вишни*, як. *виснйэ* [< рус. < гр. ἰξός ‘птичий клей’] (Фасмер, I, 325); 2) тат., узб. *чийа*, чув. *чийе* ~ *чей*, башк. *сейә*, кирг. *чие*, кумык. *жие*, каракалп. *шие*; ср.: мо.; 3) карач.-балк. *балий терек* [< ир. *беһли* ‘вишня’ (ср.: осет. *bal* ~ *bali* ‘вишня’, ‘черешня’, Абаев, 233) + *терек* ‘дерево’], аз. *алабәһли*, аз., кирг. *алабалы*, ног. *албели*, узб. *олволи*; 4) уйг. *алча* ~ *алича*, узб. *олча* ‘вишня’, кирг. *алча* ‘вишня’, ‘алыча’ (см.: Алыча, п. 3).

II. мо.: 1) п.-мо. *ingtoor*, монг. *интоори* [< кит. *īнтао* ‘вишня’ + афф. *-ри*]; 2) монг. *чий*, калм. *tšī* [< тюрк.; см.: I. 2]; 3) бур. *вишни* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *иӈтори ~ иӈтури* [< кит. *īнтао* ‘вишня’ + афф. *-ри*]; 2) ма. *укуху ~ укухэ*; 3) эвенк., эвен., нан. *вишня* [< рус.].

19. Вяз (Ulmus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *narиan* название дерева (вяз?) [< ир. *нарван ~ нарвен* ‘вяз’]; 2) Зам. *guzm*; 3) Зам. *qara уӱγач* ‘вяз’ [< *qara* ‘черный’ + *уӱγач* ‘дерево’], тур. *karaaγaç*, аз. *ƣарағач*, каракалп. *қара ағаш* ‘вяз’, кирг. *қара жығач* ‘вяз’, ‘карагач’ (см.: Карагач, п. 1), алт. *қара тыт* ‘вяз’ [< *қара* ‘черный’ + *тыт* ‘лиственница’], башк., тат. *қарама* [< *қара* ‘черный’], чув. *харама*; 4) казах. *шегиршин* [< *шегир ~ шағыр* ‘серый’]; 5) карач.-балк. *эчқағач* [< *эчке* ‘коза’ + *ағач* ‘дерево’]; 6) кумык. *элме* ‘вяз’, ‘ильм’ (см.: Ильм, п. 1); ср.: ног. *элмен* ‘осина’; 7) чув. Сунд *örörö ~ ӱрече* (Чуркин); 8) узб. *сада* ‘вяз’; ср.: кирг. *сада* ‘карагач’; 9) узб. *бужун*; 10) чув. Сунд *пӱкече* (Чуркин); 11) ног. *вяз* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *xajilasun*, монг. *хайлаас(ан)*, бур. *хайлаа-ha(н)* ‘вяз’, ‘ильм’ (см.: Ильм, п. 1); 2) монг. *арчил бургаас* ‘вяз’; 3) калм. *džökn̥ modn̥ ~ džökē modn̥* ‘вяз’, ‘ильм’ [< *džökn̥ ~ džökē* ‘вяз’, ‘ильм’ + *modn̥* ‘дерево’] (см.: Ильм, п. 2).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *кайлаһун ~ кайлāһан* Нрч, Урм, К. ‘вяз’, ‘ясень’, ‘тополь’, сол. *хаилāсӯ* ‘вяз’, нан. *ҳайла*, ма. *ҳајлан моо* ‘вяз’, ‘ильм’ [< *ҳајлан* ‘вяз’, ‘ильм’ + *моо* ‘дерево’], чж. *hâi-lâh* ‘вяз’, ‘ильм’ [< мо., см.: II. 1] (см.: Ильм., п. 1; Тополь, п. 4; Ясень, п. 3); 2) нан. *ҳараҳӣ*, ма. *қара ҳуна* [< *қара* ‘черный’]; 3) эвенк. *лакамавун* Урм; 4) эвенк. *hэдэптэ* Урм сорт вяза; 5) эвенк., эвен. *вяз* [< рус.].

20. Голубика (голубица, гонобобель; Vaccinium uliginosum L.).

I. тюрк.: 1) башк. *кӱк йелек* [< *кӱк* ‘голубой’ + *йелек* ‘ягода’], тат. *кӱк җилäк*, чув. *қӑвақ çырла*, алт. *көк қат* [< *көк* ‘голубой’ + *қат* ‘ягода’], тат. Бараб *көкел* [< *көк* ‘голубой’]; 2) тат. *җир җилäге* [< *җир* ‘земля’ + *җилäге* ‘ягода ее’]; 3) як. *субун ~ суƣун*; 4) казах., кирг., хак. *ƣолубиқа* [< рус.].

II. мо.: п.-мо. *nersü(n)*, монг. *нэрс(эн)* ‘голубика’, бур. *хүхэ нэрhэ(н)* [< *хүхэ* ‘голубой’ + *нэрhэ(н)* ‘голубика’].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ǯиктэ* ‘ягода’, ‘голубика’ (см.: Ягода, п. 3), нег. *ǯиктэ* ‘голубика’, ‘черника’ (см.: Черника, п. 2), ороч., уд. *ǯиктэ* ‘голубика’, эвен. *гӣт* ‘черника’, ‘голубика’; ср.: эвенк. *ǯиктэмкурэ* ‘голубичник’ (куст); 2) ульч. *ǯустэ* ‘голубика’, орок. *досоқто ~ дусиктэ* ‘черника’, нан. *ǯусиктэ*, ма. *дукси* ‘голубика’, ‘черника’; 3) эвен. *куjкит*; 4) ульч. *сэǯуху(н-)* ‘голубика’; ср.: орок. *сэдуху(н)* ‘ягода’; 5) эвен. *гоjкис*; 6) орок. *сāдай*.

21. Граб (Càrpinus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *kevrik*; 2) аз. *улас ~ вäлäс*; 3) казах. *қызыл қайың* ‘граб’ [< *қызыл* ‘красный’ + *қайың* ‘береза’]; ср.: тат. Мам *қара қайын* (Бурганова) ‘боярышник’, башк. *қара қайын* ‘карагач’, карач.-балк. *қара қайын* ‘черемуха’; 4) тур. *gürgen*; 5) кумык. *ҕоҕоман*; 6) башк. *аҡ буҡ* ‘граб’ [< *аҡ* ‘белый’ + *буҡ* < рус. *бук* < и.-е.]; 7) башк., чув. *ҕраб* [< рус.; ср.: др.-прусск. *wosigrabis* ‘бересклет’] (Фасмер, I, 449).

22. Гранат (Punica granatum).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *nara* [< ир. *нар* < скр. *nārangás* ‘гранат’], узб. XVI в. *нар*, тур. XVII в. *anar*, аз., кумык., ног., туркм. *нар*, тур. *nar*, каракалп., кирг., тат., уйг. *анар*, узб. *анор*; 2) др.-тюрк. *dana*; 3) узб. XVI в. *румман* [< ар. *румман* бот. ‘гранаты’]; 4) алт., башк., карач.-балк., тув., чув. *ҕранат*, як. *ҕыранаат* [< рус. < лат.].

II. мо.: 1) п.-мо. *anar*, монг. *анар* [< ир. < скр.]; 2) калм. *гранат* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *усэри*, *сувајан усэри*, *усэрчи* ‘гранат’; ср.: ульч. нан., ма. *усэ* ‘семя’, ‘зерно’; 2) ма. *шилу ~ шил'у* [< кит.].

23. Гребенщик, см. тамариск.

24. Груша (Pýrus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *armut* [< ир. *армут* ‘груша’], Зам. *amrud*, узб. XIV в. *армуд*, тур. *armut*, сал. *армут*, ног., туркм. *армыт*, аз. *армуд*, каракалп. *алмурт*, кирг. *алмурут*, узб. *олмурут*, казах. *алмурт*, уйг. *амут*, кумык. *ҕармут*, гаг. *hармут*; 2) карач.-балк. *кертме*, ног. *кертпе*; ср.: осет. *kærdo ~ kærttu* ‘груша’ (Абаев, 584); 3) каракалп. *нашуаты*, уйг. *нäшпүт*; 4) узб. *ноҳ*; 5) алт., башк., тат., тув., хак. *ҕруша*, як. *ҕурууса* [< рус.; ср.: курд. *korêši ~ kurêši* ‘груша’] (Фасмер, I, 465), чув. *ҕрушй йывăҫҫи* ‘груша’ [< *ҕруша* < рус. *груша* + *йывăҫҫи* ‘дерево ее’].

II. мо.: 1) п.-мо. *kedmen*, монг. *хэдмэн*, калм. *kedmn̥* ‘груша’, *kedmnä modn̥* ‘груша’ [< *kedmnä* род. п. ‘груши’ + *modn̥* ‘дерево’]; 2) п.-мо. *lira(n)*, монг. *лийр*; 3) бур. *груша* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) нан. *синулиэктэ*, *сиҥгэлэхтэ ~ чилуктэ*; 2) нан. *н'иэктэ* ‘груша (дикая)’; 3) ма. *ули* ‘груша’, ‘рябина’ (см.: Рябина, п. 9); 4) эвенк., эвен. *груша* [< рус.].

25. Джида, см. лох.

26. Дуб (Quercus).

I. тюрк.: 1) узб. XVI в. *садж* [< ир. *садж* ‘тик’, ‘индийский дуб’]; 2) карач.-балк., кирг., кумык., ног. *эмен*, узб. *эман*, уйг. *емän*, каракалп. *емен*, алт. *эрмен*, туркм. *имен*, башк., тат. *имän*, чув. *йуман*, чув. Сунд *ömän* (Чуркин); 3) тат. Бараб *қайры*; 4) тат. Тау *туйыра* (Бурганова) ‘дуб’; ср.: башк. *туйыра*, чув. *туйра* ‘молодой дуб’; 5) аз. *палыд*, узб. *болут* ‘дуб’ [< ир. *белут* ‘дуб’, ‘желудь’]; 6) гаг. *мешä*, тур. *meşe* ‘дуб’ [< ир. *бише* ‘лес’];

ср.: др.-тюрк. *bišä*, аз. *мешä* ‘лес’, ‘роща’; 7) алт., кирг., тув., узб., уйг., хак. *дуб*, як. *дууп ~ дӱк ~ лук* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *čarasun*, монг. *царс(ан)*, бур. уст. *сарса*; 2) калм. *xar^{p} mod̥n* ‘дуб’ ‘бук’ [< *xar^{p}* ‘черный’ + *mod̥n* ‘дерево’] (см.: Бук, п. 2); ср.: п.-мо. *xara modu(n)*, монг. *хар мод(он)* ‘лиственница’; 3) бур. *дүүб* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ороч. *олоӈке ~ олоӈки*, уд. *олоӈкӧ*, нан. *ҳорōӈ-ҳола*; 2) эвенк. *усикта* Урм ‘дуб’; ср.: уд. *уһикта* ‘желудь’; 3) нег. *апкакта*; 4) ульч. *хонʹиӈчура ~ хонʹоӈчура*; 5) ма. *маӈҕи моо* [< *маӈҕи* ‘крепкий’, ‘твердый’ + *моо* ‘дерево’]; 6) ма. *силҳан моо* ‘дуб прямой, гладкоствольный’; 7) эвенк. *доγōвој* [як. *доҕуобаі* < рус. *дубовый*]; 8) эвенк., эвен. *дуб* [< рус.].

27. Ежевика (Rubus caesius L.).

I. тюрк.: 1) тат. Бараб *бӧрлегän*, кумык. *бӱрлӱген* ‘ежевика’ (ср.: чув. *пӗрлӗхен* ‘костяника’), башк. *ҡара бөрҙөгän* ‘ежевика’ [< *ҡара* ‘черный’ + *бөрҙөгän*], тат. *ҡара бӧрлегän*; 2) ног. *бӧлдирген ~ бӱлдирген* (ср.: казах. *бӱлдирген* ‘ягода’, калм. *bōldžrg^{ə}nə* ‘ягода’, ‘крыжовник’, ‘малина’), казах. *ҡара бӱлдирген* ‘ежевика’ [< *ҡара* ‘черный’ + *бӱлдирген* ‘ягода’], уйг. *ҡара бӧлҗӱргän* ‘ежевика’ [< *ҡара* ‘черный’ + *бӧлҗӱргän* ‘земляника’]; 3) тат. Тау *ҡара җилäҡ* (Бурганова) ‘ежевика’ [< *ҡара* ‘черный’ + *җилäк* ‘ягода’; ср.: тат. *ҡара җилäк* ‘черника’], чув. *хура çырла*, алт. *ҡара аҕаш йшилек* ‘ежевика’ [< *ҡара* ‘черный’ + *аҕаш* ‘дерево’ + *йшилек* ‘ягода’]; 4) карач.-балк. *ҡара наныҡ* ‘ежевика’ [< *ҡара* ‘черный + *наныҡ* ‘малина’]; ср.: карач.-балк. *наныҡ* ‘малина’, хак. *ноӈных* ‘черника’; 5) аз. *бöйӱрткän* (ср.: аз. *бöйӱрт-* ‘понудить мычать’ + афф. *кän*), туркм. *бӧвӱрслен*; 6) тат. Бараб *көпөрӧс*; 7) тат. Том *астыҕан ~ астыхан* (Абдрахманов); 8) чув. *ҫӑвăҡ хăмла çырли* ‘ежевика’ [< *ҫӑвăҡ* ‘синий’, ‘голубой’ + *хăмла* ‘хмель’ + *çырли* ‘ягода его’]; 9) кирг. *маймынжан* ‘ежевика’ [< ир. *маймун* < скр. *тауī* ‘обезьяна’ + *жан* < ? ир. *йан* ‘душа’, ‘дух’], узб. *маймунжон*; 10) каракалп. *ежевиҡа* [< рус.], хак. *ежевиҡа аҕазы* ‘ежевика’ [< *ежевиҡа* < рус. *ежевика* + *аҕазы* ‘дерево ее’].

II. мо.: 1) п.-мо. *üker bögelžirgene* [< *üker* ‘бык’ + *bögelžirgene* ‘ягода’]; ср.: монг. *үхэр бөлжиргөнө* ‘ежевика’, калм. *bōldžŗg^{ə}nə* ‘ягода’, ‘малина’, ‘крыжовник’, уйг. *бӧлҗӱргän* ‘земляника’; 2) бур. *ежевика* [< рус.].

28. Ель (Picea pungens Engelm.).

I. тюрк.: 1) тат. *чыршы*, чув. *чӑрӑш*, башк., ног. *шыршы*, каракалп. *шырша* ‘ель’, тат. Бараб *ҡара чыршы* ‘ель’ [< *ҡара* ‘черный’ + *чыршы* ‘ель’]; ср.: башк. *аҡ шыршы* ‘пихта’; 2) тат. Бараб, кирг. *ҡараҕай* ‘ель’, ‘сосна’ [< *ҡара* ‘черный’] (см.: Сосна, п. 3), як. *харыйа*, ног. *май ҡараҕай* ‘ель’ [< ? *май* ‘масло’, ‘жир’ + *ҡараҕай* ‘сосна’], узб. *ҳора ҡараҕай* ‘ель’ [< *ҳора* ‘черный’ + *ҡараҕай* ‘сосна’]; ср.: тат. Бараб *ҡараҕай* ‘сосна’, ‘кедр’, казах. *бал ҡараҕай* ‘кедр’; 3) алт. *чиби*, тат. Бараб *циви ~ чиви*, тат. Том

цыбы (Абдрахманов), тув. *шиви* ‘ель’; ср.: алт. Туба *чыбы* (Баскаков), хак. *сыбы* ‘пихта’; 4) аз. *кӧкнар*, тур. *köknar* ‘ель’ [< *кӧк* ‘голубой’, ‘синий’ + *нар* < ? *нарат* ‘сосна’]; ср.: ир. *нар* ‘гранат’ < скр., ир. *кукнар* ‘головка мака’, ‘опиум’; 5) аз. *ардыш* ‘можжевельник’, ‘ель’ (см.: Можжевельник, п. 1); 6) каракалп. *ныз*ы; 7) хак. *тиг*ӓ*н* ‘ель’, ‘колючка’ (см.: Игла, п. 1); 8) тат. *йелҗа*, як. *дйуолка* ~ *дйӱӧккэ* ~ *дйуӧккэт* ~ *дйӱӧкэт* [< рус. < и.-е. ?] (Фасмер, II, 17).

II. мо.: п.-мо. *үачиига*, монг. *гачуур* ~ *гацуур* (УНТКМ), бур. *хасуурһа(н)* ~ *хасуургана* ~ *хасуури*.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *асӣкта* ~ *асēкта* ‘ель’, ‘пихта’, эвен. *аста*, ороч. *асикта* ‘ель’, уд. *аʰикта* ‘ель’, ‘пихта’, ульч. *ҳаста*, орок., нан. *ҳасӣкта* ‘ель’ (см.: Пихта, п. 6); ср.: бур. *хасуурһа(н)*; 2) эвенк. *ӈāӈтэ* ~ *нāӈтэ* ~ *лāӈтэ* С-Б ‘пихта’, ‘ель’, ‘кедр’, эвен. *ӈаӈтъ* ‘пихта’, ‘ель’, ‘сосна’, нег. *ӈāӈта*, ульч. *ваӈта* ‘ель’, ‘пихта’ (см.: Сосна, п. 2; Пихта, п. 1; Кедр, п. 3); 3) нег. *дēүакта* вид ели; 4) эвен. *карыја* [< як. *харыја*; см.: I. 2].

29. Жасмин (Philadelphus L.).

I. тюрк.: 1) узб. XIV в. *йасмин*, тур. XVII в. и совр. *jasemin* ‘жасмин’, аз. *йасӓмӓн* ‘жасмин’, ‘сирень’ (см.: Сирень, п. 1), башк., уйг. *йӓсмин*, узб. *йосуман* ‘жасмин’ [< ир. *йасемен* ‘жасмин’], алт., казах., кирг., кумык., ног., туркм., хак., чув. *жасмин*, карач.-балк. *жасмын*, як. *сасмыын* ‘жасмин’ [< рус. < ир. *йасемен*]; 2) карач.-балк. *чыпчыққӧз* ‘жасмин’ [< *чыпчық* ‘воробей’ + *кӧз* ‘глаз’].

II. мо.: 1) п.-мо. *melrige*, монг. *мэлрэг*; ср.: кит. *мо ли* ‘жасмин’, т.-ма.; 2) калм. *жасмин* [< рус. < ир.].

III. т.-ма.: ма. *моли илҳа* ‘жасмин’ [< *моли* < кит. *мо ли* ‘жасмин’ + *илҳа* ‘цветок’].

30. Жимолость (Lonicera L.).

I. тюрк.: 1) тат. *зелпе* [< ир. *зелф* ‘завиток волос’, ‘кудри’], кирг. *шилби*, узб. *шилин*; ср.: башк., тат. Тау *зелпе* (Бурганова) ‘бересклет’; 2) башк. *айыубалан* [< *айыу* ‘медведь’ + *балан* ‘калина’]; ср.: тат. *айу баланы* ‘бузина’; 3) казах. *ырҧай* (ср.: *ырҧа-* ‘качать’); ср.: як. *ыарҧа* ‘кизил’, п.-мо. *ирүai* ‘кизил’; 4) чув. *йӑвӑш* ~ *хӑвӑш* ~ *вӑш*; 5) як. *сытын* [? < рус. *сытный*] (Пекарский, II, 2507); 6) кумык. *жимолость*, як. *сиэмэлэс* ~ *сиэбэлэс* [< рус.];

II. мо.: монг. *далан хальс* (УНТКМ).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *нутумукта*, эвен. *нутъмтъ*, нег. *хутумтэ*, ороч. *нутимиктэ*, уд. *хутумуктэ* ‘жимолость’, ‘смородина’; ср.: нан. *кутумиэктэ* ‘смородина (черная)’; 2) эвенк. *hajӣкта* Е ‘жимолость’; ср.: эвен. *hajтъ*, уд. *хаикта*, ульч. *hajкта* ‘трава’; 3) уд. *хафакта* Бик, нан. *ққафаққта* ‘жимолость’; ср.: орок. *ққапоүа* ‘смородина (красная)’; 4) нан. *амолаҳа*.

31. Земляника (Fragaria).

I. тюрк.: 1) аз. *чигäлäк* ‘земляника’, ‘ягода’ (см.: Ягода, п. 1), башк. *ҡайың йелеге* ‘земляника’ [< *ҡайың* ‘береза’ + *йелеге* ‘ягода ее’], тат. Том *ҡайын йелäк* (Абдрахманов) ‘земляника’ [< *ҡайын* ‘береза’ + *йелäк* ‘ягода’], тат. Том *йер йелäк* (Абдрахманов) ‘земляника’ [< *йер* ‘земля’ + *йелäк* ‘ягода’];[11] 2) як. *ǯəǯən*; ср.: бур. *зедегене* ‘земляника’.

II. мо.: 1) п.-мо.: *güǯeleǯegene*, монг. *гүǯээлǯгэнэ*, бур. *гулǯөөргэнэ*; ср.: эвен. *гучалǯигина*; 2) п.-мо. *ǯedgene*, бур. *зедегене*, калм. *zed°gən°* ‘земляника’; ср.: як. *ǯəǯən* ‘земляника’ (ср.: R. Einf., 221; Калужиньский, 44).

III. т.-ма: 1) эвенк. *гучалǯигина* Нрч, сол. *гүдүгəртэ* [< мо.]; 2) эвенк. *зинминичэ* [< рус. *земляника*].

32. Ива (Salix L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *tal* ‘ива’, ‘тальник’, ‘ивовый прут’ (см.: Ветвь, п. 3; Тальник, п. 1), Зам., Sanglax *тал*, узб. XVI в. *дал*, алт., башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., ног., тат., тув., туркм., уйг., хак. *тал*, узб. *тол*, як. *талах*, кирг. *мажрум тал* ‘ива’ [< ар. *мажрум* ‘плакучий’ + *тал* ‘ива’], тат. *вакъ тал* ‘ива’ [< *вакъ* ‘мелкий’ + *тал* ‘ива’]; ср.: сал. *тал* ~ *дал* ‘дерево’; 2) тур. *sögüt*, аз. *сöйүд*, туркм. *сöвүт*, гаг. *сӱт*, як. *үөт*; ср.: п.-мо. *uda* ‘ива’ (см.: II. 2); 3) тат. *өйäнке* ‘ива’; ср.: башк. *өйäнкä*, тат. Бараб *йөнкä* ‘тополь’, ‘ветла’, казах. *үйенки* ‘клен’; 4) чув. *хăва*, чув. Сунд *хуа* (Чуркин).

II. мо.: 1) п.-мо. *buryasu(n)*, монг. *бургаас(ан)* ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Тальник, п. 1); ср.: бур. *бургааһа(н)* ‘лоза’, ‘кустарник’, калм. *buryᵘsn̥* ‘верба’, ‘куст’; т.-ма. (см.: III. 5); 2) п.-мо. *uda*, монг. *уд*, калм. *udn̥* ‘ива’, ‘ветла’, ‘тальник’ (см.: Ветла, п. 1, Тальник, п. 2); ср.: ма. *фодоҳо* ‘ива’, ‘верба’, ‘тальник’, тур. *sögüt* ‘ива’ (см.: I. 2); 3) бур. *үшөөһэ(н)*, *үшөөһэ(н) модон* ‘ива’, ‘верба’, ‘ветла’, ‘тальник’ [< *үшөөһэ(н)* ‘ива’, ‘верба’, ‘ветла’, ‘тальник’ + *модон* ‘дерево’] (см.: Верба, п. 2; Ветла, п. 2; Тальник, п. 3).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *сēкта*, *hēкта*, *шēкта*, эвен. *hǣт*, *hēт*, *ǣт*, *сат* Арм [< *сēкта*], нег. *сēкта* ‘ива’, ‘тальник’, ‘верба’, ороч. *сæкта* ~ *сиакта*, уд. *сакта* ‘ива’, ‘тальник’ (ср.: ма. *сајҳува* ‘лозник’) (см.: Верба, п. 1; Тальник, п. 1); 2) эвенк. *сиракта* Урм, сол. *ш'ӣрӯ*, уд. *сӣктэ* [< **сијиктэ* < **сирикта*], нан. *сириктэ* К-У ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Тальник, п. 2); 3) ороч., уд., ульч., орок., нан. *туӈдэ* ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Тальник, п. 3); 4) эвенк. *чурумкурэ̄* Урм, нег. *чојомка* [< **чурумка*], нан. *чоромқола* ‘ива’; 5) эвен. *бургаγ* ‘заросли тополя’, ‘заросли ивы’, орок. *буда* [< **буǯан* < **бурга*] ‘заросли ивы’, ма. *бурҕа* ~ *бурҕасу* [< мо.] ‘ивняк’, ‘тальник’ (см.: Тополь, п. 3; Тальник, п. 5);

---

[11] рус. *земляника* < *земля*, «потому что спелые ягоды ее часто лежат на земле» (Фасмер, II, 93).

6) ороч., нан. *н'арги* ‘ива (молодая)’; 7) ма. *фодоҳо* ‘ива’; ср.: ма. *фодо* ‘верба’, нан. *фотоҳа* К-У ‘тальник’; ср.: п.-мо. *uda* (см.: II. 2); 8) ульч. *ǯātala*, нан. *ǯалақта*; 9) эвен. *н'āмгит* [< *н'амгикта*] ~ *н'æмнит*, нег. *н'амникта* ~ *н'амӈикта*, орок. *нāмǯйсӱ мōн'и* ‘ива’ [< *нāмǯйсӱ* ‘ива’ + *мōн'и* ‘дерево ее’]; ср.: як. *н'амыкта* ~ *намыкта* ‘тальник’; 10) эвен. *имукэ̄т* ‘ива’, ‘тальник’ (см.: Тальник, п. 8); 11) нан. *ӷорӷолаǯи*; 12) нан. *датала* вид ивы; ср.: алт. *тал* (см.: I. 1); 13) ульч. *вақтанқура*; 14) ороч. *сиси*, *сисиктэ*.

33. Ильм (Ulmus laciniata Mayr.).

I. тюрк.: казах., кирг. *илм*, тат. *элмә*, кумык. *элме* ‘ильм’, ‘вяз’ (см.: Вяз, п. 6), чув. *йĕлме*, чув. Сунд *елме* (Чуркин), башк. *йыла* ‘ильм’; ср.: ног. *элмен* ‘осина’.

II. мо.: 1) п.-мо. *xajilasun*, монг. *хайлаас(ан)* ‘ильм’, ‘вяз’ (см.: Вяз, п. 1); 2) калм. *džökn̥* ~ *džökɛ̄ modn̥* ‘ильм’, ‘вяз’ (см.: Вяз, п. 3).

III. т.-ма.: нан. *ҳайла*, ма. *ҳajлан моо* ‘ильм’, ‘вяз’ [< *ҳajлан* ‘ильм’, ‘вяз’ + *моо* ‘дерево’], чж. *hâi-lâh* ‘вяз’, ‘ильм’ [< мо., см. II. 1] (см.: Вяз, п. 1).

34. Инжир (смоковница; Ficus carica L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *ačïr*, тур. XVII в. и совр. *incir*, алт., башк., казах., карач.-балк., ног., хак., чув. *инжир*, кирг. *анжыр*, каракалп., кирг., узб. *анжир*, уйг. *әнжир*; ср.: ир. *енджир* ‘винная ягода’, ‘инжир’; 2) чув. *эрэх ҫырли* ‘инжир’ [< *эрэх* < рус. *орех* + *ҫырли* ‘ягода его’].

II. мо.: 1) монг. *инӂир* ~ *инажӂир* [< ир.]; 2) п.-мо. *udambar* ~ *udumbar*, монг. *удамбар* [< скр. *udumbara* ‘инжир’].

III. т.-ма.: 1) ма. *илҳаӷу турбихэ* [< *илҳаӷу* ‘без цветка’ + *тубихэ* ‘плод’]; 2) ма. *удумбара* [< скр.]; ср.: мо. (см.: II. 2).

35. Калина (Viburnum opulus L.).

I. тюрк.: 1) Зам. *bürlügäč*; 2) алт., башк., тат. *балан* ‘калина’, тат. Бараб *балан* ‘калина’, ‘рябина’ (см.: Рябина, п. 6), тат. Хвал *малан* (Бурганова), чув. *палан* ‘калина’, тат. Том *байлан* ~ *пайлан* (Абдрахманов) ‘калина’, ‘пихта’ (см.: Пихта, п. 4), казах. *балам* ~ *палам* ‘калина’, ‘бузина’ (см.: Бузина, п. 1), кумык. *этелбалам* ‘калина’; ср.: тат. *айу баланы* ‘бузина’, башк. *айыубалан* ‘жимолость’; 3) карач.-балк. *муртху*; 4) казах. *шеӈгел*, хак. *саӈыс* [< ир. *дженгел* ‘лес’]; ср.: кирг. *жаӈгел*, уйг. *жаңғал*, туркм. *жеӈӈел* ‘лес’, ‘заросли’; 5) узб. *бодрезақ* [< *бод* < ир. *бед* ‘дурной’ + *резақ* < ар. *резак* ‘пропитание’]; 6) каракалп., кирг., ног., тув. *ӷалина*, ног. *ӷанине* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *mori(n) ulaγana* [< *mori(n)* ‘конь’ + *ulaγana* ‘красная смородина’], монг. *морин улаагана*, калм. *mörn̥ ulᵘγᵘnᵘ*; 2) бур. *калина* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) нан. *н'эсултэ* ‘рябина’, ‘калина’ (см.: Рябина, п. 1); 2) эвенк. *калина* [< рус.].

36. Карагач (Ulmus foliáceae Gilib.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *qaraγač* [< *qara* ‘черный’ + *aγač* ‘дерево’], тат. *қарағач* ‘карагач’, кирг. *қара жыңач* ‘карагач’, ‘вяз’ (см.: Вяз, п. 3); казах. *қарағаш*, туркм. *ңарағач*, уйг. *қарийағач*, узб. *қайрағоч* ‘карагач’; 2) башк. *қара қайын* [< *қара* ‘черный’ + *қайын* ‘береза’]; ср.: тат. Мам *қара қайын* (Бурганова) ‘боярышник’, карач.-балк. *қара қайын* ‘черемуха’, казах. *қызыл қайын* ‘граб’; 3) кумык. *элме* ‘карагач’; ср.: тат. *элмә* ‘ильм’, ног. *элмен* ‘осина’; 4) кирг. *сада* ‘карагач’; ср.: узб. *сада* ‘вяз’.

37. Каштан (Castànea Mill.).

I. тюрк.: 1) кумык. *шағбулут* [< *шағ* < ир. *шаһ* ‘шах’ + *булут* < ир. *белут* ‘дуб’], аз. *шабалыд*; 2) алт., башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., ног., тат., тув., туркм., уйг., хак., чув. *қаштан*, як. *кастан* [< рус. < гр. < арм.?] (Фасмер, II, 215), тур. *kestane* [< гр.].

II. мо.: 1) п.-мо. *taulaijin bögere* [< *taulaijin* ‘заячья’ + *bögere* ‘почка’], монг. *туулайн бөөр*, калм. *tūlän börö*; 2) бур., калм. *каштан* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) нан. *сорва* ~ *сорфа мōнй* Бк; 2) нан. *ширэгэ*; 3) ма. *усиҳа моо*, *ǯанчуҳун усиҳа моо* ‘каштан’; ср.: эвенк. *усикта* ‘дуб’, уд. *уʰикта* ‘желудь’; 4) эвен. *каштан* [< рус.].

38. Кедр (Pinus Rgl.).

I. тюрк.: 1) тат. Бараб *қузуқ ағачы* ‘кедр’, ‘лещина’ [*қузуқ* ‘орех’ + *ағачы* ‘дерево его’] (см.: Лещина, п. 4), хак. *хузух ағазы*, тат. Том *қузуқ ағач* (Абдрахманов) ‘кедр’ [< ‘орех’ + ‘дерево’]; ср.: ир. *гоуз* ‘орех’; 2) алт. *мӧш*, тоф. *бош*, тув. *пӧш*; 3) тат. Бараб *қарағай* ‘кедр’, ‘сосна’ (см.: Сосна, п. 3; ср.: кирг. *қарағай* ‘ель’, ‘сосна’), казах. *бал қарағай* [< *бал* ‘мед’ + *қарағай* ‘сосна’]; 4) тат. Бараб *қызыл ағачы* [< *қызыл* ‘красный’ + *ағачы* ‘дерево его’]; ср.: тур. *kızılağaç* ‘ольха’; 5) як. *сыа* (~ *сыалах*) *мас* [< *сыа* ‘масло’, *сыалах* ‘масляный’ + *мас* ‘дерево’]; 6) аз. *сидр* [< ир. *седр* ~ *седре* ‘лотос’]; 7) тур. *dağ servisi* [< *dağ* ‘гора’ + *servisi* ‘кипарис ее’ < ир. *servi* ‘кипарис’]; 8) башк., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., ног., узб., уйг., чув. *кедр* [< рус. < гр.] (Фасмер, II, 221).

II. мо.: п.-мо. *xusiγun*, монг. *хуш*, бур. *хуша*, калм. *хošu modn* ‘кедр’ [< *xošu* ‘кедр’ + *modn* ‘дерево’].

III. т.-ма.: 1) эвенк., нег. *колдон*, ороч. *когдо* [< **колдон*], ульч. *қолдо(н-)*, нан. *қолдō*, ма. *ҳолдон*, орок. *қолдо мōнʲи* ‘кедр’ [< *қолдо* ‘кедр’ + *монʲи* ‘дерево его’]; 2) ороч. *коӈко* ~ *куӈко*; 3) эвенк. *уāӈтэ* ‘кедр’, ‘пихта’, ‘ель’, ‘сосна’ (см.: Пихта, п. 1; Ель, п. 2; Сосна, п. 2); 4) ма. *анаҳун моо* ‘кедр китайский’, ‘кипарис’ [< *анаҳун* ‘кедр’, ‘кипарис’ + *моо* ‘дерево’] (см.: Кипарис, п. 2); 5) эвенк. *тактикāн*; ср.: уд. *тактиγа* ‘тисс’, ма. *тақта моо* ‘пихта’; 6) эвен. *кедр* [< рус.].

39. Кедровый стланик (кедровник, кедровый сланец, кедр-сланец, сланец; Pinus pumila).

I. тюрк.: як. *булбукта* ‘кедровый стланик’, ‘лещина’ [< т.-ма.; см. III. 1] (см.: Лещина, п. 6).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *болгикта* ‘кедровый стланик’, ‘тальник’ (см.: Тальник, п. 16), эвен. *болгит* [< **болгикта*], нег. *болгикта*, ороч. *боггикта* [< **болгикта*], ульч. *болǯикта*, орок. *боγита* ~ *бојита* ~ *бојта*, нан. *болгикта* К-У ‘кедровый стланик’; 2) орок. *утэриктэ*.

40. Кизил (кизильник; Cotoneaster lucida Schl.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jutušγa* ~ *jafïšγu*; 2) Зам. *dolana* ‘кизил’; ср.: казах., кирг. *долана* ‘боярышник’, мо. *dolaγana* (ср.: *dola(n)* ‘семь’ + афф. *-γana*), эвенк. *долгино* [< мо.] ‘боярышник’; 3) тур. XVII в. *kızılcık* ‘кизил’, ‘красненький’, тур. *kızılcık ağacı* ‘кизил’ [< *kızılcık* ‘кизил’, ‘красненький’ + *ağacı* ‘дерево его’], кирг., ног. *қызыл*, хак., чув. *кисил* ‘кизил’, ‘красный’, казах. *қызыл тал* [< *қызыл* ‘красный’ + *тал* ‘ива’], тат. *кизил құаҕы* [< *кизил* ‘красный’ + *құаҕы* ‘куст его’]; 4) карач.-балк. *чум*, кумык. *чум терек* ‘кизил’ [< *чум* ‘кизил’ + *терек* ‘дерево’]; ср.: осет. *сут* ~ *сутæ* ‘кизил’ (Абаев, 321); ср.: калм. *tsöm* ‘кизил’, ‘черемуха’; 5) аз. *зоҕал*; ср.: сев.-аз.-тат. *zuγal* ‘кизил’; 6) як. *ыарҕа* ‘кизил’; ср.: казах. *ырҕай* ‘жимолость’, п.-мо. *irγai* (см. II. 1).

II. мо.: 1) п.-мо. *irγai*, монг., бур. *яргай*, монг. *чаргай* (УНТКМ); ср.: як. *ыарҕа*; 2) калм. *tsöm* ‘кизил’, ‘черемуха’ (см.: Черемуха, п. 3); ср.: карач.-балк. *чум*, кумык. *чум терек* ‘кизил’.

III. т.-ма.: 1) ма. *умпу*; 2) ма. *вэмбури* ‘кизил’, ‘айва’ [< кит.] (см.: Айва, п. 3).

41. Кипарис (Chamaecyparis pisifera Sieb.).

I. тюрк. 1) др.-тюрк. *tabulγaq* ‘кипарис’?; 2) Зам. *арča* ‘кипарис’, ‘можжевельник’ (см.: Можжевельник, п. 1; 3) туркм. *сäрви*, аз. *сäрв*, узб. *сарв*, каракалп. *саруи*, тур. *selvi* [< ар. *серви* ‘кипарис’]; 4) алт., башк., казах., карач.-балк., кирг., кумык., ног., тат., тув., чув. *кипарис*, як. *кибирис* ~ *кыпарис* [< рус. < гр.].

II. мо.: 1) п.-мо. *mailasu(n)*, монг. *майлс*; 2) п.-мо. *agaru*, монг. *агар*; 3) калм. *tsaγān zandn* [< *tsaγān* ‘белый’ + *zandn* ‘сандал’ < скр. *čandana* ‘сандал’]; 4) бур. *кипарис* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *маǰласун* [< мо.; см.: II. 1]; 2) ма. *анаҳун моо* ‘кедр’, ‘кипарис’ [< *анаҳун* ‘кедр’, ‘кипарис’ + *моо* ‘дерево’] (см.: Кедр, п. 4); 3) ма. *молори моо* [< *моло* ‘клен’ + *-ри* + *моо* ‘дерево’]; 4) эвен. *кипарис* [< рус.].

42. Клен (Acer).

I. тюрк.: 1) тур. *akçaağaç* [< *akça* ‘беловатый’ + *ağaç* ‘дерево’]; 2) узб. *оқчечақ* [< *оқ* ‘белый’ + *чечақ* ‘цветок’]; 3) казах. *үйеңки* ‘клен’; ср.: башк. *өйәнкә*, тат. Бараб *йөнкә* ‘ветла’, ‘тополь’, тат. *өйәнке* ‘ива’; 4) туркм. *керкав*; 5) узб. *зарақ* ‘клен’, ‘барбарис’ (см.: Барбарис, п. 7), кирг. *зарақ*, уйг. *йеräн*, чув. *вĕрене* [< ? ир. *зерин* ‘золотой’], тат. *өräңге* ~ *өргä*, кумык. *ӱрге*, карач.-балк. *йӱргä*; 6) карач.-балк. *джохар* [< ир. *джоуһер* ‘драгоценность’, ‘перл’, ‘жемчужина’]; 7) аз. *исфäндан* [< ир. *эсфенден*

‘клен’]; 8) башк. *саған*, тат. *чаған* [< п.-мо. *čааγап* ‘белый’]; 9) алт., тат. Бараб, кирг., ног. *клен* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *аγči modu(n)* [< *аγči* ‘клен’ + *modu(n)* ‘дерево’], монг. *агч мод*, калм. *aktši modn*; ср.: тюрк. *аγач* ‘дерево’, (R. KW, 6); 2) бур. *клен* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ачакта* ‘клен’, ‘рябина’ (см.: Рябина, п. 3), нег. *ачакта* ‘клен’; 2) эвенк., нег. *монон*, ороч., уд., ульч. *моно*, нан. *монō*, ма. *моло*; 3) ороч. *ǯӕǯула*; 4) уд. *могдохоли*; 5) нан. *гинэлэ̄*; 6) эвен. *клен* [< рус.].

43. Клубника (Fragaria).

I. тюрк.: 1) аз. *бағчийәлəйи* ‘клубника садовая’ [< *бағчи* < ир. *багча* ‘сад’, ‘огород’ + *йәлəйи* ‘ягода его’], башк. *бағса йер йелеге* [< *бағса* < ир. *багча* ‘сад’, ‘огород’ + *йер* ‘земля’ + *йелеге* ‘ягода ее’]; 2) башк. *йер йелеге* [< *йер* ‘земля’ + *йелеге* ‘ягода ее’]; 3) туркм. *ғлубниқа*, кирг. *ғулпунай* [< рус. *клубника*].[12]

II. мо.: монг. *бэтгэнэ*.

44. Клюква (Oxycoccos palutus Pers.).

I. тюрк.: 1) тат. Бараб *мох йилəги* [< рус. *мох* + *йилəги* ‘ягода его’], башк. *мйк йелеге*, тат. *мйк җилəге*, чув. *мăк ҫырли*, тат. Тюм *мök цийе* (Бурганова) [< *мök* < рус. *мох* + *цийе* ‘вишня’]; 2) тат. Бараб *торнағус* [< *торна* ‘журавль’ + *ғус* ‘глаз’], тат. Тоб *торнакйз чия* (Бурганова) [< *торна* ‘журавль’ + *кйз* ‘глаз’ + *чия* ‘вишня’], тат. Том *турна йеме* (Абдрахманов) [< *турна* ‘журавль’ + *йеме* ‘корм его’]; 3) аз. *ғушйзймй* [< *ғуш* ‘птица’ + *йзймй* ‘виноград ее’]; 4) кумык. *тавуққбалам* [< *тавуқ* ‘курица’ + *балам* ‘калина’]; 5) як. *тураах отоно* [< *тураах* ‘ворона’ + *отоно* ‘ягода ее’]; 6) чув. *шур ҫырли* ‘клюква’, ‘морошка’ [< *шур* ‘болото’ + *ҫырли* ‘ягода его’] (см.: Морошка, п. 1); 7) тат. Тоб *сазғайа* (Бурганова); 8) алт. *торбос*; 9) аз. *мəрчаны* [< ? *мəрчан* ‘коралл’]; 10) казах., карач.-балк., кирг., кумык., ног., тув., туркм., узб., уйг.. хак. *ққлюққва*, тат. Серг *кликва* (Бурганова), як. *кулууквэ* [< рус.].[13]

II. мо.: 1) п.-мо. *čanggis*, монг. *цангис*, калм. *tsäng's*; 2) бур. *ташаргана*; 3) бур. *клюквэ*, калм. *клюкв* [< рус.].

III. т.-м.: 1) эвенк. *гакакта*, нег. *гаγакта*, ороч. *гāкка*, уд. *г'акта*, ульч., нан. *ғāққта*, орок. *ғакта*; 2) эвенк. *дэткэ*; 3) эвенк. *ǯэргиктэ*; 4) эвенк. *хорикāктэ*; 5) эвенк. *тэвӯктэ* ‘ягода’, ‘клюква’ (см.: Ягода, п. 1); 6) эвен. *чөкчэӈэ тэвтэнгэн* [< *чөкчэӈэ* ‘кулик’ + *тэвтэнгэн* ‘ягоды его’]; 7) эвен. *клюква* [< рус.].

45. Костяника (Rubus saxatilis).

I. тюрк.: 1) чув. *пĕрлĕхен* ‘костяника’ (ср.: тат. Бараб *бөрлегән*, кумык. *бӱрлӱгän* ‘ежевика’, башк. *ққызыл бөрҙөгän* ‘костяника’ [< *ққызыл* ‘красный’ + *бөрҙөгän*], тат. *ққызыл бөрлəгän*; 2) тат. *ққысыл-*

---

[12] рус. *клубника* < *клуб*, *клубень* ‘нечто круглое’; *клубника* ‘растение, ягоды которого увеличиваются в объеме, делаются круглыми, клубнятся (=наливаются)’ (Меркулова, 219; ср.: Фасмер, II, 257).

[13] рус. *клюква* — первонач. знач. ‘отжатый сок, сок из ягод’; ср.: с.-хорв. *клоукати* ‘жать’, ‘отжимать сок’ (Меркулова, 219—220).

ғат [< *қысыл* ‘красный’ + *ғат* ‘ягода’]; ср.: тат. Том *қызылғат* (Абдрахманов) ‘брусника’; 3) казах. *қой бӱлдирген* [< *қой* ‘овца’ + *бӱлдирген* ‘ягода’]; 4) тат. *қош йелäк* [< *қош* ‘птица’ + *йелäк* ‘ягода’], хак. *хусхачах чистеги* [< *хусхачах* ‘пичужка’ + *чистеги* ’ягода ее’], чул. *құшқадзақ ажы* [< *құшқадзақ* ‘пичужка’ + *ажы* ‘еда ее’]; 5) тат. *құсқунқады* [< *құсқун* ‘ворон’ + *қады* ‘ягода его’]; 6) як. *киис тиҧилэгэ* [< *киис* ‘соболь’ + *тиҧилэгэ* ‘пятка его’, ‘лодыжка его’]; 7) хак. *кӧзирғат*; 8) аз. *шималморуғу* [< ар. *шимал* ‘север’ + *моруғу* ‘малина его’ < ? ар. *маррага-* ‘пачкать’, ‘марать’, ‘пятнать’]; ср.: рус. *малина* < и.-е. *mel-* ~ *melə-* разные оттенки темного цвета (Меркулова, 212—213).

II. мо.: 1) п.-мо. *bögerelgene*, монг. *бөөрлгөнө*, бур. *бөөрөлгөнө*; 2) бур. *ойн улаагана* [< *ойн* + *улаагана* ‘кислица’]; 3) бур. *газарай улаагана* [< *газарай* + *улаагана* ‘кислица’].

III. т.-ма.: эвенк. *куҧакта* ~ *коҧакта* ~ *кӧмакта* ‘костяника’, ‘толокнянка’.

46. Крушина (Rhámnus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *čïrïqan* сорт крушины [< *čïrïq* ‘прут’, ‘тонкая гибкая ветвь’ + афф. *-qan*]; 2) башк., тат. Серг *эт муйылы* (Бурганова) [< *эт* ‘собака’ + *муйылы* ‘черемуха ее’), тат. *эт шомырты*, чув. *йыта çĕмĕрчĕ*, узб. *итжумурт* [< *ит* ‘собака’ + *жумурт* ‘черемуха’]; 3) казах. *ит жӱзим* [< *ит* ‘собака’ + *жӱзим* ‘виноград’], тат. Минз *эт йилäге* (Бурганова) [< *эт* ‘собака’ + *йилäге* ‘ягода ее’]; ср.: тат. Минз *эт җилäге* (Бурганова) ‘бузина’; 4) тат. Минз *бӱре җилäге* (Бурганова) [< *бӱре* ‘волк’ + *җилäге* ‘ягода его’]; 5) аз. *ағтиқан* [< *ақ* ‘белый’ + *тиқан* ‘терновник’, ‘шип’]; 6) тат. Бараб *шайтан аҕачы* [< ар. *шайтан* ‘дьявол’ + *аҕачи* ‘дерево его’]; 7) кирг. *қрушина* [< рус. *крушить*, из-за хрупкости древесины] (Фасмер, II, 387).

47. Крыжовник (Grossulária Mill.).

I. тюрк.: 1) казах., тат. Тау *қарлыған* (Бурганова) ‘крыжовник’, ‘смородина’ (см.: Смородина, п. 2); тат. Лем *текле қарлуған* (Бурганова) [< *текле* ‘колючий’ + *қарлуған* ‘смородина’], чув. *йĕплĕ хурлăхан*; 2) гаг. *татар ӱзӱм* [< *татар* ‘татарский’ + *ӱзӱм* ‘виноград’], тур. *bektaşi uzum* [< *bektaşi* ‘дервиш’ + *uzum* ‘виноград’[, кумык. *айув йӱзӱм терек* [< *айув* ‘медведь’ + *йӱзӱм* ‘виноград’ + *терек* ‘дерево’]; 3) тат. Чист *йонлы җимеш* (Бурганова) [< *йонлы* ‘пушистый’ + *җимеш* ‘ягода’]; 4) як. *хатылаах мойноҕон* [< *хатылаах* ‘иглистый’ + *мойноҕон* ‘черная смородина’]; 5) тур. *akdiken* [< *ak* ‘белый’ + *diken* ‘терновник’, ‘шип’]; ср.: аз. *ағтиқан* ‘крушина’; 6) хак. *хайа хараҕады* [< *хайа* ‘скала’ + *хараҕады* ‘черная смородина’]; 7) тув. *қызырақ қат* [< *қызырақ* ‘молодая кобылица’ + *қат* ‘ягода’]; 8) аз. *мотмоту*; 9) алт. *тожла*; 10) карач.-балк. *йӱртӱн*; 11) ног. *ыжҕай*; 12) уйг. *чорчай*; 13) карач.-балк. *бурбум* [< ир. *корком* ‘желтый имбирь’]; 14) башк., каракалп., кирг., тат. *қрыжовник*, узб. *қрижовник*, тат. *быржауник* ~ *кружаны* [< рус. < польск.] (Фасмер, II, 388).

II. мо.: 1) п.-мо. *mori(n) xada(n)* [< *mori(n)* 'конь' + *xada(n)* 'кислица'], монг. *морин хад*; 2) монг. *тошлой* (УНТКМ); 3) калм. *bȫldžr̥gᵊnə* 'крыжовник', 'малина', 'ягода' (см.: Малина, п. 1; Ягода, п. 2); 4) бур. *крыжовник* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) нан. *кутумиктэ*; 2) эвен. *крыжовник* [< рус.].

48. Лавр (Laurus).

I. тюрк.: 1) узб. *дафна* [< гр.], тур. *defne ağacı* 'лавр' [< гр. *defne* 'лавр' + *ağacı* 'дерево его'], тат. *дäфнä аҕачы*; 2) алт., башк., казах., каракалп., карач.-балк., кирг., кумык., ног., тат., тув., узб., уйг., хак., чув. *лавр* [< рус. < лат.].

II. мо.: монг., бур. *лаавр* [< рус.].

III. т.-ма.: ма. *шуӈҕа илҳа* [< *шуӈҕа* < кит. в знач. 'лавр' + *илҳа* 'цветок'].

49. Лещина (орешник; Córylus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jaγaqlïq* [< *jaγaq* 'орех' + афф. *-lïq*], уйг. *йаӈақлиқ*, узб. *йонҕоқ дарахти* 'лещина' [< *йонҕоқ* 'орех' + *дарахти* 'дерево его' < ир. *дерехт* 'дерево'], казах. *жаӈҕақ аҕашы* 'лещина' [< *жаӈҕақ* 'орех' + *аҕашы* 'дерево его']; ср.: калм. *jaŋxʊg̥* 'грецкий орех'; 2) узб. XVI в. *җуз* [< ир. *джоуз* 'грецкий орех']; 3) башк. *сäтлäуеклек* [< *сäтлäуек* 'орех' + афф. *-лек*], карач.-балк. *чэртлеуйӱк кэкен* [< *чэртлеуйӱк* 'орех' + *кэкен* 'куст'], кумык. *чэртлӭвӱк ӱлкӱ* [< *чэртлӭвӱк* 'орех' + *ӱлкӱ* 'куст'], тат. Бор *чиклäвек қуаҕы* (Бурганова), тат. Бир *читлäвек аҕачы* (Бурганова) [< *читлäвек* 'орех' + *аҕачы* 'дерево его']; 4) аз. *ҕозлуҕ* [< *ҕоз* < ир. *гоуз* 'грецкий орех' + афф. *-луҕ*], каракалп. *ҕоз аҕашы* [< *ҕоз* < ир. *гоуз* 'грецкий орех' + *аҕашы* 'дерево его'], ног. *қоз тереги* 'лещина', тат. Бараб *қузуқ аҕачы* 'лещина', 'кедр' [< *қузук* 'орех' + *аҕачы* 'дерево его'] (см.: Кедр, п. 1), хак. *хузух сырыбы* 'лещина' [< *хузух* 'орех' + *сырыбы* 'прут его']; 5) тур. *fındık ağacı* [< ар. *fındık* сорт ореха + *ağacı* 'дерево его']; 6) як. *болбукта* 'лещина', 'кедровый стланик' (см.: Кедровый стланик, п. 1); 7) чув. *шӗшкӗ* [< рус. *шишка*].

II. мо.: 1) бур. *hамарай эшэ* [< *hамарай* 'орех' + *эшэ* 'стебель']; 2) калм. *jaŋχᵛg̥in modn̥* [< *jaŋχᵛg̥in* 'грецкого ореха' < *jaŋχʊg̥* 'орех' + *modn̥* 'дерево']; ср.: тюрк. *йонҕоқ* 'орех'.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *кочикта* Урм, уд. *кусикта* [< **кучикта*], ульч. *қачйақта*, нан. *қочоа* ~ *қочиқа* ~ *қоқоа*, ма. *ҳусиҳа моо* 'орех маньчжурский' [< *ҳусиҳа* 'орех' + *моо* 'дерево']; 2) эвенк. *сувукичӣ* Урм 'орешник'; 3) ороч. *куикта* ~ *кујукта*, нан. *қојақта*; 4) нан. *ачйақта мōнй* 'ореховый куст', *ачйаӈқора* ~ *ачаӈқора* ~ *ачйӈқора* 'орешник'; 5) нан. *комкора* 'орешник'; 6) ма. *ǯисиҳа* 'лещина'; 7) ма. *училэн* 'орешник с гибкими прутьями'.

50. Лимонное дерево, лимон (Citrus limon).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *matuluŋ* [< скр. *matulunga* 'лимон']; 2) аз., алт., башк., казах., карач.-балк., кирг., кумык., тат., тув., туркм., узб., уйг., хак. *лимон*, чув. *лимун* [< рус. <

гр. < ит. < ар.-ир.] (Фасмер, II, 497), тур. *limon* [< гр. < ит. < ар.-ир.].

II. мо.: 1) п.-мо. *nimbege* [< скр.], монг. *нимбэг*; 2) бур., калм. *лимон* [< рус.].

III. т.-ма.: эвенк., эвен., нан. *лимон* [< рус.].

51. Липа (Tilia L.).

I. тюрк.: 1) ног. *йӧке*, башк., тат. *йӯкә*, казах. *жөкә*, карач.-балк. *жеге*, узб. *жўқа*, кумык. *эге*, аз. *чөкә*, чув. *çăқа*; 2) тур. *ıhlamur*; 3) алт., каракалп., кирг., тув., туркм, уйг., хак., як. *липа* [< рус.].[14]

II. мо.: 1) п.-мо. *dom*, монг. *дом*; 2) п.-мо. *daldun*, монг. *далдуу*; 3) бур. *липэ* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *килдэн*, ороч. *кигдэ* [< **килдэн*], ульч. *килдэ(н-)*, нан. *килдэ̃*; 2) эвенк., эвен. *липа* [< рус.].

52. Лиственница (Larix decidua Mill.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *tït*, алт., тат. Том (Абдрахманов), хак. *тыт*, як. *тиит*, тув. *дыт*; 2) кумык., тат. *қарағай* 'лиственница', 'сосна' (см.: Сосна, п. 3); ср.: кирг. *қарағай* 'ель', 'сосна'; башк. *қарағас* [< *қара* 'черный' + *ағас* 'дерево'], тур. *kara-çam* [< *kara* 'черный' + *çam* < ар. *шам* 'свеча'], аз. *ғара шам*; 3) алт. Туба *чаал* (Баскаков); 4) казах. *самырсын*; ср.: п.-мо. *sinesün*; 5) карач.-балк., кирг., ног., чув. *лиственница* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *sinesün*, монг. *шинэс(эн)*, бур. *шэнэһэ(н)*; ср.: казах. *самырсын*; 2) п.-мо. *хага modu(n)* [< *хага* 'черный' + *modu(n)* 'дерево'], монг. *хар мод(он)*; ср.: калм. *хаr" modn̥* 'бук', 'дуб'; 3) калм. *лиственниц* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *исмама* У 'лиственница (сухостой)', эвен. *исэмтэ* Арм 'лиственница (молодая)', нег. *ис ~ иси*, *исма*, ороч., ма. *иси*, уд. *и^{h}и*, ульч., орок., нан. *сиси* 'лиственница'; ср.: кит. *сун я* 'лиственница' [< *сун* 'сосна' + *я* 'ворона']; 2) эвенк. *ирэ̄ктэ* 'лиственница', 'дерево', *ирэ̄вэллэн* 'лиственница (тонкая, молодая)', сол. *ирэ̄ктэ ~ ирэ̄ттэ* 'лиственница', эвен. *ирэ̄т* [< *ирэ̄ктэ*] 'лиственница (молодая)', 'деревцо', 'прут', 'кустарник', 'тальник', нег. *ијэ̄ктэ* [< *ирэ̄ктэ*] 'лиственница' (см.: Дерево, п. 2; Ветвь, п. 3; Тальник, п. 17); 3) эвенк. *hēkī* 'лиственница старая толстая' (ср.: *hēкита* 'дерево высокое в подлеске'), эвен. *hӕкӣта ~ ӕкита*, нег. *хēхӣта* 'лиственница большая сухая', *хēнакта ~ хоноктон* 'лиственница молодая'; 4) эвенк. *декта* 'лиственница', 'хвоя лиственницы' (см.: Хвоя, п. 2); ср.: эвен. *дэ̄т ~ дэ̄та* 'хвоя'; 5) орок. *иӈгу*, *иӈгуса* 'лиственница (молодая)', 'тальник' (см.: Тальник, п. 13); 6) эвенк. *чинэһун* Брг [< мо.; ср.: п.-мо. *sinesün*].

53. Ломонос (Clématis vitálba L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *japušγaq* [< *japuš-* 'прилепляться' + афф. *γaq-*]; 2) узб. *илонӯт* [< *илон* 'змея' + *ӯт* 'трава'] ~ *илонпечақ* [< *илон*

---

[14] рус. *липа* > 'липкий', из-за липкого сока (Фасмер, II, 499).

‘змея’ + *печаҟ* ‘вьюнок’] ~ *илончўп* [< *илон* ‘змея’ + *чўп* ‘веточка’]; 3) аз. *филбаһар* [< *фил* < ир. *фил* < скр. *pîlú* ‘слон’ + ? ир. *баһар* ‘весна’].

II. мо.: монг. *зогдор өвс* (УНТКМ).

54. Лох (джида; Elaeágnus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jigdä*, уйг. *җигдә*, узб. *жийда*, кирг. *жийде*, аз. *ийдә*; 2) тат. *лох* [< рус.].

II. мо.: монг. *жигд* (УНТКМ).

55. Магнолия (Magnolia L.).

I. тюрк.: башк., казах., каракалп., кирг., кумык., ног., тат., узб., хак. *магнолия*, чув. *магноли* [< рус. < фр.], тур. *manolya ağacı* ‘магнолия’ [< *manolya* ‘магнолия’ < фр. + *ağacı* ‘дерево ее’].

II. мо.: 1) п.-мо. *žambaγa*, монг. *замба* [< тиб. *сатрака* < скр. *сатрака* ‘магнолия’]; 2) п.-мо. *mobi*, монг. *мовь*; 3) бур. *магноли*, калм. *магноль* [< рус.].

56. Малина (Rúbus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *kpra*; 2) тур. *ağaççileği* [< *ağaç* ‘дерево’ + *çileği* ‘ягода его’], хак. *аҕас чистеги* [< *аҕас* ‘дерево’ + *чистеги* ‘земляника его’]; алт. *аҕаш йшилек* [< *аҕаш* ‘дерево’ + *йшилек* ‘ягода’], кумык. *аҕач жилек*; 3) тат. *җура* (ср.: тат. *җура* ‘сухой’, ‘засохший’, ‘засохшее растение’), тат. Минз *җурай жилӓк* (Бурганова) [< *җурай* < *җура* ‘сухой’, ‘засохший’ + *жилӓк* ‘ягода’], башк. *җурай йелеге* [< *җурай* < *җура* ‘сухой’, ‘засохший’, ‘засохшее растение’ + *йелеге* ‘ягода его’], тат. *җурай жилӓге*; 4) кирг. *дан җуурай* [< *дан* < ир. *дане* ‘зерно’, ‘семя’ + *җуурай* ‘засохшее растение’]; 5) хак. *оба чистеги* [< *оба* ‘медведь’ + *чистеги* ‘земляника его’]; 6) башк. *торна йелеге* [< *торна* ‘журавль’ + *йелеге* ‘ягода его’]; 7) чув. *хӑмла çырли* [< *хӑмла* ‘хмель’ + *çырли* ‘ягода его’]; 8) тув. *сара ҕады* [< *сара* ‘соловый’, ‘желтый’ + *ҕады* ‘ягода его’]; 9) як. *биэ эмийэ* [< *биэ* ‘кобыла’ + *эмийэ* ‘сосок ее’]; 10) тат. Бараб *аслыҕан* ~ *аслаҕан*; 11) башк. *әберсә*; 12) карач.-балк. *наныҟ*; ср.: хак. *ноҧных* ‘черника’, карач.-балк. *ҟара наныҟ* ‘ежевика’; 13) узб. *булдурҕун*; ср.: ног. *бӱлдирген* ~ *бӧлдирген* ‘ежевика’, казах. *бӱлдирген* ‘ягода’, мо. (см. II. 1); 14) тоф. *žäh'än* ‘малина’, ‘роза’, ‘шиповник’, ‘игла’, ‘шип’, ‘колючка’ (см.: Роза, п. 3; Шиповник, п. 5; Игла, п. 1); 15) аз. *моруҕ* [< ? ар. *маррага-* ‘пачкать’, ‘марать’, ‘пятнать’]; ср. рус. *малина* < и.-е. *mel-* ~ *melə-* разные оттенки темного цвета (Меркулова, 212—213); 16) узб. *маймунчаҟ* [< ир. *маймун* < скр. *тауи́* ‘обезьяна’ + афф. *-чаҟ*]; 17) тур. *ahududu* [< ир. *ahu* ‘дикая коза’ + *dudu* ‘тутовник ее’ < ир. *тут* ‘тутовник’]; 18) казах., каракалп., кирг., кумык., ног., тат. Хвал (Бурганова), туркм., уйг. *малина* [< рус. < и.-е. *mel* ~ *melə-* разные оттенки темного цвета] (Меркулова, 212—213).

II. мо.: 1) п.-мо.: *boγelžirgene* ~ *bülžirgene*, монг. *бөөрөлзгөөнө*, бур. *бөөрөлэгөнө* ‘малина’, калм. *bōldžrg°nə* ‘малина’, ‘крыжовник’, ‘ягода’ (см.: Ягода, п. 2; Крыжовник, п. 3); ср.:

узб. *булдурбун* ‘малина’, ног. *бӱлдирген ~ бӧлдирген* ‘ежевика’, казах. *бӱлдирген* ‘ягода’; 2) бур. *забаан зэдэгэнэ* [< *забаан* ‘пресный’ + *зэдэгэнэ* ‘земляника’]; 3) бур. *малина*, калм. *малин* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ǯyjapчy*, *ǯyjapипчy*; 2) ульч. *ин'амукта* ‘морошка’, ‘малина’ (см.: Морошка, п. 1); 3) эвенк. *сахармукта* [< рус. *сахар*]; 4) эвенк., эвен. *малина* [< рус.].

57. Маслина, см. олива.

58. Мимоза (Lagonychium).

I. тюрк.: 1) туркм. *пишикдырнаӷ* [< *пишик* ‘кошка’ + *дырнаӷ* ‘коготь’]; 2) туркм. *чемен гӱли* [< *чемен* ‘букет’ + *гӱли* ‘цветок его’, ‘роза его’ < ир. *гол* ‘цветок’, ‘роза’]; 3) аз. *кӱсдӱмкӱлӱ* [< *кӱсдӱм* < ? ир. *кеждом* ‘скорпион’ + *кӱлӱ* ‘цветок его’, ‘роза его’ < ир. *гол* ‘цветок’, ‘роза’]; 4) башк., казах., кирг., тат., туркм., узб., хак., чув. *мимоза*, як. *мимуоса* [< рус. < лат.].

II. мо.: 1) п.-мо. *seirsan modu(n)* [< *seirsan* род. п. ‘мимозы’ + *modu(n)* ‘дерево’], монг. *сиирсэн мод*; 2) бур. *мимозо* [< рус.].

59. Миндаль (Amygdalus L.).

I. тюрк.: 1) Зам. *bādām* [< ир. *бадам* ‘миндаль’], узб. XIV в. *бадам*, тур. XVII в. *badam*, аз., казах., каракалп., кирг., кумык., тат., туркм., уйг. *бадам*; 2) алт., башк., казах., тат., чув. *миндаль* [< рус. < гр. < семитск.] (Фасмер, II, 623).

II. мо.: 1) п.-мо. *büilesnii modu(n)* [< *büilesnii* ‘миндальное’ + *modu(n)* ‘дерево’], монг. *буйлсний мод*, *буйлээс* (УНТКМ); 2) бур., калм. *миндаль* [< рус.].

III. т.-ма.: эвен. *миндаль* [< рус.].

60. Мирт (мирта; Myrtus).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *topulγaq* [< *topul-* ‘разрывать’, ‘прорывать’ + афф. *-γaq*]; 2) узб. XVI в. *ac*, тур. *as* [< ир. *ас* ‘мирт’]; 3) тур. *mersin*; ср.: аз. *мярсин* ‘черника’; 4) казах., тат. *мирт*, чув. *мирта*, як. *миирте* [< рус. < лат.].

61. Можжевельник (Juniperus commúnis L.).

I. тюрк.: 1) Зам. *arča ~ arči* ‘можжевельник’, ‘кипарис’ (см.: Кипарис, п. 2); ср.: ир. *aris* ‘можжевельник’, мо. и т.-ма., кирг., тат., туркм., узб., уйг. *арча*, каракалп. *арша*, алт., хак. *арчын*, др.-тюрк. *artïč ~ artïz*, аз. *ардыч*, тур. *ardıc* ‘можжевельник’, аз. *ардыш* ‘можжевельник’, ‘ель’ (см.: Ель, п. 5), алт. Туба (Баскаков), башк., тат., тув. *артыш*, чув. *уртăш*, тат. *ыртыйш* ‘можжевельник’; ср.: башк. *арса* ‘вереск’, мо. и т.-ма.; 2) карач.-балк. *шкилди ~ шхылды*; ср.: карач.-балк. *ӷызыл шкилди* ‘брусника’; 3) чув. *нăхăт йывăҫҫи* [< *нăхăт* < ир. *нохуд* ‘горох’ + *йывăҫҫи* ‘дерево его’]; 4) тув. *шаанаӷ* ‘можжевельник (сибирский)’, ‘багульник’; 5) як. *кытыан* ‘можжевельник’, ‘вереск’ (см.: Вереск, п. 4); 6) кумык. *можжевельник* [< рус.].[15]

[15] рус. *можжевельник* < ? ‘мозг’, т. е. связано с ядреной, крепкой древесиной (Фасмер, II, 637).

II. мо.: 1) п.-мо.: *arča*, монг. *арц* ‘можжевельник’, бур. *арса* ‘можжевельник’, ‘вереск’ (см.: Вереск, п. 2), калм. *arts*^{n} ‘можжевельник’ [< **ari-*, *arigun* ‘чистый’] (R. KW, 15); ср.: тюрк., ир. *aris* ‘можжевельник’; 2) калм. *saŋgin idēn* [< *saŋgin* ‘жертвенная’ + *idēn* ‘пища’].

III. т.-ма.: 1) эвен. *арча* ~ *арӡа* ‘можжевельник’, ‘багульник’ (см.: Багульник, п. 4); нег. *атчимка* [< **арчимка*] ‘можжевельник’; ср.: нан. *арча* название хвойного кустарника, вид тальника, ир. *aris* ‘можжевельник’, тюрк., мо. (см. II. 1); 2) эвенк. *ӡулкирэ* ~ *ӡулкэ*; 3) эвенк. *сэŋкирэ* ‘можжевельник’, ‘багульник’ (см.: Багульник, п. 1); 4) эвенк. *кэвэк* С; 5) ма.: *сақсин* ‘можжевельник (с густыми, толстыми и короткими иглами)’; 6) эвен. *можжевельник* [< рус.].

62. Морошка (Rubus chamaemorus).

I. тюрк.: 1) башк. *һаз йелеге* ‘морошка’ [< *һаз* ‘болото’ + *йелеге* ‘ягода его’], чув. *шур ҫырли* ‘морошка’, ‘клюква’ (см.: Клюква, п. 6); 2) казах., кирг., тат. *морошқа*, як. *моруоска* ~ *морушка* ~ *моросхо* [< рус. < финно-угр.] (Фасмер, II, 658; Меркулова, 227).

II. т.-ма.: 1) эвенк. *инӈамукта*, эвен. *йнӈъмтъ* [< *инӈамукта*], нег. *ин'намта* ~ *ин'ӈамта*, ороч. *ин'амукта*, уд. *иӈамукта* ‘морошка’, ульч. *ин'амукта* ‘морошка’, ‘малина’ (см.: Малина, п. 2); 2) эвенк. *мороӈо*; ср.: нен. *мораӈга* ‘морошка’.

63. Мушмула (Méspilus L.).

I. тюрк.: 1) тат. *мушмула*, тур. *muşmula*; 2) кумык. *өгӱзйемиш терек* [< *өгӱз* ‘бык’ + *йемиш* ‘фрукт’, ‘плод’ + *терек* ‘дерево’]; 3) аз. *äзкил*; ср.: сев.-аз.-тат. *æzgil* ‘мушмула’.

64. Облепиха (Hippóphäe L.).

I. тюрк.: 1) алт. *чычырана* [< *чычыр-* ‘обмарать’, ‘испачкать’ + афф. *-ана* < мо. *-γапа*], тув. *чыжырҕана*, кирг. *чычырҕанақ*; 2) башк. *һырҕанақ* [< *һыр-* ‘облеплять’ + афф. *-ҕанақ*], тат. *сыргъанақ*, чув. *сырлан* [< *сыр-* ‘облеплять’ + афф. *-лан*]; 3) алт. *сарыҕат* [< *сары* ‘желтый’ + *ҕат* ‘ягода’], карач.-балк. *сары чыҕнақ*; 4) чув. *облепиха* [< рус.].

II. мо.: п.-мо. *čičarγапа*, монг. *чацаргана*, бур. *шасаргана*; ср.: тюрк. (см. п. 1).

65. Олеандр (Nerium oleander)

I. тюрк.: 1) уйг. *тал гӱли* [< *тал* ‘ива’ + *гӱли* ‘цветок ее’, ‘роза ее’ < ир. *гол* ‘цветок’, ‘роза’]; 2) тур. *zakkum* [< ар. *закқум* ‘дикая маслина’]; 3) башк., казах., каракалп., кирг., тат., узб., чув. *олеандр* [< рус. < фр.].

66. Олива (маслина; Olea europea).

I. тюрк.: 1) Зам. *зейтун* [< ар. *зейтун* ‘олива’], узб. XVI в. и совр. *зайтун*, тур. XVII в. *zeytun*, кирг., кумык. *зайтун*, аз., туркм. *зейтун*, башк., тат. *зәйтүн*, гаг. *зейтин*; 2) чув. *ҫу йывăҫҫи* [< *ҫу* ‘масло’ + *йывăҫҫи* ‘дерево его’]; 3) кумык. *жыҕана терек* [< *жыҕана* ‘масляный’ + *терек* ‘дерево’]; 4) як. *арыылаак*

мас [< *арыылаак* ‘масляный’ + *мас* ‘дерево’]; 5) казах., карач.-балк., каракалп., ног. *олива* [< рус. < лат.], як. *элиивэ маһа* [< *элиивэ* < рус. *олива* + *маһа* ‘дерево ее’]; 6) казах., карач.-балк., каракалп., ног. *маслина* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *tosuliγ modu(n)* [< *tosuliγ* ‘масляный’ + *modu(n)* ‘дерево’], монг. *тослог мод*, бур. *тоһотой модо(н)*; 2) монг. *чидун жимс* [< *чидун* < тюрк. < ар. *зейтун* ‘олива’ + *жимс* ‘плод’]; 3) монг. *олив*, бур., калм. *олива* [< рус.]; 4) бур. *маслина* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *улусун*; 2) ма. *фиқа*; 3) ма. *кан лан* [< кит. *ганлăн* ‘олива’].

67. Ольха (Alnus Gaerth).

I. тюрк.: 1) тур. *kızılağaç* [< *kızıl* ‘красный’ + *ağaç* ‘дерево’], аз. *ҕызылағач*; ср.: тат. Бараб *қызыл ағачы* ‘кедр’; 2) алт. *ээне ағаш* [< *ээне* ‘мать’ + *ағаш* ‘дерево’]; 3) гаг. *балағa*; 4) як. *абағa* ‘древовидная ольха’, ‘престарелый в роде’, ‘старший брат родного отца’; 5) як. *уулаайы*; 6) тат. *зирек* [< ир. *зирк* ‘барбарис’], тат. Нокр *йерек* ~ *җирек* (Бурганова), карач.-балк. *җерк*, башк. *йерек*, чув. *çирĕк*, як. *сисик*, узб. *зирк дарахти* [< ир. *зирк* ‘барбарис’ + *дарахти* ‘дерево его’ < ир. *дерехт* ‘дерево’], тат. Тюм *йӧрек ағач* (Бурганова) [< *йӧрек* < ир. *зирк* ‘барбарис’ + *ағач* ‘дерево’]; 7) узб. *қандағоч* [< ар. *канд* ‘сахар’ + *ағоч* ‘дерево’]; 8) казах., каракалп., кирг., кумык., ног. *ольха* [< рус.], хак. *ольха ағас* [< рус. *ольха* + *ағас* ‘дерево’].

II. мо.: п.-мо. *nigürsü(n)*, монг. *нигүрс* ~ *нүргэс* (УНТКМ); 2) бур. *ольха*, калм. *ольх* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ǯ̌ugdэн*, эвен. *ǯ̌ōgdэн*, нег. *ǯ̌ugdэ̄н*, ороч., уд. *ǯ̌ugdэ(н)*, орок. *ǯ̌uвэgdэ*; 2) эвенк. *дулгикта*, эвен. *дөктъ*, ороч. *дуггимту* [< *дулги* + *мпу*], уд. *дүүмнэ*; 3) эвенк. *нула*, ‘осина’, ‘ясень’, ‘ольха (черная)’, ульч. *пӯнда(н-)*, орок. *пӯнда* ‘ольха’ (см.: Осина, п. 1; Тополь, п. 1; Ясень, п. 4); 4) эвенк. *эһӣктэ*; 5) эвенк. *дулку*; 6) эвен. *ōтлāт* ‘ольха карликовая’; 7) эвенк. *тулакан* вид ольхи; 8) нан. *ольха* [< рус.].

68. Орешник, см. лещина.

69. Осина (Pópulus trémula L.).

I. тюрк.: 1) казах. *көктерек* [< *көк* ‘серый’ + *терек* ‘тополь’, ‘дерево’], кумык. *ақтерек* [< *ақ* ‘белый’ + *терек* ‘тополь’, ‘дерево’], кирг. *бай терек* [< *бай* ‘богатый’ + *терек* ‘тополь’], уйг. *таҕ терäк* [< *таҕ* ‘гора’ + *терäк* ‘тополь’], узб. *тоҕ терек*; 2) аз. *аҕчаҕоваҕ* [< *аҕча* ‘беленький’, ‘серебристый’ + ? *боваҕ* ‘перхоть’; ср.: тур. *kovak* ‘тополь’]; 3) ног. *элмен* ‘осина’; ср.: казах. *илм*, тат. *элмä* ‘ильм’, кумык. *элма* ‘вяз’, ‘ильм’; 4) тув. *шарлан*; 5) як. *тэтиҥ*; 6) тоф. *уйҕут* ‘осина’, ‘тополь’ (см.: Тополь, п. 3); 7) тат. Бараб *абсақ* ~ *авысақ* ~ *аусақ*, тат. Том *апсақ* (Абдрахманов), алт. *аспақ*, башк. *уҫақ*, тат. *усақ*, тат. Серг *осақ* ~ *ысақ* ~ *сақ* (Бурганова), карач.-балк. *бусақ*, чув. *ăвăç*, чув. Сунд *вус* (Чуркин), хак. *ос* [< и.-е. ?] (см.: ВЯ, 1963, № 6,

стр. 128); ср.: тох. В *ausa* [< инд.-герм. **apsā* ‘осина’] (Rona-Tasch, № 2); 8) каракалп. *осина* [< рус.]; ср.: тат. *усақ*.

II. мо.: п.-мо. *ulijasu(n)*, монг. *улиас(ан)*, бур. *улаһа(н)*, калм. *ulāsn̥* ‘осина’, ‘тополь’ (см.: Тополь, п. 1).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *нула* ‘осина’, ‘тополь’, ‘ясень’, ‘ольха (черная)’, сол. *улу*, эвен. *нӯл*, нег. *холдāн* ‘осина’, уд. *хулу* ‘осина’, ульч. *пӯли* ‘осина’, орок. *пӯлӣ*, нан. *поло*, ма. *фулҳа моо* ‘осина’, ‘тополь’ [< *фулҳа* ‘осина’, ‘тополь’ + *моо* ‘дерево’]; ср.: п.-мо. *ulijasu(n)* (см.: Ольха, п. 3; Тополь, п. 1; Ясень, п. 4); 2) ма. *амида* ‘осина’, ‘тополь’ (см.: Тополь, п. 2); 3) ма. *улиас(ан)* [< мо.; см.: II. 1].

70. Осокорь (черный тополь, Populus nigra).

I. тюрк.: 1) казах., кирг. *қара терек* [< *қара* ‘черный’ + *терек* ‘тополь’, ‘дерево’], тат. *қара тирәк*, узб. *қора терақ*, хак. *хара тирек*, чув. *хура тирек*; ср.: башк. *аҡ тирәк* ‘тополь’; 2) башк. *тирәк*, кирг. *тоорақ*, уйг. *тоҕрақ* ‘тополь’, ‘осокорь’ (см.: Тополь, п. 1); 3) аз. *ҕарабоваҕ* [< *ҕара* ‘черный’ + ? *ҕоваҕ* ‘перхоть’; ср.: тур. *kovak* ‘тополь’]; 4) чув. *тар йывăҫҫи* [*тар* ‘пот’ + *йывăҫҫи* ‘дерево его’].

III. т.-ма.: ма. *зифу нуҳгэлэ*.

71. Пальма (Palmae).

I. тюрк.: 1) узб. XVI в. *нихал* [< ир. *нихал* ‘молодое деревцо’, ‘побег растений’]; 2) аз., алт., башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., ног., тат., тув., туркм., узб., уйг., хак., чув., як. *пальма* [< рус. < лат.], тур. *palmiye* [< лат].

II. мо.: 1) калм. *šāwŋ zandn̥* [< *šawŋ* ‘молоток’, ‘дубина’ + *zandn̥* ‘сандал’ < скр. *candana* ‘сандал’]; 2) п.-мо. *dala(n) modu(n)* [< *dala(n)* ‘пальма’ + *modu(n)* ‘дерево’], монг. *дал мод*; 3) бур. *пальма* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *дурусҕа моо* [< *дурусҕа* ‘пальма’ < скр. + *моо* ‘дерево’; 2) эвен., нан. *пальма* [< рус.].

72. Персиковое дерево, персик (Persica Mill.).

I. тюрк.: 1) Зам. *šaftālu* [< ир. *шефталу* ‘персик’], тур. XVII в. *şaftalu*, аз. *шафтали*, узб. *шафтоли*, тат. *шәфталу*, башк. *шәфтәле*, уйг. *шаптула*, кирг. *шапталу* ~ *шабдалы*, казах. *шапдалы*, карач.-балк., кумык. *шаптал*, ног. *шапдал*, туркм. *шепдалы* ~ *шебдалы* ~ *шетдалы*, тур. *şeftali ağacı* [< *şeftali* < ир. *шефталу* ‘персик’ + *ağacı* ‘дерево его’]; 2) башк., чув. *персик* [< рус.], хак. *персик аҕазы* [< рус. *персик* + *аҕазы* ‘дерево его’], як. *персик мас* [< рус. *персик* + *мас* ‘дерево’].

II. мо.: 1) п.-мо. *toγur* < *tour* ~ *tuur* [< кит.], монг. *тоор*; ср.: ма. *торо моо* (см. III. 1); 2) п.-мо. *šabtul* [ир. *шефталу* ‘персик’]; 3) калм. *šarᵛ örᵒg* ‘персик’, ‘слива’, ‘абрикос’ [< *šarᵛ* ‘желтый’ + *örᵒg* ‘абрикос’, ‘слива’ < тюрк.] (см.: Абрикосовое дерево, п. 1; Слива, п. 1); 4) бур. *персик* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *торо моо* [< *торо* < кит. *та́ор* ~ *та́о* ‘персик’ + *моо* ‘дерево’]; ср.: п.-мо. *тоγиr* ~ *тоur* ~ *тuur* (см. п. 1); 2) ма. *ҳасуран моо* ‘персик дикий’ [< *ҳасуран* ‘персик дикий’ + *моо* ‘дерево’]; 3) ма. *ҟара ҳуна* ‘персик’, ‘вяз’ (см.: Вяз, п. 2); 4) ма. *ӡушухури*, *ӡушуту*, *ӡушучи*, *ӡушури* ‘персик (кислый)’ [< *ӡушухун* ‘кислый’ + афф. *-ри*, *-ту*, *-чи*]; 5) эвен., нан. *персик* [< рус.].

73. Пихта (Abies concolor Lindl.).

I. тюрк.: 1) башк. *аҡ шыршы* [< *аҡ* ‘белый’ + *шыршы* ‘ель’], тат. *аҡ чыршы*, чув. *шур чăрăш* [< *шур* ‘болото’ + *чăрăш* ‘ель’], як. *таҥса харыйа*; ср.: башк. *шыршы* ‘ель’, тат. Бараб *ҟара чыршы* ‘ель’; 2) алт. *йоӈон*, тув. *чойӈон*; 3) алт. Туба *чыбы* (Баскаков), хак. *сыбы*; ср.: алт. *чиби* ‘ель’; 4) тат. Том *байлан* ~ *пайлан* (Абдрахманов) ‘пихта’, ‘калина’ (см.: Калина, п. 2); ср.: алт. *балан* ‘калина’, тат. Бараб *балан* ‘калина’, ‘рябина’, казах. *балам* ~ *палам* ‘бузина’, ‘калина’; 5) аз. *аӷшам* [< *аӷ* ‘белый’ + ар. *шам* ‘свеча’]; 6) карач.-балк. *наз*; 7) тур. *lâden ağacı* [< ар. *lâden* ‘ладан’ + *ağacı* ‘дерево его’]; 8) каракалп., кирг., кумык., ног., узб., уйг., чув. *пихта*, як. *пикте* [< рус.].

II. мо.: 1) монг., бур. *жодоо*, бур. *ёдоо* ~ *доо*; 2) калм. *šarⁿ χarγā* ~ *šarⁿ χarγā* ‘пихта’, ‘сосна’ [< *šarⁿ* ‘желтый’ + *χarγā* ~ *χarγā* ‘пихта’]; ср.: казах. *ҟарағай* ‘сосна’ (см.: Сосна, п. 2).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ӈāӈтэ* ~ *нāӈтэ* ~ *лāӈтэ* С-Б ‘пихта’, ‘ель’, ‘сосна’, ‘кедр’, эвен. *ӈāӈтъ* ~ *ӈāӈта* ~ *н'āӈта* Тг ‘пихта’, ‘ель’, ‘сосна’, нег. *ӈāӈта* ‘пихта’, ‘ель’, ороч., уд. *ӈаӈта* ‘пихта’, ульч. *ваӈта* ‘пихта’, ‘ель’, орок. *ваӈта* ~ *ваӈита* ‘пихта’, ‘сосна’, нан. *ваӈта* ‘пихта’ (см.: Ель, п. 2; Кедр, п. 3; Сосна, п. 2); 2) эвенк. *ӈэкли* Сх, нег. *ӈōхли*; ср.: *ӈо-* ‘пахнуть’; 3) ороч. *опо*, уд. *окпо* ‘пихта’, ‘дерево сухостойное’ (см.: Дерево, п. 3); 4) эвенк. *ӈуктэ* ~ *нуктэ* ‘пихта’, ‘рябина’ (см.: Рябина, п. 1); 5) эвенк. *ӡагда* ‘пихта’, ‘сосна’ (см.: Сосна, п. 1); 6) эвенк. *асāкта*, уд. *а^{h}икта* ‘пихта’, ‘ель’ (см.: Ель, п. 1); 7) ма. *ф'акса моо* ~ *ф'аксэ моо* ‘пихта’ [< *ф'акса* ~ *ф'аксэ* ‘пихта’ + *моо* ‘дерево’]; ср.: эвенк. *hāктэ* ‘древесина лиственницы’; 8) ма. *таҟта моо* ‘пихта’; ср.: эвенк. *тактикāн* ‘кедр’, уд. *тактиγа* ‘тисс’.

74. Платан (чинара; Platánus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *avïlqu* ~ *afïlγu*; 2) др.-тюрк. *čünük* ~ *šünük* ~ *šenük*; 3) др.-тюрк. *čarun*; 4) узб. XVI в. *далаб* [< ар. *дулаб* ‘платан’]; 5) ног. *аӷшаӷаш* [< *аӷша* ‘беловатый’, ‘серебряный’ + *аӷаш* ‘дерево’]; 6) аз., башк., кумык., уйг. *чинар*, кирг., туркм. *чынар*, тур. *çinar*, узб. *чинор*, каракалп. *шнар* [< ир. *ченар* ‘платан’, ‘чинара’]; 7) башк., казах., кумык., тат., чув. *платан* [< рус. < лат.].

II. мо.: калм. *платан* [< рус.].

75. Ракита (ракитник; Cytisus ruthenicus Fisch.).

I. тюрк.: 1) казах. *ҟызыл шилик* [< *ҟызыл* ‘красный’ + *шилик* ‘тростник’]; 2) чув. *хăва тĕме* [< *хăва* ‘ива’ + *тĕме* ‘куст ее’];

3) кирг. *тал* 'ракита', 'ива', 'тальник' (см.: Ива, п. 1; Тальник, п. 1); 4) каракалп. *рақита* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвен. *hāmākāг* ~ *cām* Арм 'ракита', 'ива', 'тальник' (см.: Ива, п. 3; Тальник, п. 1); 2) ма. *х'ақдэн моо* [< *х'ақдэн* 'ракита' + *моо* 'дерево'].

76. Роза (Rosa L.).

I. тюрк.: 1) узб. XIV в. и совр. *гӱл* [< ир. *гол* 'цветок', 'роза'], карач.-балк., кумык., туркм. *гӱл*, тур. *gül*, тат. Кас *гӧл* (Бурганова), аз. *кӱл*, ног. *қызыл гӱл* [< *қызыл* 'красный' + *гӱл* < ир. *гол* 'цветок', 'роза'], уйг. *қизилгӱл*, каракалп. *қзыл ҕул*, аз. *ҕызылкӱл*, узб. XIV в. *гӱлаф* [< ир. *гол* 'цветок', 'роза'], тат. Арч *гӧлӓп* (Бурганова), тат. *гӧлчӓчӓк* [< *гӧл* < ир. *гол* 'цветок', 'роза' + *чӓчӓк* 'цветок'], тат. *аҕач гӧле* [< *аҕач* 'дерево' + *гӧле* 'цветок его', 'роза его' < ир. *гол*]; тат. Бир *гӧлҗимеш гӧл* (Бурганова) [< *гӧл* < ир. *гол* + *җимеш* 'плод', 'фрукт' + *гӧл* < ир. *гол*], тат. Хвал *айу қампыр геле* (Бурганова) [< *айу* 'медведь' + *қампыр* 'тесто' + *геле* 'цветок его', 'роза его' < ир. *гол*], тат. Темн *роза гӧле* (Бурганова) [< рус. *роза* + *гӧле* цветок ее', 'роза ее' < ир. *гол*], узб. *атиргӱл* [< *атир* 'духи́' + *гӱл* < ир. *гол*]; 2) узб. XIV в. *вӓрд* ~ *вард* [< ар. *вард* 'роза']; 3) тоф. *ǯӓh'ӓн* 'роза', 'шиповник', 'малина', 'шип', 'колючка' (см.: Игла, п. 1; Шиповник, п. 5; Малина, п. 14); 4) тат. Минз *шӧлек* (Бурганова) [< ? рус. *шелк*]; 5) алт., башк., казах., карач.-балк., кирг., тат., тув., хак., чув. *роза*, як. *оруоса* [< рус.], тат., Тау *чайный рузы* (Бурганова) [< рус. *чайный* + *рузы* 'роза его' < рус. *роза*].

II. мо.: 1) калм. *ōšk tsetsəg* [< *ōšk* анат. 'легкие' + *tsetsəg* 'цветок']; 2) бур. *розо* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) нан. *каи*; 2) ма. *ми орҳо* 'роза' [< кит. *ми* 'роза', 'шиповник' + *орҳо* название растений]; 3) эвен. *роза* [< рус].

77. Рябина (Sorbus aucuparia L.).

I. тюрк.: 1) узб. XVI в. *ҕабыра*; 2) башк., тат. *милӓш*, туркм. *мелеш*, тат. Кас *мӓлӓш* ~ *мулиш* (Бурганова), чув. *пилеш*; 3) кирг., уйг. *четин*, узб. *четан*, казах. *шетен*; 4) башк. *мышар*, тат. Тюм *мыцыр* (Бурганова); 5) аз. *ӱвӓз*, тур. *üvez*; 6) тат. Бараб *балан* 'рябина', 'калина' (см.: Калина, п. 2); ср.: тат. Том *байлан* ~ *пайлан* (Абдрахманов) 'калина', 'пихта', алт. *балан* 'калина', казах. *балам* ~ *палам* 'бузина', 'калина'; 7) карач.-балк. *тақйӱзӱк*; 8) алт. *беле*; 9) тат. Пенз *пизел* (Бурганова); 10) хак. *мӱндӱргес*; 11) як. *сырбынйах* ~ *сырбанйах*; 12) каракалп., кумык., ног., тув. *рябина*, як. *рӓбина* ~ *ӓрӓбӣнӓ* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *tesu*, монг. *тэс* 'рябина (сибирская)'; 2) бур. *бэшэ модон* ~ *мүшэ модон*; 3) калм. *χȫn bȫlžr̥gᵊnə* [< *χȫn* 'овца' + *bȫlžr̥gᵊnə* 'ягода', 'крыжовник', 'малина']; 4) бур. *рябина* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ӈуктэ*, эвен. *нэктӭвки*; 2) эвенк. *миктэ*, нег. *миктан*, ульч. *милэктэ*, *милэктэ мōни*, орок. *миктэ ~ миттэ*, *милэктэ*; 3) эвенк. *ачакта* ‘рябина’, ‘клен’ (см.: Клен, п. 1); 4) эвенк. *hатакта*; 5) эвенк. *кишир*; 6) эвенк. *кэмпи*; ср.: ороч. *кӭмуктэ* ‘кислица’, ‘костяника’; 7) нан. *н'эсултэ̄* ‘рябина’, ‘калина’ (см.: Калина, п. 1); ср.: п.-мо. *tesu* (см. II, 1); 8) ма. *эjктэ*; 9) уд. *улиӈкиэ* ‘яблоко’, ‘рябина’, ма. *ули* ‘груша’, ‘рябина’ (см.: Яблоня, яблоко, п. 1; Груша, п. 3).

78. Саксаул (Haloxylon sp.).

I. тюрк.: 1) алт., башк., тат., чув. *сақсаул*, карач.-балк. *сақсауул*, узб. *сақсовул*, казах. *сексеўил*, кирг. *сöксööл*, туркм. *сазақ*, уйг. *зақ*.; ср.: т.-ма. (см. III), кит. *žo* (R. KW, 463); 2) туркм. *ожар*.

II. мо.: п.-мо. *žaγ*, монг. *заг*, бур. *сагсуул*, калм. *zag*; ср.: тюрк., т.-ма.

III. т.-ма.: ма. *žaқ моо* [< *žaқ* ‘саксаул’ + *моо* ‘дерево’]; ср.: тюрк., мо.

79. Самшит (Buxus).

I. тюрк.: башк., казах., карач.-балк., кумык., тат., чув. *самшит*, кирг. *шамшат*, узб. *шамшад*, аз. *шумшад ~ шимшад*, тур. *şimşir* [< рус. < груз.].

II. мо.: 1) бур. *шара зандан* [< *шара* ‘желтый’ + *зандан* < скр. *chandana* ‘сандал’]; 2) бур. *самшит*, калм. *семсер* [< рус.].

80. Сандал (Santalum).

I. тюрк.: др.-тюрк. *čandaru ~ čïntan ~ čïndan ~ cïndan* [< скр. *candana* ‘сандаловое дерево’], узб. XVI в. *сандал*, тур. XVII в. *sandal*, казах., кирг., кумык., тат., чув. *сандал*, аз. *сӓндӓл*.

II. мо.: п.-мо. *žandan* [< скр.; ср. тюрк.], монг., бур. *зандан*, калм. *zandn̥*.

III. т.-ма.: ма. *žамдан моо* [< *žамдан* < скр. *candana* ‘сандал’ + *моо* ‘дерево’].

81. Сирень (Syringa L.].

I. тюрк.: 1) аз. *йасӓмӓн* [< ир.] ‘сирень’, ‘жасмин’ (см.: Жасмин, п. 1); 2) тур. *leylâk* [ар. *лейл* ‘ночь’]; 3) алт., башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., ног., тат., тув., туркм., узб., хак., чув. *сирень*, як. *сириэ̄н* [< рус.].

II. мо.: бур. *сирень* [< рус.], калм. *сирень tsetsəg* [< рус. *сирень* + *tsetsəg* ‘цветок’].

III. т.-ма.: ороч. *сиjэгдэ*, уд. *сэгдэ*.

82. Сланец, см. кедровый стланик.

83. Слива (Prunus domestica L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *erük* ‘слива’, ‘абрикос’ (см.: Абрикос, п. 1), тур. *erik*, карач.-балк. *эрик*, др.-тюрк. *qara erük* ‘слива’ [< *qara* ‘черный’ + *erük* ‘абрикос’, ‘урюк’], казах. *қара өрӱк*; 2) Зам. *ālu ~ qara ālu* [< *qara* ‘черный’ + *ālu* < ир. *алу* ‘слива’], каракалп. *қарали*, туркм. *ƃаралы*; 3) аз. *қавалы* [< ир. *алу* ‘слива’];

4) кирг. *ҡайналы ~ ҕайналу ~ ҕайноолу* [< ир. *алу* ‘слива’]; 5) ног. *көкем* [< *көк* ‘синий’, ‘голубой’ + *ем* ‘еда’]; 6) кумык. *ҡоҡан терек*; ср.: чув. *кӳкен ~ кикен* ‘терн’, ‘чемерица’, кумык. *ҕоҕан* (*ӱлкӱ*) ‘терн’; 7) узб. *олхӯри*; 8) алт., башк., тат., тув., хак. *слива*, чув. *ҫлива* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *üril* ‘слива дикая’; ср.: п.-мо. *ölir*, монг. *өрөл* ‘яблочки дикие’; 2) калм. *šarᵛ örᵒ̄g* ‘слива’, ‘абрикос’, ‘персик’ [< *šarᵛ* ‘желтый’ + *örᵒ̄g* ‘слива’, ‘абрикос’ < тюрк.] (см.: Абрикосовое дерево, п. 1; Персиковое дерево, п. 3); 3) бур. *сливэ* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *фојōро, фојōри*; 2) ма. *јаӈмэј* [< кит. *янмэ́й* ‘земляника’, *мэй* ‘слива’, ‘чернослив’, ‘ягоды’]; 3) эвенк., эвен. *слива* [< рус.].

84. Слива растопыренная, см. алыча.

85. Смоковница, см. инжир.

86. Смородина (Ribes L.).

I. тюрк.: 1) казах., кирг. *ҡарақат* [< *ҡара* ‘черный’ + *ҡат* ‘ягода’], алт., тат. Бараб, тат. Том *ҡарағат* (Абдрахманов), узб. *ҡорағат*, аз. *ҕарағат*, хак. *харағат*; ср.: тув. *ҡарақат* ‘черника’; 2) казах., тат. *ҡарлыған* ‘смородина’, ‘крыжовник’ [< *ҡара* ‘черный’] (см.: Крыжовник, п. 1), чув. *хурлăхан*, туркм. *ҕараған*; 3) як. *ǯордуома*; 4) карач.-балк. *дуҕум*; 5) як. *моинйоҕон*; ср.: бур. *мојhон* ‘черемуха’; 6) тур. *frenküzümü* [< *frenk* < ир. *ференг* ‘европеец’ + *üzümü* ‘виноград его’], кумык. *айув йӱзӱм терек* [< *айув* ‘медведь’ + *йӱзӱм* ‘виноград’ + *терек* ‘тополь’, ‘дерево’]; 7) каракалп., ног., уйг. *смородина* [< рус. < праслав. **smord-* ‘иметь сильный запах’] (Меркулова, 213—214).

II. мо.: 1) п.-мо. *ükeriin nidü(n)* [< *ükeriin* ‘скотский’ + *nidü(n)* ‘глаз’]; монг. *ухрийн нүд*; 2) бур. *улааганын эшэ* [< *улаганын* ‘кислицы’ + *эшэ* ‘стебель’], монг. *улаагана* (УНТКМ); 3) калм. *suwsn̥ bōlžɻgᵊnə* [< *suwsn̥* ‘жемчуг’, ‘жемчужина’ + *bōlžɻgᵊnə* ‘ягода’, ‘крыжовник’, ‘малина’].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ōктā* ‘смородина (красная)’, нег. *ōктā*, ороч. *октокто* ‘смородина (черная)’; 2) эвенк. *алуγ*, орок. *аллӱ* ‘смородина (красная)’, нег. *алој*, ульч. *āлӱ* ‘смородина (черная)’; 3) уд. *косоли* ‘смородина (красная)’, ульч. *ҡочоли* ‘смородина (черная)’; 4) эвенк. *бултанаǯигена ~ бултäлǯигена*; 5) эвенк. *ајули*; 6) эвенк. *дулдуктэ*; 7) эвенк. *ǯиксиӈэ* ‘смородина (черная)’; 8) эвен. *ōрбāт* ‘смородина (черная)’; 9) ороч. *каккам* ‘смородина (красная)’; ср.: эвенк. *калкари* ‘тальник (красный)’; 10) орок. *ҡапоγа* ‘смородина (красная)’; ср.: орок. *ҡаппа(н)* ‘костяника’, нан. *ҡафақта* ‘жимолость’; 11) нан. *кутумиэкте* ‘смородина (черная)’; ср.: эвенк. *нутумукта* ‘жимолость’; 12) эвенк. *каптаγас*; ср.: як. *ҡаптаγас* ‘красная смородина’; 13) ульч. *нʲеликта ~ нʲиликтэ ~ нʲиэликтэ* ‘смородина (красная)’, ‘барбарис’ (см.: Барбарис, п. 3); ср.: як. *нʲалыкта* ‘боярышник’.

87. Сосна (Pinus silvestris L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *tivdar* [< скр. *devadāru* сорт сосны]; 2) узб. XVI в. *санаубар* [< ир. *санӯбар* ‘ель’, ‘сосна’]; 3) алт., башк., казах., каракалп., узб. *қарағай* ‘сосна’, тат. Бараб *қарағай* ‘сосна’, ‘кедр’ (см.: Кедр, п. 3) [< *қара* ‘черный’; ср.: Дёрфер, I, 406, № 280: ир. *карагай* ‘сосна’ < мо. *карагай* ‘сосна’ < тюрк. *қарағай* ‘сосна’], алт. Туба *қарағый* (Баскаков), уйг. *қариғай*, хак. *харағай*, кирг. *қызыл қарағай* [< *қызыл* ‘красный’ + *қарағай* ‘сосна’], хак. *харахазы* [< *хара* ‘черный’ + *хазы* ‘сосна’]; ср.: тоф. *қаžы* ‘сосна’ [< нен. *хады* ‘ель’]; 4) чув. *хыр*, чув. Сунд *хыра* (Чуркин); ср.: як. *хырыйа* ‘ель’; 5) карач.-балк., кумык., тат. *нарат* [< мо.]; 6) як. *бэс*; ср.: башк. *бешә* ‘сосняк’, ир. *бише* ‘лес’; 7) чув. Сунд *йахтă* (Чуркин) [< мар. *якте* ‘сосна’]; 8) тоф. *қаžы* ‘сосна’ [< нен. *хады* ‘ель’]; 9) тур. *çam* [< ар. *шам* ‘свеча’], аз. *шам ағачы* [< ар. *шам* ‘свеча’ + *ағачы* ‘дерево ее’].

II. мо.: 1) п.-мо. *narasu(n)*, монг. *нарс(ан)*, бур. *нарһа(н)*; ср.: бур. *нарһан үбһэн* ‘полевой хвощ’, тат. *нарат* (см. I, 5); 2) калм. *šarᵛ χarγā ~ šarᵛ χarγā* ‘сосна’, ‘пихта’ [< *šarᵛ* ‘желтый’ + *χarγā ~ χarγā* ‘пихта’]; ср.: казах. *қарағай* ‘сосна’ (см.: Пихта, п. 2).

III. т.-ма.: 1) эвенк., нег., ульч. *ǯагда*, эвен. *ǯаγдъ*, нан. *ǯāгда*, ма. *ǯақдан моо* [< *ǯақдан* ‘сосна’ + *моо* ‘дерево’]; 2) эвен. *ӈāӈтъ* ‘сосна’, ‘пихта’, ‘ель’, ‘кедр’, орок. *ваӈта* ‘сосна’, ‘пихта’ (см.: Пихта, п. 1; Ель, п. 2; Кедр, п. 3); 3) эвенк. *ōӈган*; 4) эвен. *олтин* К-О.

88. Таволга (Spiraea L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *tabïlqu ~ tavïlqu ~ tavïlγuč*, алт., кирг., хак. *табылғы*, тур. *tabulqa ~ tavulga*, алт. *табылқа*, казах. *тобылғы*, узб. *тобулғы*, кирг. *тобулғу*, тат. *тубылғи*, кумык. *тобурғу*, чув. *тупăлха*, як. *табулуоскай*, тат. Том *тобыл ағач* (Абдрахманов) [< *тобыл* ‘таволга’ + *ағач* ‘дерево’]; 2) аз. *йулғун* ‘таволга’, ‘тамариск’ (см.: Тамариск, п. 1); 3) башк. *йерек қураһы* [< *йерек* ‘ольха’ < ир. *зирк* ‘барбарис’ + ? *қураһы* ‘хлев ее’]; 4) як. *хордоғос*;

II. мо.: монг. *тавилгана* (УНТКМ).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *болоко* ‘таволга’, *болокомкурā* ‘таволга’, ‘верба’ (см.: Верба, п. 3), нег. *болохокто ~ болококто*, ороч., нан. *болоқто*, ульч. *болоиқта* ‘таволга’; 2) ма. *энирхэн ~ эн'эргэн*.

89. Тальник (Salix rosmarinifolia L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *tal* ‘ива’, ‘тальник’, ‘ивовый прут’ (см.: Ветвь, п. 3; Ива, п. 1), башк., казах., тат. Том (Абдрахманов), тув., хак. *тал*, узб. *тол*, кирг. *тал бадалы* [< *тал* ‘тальник’ + *бадалы* ‘куст его’], тат. *тал қуағы* [< *тал* ‘тальник’ + *қуағы* ‘куст его’], тат. *таллық*, як. *талах*; 2) як. *сигă*.

II. мо.: 1) п.-мо. *ulaγan burγasu(n)* [< *ulaγan* ‘красный’ + *burγasu(n)* ‘ива’], монг. *улаан бургаас(ан)*, бур. *улаан бургааһан* ‘тальник’; 2) п.-мо. *uda*, монг. *уд*, калм. *udn̥* ‘ветла’, ‘ива’, ‘таль-

ник' (см.: Ветла, п. 1; Ива, п. 2); 3) бур. *үшөөһэ(н)* 'тальник', 'ветла' (см.: Верба, п. 2; Ветла, п. 2; Ива, п. 3).

III. т.-ма.: 1) эвенк. *сэ̄кта ~ hэ̄кта ~ шэ̄кта*, эвен. *hӕ̄т ~ hэ̄т ~ ӕ̄т ~ сат* Арм [< *сэ̄кта*], нег. *сэ̄кта* 'ива', 'тальник', 'верба'; ороч. *сӕкта ~ сиаӷта*, уд. *сакта* 'ива', 'тальник'; ср.: ма. *сајӽува* 'лозник' (см.: Ива, п. 1; Верба, п. 1); 2) эвенк. *сирикта* Урм, сол. *ш'ӣрӯ*, уд. *сӣктэ* [< **сијиктэ* < **сириктэ*], нан. *сириктэ* К-У 'тальник', 'ива', 'тополь', 'ясень' (см.: Ива, п. 2); 3) ороч., уд., ульч., орок., нан. *туӌдэ* 'тальник', 'ива' (см.: Ива, п. 2); 4) ульч. *пучэктэ* 'тальник', орок. *потоӷто ~ поттоӷто* 'тальник', нан. *фотоӽа* К-У, *фуэтэхэ* 'тальник'; ср.: ма. *фодоӽо* 'ива'; 5) сол. *бӯггӑ ~ бургӑ* [< мо. см. II. 1], нан. *бојга мӧни* Бк, ма. *бурҍа*, *бурҍасу* 'тальник', 'ива' (см.: Ива, п. 5); 6) ороч., нан. *н'арги*; 7) нег. *холахӑмка* [< *хола* 'красный' + *хӑмка* 'тальник']; 6) эвен. *имукэ̄т* 'тальник', 'ива' (см.: Ива, п. 10); 9) нег. *дэккэ*; 10) нег. *ӡисиктэ*; ср.: ма. *ӡисиӽа* 'орешник'; 11) нег. *ухоӡимка ~ укоӡимка*; 12) орок. *сусэ̄гдэ* 'тальник с желтым лыком'; 13) орок. *иӌгу*, *иӌгуса* 'лиственница (молодая)', 'тальник' (см.: Лиственница, п. 5); 14) нан. *вачйаӈӷора*, ма. *вашаӷда бурҍа* 'тальник (мелкий)'; 15) эвенк. *калкарӣ*, ульч. *ӷампалта* 'тальник красный'; ср.: ороч. *каккам* 'смородина (красная)'; 16) эвенк. *болгикта* 'кедровый стланик', 'тальник' (см.: Кедровый стланик, п. 1); 17) эвен. *ирэ̄т* 'тальник', 'лиственница (молодая)', 'деревцо', 'прут', ороч. *ијэктэ* 'тальник (мелкий)', 'прут' (см.: Лиственница, п. 2; Дерево, п. 2; Ветвь, п. 3); 18) эвенк. *нивэ̄ктэ*, эвен. *ӌивэт ~ н'ивэт*, нег., орок. *н'ӣвэктэ* 'тальник', 'береза карликовая' (см.: Береза, п. 5).

90. Тамариск (гребенщик; Tamarix L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jïlγın*, Зам., Sanglax *julγın*, узб. *йулҍун* 'тамариск', аз. *йулҍун* 'тамариск', 'таволга' (см.: Таволга, п. 2), туркм. *йылгын*, казах. *жыӈҍыл*, кирг. *жылҍын ~ жилгин* 'таволга'; 2) тат., чув. *тамариск*, як. *тамарыыска* [< рус. < лат.].

II. мо.: монг. *сухай* (УНТКМ).

91. Терн (Prunus spinosa L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *azγan*; 2) Зам. *süksük*; 3) башк., тат. *кӱгән* 'терн' [< *кӱк* 'голубой', 'синий'], чув. *кӳкен ~ кикен* 'терн', 'чемерица' (см.: Чемерица, п. 4), ног. *көген терек* 'терн' [< *көген* 'терн' + *терек* 'дерево'], кумык. *ҕоҕан ӱлкӱ* [< *ҕоҕан* 'терн' + *ӱлкӱ* 'куст'], карач.-балк. *ӷарагэгэн терек* [< *ӷара* 'черный' + *гэгэн* 'терн' + *терек* 'дерево']; ср.: кумык. *ӷоӷан терек* 'слива'; 4) аз. *көйӓм*; 5) алт. *тегенек* [< *теген* 'колючка' + афф. *-ек*], узб. *тиӷанли ӱсимлик* [< *тиӷанли* 'колючий' + *ӱсимлик* 'растение']; 6) хак. *хараҕан* 'терн'; ср.: тув. *хараҕан* 'акация'; 7) казах., кирг., тув. *терн*, тат. Кас *дурна ~ турын* (Бурганова) [< рус.], чув. *терновник ҫырли* [< рус. *терновник* + *ҫырли* 'ягода его'].

II. мо.: 1) бур. *үүргэнэ*; 2) калм. *kögļ*.

92. Тисс (Taxus).

I. тюрк.: 1) кумык. *телинарат* [<*тели* ‘дикий’ + *нарат* ‘сосна’ < мо.], тат. *тиле нарат*; 2) кумык. *ƃарамчум*; 3) аз. *абнос*; 4) башк., казах., карач.-балк., кирг., ног., тат. *тис* [< рус. < польск.].

II. мо.: 1) бур. *улаан модо(н)* [<*улаан* ‘красный’ + *модо(н)* ‘дерево’]; 2) бур. *тис* [< рус.].

III. т.-ма.: уд. *тактиγа* ‘тисс’; ср.: эвенк. *тактикāн* ‘кедр’, ма. *таӄта моо* ‘пихта’.

93. Тополь (Populus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *teräk* ~ *tiräk* ~ *toγraq*, Зам., Sanglax *teräk*, тат. *тирäк*, хак. *тирек*, чув. *тирĕк*, алт., казах., каракалп., кирг., тув. *терек*, узб. *тераӄ*, туркм. *дерек*, як. *тирäх*, башк. *аӄ тирäк* [<*аӄ* ‘белый’ + *тирäк* ‘дерево’], карач.-балк., ног. *аӄ терек*; ср.: казах. *ӄара терек* ‘осокорь’; 2) узб. XIV в. *дару сафид* [<ир. *дар-и сафид* ‘белый тополь’]; 3) тат. Бараб *йöнкä* ‘тополь’, ‘ветла’ (см. Ветла, п. 3); тат. Перм *йäнке аƃач* (Бурганова) [<*йäнке* ‘ветла’ + *аƃач* ‘дерево’]; ср.: тат. *öйäнке* ‘ива’, казах. *ӱйеӈки* ‘клен’; 4) тур. *kovak*, аз. *аƃчаƃоваƃ* [<*аƃча* ‘беловатый’, ‘серебряный’ + ? *ƃоваƃ* ‘перхоть’]; ср.: тур. *kovak* ‘тополь’; 5) тат. Бараб *пыжылƃан*; 6) кумык. *аӄтал* [<*аӄ* ‘белый’ + *тал* ‘ива’]; 7) тат. Бер *сäрви талы* (Бурганова) [<ар. *сäрви* ‘кипарис’ + *талы* ‘ива его’]; 8) тат. Бир *бай-бай аƃачы* (Бурганова) [? < рус. *бай-бай* + *аƃачы* ‘дерево его’]; 9) тоф. *уйƃут* ‘осина’, ‘тополь’ (см.: Осина, п. 6); 10) тат. Бараб *топол* ~ *топыл*, башк., тат., чув. *тополь*, тат. Лем *тубыл* ~ *тупыл* (Бурганова)[< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *ulijangγar*, монг. *улиангар* ~ *улиас* (УНТКМ), бур. *улянгир*, калм. *ulasn̥* ‘тополь’, ‘осина’ (см.: Осина, п. 1); 2) бур. *тополь* [<рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *нула* ‘осина’, ‘тополь’, ‘ясень’, ‘ольха (черная)’, сол. *ӱлӱ*, эвен. *нӯл* ‘осина’, ‘тополь’, нег. *хол*, ороч. *хулу* ‘тополь’, орок. *пӱлӱ*, нан. *поло*, ма. *фулӽа моо* ‘осина’, ‘тополь’ [<*фулӽа* ‘тополь’, ‘осина’ +*моо* ‘дерево’] (см.: Осина, п. 1; Ольха, п. 3; Ясень, п. 4); 2) ороч., уд. *амигда*, нан. *ӽамиƃдā*, ма. *амида*; 3) эвенк. *бурган*, сол. *бургас* ‘тополь’, эвен. *бургаγ* ‘заросли тополя’, ‘заросли ивы’ (см.: Ива, п. 5); 4) эвенк. *кајлаӈун* [<мо.] ‘тополь’, ‘вяз’, ‘ясень’ (см.: Вяз, п. 1; Ясень, п. 3); 5) нег. *мајан*; 6) эвен. *н'иравви* ‘тополь-чернотал’; 7) эвенк. *тэтиӈ* [<як. *тэтиӈ* ‘осина’].

94. Тутовник (шелковица; Mórus L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *čüsüt* [<кит. *санжэнь* ‘тутовник’]; 2) Зам., тур. XVII в. *tut* [<ир. *тут* ‘тутовник’], алт., башк., карач.-балк., кирг., кумык., ног., тат., туркм., узб., чув. *тут*, казах. *тут*, кирг. *тыт*, тур. *dut*, гаг. *дут*; 3) аз. *чäкил*.

II. мо.: 1) п.-мо. *ilama*, монг. *ялмаа*, бур. *ялма*; ср.: ма. *ималан*; 2) бур. *тут модо(н)* [<*тут* ‘тутовник’ < ир. + *модо(н)* ‘дерево’], калм. *тут модн*.

III. т.-ма.: ма. *ималан*, *нимала*, *нималан моо* [< *нималан* ‘тут’ + *моо* ‘дерево’]; ср.: п.-мо. *ilama*.

95. Туя (Thuja occudentalis L.).

I. тюрк.: 1) башк. *сауыр*, тат. *савыр*, узб. *савир*; 2) казах. *боз арша* [< *боз* ‘серый’ + *арша* < ир. *aris* ‘можжевельник’]; 3) башк., казах., каракалп., кирг., чув. *туя* [< рус. < гр.].

II. мо.: п.-мо. *mailaγasu(n)*, монг. *майлаас* ‘туя’.

96. Фисташковое дерево, фисташка (Pistacia vera).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *bitrük* ‘фисташка’; 2) Зам. *pistä* (< ир. *пеste* ‘фисташка’], каракалп. *писте*, уйг. *пистә*, узб. *писта*, аз. *пӱстә*, туркм. *писсе*, кирг. *мисте*, казах. *писте аҕашы* [< *писте* < ир. *пеste* ‘фисташка’ + *аҕашы* ‘дерево ее’], тат. *пестә аҕачы*, узб. XIV в. *фистик* [< ар. *фустук* ‘фисташка’ < ир. *пеste*], тур. XVII в. *fısdık*, тур. *fıstık ağacı* [< *fıstık* < ар. < ир. ‘фисташка’ + *ağacı* ‘дерево ее’]; 3) башк. *фисташник*, як. *пистәәскә* [< рус. < ир. *пеste* ‘фисташка’], чув. *фисташқа йывăҫҫи* [< рус. *фисташка* < ир. *пеste* + *йывăҫҫи* ‘ее дерево’].

II. мо.: калм. *фисташк*]< рус. < ир.].

III. т.-ма.: ма. *фисҳа*; ср.: кит. *фей-цзы* ‘фисташка’.

97. Черемуха (Pâdus racemósa Gilib.).

I. тюрк.: 1) узб. *шумурт*, тат. *шамырт*, тат. Бараб *шоморт*, тат. Лем *шымырт* (Бурганова), тат. Том *йомурт* (Абдрахманов), алт. *дымырт* ~ *намырт*, хак. *нымырт*, шор. *ныбырт*, чув. *çĕмерт* ‘черемуха’; ср.: калм. *tsöm* ‘черемуха’, ‘кизил’; 2) казах. *мойыл*, кирг. *мойул*, башк., тат. Тюм *муйыл* (Бурганова); ср.: монг. *мойл* (см. II. 1); 3) алт. *йодра*, тув. *чодураа*; 4) карач.-балк. *қара қайын* [< *қара* ‘черный’ + *қайын* ‘береза’]; ср.: башк. *қара қайын* ‘карагач’, тат. Мам *қара қайын* (Бурганова) ‘боярышник’, казах. *қызыл қайын* ‘граб’; 5) чув. *хура çырла* [< *хура* ‘черный’ + *çырла* ‘ягода’]; 6) тур. *yabani ak diken ağacı* [< *yabani* ‘дикий’ + *ak* ‘белый’ + *diken* ‘колючка’ + *ağacı* ‘дерево ее’]; 7) як. *харас*; 8) аз. *мешә киласы* [< *мешә* < ир. *бише* ‘лес’ + *киласы* ‘черешня его’ < ир. *геле* ‘зерно’]; 9) каракалп., кирг., кумык., ног., уйг. *черемуха*, тат. Темн *черемқа* (Бурганова), як. *чэриэмхэ* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *moilsu(n)* ~ *moisu(n)*, монг. *мойл*, бур. *мойһон*; ср.: казах. *мойыл* (см.: I. 2); 2) монг. *монос* ~ *монс* (УНТКМ); 3) калм. *tsöm* ‘черемуха’, ‘кизил’ (см.: Кизил, п. 2); ср.: чув. *çĕмĕрт* ‘черемуха’.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *иӈэктэ* ‘черемуха’, ‘черника’ (см.: Черника, п. 3); сол. *иӈэктэ*, *иӈэттэнӣ мӑ*, нег. *имӈэмкэн*, *иӈэктэ*, ороч. *имэпэ*, уд. *инофо*, ульч. *син'эктэ*, орок. *синэктэ* ~ *сиӈэктэ*, нан. *сиӈэктэ*, ма. *jэӈгэ* ‘черемуха’; 2) эвенк. *улукта*; 3) эвенк. *һарас* [< як.; I. 7]; 4) эвенк. *туриктa*; 5) уд. *чу'аи*; 6) ма. *ушарки моо*; 7) эвен. *черемуха* [< рус.].

98. Черешня (Cerasus avium Mnch.).

I. тюрк.: 1) тур. XVII в. и совр. *kiraz* [< гр.], гаг. *кирес*, аз. *килас*, кирг. *гилас*, узб. *гилос*; 2) каракалп. *шие* ‘черешня’, ‘вишня’ (см.: Вишня, п. 2), башк. *нары сейа* [< *нары* ‘желтый’ + *сейа* ‘вишня’], кумык. *орус жие* [< *орус* ‘русский’ + *жие* ‘вишня’], тат. *төче чийе* [< *төче* ‘сладкий’ + *чийе* ‘вишня’]; 3) карач.-балк. *эбзе кэгет*; 4) кумык. *бали терек* [< *бали* < ир. *беһли* ‘вишня’ (ср.: осет. *bal* ~ *bali* ‘вишня’, ‘черешня’ Абаев, 233) + *терек* ‘дерево’]; 5) ног., тат., тув., хак., чув. *черешня* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *čii*, монг. *чий* ‘вишня степная’; ср.: каракалп. *шие* (см. I, 2); 2) бур. *черешня* [< рус.].

III. т.-ма.: эвенк., эвен. *черешня* [< рус.].

99. Черника (Vaccinium myrtillus L.).

I. тюрк.: 1) тат. *ҡара җилäк* [< *ҡара* ‘черный’ + *җилäк* ‘ягода’], казах. *ҡара жидек*, чув. *хура çырла*; ср.: тат. Тау *ҡара җилäк* (Бурганова) ‘ежевика’; 2) аз. *Ƕаракилä* [< *Ƕара* ‘черный’ + ир. *килä* ‘ягодка’]; 3) тув. *ҡарақат* [< *ҡара* ‘черный’ + *ҡат* ‘ягода’]; ср.: казах. *ҡарақат* ‘смородина’; 4) алт. *ҡара торбос* [< *ҡара* ‘черный’ + *торбос* ‘клюква’]; 5) башк. *ҡара көртмäлä*; 6) карач.-балк. *ҡара шкилди*]< *ҡара* ‘черный’ + *шкилди* ‘можжевельник’]; 7) каракалп. *ҡарамыҡ* [< *ҡара* ‘черный’ + ? *мыҡ* ‘мох’]; 8) тат. Тюм *кӱк цийе* (Бурганова) [< *кӱк* ‘синий’, ‘голубой’ + *цийе* ‘вишня’]; 9) тат. Том *кӱгäлмäй* (Абдрахманов); 10) аз. *мäрсин*; ср.: тур. *mersin* ‘мирт’; 11) хак. *ноӈных* ‘черника’; ср.: карач.-балк. *наныҡ* ‘малина’, карач.-балк. *ҡара наныҡ* ‘ежевика’; 12) кирг., кумык., узб., уйг. *черниҡа*, як. *чернийигэ* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *хага nersü(n)* [< *хага* ‘черный’ + *nersü(n)* ‘голубика’], монг. *хар нэрс(үн)*, бур. *хара нэрһэ(н)*; 2) калм. *χarᵛ tšï* [< *χarᵛ* ‘черный’ + *tšï* ‘вишня’]; ср.: тат. *чия* ‘вишня’; 3) монг. *нүр*; 4) калм. *черник* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ӡиксиӈэ* ~ *ӡиксивэ* ~ *ӡиксиүэ* ~ *ӡэкшигэ* ‘черника’, ‘смородина (черная)’, орок. *досоҡто* ~ *дусиктэ* ‘голубика’, ‘черника’; 2) эвен. *гит*, нег. *ӡиктэ* ‘голубика’, ‘черника’ (см.: Голубика, п. 1); 3) эвенк. *иниӈэктэ* ‘черемуха’, ‘черника’ (см.: Черемуха, п. 1); 4) ороч. *чиктэ* ‘черника’, ульч. *туиктэ*, нан. *чуиктэ* ‘брусника’, ‘черника’ (см.: Брусника, п. 8); ср.: эвенк. *тэвуктэ* ‘ягода’, ‘клюква’, эвен. *тъвтъ* ‘ягода’.

100. Черный тополь, см. осокорь.

101. Чинара, см. платан.

102. Шелковица, см. тутовник.

103. Шиповник (Rosa mollis L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *it burunu* [< *it* ‘собака’ + *burunu* ‘нос ее’], тат. *эт борыны* ~ *эт борны*, тат. Бараб *эт морны*, карач.-балк., кумык., узб., хак. *ит бурун* [< *ит* ‘собака’ + *бурун* ‘нос’], казах. *итмурын*, кирг. *ит мурун*, тат. Тюм *эт порын* (Бурганова); 2) тат. Урал *ҡаз борны* (Бурганова) [< *ҡаз* ‘гусь’ + *борны* ‘его нос’]; 3) тув. *ытҡады* [< *ыт* ‘собака’ + *ҡады* ‘ягода ее’]; 4) алт.

тегенек [< *теген* ‘колючка’ + афф. *-ек*], тат. Бараб *тигәнәк аҕачы* [< *тигәнәк* ‘шиповник’ + *аҕачы* ‘дерево его’]; 5) тоф. *žäh'äн* ‘шип’, ‘колючка’, ‘шиповник’, ‘роза’, ‘малина’ (см.: Игла, п. 1; Роза, п. 3; Малина, п. 14), хак. *итиген* [< *ит* ‘собака’ + *тиген* ‘колючка’]; 6) туркм. *тикенли гүл* [< *тикенли* ‘колючий’ + *гүл* < ир. *гол* ‘цветок’, ‘роза’]; 7) башк. *гөлйемеш* [< *гөл* < ир. *гол* ‘цветок’, ‘роза’ + *йемеш* ‘плод’, ‘фрукт’], тат. Бёр *гөлйөмеш* (Бурганова), тат. *гөлҗимеш*; 8) тат. Кас *гөл алмасы* (Бурганова) [< *гөл* < ир. *гол* + *алмасы* ‘яблоко ее’]; 9) тур. *yabani gül ağacı* [< *yabani* ‘дикий’ + *gül* < ир. *гол* + *ağacı* ‘дерево ее’]; 10) узб. *тақмаҕул* [< *тақма* ‘прицепка’, ‘зацепка’ + *ҕул* < ир. *гол*]; 11) тат. Чист *айу ҡамыр* (Бурганова) [< *айу* ‘медведь’ + *ҡамыр* ‘тесто’], тат. Бараб *айу ҡамыры* [< *айу* ‘медведь’ + *ҡамыры* ‘тесто его’], тат. Лем *айу ҡамыры талы* (Бурганова) [< *айу* ‘медведь’ + *ҡамыры* ‘тесто его’ + *талы* ‘ива его’]; 12) башк. *әлморын* [< *әл* ‘розовый’ + *морын* ‘нос’], тат. Тюм *алборын* (Бурганова); 13) тат. Серг *шыҕай аҕацы* (Бурганова) [< *шыҕай* ‘шиповник’ < рус. ? + *аҕацы* ‘дерево его’]; 14) чув. *шалан аҕачы*; 15) аз. *hämärsin*; 16) тат. Бараб *ҡайтмыр* ~ *ҡексир*; 17) тат. Серг *үгез күзе* (Бурганова) [< *үгез* ‘бык’ + *күзе* ‘глаз его’]; 18) уйг. *азҕан*; 19) чув. *йĕплĕ хулă* [< *йĕплĕ* ‘колючий’ + *хулă* ‘прут’]; 20) як. *дөлүкүне* ~ *долукуна* ‘боярышник’, ‘шиповник’ (см.: Боярышник, п. 10).

II. мо.: п.-мо. *noxaijin xusiγu(n)* [< *noxaijin* ‘собаки’ + *xusiγu(n)* ‘кедр’], монг. *нохойн хушуу*, бур. *нохойн хоншор*, калм. *noχān χošu* ~ *noχān χošu*.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *нунмумкурэ̄*, нег. *хунмэктэ*, ороч. *хуммэктэ*, ульч., орок. *пулмэктэ*; 2) ороч. *кијокто*, уд. *киокто*, ульч., орок. *кojокто*, нан. *ҡүоҡто*; 3) уд. *žамукта*, ма. *žаму*; 4) эвенк. *суптылэ̄*, *супирэ̄* ~ *нупирэ̄*, ульч. *сэпэриктэ* ~ *сэфэриктэ* ‘шиповник’, ‘куст’ (см.: Куст, п. 2); 5) эвенк. *копукша*; 6) эвенк. *конкōкта*; 7) эвен. *ӣчэ̄к*; 8) ульч. *омакта*; 9) ульч. *ҳаҥгаҡӯра* ‘шиповник’, ‘бузина’ (см.: Бузина, п. 1); 10) орок. *утāрипу*; 11) ма. *кила илҳа* [< *кила* ‘с шипами’ + *илҳа* ‘цветок’].

104. Яблоня, яблоко (Málus Mill.).

I. тюрк.: 1) тат. *алмаҕач* ‘яблоня’ [< *алма* ‘яблоко’ + *аҕач* ‘дерево’], башк. *алмаҕас*, чув. *улма йывăҫҫи* [< *улма* ‘яблоко’ + *йывăҫҫи* ‘дерево его’] ~ *улмаҫҫи*, чув. Сунд *олмуç* ~ *олмаҫҫи* ~ *омлоҫҫи* ~ *омлаҫҫи* ~ *омлыç* (Чуркин) [др.-тюрк. *alma* ~ *alïmla* ‘яблоко’ (ср.: скр. *amla* ‘кислый’ KSz, VI, 376), Зам. *alma*, узб. XIV и XVI вв. *алма*, сал. *алма* ~ *алима*, аз., башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., тат., туркм., уйг. *алма*, тур. *elma*, узб. *олма*, чув. *улма*]; 2) алт., хак. *яблоня*, як. *ыйаабылланйа* [< рус.], хак. *яблоҡо аҕазы* [< рус. *яблоҡо* + *аҕазы* ‘дерево его’] [алт., тув. *яблоҡ*, як. *яблоко*, *ыйаабылака* < рус. *яблоко*].

II. мо.: 1) п.-мо. *alima(n)* ‘яблоко’ [< тюрк.], монг. *алим* ‘яблоко’, *алимын мод* ‘яблоня’ [< *алимын* ‘яблока’ + *мод* ‘дерево’], бур. *альма* ‘яблоко’, ‘яблоня’, калм. *almn̥* ‘яблоко’, *almna modn̥*

[< *almпa* ‘яблока’ + *modn̥* ‘дерево’]; 2) п.-мо. *ölir*, монг. *өрөл*, бур. *улир* ‘яблочки дикие’, *улир альма* ‘дикая яблоня’; ср.: п.-мо. *üril* ‘слива дикая’, монг. *лийр* ‘груша’, т.-ма. *ули* ‘груша’; 3) бур. *яблони* [< рус. *яблоня*].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *улӣкта* Урм, Хнг, сол. *улӣттэни мӯ*, нан. *ун'уӈкурэ ~ уӈмуӈкэрэ* К-У ‘яблоня сибирская дикая’, ульч. *уникtэ ~ унэктэ*, нан. *ун'иктэ ~ улиэктэ* ‘яблоко (плод сибирской яблони)’, уд. *улиӈкиэ* ‘яблоко (плод сибирской яблони)’, ‘рябина’ (см.: Рябина, п. 9); ср.: ма. *ули* ‘груша (плод лесной дикой груши)’; 2) ма. *ҳajтаӈ* ‘яблоня’ [< кит. *хайтáн* ‘айва японская’]; 3) сол. *алим* ‘яблоко’ [< мо. < тюрк.; см. II. 1]; 4) эвенк., эвен., нан. *яблоня* [< рус.].

105. Ясень (Fraxinus L.).

I. тюрк.: 1) ног. *тал терек* [< *тал* ‘ива’ + *терек* ‘дерево’], узб. *шумтол*; 2) тур. *dişbudak ağacı* [< *diş* ‘зуб’, ‘зазубрина’ + *budak* ‘ветка’, ‘лист’ + *ağacı* ‘дерево его’]; 3) карач.-балк. *кӱйрӱч ~ кӱрӱч* (ср.: осет. *koerz* ‘ясень’ < «и.-е. слой языка», Абаев, 253), аз. *кöйрӱши*, ног. *кӱйриш*, кумык. *гӱйрӱч*, чув. *ҳавăрăç ~ ҳаврăç*, тат. *ҳорычаҕач* [< *ҳорыч* ‘ясень’, ‘сталь’ + *аҕач* ‘дерево’], башк. *ҳорос аҕач*; 4) тат. *дардар аҕачы*; 5) алт., каракалп., кирг., тув., хак. *ясень* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *ničügün xobula* [< *ničügün* ‘нагой’ + *xobula* ‘кора’], монг. *нуцгэн ховол*; 2) монг. *яшил*, калм. *яшл* [< рус. *ясень*].

III. т.-ма.: 1) нег., ороч. *ивагда*, уд. *joγда*, ульч., нан. *сӣвагда*; ср.: ма. *ибадан моо* название дерева; 2) эвенк. *элги*; 3) эвенк. *кajлаһун* ‘вяз’, ‘тополь’, ‘ясень’ [< ма.; ср.: п.-мо. *xajilasun* ‘вяз’, ‘ильм’] (см.: Вяз, п. 1; Тополь, п. 4); 4) эвенк. *нула*, ‘осина’, ‘ольха (черная)’, ‘тополь’, ‘ясень’ (см.: Осина, п. 1; Ольха, п. 3; Тополь, п. 1); 5) нан. *коэрэ̄*; 6) ма. *ҳалҕасу моо*, *ҳалҕаӈҕа моо*; 7) ма. *мофи ваӈ*; 8) эвен. *ясень* [< рус.]

Названия злаков и трав

106. Гречиха (Polygonum divaricatum Meissin).

I. тюрк.: 1) тур. *kara buğday* [< *kara* ‘черный’ + *buğday* ‘пшеница’], туркм. *ҕара буҕдай*, башк. *ҡара бойҙай*, тат. *ҡарабодай*; 2) аз. *ҕарабашаҕ* [< *ҕара* ‘черный’ + *башаҕ* ‘колос’]; 3) казах. *ҡара ҡумыҡ*; 4) ног. *ҡара йарма* [< *ҡара* ‘черный’ + *йарма* ‘крупа’, ‘сечка’]; 5) тат. Кас *арпатай* (Бурганова) [< *арпа* ‘ячмень’ + афф. уподобления *-тай*]; 6) тув. *ҡырлыҕ ҡара* [< *ҡырлыҕ* ‘граненый’ + *ҡара* ‘шелуха (зерна)’]; 7) тур. *arnavut darısı* [< *arnavut* ‘албанец’ + *darisi* ‘просо его’]; 8) узб. *томирдори* [< *томир* ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’, ‘корень’ + *дори* ‘лекарство’, ‘средство’]; 9) узб. *ҡамчинҕул*; 10) чув. *хуратулă* [< *хура* ‘черный’ + *тулă* ‘пшеница’); 11) як. *торӯча уба ~ тарыса уба* [< *торӯча* бот. ‘торица’ + *уба*]; 12) кирг., туркм., хак., як. *гречиха* [< рус. *гре-*

чиха < др.-рус. **грькъ* ‘грек’, так как гречиха попала к русским через посредство греков] (Фасмер, I, 457), карач.-балк. *речка* [< рус. *гречка*];

II. мо.: 1) п.-мо. *sayay* ~ *sayada* ‘гречиха посевная’, монг. *сагаг* ~ *сагадай* ~ *сагадайн*; 2) монг. *мэхэр*, бур. *мэхээр* ‘гречиха-горлец’; 3) калм. *bor° zarm̥* [< *bor°* ‘серый’ + *zarm̥* ‘просо’, ‘пшено’]; 4) бур. *гречихэ* ~ *гэршүүхэ* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ульч., нан., ма. *мэрэ* ‘гречиха’; ср.: монг. *мэхэр* ‘гречиха-горлец’; 2) ульч. *чāчу*, нан. *чачо* ~ *чачу*, ма. *сачу*; 3) эвенк. *гречиха* ~ *гарчуха* [< рус.].

107. Клевер (Trifolium).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jorïnčγa* ~ *jorunčqa* ~ *jorïnča*, Зам. *jorïnčqa*, казах. *жоңыршқа*, узб. *йўнғучқа*, туркм. *эрунҗа*; 2) тур. *уопса*, аз. *йонча* ~ *ғарайонча* [< *ғара* ‘черный’ + *йонча* ‘клевер’]; 3) карач.-балк. *йўчгўл ханс*; 4) тат. *туқранбаш* [< *туқран* ‘дятел’ + *баш* ‘голова’]; 5) тат. Мал *туқран печәне* (Бурганова) [< *туқран* ‘дятел’ + *печәне* ‘сено его’]; 6) тат. Темн (Бурганова), башк. *тумыртқа баш* [< *тумыртқа* ‘дятел’ + *баш* ‘голова’]; 7) тат. Пенз *айғыр үләне* (Бурганова) [< *айғыр* ‘жеребец’ + *үләне* ‘трава его’]; 8) тат. Минз *баллықай* (Бурганова) [< *баллы* ‘медовый’]; 9) тат. Бер *баллы қуат* (Бурганова) [< *баллы* ‘медовый’ + *қуат*]; 10) тат. Минз *ипи чәчкәсе* (Бурганова) [< ? *ипи* ‘хлеб’ + *чәчкәсе* ‘цветок его’]; 11) тат. Чист *чауқа баш* (Бурганова) [< *чауқа* + *баш* ‘голова’], чув. *чавқапус*; 12) тат. Мишк *чәукә үләне* (Бурганова) [< *чәүкә* + *үләне* ‘трава ее’]; 13) тат. *өч йафрақ* [< *өч* ‘три’ + *йафрақ* ‘лист’];[16] 14) узб. *себарға*; 15) чув. *мăқăрпуç* ~ *вăқăрпуç* [< *мăқăр* ~ *вăқăр* ‘бык’, ‘вол’ + *пуç* ‘голова’, ‘вершина’, ‘верхушка’]; 16) чув. *қайăқпуç* [< *қайăқ* ‘птица’, ‘дикий’ + *пуç* ‘голова’, ‘вершина’, ‘верхушка’]; 17) казах. *беде*, узб. *беда*, тув. *меде*; 18) башк., карач.-балк., ног., тат., тув., хак., як. *клевер*, як. *клевёр* [< рус. < нж.-нем. *klewer* или англ. *clover* ‘клевер’].

II. мо.: 1) п.-мо. *geriin xošunγor* [< *geriin* ‘домашний’ + *xošunγor*], монг. *гэрийн хошингор*; 2) бур. *клевер* [< рус.]; 3) бур. *люцернэ* [< рус. *люцерна*].

III. т.-ма.: эвенк., эвен., нан. *клевер* [< рус.].

108. Конопля (Cannabis sativa L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *kendir* ~ *kentir*, карач.-балк., кирг., ног., туркм. *кендир*, тув. *хендир*, тат. *киндер* ~ *киндераш*, хак. *кандир*, тур. *kenevir*, чув. *қантăр*; 2) башк. *этен*; 3) башк. *тарма*; 4) аз. *чәтәнә*; 5) кирг. *наша* ~ *нашаа* [< ар. *наша* ‘хмель’, ‘конопля’, ‘растущий’], узб. *наша* ~ *наша ўсимлиги* [< ар. *наша* ‘конопля’, ‘гашиш’ + *ўсимлиги* ‘растение его’]; 6) казах. *қонопля*, туркм. *кенеп*, як. *көлөппунэ* [< рус. < лат. народн. *canapis* ~ *cannapus* ‘конопля’] (Фасмер, II, 312).

---

[16] Клевер называют еще по-русски трилистник.

II. мо.: 1) п.-мо. *olusu(n) ~ olasu(n)*, монг. *олс(он)* ‘конопля’, ‘веревки из конопли’, бур. *улһан*, калм. *olsn̥* ‘конопля посевная’; ср.: ма. *оло* ‘конопля’; 2) п.-мо. *kima* ‘конопля низкого качества’ [< кит. *цīн ма* ‘конопля’], монг. *хим*; ср.: сол. *χимā* [< ма. < кит.] ‘веревка’, ма. *кима* [< кит.] ‘конопля’; 3) монг. *илэгэ* ‘конопля’, ‘черная конопля’; 4) монг. *боро māǯи*, *боро māǯиӈ*; 5) монг. *магалиӈгӯ*, *māлīӈга*.

III. т.-ма.: 1) нег. *хīктэ*, уд. *сиктэ*, нан. *пīктэ ~ пīхтэ*; 2) эвенк. *онокто* ‘конопля’, ‘волокно’, ‘веревка’, ороч. *онокто* ‘конопля’, ульч. *онокто* ‘конопля’, ‘пакля’, нан. *онōкто* ‘конопля’; 3) нег. *хонтаха*, ульч. *ҳӱнтаҳа* ‘конопля’, нан. *ҳонтаҳа* ‘конопля’, ‘нитка (из конопли)’, ма. *ҳунта* ‘конопля (собранная с полей)’; 4) эвенк. *чэнэ*; 5) эвенк. *анī* ‘конопля’, ‘мята’; 6) эвенк. *кэбдэкэ* ‘конопля’; ср.: монг. *хөвд*, бур. *хүбхэ(н)* ‘мох’, як. *кэбдэкэі ~ көбдөкөі ~ көдөркөі* ‘рыхлый’, ‘неуклюжий’; 7) ма. *оло*; 8) ма. *ф'э*; 9) ма. *кима* [< кит. *цīн ма* ‘конопля’]; ср.: п.-мо. *kima* ‘конопля’.

109. Кукуруза (Zea Mays L.).

I. тюрк.: 1) аз. *ƣарƣыдалы* [< *ƣарƣы* ‘камыш’ + *далы* ‘ветвь его’]; 2) ног. *ажы бийдай* [< *ажы* ‘горький’ + *бийдай* ‘пшеница’]; 3) ног. *нартуқ*, карач.-балк. *нартух*; 4) кумык. *ƣабижай ~ ƣабиждай*; 5) казах. *жӱгери*, карач.-балк. *ӂӱгери*, кирг. *жӱгөрӱ*, узб. *жӯхори*; ср.: др.-тюрк. *jügür* ‘просо’; 6) кирг. *мекe жӱгөрӱ* [< ар. *Мекe* ‘Мекка’ + *жӱгөрӱ* ‘кукуруза’]; 7) тур. *mısır* [< ар. *Миср* ‘Египет’]; 8) туркм. *мекгеӂӧвен* [< *мекге* < ар. *Мекке* ‘Мекка’ + *ӂӧвен*]; 9) алт., башк., тат., тув., хак., чув., як. *ӷуӷуруза*, башк. *ӷуӷуруз*, тат. *ӷуӷурус* [< рус.; ср.: румын. *cucuruz*] (Фасмер, II, 407).

II. мо.: 1) п.-мо. *erdeni šiši* [< *erdeni* ‘драгоценный камень’, ‘сокровище’, ‘драгоценность’ + *šiši* ‘сорго’, ‘гаолян’], монг. *эрдэнэ шиш*, калм. *erd'ni šiš*; 2) бур. *кукуруза* [< рус.].

110. Лен (Linum).

I. тюрк.: 1) тур. *keten*, аз. *кӓтӓн* [< ар. *каттан* ‘лен’]; 2) казах., туркм. *зыƣыр*, узб. *зиƣир*; 3) ног., тат., тув., чув., як. *лен*, хак. *лӧн*, башк. *льна* [< рус.; возможно «как древнее культурное заимствование, так и исконное родство в слав. языках»; ср.: лит. *linaĩ* ‘лен’, гот. *lein* ‘холст’ и др.] (Фасмер, II, 481).

II. мо.: п.-мо. *mayalingγu ~ zarma mayalingγu*, монг. *маалинга*, *зармаа малиӈга*; 2) монг. *шана*; 3) калм. *olsn̥*; 4) бур. *лен* [< рус.].

III. т.-ма.: эвен. *лен* [< рус.].

111. Овес (Avena sativa L.).

I. тюрк.: 1) алт., тув., хак. *сула*, казах., ног. *сулы*, кирг., кумык. *сулу*, узб. *сули*, туркм. *сӱле*, каракалп. *суллы*, тат. *солы*, башк. *һоло*, чув. *ҫӗлӗ ~ ҫӗлӗлли*; 2) тур. *yulaf*, аз. *йулаф*; 3) тув. *ат тараазы* [< *ат* ‘конь’ + *тараазы* ‘хлеб его’, ‘зерно его’]; 4) кумык. *ныха*; 5) карач.-балк. *зынтхы*; 6) як. *эбиэс*, башк. *овса* [< рус. *овес*].

II. мо.: 1) калм. *sul'ị*; 2) калм. *arwā*; ср.: п.-мо. *arbai* ‘ячмень’; 3) монг. *хошуу будаа* (УНТКМ); 4) монг. *овёс*, бур. *обёос* [< рус. *овес*].

III. т.-ма.: 1) ульч. *муǯи*, нан. *муǯи*; 2) сол. *холимпа* ~ *холимпо* ‘овес’; ср.: ма. *ҳолимпа* ‘жито, похожее на кукурузу’; 3) ма. *арфа* ‘ячмень’, ‘овес’ [< тюрк.] (см.: RO, XIV (1938), 1939, стр. 93) (см.: Ячмень, п. 2); 4) эвен. *овёс* [< рус.].

112. Овсюг (Ovena fatua).

I. тюрк.: 1) казах. *қара сулы* [< *қара* ‘черный’ + *сулы* ‘овес’], кирг. *қара сулу*, тат. *қара солы* ~ *солыча*, хак. *сула от* [< *сула* ‘овес’ + *от* ‘трава’]; 2) казах. *мысыққуйрық*; 3) уйг. *а(р)пихан* [< *арпа* ‘ячмень’].

II. мо.: калм. *sul'ị öwsn̦* [< *sul'ị* ‘овес’ + *öwsn̦* ‘трава’].

113. Подсолнечник (Helianthus annuus).

I. тюрк.: 1) казах. *күнбағар* [< *күн* ‘солнце’ + *бағар* ‘смотрящий’], туркм. *гүнебақар* [< *гүне* ‘на солнце’ + *бақар* ‘смотрящий’], аз. *күнäбахан*, узб. *қунғабоқар*; 2) башк., тат. *көнбағыш* [< *көн* ‘солнце’ + *бағыш* ‘смотрение’, ‘восход’], казах. *күнбағыс*; 3) ног. *күнайлан* [< *күн* ‘солнце’ + *айлан* ‘поворачивающийся’]; 4) тат. *айбағар* [< *ай* ‘луна’ + *бағар* ‘смотрящий’]; 5) казах. *айқабақ* [< *ай* ‘луна’ + *қабақ* ‘тыква’]; 6) тур. *ayçiçeği* [< *ay* ‘луна’ + *çiçeği* ‘цветок ее’]; 7) тур. *aynısafa* [< *ay* ‘луна’ + ар. *нусафа* ‘мякина’, ‘полова’]; 8) карач.-балк. *чэблеӱ*; 9) тув. *тарымал тооруқ* [< *тарымал* ‘посеянный’, ‘посаженный’ + *тооруқ* ‘орех’]; 10) хак. *сал хузух*; 11) чув. *хĕвелçаврăнăш* [< *хĕвел* ‘солнце’ + *çаврăнăш* ‘круг’, ‘окружность’]; 12) як. *подсолнечник* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *nara(n) čečeg* [< *nara(n)* ‘солнце’ + *čečeg* ‘цветок’], монг. *наран цэцэг*, бур. *наран сэсэг*; 2) калм. *narn̦ öwsn̦* [< *narn̦* ‘солнце’ + *öwsn̦* ‘трава’].

III. т.-ма.: эвен. *подсолнечник* [< рус.].

114. Просо (Panicum miliaceum L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *tarïγ* ‘просо’, ‘зерно’, ‘злак’ [< *tarï-* ‘сеять’, ‘засевать’ + афф. *-γ*] (см.: Зерно, п. 2; Злак, п. 2), узб. *тариқ*, уйг. *терик*, башк., казах., карач.-балк., каракалп., ног., тат. *тары*, кумык. *тари*, кирг. *таруу*, аз., туркм. *дары*, тур. *darı*, алт. *тараан*, тув. *чиӱге тараа* [< *чиӱге* ‘тонкий’ + *тараа* ‘зерно’, ‘хлеб’]; ср.: нан. *тари-* ‘сеять’, ‘сажать’; 2) др.-тюрк. *jügür* ~ *ügür* ~ *üjür* ~ *jür*, чув. *вир*; ср.: казах. *жүгери* ‘кукуруза’, тат. *өйрä*, тат. Том *ӱрэ* (Абдрахманов) ‘кашица’, ‘крупяной суп’, алт. *ӱре* ‘кашица из толченой крупы’, монг. *үр* ‘зерно’, ‘семя’, др.-тюрк. *jügürgün* ‘растение, похожее на просо’; 3) др.-тюрк. *qojaq* ~ *qonaq* сорт проса, Зам. *konak*, кирг. *қонақ*, узб. *қуноқ*; 4) др.-тюрк. *jasïtuq* ‘просо?’; 5) як. *просо*, хак. *проса* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *šar buday-a(n)* [< *šar* ‘желтый’ + *buday-a(n)* ‘просо’, ‘крупа’], монг. *шар будаа* ~ *хар будаа* (УНТКМ), бур. *шара будаа*; 2) калм. *zarm̦*; 3) бур. *просо*, калм. *прос* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) нег. *ǯāкта*, ороч. *ǯиэктэ ~ ǯэктэ* ‘просо’, ‘пшено’, уд. *ǯакта*, нан. *ǯиэктэ* ‘чумиза’, ‘просо’, ‘пшено’, ‘рис’ (см.: Рис, п. 2); 2) ороч., ульч., нан. *пиксэ* ‘просо’, ‘пшено’, ма. *фисикэ ~ фисихэ* ‘мелкое крепкое красноватое просо’; ср.: кор. *n^{h}и* ‘просо’; 3) нан. *ула* ‘просо (клейкое)’; 4) ма. *эрику шушу* ‘просо’, ‘метла’; 5) ма. *хифэ* ‘просо боровое, с черной кожурой на зерне, растущее на мокрых местах’; ср.: кор. *n^{h}и* ‘просо’; 6) ма. *н'аӈгу ǯе бэлэ* ‘просо (белое)’ [< кит. *лян гӳ* ‘злаки’, ‘зерновые’, ‘просо’, ‘рис’]; 7) эвен. *просо* [< рус.].

115. Пшеница (Triticum L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *buγdaj*, Зам. *buγdaj*, тур. *buğday*, туркм., уйг. *буҕдай*, узб. *буҕдой*, хак. *пуҕдай*, аз. *буҕда*, алт., кирг., *буудай*, карач.-балк., кумык. *будай*, сал., *боҕдай*, гаг. *бӑдай*, ног. *бийдай*, казах., каракалп. *бидай*, башк. *бойҙай*, сал. *поҕдӓ ~ пуҕтӓ*; ср.: др.-тюрк. *boγuz* ‘хлеб в зерне’, ‘фураж’, *boj* ‘пажитник’; 2) тув. *ӷызыл тас* [< *ӷызыл* ‘красный’ + *тас* ‘лысый’, ‘голый’, ‘со скудной растительностью’]; 3) тув. *аӷтараа* [< *аӷ* ‘белый’ + *тараа* ‘зерно’, ‘хлеб’]; 4) чув. *тула* [< груз. *доли* ‘чистая пшеница’, *дола* ‘хлеб из чистой пшеницы’] (Абаев, I, 400); ср.: монг. *талх(ан)* ‘хлеб печеный’, бур. *талха(н)* ‘мука’, ‘тесто’, ‘хлеб’, ир. *талхан* ‘жареные и молотые зерна бобовых’; 5) як. *сэлиэсинэі ~ сэлиэсэнэі* [< рус. *силосный*].

II. мо.: 1) п.-мо. *ulaγan buγudai* [< *ulaγan* ‘красный’ + *buγudai* ‘пшеница’], монг. *улаан буудай*; 2) бур. *улаан таряан* [< *улаан* ‘красный’ + *таряан* ‘хлеб’, ‘зерно’]; 3) калм. *tsaγān būd'ā ~ tsaγān bud'ä* [< *tsaγān* ‘белый’ + *būd'ā ~ būd'ä* ‘крупа’]; 4) бур. *шэнииcэ* [< рус. *пшеница*].

III. т.-ма.: 1) сол. *майса*, ма. *маjсэ*, чж. *mài-tsï* [< кит. *май цза* ‘пшеница’] ‘пшеница’; 2) ма. *мурфа* [< кит. *майиза ~ муоцзы + арфа* ‘овес’]; 3) эвенк., эвен. *пшеница* [< рус.].

116. Пырей (Agropyrum).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *adrïq ~ ajruq*, аз. *айрыҕоту* [< *айрыҕ* ‘пырей’ + *оту* ‘трава его’]; 2) башк., ног., тат. *аӷтамыр* [< *аӷ* ‘белый’ + *тамыр* ‘корень’]; 3) узб. *буҕдойиӷ* [< *буҕдой* ‘пшеница’], казах. *бидайыӷ*; 4) тат. *сарут* [? < *сары* ‘желтый’ + *ут* ‘трава’], чув. *шурут ~ шурути*; 5) ног. *мысай* [? < *мыс* ‘мускус’]; 6) ног. *айравыӷ* [? < *арпа* ‘ячмень’]; 7) тат. Бир *кӳчтӓр* (Бурганова); 8) тат. Лем *тары уты* (Бурганова) [< *тары* ‘просо’ + *уты* ‘трава его’]; 9) тат. Бир *туӷмаӷбаш ӳлӓн* (Бурганова) [< *туӷмаӷ* ‘колотушка’ + *баш* ‘голова’, ‘вершина’, ‘верхушка’ + *ӳлӓн* ‘трава’]; 10) тат. Бараб *аҕайрыӷ*; 11) туркм. *арпаҕан* [< *арпа* ‘ячмень’]; ср.: др.-тюрк. *arpaγan*, тур. *arpagan*, тат. *арпаҕан* ‘дикий ячмень’; 12) узб. *оӷчуп*; 13) узб. *ӷумэрӷаӷ*; 14) аз. *чайыр* [? < *чай*]; 15) як. *силис от* [< *силис* ‘корень’ + *от* ‘трава’]; 16) як. *пырей* [< рус. < **pyro* ‘пшеница’ + афф. *-ьjь*] (Меркулова, 125—126).

II. мо.: 1) п.-мо. *kijaγ*, монг. *хиаг*, бур. *хяаг*; 2) калм. *ārā ~ ārū*.

III. т.-ма.: ороч. *импаи*.

117. Рис (Oryza L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *gürünč ~ gürüč* [< ир. *гӱрӱнч* ‘рис’], кирг. *кӱрӱч*, узб. *буруч*, казах. *кӱриш*, каракалп. *буриш*; 2) др.-тюрк. *tutturqan ~ tuturqan*; ср.: п.-мо. *tuturγ-a(n)*; 3) Зам. *toq(u)raq ~ toqurγaq*; 4) кумык. *дӱгӱ*, ног. *дӱги*, тат. *дөге*, башк. *дөгө*, аз. *дӱӱӱ*, туркм. *тӱви*; 5) тув. *аҕ быдаа* [< *аҕ* ‘белый’ + *быдаа* ‘крупа’]; 6) тур. *pirinç* гаг. *пиринч*, карач.-балк. *принч*, туркм. *бӱрӱнч*, ног. *бурыж* [ир. *пиринч* ‘рис’, ‘латунь’]; 7) каракалп. *салы*, кирг. *шалы*, узб. *шоли* ‘неочищенный рис’; ср.: монг. *сали* (см. II, 3); 8) алт., тув., хак., чув., як. *рис*, башк. *риса* [< рус.; ср.: др.-инд. *vrīhis* ‘рис’] (Фасмер, I, 223).

II. мо.: 1) п.-мо. *čaγan budaγa(n)* [< *čaγan* ‘белый’ + *budaγa(n)* ‘крупа’], монг. *цагаан будаа*, бур. *сагаан будаа*; 2) п.-мо. *tuturγa(n)*, монг. *тутрага*, калм. *tutɾγn*; ср.: др.-тюрк. *tutturqan* (см. I, 2); 3) монг. *сали*; ср.: каракалп. *салы*; 4) монг. *божали* лучший сорт риса; 5) бур. *рис* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ороч., уд. *ǯиӈли*; ср.: кит. *цзин* ‘очищать’, ‘чистый’ + *ми* ‘рис в зернах’; 2) сол. *ханда ǯэктэ*, нег. *хандибла*, ороч. *ҳандубэлэ*, ульч., нан. *ҳандӱ-бэлэ* ‘рис’, ма. *ҳанду* ‘рис’, ‘рисовое зерно’, *ҳанду бэлэ* ‘рис (ободранный от кожуры)’; ср.: кит. *хуанду* бот. ‘ямс’; 3) нан. *ǯиэктэ* ‘рис’, ‘чумиза’, ‘просо’, ‘пшено’ (см.: Просо, п. 1); 4) ма. *хукшэри бэлэ* ‘старый рис’ [< *хукшэри* ‘старый’ < монг. *хөгшин* ‘старый’ + *бэлэ* ‘рис’]; 5) ма. *бан x'a* [< кит. *банся*, *бансядао* ‘поздний рис, созревающий в середине лета’]; 6) ма. *сосэ ~ соцǯы бэлэ* ‘продолговатый рис’ [< *сосэ ~ соцǯы* < кит. *сōцза* ‘ткацкий челнок’, перен. ‘продолговатый’ + *бэлэ* ‘рис’]; 7) ма. *ломи* [< кит. *ляо ми* ‘старый рис’]; 8) эвенк., эвен. *рис* [< рус.].

118. Рожь (Secale L.).

I. тюрк.: 1) тур. *çavdar*, аз. *човдар*, туркм. *човдары*, узб. *жовдари*; 2) кирг. *ҕара буудай* [< *ҕара* ‘черный’ + *буудай* ‘пшеница’], карач.-балк. *ҕара будай*, ног. *ҕара бийдай*, казах., каракалп. *ҕара бидай*; ср.: монг. *хара бугудай* (см. II, 2); 3) алт. *йадаҕан*; 4) тув. *көк тараа* [< *көк* ‘синий’ + *тараа* ‘зерно’, ‘хлеб’]; 5) хак. *рожь ~ арыс*, башк. *ржи*, туркм., казах., ног. *арыс*, як. *оруос*, алт., башк., кумык., тат. *арыш*, чув. *ыраш* [рус. *рожь*]; ср.: хотан. *rrusa* ‘ячмень’, хорезм. *rsy ~ rysy* ‘ячмень’, фин. *rokka* ‘ячмень’ (Серменьи, 24; Fasmer, II, 530); 6) як. *арсāнай* [< рус. *ржаной* < простонар. рус. *аржаной*].

II. мо.: п.-мо. *köke tarij-(a)n* [< *köke* ‘синий’, ‘голубой’ + *tarij(a)n* ‘зерно’, ‘хлеб’], монг. *хөх тариа*; 2) п.-мо. *boγudaj*, монг. *хара бугудай* [< *хара* ‘черный’ + *бугудай* ‘пшеница’], калм.

*χar*ᵛ *būd'ā* ~ *χar*ᵛ *būd'ā̆*; ср.: кирг. *қара буудай* (см. I. 2): 3) монг. *хара тарилга* [< *хара* 'черный' + *тарилга* 'посев']; 4) бур. *арбай* 'рожь', 'ячмень' (см.: Ячмень, п. 1).

III. т.-ма.: эвенк., эвен., нан. *рожь* [< рус.]

119. Тимофеевка (ржанец; Phleum).

I. тюрк.: 1) аз. *пишикҕуруҕу* (< *пишик* 'кошка' + *ҕуруҕу* 'хвост ее']; 2) казах. *сулы бас* [< *сулы* 'овес' + *бас* 'голова', 'вершина', 'верхушка']; 3) казах. *атқонақ* [< *ат* 'конь' + *қонақ* сорт проса]; 4) казах. *бидайық* [< *бидай* 'пшеница']; 5) чув. *қушақ хӱре* [< *қушақ* 'кошка' < рус. *кошка* + *кӱре* 'хвост'].

II. мо.: монг. *дурваалиг* (УНТКМ) ~ *дурвалаг* ~ *дуравлаг*.

120. Чечевица (Lens).

I. тюрк.: 1) Зам. *jasmuq*, узб. *йасмиқ* ~ *йосмуҕ*, башк. *йасмық*, тат. *йасмық*, ног. *йасмоқ*; 2) тур. *mercimek*, аз. *мäрчимäк*; 3) туркм. *мäше*.

II. мо.: 1) п.-мо. *sebeg zarma* [< *sebeg* 'плетенка' + *zarma* 'отруби'], монг. *сэвэг зарам*; 2) монг. *хавтагай бурǯаг* [< *хавтагай* 'плоский' + *бурǯаг* 'горох']; 3) калм. *ulān burtsʋg* [< *ulān* 'красный' + *burtsʋg* 'горох']; 4) бур. *чечевицэ*, калм. *чечевиц* [< рус.]; 5) бур. *бобы* [< рус. *боб*]; ср.: др.-прусск. *babo*, лат. *faba*, алб. *bathä* 'боб', гр. *φακός* 'чечевица' (Фасмер, I, 180).

III. т.-ма.: эвен. *чечевица* [рус.].

121. Ячмень (Hordeum vulgare L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *arpa*, Зам. *arbai*, аз., башк., казах., карач.-балк., каракалп., кирг., кумык., ног., тат., туркм., узб., уйг. *арпа*, тур. *arpa*, алт., хак. *арба*, чув. *урпа*; ср.: др.-тюрк. *arpaγan*, тур. *arpagan*, тат. *арпаҕан* 'дикий ячмень' туркм. *арпаҕан* 'пырей', п.-мо. *arbai*, ма. *арфа* (см. II. 1; III. 2); 2) хак. *ас*; 3) як. *жэсэмэн* [< рус. *ячмень*].

II. мо.: 1) п.-мо. *arbai*, монг. *арвай*, *таримал арвай* (УНТКМ) 'ячмень', бур. *арбай* 'рожь', 'ячмень' (см.: Рожь, п. 4); ср.: бур. *арбай-* 'растопыриться', 'растрепаться', взлохматиться', як. *сарбай-* в том же знач., др.-тюрк. *arpa* (см. I, 1); 2) бур. *ешмээн* ~ *ячмень*, калм. *ичмэн* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) ма. *муǯи* ~ *мурфа* [< *муǯи* 'ячмень' + *арфа* 'овес'], уд. *муǯи* 'ячмень', ульч., нан. *муǯи* 'ячмень', 'овес' чж. *múh-šen* 'ячмень' [< кит. *майцза* ~ *муо-цзу* 'пшеница']; 2) ма. *арфа* 'ячмень', 'овес' (см.. Овес, п. 3); ср.: тюрк. и мо.; 3) эвенк., нан. *ячмень* [< рус.].

122. Вьюнок (Convolvulus arvensis).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jörgänč* [< *jörgä-* 'обертывать', 'заворачивать', 'наматывать' + афф *-nč*]; 2) аз. *сармашыҕ*, башк. *сырмалсық* [< *сырмал-* 'обвивать', 'обвить' + афф. *-сақ*]; 3) башк. *ӱрмä гӧл* [< *ӱрмä* 'вьющийся', 'ползучий' + *гӧл* < ир. *гол* 'цветок', 'роза']; 4) башк. *эт эсäге* [< *эт* 'собака' + *эсäге* 'кишка ее']; 5) узб. *печақ ут* [< *печақ* 'вьюнок' + *ут* 'трава']; 6) як. *иччигэн от* [< *иччигэн* < **иирччигэн* 'пестрая веревка' + *от* 'трава'].

II. мо.: монг. *сэдэргэнэ* (УНТКМ), бур. *шүдэр үбһэн* ‘вьюнок’, ‘повилика’ [< *шүдэр* ‘путы’ + *үбһен* ‘трава’] (см.: Повилика, п. 1).

III. т.-ма.: эвен. *вьюнок* [< рус. *вить*].

123. Ковыль (Stipa capillata).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *qašaq* вид ковыля; 2) кирг. *қалқан* ‘ковыль’, ‘щит’, чув. *ҫӑлҫан ~ ҫалхан*, башк., ног., тат. *қылҗан*; ср.: п.-мо. *kilaγana* (см. II. 1); 3) казах., кирг. *бетеге*; ср.: монг. *бэтэгэ* (см. II, 2); 4) казах. *боз*, узб. *бўз*; 5) аз. *чейраноту* [< *чейран* ‘джейран’, ‘газель’ + *оту* ‘трава его’]; 6) аз. *аҕот* [< *аҕ* ‘белый’ + *от* ‘трава’]; 7) казах. *ақ селеу* [< *ақ* ‘белый’ + *селеу*]; 8) тув. *азаоҕу* [< *аза* ‘черт’ + *оҕу* ‘стрела его’]; 9) тув. *қаӈҕы* ‘ковыль’, вид полыни [? < *қаӈ* ‘сталь’] (см.: Полынь, п. 10); 10) туркм. *селин*; 11) узб. *чалов*; 12. хак. *халсарыҕ*; 13) ног., як. *ковыль* [< рус.]; ср.: гот. *hawi* ‘сено’, др.-в.-нем. *hewi* ‘сено’ (Фасмер, II, 273).

II. мо.: 1) п.-мо. *kilaγana*, монг. *хялгана*, бур. *хилгана*; ср.: кирг. *қалқан* (см.: I. 2); 2) монг. *бэтэгэ*; ср.: казах. *бетеге* (см.: I, 3); 3) монг. *шивээ(н)*; 4) калм. *tsaγān öwsn̥* [< *tsaγān* ‘белый’ + *öwsn̥* ‘трава’].

III. т.-ма.: эвен. *ковыль* [< рус.].

124. Крапива (Urtica dioica).

I. тюрк.: 1) ног. *кичиткäн* [< *кичит-* ‘чесаться’, ‘зудеть’, ‘свербеть’], башк. *кесерткäн*, ног. *қышытқан*, тат. *қычытқан*, узб. *кичитқон*; 2) тур. *ısırgan ~ ısırgan otu* [< *ısırgan* ‘крапива’ (< *ısır-* ‘кусать’ + афф. *-gan*) ‘крапива’ + *otu* ‘трава ее’], гаг. *сырҕан*; 3) аз. *алаҕуты* [< *алаҕ* ‘сорняк’ + *уты* ‘трава его’]; 4) казах. *қалақай*; ср.: п.-мо. *xalaγai*, уд. *халахај*; 5) тув. *шаҕар от* [< *шаҕар* ‘жалящий’ + *от* ‘трава’]; 6) туркм. *хал дамжа*; 7) узб. *чақонҕич*; 8) хак. *салҕанах*; 9) хак. *сахчаӈ от*; 10) чув. *вӗлтрен ~ вӗлтерен* [< *вӗт- ~ вӗтле-* ‘палить’, ‘жечь’]; 11) як. *ытырык от* [< *ытырык* ‘кусающийся’, ‘крапива’ + *от* ‘трава’].

II. мо.: п.-мо. *xalaγai ~ xalaxai*, монг. *халагай ~ халгай* (УНТКМ), бур. *халаахай*; ср.: монг. *хала-* ‘греться’, ‘обжигаться’, ‘увлекаться’, казах. *қалақай* (см.: I. 4), уд. *халахај* (см. III. 2).

III. т.-ма.: 1) эвен. *кикатa*, нег. *хӣктэ*, ороч. *хӣктэ ~ сӣктэ*, уд. *сиктэ*, ульч. *пиктэ*, нан. *пӣктэ ~ пӣхтэ*; 2) уд. *халахај*, ма. *ҳалаҳај* [< мо.; см. II]; ср.: ма. *ҳала-* ‘обжигаться’, ‘опаливаться’, ‘обвариваться’, ‘обваривать’, ‘ошпаривать’, чж. *hāh-lü-wēn* ‘горячий’; 3) эвен. *габар*; 4) эвен. *орат*; 5) эвен. *хэвэхрӣ хайто*; 6) эвен. *крапива* [< рус.].[17]

125. Лебеда (Atriplex).

---

[17] ‘Крапива’ ← ‘кра́пить’, ‘крапать’, ‘укроп’: ‘кра́пить’ = ‘брызгать’, ‘кра́пать’ = ‘падать редкими каплями, брызгами’, ‘укроп’ = ‘кипяток’, ‘крапива’ = ‘растение, обжигающее брызгами, пятнами’ (Меркулова, стр. 113—114; Фасмер, II, 366).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *büstäli*; 2) кирг. *шоро* [< *шор* ‘соленый’], узб. *шўра*; 3) туркм. *селме*; 4) тур. *karapazı*; 5) хак. *хырлых*; 6) чув. *мăйан*; 7) тув., хак. *лебеда*, каракалп., кирг. *алабата*, казах., ног. *алабота*, башк., тат. *алабута* [< рус.].[18]

II. мо.: 1) бур. *загалмай*, калм. *zaγ^{n}lŋ*; 2) монг. *луйл өвс*; 3) бур. *альбадаа* [< рус.]; 4) монг. *шорной* [< рус. *сорный*].

III. т.-ма.: 1) нан. *дара*; 2) эвен. *лебеда* [< рус.].

126. Лопух (Arctium).

I. тюрк.: 1) башк., тат. *әрекмән* [? < *әремкән* < *әрем* ‘полынь’] ‘лопух’, ‘репейник’ (см.: Репейник, п. 2); 2) аз. *пытырҕан* ‘лопух’, ‘репейник’ (см.: Репейник, п. 3); 3) башк. *тегәнәк* ‘лопух’, ‘репейник’ (см.: Репейник, п. 1); 4) казах. *түйе жапырақ* [< *түйе* ‘верблюд’ + *жапырақ* ‘лист’]; 5) ног. *андырқожа*; 6) ног. *матақуйа*; 7) тув. *оотпақ* ‘лопух’, ‘репейник’; [< *оот* ‘трава’] (см.: Репейник, п. 9); 8) хак. *хазалҷых от*; 9) чув. *хупах ~ хупах çулçи* [< *хупах* ‘лопух’ + *çулçи* ‘лист его’]; 10) як. *лопух* [< рус.];[19] ср. литов. *lãpas* ‘лист’ (Фасмер, II, 520).

II. мо.: 1) п.-мо. *dalibsu(n)*, монг. *даливс*; 2) бур. *хашаг үбһэн* ‘лопух’, ‘репейник’ [< *хашаг* ‘клещ’ + *үбһэн* ‘трава’] (см.: Репейник, п. 2); 3) калм. *lošχ^{n}*.

III. т.-ма.: 1) эвенк. *ламбарā* ‘лопух’, ‘колючка лопуха’ [< *ламбарā-* ‘прицепляться’, ‘зацепляться’]; 2) эвен. *лопух* [< рус.].

127. Мать-и-мачеха (Tussilago farfara).

I. тюрк.: 1) тат. *ӱги ана йафрағы* [< *ӱги* ‘неродной’ + *ана* ‘мать’ + *йафрағы* ‘лист ее’], тат. Туа *ӱгәй инә йафрағы* (Бурганова), *ӱгай жапрағы*, башк. *ӱгәй инә сәскәһе* [< *ӱгәй* ‘неродной’ + *инә* ‘мать’ + *сәскәһе* ‘цветок ее’]; 2) тат. Бер *ӱги әни әрекмәне* (Бурганова) [< *ӱги* ‘неродной’ + *әни* ‘мать’ + *әрекмәне* ‘лопух ее’]; 3) тат. Мишк *йар йафрақ ~ җар йафрағы* (Бурганова) [< ? *йар* ‘берег’ + *йафрақ* ‘лист’]; 4) тат. Перм *ат тойақ печин* (Бурганова) [< *ат* ‘конь’ + *тойақ* ‘копыто’ + *печин* ‘сено’]; 5) тат. Бир *бақа йафрағы* (Бурганова) [< *бақа* ‘лягушка’ + *йафрағы* ‘лист ее’]; 6) тат. Лем *бүдәнә йафрағы* (Бурганова) [< *бүдәнә* ‘перепел’ + *йафрағы* ‘лист его’]; 7) тат. Лем *чыбын йапрағы* (Бурганова) [< *чыбын* ‘муха’ + *йапрағы* ‘лист ее’]; 8) узб. *қўқа*; 9) чув. *шапа хупаххи* [< *шапа* ‘лягушка’ + *хупаххи* ‘лопух ее’]; 10) чув. *йӳçе хупах* [< *йӳçе* ‘горький’, ‘кислый’ + *хупах* ‘лопух’; 11) аз. *дәвәдабаны* [< *дәвә* ‘верблюд’ + *дабаны* ‘пята его’, ‘пятка его’].

---

[18] ‘Лебеда’ и ‘лебедь’ восходят к одному корню со знач. ‘белый’, широко представленному в других и.-е. языках (лат. *albus* ‘белый’). «Лебеда названа белой за светлые листья, как будто мукой обсыпанные; ср. укр. название лебеды — мучник» (Меркулова, 111—112; Фасмер, II, 469).

[19] ‘Лопух’ < и.-е. **lep-*, **lop-*, **lap-* ‘лист’. От этого знач. ‘плоский предмет, подобный листу’, ‘лоскут’, ‘заплата’, ‘кусок ткани’, ‘одежда’. В слав. языках родств. слово ‘лапа’, ‘ступня с пальцами у животных и птиц’, ‘ветка ели’; в балт.: лит. *lâpas* ‘лист’. И.-е. корень **lep-*, **lop-*, **lap-* с основн. знач. ‘быть плоским’, ‘ладонь’, ‘ступня’, ‘лопата’, ‘весло’ выступает и в названиях растений (Меркулова, 33—34).

III. т.-ма.: эвен. *мать-и-мачеха* [< рус.].

128. Молочай (Euphorbia sp.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *süt ötrüm* [< *süt* ‘молоко’ + *ötrüm* ‘выделение’], казах. *сүттиген*, кирг. *сүттүкөн*, узб. *сутқон* ~ *сутлама*, аз. *сүдлаjын*, тат. *сөтлегән*, чув. *сĕтле құрăқ*; 2) ног. *аққанат* [< *ақ* ‘белый’ + *қанат* ‘крыло’]; 3) чув. *хурхух*; 4) узб. *ихрож*, кирг. *ықраж*.

II. мо.: монг. *сүүт өвс* (УНТКМ).

III. т.-ма.: эвен. *молочай* [< рус.].[20]

129. Мята (Mentha arvensis).

I. тюрк.: 1) Зам. *pudinä*, тат. *бөтнәк*, башк. *бөтнөк*, чув. *петнек* [? < рус. *мятник*] (Егоров, 159); 2) узб. *йалпиз*, казах. *жалбыз*, туркм. *нарпыз*; 3) тур. *nane*, аз. *нанә*; 4) казах., хак., як. *мята* [< рус. < гр. или лат.] (Меркулова, 139).

II. мо.: 1) п.-мо. *baturasi*, монг. *батраш*; 2) калм. *мят* [< рус.].

III. т.-ма.: 1) эвенк. *анӣ*; 2) ма. *фарса* ‘мята’; 3) эвен. *мята* [< рус.].

130. Паслен (Solanum depilatum).

I. тюрк.: 1) узб. *итузум* [< *ит* ‘собака’ + *узум* ‘виноград’], гаг. *көпек узуму* [< *көпек* ‘собака’ + *узуму* ‘виноград ее’], тат. *эт җилäге* [< *эт* ‘собака’ + *җилäге* ‘ягода ее’]; 2) тат. Хвал *қарағат* (Бурганова) [< *қара* ‘черный’ + *ғат* ‘ягода’], чув. *хура пăрçа* [< *хура* ‘черный’ + *пăрçа* ‘горох’]; 3) башк. *бүрә элäге* [< *бүре* ‘волк’ + *элäге* ‘ягода его’]; 4) тат. *сайысқан чийäсе* [< *сайысқан* ‘сорока’ + *чийäсе* ‘вишня ее’] ~ *сайысқан җилäге* [< *сайысқан* ‘сорока’ + *җилäге* ‘ягода ее’]; 5) казах., кумык. *паслен* [< рус. префикс *па-* + **слънъ* ~ **слън* ~ **слина* ‘слюна’]; ср.: укр. название для паслена — *slynnyk* (Меркулова, 127—128).

II. мо.: 1) монг. *бизэндэг*, калм. *biznəg* [< рус. *бздник* < < *бздеть* < праслав. **pьzděti*, так как ягоды паслена действуют как слабительное] (Фасмер, I, 163); 2) монг. *чээнцэр* (УНТКМ).

III. т.-ма.: нан. *амбан амтакани* [< *амбан* ‘черт’ + *амтакани* ‘ягода его’].

131. Повилика (Cuscuta chinensis).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *čeŋlik*, кирг. *чымылдық* ~ *чымылдырық*; 2) узб. *чирмовик*, кирг. *чирмоок*, казах. *арам шырмауық*; 3) тат. *қычытқан эфäге* [< *қычытқан* ‘крапива’ + *эфäге* ‘шелк ее’], башк. *кесерткән эбäге*; 4) узб. *дев печақ* [< *дев* ‘верблюд’ + *печақ* ‘вьюнок’]; 5) чув. *вĕлтрен уҫи* [< *вĕлтрен* ‘крапива’ + *уҫи* ‘позумент ее’, ‘мишура ее’]; 6) як. *бэттиэмэ*.

II. мо.: 1) п.-мо. *šira olusu(n)* [< *šira* ‘желтый’ + *olusu(n)* ‘конопля’], монг. *шира олсу*; 2) монг. *ороонго*; 3) бур. *шүдэр үбһэн* ‘повилика’, ‘вьюнок’ (см.: Вьюнок, п. 1).

132. Подорожник (Plantago Major).

---

[20] Восходит к знач. ‘молоко’ (Меркулова, 100—101). Получило это название из-за своего горького сока, похожего на молоко (Фасмер, II, 647).

I. тюрк.: 1) тат. *бақа йафрағы* [< *бақа* ‘лягушка’ + *йафрағы* ‘лист ее’], аз. *боғайарпағы*; 2) казах. *жол желкен* [< *жол* ‘дорога’ + *желкен*]; 3) казах. *шай құрай*; 4) башк. *йул йапрағы* [< *йул* ‘дорога’ + *йапрағы* ‘лист ее’]; 5) каракалп. *атқулақ* [< *ат* ‘лошадь’ + *құлақ* ‘ухо ее’]; 6) ног. *құврай* [< ? *құв* ‘лебедь’, ‘белый’, ‘седой’]; 7) чув. *шăнăр курăкĕ* [< *шăнăр* ‘сухожилие’, ‘жила’ + *курăкĕ* ‘трава ее’]; 8) чув. *пăра курăкĕ* [< *пăра* ‘бурав’, ‘сверло’ + *курăкĕ* ‘трава его’]; 9) чув. *чĕкеҫ курăкĕ* [< *чĕкеҫ* ‘ласточка’ + *курăкĕ* ‘трава ее’]; 10) як. *биэс тамыр* [< *биэс* ‘пять’ + *тамыр* ‘корень’]; 11) як. *лохсурҕан* ~ *нохсурҕан*; 12) узб. *михчуп*; 13) узб. *баргизуб*.

II. мо.: 1) п.-мо. *ulaγan mögü(ü)* [< *ulaγan* ‘красный’ + *mögü(ü)* ‘гриб’], монг. *улаан мөөг*; 2) бур. *таба halaa* [< *таба(н)* ‘пять’ + *halaa* ‘развилина’, ‘разветвление’].

III. т.-ма.: эвен. *подорожник* [< рус. < *по-* + *дорожник* < *дорога*, т. е. растет около дорог].

133. Полынь (Artemisia paniculata Lam.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jemšän* ~ *jarčan* ~ *javšan*, Зам. *javšān*, аз., туркм. *йовшан*, кумык. *йувшан*, ног. *йувсан*, казах., каракалп. *жусан*, тат. Кас *дӱшӓн* (Бурганова), тув. *чашпан*; 2) кирг. *эрмен*, узб. *эрмон*, тат. Бараб, башк., тат. *ӓрем*, чув. *эрĕм*, уйг. *ӓмӓн*, тат. Бер *ақ ӓрем* (Бурганова) [< *ақ* ‘белый’ + *ӓрем* ‘полынь’], *ачы ӓрем* [< *ачы* ‘горький’ + *ӓрем* ‘полынь’], *сасы ӓрем* [< *сасы* ‘зловонный’ + *ӓрем* ‘полынь’], чув. *эрĕм ути* [< *эрĕм* ‘полынь’ + *ути* ‘трава ее’], як. *сатыҕан эрбэсин*; ср.: бур. *үрмэдэһэн*, ма. *эрэмпу* (см. III, 3); 3) алт. *йаду өлөң* [< *йаду* ‘тухлый’ + *өлөң* ‘трава’], *ачу өлөң* [< *ачу* ‘горький’ + *өлөң* ‘трава’], тат. Бараб *сазу өлөң* [< *сазу* ‘зловонный’ + *өлөң* ‘трава’]; 4) хак. *чыстыҕ от* [< *чыстыҕ* ‘вонючий’ + *от* ‘трава’], чув. *шăшлă вутă құраҕ* [< *шăшлă* ‘вонючий’ + *вутă* ‘трава’ + *құраҕ*]; 5) узб. *ут шувоқ* [< *ут* ‘трава’ + *шувоқ* ‘полынь’]; ср.: п.-мо. *sibaγ*; 6) узб. *қақра*; 7) тат. Лем *мӓркӓмӓч* ~ *нӓркӓмӓч* ~ *нӓркӓмӓс* (Бурганова); 8) тур. *pelin*; 9) узб. *бурҕан*; 10) тув. *қанҕы* вид полыни, ‘ковыль’ [? < *қаң* ‘сталь’] (см.: Ковыль, п. 9); 11) карач.-балк. *лыбата* [< рус. *лебеда*].

II. мо.: 1) п.-мо. *agi*, монг. *агь*; 2) п.-мо. *sibaγ*, монг. *шаваг*; ср.: узб. *ут шувоқ*; 3) бур. *үрмэдэһэн*; ср.: кирг. *эрмен* (см. I, 2), ма. *эрэмпу* (см. III. 3); 4) калм. *būrļtᵛ*; 5) калм. *ütkē šarļdžn̥*, монг. *шарилж* (УНТКМ).

III. т.-ма.: 1) нег. *соγакта*, ороч., ульч. *сӱақта*, нан. *соақта*, ма. *суӽа*; ср.: монг. *суйх* ‘чернобыльник’; 2) нан. *энхи*; ср.: ма. *эӽмпа* название растения; 3) ма. *эрэмпу*; ср.: кирг. *эрмен*, бур. *үрмэдэһэн* (см. III. 3); 4) эвен. *полынь* [< рус. ‘гореть’, ‘палить’, ‘жечь’ → ‘горький’] (Меркулова, 122).

134. Репейник (Agrimonia).

I. тюрк.: 1) башк. *тегӓнӓк* ‘репейник’, ‘лопух’ (см.: Лопух, п. 3), тат. *тигӓнӓк*, чув. *тикенек*, ног. *қышы тегенек*, узб. *қўйтиқанақ*; 2) башк., тат. *ӓрекмӓн* ‘репейник’, ‘лопух’ (см.: Ло-

пух, п. 1); 3) аз. *пытырҕан* ‘репейник’, ‘лопух’ (см. Лопух, п. 2); 4) алт. *абалатқа ~ аблатый ~ абылай*; 5) казах. *тӱйеошаҕан*; 6) кирг. *уйҕақ*; 7) тур. *dulkadın otu* [< *dul* ‘вдова’ + *kadın* ‘женщина’ + *otu* ‘трава ее’]; 8) тур. *kelotu* [< *kel* ‘парша’, ‘короста’ + *otu* ‘трава ее’]; 9) тув. *оотпақ* ‘репейник’, ‘лопух’ [< *оот* ‘трава’] (см.: Лопух, п. 7); 10) узб. *аломатчой*; 11) узб. *тӯнбизтароқ*; 12) чув. *ҫуршанақ ~ ҫушанақ ~ ҫуршанҫа*; 13) чув. *хупах*; 14) як. *хатыылаах эрбэсин ~ хатыылах эрбэһин* [< *хатыылаах* ‘иглистый’, ‘колючий’ + *эрбэсин* ‘сорная трава’].

II. мо.: 1) п.-мо. *losiγa*, монг. *лошйгӧ ~ лошигу, лошго* (УНТКМ), калм. *lošχ^{v}*; 2) бур. *хашаг үбһэн* ‘репейник’, ‘лопух’ (см.: Лопух, п. 2).

III. т.-ма.: 1) ма. *килҳана* ‘репейник’; ср.: *кила илҳа* ‘шиповник’; 2) эвен. *репейник ~ репей* [< рус.].[21]

135. Рута (Ruta).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *elrük ~ eldrük*; 2) др.-тюрк. *jïdïγ ot* [< *jïdïγ* ‘дурно пахнущий’, ‘смердящий’ + *ot* ‘трава’]; 3) Зам. *sadab*, тат. *сәдәп уты* [< *сәдәп* ‘пуговица’ + *уты* ‘трава его’]; 4) кирг. *ысырық*, аз. *ӱзәрлик*; 5) кирг. *адырашман*; 6) узб. *тошбақа толи* [< *тошбақа* ‘черепаха’ + *толи* ‘ива’]; 7) тат. *рута* [< рус.].

II. мо.: п.-мо. *sulu*, монг. *сулу*.

136. Тмин (Cuminum).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *artun*; 2) тур. *çörekotu* [< *çörek* ‘лепешка’, ‘чурек’ + *otu* ‘трава ее’]; 3) чув. *ҫерҫи кӗнҫи* [< *ҫерҫи* + *кӗнҫи* ‘съедобное растение его’, ‘дуло его’]; 4) узб. *зира*, аз. *зирә*; 5) чув. *ҫалемпӗр* ‘тмин’, ‘анис’ [< ир. *керенфол* < ар. *каранфул* ‘гвоздика’]; 6) чув. *энӗс* [< рус. *анис*], башк., тат. *аҡ әнис* [< *аҡ* ‘белый’ + *әнис* ‘анис’]; 7) тур. *kimyon* [< гр. < семитск. яз.] (Меркулова, 141), тат., казах. *тмин* [< рус. < укр. < польск. < з.-е. < гр.] (Меркулова, 141).

II. мо.: 1) монг. *гонид*; 2) калм. *тмин* [< рус.].

137. Тростник (камыш, Scirpus triqueter L.).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *jiz*; 2) др.-тюрк., Зам. *qamïš*, башк., кирг., тат. *ҡамыш*, тур. *kamış*, узб. *ҳамиш*, аз., туркм. *ҕамыш*, казах. *ҡамыс*, ног. *ҕамыс*, чув. *хумӑш ~ хӑмӑш*, як. *хомус*; 3) гаг. *саз*, тур. *saz*, узб. *соз*; 4) узб. *ҳуҕа*, казах., кирг., шор. *ҡоҕа*; 5) каракалп. *аҡбилек*; 6) ног. *балҕамыс* [< *бал* ‘мед’ + *ҕамыс* ‘тростник’]; 7) тув. *ҳулузун*; 8) аз. *ҕарҕы*, узб. *ҕаров*; 9) хак., чув., як. *тростник* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *xulusun*, монг. *хулс(ан)*, бур. *хулһан*, калм. *χulsn̥*; ср.: сол. *холчӯ* (см.: III. 9); 2) п.-мо. *γurbalǯi(n)*, монг. *гурбалжи*; ср.: ма. *гурби* (см.: III. 3); 3) п.-мо. *nišinggü*, монг. *нишэнгэ* (УНТКМ); 4) калм. *тростник* [< рус.].

---

[21] Этимологически слав. **rěrьjь* сравнивается со всеми и.-е. формами со знач. ‘хватать’, ‘цеплять’; у репейника ‘цепляющиеся, хватающие плоды’] (Меркулова, 94).

III. т.-ма.: 1) ульч. *ҳауқта*, орок. *авўлакта*; 2) эвенк. *панчара* ‘камыш’, ‘водоросль’; 3) эвенк. *арнакта* ~ *арна*; 4) эвенк. *улгукта*, ульч. *ҳолҕақта*, нан. *ҳолҕоқта*, ма. *улҳо*, сол. *холчӯ* [< п.-мо. *ҳulusun*; см. II. 1]; 5) эвен. *конгат* ~ *конгакāг*; 6) ульч. *āси* вид съедобного тростника; ср.: орок. *аγасй* ~ *асй* название растения; 7) ма. *гурби* ~ *гурбин*; ср.: п.-мо. *γurbalžі(n)* (см.: II. 3); 8) ма. *оқžиҳа* ‘тростник ароматический’.

138. Чемерица (Veratrum).

I. тюрк.: 1) др.-тюрк. *asurtγu*, тат. *ақсырдақ*, казах., ног., тат. *ақсырҕақ*, башк. *ақ ырҕақ*; ср.: п.-мо. *аγsirγапа* (см. п. 1); 2) др.-тюрк. *bužїn* ~ *büžin*; 3) тув. *алаӈҕыыш*; 4) чув. *кикĕн* ~ *кӳкен* ~ *кикен* ‘чемерица’, ‘терн’ [< др.-тюрк. *кök* ‘голубой’, ‘синий’] (см.: Терн, п. 3); 5) чув. *чĕмере қурăқĕ* [< *чĕмере* ‘чемерица’ < рус. + *қурăқĕ* ‘трава ее’].

II. мо.: 1) п.-мо. *аγsirγапа*, монг. *агширгана*, бур. *агшаргана*; ср.: др.-тюрк. *asurtγu*, тат. *ақсырҕақ* (см. I. 1); 2) п.-мо. *balčirγапа*, монг. *балчиргана*, бур. *балшаргана*.

III. т.-ма.: 1) эвен. *аγдй* ~ *аγдйрй*, *ȧhдери*; 2) ма. *ақžаба* ~ *ақžиба*; 3) ульч. *вэси(н)*, нан. *вэсӣ* ‘черемша (сушеная)’.

139. Шалфей (Salvia silvestris).

I. тюрк.: 1) тур. *adaçaуı* [< *ada* ‘остров’ + *çaуı* ‘чай его’], аз. *адачайы*; 2) башк. *йылан тамыры* [< *йылан* ‘змея’ + *тамыры* ‘корень ее’]; 3) хак. *пора кирен*; 4) узб. *маврақ*; 5) башк., казах., тат., чув. *шалфей*, узб. *салбийа* [< рус.].

II. мо.: 1) п.-мо. *šira dēre(n)* [< *šira* ‘желтый’ + *dēre(n)* ‘шалфей’], бур. *шара дэрэ*; 2) монг. *мугваа* (УНТКМ), бур. *мүгбэ үбһэн*.

О. А. КОНСТАНТИНОВА

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКАЯ ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ЖИЛИЩЕМ

Лексический запас тунгусо-маньчжурских языков, связанный с тематическим разделом «Жилище», довольно многообразен. В предлагаемой статье рассматривается около полутораста наименований различных видов жилищ и их частей, а также хозяйственных сооружений.[1] Кроме того, приводятся названия видов поселений.

I. НАЗВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЖИЛИЩ

Жилища тунгусо-маньчжурских народностей, как и жилища других народностей Сибири и Дальнего Востока, подразделяются в зависимости от сроков обитания в них на постоянные, временные и укрытия.[2]

К постоянным относятся те, которые предназначены для проживания в них в обычных условиях; отметим, что при прежнем кочевом и даже оседлом образе жизни у тунгусо-маньчжурских народностей могло быть два постоянных (термин условен) жилища — зимнее и летнее. Временные жилища устраивались на тот или иной срок в связи с различного рода промысловой деятельностью — охотой, рыболовством, сенокошением, — что обычно было сопряжено с необходимостью поселяться на более или менее удаленной от постоянного места обитания территории. Наконец, простейший вид сооружений, служащих для защиты от непогоды на несколько часов или на двое-трое суток, — это различные укрытия и заслоны.

Как постоянные, так и временные жилища бывают наземные, полуподземные, свайные и подземные. Наземные и полуподземные,

---

[1] Лексический материал представлен в основном по данным «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков», составленного сотрудниками сектора алтайских языков Института языкознания АН СССР В. А. Горцевской, В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, К. А. Новиковой, Т. И. Петровой, В. И. Цинциус при участии Т. Г. Бугаевой, под общей редакцией проф. В. И. Цинциус (1967 г., рукопись).

[2] См.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961. Жилище, стр. 131—132.

в свою очередь, подразделяются на каркасные, т. е. имеющие остов, накрываемый шкурами, корьем, сеном, плахами и т. д. или служащий опорой для стен из плетенки, обмазанной глиной и т. д., — и срубные, или срубовые, стены которых складываются из бревен.

Постоянные жилища

Среди наиболее широко представленных наименований для жилища в тунгусо-маньчжурских языках прежде всего обращает на себя внимание слово с праформой **ǯ̌ȳг(у)*. Обратимся к рассмотрению соответствующего материала.

1. эвенк. *ǯ̌ȳ* (мн. ч. *ǯ̌ȳ-л*, К. *ǯ̌ȳг-и-л*) ‘жилище’, ‘юрта’, ‘чум’, ‘ураса’, ‘дом’, ‘хозяйство’, ‘семья’, ‘нора’, ‘логовище’, ‘берлога’, ‘конура’, Брг ‘гроб’, ‘матка’ (животных), сол. *ǯ̌ȳγ* (*ǯ̌ȳ* Ив.) ‘дом’, эвен. *ǯ̌ȳ* ‘жилище’, ‘юрта’, ‘чум’, ‘ураса’, ‘дом’, ‘нора’, ‘логовище’, ‘берлога’, ‘гнездо’, нег. *ǯ̌ō* ‘жилище’, ‘юрта’, ‘ураса’, ‘дом’, ороч. *ǯ̌ȳ(г-)*, уд. *ǯ̌угди*, ульч. *ǯ̌ȳ(г-)* ~ *ǯ̌ȳγ*, орок. *дуку* ~ *духу*, *ǯ̌угди*, нан. *ǯ̌ō(г-)*, Снг *дука* ‘жилище’, ‘дом’.

Как видно из приведенных значений, существительное *ǯ̌ȳ* в эвенкийском и эвенском языках служит для передачи понятий не только жилья человека, но и жилья животных (нора, логовище, берлога и т. п.), а в эвенкийском также и понятия «семья». Что касается фонетического облика этого слова, то оно в большинстве тунгусо-маньчжурских языков характеризуется наличием твердорядного долгого гласного *ȳ*||нег., нан. *ō*, но в солонском и удэйском, а также у нерчинских эвенков (тунгусов), по данным Кастрена, это гласный мягкого ряда. В солонском и ульчском языках в исходной форме *ǯ̌ȳγ* сохранился конечный согласный *γ*, который в языках орочей и нанай удержался перед согласными, например в формах косвенных падежей (ср. дат. п. ороч. *ǯ̌ȳ-г-ду*, нан. *ǯ̌ō-г-ду*), и который был также зарегистрирован Кастреном у нерчинских эвенков в форме множественного числа (*ǯ̌ȳ-г-и-л*). По своему звучанию этот конечный согласный тунгусо-маньчжурского существительного **ǯ̌ȳ-г* напоминает эвенк., эвен. и нег. афф. *-г* (*-γ*) имен собирательного значения по местонахождению однородных предметов. Ср.: эвенк. *ǯ̌агда-γ* ‘сосняк’ от *ǯ̌агда* ‘сосна’, эвен. *болги-γ* ‘заросли кедрового сланца’ от *болгит* ‘кедровый сланец’, нег. *ӈаӈта-γ* ‘ельник’ от *ӈаӈта* ‘ель’. Но для современных тунгусо-маньчжурских языков существительное **ǯ̌ȳг* > *ǯ̌ȳγ* (сол., ульч.) ~ *ǯ̌ȳ(г-)* ~ *ǯ̌ō(г-)* (ороч., нан.) ~ *ǯ̌ȳ* (эвенк., эвен.) ~ *ǯ̌ō* (нег.) морфологически нечленимо и в приведенных формах выступает как простейшая корневая производящая основа соответствующего гнезда слов.

Наиболее богаты вторичными образованиями от основы **ǯ̌ȳг* эвенкийский, эвенский и негидальский языки, для которых, в частности, характерно следующее производное существительное:

эвенк. *ǯӯкча*, *ǯӯкийа*, С-Б *ǯӯкин*, эвен. *ǯӯкча* ~ Арм *ǯōкса*, нег. *ǯōкча* ‘остов (юрты, урасы, чума)’, ‘заброшенное жилье (юрта, ураса) или стойбище’.

Можно предположить, что морфологически это слово членимо следующим образом: *ǯӯк-чā* < **ǯӯг-чā* < **ǯӯг-йā*, т. е. что к производящей основе **ǯӯг-* здесь присоединился аффикс собирательного значения *-йā*, который после согласного ассимилировался в *-чā*, а это повлекло за собой оглушение согласного *г* > *к*. Значение покинутого жилища или стоянки передается также при помощи афф. *-мӣ*, *-мӣйа*. Ср.: эвенк. *ǯӯкчā-мӣ*, *ǯӯмӣ*, эвен. *ǯӯ-мӣйа* ‘покинутое жилье, юртовище, стойбище’, а также эвенк. вост. *ǯӯмӣйа* ‘большая юрта’, эвен. *ǯӯ-нǯа* увел. ‘большой дом’, ‘зимовье’, ‘барак’, Арм ‘временное жилище’.

Интересны также следующие эвенкийские и эвенские наименования для юрты, чума: эвенк. *ǯӯма* Тит. ‘юрта, покрытая замшей из лосины’ (в отличие от *ǯӯ* — покрытой обычно корьем), эвен. *ǯӯм* (< *ǯӯма*) Ол, Б, П ‘юрта’, ‘чум конической формы’ в отличие от *ǯӯ* ‘юрта с цилиндрическим основанием’; ср. эвен. *элбэм* ‘юрта с цилиндрическим основанием’. В связь с эвен. *ǯӯм* ‘коническая юрта’ можно поставить также эвенк. *ǯӯмат* нареч. ‘наклонно’ (о жердях юрты) и *ǯӯмат-* ‘находиться в наклонном положении’ (о жердях юрты). От основы рассматриваемого нами сущ. **ǯӯг* в тунгусо-маньчжурских языках образуются глаголы со значением «ставить, собирать юрту, чум, урасу», «строить дом»; ср.: эвенк. *ǯӯӈ-*, нег. *ǯōӈ-*, эвен. *ǯӯлта-* ‘ставить, собирать юрту’, ‘строить дом’, а также уд. *ǯугдиниси-* ‘ставить юрту’, ‘строить дом’.

С понятием о жилище, доме тесно связывается представление о живущих вместе домочадцах, домашних, о семье, что в тунгусо-маньчжурских языках обычно передается путем прибавления к основе **ǯӯг* соответствующих аффиксов, например: эвенк. *ǯӯ-гāн*, эвен. *ǯӯ-мӈа*, уд. *ǯугди-нкэ(н-)*, нан. *ǯō-ӈқа(н-)*, орок. *дуӈ-нē-ни* ‘домочадцы, домашние, семья’.

В связи с названием «домочадцы» интересно отметить следующие специальные наименования: эвенк. *ǯӯлгак* ‘сожитель’ (по юрте, чуму, урасе); ср.: *ǯулга-* ‘жить в юрте вместе с кем-л.’, эвен. *ǯӯлга* ‘сожители’ (две семьи, живущие в одной юрте), ‘два полога’ (в одной юрте), *ǯӯлгак* ‘сожитель’ (человек или семья, живущие с кем-л. в одной юрте), ‘сосед’.

С представлением о жилье связано и понятие «хозяин дома»: эвенк. *ǯӯмагу* ~ *ǯӯмаву*, эвен. *ǯӯкн'а* ‘хозяин дома, юрты’.

В фольклорных произведениях и в обыденной речи при характеристике какого-либо лица очень часто подчеркивается, что у него имеется дом (семья), что выражается в тунгусо-маньчжурских языках формами обладания имени существительного; ср.: эвенк. *ǯӯ-чӣ*, вост. *ǯӯ-лкāн*, эвен. *ǯӯ-лкāн*, нег. *ǯō-лкāн*,

нан. *ǯō-ḳo/ẏ* ‘имеющий кров, жилье’. С жильем связано и представление о посещении соседнего жилища в качестве гостя; ср.: эвенк., эвен. *ǯӯmā-* ‘пойти к кому-л. в дом’, ‘пойти в гости’ (по соседству), эвен. *ǯӯmāǯ* ‘гость’, ‘гостья’, *ǯӯmū-* ‘ходить, ездить по гостям по соседству’.

По-видимому, основное исходное значение т.-ма. **ǯӯg* первоначально было связано с понятием «юрта, чум, ураса», т. е. это слово служило наименованием переносного разборного каркасного конусообразного жилища типа эвенк. *ǯӯ*. Остов этого сооружения состоял из наклонно поставленных и сходящихся вместе вверху шестов и покрывался зимой оленьими и лосиными шкурами или ровдугой, летом — берестяными полотнищами или также ровдугой; у народностей, занимающихся рыбным промыслом, покрытием служили полотнища из выделанной рыбьей шкуры (название отдельных частей конусообразного чума и его схему см. на стр. 244). Но различные условия жизни вызывали необходимость пользоваться и другими по конструкции и материалу жилыми сооружениями, возникала необходимость в новых обозначениях жилища. Тунгусо-маньчжурские языки предоставляют в наше распоряжение несколько примеров, когда при необходимости передать словом **ǯӯg* особую разновидность жилища, к этому исходному наименованию прибавляется дополнительное определение. Сюда относится ряд словосочетаний — эвенк. *chōrāma ǯӯ*, *chōrālkān ǯӯ*, *иманилкāн ǯӯ*, эвен. *gādaka ǯӯ*, нег. *лахама ǯō ~ чилпама ǯō*, нан. *ḳорима ǯō*, — которые будут рассмотрены ниже.

2. эвенк. *chōrāma ǯӯ* или *chōrāmanǯa ǯӯ* в говорах Дальнего Востока (сахалинские, буреинско-урмийские и учурско-зейские эвенки) служит для названия чума эвенского типа, нижняя часть остова которого имеет цилиндрическую форму, так как сооружается из специальных вертикально поставленных шестов-подпорок (эвен. *chōrā*), на которые устанавливаются жерди, образующие конус; в целом остов эвенской юрты напоминает шатер. В буквальном переводе по-русски эвенк. *chōrāma ǯӯ* означает «чорамовый чум»; ср. приводившееся выше эвен. *ǯӯm(a)* ‘конический чум’. Интересно отметить, что в фольклоре дальневосточных (аяно-майских, чумиканских и сахалинских) эвенков отдельно взятое слово *chōrāma* означает также восьмигранное жилище с выходом через дымовое отверстие. В эвенском языке в обычной речи слово *ǯӯ* означает не только жилище вообще, но и жилище эвенского типа, чум с цилиндрическим основанием, тогда как для конического чума употребляется приводимое выше *ǯӯm*. При необходимости уточнить значение используется определение *chōrālkān* ‘имеющий жерди чора’, т. е. можно сказать *chōrālkān ǯӯ* ‘чум с жердями чора’. В саккарырском говоре эвенского языка вместо сочетания *chōrālkān ǯӯ* употребляется *chōrā унэн* с тем же значением «чорамовое жилище». Наряду со специальным термином *chōrā* ‘шест’, ‘жердь’ в эвенском языке имеется глагол

чōрā- ‘ставить юрту’. С афф. *-мī* уничижительно-пренебрежительного значения образуется вторичное существительное *чōрāмī* ‘посох, палка, трость’, т. е. шест *чōрā*, уже не употребляющийся за негодностью по своему прямому назначению. Афф. *-рӯк* придает существительному *чōрāрӯк* значение ‘олень для перевозки жердей чора’.

Вместе с тем нан. *чоро* ~ *цоро*, уд. *чōло* [< **чоро*] означает ‘зимний шалаш конической формы’.

Нельзя также не отметить, что як. *чуорā* [< ? тунг.] означает отверстие вверху конической юрты (урасы), через которое выходит дым; ср.: як. *урā* ‘самая крайняя верхушка летней юрты (урасы) с отверстием для выхода дыма’, ‘дымовое отверстие’ (вверху урасы), ‘каминная труба юрты’, сюда же (?) як. *суорун* ~ *сорун* ‘дом’, ‘жилье, жилище’, ‘житье’, ‘местожительство’, ‘обиталище’.

3. эвен. *гāдака ǯӯ* ‘получум’ — жилище, одна половина которого — нижняя — имеет цилиндрическую форму, а другая — коническую (*гāд* ‘половина’, ‘один из парных предметов’).

4. эвенк. *иманилкāн ǯӯ* фольк. означает ‘жилище из жердей с покрышкой’; ср.: *имани* ‘снег вокруг чума, палатки’.

5. нег. *лахама ǯō* или *чилпама ǯō* служит для обозначения постоянного жилища с каркасом из прутьев ивы, тальника, который обмазывался месивом из глины и сухой травы; буквально означает «мазанка», «жилище-мазанка»; ср. ма. *лаҳа* ‘рубленая солома, которую кладут в глину для смазки стен’, ‘свернутые пучки соломы, которые втыкают в плетень, чтобы держалась глина при смазке его’; ср.: нан. *чилпа-* ‘обмазать глиной стены, пол’, ма. *чифа-* ‘обмазывать глиною стену’, ‘штукатурить известью’; *чифаҳан* ‘глина, замешанная на рубленой соломе’, ‘глиняная смазка’, ‘грязь’, *чифаҳаӈба* ‘смазанный глиной’, эвенк. *типа-* ‘размазать грязь по полу’, ‘брести по грязи’, *типама* ~ *чипама* ‘липкий, вязкий’ (о глине), *типалā* ~ *чипалā* ~ *типарā* ‘глина’, ‘грязь’, ‘лужа’, эвен. *тилбак* ‘топь’, ‘трясина’, ‘грязь’.

6. ороч. *болоǯо* [< *боло* ‘осень’ + *ǯо* ‘жилище’], *болоǯоко*, *болочко* ‘шалаш двускатный, корьевой’, ороч. *тувэǯэ*, уд. *туэǯэ* [**тувэ* ~ *туэ* ‘зима’ + *ǯо* ‘жилище’] ‘зимник’, ‘зимнее жилище’, ороч. *ǯувукта* ~ *ǯуакта*, нан. *ǯоасо* ‘летник, летнее жилище’. Все эти наименования являются обозначениями сезонного жилья.

7. нан. *ӷорима ǯō(г-)* ‘постоянное срубовое жилище’, ‘бревенчатый дом’, ‘жилье из бревен’, нег. В *койима*~*койма ǯō* ‘зимник’; по значению этим словам соответствует ульч. *ҳаӈду (н-)*, нег. Н *хагдун* ‘зимник’, ‘зимнее жилище’, ‘дом’. Прилагательное с суфф. *-ма* характерно для всех тунгусо-маньчжурских языков Приамурья; ср.: нан., ульч., орок. *ӷорима*, нег. *койима*, ороч. *коима*, уд. *куаима* ‘бревенчатый’, ‘рубленый’, ‘срубовый’. По-видимому, это прилагательное является производным от следующего существительного: нан., ульч., орок. *ӷори*, нег. *койи* [< **кори*],

койчāн уменьш. ‘сруб-медвежатник’ (помещение, где держали медведя), ороч. *кои* [< **койи* < **кори*] ‘сруб-амбар для хранения провизии’, ‘могильный домик’. Вместе с тем в этих же языках имеется сходная глагольная основа, перевод значений которой в имеющихся словарях отличается от языка к языку; ср.: нан. *ҳори-* ~ *ҳориа-* ‘делать сруб’, ‘строить из бревен’, ‘огораживать’, *ҳоричи-* ‘огораживать’, ‘держать в клетке’, ульч. *ҳори-*, ороч. *коили-* ‘делать сруб’, ороч. *кои-* ‘класть в срубе’ (о захоронении костей животных), уд. *куа-* ‘делать врубки’ (при постройке сруба), ‘стругать’, ‘обстругивать’.

Если исходить из того значения, которое предоставляет в наше распоряжение уд. *куаи-* ‘делать врубки’, то наиболее характерной чертой представления о срубе можно признать наличие выемки в столбах или у бревен. В таком случае к гнезду слов этого корня может быть привлечено и ма. *ҳори-* ‘вырезать’, ‘выдалбливать’, ‘выковыривать сердцевину’, ‘подмывать берег водой’; сюда же — ма. *ҳориҳу* ‘нож’ (кривой), ‘долото’. Но, как мы видели выше, нан. *ҳори-* означает не только ‘делать сруб’, но также ‘огораживать’ и далее, в форме *ҳоричи-*, ‘держать в клетке’. С представлением об ограде, стене связаны и следующие именные образования: нан. *ҳорича* ‘ограда’, ульч. *ҳорча(н-)* ‘стена’, нег. *койича* [< **корича*], ороч. *коипти(н-)* ‘бревенчатая стена’.

Последние глагольные и именные значения мы обнаруживаем также в ма. *ҳори-* ‘огораживать’, ‘загонять в хлев, конюшню’, ‘сажать в клетку’, ‘брать под стражу’, ‘заключать в тюрьму’, ‘окружать’, ‘опутывать’, *ҳорибан* ‘загородка из плетня’ (для скота), ‘скотный двор’, ‘хлев’, ‘клетка для зверей’, *ҳорин* ‘клетка для птиц’, ‘садок’ (из проволоки или бамбуковых веточек), ‘хлев’, *ҳорҳо* ‘хлев’, ‘овчарня’, ‘свинарня’, ‘клетка (для птиц)’, ‘гроб’ (наружный), ‘шкаф’ (для платья). В качестве монголизма ср.: эвенк. Нрч, К. *кориган* ‘ограда’, двор, *кригалā-* ‘огораживать’, сол. *хорē-* ~ *хори-* ‘запирать’, ‘заключать в тюрьму’, ‘запрещать’, ‘обуздывать’. Ср.: п.-мо. *хori-*, монг. *хори-* ‘запирать’, ‘заключать (в тюрьму)’, ‘загораживать’, ‘запрещать’, ‘отговаривать’, бур. *хори-* ‘запрещать’, п.-мо. *хoriγa*, монг., бур. *хориг* ‘запрет’, п.-мо. *хoriγul*, монг. *хориул* ‘запрет’, ‘загородка’, ‘овчарня’, ‘свинарня’, бур. *хорёол-* ‘делать загородку’, *хорёо(н)* ‘загородка’, *хорёо хуһамаг* парн. ‘ограда’, ‘загон’ (для кормления зимой лошадей, крупного рогатого скота), п.-мо. *хorγu*, монг. *хорго* ‘укрытие’, ‘шкаф’, ‘шкафчик’.

Последнее существительное в качестве монголизма обнаруживается также в як. *хорго* ‘убежище’, ‘защита’, ‘заслон’ (ср.: Калужиньский, стр. 17), *хорго-* ‘становиться под чью-л. защиту’, ‘прятаться’, *хорголō-* ‘защищать’, ‘заслонять’, ‘спрятать’. Вместе с тем нельзя не отметить др.-тюрк. *qori-* ~ *qoru-* ‘оберегать’, ‘охранять’, *qorïγ* ‘угодья феодала’ (обычно охраняемые, запрет-

ные для других) ~ *qoruγ* ‘охрана’, ‘защита’, ‘покровительство’, *qorïγan* ‘стан’, ‘военный лагерь’.

Как уже отмечалось выше, в ульчском и негидальском языках нанайскому *ҳорима ǯō* по значению соответствует другое слово, а именно:

8. ульч. *ҳаʁду(н-)* ‘жилище’, ‘дом’ (бревенчатый), нег. *хагдун* ‘жилище’, ‘дом’ (бревенчатый), ‘зимник’, ‘берлога’; ср.: нан. *ҳагдō|ӯ* ~ *агдō|ӯ* ‘берлога’, ороч., уд. *агду(н-)* ‘берлога’, эвенк. *абдун* ~ *авдун* ~ *агдун* ‘берлога’, ‘нора’, ‘гнездо’, ма. *аӄдун* ‘надежный’, ‘крепкий’ (о месте), ‘твердый’, ‘твердыня’, ‘верный’, *аӄдула-* ‘укреплять’ (место), ‘охранять’, ‘защищать’, ‘ручаться’, чж. *hāh-t‘ān* ‘крепкий’, ‘сильный’; сюда же (?) — сол. *агу* ‘жилище’, ‘ограда’, ‘двор’.

Семантическая филиация «жилище—берлога» свойственна не только рассматриваемому существительному **хагдун* > *абдун*, но также и **ǯӯ(г)* (см. стр. 225).

Имеется еще ряд наименований для бревенчатых и каркасных жилищ.

9. эвенк. *гӯлэ* ‘жилище’, ‘изба’, ‘хижина’, ‘зимний дом’, ‘зимовье’, ‘комната’, *гӯлэкэ̄ку*, *гӯлэпчэн* увел. ‘большой дом’, ‘домище’, *гӯлэкэ̄н* уменьш. ‘домишко’, ‘избушка’, *гӯлэкэ̄чэ-*, *гӯлэтэ̄-* ‘жить в доме’, *гӯлэн-* ‘строгать доски’, *гӯлэӈ-* ‘строить дом’, *гӯлэӈэ̄т* ‘строительный материал’, *гӯлэсэг* собир. ‘поселок’, ‘деревня’.

В других тунгусо-маньчжурских языках это наименование жилища отсутствует, но с ним может быть сопоставлено як. *кӣ̈lä* ‘пристройка’, ‘сени’, ‘передняя’, ‘притвор’, *кӣ̈läläх* ‘имеющий сени или крытый ход’; ср. также: тюрк. *kïllä* ‘башня’, ‘крепость’, чув. *кил* ‘дом’, ‘домашний очаг’.

10. эвен. *төрдэм*, *тоддэмсэ* ~ *тоддэсэ* ~ *тоднусэ* ‘землянка’; ср.: эвен. *төр* ‘земля’.

11. нан. *хурбу* ‘землянка’.

12. эвенк. *голомо* ‘чум из расколотых пополам бревен, крытый корой лиственницы и засыпаемый на зиму землей или снегом’, ‘зимнее жилище’, букв. означает «бревенчатый», «сделанный из бревен, чурок, обрубков», так как является субстантивированным прилагательным, образованным с помощью уже упоминавшегося выше афф. *-ма* от производящей именной основы *голо* ‘бревно’, ‘чурка’, ‘обрубок’; ср. *голокō̆чō̆н* уменьш. ‘бревнышко’, ‘чурочка’, ‘полено’.

13. эвен. *бойи* ~ *бойу* ‘чум (летний)’, ‘покрышка цилиндрического чума (нижняя, самая большая)’; ср.: ма. *боо* ‘дом’, ‘строение’, ‘жилище’, *бойʁон* ~ *бойҳон* ‘дом’, ‘юрта’, ‘кибитка’, ‘семья’, ‘домочадцы’, ‘слуги и рабы’, ‘поместье’, ‘земля и люди’, *бойʁон аӈʁала* ‘семейство’, ‘домочадцы’, ‘дома и души’ (народонаселение), *бойʁон наҳан* ‘пожитки’, ‘домашняя утварь’ (букв. ‘дом и лежанка’), *боʁоǯи* ‘глава дома’, ‘хозяин’, ‘хозяйка’, сол. *боиго* [< ма.] ‘поместье’.

Среди тунгусо-маньчжурских названий жилища встречаются такие, которые у одной из говорящих на этих языках народностей или ее подгрупп (т. е. в каком-либо говоре или диалекте) служат для обозначения общего понятия жилья, у другой — какой-либо постоянной или временной его разновидности или только части сооружения, у третьей — относятся к хозяйственным постройкам или, наконец, являются только наименованиями сырья, материала, который мог быть использован для постройки и от которого, по-видимому, ведет свое начало и само название того или иного строения, и т. д. Примеры такого рода встретятся ниже.

14. эвенк. вост. *утэ̄н* ‘чум, крытый корой хвойных деревьев’, ‘жилище (на зиму укрываемое землей)’, *утэ̄н калтакā̄н* ‘получум’ (из расколотых пополам жердей), ‘шалаш теневой, устраиваемый летом для оленей и для мелких работ’, *утэнэ* С-Б, Тит. ‘покрышка на чум (сшитая из вываренной бересты)’, *утэт* И ‘шалаш’ (для хранения одежды), эвен. *ӯтэ̄н* ‘землянка’, ‘зимовье’, ‘жилище якутского типа’, *ӯтэ̄мӣйэ̄* ‘землянка (старая, ветхая)’, нег. *ӯтэ̄н* ‘шалаш (охотничий зимний, заваленный у основания снегом)’, орок. *утэми* ‘шалаш (охотничий)’, ороч. *ӯтэчэкэн*, *ӯтэчэми* фольк. ‘жилище’, уд. *утулу* ~ *утули* ‘сени’, ‘пристройка крытая (у зимнего шалаша или балагана-избушки)’; ср. як. *ӣтā̄н* ‘охотничий шалаш из конусообразно поставленных жердей, с отверстием вверху, обмазанный глиной или обложенный дерном’.

15. эвен. *унэн* ~ *унэ̄н* ~ *өнэн* Ол, Алл, Ск ‘жилище’, ‘берлога’, *утэн унэн* Алл парн. ‘дом деревянный’, *унэ̄м-* Арм ‘покрывать’, эвенк. вост. *унэ* ‘покрышка чума’ (верхняя часть), *унэкэ̄н*, *унэкэ̄ми*, *унэӈки* ‘покрышка (чума)’, сол. *унэхэ̄̄* ‘покрышка юрты (войлочная)’, ‘крыша’, орок. *унэ* ‘покрышка чума (из коры, бересты, ровдуги)’; ср.: як. *ӣнäкäн* [< тунг.] ‘несколько сшитых в одну полость звериных шкур’.

16. эвенк. вост. *угдан*, *угдā̄ма*, *угдама ӡ̌ӣ* ‘жилище прямоугольное (в виде палатки), крытое корой лиственницы’, Бнт, Вт ‘лабаз-помост на сваях с крышей из коры’, нег. *огдан* ‘жилище летнее прямоугольное, с каркасом из жердей, крытое берестой’, эвен. Ох *удан* (< **угдан*) ‘лабаз-помост на сваях для хранения вещей’; ср.: ороч., уд., ульч., орок. *угда*, нег., нан. *огда* ‘лодка’, эвенк. вост. *угдакса*, зап. *улдакса* ~ *олдакса* ‘кора хвойных деревьев’ (P. Vergl.).

17. эвен. *уран*, *урадан*, *урот ӡ̌ӣ* Ск, *орā̄н* Арм ‘чум (летний)’, ‘шалаш (крытый корой)’, ‘навес’, ‘сарай (крытый корой)’, ‘поварня’, *ура-* ‘покрыть корой’ (летний чум, шалаш, навес); ср.: эвен. *урта* [< **ураkта*] ‘кора’, ‘корье’, ‘короста’, уд. *вакта* ~ *уакта* [< **ураkта*], ульч. *ӯураӽта* ~ *ӯораӽта*, орок. *ӯураӽта* ‘кора’, нан. *ӯораӽта* ‘кора’, ‘скорлупа’, ‘корка (хлеба)’, ‘панцирь’ (черепахи), орок. *ӯурала-* ‘обдирать кору’ (с хвойных деревьев для покрытия юрты), ‘крыть юрту-летник корой’.

Ср.: монг. *урц* ‘чум’ ‘хижина’, ‘балаган’, бур., калм. *урса* ‘шалаш конусообразный’, як. *ураса*, *ураса žiä* ‘конический шалаш из жердей’, *ураса* ‘летнее жилище якутов из наклонно поставленных жердей, накрытых листами бересты, корой лиственницы или ели’.

Для бур. *урса~урас* восстанавливается праформа **урача* [*ура-ча*], с афф. уменьш. *-ча* (P. Vergl.).

18. эвенк. вост. *утук* фольк. ‘чум небольшой бревенчатый’; ср.: *голомо*.

19. ма. *уӄдо~уӄдун* ‘землянка для жилья, вырытая в горе’, ‘пещера’, ‘яма для обжигания кирпича, фарфора, извести’, ‘подземный ход’, ‘подкоп’, *уӄдун боо* ‘погреб’, ‘подвал’, ‘подземелье’. Ср.: эвенк. *угду-* ‘пролезать через что-л.’ *угдувун* ‘лазейка’, ‘убежище’, *угдукӣт* ‘нора’, *угдукат* ‘нора горностая’, *угдусин-* ‘пролезть’, *угдусинžāк* ‘лаз’.

20. ма. *улэн* ‘жилище’, ‘жилье’, ‘жилые строения’; ср.: *боо*.

В числе наименований жилища в тунгусо-маньчжурских языках могут быть отмечены также некоторые заимствования, которые приводятся ниже.

21. ма. *боо* [< кит. *фáн*, *буан*, яп. *бō* Ш.] ‘жилище’, ‘жилье’, ‘жилое здание’, ‘строение’, ‘дом’, ‘комнаты’, ‘семья’, ‘поколение’, *боо улэн* парн. ‘жилище’, ‘жилье’, ‘строения’, ‘здания’, ‘дома’, *боо ӈашан* ‘родина’ (селение, где находится дом), *боо ӽува* парн. ‘дом и двор’, ‘строения’, ‘здания’, *боо бойӈон* ‘родовое имение’, *боо ара-* ‘строить дом’, *боой ауӈала* ‘семья’, ‘домочадцы’, *боой н'алма* ‘домашние’, ‘дворцовая прислуга’.

22. ма. *байсиӈ* [<мо.] ‘дом’, ‘строение’, ‘избушка’; ср.: п.-мо. *baišing*, монг. *байшин(г)*, бур. *байшан(г)* ‘дом’, ‘строение’, ‘здание’, бур. также ‘город’.

23. ма. *ордо* [<мо.] ‘шатер (царский)’, ‘беседка’, ‘дворец’, ‘орда’, *ф'ауӈа ордо* ‘носилки в виде беседки для торжественного ношения жалованных патентов’; ср.: п.-мо. *ordu(n)*, монг. *орд(он)*, бур. *ордо(н)* ‘дворец’, ‘ставка’, ‘резиденция’, ‘стан’, ‘лагерь’, ‘орда’, др.-тюрк. *ordu* ‘ставка’, ‘резиденция хана’, ‘дворец’, *ordu qarši* парн. ‘дворец’, *qarši ordu sarai* парн. ‘дворцы и чертоги’, *ordu* ‘норы грызунов и других животных’.

24. ма. *асари* [<мо.] ‘здание’, ‘помещение (хранилище)’, ‘зал’, ‘многоэтажное здание’; ср.: п.-мо. *asar*, монг., бур. *асар* ‘палатка’, ‘шатер’, ‘башня’.

25. эвенк., эвен., нег. *балаγан*, уд. *балака*, орок. *балаγа* [<як.] ‘жилище’, ‘дом бревенчатый’, ‘зимовье’, ‘землянка’, ‘чум из плах’, ‘барак’, эвенк. *балаγамӣ* ‘деревянный дом’, ‘барак’, эвен. *балаγамӣйа* ‘старое строение’, эвенк. Брг *балгаһун* [<мо.] ‘жилище летнее’, ‘дом’.

Приведенное наименование жилища «балаган» является заимствованием из якутского языка, тогда как в баргузинском говоре

эвенкийского языка это, несомненно, монголизм. Случаи параллельного заимствования в различных тунгусо-маньчжурских языках или их говорах и диалектах — довольно частое явление, которое находит свое объяснение в том, что на обширных пространствах своего расселения тунгусо-маньчжурские народности имеют контакты с представителями как тюркской группы, в частности — с якутами, так и с монгольской. Приводим монгольские и тюркские параллели:

п.-мо. *balγasu(n)*, монг. *балгас* 'город', бур. *балгааһан* 'хлев (овечий)', др.-тюрк. *balïq* 'город', як. *балаган* 'жилище', 'дом бревенчатый', 'изба', 'юрта (зимняя и летняя)', 'хижина из тонких бревен в виде усеченной пирамиды'.

Временные жилища

Среди временных жилищ едва ли не первое место занимают различные шалаши, которые сооружаются на время охоты или рыбной ловли. Начнем их обзор с названий, наиболее широко известных у многих народностей Приамурья.

26. ороч., уд. *ауӈга*, нан. *аоӈҕа*, ульч. *аунǯа* [< **ауӈга*], орок. *аундау* ~ *авундав* [< **аунǯа* < **аунга*] 'шалаш', 'балаган охотничий', 'временное сооружение для отдыха в пути', орок. 'шалаш для роженицы'; с этим наименованием интересно сопоставить также эвенк. *анӈэ*, *анӈэк*, эвен. *ā*нӈак, *анӈаǯак*, нег. *анӈах* 'ночевка', 'привал', 'табор', ороч., уд. *аӈа* 'шалаш' (в пути), ульч. *āвуӈқу* ~ *āуӈқу*, нан. *ауӈқо/ӯ* ~ *аоӈқо/у* 'ночевка', 'место ночлега', 'лежанка', 'спальня', 'соболиная нора', орок. *аундақу* 'ночлег', 'ночевка'. Все приведенные наименования являются производными от глагольных основ; ср.: эвенк. *āнӈэ-*, сол. *аӈа-*, эвен. *āнӈъ̇-*, нег. *āн'ӈа-*, ороч. *āӈа-*, уд. *аӈала-*, ульч. *āунǯа-*, орок. *авунда* ~ *аунда-*, нан. *аоӈҕа-*, ма. *амура-* 'остановиться на ночлег', 'устроить привал', 'переночевать'.

27. ульч. *қалаӈа*, орок. *қалаӈари* 'небольшой охотничий балаган'.

28. нан., ороч., уд. *кава* 'небольшой охотничий шалаш', ороч., уд. 'летник, крытый еловой или березовой корой'.

29. нан., ороч. *вэнтэхэ(н-)* 'жилище охотничье конусообразной формы из вертикально поставленных полуплах'; ср. нан. *ундэхэ(н-) аӈқо/у* 'жилище бревенчатое'.

30. ульч. *давра* ~ *даура* ~ *даурау*, нан. *даоро* 'жилище из соломы и коры, устраивается на месте лова кеты' (ср.: *дава* 'кета'); ср.: ма. *дайфаҳа* 'шалаш плетневый, крытый соломой', 'плетень, изгородь' (из тальника, тростника и пр.).

31. ульч. *ҳомура(н-)*, нан. *ҳоморā* 'жилище сферической формы', 'шалаш, крытый сеном, корой, берестой, который ставится на месте рыбного промысла'.

32. эвенк. *калтан* ‘чум, шалаш, крытый сеном, соломой, берестой’, ‘шалаш, покрытый наполовину’ (ср.: *калтака* ‘половина’), эвен. *ӷалтам* ‘шалаш двускатный’, *ӷалту* ‘чум’ (одна половина которого цилиндрическая, другая коническая), ‘юрта’ (временная, летняя), нег. *калтасиӈки*, *калти* ‘заслон’ (от ветра), орок. *ӷалтами* ‘получум’, ‘заслон от ветра’; ср.: п.-мо. *xaltas*, монг. *халтас* ‘половина’, кор. *кари-* ‘делить, разрезать’.

33. эвенк. С *марма* ‘чум куполообразный, устраиваемый для одной ночевки в дороге’.

34. эвен. *нимӈэн* ‘шалаш из жердей, засыпанный землей’.

35. ма. *ӂэофи* ‘шалаш круглый, крытый соломой или берестой’, *ӂэофиӈгэ боо* ‘часовня’, ‘скит’.

36. нег. *хэjрэну* ‘шалаш, крытый травой’.

37. нан. *аӂи(н-) аӈмани* ‘шалаш полуоткрытый, из прутьев’ [букв. ‘пасть калуги’ < *аӂи(н-)* ‘калуга’ (рыба) + *аӈма* ‘отверстие’, ‘рот’, ‘пасть’]; название этого жилища связано с его внешним видом.

38. ма. *тобо*, *тобоо* уст., *тобо чачари* ‘шатер’, ‘хижина’.

39. нег. *атаву*, уд. *ат‘ау* этн. уст. ‘шалаш для роженицы’. Ср.: ороч. *jатаӈко* ‘роженица’, уд. *jатаси-* ‘рожать’, орок. *jата-* ~ *jатче-* ~ *jачче-* ‘родить’.

40. эвенк. *элбэлэ* ~ *элбэлэнэ* ‘шалаш односкатный’, эвен. *элбэк* ~ *элбък* ~ *ълбък* ‘палатка для ночевки одного человека’, *элбэм* ~ *элбъм* ~ *ълбъм* ‘чум’ (покрытый шкурами, ровдугой — оленьей замшей), уд. *эгбэнэ* ‘палатка зимняя’, нан. *элбэнэ* ‘палатка от дождя’, ма. *элбэн и ӂэофи* ‘шалаш’.

Приведенные здесь наименования являются производными от глагольных основ: эвенк., нег. *элбэ-*, эвен. *элбэ-* ~ *өлбө-* ~ *ълбъ-*, ороч. *эббэ-*, уд. *эгбэ-* ‘покрыть покрышкой чум, шалаш, жилище вообще’, ма. *элбэ-* ‘накрывать’, ‘застилать’.

41. ороч. *маика(н-)* [< ма.] ‘палатка’, уд. *маига* [< **маикан*] ‘палатка’, ‘навес’, ульч. *майӷан* ‘палатка’, ‘накомарник’, нан. *майӷа̄* ~ *майӷа(н-)* ‘палатка’, ма. *маикан* ‘палатка’, ‘шатер’. Ср.: п.-мо. *таіхап*, монг., бур. *майхан* ‘палатка’, ‘шатер’, кор. *мак* [< кит.] ‘палатка’ (ср.: кит. *му* ‘палатка’, ‘шатер’).

42. ма. *чачари* [< мо.] ‘шатер’, ‘палатка’, *чачари боо* ‘палатка со стенками по бокам’, *чачари лэмпэн* ‘шатер’ (холщевый, рогожный), чж. *čāh-č’ih-li* ‘шатер’; ср.: п.-мо. *čačar* ‘шатер’.

43. эвенк. *отоγ* [< мо.], *отоӷ* ‘шалаш’ (из травы, корья), *отӯ* [< як.] ‘костер’, ‘очаг’, ‘стоянка’, ‘стойбище’, *отулāвун* ‘костер’, *отуланчэ-* ‘греться у костра’, *отут-* ‘развести огонь’, *этулэк* ‘логово медвежье’, эвен. *отӯ* [< як.] ‘костер’, ‘огнище’ (в поле), *отчэн* ‘шалаш’, ‘навес’ (для вещей от дождя); ср.: п.-мо. *otaγ* ~ *otuγ* ‘племя’, ‘раса’, ‘род’, монг. *отог* ‘огнище’, ‘род’, ‘поколение’, ‘клан’, бур. *отог* ‘балаган’ (на покосе), ‘шалаш’, ‘род’, ‘клан’, калм. *ot°G* ‘племя’, ‘род’, др.-тюрк. *otaγ* ‘шатер’, ‘жилище’, РСл *otak* ‘шалаш’, ‘палатка’, кирг. *отау* ‘юрта жениха’, *одау* ‘ша-

лаш', шор. *одаг* 'шалаш', 'балаган', 'стан', тур. *ода* 'жилище', 'комната', 'дом', як. *отӯ* 'шалаш из сена', 'балаган' (в поле), 'привал', 'ночевка', 'становище', 'огонь', 'костер', 'огнище' (в поле), *отун-* 'зажигать', 'разводить огонь'.

44. ма. *пауӈ ~ пуӈ ~ пэӈ* 'хижина, крытая травой, соломой', 'навес', сол. *фэӈ* 'навес', уд. *пэӈэ* 'потолок'; ср.: п.-мо. *ping ~ peng* 'навес', 'сарай', монг. *пин(г)* 'амбарчик', 'чулан', кит. *пэ́н* 'навес', 'шалаш', 'тент', 'потолок'.

Укрытия, убежища

Ниже приводятся названия различного рода укрытий, убежищ, служащих для кратковременного отдыха в пути, а также защитой от непогоды.

45. эвенк. *далдаку* 'заслон', 'щит', 'занавеска', эвен. *далда* 'шалаш— временное укрытие из ветвей кедрового сланца или сена', нан. *далдама* 'временное укрытие от непогоды, дождя, которое делается из прутьев, воткнутых в землю и обтянутых берестой или парусом', ма. *далда* 'навес', 'тайник', 'убежище', 'загородка', 'забор', сол. *далда* 'тайник', 'скрытое место', эвенк. *далда* 'укрытие'; ср.: п.-мо. *dalda*, монг. *далд*, бур. *далда* 'тайный, скрытный', п.-мо. *daldabči*, монг. *далдавч*, бур. *далдабша* 'заслон', 'прикрытие', 'загородка','ширма', п.-мо. *daldala-*, монг. *далдла-*, бур. *далдал-* 'скрывать', 'прятать', 'укрывать', др.-тюрк. *dalda* 'задняя сторона', 'защита', як. *далла* 'летняя юрта'.

46. ма. *дан'ан* 'укрытие', 'прикрытие' (место, закрытое от ветра), 'убежище' (потаенное, скрытое место), 'засада', 'уединенное место для отшельников'.

47. эвенк., нег. *ӂампан* 'полог', 'накомарник' (род палатки для защиты от комаров и мошки на 1—2 человек), ороч. *йампа(н-)*, уд., ульч. *ӂампа(н-)*, орок. *даппа(н-) ~ ӂаппа(н-)*, нан. *ӂампа̄ ~ ӂамфа(н-)* 'полог', 'накомарник', ма. *ӂампан ~ ӂампин* [< кит.] 'полог', 'занавес'; ср.: кит. *чжанпэ́н* 'палатка' (большая, военная).

48. уд. *йаута* 'тент для защиты от солнца и дождя', ульч. *йаута(н-)* этн. 'шатер свадебный в лодке', орок. *йа̄* 'навес', 'крыша', нан. *йаота̄* 'шатер в лодке для детей, больных, стариков'.

49. ма. *сэмэргэн ~ сэмэрхэн* 'навес', 'намет', 'балдахин', 'шатер', 'тент' (над телегой).

50. ороч. *нэмэ* 'прикрытие', 'укрытие', *нэмэрхэн* 'рогожа', 'епанча' (из травы и соломы для защиты от дождя), *нэмэрку* 'одежда', 'платье','плащ' (дождевой); ср.: эвенк. *нэмэ-* 'покрыть', 'набросить что-л. поверх одеяла' (для тепла), эвен. *нумнэ-* 'покрыть', *нэм-* 'накрыть', 'укутать', ороч. *нэмэ-* 'покрыть', 'укрыть', уд. *нэмэ* 'покрывало', 'одеяло', орок. *нэмбэ* 'одеяло', 'шкура'; ср.: п.-мо. *nemge-*, монг. *нэмн-*, бур. *нэмнэ-* 'покрыть попоной',

п.-мо. *петпеge*, монг. *нэмнээ* ‘попона’, *нөмөр* ‘прикрытие’, ‘укрытие’, ‘убежище’, бур. *нэмнээ*, *нэмэргэ* ‘накидка’, ‘покрывало’, ‘попона’, *нэмэри-* ‘набрасывать на плечи’ (накидку, плащ), ‘накрывать’, ‘покрывать’, др.-тюрк. *jap-* ‘покрывать’, ‘закрывать’, тюрк. *jабӯ* ‘закрытие’, ‘укрывание’, ‘попона’, ‘кровля’, *jабун-* ~ *jабын-* ~*jамын-* ‘покрываться’, *jап-* ‘покрывать’, ‘закрывать’, *jапык* ‘чепрак’, ‘попона’, ‘плащ’ (широкий из войлока), як. *сабар* ‘покрышка’, ‘*сабы̄* ‘покрывание’, ‘накрывание’, ‘крышка’, ‘покрышка’, ‘покров’, ‘покрывало’, ‘одеяло’, ‘прикрытие’, *сап-* ‘покрывать’, ‘накрывать’, ‘закрывать’, ‘прикрывать’, ‘заслонять’, ‘затворять’, ‘крыть’, ‘покрывать’, ‘набрасывать’, ‘накидывать на себя’, ‘покрываться чем-л.’.

II. НАЗВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ЖИЛИЩА

Сравнительное рассмотрение тунгусо-маньчжурских названий частей жилища приводится в виде двух перечней, что вызвано значительными отличиями типов переносного жилища — юрты, чума, с одной стороны, и жилища непереносного — срубового зимника, с другой, хотя ряд наименований у обоих видов указанных жилых сооружений совпадает.

Помимо перечня названий частей двух основных разновидностей жилища приводятся схемы: в качестве образца северного типа — схема старого эвенкийского конусообразного чума — *ǯ̌ӯ̄*, и в виде южного варианта — схема нанайского срубового зимнего жилища *ҷорима ǯ̌о̄(γ-)*.

Части переносного жилища — чума

1. эвенк. *hаран~саран* [< **hаран*] В-Л ~*аран* С-Б ‘место, расчищенное для установки чума’, ‘место, занятое чумом’, ‘площадь чума’, ‘место очага в жилище’, ‘очаг’, ‘пол земляной в чуме’, Брг, З, Учр ‘место, находящееся в чьем-л. владении’, Алд, Сх, Урм ‘постель’, ‘кровать’, Вт, С-Б ‘чум’, ‘юрта’, ‘жилище’, Тнг ‘стоянка’, эвен. *hарāн~арāн* Арм, Б ‘место, расчищенное для установки чума’, ‘постель’, ‘полог’, ‘место для спанья’ (в чуме), Арм ‘пол’, ‘место для очага’, нег. *хаjан* [< **hаран*], ороч. *хā(н-)* [<* *хаjан* <* *hаран*] ‘место, занятое жилищем’, ‘очаг’.

Как видно из приведенных данных, это слово характерно для тунгусо-маньчжурских языков северной подгруппы — эвенкийского, эвенского и негидальского — с основным общим значением: место, предназначенное для чума или занятое чумом или очагом. Следует подчеркнуть, что у северобайкальских эвенков слово *аран* < *hаран* употребляется вместо наименования *ǯ̌ӯ̄* и означает чум, юрту (ср.: *hаракāн* С-Б уст. ‘чум родильницы’, *hарамӣ* П-Т, Брг, З, Тк, Учр ‘старый оставленный остов чума’, ‘место, покинутое обитателями’.

Заслуживают внимания монгольские параллели к тунгусскому *haran*, которые установлены Г. Рамстедтом,[3] а именно: п.-мо. *aran* < **haran*, мн. ч. *arad*, монг. *аран* уст. ʻпростолюдинʼ, ʻчернь', *ард* ʻарат', ʻтрудящийся', ʻнародʼ, бур. *арад* ʻнародʼ, *арад зон* парн. ʻнародʼ, ʻнаселениеʼ. Сюда же может быть привлечено и др.-тюрк. *aran* ʻскотный двор', ʻконюшня'.

2. эвенк., нег. *тоγо ~ тово ~ тоо ~ тō*, сол. *того*, эвен. *тоγ ~ тов ~ ток ~ тогол* Арм, уд., ороч. *тō* [< **тоγо*], ульч., орок., нан. *тава*, нан. *таву ~ тау ~ тō*, ма. *тува*, чж. *t'ōh-wei* ʻогонь', также ʻкостер, очагʼ.

В качестве возможных параллелей можно привести следующие монгольские данные: п.-мо. *тоγиγан ~ тоγин*, монг., бур. *тогоо(н)* ʻкотел', п.-мо. *тоγина ~ тоγини*, монг. *тооно* ʻдымовое отверстие в юрте', ʻкруг, рама дымового отверстия в юрте', бур. *тооно* ʻкрышка для закрывания дымового отверстия юрты'.

3. эвенк. *сōна ~ суона ~ сōнан ~ соӈа ~ hōна ~ hōнан ~ шōна ~ шуони ~ шōнди* ʻдымовое отверстие вверху чума на месте соединения основных жердей', ʻтри основные жерди у основы чума', ʻтруба', ʻжердь для подвешивания котлов над очагом', ʻтаган', ʻтренога', Алд ʻсредний палец', И перен. ʻдорога в верхний мирʼ, эвен. *hōнан* ʻдымовое отверстие вверху чума', ʻосновная жердь', ʻосновa чума', ороч., орок. *сōно* 'дымовое отверстие', ʻматица', ʻосновная балка у потолка, крыши', нег. *сōна* ʻматица', ʻстропила', нан. *сō̃* ʻстропила у крыши, жерди', ма. *сон* ʻжердь, жерди для решетника под кровлей', *сон и моо* ʻкороткие столбики на мати-цах под решетником', *суван ~ сувэн* ʻпечная труба', *доно ~ тоно* [<мо.] ʻдымовое отверстие в юрте'.

В двух основных подгруппах термина *сōна* нашло свое отражение различие в типах жилищ — конусообразного переносного чума и бревенчатого непереносного.

4. эвенк. *турувун* ʻстолб', ʻподпорка', ʻосновная жердь чума', *туруγан* ʻдверная жердь чума', *турга* ʻподпорка', ʻподставка', нег. *тоjга ~ тодга* [< **турга*] ʻподпорка', ʻстолбы в жилище, подпирающие верхние поперечные балки — *сōна*', нан. *тоjга* [< **турга*], ульч. *тужаӄу* [<*турβаӄу*] ʻподпорка', ʻкол', нан. ʻсамострел'; ср. также: эвенк. *тургаптин* ʻраспорка', ʻподпорка', эвен. *тургъ̄тиӈ* ʻпяло', уд. *туга* ʻраспялка', ʻсамострел'.

Сюда же эвенк. *туру* ʻстолб', рел. ʻшаманское дерево', нег. *тоjо* [< **туру*] рел. ʻшест из обтесанной лиственницы' (дорога, по которой духи поднимаются на небо), ороч. *тӯ* [< **туjу* <

---

[3] R. SKE, стр. 190. — Точку зрения Рамстедта разделяет В. И. Цинциус (О названиях, связанных с понятием «народ» в тунгусо-маньчжурских языках. Acta Orientalia Hung., XV, 3, 1962, стр. 47—48) и N. Poppe (On some altaic names of dwellings. Studia Orientalia, XXVIII, 3). См. также: О. А. Константинова. К характеристике лексического комплекса «очаг—жилище—народ» в тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языках. ПОАЯз, стр. 164—175.

**туру*] рел. ‘шаманский шест’, *тура* [< ульч.] ‘столб’, ульч. *тура ~туру* ‘столб’, орок. *торо ~торро ~туру* ‘столб’, ‘дверной косяк’, нан. *тора* ‘столб’, ‘свая у амбара’, *тōро* рел. ‘шаманский

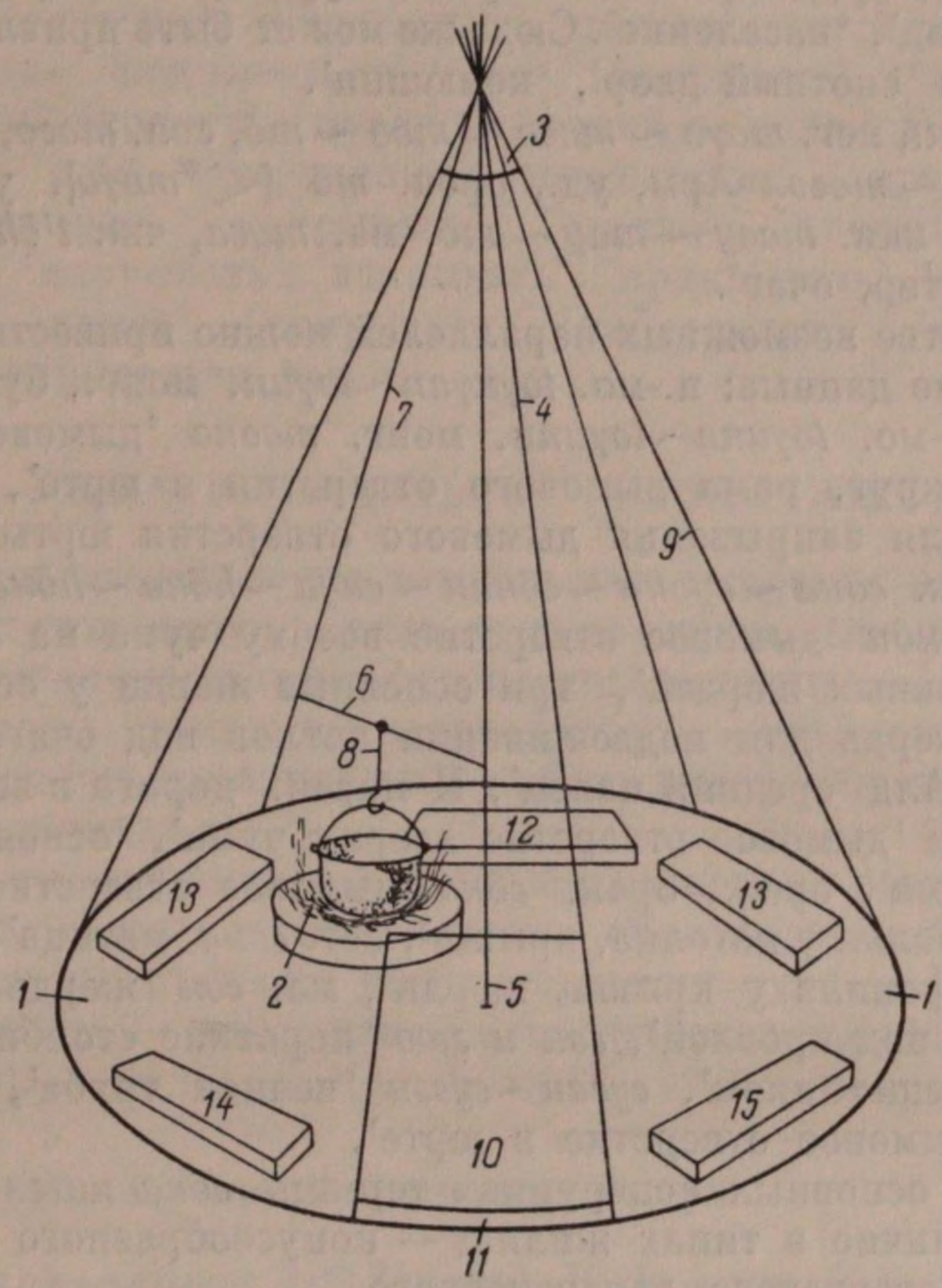


Рис. 1. Эвенкийское жилище — чум (*ǯ̌ ӯ*).

1 — hаран — место, занятое чумом; *2 — тоγо* — огонь ~ ~ костер ~ очаг; *3 — сōна* — дымовое отверстие; *4 — турувун* — основная дверная жердь; *5 — чӣмка* — срединная жердь; *6 — ӣкэ̄ттун* — поперечная жердь для подвешивания котла, чайника; *7 — ӣкэ̄ттуксэн* — наклонная жердь, к которой прикрепляется жердь — йкэптун; *8 — оллон* — крюк для подвешивания котла, чайника; *9 — сē раӄ* — жердь остова чума; *10 — уркэ* — вход, дверь; *11 — кӯлтир ~ басурга ~ уγэ* — порог; *12 — малу* — почетное место против входа за очагом; *13 — бē* — боковое место, по обеим сторонам от входа; *14 — чōӈа ~ чōӈāл* — место у входа для хозяйственных принадлежностей, посуды; *15 — далба* — место у входа для хозяйственных предметов.

шест’, ма. *тура* ‘столб, подпирающий концы матиц в здании’, ‘колонна’, ‘столбик’, ‘перекладина’, ‘подпорка’, чж. *t'ūh-lâh* ‘столб’.

Приведенные выше названия для столба, шеста, подпорки можно поставить в связь с эвенкийским глаголом *туру-* ‘подпирать’, ‘поддерживать’.

5. эвенк. *чӣмка* ‘срединная жердь в чуме’ (между входом в чум и очагом). Это слово отмечается во многих говорах (подкаменно-тунгусском, алданском, ербогаченском, зейском, непском, сымском, тунгирском, учамском, урмийском, учурском, хинганском, чумиканском).

6. эвенк. *ӣкэ̄птун*, эвен. *ᵘекэтън ~ ᵘекэпън* Б, уд. *йуγэпти* ‘жердь для подвешивания котла, чайника над огнем’.

Приведенные выше названия образованы от широко представленного в тунгусо-маньчжурских языках названия для котла, а именно: эвенк. *ӣкэ̄*, эвен. *ᵘекэ ~ иекэ ~ ӣкэ ~ йекэ*, нег. *ӣхэ̄ ~ ӣкэ̄*, ороч. *ико*, уд. *йохо*, нан. *икэ* К-У, *йуку ~ йукэ*. Словообразующим аффиксом является эвенк. *-птун*, эвен. *-тън ~ пън*, уд. *-пти*.

7. *ӣкэ̄птуксэн* ‘жердь наклонная, за очагом против входа, к которой привязана поперечная жердь — *ӣкэ̄птун*’ (афф. *-птуксэн* < *-птун* + *-ксэн*).

8. эвенк. *оллон ~ олдон ~ олрон*, *олловун ~ олдовун*, эвен. *олравун ~ олдавън ~ олдавун ~ о₀лдᵖаво₀н*, *олдан*, *оллӣвън ~ оллавун ~ олрӣвън ~ олчавна*, нег. *олӣн* [< **оллон*], ороч. *огӯ̆æγа* [< *олӯ̆иγа*], уд. *оло^{h}у*, орок. *олӯ̆иγа* ‘крюк для подвешивания чайника, котла над огнем’; ср.: ульч. *ӣрпу(н-)*, нан. *олпи* ‘крюк около печки, на который вешают посуду, тряпки’.

9. эвенк. *сӗраӈ* (~ *hӗраӈ ~ шӗраӈ ~ шира*), эвен. *hӕраӈ ~ hӗраӈ ~ hиаръӈ ~ hæраӈ ~ æръӈ*, нег. *сӗjаӈ* [< **сӗраӈ*] ‘жердь остова чума’, ороч. *сӕ̄ӈи* [< **сӗjаӈи* < **сӗраӈи*] ‘жердь’, уд. *саӈи* [< **сӕ̄ӈи* < **сӗjаӈи* < **сӗраӈи*] ‘жерди остова крыши двускатного шалаша’, ульч. *сӗсаӈи* ‘жердь для балагана’, орок. *сӗсиӈи* ‘жердь остова чума’. Сюда же примыкают: нан *сӑ̄*, нег. *сӑн* [< ульч.], ульч. *са(н-)*, орок. *сӑ(н-)* ‘вешала’ (сооружения из жердей для вяления рыбы). Слово *сӑ̄* [*сӑн*, *са(н-)*] представляет собою стяженную форму *сӑ̄* < *сӑ(н-)* ~ *сӑӈ* < **сӕӈи* < **сӕjаӈ* < **сӕраӈ*.

9а. эвенк. *уние ~ оние* [< мо.] ‘жердь’ (в палатке, шатре), эвен. *унипкин* Алл ‘жердь горизонтальная в треноге цилиндрической части чума, служащая для соединения с соседней треногой’, ороч. *ун′и* ‘крыша’, орок. *ун′эγэ* ‘отверстие вверху берестяного шалаша конической формы’, нег. *унивун* ‘плетенка из тальниковых прутьев, на которой вялят мясо, рыбу над огнем’; ср.: п.-мо. *uni(n)*, монг. *унь* ‘жердь ~ жерди’ (которыми поддерживается верхний круг юрты), бур. *уняа* ‘стропила’ (для юрты), тув. *унаа* [< монг.] ‘жерди каркаса крыши юрты’.[4]

9б. эвенк. вост., Нрч *калган ~ кӑ̄лгэ* Брг [< мо.], *халган* [< як.] Урм, Учр ‘свая, подпорка у двери в жилище’, сол. *калга ~ халга* ‘ворота’, эвен. *калгъ̄н* ‘запор’; ср.: п.-мо. *γаγӑ̄lγа*, монг.

[4] Н. Н. Поппе («On some altaic names of dwellings») монг. *unin*, халх. *uni* ‘прутья кровли юрты’, бур. *un′a* < мо. **uni-ga* сопоставляет с тунг. *unen ~ unеӈk* ‘полог чума’.

хаалган ‘ворота’, ‘дверь’, бур. *хаалга* ‘ворота’, ‘дверца’, ‘калитка’, як. *халҕан* [< мо.] ‘дверь’, ‘ворота’.

9в. эвенк. *бакса ~ бакша ~ бакча* П-Т ~ *баγана* [< як.] вост. ‘подпорка’, ‘свая’, ‘столб’, ‘комель’, ‘гроб’, сол. *баччи* ‘гроб’, нан. *баӄса ~ баӽса*, ульч. *баӄса турани* ‘центральный столб, подпорка’ (поддерживающие потолочные жерди), ма. *баӽана* ‘шест, поддерживающий свод в жилище’, ‘подставка’, ‘подпорка’; ср.: п.-мо. *baγana*, монг., бур. *багана*, бур. *бахана* ‘столб, подпорка, колонна’, як. *баҕана ~ маҕана* ‘столб’, ‘подпорка’, ‘колонна’, кирг. *бакан* ‘шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты’.

9г. эвенк. *локовун, лōвāн ~ лōбāн ~ лōγāн* ‘жердь для подвешивания над огнем котлов, чайников’, ‘вешала из жердей для вяления мяса, рыбы’, ‘вешалка для одежды’, *локоптин* ‘жердь поперечная в чуме, на которую вешают одежду, шкуры’, *локочивун* ‘вешалка’, эвен. *нокӯчӣлдӣвън* ‘вешалка’, нег. *лоховун, лован, локопун* ‘вешала из жердей для вяления мяса’, ‘вешалка для одежды’, ороч. *локони, лōни* ‘вешала из жердей для вяления рыбы, мяса’, орок. *лōнов ~ лōноу* ‘вешала из жердей для вяления рыбы’, ‘жердь в чуме, на которую вешают одежду’, *лотику* ‘вешалка’, нан. *лōнчаӄо/у, лōӈӄо/у, лōчаӄо/у* ‘вешалка’, ма. *лак'аӄу* ‘вешалка’, ‘ко́злы’ (для вешания чего-л.).

Приведенные существительные связаны с глагольной основой: эвенк., сол. *локо-*, эвен. *ноӄ-*, нег. *лохо-*, уд. *л'ō-*, нан., ульч., орок., ороч. *лō-*, ма. *лак'а-* ‘повесить’.

10. эвенк. *уркэ*, сол. *уккэ ~уркэ*, эвен. *уркъ ~уркэ*, нег. *уйкэ ~ ус'кэ ~ут'кэ* [< **уркэ*], ороч. *уккэ*, уд. *укэ* [< **уркэ*], нан. *уйкэ* [< **уркэ*], ульч., ма. *учэ* [< **уркэ*], орок. *утэ* [< **учэ* < **уркэ*] ‘дверь’, ‘дверной проем’, ‘вход’. Из ряда производных приведем здесь эвенк. *уркэптун*, эвен. *уркъпън, уркътън*, нег. *уйкэпун*, ороч. *уккэпту(н) ~укэпту(н-)*, уд. *угэпти(н-)*, орок. *утэру* ‘дверное полотнище’.

С тунгусо-маньчжурским **уркэ* ‘дверь’ можно сопоставить тюркские примеры: *еркäн* РСл ‘косяк’, ‘порог’, ‘рама’ (двери), *ергä* ‘решетка около двери’.

Сюда же тяготеют следующие монгольские параллели: [5]

п.-мо. *erüke ~ örke*, монг. *өрх(өн)*, калм. *örkᵊ* ‘дымовое отверстие’, ‘дымник юрты’, ‘покрывало дымника’, ‘дом’, ‘двор’, ‘семейство’, ‘очаг’, бур. *үрхэ* ‘дымовое отверстие’, ‘дымник юрты’, *үрхэтэ* ‘двор’, ‘хозяйство’; ср.: сол. *öрхō̄ ~ үркō̄* [< мо.].

Что касается расхождения в семантике т.-ма. *уркэ* < **orüke* ‘дверь’ и мо. **örüke* ‘дымовое отверстие в жилище’, то оно не может служить препятствием для сопоставления, если принять во внимание, что дымовое отверстие в древних типах жилищ

---

[5] P. Vergl., стр. 56, 87.

одновременно служило и входом в него; ср., например: эвенк. вост. уст. *чорама* ‘жилище с входом через дымник’.

11. эвенк. *култир ~ кӯлтӣр* ‘порог, ступенька у входа в чум’, ‘крыльцо’, эвен. *кулитиӈ* ‘заслонка’, ‘загородка’, ‘перегородка’, нег. *култик* этн. уст. ‘перегородка в жилище, за которой помещалась роженица’, ороч. *кукти-* ‘перегородить’, этн. уст. ‘отгородить место для роженицы в жилище’.

Помимо отмеченного выше, в значении «порог» в ряде тунгусо-маньчжурских языков употребляются следующие слова:

11а. нег. *кэндэ*, ульч., ороч. *кэндэрхи(н)*, нан. *кэндэрхӣ ~ кэндэрхиэ̃*, *кэндэрихэ(н-) ~кэндэрхи(н-)* ‘порог’;

11б. нег. *бэхэн*, ульч. *бэкэ(н-)*, нан. *бэкэ̃* ‘порог’;

11в. орок. *қаталаγи ~ қаталаи* ‘порог’;

11г. эвенк. *басурга* Вт (*~boҳого* К.), сол. *басагга ~ басарга* ‘порог’ (жилище), ма. *боксон* ‘порог’ (жилища), ‘подворотня’, ‘коленца лука’ (где концы его соединены с дугой); ср.: п.-мо. *bosuγa*, монг. *босго* ‘порог’ (жилища), бур. *богоҳо ~боҳого* ‘порог’, ‘подворотня’, кирг. *босого* ‘дверная рама’, ‘дверная коробка’, ‘порог’, як. *моӌоӈо* ‘порог’ (жилища), ‘уступ горы’, ‘валик’ (у проруби), ‘шесток’ (деревянный ящик или срубик с глиною у основания камелька). Из тунгусо-маньчжурских языков только в негидальском отмечается слово *моӌajo* со значением ‘очаг в летнем жилище’.

12. эвенк., нег. *малу*, сол. *малуγу*, эвен. *мал*, уд., ульч. *мали ~ малу*, орок., нан. *мало* ‘почетное место в жилище’ (где, по прежним, устаревшим представлениям, обитал дух — хозяин жилища). В хинганском говоре эвенкийского языка имеет также значение «икона». Ср.: эвенк. *малуγида*, эвен. *малигда* ‘пространство между *малу* и входом’. Ср.: уд. *маликта* ‘пространство от *мали* до какого-л. места в жилище’, *малима ~малума* ‘имеющий *мали* (*~малу*)’, *малума ӡугди* ‘шалаш двускатный’ (имеющий *малу* между очагом и задней стенкой жилища).

Следует отметить также корейское *мāру ~маллу* ‘деревянный пол’, ‘комната с деревянным полом’.

13. эвенк., орок. *бе̄*, уд. *бӕ̄ ~ б'е* ‘место в жилище по обеим сторонам от *малу* (где спят, едят, работают)’, ‘постель’, ‘нары,’ ‘кровать’. Производным от основы этого слова является эвенк. вост. *бе̄мра* ‘лежбище морского зверя’. То же значение имеет непроизводное эвенское *бӕ̄* ‘лежбище морского зверя’, ‘товарищ’, тогда как значение, близкое эвенк. *бе̄* ‘постель, место для спанья’, имеет эвен. *бӕ̄сақ* (*бӕ̄сāқ*) *~ бӕ̄hак ~ бе̄сак ~ бе̄hак* ‘полог в чуме’ (в котором спят), ‘сосед по пологу’ (т. е. человек, живущий в одном чуме с кем-л. по одну сторону очага, но в разных пологах), ‘жена’.

Видимо, однокоренным с приведенными выше примерами является орок. *бе̄лту* ‘покрывало’, *бе̄лту- ~ бе̄лтуду-* ‘приготовить постель’.

14. эвенк. *чōӈа*, эвенк., нег. *чōӈал*, орок. *чоӈол* ‘место у входа, где хранится посуда и домашняя утварь’, эвенк. также ‘пепелище, оставшееся от снятого чума’. Сюда же, по-видимому, — следующие названия посуды: эвенк. *чōӈ*, *чōӈдилэ* ‘ковш’, *чоӈтоко* ‘стакан’, ‘чайная посуда’, *чоӈул* ‘чайник’, *чэӈучэн* ‘посуда’ (берестяная плоская), ульч. *чуӈнэ* ‘сосуд из бересты’, ‘коробка берестяная’; ср.: як. *чаӈхаі* ~ *чоӈхоі* ‘маленькая деревянная чашка’.

15. эвенк. *далба*, *далбаптун*, *далбур* ~ *ǯалба* [< як.] ‘место в чуме около входа для хозяйственных принадлежностей’, ‘полка для посуды’. Ср.: ма. *далба* ‘бок’, ‘сторона’, ‘боковое здание’, ‘флигель’, а также: п.-мо. *taibiγur* ‘полка’, монг. *тавиур* ‘полка’, бур. *табюур* ‘подставка’, ‘столик’, як. *далбы̄р* ~ *далбӯр* ‘полка для посуды на левой, женской стороне юрты’.

16. эвенк. *уγэ* ‘бревно в срубе первое снизу’, ‘порог’, ‘дверь’, *уγэ-* ‘подложить’, ‘подставить’, ‘подпереть’, эвен. *ӯ* ‘жерди’, ‘слеги’ (отгораживающие очаг), ‘рама очага’, *уγө* ‘жерди’ (являющиеся основанием остова чума), нег. *уγэ* уст. ‘доска по краю нар’, ‘сиденье’, уд. *вэ* ~ *уэ* [< **уγэ*] ‘рама, деревянная или из крупных булыжников, отгораживающая очаг’, ульч., нан. *хуэ* ‘доска по краю нар’, ‘сиденье’, орок. *хувэ* ~ *хуэ* ’рама’, ‘жерди’ (отгораживающие очаг).

17. эвенк. *тоγоно* [< як.] ‘жердь для чума’, ‘гвоздь’, эвен. *туγуруκ* ‘двойная жердь’, ‘две жерди, связанные вместе’, ‘гвоздь’, ма. *тохин* ‘слега’ (жердь, которой прижимают, пригнетают солому или сено), як. *тоҕосо* ~ *тоӈосо* ~ *тосоҕо* ‘кол’, ‘столб’, ‘гвоздь’.

18. эвенк. *ситкӣ* ~ *hиткӣ* ‘стенка чума’, ‘наружная сторона палатки’, эвен. *hитки* [< **ситкӣ*] ~ *итки* ~ *hикки* ‘стенка чума’, ‘наружная сторона палатки’, ‘край, конец чего-л.’, ‘угол’, *hиткипън* ~ *иткипън* ~ *hиккипөн* ‘покрышка чума’ (боковая), нег. *ситкӣ* ‘стенка жилища’, ‘край, конец чего-л.’, *ситкӣпун* ‘ковер на стене’.

19. эвенк. *нʲэтиӈ* ‘завалинка’ (в чуме из жердей), ‘палка’, ‘жердь’ (поперечная на земле, внутри чума), *нʲэчи* ‘завалинка’ (из снега вокруг чума), эвен. *нʲэсэӈ-* (*нʲиси-* ~ *нʲисан-* ~ *ниччин-* ~ *нʲисэӈ-*) ‘тянуть’, ‘протянуть’, ‘стелить’, уд. *нʲэсиγи* ‘нижняя часть стенки чума’.

Возможно, с приведенными выше словами связано и эвенк. *ӈисэ-* ~ *миhэ̄-* ~ *нисэ̄-* ~ *ӈиhэ-* ‘развернуть покрышки чума’, ‘поставить чум’, ‘снять’, ‘свернуть покрышки чума’, ‘убрать чум’.

20. Значения «покрышка для чума, палатки», а также «крыша дома» передаются во всех тунгусо-маньчжурских языках однокоренными словами: эвенк. *элбэн* ~ *элбун* ~ *элвун* ~ *илбэн*, *элбэнэ*, *элбэптун* ‘покрышка для чума, берестяная, из ровдуги, ткани’, эвен. *элбитиӈ* ~ *элбутиӈ* ~ *ълбитиӈ* ~ *элтиӈ* ~ *өлтиӈ* ~ *эптиӈ*, нег. *элбэптин*, ороч. *эббэнэ* ‘покрышка для чума’, нег. *элбэн*, ороч. *эббэпти* ~ *эбэ̄пти*, уд. *эгбэпти*, нан. К-У *элбэ(н-)*

‘крыша’, ульч., нан. *элбэнэ* ‘покрышка’, ‘мешковина’, ‘парус’, ма. *элбэку* ‘крыша’, ‘кровля’, ‘тент’, ‘навес’, ‘покрышка’, ‘покрывало’, ‘чехол’, *элбэн* ‘осока’, ‘грубая трава для кровли’; ср.: нивх. *ылвс ~ ылврш* ‘крыша’.

Приведенные выше существительные являются производными от глагольной основы: эвенк., нег. *элбэ-*, эвен. *элбъ-* ‘крыть чум покрышкой’, ороч. *эббэ-*, уд. *эгбэ-* ‘крыть крышу’, ма. *элбэ-* ‘крыть крышу’, ‘крыть здание осокой, соломой’, ‘закрывать навесом’, ‘завешивать’, ‘заслонять’.

Возможно, однокоренными с приведенными выше наименованиями для покрышки являются следующие слова: эвенк. *эллун ~ элдун* ‘нижняя часть покрышки чума’, *эллур* ‘все части покрышки вместе’, сол. *элдӯ* ‘зимняя войлочная обшивка юрты’, эвен. *ӭлрими* Ол, *ӭлдэ* Арм ‘ровдужная длинная покрышка на чум’.

21. Весьма распространенным в тунгусо-маньчжурских языках является следующее название берестяной покрышки для чума: эвенк. *тикса ~ тикша ~ тиһа ~ тивса* ‘покрышка берестяная для чума, сшитая из трех вываренных полос бересты’, эвен. Ох *тис* [< **тикса*] ‘покрышка берестяная для чума’, нег. *тикса* ‘покрышка берестяная для летнего жилища’, ‘полотнище’, ‘подстилка берестяная’, ороч. *тукса*, уд. *тукеӕ* ‘полотнище берестяное’, ульч. *туикса*, нан. К-У *тиса* ‘покрышка берестяная для летнего жилища, шалаша, балагана’, ма. *туҳса боо* ‘шалаш, покрытый берестой’; ср. як. *тіксӓ* [< тунг.] ‘берестяная крыша’, а также др.-тюрк. *tos*, як. *туос* ‘береста’.

В эвенкийском языке в значении берестяной покрышки для чума употребляется также название для бересты, березовой коры; ср.: эвенк. *талу ~ тӑлу ~ тӑлэ* ‘береста’, ‘покрышка берестяная для чума’, сол. *тала ~ талу*, нег., ороч., ульч., орок. *талу*, уд. *талуγа*, нан. *тало/ӯ*, ма. *толҳон* ‘береста’.

22. эвен. Ох *тамана* ‘покрышка берестяная для чума, с квадратами из ровдуги, складная’.

23. ороч. *икайа* ‘берестяная покрышка для жилища *кава*’.

24. эвен. Алл *тэгэн* ~ Т *тэвэн* ‘покрышка для чума — нижняя широкая длинная полоса, покрывающая цилиндрическую часть чума’; ср.: эвенк. *тэγӭн ~ тэγэйэн*, *тэγӭр* ‘основание’, ‘база’, ‘край’, нег. *тэγэн*, орок. *тэγэ(н) ~ тӭ(н-)* ‘основание’, ‘низ’, ‘нижний край чего-л.’, ‘подножье горы’, ‘подол одежды’, ороч., уд. *тӭн* [< **тэγэн*] ‘основание’, ‘низ’, ‘нижний край чего-л.’, ороч. ‘притолка у двери’, нан. *тӭ̄* [< **тэγэн*] ‘край чего-л.’, ‘подол одежды’, ‘подножье горы’, ма. *тэн* ‘край, конец чего-л. вверху или внизу’, ‘конек крыши’, ‘фундамент здания’, ‘пятка двери’, ‘подошва горы’.

25. эвенк. *унэ* ‘верхняя часть покрышки чума’, *унэкӭн*, *унэукӣ* ‘покрышки чума’, сол. *унэхӭ̄* ‘войлочная покрышка юрты’, ‘крыша’, орок. *унэ* ‘покрышка чума из коры, бересты, ровдуги’. Ср.: эвен. *унӭн ~ өнэн* ‘жилище’, ‘берлога’, *унэм-* Арм ‘накры-

вать', а также як. *унäкäн* [<тунг.] 'несколько сшитых в одну полость звериных шкур'.

26. В некоторых эвенкийских и эвенских говорах значение «потолок» передается словами с корневой основой *уγӣ- ~ өγӣ- ~ өγэ-*, которая во всех тунгусо-маньчжурских, а также в монгольских языках связана с исходной семантикой «верх»; ср.: эвенк. Урм *уγӣ*, *уγэн* 'потолок', И *уγу* 'матица', эвен. Ох *уйгидэ* 'крыша', нан. Нх *уjскиэ* 'чердак', 'вышка'.

Ср.: эвенк. *уγӣ ~ уhӣ ~ уӣ* 'верх', *уγӣскӣ ~ увӣскӣ ~ уӣскӣ* 'вверх', сол. *уγэсхӣ ~ угөш'хӣ* 'вверх', эвен. *өй ~ уй* 'верх', *өγэскӣ ~ уγэскӣ* 'вверх', нег. *уγӣскӣ ~ увӣскӣ ~ уййскӣ*, ороч. *уиси ~ уихи*, уд. *уихи*, ульч., нан. *уйси*, орок. *уйсэи*, ма. *вэсихун* 'вверх', чж. *wöh-šīh* 'вверху', п.-мо. *ögede*, монг. *өөд*, бур. *өөдэ* 'вверх', п.-мо. *ögse- ~ ögsü-*, монг. *өгсө-*, бур. *үгсэ-* 'подниматься' (вверх, в гору), 'ехать вверх по реке'.

27. Понятие «пол» (в жилище) в эвенкийском и маньчжурском языках ассоциируется с общей для тунгусо-маньчжурских языков корневой основой **пэрэ ~ фэрэ ~ hэрэ ~ хэрэ ~ эрэ* 'низ'; ср.: эвенк. *hэрэ ~ эрэ*, ма. *фэрэ* 'низ', 'дно', 'пол', 'войлок нижний у стен юрты' и эвен. *hэрдэптиӈ* 'нижняя часть покрышки чума', а также сол. *эри*, эвен. *hэр ~ эр*, нег. *хэjэ*, ороч., уд. *хэ̄*, нан. К-У *хэрэ*, ульч. *пэрэ(г)*, орок. *пэрэγ*, нан. *пэрэг ~ пэрэл* 'дно'.

28. эвенк., эвен., нег. *мōста* [< як. ~ рус.] 'пол', 'настил', 'помост'; ср.: як. *муоста* [< рус.] 'пол', 'помост'.

28а. эвенк. *наполу* 'пол' [< рус. *на полу*].

29. эвенк. *йэндэ̄р ~ йэндō̄р* [< мо.] 'пол'; ср.: ма. *йэндэ-* 'подниматься', 'возвышаться', *йэндэбу-* 'поднимать', 'возвышать', п.-мо. *inder ~ jender*, монг. *индэр*, бур. *ендэр* 'помост', 'возвышение'.

30. эвенк. *кана* [< мо.] 'стена', сол. *хана* 'стена', 'юрта', орок. *ӽана* 'жерди остова чума' (основные), 'покрышки' (чума, боковые наружные), 'сторона' (наружная), 'дверь' (наружная), нан. *ӽано* 'тростник', ма. *ӽана* 'стенки юрты' (решетчатые), 'забор' (решетчатый), п.-мо. *хапа*, бур. *хана* 'стена', монг. *хана(н)* 'стена', 'решетчатая стенка юрты', 'решетка' (на стенах здания для штукатурки).

Части непереносного жилища — зимника

Так как в качестве образца непереносного жилища южного типа приводится схема старинного нанайского срубового жилища *ӽорима ǯо(γ-)*, в помещаемом ниже перечне названий его частей нанайские данные вынесены на первое место.[6]

---

[6] Значения нанайских наименований для частей жилища приводятся в основном по данным статьи С. Н. Оненко «Характеристика некоторых областей лексики современного нанайского языка» (в сб.: Просвещение на советском Крайнем Севере. В помощь учителю школ Крайнего Севера. Вып. 8, 1958, стр. 272—274).

1. нан., ульч. *болǯо(н-)*, нан. *голǯō*, ороч. *гогǯо(н-)* [< **голǯон*] ‘очаг’; ср.: сол. *гулǯэр* ‘очаг’, ма. *болдон ~ болтон* ‘головешка’, ‘обгорелые концы дерева’, ‘обгорелый пень’.

2. нан. *ома* ‘плита с круглым отверстием для котла и с очагом сбоку’.

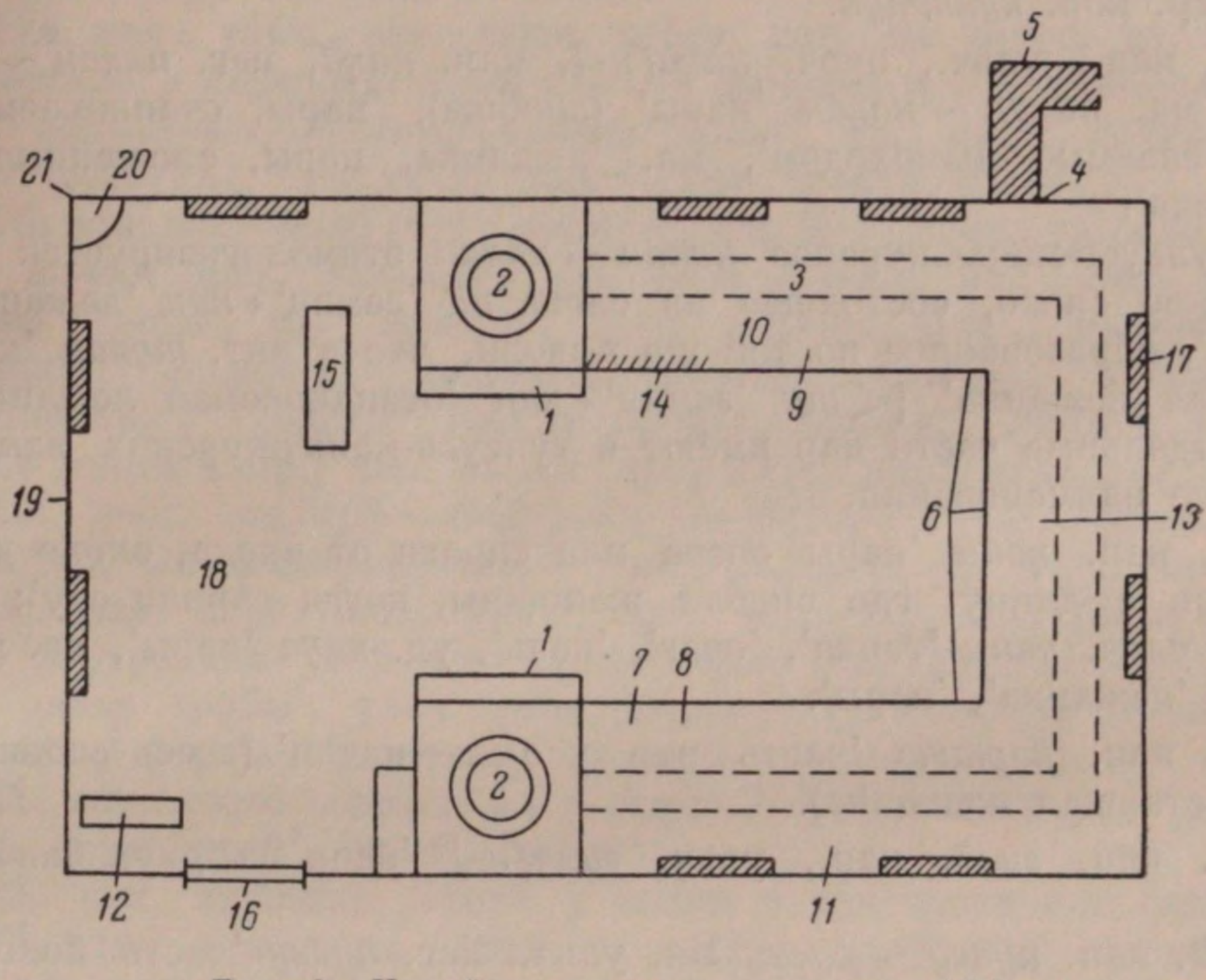


Рис. 2. Нанайское жилище — корима (*ǯо*).

1 — *болǯо(н-)* — очаг; *2* — *ома* — плита с круглым отверстием для котла; *3* — *хōл* — дымоход под нарами; *4* — *курэ(н-)* — наружная выводная часть дымохода; *5* — *қола(н)* — труба; *6* — *нақа(н-)* — нары, отапливавшиеся дымоходными трубами; *7* — *қани* — нары у входа; *8* — *кэркичэ* — часть нар у *ома* — печи; *9* — *гило(н-)* — одна из двух боковых нар; *10* — *пуксу* — часть боковых нар, примыкавшая к очагу слева от входа; *11* — *бочи* — часть боковых нар, примыкавшая к очагу справа от входа; *12* — *ақсо(н-)* — место слева или справа от входа недалеко от очага; *13* — *мало* — часть нар в глубине дома у поперечной стены слева от входа; *14* — *хуэ* — доска по краю нар; *15* — *тамси* — скамья посредине дома; *16* — *уйкэ* — вход, дверь; *17* — *пава* — окно; *18* — *пала(н-)* — пол; *19* — *паǯира(н-)* — стена; *20* — *ǯоқо(н-)* — внешний угол; *21* — *покъсо(н-)* — внешний угол.

3. нан., нег. *ҳōл*, ульч. *ҳōлй* уст. ‘дымоход под нарами старинного дома’; ср.: ма. *қолой ~ ҳоло* ‘долина между двумя горами’, ‘овраг’, ‘ров’, ‘канава’ (между двумя грядами, межами), ‘желоб’, п.-мо. *xoγulai*, монг., бур. *хоолой* ‘горло’, ‘труба’, бур. также ‘дымоход’, як. *куолаі* ‘горло’, ‘глотка’, ‘пищевод’, *куолаҕаі* ‘узкая речка’, кор. *кол(с)* ‘дымоход’, *корэ* ‘дымоход под утепленным полом’.

4. нан. *курэ̄ ~ курэ(н-)* ‘наружная выводная часть дымохода’ (от внешней стены дома до соединения с вертикально стоящей в 5—8 м от дома трубой), нег. *курэн* ‘угол, в котором встре-

чались левый и правый дымоход — *ҳōл'*, т. е. угол между нарами — *паӈку* и *дōгилан*.

5. нан. *ҕолā ~ ҕола(н-)*, ульч., ороч., уд. *кула(н-)*, нег. *колан*, ма. *ҳулан* ‘труба’, ‘дымоход’, ‘труба дымовая’; у нанай и негидальцев эта труба, высотой 8 — 10 м, делалась из четырех досок; ср. кор. *култтук*.

6. нан., ульч., ороч. *наҕа(н-)*, нан. *наҕā*, нег. *накан ~ нахан*, ма. *наҳан ~ наӈан* ‘нары’ (вообще), ‘нары, отапливаемые, обогреваемые дымоходом’, ма. ‘лежанка, нары, сложенные из кирпича’.

Тунгусо-маньчжурское *накан ~ нахан* этимологизируется как сложное слово, состоящее из слова *нā* ‘земля’ + *кан* ‘лежанка’, ‘печь’, образованное по той же модели, что и кит. *тукан* ‘кан’, ‘теплая лежанка’ [< *ту* ‘земля’ + *кан* ‘отапливаемая лежанка’].

Отдельные части нар имеют в тунгусо-маньчжурских языках особые наименования.

7. нан. *ҕани* ‘нары слева или справа от входа, около двух метров в длину, где сидели женщины, когда варили еду’; ср.: нег., ульч. *ҕани* ‘топка’, ‘очаг’, ‘печь’, уд. *каӈа* ‘нары’, ма. *ҕамдури* ‘лежанка’, ‘нары’.

8. нан. *кэркичэ* ‘часть нар у *ома* — печки’ (здесь спала самая старшая женщина).

9. нан. *гилō*, нан., ульч. *гило(н-)* ‘одна из двух боковых нар’.

10. нан. *пуксу ~ фусху* Бк, ульч., нег. *пуску* ‘часть боковых нар, примыкавшая к очагу слева от входа’ (если стоять лицом к *мало*), ма. *фусху наҳан* ‘нары близ очага’; ср.: ма. *фуску ~ фусху* ‘возвышающееся отверстие на очаге’, ‘конфорка из глины для очага’.

11. нан., ульч. *ҕочи* ‘часть боковых нар, примыкавшая к очагу справа’, нег. *ҕочайи* ‘нара рядом с дверью, против *паӈку*’.

12. нан. *аҕсō ~ аҕсо(н-) ~ асҳӯ* К-У [< ма.] ‘место у входа слева или справа, недалеко от очага, где находились дрова, ведра, бак с водой, топоры и пр.’; ср. ма. *асҳан* ‘бок’, ‘сторона’.

13. нан. *мало* ‘часть нар в глубине дома у поперечной стены слева от входа’.

13а. ульч. *паӈҕу* ‘вторая половина (продолжение) нар *мало* в глубине дома у поперечной стены слева от входа.’

В связи с рассмотренными выше нанайскими наименованиями отдельных частей нар приведем дополнительно маньчжурские названия:

ма. *амба наҳан* или *дэрги наҳан* ‘нары у западной боковой стены’, *варги наҳан* ‘нары у восточной стены’, *ӡулэрги наҳан* ‘нары у южной стены’, *амарги наҳан* ‘нары у северной стены’, *наҳан и ирун* или *суван* ‘дымоходные трубы, ходы в теплых нарах’, *фалаӈҕа наҳан* ‘подпольная печь’.

14. нан. *хуэ* ‘доска по краю нар’, ‘сиденье’.[7]
15. нан., ульч., ороч., *тамси* ‘нары’, ‘топчан’.
16. нан. *уйкэ* ‘дверь’.
17. нан., ульч., орок., ороч. *пāва*, нег. *пāγа*, уд. *пā*, нан. Бк *фā*, ма. *фа*, чж. *fāh-‘a* ‘окно’.
17а. нан., ульч., нег., ороч. *чоӌӄо*, нан. Бк *цоӌӄо*, уд. *чоӌхо* ‘отверстие в передней стене дома — дымовое и вентиляционное’, сол. *чонко~чонγо~чанко~чуанху* ‘окно’; ср.: п.-мо. *čongxu(n)*, монг. *цонх(он)*, бур. *сонхо* ‘окно’, кит. *чуанху* ‘окно’.
18. нан. *пал~палā (н-)~фала(н-)* Бк, К-У, ульч., уд. *пала (н-)*, нег. *палан*, орок. *пāлла(н-)*, ма. *фала~фалан* ‘пол’, нег., ульч. также ‘доска’, ма. ‘помост’, ‘двор внутри дома’, ‘загородка’, ‘перила’, ‘площадь’, ‘квартал’, ‘участок’ (земли), ‘площадка-жертвенник’, ‘родина’ (место происхождения), счетное слово полос земли и пр., чж. *’èu-léh* ‘двор’; ср.: нивх. *п‘ал/фал* ‘пол’.
19. нан. *пажирā ~ пажира(н-) ~ фажирā* К-У, ульч. *падира(н-)*, ма. *фажиран* ‘стена’, ма. *фажиран фу* парн. ‘стены’.
20. нан. *ǯоӄō*, нан., ульч., ороч. *ǯоӄо(н-)*, нег. *ǯохон ~ ǯокон* ‘внутренний угол в жилище’, нан. Бк, ульч. также ‘часть нар около трубы’, ульч. *ӈочи ǯоӄо(н)* ‘угол справа от входа’, *пауки(н-) ǯоӄо(н)* ‘темный угол слева от *малу*’.
21. нан. *поӄсō ~ поксо(н-) ~ фоӄсо* К-У ‘внешний угол дома’, ульч. *посӄо* ‘край’, ‘кант’, ‘ребро’.
22. нан. *хуǯиэӈку* ‘столб у входа в дом слева или справа’.
23. нан. *гуси тора* ‘столб в центре *мало*’ (ему отдавались почести: кланялись перед отправлением на охоту, рыбную ловлю, а также во время болезни кого-л. из членов семьи).
24. нан. *баӄса тора* ‘центральный столб в жилище, верхним концом поддерживающий *мулу*—матицу’.
25. нан., ма., нег. *мулу* ‘матица’, ‘конек’ (продольный брус, на котором держится кровля), ма. также ‘хребет’, ‘спинка птиц’, ‘горный гребень’, ‘кряж’; ср.: кор. *малло* ‘брус’ и уд. *муǯэ* ‘матица’.
26. нан. *тайбо*, ма., ульч., нег. *тайбу*, сол. *таибо*, ороч. *таибола~таибула* ‘балки потолочные’ (перекладины), ‘стропила’, чж. *t'ai-pén* ‘балка’; ср.: п.-мо. *taibuu*, монг. *тайвуу* ‘балка потолочная’.
27. нан. *бисэрэ~бэсэрэ*, *бисэрэчэ~бэсэрэчэ*, ульч. *бисэрэ(н-)~бисирчэ* ‘настил из поперечных балок под потолком для хранения имущества’, ‘полка’, ‘потолок’, К-У ‘почетное место на кане’; ср.: ма. *бэсэргэн~бэсэрхэн* ‘деревянная кровать’, ‘диван’, ‘пьедестал у статуи Будды’, нан. *бисэрэ-~бэсэрэ-*, ульч. *бисэрэнэ-* ‘делать настил’, ‘настилать’.

---

[7] Отмеченные названия *мало*, *хуэ*, *уйкэ* в сравнении с однокоренными словами других тунгусо-маньчжурских языков рассмотрены выше (стр. 241). Соответствующие наименования и план старинного ульчского дома *ҳабдӯ(н-)* см.: А. Смоляк. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966, стр. 67—76.

28. нан. *уичэ~уйчэ*, ульч. *уйчеу*, нег. *уйчу~уйчеву*, ʻпомост в середине жилища, где кормили собак', ʻпривязь'; ср.: орок. *уйнэв* ʻпривязь для оленей, собак', эвенк., эвен., нег., орок. *уй-*, нан., ульч. *уи-*, ороч. *уйу-* ʻпривязать'.

29. нан., ульч. *гуичэ~гуйчэ*, орок. *гуиптэ* ʻкрыша', орок. *гуидэ~гуйдэ* ʻкрыша', ʻпокрышка для юрты' (нижняя и средняя — из коры, бересты, ровдуги, рыбьей кожи); ср.: нан., орок. *гуи-*, нан., ульч., орок. *гуйу-* ʻкрыть крышу', ʻпокрывать корой, соломой, покрышкой' (дом, амбар чум).

30. нан. *сон* ʻжерди, наложенные в два наката вместо стропил под крышей'.

31. нан. *эрчэ* ʻнижние концы крыши'.

32. нан., ульч. *тахи* ʻполки подвесные над *ома* (печкой) и вдоль нар' (для посуды, берестяных коробов, ящиков и пр.), ма. Сиб *тауху* ʻполка'; ср.: монг. бур. *таг* ʻполка'.

33. нег. *онараву* ʻполки вдоль нар'.

Предметы обстановки, связанной с жилищем

Из названий предметов обстановки следует привести те, которые непосредственно связаны с жилищем, его типом. Здесь в первую очередь интересны наименования подстилок, циновок, а также столов, таганов.

1. эвенк., нег. *сэктэ*, эвенк. диал. *hэктэ ~ шэктэ*, эвен. *hэγтэ ~ hэгтэ ~ hэвтэ ~ сэвтэ* Арм, *эγтэ* Б ʻподстилка из хвойных ветвей', ʻхвойная ветка, употребляемая для подстилки', ʻпостель', ороч. *сэгди* ʻподстилка из хвойных веток или мха'; ср.: эвенк., нег. *сэктэвун*, эвенк. диал. *hэктэвун ~ шэктэвун* ʻподстилка', ʻковрик', ʻшкура', уд. *сокtоу(н-)* ʻподстилка из шкуры, коры, бересты', ульч. *сэгди* ʻподстилка', *сэктипу(н-)* ʻподстилка из шкуры', орок. *соқто* ʻветка', *сэиктэ* ʻветки лиственницы, которыми устилают пол в жилище', *сэктэ* ʻполотнище из плотной ткани для завертывания груза на нарте', нан. *сэгӯи* ʻподстилка', ʻпостель из веток, соломы, травы', *сэктэпӯ* ʻподстилка из шкуры', ʻпостель', ʻматрац', ма. *сэкӯи* ʻподстилка из соломы, сена, травы в помещении для родов', ʻподстилка в стойле, употребляемая также при сдирании кожи с туши', ʻподстилка в гнезде птиц', *сэктэфун* ʻподстилка', ʻтюфяк', ʻковрик', ʻподушка на сиденье'.

Приведенные тунгусо-маньчжурские названия подстилок являются производными от глагольных основ: эвенк. *сэγи-*, эвен. *hэγ ~ hэв- ~ эγ-* Б, нег. *сэк-* ʻподстилать хвойные ветки в чуме, палатке', сол. *сэттэ-* ʻразложить', ма. *сэбтэ- ~ сэктэ-* ʻстелить', ʻрасстилать'; ср.: п.-мо. *sekse*, монг. *сэксүүрэг*, бур. *hэгсэ* ʻшкурка барашка' (с длинной шерстью), як. *сäксä ~ сäктä ~ сättä ~ сöксö* ʻподстилка из березовых или лиственничных ветвей'.

2. эвен. *тӣдэкэ*, *тӣдӣн* ‘подстилка из оленьей шкуры’, ‘постель’.

3. нан. Бк *ǯафа* ‘мат’, ‘матрац’, ма., ульч. *ǯафу* ‘войлок’, ма. ‘мат’ (из трав).

4. нан., ульч., нег., ороч. *дӑли* ‘подстилка берестяная для спанья’.

4а. нан., ульч., ороч. *сақта(н-)* ‘циновка тростниковая’.

5. эвенк. *тэγэӈкӣ*, *тэγэчиӈкӣ*, *тэγэмкин*, *тэγэвун*, *тэγэчивун*, *тэγэк*, эвен. *тэγэчиӈкэ*, *тэγэнмэй*, *тэγэчӣк*, *тэγэлгэн*, ороч., нан., нег., уд., ульч. *тӣӈку*, орок. *тӣкку* ~ *тӣку*, ма. *тэку*, нег. *тӣпун*, ороч. *тэпу(н-)*, ульч. *тэсуку* ‘сиденье’, ‘место для сиденья’, ‘всякий предмет для сиденья’ (скамья, лавка, табурет, стул, кресло).

Все приведенные выше имена — названия для сиденья — являются существительными, производными от глагольной основы: эвенк., сол., нег. *тэгэ-*, эвен. *тэγ-* [< **тэγэ-*], нан., ульч., орок., ороч., уд. *тӣ-* [< **тэγэ-*], ма. *тэ-* ‘сесть’.

6. нан., сол. *бандӑ*, ульч., нан. *банда(н-)*, ма. *бандан* ‘скамья’, ‘табурет’, ‘стул’; ср.: уд., ороч. *банǯа* ‘доска’, ‘плаха’, п.-мо. *bandang*, монг. *бандан(г)*, бур. уст. *бандан* ‘скамья’, ‘нары’, др.-тюрк. *bandaŋ* ‘скамья’.

Это слово в алтайских языках является китаизмом; ср. кит. *бань*, *баньцза* ‘доска’, *баньдэн*, *дэн* ‘скамейка’, ‘табурет’.

7. эвенк. *дэривун*, нан., ма., ульч., нег., ороч. *дэрэ*, чж. *t'éh-'óh* ‘стол’ (низкий).

Это наименование для стола в тунгусо-маньчжурских языках связано со значением «поверхность», «лицевая (верхняя) сторона предмета», «лицо»; ср.: эвенк. *дӣр* ‘лицевая сторона платья, ткани’, эвенк., эвен., нан., ульч., орок., ма. *дэрэ*, нег. *дэйэ* [< **дэрэ*], нан., сол., орок. *дэрэл*, нег. *дэγэл*, нан., ульч. *дэрэγ*, уд. *дэгди* [< **дэйэгди* < **дэрэгди*], чж. *t'éh-'óh* ‘лицо’ и п.-мо. *dere*, монг. *дэр(эн)*, бур. *дэрэ* ‘подушка’, ‘изголовье’.

8. эвенк. Брг *тулга*, сол. *толга* [< мо.] ‘таган’; ср.: п.-мо. *tulγan*, монг. *тулган*, бур. *тулга* ‘таган’ (тренога), ‘подпорка’.

9. нан. *чақора*, ульч., ороч. *чақура(н-)*, нег. *чавра* ‘таган-тренога’ (для подвешивания котлов, чайников над костром); ср. нивх. *тякр* ‘три’ (для счета предметов разнообразной формы).

10. нан. *ҕаӈҕо/у* ‘стойка’ (на которую вешают котел), ульч., ороч. *гаӈгу* ‘крюк’ (для снимания котлов с очага); ср.: нан. *гуӈгу* ~ *гэӈгу* ‘палка для подвешивания котла над костром, воткнутая одним концом в землю’ и кит. *гань* ‘столб’, ‘жердь’, ‘древко’, ‘ручка’, ‘палка’, *гоу* ‘крюк’, ‘крючок’.

III. НАЗВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ

К названиям хозяйственных сооружений мы относим, во-первых, наименования различных хранилищ — амбаров, лабазов, помостов — и, во-вторых, обозначения заграждений, оград.

В ряде случаев названия хозяйственных сооружений перекликаются с наименованиями для жилищ; ср., например: эвенк. вост. *угдан* ‘жилище, крытое корой лиственницы’, ‘лабаз — помост на сваях, с крышей из коры’, нег. *огдан* [< **угдан*] ‘жилище летнее, прямоугольное, с каркасом из жердей, крытое берестой’, эвен. Ох *удан* [< **угдан*] ‘лабаз — помост на сваях для хранения вещей’.

Вместе с тем специальных наименований амбаров, кладовых, складов, помостов насчитывается более полутора десятка.

1. эвенк., эвен., нег. В *нэ̄ку*, нег. Н *нэ̄ху* ‘лабаз — помост на сваях с крытым амбаром’, ‘кладовая’, ‘склад’, также эвенк., эвен. ‘временно оставленные запасы продовольствия’, ‘имущество’.

Наименование этого распространенного у эвенков, эвенов и негидальцев хозяйственного сооружения образовано при помощи суфф. *-ку* от широко представленной в тунгусо-маньчжурских языках глагольной корневой основы эвенк., эвен., нег., сол., ороч., ульч., нан. *нэ̄-*, уд. *нэ-дэ-* ‘положить’, ‘поместить’, ‘поставить’; ср. также: эвенк., эвен., нег. В, нан. *нэ̄ку-* ‘положить в лабаз, амбар’ (на хранение, про запас), эвенк. *нэ̄кчэ-*, эвен. *нэ̄кут-/ч-*, эвен., нег. *нэ̄кчи-*, уд. *нэксэ-* [< **нэкчэ-*], ульч., нан. *нэучи-* ~ *нэучэ-* [< **нэкучи-*] ‘хранить’.

Сюда же — п.-мо. *nöge-*, монг., бур. *нөө-* ‘запасать’, ‘хранить’, п.-мо. *nögeče*, монг. *нөөц*, бур. *нөөсэ* ‘запас, запасы’.

2. нег., ульч., орок. *тақту*, нан. *тақто/ӯ* ‘амбар’ (на сваях), ‘кладовая’, ‘склад’, ма. *тақту* ‘надстройка’ (на верху здания), ‘здание на высоких столбах, разгороженное досками в два или три яруса’, ‘второй этаж’, ‘ярус’, ‘вышка’, ‘мезонин’, ‘терем’, ‘башня’, ‘палаты’, ‘корабельный ют’, ‘галерея’, ‘балкон’.

Большая свайная постройка *тақту* столь же характерна для тунгусо-маньчжурских народностей Приамурья, как рассмотренное выше *нэ̄ку* для представителей их северной ветви, т. е. эвенков, эвенов и негидальцев. Обращает на себя внимание весьма широкий комплекс значений существительного *тақту* в маньчжурском языке. Вместе с тем само тунгусо-маньчжурское наименование *тақту* представляется заимствованным из монгольских языков (ср.: п.-мо. *tagtu*, монг. *тагт* ‘мезонин’), которое, в свою очередь, едва ли не является субстантивированной формой образования *tag-tu*, *таг-т* от п.-мо. *tay*, монг., бур. *таг* ‘полка’, т. е. означает букв. ‘обладающий полкой’, ‘с полкой’ (с помостом); ср. ульч., нан. *тахи* ‘полка’.

3. эвенк., нег. *дэлкэ̄н*, ороч., уд. *дэкэ(н-)* [< **дэлкэ̄н*], орок. *дэлкэ(н-)*, *далу* ‘лабаз — помост на сваях’ (для временного хранения продуктов и пр.), нан. Бк *дэлэӯку* ‘амбар’ (для продуктов), ульч. *дэсу* ‘лабаз’, нег. *дэлкэ̄хэ̄н*, нан. Бк *дэкэ*, *дэсиху* ‘полка’, нан. Бк *дэску* ‘вешала’ (для рыбы).

4. эвенк. *локомо* ‘лабаз — настил из жердей на сваях для просушки меховой одежды’, эвен. *ноӄъм* ‘навес’, ‘настил’ (для хранения вещей, продуктов); ср.: *локовун*.

5. эвенк. *колбо* ‘лабаз — помост на сваях с крышей’, ‘кладовая’, ‘амбар’; уст. ‘дощечка’ (которой закрывали зарытый в землю послед), ‘гроб-колода’, *колбо-* ‘складывать продукты на лабаз’, ‘надеть’, ‘нанизать’, *колобокōн* ‘пасть-ловушка’, *колобон-* [< як.] ‘соединяться’, сол. *холбо-* ‘соединять’, ма. *ҳолбо-* ‘подбирать под пару’, ‘связывать’ (узами), ‘сочетать браком’, ‘случать’, *ҳолобоӈго* ‘парный’, ‘соединенный вместе’; ср.: п.-мо. *xolbu-*, монг., бур. *холбо-* ‘соединять’, ‘связывать’, ‘сочетать’, як. *холбо* ‘лес’ (сплоченный в виде ящика — для укладки чего-л.), ‘колода’ (расколотая и выдолбленная), ‘гроб’ (из толстых досок или из колоды, с крышкой), *холбō-* ~ *холбуо-* ‘соединять’, ‘связывать’, ‘сочетать’.

6. эвенк. *гулӣк*, эвен. *гөлик* этн. рел. ‘лабаз’, ‘настил на сваях’ (на который складывали кости животных), эвенк. *гули-* ‘принести (повесить) жертву’, ‘положить кости какого-л. зверя на специальный лабаз, повесить череп медведя на дерево’, ‘провожать душу умершего’ (шаманский обряд), ‘повесить вещи покойного (у могилы)’, фольк. ‘убить’ (человека), эвен. *гөли-* этн. рел. ‘положить кости какого-л. зверя на специальный лабаз’, нег. *гули-* этн. рел. ‘положить кости какого-л. зверя на специальный лабаз’, ‘повесить череп медведя на дерево’, орок. *гули-* ~ *гулли-* этн. рел. ‘класть череп медведя на хранение’.

7. эвенк. *пури* ‘крытый лабаз’, ‘помост на сваях’ (иногда с крышей из коры); ср.: чув. *пура* ‘сруб’, ‘закром’.

8. нан. *дайра* ‘лабаз’, ‘помост, устраиваемый на охоте за соболями для складывания орудий охоты, лыж, продуктов’.

9. ороч., орок. *дэдухи*, ульч. *дэдуху* ‘помост для амбара, лабаза’, ‘настил бревенчатый’, нан., ульч., орок. *дэдэри*, нан. *дэдэричэ*, *дэдэурэ* ‘жерди’, ‘бревна’, ‘бруски, подложенные подо что-л.’, *дэдэри-* ‘подложить жерди, бревна подо что-л.’.

10. ма. *ҳаша* ‘амбар’ ‘кладовая’, ‘склад’, *ҳаша-* ‘закрывать’, ‘покрывать’, ‘загораживать’; ср.: п.-мо. *xasi-*, монг. *хаши-* ‘ограживать’, ‘закрывать’.

11. ульч. *ҳоӈбора(н-)* ‘амбар’ (небольшой).

12. эвен. *араӈас* [< як.] ‘лабаз’, ‘кладовая на столбах для хранения вещей’, ср.: як. *араӈас* ‘лабаз, кладовая на столбах или на дереве’ (для хранения запасов), уст. ‘могильный лабаз’, бур. *аранга* ‘подмостки’, ‘навес’, ‘вышка’ (для охоты на диких зверей), уст. ‘помост’ (на который клали трупы людей или туши животных).

13. эвенк., эвен. *ампāр* [< як. < рус.] ‘амбар’, ‘дом’, ‘изба’; ср.: як. *амбāр* ~ *ампāр* ~ *анбāр* [< рус. *амбар* < тюрк. *амбар* ~ *анбар* ~ *анмар*], ‘амбар’, *ампāр ӡіä* ‘изба срубом’.

14. эвенк. *лабас* [< рус.] ‘лабаз’, эвен. *лабāс-*, *лабаси-* [< рус.] ‘класть на лабаз’, эвен. *лабасы* ~ *лабусы* [< рус.] ‘специальная площадка на сваях’ (для обработки рыбы); ср. як. *лāбас* ~ *лāбыс* [< рус.] ‘помост’ (на подставках или ножках для кладки льда), ‘лабаз’.

15. эвенк. *сайба* [< рус.] ~ *саива* ~ *сайва* ‘склад’, ‘лабаз’ (на сваях), эвен. *чāйба* [< рус.] ~ *сайба* ~ *сајдиба*, *ћāйба* ‘склад’, ‘амбарчик’ (на сваях), ‘хозяйственная постройка на рыбалке’ (склад, амбар), ‘вид жилища’ (осенью), *чайба-* ~ *сайба-* ‘делать склад, амбарчик’ (на сваях), як. *саіба* ~ *сāіба* ‘сруб’ (для хранения рыбы), ‘клетка’ (срубом), ‘лабаз’, рус. сиб. *сайба*, *сайва* ‘амбарчик’.

16. эвенк. *калтама* ‘навес для оленей, сделанный из лиственниц, составленных полукругом’.

17. эвенк. *котон* [< мо. ~ як.] Брг, Нрч, К., Тк, Тмт, Учр, эвен. *ӷотон* ~ *котон* [< як.] ‘хлев’, ‘скотный двор’; ср. сол. *хотō* [ма. < мо.], нег. *хотон*, ороч., уд., ульч., орок., нан. *хото(н-)*, нан. *ӷотō*, орок. *ӷоттo(н-)* ‘город’, ма. *ӷотон* ‘город’ (обнесенный земляным валом или стеной — каменной, деревянной), ‘стена городская крепостная, высокая и толстая’, *ӷотон хэчэн* парн. ‘города’; ср.: п.-мо. *xotan* ~ *xotun* ‘город’, ‘группа юрт’, ‘стена’ (городская), монг. *хот* ‘город’, *хотон* ‘группа юрт’, ‘загон’, ‘стойка для скота’, бур. *хото(н-)* ‘загон’, ‘стойка’, ‘хлев’, *хото шэбэ* парн. ‘загон для скота’, *хотон айл* ‘группа аилов’, ‘стоянка’, як. *хотон* ‘хлев’, ‘помещение для скота’.

18. ма. *чахин* ‘амбар’, ‘житница’, ‘хлебный магазин’, ‘сусек’ (в амбаре), ‘перегородка из досок и бревен’, ‘сруб в колоде’, *чахини усин* ист. ‘колодезные пашни’ (участок земли с колодцем посредине; из 9 частей участка 8 отдавались под поселение семьям, которые сообща обрабатывали 9-й участок в пользу казны).

Названий различного рода заграждений — изгородей, плетней, загонов и пр. — можно привести около полутора десятка. При этом почти все эти наименования, по-видимому, являются заимствованиями из монгольских языков.

1. эвенк. *курē* ~ *курɛ̄*, эвен. *кур'ē* ~ *курē*, нег. В *курū*, орок. *курэи* ~ *курэй* ~ *курэйи* ‘ограда’, ‘изгородь’, ‘забор’, эвенк.’ эвен., нег. ‘загон для оленей’, эвенк. вост. ‘двор для скота’, ободок на передке и задке сиденья нарты, эвен. Арм, Ох ‘огород’; ср.: эвенк. *курē-*, *курēӈ-*, эвен. *кур'ē-* ~ *курө̄-*, орок. *курэй-*, *курэйи-* ‘огораживать’, ‘делать ограду, изгородь’. Сюда же: ма. *куран* ~ *курэн* ‘ограда’, ‘загородка’, ‘двор для скота’, ‘подворье’, ‘гостиница’, ‘чайная’, ‘штаб-квартира’ (войск), ‘комитет’, ‘общество’, ‘ряды’, ‘отряд’, ‘колонна’ (войска), *курала-* ~ *курэлэ-* ‘ставить в ряды, шеренги колонны’ (войска).

Ср.: п.-мо. *kürijē(n)*, монг. *хүрээ(н)* ‘ограда’, ‘изгородь’, ‘огороженное место’, ‘круг’, ‘кружок’, ‘кайма’, ‘черта’, ‘стан’,

‘лагерь’, ‘монастырь’, ист. ‘город Урга’ (Улан-Батор), п.-мо. *kürije(n) xašija*, *xašija kürije(n)*, монг. *хашаа хүрээ* парн. ‘ограда’, ‘изгородь’, ‘двор’, п.-мо. *kürije(n) xorija* парн. ‘ограда’ (для овец), ‘храм’, *kürije(n) xota* ‘ограда’, ‘изгородь’, бур. *хорёо(н) ~ хүреэ* зап. ‘загородка’, ‘ограда’, ‘изгородь’, зап. ‘оправа’ (у очков), *хорёо хуһамаг* парн. ‘ограда’, ‘загон’, *хорёо шэбээ* парн. ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘загон’, калм. *kürə* ‘кольцо’, ‘лагерь’, ‘двор’, ‘монастырь’, ‘лагерь’, п.-мо. *kürijele-*, монг. *хүрээлэ-*, калм. *kürəl-* ‘обносить’, ‘окружать’, ‘обводить’, ‘окаймлять’, п.-мо. *kürijeleng*, монг. *хүрээлэн(г)* ‘двор’, ‘сад’, ‘комитет’, ‘академия’.

як. *küpüö* [< мо.] ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘забор’, ‘загон’ (для скота), ‘огороженное место’, ‘остожье’ (надельный сенокосный пай), *küpüölä- ~ küpälä-* ‘огораживать’, ‘обносить оградой’.

Ср.: др.-тюрк *qur-* ‘устраивать’, ‘сооружать’, ‘выстраивать’, ‘собирать’, ‘приводить в боевую готовность’, ‘натягивать’ (тетиву, лук), *qurša-* ‘опоясывать’, ‘окружать’.

2. ма. *ӷуваран* ‘ограда’, ‘двор, обнесенный стеной’, ‘лес, роща, обнесенные оградой для содержания диких зверей’, ‘монастырь’, ‘лагерь’, ‘казарма’, ‘стан’, будд. ‘преграда’, ‘предел страстям’, ‘круг’ (вокруг солнца, луны), *ӷуваран и боо* ‘казарма’, *ӷуваран и да* ‘начальник лагеря’, ‘командир полка’, *ӷуваран мэйэн* ‘отряд войск’, *ӷувара-* ‘огораживать’, ‘делать ограду’, ‘окружать’, ‘обводить’ (циркулем круг), ‘раскидывать’ (сеть), ‘обертывать’, ‘охватывать’.

Ср.: п.-мо. *xuvaran*, монг. *хуаранг(г)* ‘казарма’, п.-мо *xuvārla-*, монг. *хуарагна-* ‘расположиться лагерем’.

3. ма. *ӷува* [< кит.] ‘место, обнесенное оградою’, ‘двор’; ср. кит. *юань* < **хуань* ‘двор’, ‘стена вокруг дома’.

4. сол. *хэрэм* [< мо.] ‘стена’ (городская), ма. *кэрэму* ‘стена крепостная с зубцами и бойницами’, ‘вал вокруг укрепленного лагеря’, *хэрэн* ‘конюшня’, нег. *кэйэн* [< **кэрэн*], ульч., орок. *кэрэ(н-)* ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘забор’, ульч. ‘стойло’, нан. *кэрэ̃ ~ хэрэ(н-)* Бк ‘стойло’, ‘конюшня’, ‘хлев’, ‘сарай’, сол. *хэрэ̆ə̄* ‘огород’, нег. *кэрэӈ-*, ульч., орок. *кэрэн-* ‘огораживать’, ‘делать ограду, изгородь’.

Ср.: п.-мо. *kerem*, монг., бур. *хэрэм*, калм. *kerṃ* ‘стена кирпичная, каменная крепостная’, ‘крепость’, др.-тюрк. *kerät* ‘землянка’.

5. ма. *ӷасаӷа ~ ӷасҳан* ‘плетень, изгородь из прутьев или стеблей сорго’, *ӷасҳала-* ‘огораживать, обносить плетнем, изгородью, частоколом, забором’.

Ср.: п.-мо. *xaši-*, монг. *хаши-* ‘огораживать, обносить изгородью’, ‘преграждать’, ‘загонять’, ‘держать’, п.-мо. *xašiγa ~ xašija(n)*, монг., бур. *хашаа(н)* ‘забор’, ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘частокол’, ‘двор’, п.-мо. *xašijala-*, монг. *хашаала-*, бур. *хашаал-*

'делать изгородь', 'обгораживать', 'обносить забором', як. *хаса* 'холодный хлев', 'навес', 'стойло', *хасāлā-* 'спрятать', 'заслонить'.

6. эвенк. *карши* ограда; ср.: п.-мо. *xarši*, монг. *харш* 'дворец', 'препятствие', 'барьер', бур. *харша* 'плаха', 'доска', 'забор из плах', 'чуждый', 'враждебный'; п.-мо. *xarši-*, монг. *харш-* 'противоречить', бур. *харшал-* 'раскалывать бревна на плахи', 'обтесывать бревна в виде доски'.

7. ма. *файсҳа*, *файсҳан* 'ограда' (из деревьев, из бревен), 'частокол', 'изгородь', 'плетень', *файсҳала-* 'огораживать', 'обносить частоколом'; ср.: п.-мо. *xaisang*, монг. *хайс* 'частокол', 'низкая решетчатая ограда'.

8. ма. *фу* 'стена', 'ограда'.

9. эвенк. *вōта ~ вōтар ~ гōта ~ ӈōта* 'изгородь', 'ограда', 'забор', 'загородка вокруг очага во время ночлега', 'перегородка', 'засека для ловли гусей', 'огород', 'рефракционный круг вокруг солнца', *вōта- ~ гōта- ~ ӈōта* 'огораживать', 'загораживать'.

10. эвенк. *дарпин ~ дарпир* 'изгородь', 'закол, запор для ловли рыбы', 'укрепление от обвала на дороге зимой', уд. *дакпи-*, *дакписа-* 'закрывать дорогу', 'загораживать'.

11. эвен. *көстиӈ ~ куситнэ ~ куситэн* 'загородка', 'преграда', 'заслон', 'ограда', 'изгородь'.

12. нан. *гиаса ~ гæса ~ гаса* 'изгородь', 'ограда', 'забор'.

IV. НАЗВАНИЯ ВИДОВ ПОСЕЛЕНИЙ

Среди тунгусо-маньчжурских названий видов поселений, стойбищ и т. д. прежде всего следует отметить производные имена, образованные посредством соответствующих аффиксов от основ глаголов *би-* 'быть, жить, находиться' и *урӣн- ~ өрин-* 'становиться на жительство, на стоянку'.

1. эвенк. *биӡӡэк* 'место, где жили раньше', *бикӣт* 'поселок', 'место жительства', эвен. *биӡӡэк* 'место жительства', *билэк* 'поселок', 'населенный пункт', нег. *бин'эӈ* 'стойбище', ороч. *биӈку* 'место жительства', орок. *бику* 'место для жилья', *бипсэ* 'старое поселение', 'старое место жительства', эвенк. Сх фольк. *биру* 'стойбище', эвен. Ох фольк. *бирэ* 'все жители селения', нег. фольк. *биjу* [< **биру*], ульч., орок. фольк. *биру* 'селение', 'деревня', ульч. 'крупное поселение'.

2. эвенк. *урин* 'стоянка каравана', *урӣлэн* 'стойбище', 'поселок', *урӣкӣт* 'старое стойбище, поселок', сол. *урилэ* 'семья', 'двор', эвен. *өрилэн ~ урилэн* 'стойбище', фольк. 'группа людей, кочующая вместе', 'стая', *өримкин ~ уримкин* 'стоянка', 'стойбище', 'становище' (при перекочевке), *өрикич ~ урикич* 'остановка стойбищем' (при перекочевке).

3. ма. *татан* 'стан', 'становище', 'стойбище' (у кочевников), 'остановка в дороге для отдыха или ночлега', 'пристанище', 'жи-

лище', 'шалаш', 'курень', 'лагерь', *тата-* 'остановиться на стоянку', 'поселяться где-л.', 'располагаться лагерем'; ср. чж. *t'àh-t'àh-hâ* 'расположенная лагерем'.

4. эвенк. З *икэ̄н*, уд. *йохо* [< **икэ̄н*], *йогосо* [< **икэ̄чэ̄н*], нан. *иӽо̄* 'поселок', 'деревня', 'селение', *иӽоӄа̄* ~ *иӽоӄа(н-)* 'небольшой поселок из нескольких домов'.

5. нан. *иргэ̄* ~ *иргэ(н-)* фольк. 'большое селение'; ср.: ма. *иргэн* 'народ', 'подданные', *иргэн н'алма* парн. 'простолюдин', п.-мо. *irgen*, монг. *иргэн* 'народ', 'подданные', др.-тюрк. *irk-* 'собирать', 'скапливать'.

6. эвенк. *гӯлэсэ̄γ* 'поселок', 'деревня'; ср. *гӯлэ* 'жилище', 'изба'.

7. эвенк. *этэγ* [< як.] 'стойбище'; ср.: п.-мо. *ötüg*, монг. *өтөг* 'назём', 'навоз', 'пастбище', бур. *үтэг* 'усадьба', *үтэг нютаг* парн. 'местожительство', *үтэг шэбхэ* парн. 'назём', 'навоз', як. *өтөх* 'место, где раньше стоял дом', 'пепелище', 'назём', 'перегной', 'навоз'.

8. эвен. *наһлэ̄г* [< як.] уст. 'селение', 'наслег', 'род'; ср. як. *näciliäk* ~ *näciliäx* ~ *näctiliäk* уст. 'наслег' [? < рус. *ночлег*].

9. эвенк. Учр *каӈат* 'небольшое селение', 'наслег'.

10. сол. *аил* [< мо.] 'деревня', 'поселок', эвенк. Брг *айил* 'сосед'; ср.: п.-мо. *ajil*, монг., бур. *айл* 'селение', 'аил', 'группа юрт', 'юрта', 'соседи, жители одной общины', 'семья'.

11. нег. *гасин*, ороч., орок. *гаса* ~ *гасса*, ульч. *гаса(н-)*, нан. К-У *гасʲа̄*, ма. *ҕашан*, чж. *hāh-šā* 'селение', 'поселок', 'деревня'; ср.: п.-мо. *үаčіха* ~ *үаčаүан*, *үаčаүа tosхин* парн., монг. *гасаа(н)* 'селение', 'поселок', 'деревня', кор. *касан* 'родные места', 'родина', 'имущество семьи', кит. *цзясян* 'родина', 'родные места', *сян* 'деревня', 'село', 'поселок'.

12. ма. *тоӽсо* 'селение', 'деревня', 'поместье', ист. 'казенное селение', 'удельное селение', *тоӽсо тунли* парн. 'деревни и села'; ср.: п.-мо. *tosхин*, монг. *тосгон* 'селение', 'деревня'.

13. нан., ульч., нег., ороч., ма. *сусу* 'покинутое селение'.

14. нан. *бэсӯ* 'место бывшего села'.

15. ма. *фалҕа* 'селение', 'слобода (из 500 домов)', 'околоток (из 10 домов)', 'группа, линия домов', 'квартал', 'участок', 'род, занимающий отдельное местожительство', счетное слово околотков, кварталов, участков, *ҕашан фалҕа* 'околоток', 'часть селения', 'община', *муӽун фалҕа* 'поколение', 'племя'.

16. ма. *тунли* [< кит.] 'деревни и селения'; ср.: кит. *тӯнь* 'деревня', 'поселок', *лй* 'деревня', 'поселок', 'селение'.

17. нан. Снг *футин* 'деревня'.

18. нан., сол. *хотӑ*, нег. *хотон*, ороч., уд. *хото(н-)*, ульч., орок., нан. *ӽото(н-)*, орок. *ӽотто(н-)* 'город', ма. *ӽотон* 'город, обнесенный земляным валом или стеной — каменной, деревянной', 'городская крепостная стена', *ӽотон хэчэн* парн. 'города'; ср.: п.-мо. *xotan* ~ *xotun*, монг. *хот* 'город', 'хотон — группа юрт',

бур. *хотон айл* 'группа аилов', 'стоянка'; ср.: эвенк. *котон*, як. *хотон* 'хлев', 'скотный двор'.

19. ма. *хэчэн* 'город', 'высокая крепостная стена', *хэчэн ҳотон* парн. 'города', *хэчэн улан* парн. 'города' (букв. 'стены и рвы'), *хэчэн гували* 'город и предместья', 'оседлая страна, имеющая города и предместья', *хэчэн қалқа* 'пограничная крепость' (букв. 'город-щит'), чж. *hēi-č'ē-nì* 'город'.

Приведем также наименования временных сезонных стоянок, стойбищ; все эти названия связаны с соответствующими названиями времен года и соотносительными с ними глаголами.

20. эвенк. *н'эӈн'эǯэ̄к*, *нэӈн'эǯэкӣт*, *н'эӈн'эскӣт* 'весеннее стойбище', 'стоянка'.

21. эвенк. *ǯуγаǯа̄к* ~ *ǯуваǯа̄к*, *ǯуγаǯакӣт* ~ *ǯуваǯакӣт*, *ǯуγакит* ~ *ǯувакӣт*, *ǯусалан* К., сол. *ǯугаш'ил*, эвен. *ǯуγаǯа̄к* ~ *ǯувуǯақ*, *ǯуγасаǯақ* ~ *ǯувусаǯақ*, *ǯуγаса̄к* ~ *ǯувусақ*, уд. *ǯуасикчи*, орок. *дувада(н-)* 'летовье', 'летняя стоянка', 'летнее стойбище'.

22. эвенк. *болоǯо̄к*, *болоǯокӣт*, орок. *болодо(н-)* 'осеннее стойбище', 'стоянка'.

23. эвенк. *туγэǯэ̄к*, *туγэкӣт*, *туγэǯэн*, *туγэрук* Брг, сол. *тугуш'ӣлэ*, эвен. *тувэсэǯэ̄к* 'зимнее стойбище', 'зимняя стоянка'.

В. Д. КОЛЕСНИКОВА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАЗВАНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Выявление и анализ названий частей тела человека как особого тематического раздела лексики представляет специальный интерес в связи с тем, что обычно указанная группа слов стоит в ряду исконных для языка. Это обстоятельство позволяет предполагать наличие значительного пласта общих наименований или корневых элементов у языков, близко родственных, к каковым относятся тунгусо-маньчжурские языки.

Действительно, названия таких частей тела, как голова, рот, глаза, уши, нога, рука и др., являются общими для большинства этих языков, в ряде случаев представляя собой лишь фонетические варианты слов, различия между которыми сложились как результат закономерного исторического развития их звукового состава. Последнее обстоятельство позволяет реконструировать праформы или архетипы тунгусо-маньчжурских слов, обозначающих части тела человека.

В тех случаях, когда это представляется нам достаточно обоснованным, приводятся сопоставления с соответствующими материалами монгольских и тюркских языков, а также корейского языка, иными словами, отмечаются общеалтайские элементы.[1]

В связи с последним следует отметить, что среди шестисот с лишним тунгусо-маньчжурских названий частей тела, рассматриваемых в предлагаемой статье, свыше сорока восходят к общеалтайским корням, в том числе более десяти являются общими для тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков, свыше двадцати — для тунгусо-маньчжурских с монгольскими и некоторое число — с тюркскими или корейскими.

При этом особое внимание уделялось выявлению заимствований, наибольшее число которых составляют монголизмы (около пятидесяти) и якутизмы (примерно двадцать пять), тогда как прочих тюркизмов отмечено четыре.

Следует указать, что части тела человека и животных, выполняющие однородные функции, обозначаются в тунгусо-маньчжурских языках обычно одними и теми же словами; в качестве примера, помимо перечисленных выше общих наименований, можно

---

[1] Специально рассмотрению этих данных посвящена статья В. Д. Колесниковой «Названия частей тела человека в алтайских языках» в данном сборнике, см. стр. 71.

привести также: скелет, кость, ребро, легкие, сердце, печень, почки, зубы и др.[2]

Ряд названий частей тела является общим с обозначениями отдельных частей растений, как например: эвенк., ульч., нан. *буксэ* ‘хрящ’ и ‘побег тальника’, ‘прут’; нег. *йктэ* ‘зуб’ и ‘шип, игла’ (растения); ма. *чуҷгуру* ‘пуп’ и ‘впадина, углубление в цветке’ (из которого выходит стебелек), ‘ножка плода’; нан. Бк *фаҳа* ‘зрачок’, ма. *фаҳа* ‘ядро’, ‘косточка’ (плода), ‘зерно’, ‘семя’, ‘плод, завязывающийся после цветения’, ‘зрачок’.

Представляют интерес наименования частей тела, служащие также для обозначения тех или иных объектов окружающей природы, предметов производства, быта и т. п. Проиллюстрируем на примерах из эвенкийского языка: *амҷа* ‘рот, уста’ и ‘устье пади’, ‘вход’ (в нору, берлогу), ‘отверстие’ (мешка, сумы); *оҷокто* ‘нос’ и ‘мыс’, ‘утес’, ‘передняя часть лодки’, ‘носок’ (обуви), ‘передний лыжный ремень’; *ēса* ‘глаз’ и ‘ячея’ (сети, невода), ‘круглое отверстие в чем-л.’. При этом почти все вторичные значения свойственны и остальным тунгусо-маньчжурским языкам.

Некоторые наименования частей тела употребляются для передачи пространственных и временных понятий: ма. *мэj-рэн* ‘плечо’, ‘заплечье’ и ‘бок, сторона, фланг’ (в войсках); эвенк. *мӣрэ* ‘плечо’ и ‘январь’, ‘февраль’.

Связь между названиями объектов внешнего мира и обозначениями частей тела позволяет в ряде случаев восстанавливать в общей цепи этих наименований те звенья, которые оказались утраченными в каком-либо из языков. В качестве примера можно сослаться на название указательного пальца. В тунгусо-маньчжурских языках с этим словом связаны производные от него существительные — наименования перстня и наперстка.[3] Последние представлены и в тех из тунгусо-маньчжурских языков (нан., ульч.), в которых не сохранилось исходное название для указательного пальца: эвенк. *ун'акāн*, эвен. *ун'йкън*, нег. *он'ахан* ‘указательный палец’ || эвенк. *ун'акā-птун*, эвен. *ун'йқа-пън*, нег. *он'аха-пӯн*, ульч. *ҳон'ақа(н-)*, нан. *ҳон'ақā* ‘кольцо, перстень’; эвенк. *ун'а-птун*, эвен. *ӯн'й-пън*, нег. *он'а-пӯн*, ульч. *ҳон'а-птӯ(н-)*, нан. *ҳон'а-птō/ӯ* ‘наперсток’ (см. стр. 322—323).

То же самое относится к названиям запястья и браслета, напульсника: эвенк. *билэн*, эвен. *бӣлэн*, уд. *бул'э* ‘запястье’ || эвенк. *билэ*, *билэ-птин*, нег., орок. *бӣлэ* ‘отворот’ (на рукавицах, унтах), сол. *ӡила-птун*, эвен. *бӣлэ-пэн*, уд. *бул'э-пти(н)-*, ульч., орок. *гилэ-пту(н-)* ‘нарукавник, напульсник’, ‘браслет’ (см. стр. 319).

---

[2] В некоторых случаях особое выражение указанных и подобных им понятий, относящихся только к животным, также приводятся в соответствующих местах работы, например названия для различных видов кишок, названия для лопатки, ключицы и т. п.

[3] См.: В. И. Цинциус. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков. ИАН ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. 6, стр. 522.

Нельзя не обратить внимания на преобладающую характерную морфологическую структуру слов — названий частей тела, многие из которых оформлены омертвелыми (архаичными) собирательными показателями.[4] Приведем некоторые примеры:

эвенк., эвен., ма. *дэрэ*, сол. *дэрэ-л*, ульч. *дэрэ ~ дэрэ-γ*, орок. *дэрэ ~ дэрэ-л*, нан. *дэрэ-л ~ дэрэ-г* ‘лицо’;

эвенк., сол., нег., ороч. *босо-кто*, ульч., орок., нан. *босо-ӷто*, уд. *бо^{h}о-кто*, ма. *бос-ӽо ~ бос-ӽу* ‘почка, -и’;

эвенк. *ул-лэ ~ ул-дрэ ~ ул-дэ ~ ул-рэ*, сол. *ул-дэ*, эвен. *ул-ръ ~ ул-дъ ~ ул-лэ*, нег. *ул-э*, ороч. *у-ктэ*, уд. *улэ-^{h}э*, орок. *ул′и-сэ*, ульч. *ул-сэ*, нан. *ул-и-ксэ* ‘мясо (мышечная ткань)’.

Аффиксами собирательности оформлены, кроме того, названия, связанные с жизнедеятельностью организма человека — кровь и различные выделения (слезы, слюна, слизистые выделения носа, пот, гной, ушная сера и т. п.):

эвенк. *сэ̄-ксэ ~ сэ̄-hсэ ~ сэ̄-гсэ ~ сэ̄-всэ ~ сэ̄-hэ ~ шэ̄-кшэ*, сол. *сэ̄-кчэ ~ сэ̄-тчэ*, нег., ороч., ульч., нан. *сэ̄-ксэ*, уд. *сакеӕ*, орок. *с′э̄-кс′э*, ма. *сэ-ӌги* ‘кровь’, эвен. *hэ̄-с* ‘кровь’ (засохшая, запекшаяся) (см. стр. 269);

эвенк. *уру-м-ӌа̄*, эвен. *ӱрӱ-м-ръ̈ ~ ӱръ̈-м-дъ̈ ~ ӱръ̈-м-нъ̈*, нег. *оjо-м-ӌа*, ульч. *ӽоро-м-са*, орок. *ӽоро-п-са*, нан. *ӽоро-м-са* ‘ушная сера’ (см. стр. 271).

Имеющийся в нашем распоряжении материал по названиям частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках расположен по крупным разделам, порядок и наименование которых обусловлены не столько специальными соматическими или анатомическими представлениями о строении человеческого организма, сколько тем языковым материалом, который нашел свое выражение в интересующей нас лексической группе. Каждый из этих крупных разделов включает в себя перечень всех относящихся к нему названий. Ниже мы приводим схему основных разделов и подразделов статьи.

I. Человеческий организм (общие понятия)

Тело, лимфа, кожа, мышцы (мускулы), мышечная ткань (мясо), костяк (скелет), кость, -и, сустав, -ы, сочленения, хрящ, -и, сухожилие, -я, кровь, различные выделения человеческого организма — слеза, -ы, слюна, -и, слизистые выделения носа, ушная сера, гной, моча, кал.

II. Голова, лицо, полость рта

Голова, череп, головной мозг, темя, макушка головы, затылок, волосы, коса, лицо, лоб, ухо (уши), глаз, -а, бровь, -и, ресница, -ы, веко, -и, нос, щека, -и, скула, -ы, висок (виски), подбородок, челюсть, борода, усы, рот (уста), губа, -ы, зуб, -ы, десна, -ы, язык, небо, маленький язычок (увуля).

---

[4] См.: В. И. Цинциус. 1) Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. Уч. зап. ЛГУ, вып. 10, 1946, стр. 90; 2) Конечные плавные в тунгусо-маньчжурских языках. В сб.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Изд. ЛГУ, Л., 1951, стр. 283—296.

III. Шея, горло

Шея, горло, глотка, гортань, пищевод, кадык, подшейная ямка.

IV. Грудь, грудная полость

Грудь, грудная клетка, грудь женская, сосок, ребро, -а, легкое, -ие, сердце, кровеносные сосуды, диафрагма.

V. Живот, брюшная полость

Живот, внутренности, желудок, кишка, -и, печень, желчь, желчный пузырь, почка, -и, селезенка, мочевой пузырь, матка, пуп, пуповина.

VI. Спина

Спина, спинной хребет, позвоночник.

VII. Конечности; плечевой пояс, тазовый пояс

Конечности; плечевой пояс: плечо, -и, ключица, -ы, подмышка, -и, мышечная впадина, пазуха, лопатка, -и, рука, -и, локоть, запястье, кисть руки, ладонь, пальцы рук; тазовый пояс: таз, лобок, пах, промежность, нога, -и, бедро, -а, вертлюг, колено, кости ног, икры ног, стопа, пятка, лодыжка, щиколотка, пальцы ног.

Лексические данные по тунгусо-маньчжурским языкам представлены по материалам «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков».[5]

Для сопоставлений с монгольскими, тюркскими и корейским языками дополнительно привлекались различные словари и другие лексические материалы.

I. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ (ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ)

В этом разделе в порядке номеров приводятся названия, которые мы относим к числу общих представлений о человеческом организме:

1. Тело; 2. Лимфа; 3. Кожа; 4. Мышцы (мускулы), мышечная ткань (мясо); 5. Костяк (скелет), кость, -и; 6. Сустав, -ы, сочленения; 7. Хрящ, -и; 8. Сухожилие, -я; 9. Кровь; 10. Различные выделения (слеза, -ы, слюна, -и, слизистые выделения носа, ушная сера, гной, моча, кал).

При этом если в тунгусо-маньчжурских языках имеется несколько различных наименований для какого-л. понятия, связанного с представлениями о человеческом теле, его членах и пр., каждое особое название выделяется соответствующей цифрой с дополнительной буквенной пометой: 1, 1а, 1б, . . . 2, 2а, 2б, 2в и т. д. Тот же принцип принят и при обозначении названий каких-л. разновидностей или частей отдельных членов тела, его органов и пр.

---

[5] См. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» под ред. В. И. Цинциус. (Рукопись. Институт языкознания АН СССР).

1. Т е л о. Слово, имеющее значение ‘тело’, а также ‘личность’, с архетипом **бэjэ*, является общим для всех тунгусо-маньчжурских и монгольских языков:

эвенк., сол., нег., ороч., уд., нан., ма. *бэjэ*, ульч., орок. *бэjэ(н-)*, эвен. *бэj*, чж. *péi-yé* || ср.: ср.-мо. *beje*, п.-мо. *beje(n)*, монг. *бие*, бур. *бэе*, калм. *bĭ*, *bĭjэ*, ‘тело’ || ср. кор. *ppje* ‘кость.’

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков (эвен., нег., ульч., орок., нан., ма.) для указанного слова отмечаются еще такие значения, как ‘туловище’, ‘корпус’, ‘фигура’. Сюда же примыкает орок. ‘тушка зверя’, ‘ствол, стебель’ (растения) и нег. ‘завязь’ (цветка).

Кроме того, в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков слово *бэjэ* служит для передачи понятия ‘человек’, а также ‘мужчина’, ‘муж’, ‘самец’. В эвенкийском языке оно означает еще ‘поколение’, ‘век’, что, очевидно, связано с представлением о сроке человеческой жизни; ср. ма. *бэjэ* в значении ‘жизнь’.

Интересно, что в монгольских языках этим же словом обозначается ‘организм’.

Из тюркских языков слово *бэjэ* в сходном звучании — *бäjä* и с близкими значениями — ‘тело’, ‘туловище’, ‘туша’, ‘личность’, ‘свойство, особенность’ — имеется лишь в якутском, для которого его принято считать монгольским заимствованием.[6]

1а. Значение ‘тело’, ‘плоть’, ‘организм,’ ‘корпус’, а также ‘кожа’ в эвенкийском и эвенском языках присуще, кроме того, слову с праформой **ил(э)-сэ*, семантический диапазон которого, однако, у́же, чем у слова *бэjэ*:

эвенк. *иллэ ~ илдэ ~ илрэ ~ илдрэ*, эвен. *илръ ~ илдэ ~ иллэ ~ иллъ ~ илчи* Арм.

1б. В эвенском языке в значении ‘тело’, ‘туловище’, ‘организм’ употребляется еще третье слово:

эвен. *бӯлгис* Ол, Арм, Б ‘тело’, ‘туловище’, ‘организм’ || ср. як. *бӱlгӱн ~ бӱргӱн* ‘плечо’, ‘оплечье’, ‘место прикрепления верхних конечностей’.

---

[6] См.: П е к а р с к и й, III, стр. 422; Калужиньский, стр. 16, 40, 50, 131, 132. — Представляется неубедительным сопоставление некоторыми авторами (см.: Ц. Д. Н о м и н х а н о в. Название частей тела человека в тюрко-монгольских языках. Записки, вып. 2. Элиста, 1962, стр. 193) монгольского слова *beje(n)* и тунгусо-маньчжурского *бэjэ* с фонетическими вариантами тюркского *boð* ‘тело’, ‘туловище’, ‘стан’, ‘рост’, ‘фигура’, ‘человек’, ‘главная часть предмета’, ‘сам’ и одновременно также со словом *bädän* ‘тело’. Прежде всего следует заметить, что *bädän* заимствовано тюркскими языками из персидского. Что же касается тюркского *boð*, то оно в фонетическом и семантическом отношениях соответствует монгольскому *boda*, означающему ‘предмет’, ‘существо’, ‘свойство’, ‘материя’. Последнее при этом в качестве заимствования из монгольских и якутского языков находит отражение в эвенкийских говорах в слове *бодо* ‘жизнь’, ‘жизненный уклад’, ‘быт’, ‘порядок’, ‘обычай’, ‘судьба’.

Таким образом, мы имеем четко выявленные, с одной стороны, мо. *beje(n)* || т.-ма. *бэjэ* и, с другой — мо. *bodo* || тюрк. *boð*.

2. Л и м ф а. С общим понятием ‘тело’, ‘организм’ связано понятие ‘телесные жизненные соки’, т. е. ‘лимфа’, обозначение которой встретилось лишь в маньчжурском языке:

ма. *симэн* ‘телесные жизненные соки (питательные соки, распространяющиеся по всему телу от принятой пищи и питья) — лимфа’ || ср.: п.-мо. *sime*, монг. *шим*, бур. *шэмэ* ‘сок’, ‘питательность’.

2а. В близком значении используется в маньчжурском языке слово:

ма. *шуги* ~ *шугин* ‘влага, телесные жизненные соки — лимфа’ || ср. кит. *шӯ цзīн* (букв. ‘дерево’ + ‘эссенция’, ‘экстракт’, ‘сущность’, ‘семя’, ‘энергия’, ‘дух’, ‘душа’).

ма. *шуги* ~ *шугин* обозначает, кроме того, лак из соков дерева и употребляется еще в значении ‘сок — костный мозг’; ср.: эвенк. *чӯксэ* ~ *чӯкса* ~ *чӯкша* ~ *чӯһа*, нег. *чӯхсэ*, ороч. *чуксэ* ‘сок’ (ягод, древесный), уд. *чуөӈки* ‘сок’ (древесный), орок. *сӯксэ* ~ *тӯксэ* ‘сок’ (ягод) || ср.: п.-мо. *sigüsü(n)* ‘сок’, ‘влага’, монг. *шүүс(эн)* ‘сок’, ‘харчи, пища’, бур. *шүүһэ(н)* ‘сок’.

3. К о ж а. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков для обозначения понятия «кожа» (человека) служит слово с праформой **кэрэ-ктэ*, которое лишь в эвенкийском и солонском языках означает ‘кора’ (древесная):

эвенк. *эрэктэ*, сол. *хэ̄р* ‘кора’ (древесная), эвен. *эртэ* ~ *өртө* [< **эрэктэ*], нег. *эјэктэ*, ороч. *э̄ктэ* ~ *эктэ* [< **эјэктэ* < **эрэктэ*], ульч., ороч. *хэрэктэ*, нан. *хэрэктэ* ~ *эрэктэ* К-У ‘кожа’ (человека).

В эвенском и орокском языках это слово употребляется также в значении ‘кожа’ (птицы), в ульч. — ‘кожа (рыбья)’.

3а. Для эвенкийского языка характерно иное наименование для кожи (человека), которое в других тунгусо-маньчжурских языках ограничено значением ‘кожа’, ‘шкура’ (с головы животного) или, как в Сахалинском говоре эвенкийского языка, — ‘кожа’ (на голове человека):

эвенк. *тикикта* ~ *тӗкикта* ~ *китикта* ~ *кӗкикта* ~ *кикиктэ* ‘кожа’ (человека), эвен. *тӣкэн*, нег., ороч. *тикта* ‘кожа’, ‘шкура’ (с головы животного).

3б. В маньчжурском языке наименование кожи (человека) выражается словом с более широким значением:

ма. *суӄу* ‘кожа’ (человека), ‘кожа’, ‘шкура’ (животного), ‘кожица’ (плода).

3в. В некоторых из тунгусо-маньчжурских языков, например в негидальском, для названия кожи (человека) используется слово с праформой **нана-са*, обозначающее кожу, шкуру (животного):

эвенк. *нанна* ~ *нанда* ~ *нанн′а* ~ *нанра* ~ *нарна*, сол. *нанда*, эвен. *нанръ̀* ~ *нандь̀* ~ *нандо* ~ *наннъ̀* ~ *нанна* ~ *нанд^{r}а* ~ *н′ен′чи* Арм, ороч. *наса* ~ *наһа* ~ *ниһа*, уд. *не^{h}æ*, ульч. *нанта*,

орок. *ната ~ натта*, нан. *нанта* ‘кожа’, ‘шкура’ (животного), нег. *нана* ‘кожа’, ‘шкура’ (животного), ‘кожа’ (человека).

3г. В эвенкийском и эвенском языках в значении ‘кожа’ (человека) может употребляться, как указывалось выше, слово с праформой **ил(э)-сэ* ‘тело’, ‘плоть’ и т. д. (см. стр. 261).

3д. В ряде тунгусо-маньчжурских языков ‘кожа с волосяным покровом’ (на голове человека) обозначается тем же словом, что и ‘шкура’ (с головы животного):

эвенк. *мӗта* ‘шкура’ (с головы животного), фольк. ‘скальп’, ‘шапка’, сол. *м'ӗта* ‘лицо’, эвен. *мӕт*, нег. *мӗта* ‘шкура’ (с головы животного), ‘кожа с волосяным покровом’ (на голове человека), ороч. *миатакса* ‘шкура’ (с головы животного), ‘безрукавка’ (жилет из шкуры с головы животного).

3е. Для обозначения кожи на голове используется также заимствование из монгольских языков:

эвенк. *куjка ~ куjӣка* Нрч [< мо.] ‘кожа’ (на голове), ‘череп’, ма. *ҳojҳa* [< мо.] ‘кожа’ (на голове) || ср.: п.-мо. *хиіха*, монг. *хуйх*, бур. *хуйха ~ хууха* ‘кожа черепа’, ‘опаленная кожа’ || ср. як. *куjаха ~ кунjаха ~ кыjаха* ‘кожа’ (на голове), ‘кожа животного’ (с опаленной шерстью) || ср. башк. *ҳойҳа* ‘паленая кожа, шкурка’.

3ж. С представлением о коже тесно связаны такие смежные понятия, как поры и волосы на теле. Названия тех и других отмечены в маньчжурском языке, где они представляют собой сочетания со словом *фун'эхэ* ‘волосы’ (на теле и голове у человека), ‘шерсть’ (у животных), ‘пух’:

ма. *фун'эхэ сэн* ‘поры’ (на теле) (букв. ‘волосы+скважинка’);

ма. *нэj фун'эхэ* ‘волосы’ (на теле) (букв. ‘пот+волосы’).

4. Мышцы (мускулы), мышечная ткань (мясо). Из специальных обозначений мышц в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков известно заимствованное из якутского языка название двуглавой мышцы, бицепса:

эвенк. *чилки*, эвен. *чӣлкӣ ~ чӣлка ~ чӣлҳа ~ чӣлҳо ~ чӣлҳова*, нег. *чӣлкӣ* двуглавая мышца, бицепс || ср. як. *чӣlkӓ* ‘соединительная ткань, жилы в мясе’.

В негидальском языке *чӣлкӣ* обозначает также иносказательно ногу медведя (переднюю, верхнюю ее часть).

4а. В некоторых эвенкийских говорах встречается монгольское заимствование для наименования мышцы икр или сухожилия ноги:

эвенк. *шилби* Нрч [< мо.] ‘мышца икр’, *чилбика* П-Т ‘ножное сухожилие’ || ср. п.-мо. *silbi*, монг. *шилбэ(н) ~ шилэв* ‘голень’, ‘стебель’ (растения), бур. *шэлбэ* ‘голень’, ‘мускулы в нижней части голени у лодыжки’.

4б. В удэйском языке имеется название для мышцы бедренной кости:

уд. *бӣ* ‘передняя мышца бедренной кости’.

4в. Для обозначения мускулов в маньчжурском языке употребляется слово, которое выражает идентичное им понятие — ‘мясо’, ‘плоть’:

ма. *jали* ‘мускулы’, ‘мясо’, ‘плоть’;

ма. *унда jали* ‘позвоночное или почечное мясо по обеим сторонам хребтовых позвонков около почек’.

4г. Общим названием для мышц, мышечной ткани (мяса) в тунгусо-маньчжурских языках, за исключением маньчжурского, является слово с корневой основой **ул-сэ*:

эвенк. *уллэ ~ улдэ ~ улдо ~ улдрэ ~ улрэ ~ унлэ*, сол. *улдэ ~ улди ~ ул′е* Ив., нег. *улэ*, ороч. *уктэ ~ уттэ* [< *ултэ*], орок. *ул′исэ*, ульч. *улсэ* ‘мясо’, эвен. *улръ ~ улдъ ~ улдө ~ улду ~ улдᵖа ~ уллъ ~ уллэ*, *ул′ичи* Арм ‘мясо’, ‘тело’, ‘организм’, уд. *улэʰэ* ‘мясо’, ‘мышцы’, ‘кожа’ (человека), нан. *уликсэ ~ улэ ~ урсэ* [< *улсэ* < *улисэ* < *уликсэ*] ‘мясо’, ‘мышцы’.

Обычно это слово служит для обозначения туши или части туши животных, используемых для пищи.

5. К о с т я к (с к е л е т), к о с т ь. Одно из наиболее распространенных обозначений костяка (скелета) в тунгусо-маньчжурских языках перекрещивается с названием для кости (костей), а также для останков, трупа и имеет корневую праформу **гира-*:

эвенк. *гирамн′а ~ гирамна ~ герамда* [< **гирама-са*] ‘кость’, *гирагда*, *гирамнарикта ~ гирарикта* ‘костяк’, ‘скелет’ (букв. ‘одни лишь кости, только кости’), *гирамнаһа* Алд ‘костяк, скелет’ (букв. ‘совокупность, множество костей’), *гирамна ~ гирамда*, *гирамки*, *гирамкин ~ кирамкин* Урм ‘могила’, ‘кладбище’, сол. *гиранда* ‘кость’, эвен. *гӣръмръ ~ гӣръмдъ ~ гӣрамда ~ гӣрамна* ‘скелет’, ‘могила’, ‘кладбище’, ороч. *гӣамса ~ гæамса* [< **гирамса*], ульч. *гӣрамса ~ гӣрмаҳа* ‘кость’, уд. *геæмаʰа* ‘скелет’, ‘кость’, ‘косточка плода’, *геæмаjи* ‘кладбище’, орок. *гӣрапса* ‘кость’, ‘скелет’, нан. *гӣрмакса ~ гӣрмаса ~ гӣрамна* К-У [< **гирамса*] ‘кость’, ‘скелет’, ‘труп’, *гӣрā* ‘гроб’, ма. *гираӈги*, чж. *kî-rō-kih* ‘кость’.

5а. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков аналогичная семантика — ‘кость’, ‘костяк’, ‘скелет’ — свойственна также слову с праформой **кику-рӣ*:

эвенк. *ӣкэрӣ* ‘кость’, ‘скелет’, ‘позвоночник’, ‘позвонок’, ‘спинной мозг’, *ӣкэрӣгдэ* Сх ‘скелет’ (букв. ‘одни лишь кости’), эвен. *икъри ~ икэри ~ икири ~ икри* Арм ‘кость’, ‘костяк’, ‘скелет’, ‘остов’, ‘рыбий хребет’, ‘рост’, ‘могила’, нег. *ӣхэj* ‘кость’, ‘рыбий хребет’, *ӣхэj-мэлин* ‘костяк, скелет’ (букв. ‘одни лишь кости’), ороч. *икэи* ‘рыбий хребет’ (вместе с головой — юкола, идущая на корм собакам), ульч. *сиори ~ сиэри* [< **сикэри* < **кикури*], орок. *сэγэри ~ сэ̄ри* ‘позвоночник, костяк’ (рыбий с остатками мяса), ‘юкола — корм для собак’, ма. *икурсун* ‘спинной мозг’, ‘хрящ, связывающий позвонки’.

5б. Языки орочский и нанайский имеют для костяка (скелета) наименование, которое может быть сопоставлено с приводимым выше эвенским *булгис* ‘тело’, ‘туловище’, ‘организм’ (см. стр. 261):

ороч. *муггикта* [< **мулгикта*] ‘скелет’, нан. *мулгиктэ* ‘рыбий хребет’ (с остатками мяса после разделки).

5в. В эвенкийском и маньчжурском языках существуют особые названия для мозговой кости:

эвенк. *чёӈа* И ‘мозговая кость’ || ср. як. *чаӈкы* ~ *чāӈкы* ~ *чаӈку* ‘кость’ (бедер, голени с мозгом);

ма. *абсалан* ~ *абсилан* ‘мозговая кость’ (верхней части руки, ноги).

5г. Кроме того, в эвенкийском языке употребляется наименование для мозговой кости, образованное от слова, обозначающего ‘костный мозг’ (см. ниже):

эвенк. *умāкин* И ‘мозговая кость’.

5д. Широко представлено в тунгусо-маньчжурских языках специальное наименование мозга трубчатых костей, выраженное словом с праформой **куман*:

эвенк. *умāн* ~ *умӯн* ~ *омōн*, сол. *ӯма*, эвен. *ӱмъ̄н* ~ *уман* ~ *умон* ~ *ум*, нег. *оман*, ороч., уд. *ума(н-)*, орок. *ӯма(н-)*, ульч. *ӯома(н-)* ~ *ӯӱма(н-)*, нан. *ӯомā* ~ *омā*, ма. *умƃан* ‘костный мозг’.

5е. В маньчжурском языке костный мозг обозначается также указанным выше словом, употребляемым в значении ‘телесные жизненные соки’, ‘лимфа’ (см. стр. 262):

ма. *шуги* ~ *шугин* ‘костный мозг’.

5ж. Наконец, в говорах эвенкийского языка отмечено отдельное обозначение мозговой губчатой ткани:

эвенк. *кумурэ̄* Сх, Урм.

6. Сустав, -ы, сочленение, -я. Слово **ǯалан*, обозначающее ‘сустав’, ‘сочленение’, характеризуется тем, что представлено во всех без исключения тунгусо-маньчжурских языках и, следовательно, является для них общим. При этом свойственные ему значения выходят далеко за рамки указанного анатомического понятия:

эвенк., нег. *ǯалан*, эвен. *ǯалъ̄н*, ороч., уд., ульч. *ǯала(н-)*, орок. *дала(н-)* [< **ǯалан*], нан. *ǯалā* ~ *ǯала(н-)*, ма. *ǯала* ~ *ǯалан*, *гираӈги ǯалан* ‘сустав’, сол. *ǯаланӣ бэjэ* ‘обыкновенный, простой человек’ (букв. ‘человек, состоящий из суставов’), чж. *čāh-lâh-’án* ‘поколение’, ‘род’.

В говорах эвенкийского языка *ǯалан* служит, кроме того, названием для лодыжки.

Социальная семантика чж. *čah-laĥ-’án* свойственна в качестве второго значения этому слову почти во всех остальных тунгусо-маньчжурских языках; ср.: эвенк., эвен., нег., уд., ульч., орок., нан., ма. ‘колено, поколение’.

Для эвенкийского, эвенского и ульчского языков следует добавить такие значения, как ‘ответвление рода’, для маньчжурского — ‘потомство’, ‘род’, ‘племя’.

В ряде языков у данного слова имеются и другие значения, в большинстве случаев переносные. К наиболее интересным из них относятся: эвенк. ‘отрасль’, эвен. ‘бригада’, грамм. ‘слог’, ‘член предложения’, уд. ‘стык’, ‘шарнир’, ‘штабель’.

В ульчском и нанайском языках перенос значения оказался связанным с временным понятием. Так ульч. *ǯала(н-)* и нан. *ǯалā ~ ǯала(н-)*, а также ма. *ǯалɲан* (производное от *ǯала ~ ǯалан*) употребительны в значении ‘век’ (период человеческой жизни, существования).

6а. В эвенском языке, кроме приведенного выше, как название сустава используется общее с монгольскими языками слово, основными значениями которого как в эвенском, так и в других тунгусо-маньчжурских языках является ‘рубеж’, ‘граница’, ‘берег’, ‘береговая линия’, ‘промежуток’, ‘щель’, ‘расщелина’ и т. п.:

эвенк. *ǯапка ~ ǯавка* ‘берег, береговая линия’, ‘граница’ (между сушей и водой), ‘подножие, подошва горы’, ‘борт, край чего-л.’, сол. *ǯакка* ‘берег’, эвен. *ǯапӈъ̀ ~ ǯапка ~ ǯапӈа ~ ǯапкъ̀ ~ ǯапко* ‘рубеж, граница’, ‘промежуток’, ‘щель’, ‘трещина’, ‘расселина’, ‘сустав’, ‘место скрепления, соединения частей чего-л.’, ‘шов’, ‘позвонок’, нег. *ǯапка* ‘промежуток, просвет, щель (между двумя предметами, находящимися рядом)’, ороч. *ǯаппа* ‘клапан’ (у кармана сумки), посл. ‘близко’, ‘около’, ‘рядом’, ульч. *ǯакпа*, орок. *дакпа ~ дапка ~ ǯапка*, нан. *ǯакпа ~ ǯапка ~ ǯафка*, *ǯапкар* К-У ‘пространство вблизи предмета’, посл. ‘близко’, ‘около’, ‘рядом’, ма. *ǯакǯахун ~ ǯакчахун* ‘трещина’, ‘щель’, ‘раскол’ || ср.: п.-мо. *ǯabsar*, монг. *ǯавсар* ‘щель’, ‘пространство’, ‘промежуток’, ‘перерыв’, ‘пауза’, ‘между’, бур. *ǯай* ‘промежуток’, ‘пространство’, ‘свободное место’, ‘свободное время’, ‘досуг’, ‘дистанция’ || ср. як. *ǯаба ~ jаба* ‘щель на лесине’.

7. Х р я щ, -и. Основное название хрящей, выраженное словом с праформой **бу-ксэ*, является общим для всех тунгусо-маньчжурских языков, не отмеченным лишь в солонском и чжурчженьском:

эвенк. *букса ~ буксэ ~ бухса*, эвен. *бӯс ~ бӱс ~ бӱh*, нег. *буксэ ~ бухсэ*, ороч., ульч., нан. *буксэ*, уд. *бӱʰэ*, орок. *бускэ*, нан. *буксэ ~ бэксэ ~ бэскэ ~ бэкцэ* Бк, ма. *бухэ ~ бугэ* ‘хрящ’.

В языках эвенкийском, ульчском и нанайском приведенное слово имеет, кроме того, переносное значение ‘прут, побег тальника’. Оно может быть оформлено уменьш. афф. *-ка ~-кэ* и в этих случаях приобретает соответствующее уменьшительное, а иногда специализированное значение:

эвенк. *буксэкэ̄н* ‘хрящик’, ‘прутик’, нан. *бэксэкэ ~ бэкцэкэ* Бк ‘носовые хрящи’.

7а. В некоторых эвенкийских говорах хрящ, -и, обозначаются словом, по-видимому, заимствованным из монгольских языков:

эвенк. *муӈэ* И ~ *муӈи* Н, И, Тнг ‘сухожилие’ ~ *мунӈи* П-Т ‘сухожилие’, ‘хрящ’, *муӈэрсэн* Нрч [< мо] ‘хрящ’ || ср.: п.-мо. *tegersü(n)*, монг. *мөгөөрс(өн)* ~ *мөгөөс(өн)*, бур. *мэнгээрhэ(н)*, калм. *mörsn̥* ‘хрящ’.

7б. В отдельных тунгусо-маньчжурских языках встречается еще ряд названий для хряща:

эвенк. *туӈумэ* П-Т ‘хрящ’;

уд. *кэптыгэ* Бик ‘хрящ’;

ма. *сабта* ‘хрящ’ (косточка в суставе колена, плеча, локтя), перен. ‘помазок’ (для клея);

ма. *сибэхэ* ‘хрящи’ (грудные).

8. С у х о ж и л и е, -я. Сухожилия имеют несколько наименований, относящихся к различным их видам. Сухожильная связка — утолщенная часть сухожилия, нередко ассоциируемая с представлением о хряще, в ряде языков обозначается отдельным словом с корневой праформой **бул(э)-сэ*, общей с монгольской:

эвенк. *буллэ* ‘сухожилие’, ‘хрящ’ (в копыте), эвен. *бӯлръ* ~ *бӯлдъ* ~ *бӱлдө* Ск ‘сухожильная связка’, ‘сухожилие’, нег. *булэ* [< **буллэ*] ‘сухожилие ножное’ (у оленя, лося), нан. *бултэ* ‘хрящ’ (неотвердевшая кость), перен. ‘неокрепшее растение’, перен. ‘неприспособленный человек’ || ср.: п.-мо. *büleke* ~ *büleki* ~ *bülike*, монг. *бүлх*, калм. *bülkn̥* ‘сухожилие’, бур. *бүлхи(н)* ~ *бэлхи(н)* ‘сухожилие’ (толстое), ‘утолщенная часть сухожилия’ (от лодыжки).

8а. Широко представлено в тунгусо-маньчжурских языках название с праформой **суму-л* для длинного сухожилия, которое применялось для шитья одежды и обуви из шкур, кожи, в связи с чем его обозначение относится одновременно и к сухожильной нити:

эвенк. *суму* ~ *hуму* ~ *шуму*, сол. *сумул*, эвен. *hум* ~ *hумӓ* ~ *hумъ* ~ *hумө*, нег. *суму*, ороч. *суму(л)*, уд. *суму*, ульч. *сумул* ~ *сумули*, орок. *суму* ~ *hуму*, нан. *сумул* ~ *сумулу*, *сумкэ̄*, ма. *субэ* ‘длинное сухожилие’, ‘сухожильная нить’.

В маньчжурском языке *субэ* обозначает, кроме того, ‘нерв’ || ср.: п.-мо. *šibüsün*, монг. *шөрмөс(он)*, бур. *шүрбэhэ(н)* ~ *шүрмэhэ(н)*, калм. *šürwsn̥* ~ *širwūsn̥* ~ *širūsn̥* ‘сухожилие’ || ср. ма. *сибэхэ* ‘хрящи’ (грудные) || ср. як. *сурā* ‘сухожилие’, ‘протяжение, продолжение сухих жил в мышцах’, ‘икра’ (ноги), ‘нерв’.

8б. Связь между представлением о сухожилии и сухожильной нити находит свое выражение также в том, что приводимое ниже слово, служащее специальным названием для спинного сухожилия, и основа глагола ‘сучить сухожильную нить’ в ряде языков совпадают:

эвенк. *чӣва ~ чӣja ~ с'ӣва ~ шӣва* ‘сухожилие’, ‘сухожильная нить’, *чӣва-* ‘сучить сухожильную нить’, эвен. *сева* [<**чива*] Арм ‘сухожилие’, ‘сухожильная нить’, нег. *чӣва* ‘спинное сухожилие’, ‘сухожильная нить’, *чӣва-* ‘сучить сухожильную нить’, ороч. *чива*, уд. *чуа* ‘нить из спинного сухожилия’ (лося) || ср.: п.-мо. *čibxa*, монг. *чавх* ‘чавх’ (род орудия для охоты на соболя, белку и др.), ‘рогатка’, ‘курок’, монг. *чавхдас* ‘струны’, бур. *шабха* ‘курок’.

8в. В семантике предлагаемого ниже наименования сухожилия, корневой элемент которого **сирэ-* является общим с монгольским, на первый план выступают значения ‘волокно’, ‘нить’:

эвенк. *сирэктэ ~ hирэктэ ~ ширэктэ* ‘сухожилие’, ‘сухожильное волокно’, ‘сухожильная нить’, ‘нить, нитки’, ‘оперение стрелы’, сол. *ш'ириктэ ~ ш'ириттэ*, нег., ороч. *сиjэктэ*, уд. *сиэктэ* [< **сирэктэ*], ульч. *сирэктэ ~ сирхэ* [< ма.],нан. *сирхэ* [< ма.] ~ *сириктэ* К-У ‘нить, нитки’, орок. *сирэктэ* ‘волокно’, ‘волосок нити’, ма. *сиргэ ~ сирхэ* ‘волокно’, ‘нить’, ‘шелк-сырец’, ‘струна шелковая’, ‘шнурок’, ‘полоска мелко нарезанного мяса’, ‘ребро’ (отдельное) || ср.: п.-мо. *širkəg*, монг. *ширхэг* ‘волокно’, бур. *шэрхэг* ‘щетина’, калм. *širkəg* ‘шелковое волокно’, ‘шелк-сырец’ || ср. як. *cilгä ~ сіргä* ‘связка, сухожилие’ || ср. кор. *сил* ‘шелк’ || ср. Ш. кит. *сы̄* ‘шелк’, ‘шелковая нить’, ‘нити’, ‘проволока’ || ср.: башк. *сирак* [*сираҡ*], тат. *чирак* [*чираҡ*] ‘туго скрученный’ (о нитке, веревке).

8г. В некоторых языках существует особое обозначение для затылочного сухожилия:

эвенк., ороч. *чӑ* ‘затылочное сухожилие’, ‘затылок’, ‘загривок’, ма. *ча* ‘затылочное сухожилие’, ‘нерв’.

8д. Приводимое ниже маньчжурское название пяточного сухожилия полностью совпадает с монгольским и, по-видимому, является заимствованным:

ма. *борба ~ борбэ ~ борбо* [< мо.] ‘пяточное сухожилие’ || ср.: п.-мо. *borbi ~ boribi*, монг. *борви* ‘пяточное сухожилие’, ‘ахиллово сухожилие’ || ср. бур. *бэрбэгэй ~ бэрбэгы ~ барбагай* ‘бабка’, ‘лодыжка’.

8е. Отмечено еще несколько наименований различных видов сухожилий:

эвенк. *качан* ‘сухожилия’ (оставшиеся на шкуре после ее обработки), ‘хрящ’;

эвен. *чӣмъ̄т ~ чӣмат* ‘ножное сухожилие’ (оленя, лося);

эвен. *инди* Ск ‘сухожилие’;

ма. *унда субэ* ‘спинное сухожилие’;

ма. *гиста* ‘конец сухожилия, нервных волокон’, перен. ‘плут’, ‘проходимец’.

9. К р о в ь. Понятие ‘кровь’ передается во всех тунгусо-маньчжурских языках многочисленными фонетическими вариантами общего слова с праформой **сэ̄-ксэ(-нги)*:

эвенк. *сэ̄ксэ ~ сэ̄всэ ~ сэ̄гсэ ~ сэhсэ ~ сэ̄hэ ~ hэ̄ксэ ~ шакшэ ~ шоукша ~ шэвшэ ~ шэ̄кшэ ~ шэ̄hэ ~ саһа ~ соһо*, сол. *сэ̄кчэ ~ сэ̄тчэ* [< **сэ̄ксэ*], нег., ороч., ульч., орок., нан. *сэ̄ксэ*, уд. *сакеӕ*, ма. *сэӈги* ‘кровь’, эвен. *hэ̄с* [< **сэ̄ксэ*] ‘кровь’ (засохшая, запекшаяся).

Корневая основа этого слова *сэ-* образует в каждом из тунгусо-маньчжурских языков значительное число производных, но лишь в негидальском и удэйском отмечены слова (в первом — глагол, во втором — существительное), которые совпадают с ней по форме, а именно:

нег. *сэ̄-* Н, В ‘течь’ (о крови);

уд. *сэ̄* Хор, Ан, Бик ‘род’ (группа кровных родственников, ведущих свое происхождение от общего предка), ‘фамилия’, ‘порода’, ‘сорт’.

Интересно также, что слово *сэӈги*, обозначающее в маньчжурском — ‘кровь’, распространено в ряде других языков южной группы и, кроме того, в негидальском в следующих близких значениях:

нег., ульч. *сэ̄ӈги*, орок. *сʲэӈги* ‘родня’, ‘родство’ (по браку), ‘свойственник’, ‘свояк’, ‘сват’, ороч. *сэ̄ӈги* ‘род матери’; ср. также: ороч. *сэӈгики*, уд. *сэӈгитэ* ‘родня’ (по браку), ‘свойственник’, ‘свояк’, ‘сват’.

9а. В эвенском языке кровь человека и животного (текущая по кровеносным сосудам) имеет отличное от других тунгусо-маньчжурских языков название, которое совпадает с обозначением высушенной крови зверя в отдельных эвенкийских говорах (ср. выше эвен. *hэ̄с* [< *сэ̄ксэ*] ‘запекшаяся кровь’):

эвен. *hуӈэ̄л ~ уӈэ̄л ~ hуӈал* К-О ~ *суӈол* Арм ‘кровь’, ‘менструация’; ср. эвенк. *hуӈэл* Нак ‘высушенная кровь зверя’, ‘название кушанья’.

10. Различные выделения человеческого организма. Для слов этого семантического ряда характерно оформление аффиксами собирательности. В большинстве случаев эти слова являются производными от соответствующих глагольных основ.

10а. Название для слёз представлено общим для тунгусо-маньчжурских языков словом, за исключением маньчжурского, с праформой **ин*ʲ*а-му-кта*:

эвенк. *ин*ʲ*амукта ~ инамукта ~ н*ʲ*амукта*, сол. *намакта ~ наӈмукта*, эвен. *йнӈъмтъ* [< **инӈамукта*] ~ *йӈномто ~ йӈӈомто* Ск ~ *иӈгамта* К-О, нег. *йн*ʲ*амта*, уд. *иӈамукта*, орок. *јендумӱска*, нан. *н*ʲ*амоқта ~ н*ʲ*йамоқта ~ н*ʲ*ймоқта ~ нйамактэ ~ нйамэктэ* Снг ~ *јамокта* Бк ‘слеза’ || ср.: п.-мо. *nilbusu(n) ~ niltusu(n)*, монг. *нулимс(ан) ~ нулмас(ан)* ‘слеза’, ‘плевок’, бур. *нёлбоһон* ‘слеза’. Ср.:

эвенк. *ин′аму-* ~ *инаму-* ʻплакать, проливать слезы’ ‖ ср:. п.-мо. *nilbu-* ~ *nilmu-*, монг. *нулима-* ~ *нулма-*, бур. *нёлбо-* ʻслезиться’, ʻплевать’.

10б. Маньчжурское наименование слез представлено сочетаниями со словом *jaca* ʻглаз’, а кроме того, и отдельным словом:

ма. *jaca мукэ* ~ *jacaj мукэ* ʻслезы, текущие из глаз при участии движения сердца’ (*мукэ* ʻвода’);

ма. *jaca силэуги* ʻслезы, текущие при ветре’ (без участия движения сердца) (*силэуги* ʻроса’);

ма. *бэрхэ* ʻслезы’ (от ветра), ʻгной’ (в глазах).

10в. Слюна, -и и близкие понятия «мокрота», «слизь» выражаются словом с корневой праформой **ǯалу-*:

эвенк. *ǯаликса* ~ *ǯалиһа*, уд. *ǯале^{h}æ* ʻслюна’, сол. *ǯалинчи* ʻслюна’, ʻплевок’, эвен. *ǯалсъ* [< **ǯаликса*] ~ *ǯалса* ~ *ǯалһъ* ~ *ǯалша* ~ *ǯалһо* ~ *ǯел′сй* ~ *ǯел′чй* Арм ʻслюна’, ʻмокрота’, нег. *ǯалса* ʻслюна’, ʻслизь’ (рыбья), ороч. *дулукса* ~ *дилэскэ*, ульч. *ǯёлчўкса* ~ *ǯйлчўкса*, орок. *ǯелўсқа*, нан. *ǯйлокса* ʻслюна’, ʻслизь’ ‖ ср. монг., бур. *ǯалхаг* ʻслизь’. Ср.:

эвенк. *ǯали-*, нег. *ǯалса-* ʻтечь’ (о слюне) ‖ ср. бур. *ǯалхагта-* ʻпокрываться слизью’, ʻстановиться липким’.

10г. В некоторых из языков отмечено название для слизистых выделений носа, с общей корневой основой **илу-*:

эвенк. *иликса* ~ *илиһа*, сол. *иликчи* ~ *илэкчи*, нег. *йлйхса*, ороч. *инухса*, ульч. *йнўкса*, нан. *йнокса* ʻсопли’; ср.: эвенк. *илин-*, эвен. *jāлан-*, нег. *йлйн-*, ороч. *инуна-* ʻсморкаться’.

10д. Аналогичной морфологической структурой обладает в тунгусо-маньчжурских языках название для гноя с корневой морфемой **н′а-*:

эвенк. *н′āксэ* ~ *н′акса* ~ *н′акча* ~ *н′акша* ~ *н′авсэ* ~ *н′аһа* ʻгной’, ʻтухлый’, эвен. *н′ас* [< ** н′акса*] ~ *н′ах* ʻгной’, ʻгниль’, нег. *н′акса* ~ *н′ахса* ʻгной’, этн., уст. ʻкровь’ (медведя), уд. *н′акса* Смрг ʻсперма’, *н′аӈæ* Хор, Бик, Смрг ʻгной’, ульч. *н′æқса* ~ *нēқса* ~ *н′йқса* ~ *н′ākса*, нан. *н′āқса* ~ *нйақса* ʻгной’, ма. *н′ақи* ~ *jаӈки* Сиб ʻгной’, ʻсопли’ ‖ ср. бур. *няагаһа(н)* ʻгной’ ‖ ср. як. *сāныk* ~ *сыаныk* ʻнарыв’, ʻчирей’, ʻкарбункул’ ‖ ср. кит. *лāнь* ʻсгнить’, ʻистлеть’, ʻтухлый’, ʻгнилой’. Ср.:

эвенк. *н′а-* ~ *на-* ~ *нада-* ʻгнить’, ʻгноиться’, эвен. *н′āв-* ʻгноиться’, ʻнарывать’, нег., ороч., орок. *н′ā-*, уд. *н′ā-* ~ *н′а^{h}а-*, ульч. *н′ā-* ~ *н′ē-*, нан. *н′ā-* ~ *н′йа-*, ма. *н′а-* ʻгнить’, ʻпортиться, протухать’ ‖ ср.: п.-мо. *nigǯi-*, монг. *нэгши-* ʻпортиться’ (о пище), бур. *няагаһата-* ʻгноиться’ (о глазах).

10е. К подобному же типу слов относится название для пота, испарины, корневой основой которого является **н′э-*:

эвенк. *н′ēксэ* ~ *н′эксэн* ~ *н′ēксин* ~ *н′эсэ* ~ *н′ēсэни* ~ *н′эсэӈ* ~ *н′ēһэ* ~ *н′ēһэӈ* ~ *нэсин* ~ *нэһин* К. ~ *н′ēстэн*, сол. *нэш′ӣ*, нег. *н′ēсэӈ* ~ *н′асиӈ* Ш., ороч. *н′эсэӈи* ~ *н′æсаӈи* Л., уд. *н′эӈи* Смрг, ульч. *jэсэӈги* ~ *н′ēсэӈги* Ш., орок. *нēсэӈги* ~ *нēсэӈи*, нан. *н′u̯э-*

сэӈги ~ *н'эсэӈги* ~ *исиӈги* Снг ~ *јэсэнги* Бк, ма. *нэј* 'пот, испарина', эвенк. *н'ə̄с* ~ *н'ē с* ~ *н'ə̄сэн* 'пот, испарина', Ох эвф. 'жир медведя'; ср. эвенк. *н'ə̄-* ~ *нə̄-* 'вспотеть'.

10ж. К этой же группе названий следует отнести слово с корневой морфемой **куру-*, обозначающее ушную серу:

эвенк. *урумӈā* ~ *орумӈā* 'ушная сера', 'среднее ухо', эвен. *у̇ру̇мръ̇* ~ *у̇ръ̇мдъ̇* ~ *у̇ръ̇мнъ̇* ~ *hуромто* Ск, нег. *ојомӈа*, уд. *унæ*, ульч. *х̧оромса*, орок. *х̧оропса*, 'ушная сера', нан. *х̧оромса* ~ *оромса* К-У 'сера в ушах', 'пепел' (от табака) || ср.: п.-мо. *хиrа-*, монг. *хура-* 'скопиться, собраться'.

10з. Слово с корневой морфемой **чикə̄-* ~ *сикə̄-*, передающее понятие «моча», является общим как для тунгусо-маньчжурских, так и для монгольских и тюркских языков:

эвенк. *чикə̄н*, сол. *шихə̃*, эвен. *чикън* ~ *чикөн* Ск ~ *чикан* К-О, нег. *чикə̄н*, ульч. *чиэ(н-)* ~ *чə̄(н-)* [< **чикэн*], орок. *чиэ(н-)* [< **чикэн*], нан. *чиə̃*~*чикə̃* К-У, ма. *сикэ* 'моча' || ср.: ср.-мо. *šēsün*, п.-мо. *šigēsü(n)*, монг. *шээс(эн)*, бур. *шээhэ(н)* 'моча' || ср.: др.-тюрк. *sidük* ~ *siϑük* ~ *südük*, тур. *sidik(ği)*, тат. *сидеӄ*, узб., туркм., кирг. *сийдик* 'моча', як. *īk* 'моча', *сіǯін* 'неряха (мочащийся или испражняющийся в постели)'. Ср.:

эвенк. *чикə̄н-*, сол. *чіґе'н-* Ив., эвен. *чикан-* К-О, нег. *чикə̄н-* ~ *чихə̄н-*, ороч. *чǣчи-*, уд. *чеæкта-*, ульч. *чиэчи-* [< *чикэчи-*], орок. *чиэтчи-* [< **чикэчи-*], нан. *чиэчи-* ~ *чичи-* [< **чикэчи-*] Бк, К-У, ма. *ситэ-* 'мочиться' || ср.: п.-мо. *šigē-*, монг., бур. *шээ-* 'мочиться' || ср.: др.-тюрк. *siv-* ~ *sid-* ~ *sit-* 'мочиться', *čišä-* 'мочиться' (о детях), як. *іктā̄-* 'мочиться'.

10и. В слове со значением «кал», «испражняться» может быть выделена праформа корневой морфемы **аму-* ~ **каму-*:

эвенк. *амӯн*, нег. *аму̇н*, ороч., уд. *аму*, ульч., орок. *аму̇(н-)*, нан. *амõ* 'кал', 'помет', сол. *амӯ̃*, ма. *х̧аму* 'кал' (человека); ср. эвен. *аму̇* 'нагар' (в курительной трубке). Ср.:

эвенк. *амӯн-*, нег. *аму̇т-/ч-*, уд. *амукта-*, ульч. *амчи̇-/у̇-*, орок. *аму̇-*, нан. *амчи̇-*, ма. *х̧амта-* ~ *х̧амута-* Сиб 'испражняться'; ср. эвен. *аму̇-* 'снимать нагар' (в курительной трубке).

II. ГОЛОВА, ЛИЦО, ПОЛОСТЬ РТА

Второй раздел является наиболее обширным. В него входит значительное число различных наименований, связанных с головой и лицом. Все они рассматриваются в таком последовательном порядке: 1. Голова, череп, головной мозг; 2. Темя, макушка головы; 3. Затылок; 4. Волосы, коса; 5. Лицо; 6. Лоб; 7. Ухо (уши); 8. Глаз, -а; 9. Бровь, -и, ресница, -ы, веко, -и; 10. Нос; 11. Щека, -и, скула, -ы, висок, виски; 12. Подбородок, челюсть; 13. Борода, усы; 14. Рот (уста); 15. Губа, -ы; 16. Зуб, -ы; 17. Десна, -ы; 18. Язык; 19. Нёбо; 20. Маленький язычок (увуля).

В связи с тем что некоторые из указанных выше понятий нередко ассоциируются одно с другим, как например голова ~ череп ~ головной мозг или щека ~ скула ~ висок, и названия их или совпадают, или переплетаются, они объединены нами под одними номерами.

1. Г о л о в а, а также ч е р е п во всех тунгусо-маньчжурских языках обозначаются словом с архетипом **дили*, которое лишь в маньчжурском языке имеет иное значение:

эвенк. *дил*, сол. *дил ~ дили ~ дєли*, эвен., нег. *дйл ~ дєл*, ороч., уд. *дили*, ульч. *дйлй*, орок., нан. *ǯйлй* ‘голова’, ма. *ǯили ~ гили* ‘корень, основание рогов у оленя’.

1а. В маньчжурском и чжурчженьском языках в качестве названия для головы используется слово с архетипом **ургэ*, означающее в большинстве тунгусо-маньчжурских языков ‘головной мозг’, ‘мозговые полушария’:[7]

эвенк. *ургэ ~ илгэ*, сол. *иггэ ~ ургэ*, эвен. *ургъ ~ ургө ~ ургэ*, нег. *иггэ ~ иjгэ* Н ~ *идгэ* В, ороч. *иггэ*, уд. *иги*, ульч. *иǯэ*, орок. *ӣдэ* [< *иǯэ* < *ургэ*], нан. *ӣгэ* ‘головной мозг’, ма. *уǯу* [< *ургу* < *ургэ*] ‘голова’, ‘глава’, ‘начало’, ‘старшина’, ‘шарик, зерно, коралл’ (большой — на монашеских или чиновничьих четках), чж. *wúh-čú ~ wùh-šuh* ‘голова’.

В языках эвенкийском и эвенском указанное слово имеет, кроме того, переносное значение — рассудок, ум, разум.

1б. Семантическая связь между значениями «голова» и «головной мозг» прослеживается также в маньчжурском названии для головного мозга, которое прямо соотносится с монгольским наименованием головы, имеющим архетип **пэкин*. В качестве монгольского заимствования оно отмечено и в солонском языке:

ма. *фэjхи ~ фэхи* ‘головной мозг’, сол. *бки* Ив. [< мо.] ‘голова’ || ср.: ср.-мо. *hekin*, п.-мо. *ekin* ‘голова’, ‘начало’, монг. *эх(эн)*, бур. *эхи(н)*, калм. *екн* ‘начало’, ‘исток’, ‘источник’.

1в. В ряде эвенкийских говоров в значении ‘череп’, ‘головной мозг’, а также ‘нёбо’ употребляется слово с праформой **эл(э)-сэ*, которое в эвенском языке с присоединением уменьш. афф. *-кāн ~ -кэ̄н* означает ‘скула’, ‘висок’:

эвенк. *ӭллэ* П-Т ~ *āллэ̄* И ~ *элдру ~ олдру* С ‘череп’ ~ ‘головной мозг’, ‘нёбо’, эвен. *элръкън ~ элдъкън ~ өлдөкөн ~ эллъкън* ‘скула’, ‘висок’, ‘щека’.

Возможно, что с корнем этого слова связаны следующие топонимические названия:

эвенк. *эллэнӈӯ ~ эллэнӈэ̄ ~ элдэӈи ~ элдэӈэ*, эвен. *эликчэн ~ элин ~ өлин*, *элрэнӈъ ~ элдэнӈэ ~ элдэӈӈө ~ эллэ̄нӈъ*, нег. *элисимэх* ‘склон’, ‘крутизна’, ‘обрыв’, ‘спуск’, ‘косогор’.

1г. Кроме того, отмечены следующие названия для головы, черепа и головного мозга:

---

[7] См.: В. И. Ц и н ц и у с. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков, стр. 524—525.

эвенк. *гиранди*, уд. *дили геӕма^{h}ани* ‘череп’ (букв. ‘кости головы);
эвенк. *помбо* С-Б ‘голова’; ср. уд. *пумпу* ‘головной убор’;
сол. *утхā* ‘головной мозг’;
нег. *игдэ* Н ‘череп’;
нан., ма. *ҳото* ‘череп’, ‘плешь’, ‘лысина’;
ма. *оӈборо* ‘кость черепа’;
эвен. *н′окул* Алл, Мом ‘одна из костей черепа’ (задняя).

1д. К описанию наименований головного мозга можно присоединить отмеченное в эвенском языке обозначение мозжечка:
эвен. *мэрэлдивкэ* ‘мозжечок’; ср. эвен. *мэрэлдин-* ‘вращаться’, ‘вертеться’, ‘кружиться’, ‘виться’, ‘циркулировать’.

2. Т е м я, м а к у ш к а г о л о в ы. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков для передачи понятия «темя», а также «темечко, родничок у ребенка» (последнее — в эвен., нег., нан.), «череп» (в эвенк.) служит следующее слово:
эвенк. *тимулкэ̄н ~ тэмулкэ̄н ~ туӈулгэ̄н ~ туӈулкун ~ туӈулкэ̄н*, сол. *тумулкӣ*, эвен. *туӈук ~ туӈэк ~ туӈэлэк ~ тэӈэлэк*, нег. *тунимкин*, ороч. *тумаха*, уд. *тэмугэ*, нан. *тэмбилку*, ма. *туӈун*.

2а. В языках Приамурья имеется, кроме того, и другое наименование темени:
ульч., орок. *толпомӯ ~ торпомӯ*, нан. *торпоа̄*.

2б. Бóльшим объемом значений, т. е. не только как макушка головы, темени, но также как верхушка, вершина дерева, горы, обладает в тунгусо-маньчжурских языках слово с архетипом **порон*:
эвенк. *hорон ~ орон* ‘макушка’, ‘темя’, ‘череп’, ‘верхушка, вершина’ (дерева), ‘гребень’, ‘хохол’ (птичий), ‘конец, острие чего-л.’, ‘лука седла’, ‘зад, круп’ (животного); перен. ‘декабрь’, нег. *хоjо ~ хоjон* [< **hорон*], ороч. *ҳо̄(н-)*, ульч., орок. *поро(н-)*, нан. *порō̃ ~ форо(н-) ~ ҳорō̃* К-У ‘темя’, ‘макушка’, ‘верхушка, вершина’ (дерева, горы), сол. *орō̃* ‘горная вершина’, ‘горный перевал’, уд. *хо̄(н-)* посл. ‘над чем-л.’, ‘на чём-л.’, ма. *форон* ‘вихор на голове’, ‘кудри’ || ср.: ср.-мо. *horai*, п.-мо. *oroi*, монг., бур. *орой*, калм. *орā ~ орā̃* ‘темя’, ‘верхушка, вершина’ || ср. як. *оroi* [< мо.] ‘темя’, ‘макушка’, ‘верхушка’.

2в. Другое маньчжурское название для темени, родничка, макушки может быть сопоставлено с монгольским словом сходной семантики и, по-видимому, являющимся китайским заимствованием:
ма. *г′о̄ло ~ г′олу* ‘маковка’, ‘темя’, ‘головной убор, прическа у буддийцев’ ~ *ǯоло* уст. ‘головной череп’, ‘чертова голова’, ‘страшилище, чудовище’ [< кит. *цзя́о лу* (букв. ‘сознание + череп’)] || ср.: п.-мо. *ǯulai*, монг., бур. *зулай*, калм. *ǯulā̃* ‘темя’, ‘темечко, родничок’, ‘макушка’.

2г. Отметим ряд единичных названий для указанных выше понятий:

нег. *чолокйн* ‘темечко, родничок’;
ульч. *мугӯэ* ‘темя’;
нан. *дулкуми* ‘темя’.

3. З а т ы л о к. Одно из тунгусо-маньчжурских названий затылка, представленное в основном в северной подгруппе, по своему корневому составу с праформой **гэди* является общим с монгольским обозначением данной части головы, а также с тюркскими наречными словами со значением «назад», «после», «потом» и т. д. Интересно отметить, что нередко представления, ассоциируемые с затылком и косой, находят свое выражение в близких или одинаковых для них наименованиях:

эвенк. *гэдимук* ‘затылок’, *гэдикӣн* [< мо.] ‘коса’, *кэтэк* Алд, Олкм, Тунг. [< як.] ‘затылок’, *кинига* Вл [< як.] ‘затылок’, сол. *гэтхӣ* [< мо.] ‘коса’, эвен. *гэдэкэ*, нег. *гэдэмук*, уд. *гэдигэ* ‘затылок’ || ср.: п.-мо. *gede* ‘затылок’, *geǯege* ~ *geǯige* ‘коса’, ‘затылок’, монг. *гэзэг* ‘коса’, бур. *гэзэгэ* ‘коса’, ‘затылок’, калм. *gidǯ'gə* ‘затылок’ || ср.: др.-тюрк. *kidin* ‘назад’ [< *кеӈ* ‘зад’], *kininta* ‘позднее’, кирг. *кийин*, узб. *кейин* ‘после’, ‘затем’, ‘потом’, як. *кӓтӓх* [< мо.] ‘затылок’, ‘тыл’, ‘задняя сторона’, *кініӈӓ* ~ *кіріӈӓ* ‘затылок’, ‘загривок’.

За. Из монгольского заимствован следующий ряд названий для затылка:

эвенк. *сил* П-Т, Н ~ *шил* П-Т [< мо.] ‘затылок’, ма. *силда jали* ‘шейное мясо’, ‘затылок’, ‘зашеина’, ‘зарез’ || ср.: п.-мо. *šili*, монг. *шил(эн)*, бур. *шэлэ*, калм. *šil'* ‘затылок’, ‘загривок’.

сол. *дохо* [< мо.] ‘затылок’; ср.: нег. *дохн'апун* этн., уст. ‘женская повязка на лоб’, уд. *дуʰи* ‘головной мозг’, ма. *докǯих'ан* ‘выпуклый лоб’, ‘лобные бугры’ || ср.: п.-мо. *doxи* ~ *diхи*, монг. *дух*, бур. *духа* Аг ‘лоб’, ‘затылок’;

сол. *гавала* [< мо. < скр.] ‘затылок’ || ср.: п.-мо. *gabala* ~ *γabala* [< скр.], монг. *гавал* ‘череп’ || ср. скр. *kapāla*.

Зб. Для языков южной подгруппы, а также негидальского характерно название для затылка с праформой **апакаі*:

нег. *апахй* ‘затылок’, ‘загривок’, ‘шея’, перен. ‘обух’ (топора), ороч. *апакӕ*, ульч., нан. *апй* ‘затылок’, ‘висок’, орок. *апай* ‘висок’.

Зв. В эвенкийском, эвенском и орокском языках существуют, кроме того, особые названия для затылка, в частности затылочной части головы оленя, куда наносится удар при его убое: эвенк. *утумук* ~ *этымук*, эвен. *этэмэһэк* Ск, орок. *утуму*.

Зг. Семантически близко к последним названиям затылка одно из обозначений его в эвенском языке, а также наименование затылка, загривка в ульчском и маньчжурском:

эвен. *н'окул hитлэн* Алл ‘затылок’ (букв.: *н'окул* ‘место соединения задней кости черепа с другими костями’, *hитлэ(н)* ‘граница, место слияния, соприкосновение чего-л.’);

ульч. *гэки(н)* ‘затылок’, ‘загривок’, ма. *гэн* ‘загривок’ (у лошади), ‘кость, выступающая в тыльной стороне шеи’; ср.: *гэнчи-*

хэн ~ *гэнчэхэн* ‘край’, ‘полоса’, ‘грань’, ‘обух’, ‘тупая сторона ножа, меча’, *гэнчэхэлэ* ‘закраины дороги’, *гэнчэхэса-* ~ *гэнчэхэшэ-* ‘бить обухом, тупой стороной ножа, меча’;

3д. Наконец, отмечено еще одно название для затылка в орочском и удэйском языках и несколько его обозначений в маньчжурском:

ороч., уд. *кэкпэсэ* ‘затылок’;

ма. *сэксэхэ* ‘затылок’, ‘затылочная кость’;

ма. *гуӌгу* ‘затылок’, ‘затылочный бугор’, *гуӌгулу* ‘хохол у птицы’;

ма. *илдуфун* ~ *илдэфун* ‘затылок’, ‘шейный позвонок у свиньи’;

ма. *ӽу* ‘затылок’, *ӽу и да* ‘место, где оканчиваются волосы и начинается шея’.

4. Волосы (на голове человека), коса. В значении ‘волосы’ известно широко представленное в тунгусо-маньчжурских языках слово с праформой **н′ури-ктэ*, не отмеченное лишь в маньчжурском и чжурчженьском языках:

эвенк. *н′уриктэ*, сол. *нӯриктэ* ~ *нӯриттэ* ~ *нӯртэ* (*н′éрукта* ~ *нируктэ* ~ *н′уректе́* ~ *нурикте́* ~ *нуруктó*), эвен. *н′ирит* ~ *н′ӯрит* ~ *н′ӯрөт* [< **н′ӯриктэ*], нег. *н′ивуктэ* ~ *н′иjиктэ* ~ *н′иjуктэ* ~ *н′иуктэ* [< **н′уриктэ*], ороч., уд. *н′ӯктэ* [< *н′иjуктэ* < **н′уриктэ*], орок. *нуриктэ* ~ *н′ӣруктэ* [< **н′уриктэ*], нан. *нуктэ* ~ *н′иктэ* ~ *н′уктэ* [< *н′иjуктэ* < **н′уриктэ*] ~ *jуки* ~ *jукэ* ~ *jуктэ* [< *н′уктэ* < **н′уриктэ*] Снг, *н′ируктэ* К-У.

В солонском и негидальском языках это слово имеет еще дополнительное значение — ‘коса’, в эвенском и негидальском — ‘грива лошади’, в эвенкийском — ‘перо птицы’.

4а. В языках маньчжурском и чжурчженьском существует другое название для волос:

ма. *фун′эхэ*, чж. *fēn-yīh-li-hēi* ‘волосы на голове и теле человека’, ‘шерсть у животных’, ‘пух у птиц’.

4б. В ряде языков имеются названия, связанные с понятием ‘волосы’:

эвенк. *мумнэсил*, нег. *мумн′а* ‘пряди волос на лбу у висков’ || ср. орок. *мунги* ‘проседь, седые волосы’;

ма. *ӟилкин* ‘клок волос’;

ма. *сибӄари* ‘женские короткие волосы’;

ма. *сэчэн* ‘пробор у женщины’.

4в. Одно из наиболее распространенных названий для косы в тунгусо-маньчжурских языках, имеющее корневую основу **кили-*, семантически связано с глаголом ‘плести, заплетать косу’:

эвенк. *илчар* ~ *илчара*, *илчаркāн*, *илӟаптун* ~ *илчаптун* ‘коса’, ‘заплетенный’, ‘обмотанный’ (о косе), эвен. *йлчар*, *елчачак*, *елчаса*, нег. *йлча*, *йлчактӯ*, ороч. *илича* ~ *илча*, ульч. *сйлӯ*, орок. *сйлйта*, нан. *сйлй* ‘коса’ || ср. орок. *йллӯ* ‘веревка’ || ср.: эвенк. *илча-*, *илчари-*, эвен., нег. *йлча-*, ороч. *илича-* ~ *илча-*, ульч. *сйлӯ-*, орок. *сйлй-*, нан. *сйлй-*, *йлча-* К-У ‘плести, заплетать косу’, ‘обматывать косу’, ‘плести веревку из трех концов’.

4г. В орочском и удэйском языках отмечено следующее слово, обозначающее косу:

ороч., уд. *токта* ‘коса’ (волосы), ‘женская прическа’.

4д. Маньчжурский язык имеет особое название для косы:

ма. *сончоҳо* ‘коса’ (прическа), ‘наклейка на концах лука — роговая с зарубками’ (на которые надевается тетива).

4е. Что касается приводимых ниже наименований косы, то в данном случае мы имеем, по-видимому, дело с заимствованием из тюркских языков:

эвенк. *сāӡи* ‘коса’ (волосы), нег. *чачаха*, ороч. *чочоко*, уд. *чосо* ~ *чосокѳ* [< **чочоко*] ‘коса’ (заплетенные волосы у мужчин), ма. *шошоқу* ‘пучок волос’ (прическа женская), *шошон* ‘пучки волос’ (прическа детская) || ср.: др.-тюрк. *sač*, аз., тур. *šač*, туркм. *сач*, узб. *соч* ~ *чоч*, кирг., кумык., уйг. *чач*, хак. *сас*, башк. *сәс*, РСл *шаш*, чув. *ҫӳҫ*, як. *ас* ‘волосы’.

4ж. В некоторых эвенкийских говорах сохранились устаревшие наименования косы, традиционно переплетенной:

эвенк. *чирэ̄ӡ̌э* П-Т ~ *чирэ̄н* П-Т, Е, З ‘коса (волосы), обмотанная тесьмой’, *чирэптун* П-Т, Е, И ~ *сираптун* Н ‘коса’ (волосы), ‘тесьма для обматывания косы’, ‘ремешок, лента для связывания волос на макушке’, ‘Три волхва — созвездие’ || ср. эвенк. уст. *чирэл-* Н ‘переплетать, обматывать косу’ || ср.: п.-мо. *širildü-*, монг. *ширэлдэ-*, бур. *шэрэлдэ-* ‘сплетаться, спутываться, взъерошиваться’ (о волосах) || ср.: башк. *сырма-* ‘переплетать веревкой’, тат. *чорна-* ‘обмотать, обвить’.

4з. Устаревшим является также слово, отмечаемое в южной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков и связанное со старым обычаем убранства волос:

ороч. *патапти*, ульч., орок. *патаӈгй* ‘коса’ (волосы), орок. *патӣта* ‘прежняя национальная прическа’ (женская и мужская) || ср.: ороч. *патиги-* ‘заплетать косу’, ‘делать прическу’, ульч. *патӣӡӳ-* ‘перевязывать косу’.

Интересно отметить, что эти слова семантически связаны с понятием «девушка»:

ороч. *патала* ~ *хатала*, ульч., орок. *патала(н-)*, нан. *патала̃* ~ *ҳатала̃* К-У ‘девушка’, ‘незамужняя дочь’.

По-видимому, сюда же относится негидальский глагол *хатали̇ма-* ‘ходить ночевать к чужой женщине’. Все это гнездо слов соотносится с кор. *ттал* < **нтал* ‘девушка’; *тта-* < **pta-h-* ‘заплетать косу’, ‘вить веревку’.[8]

4и. К названиям прически можно отнести также следующее слово:

ма. *шулэр* ‘прическа, пучок волос’, ‘помет птичий’.

5. Л и ц о. Для обозначения этого понятия во всех тунгусо-маньчжурских языках существует общее слово с корневым эле-

---

[8] См. R. SKE, стр. 252, 259.

ментом **дэрэ-л* (~ *-γ*), различающееся лишь в некоторых из них своим фономорфологическим обликом:

эвенк., эвен., ма. *дэрэ*, сол. *дэргэ* (?), *дэрэл (дэрэ)*, нег. *дэγэл*, ороч. *дэ̄*, уд. *дэгди*, ульч. *дэрэ ~ дэрэγ*, орок. *дэрэ ~ дэрэл*, нан. *дэрэг ~ дэрэл*, чж. *t'éh-'óh* ‘лицо’.

В ряде языков это слово имеет дополнительные значения: эвенк. ‘морда животного’, ‘шкура с головы оленя’, ‘передок чего-л.’, ‘поверхность земли’, орок., нан. ‘щеки’, ‘скулы’, ма ‘вид’, ‘лицевая сторона’, ‘перед’.

Сопоставление таких значений, как ‘поверхность земли’, ‘лицевая сторона’, с имеющимся в большинстве тунгусо-маньчжурских языков названием для стола — эвенк. *дэривун* ‘стол’ (доска, на которой разрезают юколу), нег., ороч., ульч., нан., ма. *дэрэ*, чж. *t'éh-'óh* ‘стол’ — позволяет усматривать в словах, обозначающих лицо и поверхность — стол, общий корень с дальнейшим развитием и раздвоением его семантики.

5а. Ассоциация представлений о лице и внешнем виде, облике, цвете, окраске прослеживается на монгольском заимствовании в солонском и маньчжурском языках:

сол. *ш'ира* [< мо.] ‘лицо’, ма. *чира* [< мо.] ‘лицо’, ‘вид’, ‘облик’, ‘отражение’, ‘цвет’, ‘краска’ || ср.: п.-мо. *čirai* ‘лицо’, ‘физиономия’, ‘лик’, ‘облик’, монг. *царай зүс* парн. ‘лицо’, ‘внешний вид’, бур. *шарай* ‘лицо’, ‘физиономия’, ‘облик’, уст. ‘лик’ || ср.: башк. *сырай*, тат. *чырай*, казах. *ширай* [< мо.] ‘лицо’, ‘физиономия’, ‘черты лица’, ‘выражение лица’.

5б. Сходные семантические соотношения наблюдаются между следующими эвенкийскими и эвенскими параллелями:

эвен. *бāдэ* ‘лицо’, эвен. *бāд* ‘вид’, ‘наружность’, ‘облик’, ‘строение’, ‘форма’, ‘контур’, ‘очертание’, ‘цвет’, ‘окраска’, ‘масть’ || ср. нан. *бāр* ‘вид’ (о лице) || ср.: п.-мо. *bajdal*, монг. *байдал* ‘состояние’, ‘положение’, ‘обстановка’, ‘ситуация’, ‘вид’, ‘наружность’, бур. *байдал* ‘состояние’, ‘положение’, ‘ситуация’, ‘обстановка’.

5в. Кроме того, имеется еще ряд названий для лица:

эвенк. *кēва* А ‘лицо’; ср. *кēвама* Брг, Чмк ‘бледный’;

эвен. *ӣтӣ* ‘лицо, физиономия’;

эвен. фольк. *чӣлӣн* ‘лицо’;

нан. *сиулэ* ‘лицо’;

ма. *сабун* будд. ‘лик будды’, ‘лицо’, ‘вид’.

6. Лоб. Наиболее распространенным обозначением понятия «лоб» в тунгусо-маньчжурских языках является слово с праформой **nəjə̄*:

эвенк. *həjə̄ ~ hojo ~ əjə*, нег. *xəjə̄*, уд. *xəjə*, ульч., орок., нан. *nəjə ~ xəjə* К-У ~ *фэи* ‘лоб’, эвен. *həjə̄ ~ haja ~ əjə̄* Б ‘темя’, ‘макушка’ (головы), ‘верх, верхушка чего-л.’.

В эвенском языке это слово имеет значение ‘зенит’, ‘январь’ (как вершина года).

6а. В языках северной подгруппы лоб имеет и другое наименование:

эвенк. *омкото ~ омкочо ~ омкошо*, нег. *омкото*, эвен. *омқъ̇т ~ омқат ~ омкъ̇т ~ омкот ~ омкӱт ~ оӈқат*.

6б. В солонском языке для обозначения лба используется монгольское заимствование:

сол. *маӈил ~ маӈила* || ср.: п.-мо. *manglai*, монг., бур. *магнай* ‘лоб’ || ср.: башк. *маӈлай*, тат. *маӈгай*, кирг., казах. *маӈдай*, узб. *манглай* [< мо.] ‘лоб’, ‘чело’.

6в. В орочском существует особое название для лба и одновременно для виска:

ороч. *гулкэ ~ гулукэ*.

6г. В маньчжурском отмечено следующее слово:

ма. *шэӈгин* ‘лоб’, ‘нос’, ‘мыс’ (горы), ‘утес’ (над рекой), ‘чело’ (у печки); ср. *шэӈгинту* ист. [*шэӈгин* + *-ту*] ‘козырек’ (который носили в древности для прикрытия лба и висков).

7. Ухо (уши). Во всех тунгусо-маньчжурских языках, за исключением эвенского и удэйского, ухо (наружное), обозначается одним и тем же словом с праформой **сиан*:

эвенк. *сӗн ~ hӗн ~ шӗн*, сол. *ш'ӗ̄ ~ сан ~ се ~ с'ен* Ив., нег. *сӗн*, ороч. *сӕ̄(н-) ~ сӕ̄а(н-)*, ульч., орок. *сӗ̄(н-)*, нан. *с'а̄̃ ~ сйа̄̃ ~ сӕ̄(н-)* Бк, ма. *шан*, чж. *šā-hāh*.

В эвенском языке имеется слово этого же корня — *h'ақан ~ hӕ̄ққан ~ h"ӕ̄кӑ̄н ~ hйакъ̇н ~ сӑ̄ққан* Арм ‘серьга’; ср. эвенк. *сӗкӑ̄н ~ hӗкӑ̄н ~ шӗкӑ̄н* ‘серьга’. В Быстринском говоре эвенского языка слово с рассмотренной выше праформой, обозначающее ухо, сохранилось в словосочетании *ач ӕ̄на* [< **ач hӕ̄на*] ‘непослушный’ (букв. ‘безухий’).

7а. Довольно широко представлено также другое название для уха, ушной раковины с корневой морфемой **коро-*:

эвенк. *караку* В-Л ~ *карука* В-Л, С-Б ~ *корокто* М, Тмт ‘ухо’, ‘хрящ’, эвен. *қоръ̇т ~ коръ̇т ~ корат ~ корӱт ~ қорот* [< **коро-кто*] ‘ухо’, ‘ушная раковина’, ороч., ульч., орок. *қороқто* ‘ушная раковина’; ср. орок. *қоролон-* ‘шевелить ушами’.

7б. Интересно, что название для уха в удэйском языке восходит к той же праформе **кокори*, что и одно из маньчжурских обозначений ушной раковины:

уд. *ку‘аи ~ ко‘ои ~ко‘и* [< **кокори*] ‘ухо’, ма. *ҳоҳори*, *шан и ҳоҳори* ‘ушная раковина’.

7в. Понятие «ушная раковина» в маньчжурском языке передается также следующими словосочетаниями:

ма. *шан и абдаҳа* ‘ушная раковина’ (букв. ‘уха лист растения’);

ма. *шан и афаҳа* ‘ушная раковина’ (букв. ‘уха лист бумаги’).

7г. Следующие названия для уха и ушной раковины являются, по-видимому, монгольскими заимствованиями:

ма. *дэлби* ‘ухо’, ‘ушная раковина’ || ср.: п.-мо. *delbe ~ delbi*, монг. *дэлбэ* ‘лепесток’, ‘ушная раковина’;

ма. *дэрдэхун* ‘ухо’ || ср.: п.-мо. *dere*, монг. *дэр(эн)* ‘подушка’.

7д. В эвенкийском языке имеется особое название для среднего уха, с праформой **куру-м-са*, которое в других языках означает ‘ушная сера’:

эвенк. *урумӈā ~ орумӈā*, *урумӈāктэ* ‘среднее ухо’, эвен. *ӱрӱмръ̄ ~ ӱръ̄мдъ̄ ~ ӱръ̄мнъ̄* Б ~ *hӱромто*, нег. *оjомӈа*, уд. *унæ*, ульч. *ҳорамса*, орок. *ҳоропса* [< **хоро-м-са*], нан. *ҳоромса ~ оромса* К-У ‘ушная сера’.

7е. Ассоциация между представлением об ушной сере и ухе прослеживается также на материалах монгольских и тюркских языков; ср.:

эвенк. *кулука ~ кулуку ~ кулуγа* [< як.] вост. ‘ушная сера’ || ср.: др.-тюрк. *qulaq*, аз. *гулаг*, туркм. *гулак ~ гулаӄ*, тур. *kulak*, алт., кирг., тув. *кулак ~ ӄулаӄ*, ног *кулак ~ ӄӧлаӄ*, узб. *ӄулоӄ*, кумык. *къулакъ ~ кулак*, башк., тат. *ӄӧлаӄ* [~ *ӄӧлаӄ*], казах. *кулаӄ ~ кӧлаӄ*, хак. *хулах*, чув. *хӑлха ~ хы̆лҕа*, як. *кулгāх* ‘ухо’, *кулугу* ‘ушная сера’ || ср.: п.-мо. *хилиγи ~ хилии*, монг. *хулхи*, бур. *холхи ~ хулха* ‘ушная сера’, ‘внутреннее ухо’.

7ж. Кроме того, существует отдельное название для ушной серы в маньчжурском языке:

ма. *ҳосори ~ ҳусури* ‘ушная сера’, ‘перхоть’.

7з. Название для ушной мочки в эвенкийском языке представляет собой вторичное производное имя существительное от существительного *сēн* ‘ухо’:

эвенк. *сēкаптун* ‘ушная мочка’.

7и. Другое эвенкийское название для этой же части ушной раковины, по-видимому, является монгольским заимствованием:

эвенк. *бучи* Н ‘ушная мочка’ || ср. бур. *бутэгэ* ‘мочка уха’, ‘кончик пальца’.

7к. Что касается удэйского, нанайского и орочского обозначения ушной мочки, то в последних двух оно одновременно служит названием для гребня петуха:

уд. *чэмуктэ ~ чэмпуктэ* ‘ушная мочка’, орок. *тэмбуктэ* [< *чэмбуктэ*], нан. *чэмбуктэ ~ цэмуктэ* Бик ‘ушная мочка’, ‘гребень петуха’; ср. ульч. *чэмбуктэ ~ чэмбуэктэ ~ чэмбэктэ* ‘гребень петуха’.

7л. Следующие маньчжурские наименования ушной мочки представляют собой словосочетания со словом *шан*, образно передавая это понятие:

ма. *шан и суjхэ ~ шан и ҳоҳо* ‘ушная мочка’ (букв. ‘уха висячая гроздь’ ~ ‘кисть плода’, ‘стручок’).

7м. Наконец, можно привести некоторые маньчжурские названия для отдельных частей уха, составленных при этом по типу наименования для ушной мочки:

ма. *шан и уӈбала ~ уӈбала* ‘отверстие уха’ (*уӈбала* ‘отверстие уха’, ‘дупло дерева’);

ма. *шан и фэрэ* ‘внутренность уха’ (видимая) (*фэрэ* ‘дно’, ‘низ’);

ма. *шан и хэшэн* ~ *хэшэн* ‘край уха’ (*хэшэн* ‘край’, ‘закраина’);

ма. *шан и да* ‘задняя часть уха’ (*да* ‘корень растения’, ‘пень’)’;

ма. *шан и сэн* ‘дырочка в ухе для серьги’ (*сэн* ‘скважина’, ‘отверстие’);

ма. *шан и дэлби* ~ *дэлби* ‘задняя часть краёв уха’ (*дэлбин* ‘оторочка’, ‘кайма’).

Последнее словосочетание имеет, по-видимому, в своем составе монгольское заимствование (ср. стр. 278).

8. Г л а з, -а. Понятие «глаз» передается во всех без исключения тунгусо-маньчжурских языках одним общим словом с праформой **ja-ca*:

эвенк. *ēca*, сол. *ӣсал* (*jасиле* ~ *jеса* ~ *jеше* ~ *еша* Ив.), эвен. *ǣсъ̄л* ~ *ǣсол* ~ *jāсал* ~ *jāhъ̄л* ~ *já̄шал* К-О ~ *jāтла* [< **jасал*] Арм, нег. *ēca*, ороч. *иса*(**л*-) [< **ēсал*], уд. *je*^{h}*æ*, ульч. *ӣсал* ~ *ӣсалӣ*, орок. *ӣса* ~ *ӣсал* ~ *ӣсала*, нан. *насал* ~ *ӣсал* ~ *ӣсала* К-У, ма. *jаса*, чж. *yâ-šī*.

В эвенском, негидальском и во всех языках южной подгруппы это слово употребляется в переносном значении — ‘ячея рыболовной сети, невода’. В негидальском и орочском оно означает также ‘зернышко, крупинка’, в маньчжурском — ‘глазок’ (круглое отверстие в чем-л.).

Маньчжурское сочетание *jаса салиɣан* (*салиɣан* ‘самостоятельность’, ‘устойчивость’) обозначает (будд.) ‘орган, чувство зрения’, подобно тому, как *шан и салиɣан* имеет значение — ‘орган, чувство слуха’.

8а. В северо-байкальском говоре эвенкийского языка, а также в солонском языке для названия глаза используется монгольское заимствование:

эвенк. *н'ундун* С-Б [< *мо.*], сол. *ниде* ~ *нидо* ~ *нидэ* [< мо.] ‘глаз’; ср. уд. *н'иӯигэ* ‘радужная оболочка глаза’ || ср.: п.-мо. *nidü(n)*, монг. *нүд(эн)*, бур. *нюдэ(н)*, калм. *nüdn̥* ‘глаз’ || ср. кор. *нун* ‘глаз’.

8б. В восточных говорах эвенкийского языка встречается обозначение глаза, заимствованное из якутского языка:

эвенк. *килатар* Учр иноск. ‘глаз’ || ср. як. *кылытар* ‘зрение’.

8в. В некоторых языках имеются наименования для глазного яблока:

ороч. *кēкта* ‘глазное яблоко’; ср.: эвенк. *кēкта*, ороч. *киакта*, ульч. *ӄйаӄта* ~ *кйjаӄта* ~ *к'аӄта*, нан. *кǣӽта*, ма. *ӄаjӄамари* ~ *ӄаjӄари* ‘раковина’;

орок. *нарйа* ‘глазное яблоко’;

ма. *jаса ӽунтаӽан* ~ *jаса ӽунтаӽа* ‘глазное яблоко’, ‘глазная впадина’ (*ӽунтаӽа* ~ *ӽунтаӽан* ‘чарка для питья в виде обращенного вверх колокольчика’).

8г. В ряде других языков отмечены названия для белка, роговой оболочки глаза:

эвен. *бэлтэн′э* ‘роговая оболочка’, ‘выпуклый’ (о глазах), ‘пучеглазый’, нег. *бэлтэ* ‘белок глаза’; ср.: ма. *бултаҳун* ‘выпуклый’, ‘на выкате’ (о глазах), эвенк. *бултэлэ̄мэ*, *бултэркэ̄н* ‘пучеглазый’;

уд. *кеæл′укта* Бик, Смрг ‘белок глаза’.

8д. Существуют также названия для зрачка:

эвенк., уд., ульч., орок. *були*, эвен. *були* ~ *булин* ‘зрачок’;

эвенк. *ичэмук* ‘зрачок’, ‘хрусталик’ (глаза), ‘веко’; ср. *ичэ-* ‘видеть’.

8е. В Алданском говоре эвенкийского языка обозначение зрачка, а также ресниц представляет собой якутское заимствование:

эвенк. *кэ̄ламан* Алд [< як.] ‘зрачок’, ‘ресницы’ || ср. як. *кыламан* ‘ресница’, ‘веко’.

8ж. Солонское наименование зрачка стоит, по-видимому, в семантической связи со словами «щель», «щелка», «отверстие»:

сол. *анахэ̄* ‘зрачок’; ср. *ана* ‘щель’, ‘отверстие’.

8з. Ульчское обозначение зрачка связано с понятием «черный, темный»:

ульч. *саҳарйӈта* ‘зрачок’; ср. *саҳарй(н-)* ‘черный’.

8л. Что же касается нанайского и маньчжурского языков, то в них наименование для зрачка этимологизируется как ‘ядро’, ‘косточка плода’:

нан. *фаца* Бк [< ма.] ‘зрачок’, ма. *фаҳа* ‘ядро’, ‘косточка плода’, ‘зерно’, ‘семя’, перен. ‘зрачок’, *јаса ј фаҳа* ‘зрачок’; ср.: *фаҳана-* ‘наливаться зернам, колосу’, *фаҳара-* ‘лущить орехи’.

8к. Слово *фаҳа* используется еще в двух маньчжурских наименованиях для зрачка:

ма. *ҳожо фаҳа* ‘зрачок’, ‘глазочек мой’ (ласковое обращение к детям) (*ҳожо* ‘красивый, пригожий’);

ма. *н′он′о* ~ *н′он′о фаҳа* ‘зрачок’, ‘глазочек мой’; ср.: эвенк. *н′ундун*, сол. *ниде* ~ *нидо* ~ *нидэ* ‘глаз’.

8л. В некоторых языках представлены названия для слезного уголка:

эвенк. *чакарва* ~ *чо̄кавран* ~ *чокомӣ*, эвен. *чакарба* ~ *чаӄарба* ~ *чокъ̀ррон* ‘слезный уголок’, ‘внутренняя сторона века’;

нег. *хохйн*, нан. *поко̄* ‘слезный уголок’;

орок. *аралда̄н′й* ‘слезный уголок’.

8м. В эвенкийском языке существует, кроме того, слово, обозначающее ‘слезный уголок’, корень которого является общим с глаголом ‘плакать’. Этим же словом, подобно тому как и в негидальском языке, передается понятие «нижнее веко»:

эвенк. *ин′амуксан* ‘слезный уголок’, ‘нижнее веко’, *ин′аму-* ~ *инаму-* ‘плакать’, нег. *ин′амуксан* ‘нижнее веко’.

Ту же самую корневую основу имеет эвенское обозначение некоторых других частей глаза:

эвен. *йнӈъ ~ йӈно* ‘стекловидное тело глаза’, ‘глаза оленя’ (вареные — лакомство), ‘слезная железа’ (см. также стр. 269).

8н. В связи с обозначениями отдельных частей глаза можно указать еще на следующие названия, отмеченные в маньчжурском языке:

ма. *jaca ҳошо ~ jaca j ҳошо* ‘угол глаза’ (*ҳошо* ‘угол’);

ма. *амба ҳошо* ‘внутренний угол глаза’ (букв. ‘большой угол’);

ма. *аǯигэ ҳошо* ‘внешний, наружный угол глаза’ (букв. ‘малый угол’).

9. Б р о в ь, -и, р е с н и ц а, -ы, в е к о, -и. Эти три понятия в большинстве тунгусо-маньчжурских языков передаются обычно фонетическими вариантами одних и тех же слов. К наиболее распространенным из них относится следующее, по-видимому общее с монгольским обозначением ресниц, с архетипом **сари-му-кта ~ *сори-му-сун*:

эвенк. *сарамукта ~ саремикта ~ саримикта ~ саримитта ~ ~ саримукта ~ сармикта ~ сиривикто ~ hаримикта ~ hаримукта ~ hарумукта ~ шаремикта*, нег. *сайӣмта* [< **сарӣмӣкта*], ульч. *сарӯмта* [< **сарӯмӣӄта*], нан. *сармаӄта ~ сармӣӄта ~ сармæӄта* ‘бровь, -и’, ‘ресница, -ы’, эвен. *hаръмтъ* [< **сариӣмӣкта*] ~ *аръмтъ* Б ~ *hаръмта* ‘ресница, -ы’, ‘бровь, -и’, ‘веко, -и’, уд. *сāмикта* [< **сайимикта* < **саримикта*], орок. *серемӯкта ~ сӣрмӯкта ~ сӣрӯмӯкта*, ма. *солмин* ‘ресницы’, сол. *саммикта ~ саммитта ~ сармилта ~ сармитта* [< **сармикта*] ~ *саремікте ~ сармукто*, ороч. *сāмикта* [< **сайимикта* < **саримикта*] ‘бровь, -и’ || ср.: п.-мо. *sormusun*, монг. *сормос ~ сормуус*, бур. *hорьмоhон*, калм. *sorm̥sn̥ ~ sor°msn̥* ‘ресницы’; ср.: монг. *сор*, бур. *hорьмой* ‘ость’ (у меха).

9а. В северной подгруппе ‘ресница, -ы’, ‘бровь, -и’ и ’веко, -и’ называются, кроме того, словом, которое можно связать с обозначением ресницы в тюркских языках:

эвенк. *киримкин*, нег. *кӣмкӣ ~ кийумки* ‘ресница, -ы’, эвен. *киримки ~ киримкин* ‘бровь, -и’, ‘веко, -и’, *киримкин инӈотын* ‘ресницы’ || ср.: др.-тюрк., тур. *kirpik*, аз., каракалп., кирг., кумык., туркм., узб., уйг. *кирпик*, тув., хак., башк. *керпек*, тат. *керфек*, чув. *хӑрпӑк* (*хырпык*) ‘ресница’.

9б. Для обозначения этих же понятий в эвенкийском языке существует следующее слово с корневой праформой **пурими-*:

эвенк. *hуримикта ~ hуримукта ~ уримикта* ‘веко’, ‘ресница’, ‘бровь’.

Корневая основа приведенного слова является общей с глаголом ‘моргать’, ‘мигать’ во всех языках северной подгруппы, за исключением солонского; ср.: эвенк. *hурим- ~ сурум-* [< **hурим-*] ~ *урими- ~ hорими- ~ hурум-*, эвен. *hӯръм- ~ ӯръм- ~ hӯ-*

рам- ~ *hўром-*, нег. *хојўм-* ~ *хојўм-* ‘моргать’, ‘мигать’; ср.: нан. *порўа-*, *порўа бӣ-* ‘нахмуриться’.

9в. Близким по звучанию этому слову является другое наименование для век и ресниц, сходное с монгольским:

сол. *хурумулт* ~ *хурмултэ* ~ *хурмуттэ* ‘ресницы’, ‘веки’, нан. *кумуктэ*, ма. *хумсу* ~ *хумсун* ‘веки’ || ср.: п.-мо. *kөtüsge*, монг. *хөмсөг*, калм. *kömṣkə* ‘брови’, бур. *хүмэдэхэ* ‘брови’, ‘надбровные дуги’.

9г. В алданском говоре эвенкийского языка употребляется, как уже указывалось выше, якутское название для ресниц:

эвенк. *келаман* [< як. *кыламан*] ‘ресницы’ (см. стр. 281).

9д. Для обозначения понятия «бровь, -и» в эвенкийском языке имеется существительное, которое можно поставить в связь по ассоциативным представлениям со словом *мӣрэ* ‘плечо’:

эвенк. *мӣрэ-ктэ* ‘бровь, -и’.

9е. Одно из удэйских названий для век этимологизируется как производное от глагола «прикрыть», «закрыть»:

уд. *кэмпуктэ* Бик ‘веки’; ср. *кэмп'и-* Бик ‘прикрепить’, ‘закрыть’.

9ж. Приведем еще некоторые названия для ресниц, бровей и век:

ороч. *гулагӧ* ‘ресницы’, уд. *гулугэ* ‘брови’;
нег. *н'уин'аки* ‘брови’;
ма. *фајтан*, чж. *fêi-t'áh* ‘брови’;
ма. *фэхэрэн* ‘междубровье’;
уд. *чимуктэ* ‘веки’;
ма. *јаса ј ǯэрин* ‘веко (букв. ‘край глаза’).

10. Н о с. С названием носа как части лица обычно связано представление о выдающихся вперед различных предметах (клюв птицы, нос лодки, мыс и т. д.), что находит свое подтверждение и в рассматриваемом разделе лексики тунгусо-маньчжурских языков, в частности на примере семантической филиации слова с корневым архетипом **коӈ-*:

эвенк. *оӈо* ~ *эӈэ* ‘нос лодки’, ‘передние отростки рогов оленя’, *оӈокто* ~ *оноктo* ~ *омоктo* ~ *hоӈоктo* ~ *эӈэктэ* ‘нос’, ‘переносица’, ‘ноздря’, ‘клюв’, сол. *оноктo* ~ *онуктo* ~ *аниоктo* Ив. ‘нос’, эвен. *оӈът* ~ *оӈат* ~ *оӈот* [< **оӈоктo*] ‘нос’, ‘клюв’, ‘мыс’, нег. *оно* ‘нос лодки’, *оноктo* ~ *оноктo* ‘нос’, ‘клюв’, ‘носок обуви’, *хоӈко* [< ульч.] ‘нос лодки’, ‘мыс’, ороч., ульч., нан. *ҳоӈҡо*, ма. *ҳоӈко* ~ *ҳоӈку* ‘нос лодки’, ‘мыс’, ‘утес’, *эӈгэ* ‘клюв’.

10а. С приведенным выше словом с корнем **коӈ-*, по-видимому, связаны монгольские названия близкой семантики, которые отмечены также в некоторых тюркских языках и, в качестве вторичного заимствования, в маньчжурском:

ма. *ҳансари* ~ *ҳансири* ~ *ҳайсари* ~ *ҳаншара* ‘переносье’, ‘часть узды на переносье’ || ср.: п.-мо. *xongsijar*, монг. *хоншоор* ‘морда’, ‘рыло’, ‘носок’, ‘кончик’, ‘конец’, бур. *хоншоор* ‘морда’, ‘рыло’,

'клюв', 'выступ', 'нос', 'кончик', 'конец', калм. *χoŋšār* 'клюв', 'длинный нос' || ср.: РСл *каӈшар* 'носовая кость, верхний край носа от переносицы до конца носа', РСл *каӈжыр* 'переносье', 'переносица', як. *хаӈсāр* ~ *хāӈсāр* ~ *хоӈсōр* 'нос', 'носовая перегородка', 'ноздри', 'верхняя челюсть' (с переносицей и глазной орбитой).

10б. Следующее название носа в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, по-видимому, может быть поставлено в связь со значениями 'запах', 'пахнуть', 'нюхать':

ороч. *н'иксо*, уд. *ӈуʰө*, ульч. *вақса*, орок. *ӈақса*, нан. *ӈоқсо* 'нос'; ср.: эвенк., эвен. *ӈō*, ма. *ва* 'запах'; ср.: эвенк. *ӈō-* 'пахнуть', *ӈōкта-*, *ӈōсу-* ~ *ӈōhи-* 'нюхать', нег. *ӈō-*, *ӈōси-* 'пахнуть', уд. *ӈуhоси-* ~ *ӈоhөси-* ~ *ӈоиси-* 'нюхать'.

10в. В отдельных тунгусо-маньчжурских языках существует, помимо указанных выше, еще ряд обозначений носа:

эвенк. *hатан* И 'нос', 'клюв';

эвенк. *hуллир* П-Т 'нос' (зверя);

сол. *нēнча* ~ *н'ансэ* ~ *н'инǯа* 'нос', эвен. *н'ēс* ~ *ӈēс* 'нос', 'клюв', 'мыс', нег. *н'асин* 'нос' (медведя), ма. *н'аси јали*, *н'аша* 'десна' || ср. бур. *няасагар* 'приплюснутый' (о носе);

нан. *офоро* ~ *опоро* [< ма.] Бк 'нос', ма. *офоро* 'нос', 'мыс', 'вершина';

ма. *офоро и дубэ* 'кончик носа' (*дубэ* 'конец, окончание чего-л.').

10г. В ряде языков отмечены названия для переносицы:

эвенк. *удуру* ~ *удурэ* 'переносица', 'морда' (животного), 'клюв' (птицы);

эвен. *н'йкъ̇лчан* ~ *н'акалчй* 'переносица', нег. *н'йхйлчан* 'переносица', 'союзка' (кожаная нашивка на носок и подъем мужских меховых унтов);

ульч. *ҳӱра(н-)* 'переносица', ма. *хурэн* 'носовой хрящ, горбина';

нан. *қомон* 'переносица', 'лицо';

ма. *офоро и да* 'переносица' (букв. 'корень носа').

10д. В маньчжурском языке существует особое название для кончика носа, которое в чжурчженьском обозначает нос и которому, по его корневому элементу, имеется соответствие в названии носовой серьги в ряде тунгусо-маньчжурских языков:

ма. *соӈгин* ~ *суӈгин* ~ *соӈгиҳа* ~ *суӈн'аҳа* 'кончик носа', 'кольцо' (вдеваемое в нос быку), 'кляп деревянный' (вдеваемый в нос волам, верблюдам), 'удила', 'сторожок у ловушки', 'пряжка, бляха у сайдака'; ср.: ороч. *санǯаха* ~ *санǯиха*, ульч., нан. *санǯаҳа*, уд. *санǯеʰæ* 'серьга' (носовая), чж. *šuāng-kîh* 'нос'.

10е. К наиболее распространенному названию ноздри относится:

эвенк. *сēлун* ~ *hēлун* ~ *шēлун*, эвен. *hǣлун* ~ *h'алун* ~ *hēлун* ~ *ǣлун*, нег. *сēлун*, уд. *салу(н)*.

10ж. В эвенкийских говорах для обозначения ноздри используются, кроме того, монголизмы:

эвенк. *сармака* [< мо.] К. 'ноздря', 'крыло носа' || ср. монг. *самсаа(н)*, *хамрын самсаа* 'крылья носа';

эвенк. *танāhун* [< мо.] К. 'ноздря', 'крыло носа' || ср.: п.-мо. *tanaγa* 'носовая перегородка', бур. *танаа* 'ложбинка', 'выемка', 'впадинка', *хамарай танаа* 'переносица', 'носовая перегородка', калм. *tanā*, *x̧amr̥rīn tanā* 'углубление у крыльев носа' || ср. як. *таны̄* 'ноздря', 'носовая полость', 'крыло носа' || ср.: башк. *танау* 'нос', тат. *танау* 'морда', диал. 'нос', чув. *tuna* [< **tanag*] 'морда'.

10з. Существуют еще несколько названий для ноздри в тунгусо-маньчжурских языках:

эвенк. *талака* Учр 'ноздря';

ороч. *сэнуӈа* 'ноздря'; ср. нан. *сэǯурã* 'носовая кость';

орок. *сōпто* 'ноздря';

ма. *фэтэри* 'ноздря'; ср. ма. *фэртэн* 'мясо на боках ноздри', *фэтэрилэ-* 'фыркать носом', 'шевелить ноздрями';

ма. *офоро и саӈҕа* 'ноздря' (букв. 'отверстие носа').

10и. В ульчском языке имеется особое обозначение для носовой перегородки:

ульч. *су(н-)* 'носовая перегородка'.

10к. Маньчжурский язык использует некоторые сочетания слов со словом *офоро* 'нос' для обозначения хряща, находящегося между ноздрями, т. е. носовой перегородки:

ма. *офоро тура*, *офоро курэн*, *офоро суӈгин* 'хрящ между ноздрями' (букв. 'подпорка носа, загородка носа, кончик носа').

10л. В маньчжурском языке также употребляется специальное слово для названия впадин по обеим сторонам носа у ноздрей:

ма. *ӄоби* 'впадины у ноздрей'.

11. Щ е к а, -и, с к у л а, -ы, в и с о к, в и с к и. В связи с тем что такие понятия, как «щека», «скула, скуловая кость», «висок», а также «челюсть», нередко не расчленяются, относящиеся к ним названия в тунгусо-маньчжурских языках переплетаются между собой. Наиболее распространенным названием для щеки является следующее:

эвенк. *анчāн* ~ *анчан* ~ *анǯан* ~ *hан'чан* 'щека', 'скула', сол. *анчã* (~ *ан'ча* ~ *ан'чун* Ив.), эвен. *ан'чин* Б, Ох ~ *ан'чи* Арм, нег. *анчāн* ~ *анча* ~ *ан'ча*, ульч., орок., нан. *андасӣ* 'щека'; ср. ма. *анчун* 'серьга в ушах'.

Значения 'скула, скуловая кость', а также 'боковая пластинка в оленьем недоуздке' отмечаются для приведенного слова в эвенкийском языке. В эвенском языке в нем преобладает представление о пространстве около чего-л.

11а. Широко употребляемое в эвенских говорах название для щеки и скулы может иметь также значение 'висок', что отмечается и для эвенкийского, негидальского и удэйского языков:

эвенк. *hēчāн* П-Т ~ *сēчан* Н 'висок', эвен. *hēчэн* ~ *hиечөн* ~ *häчан* 'щека', 'скула', 'висок', нег. *хēчāн* 'скула', 'висок', ороч.

хиапта ~ *хиача* ‘скула’, уд. *кеæмикта* Ан ‘висок’; ср. ульч. *пē* ‘жаберная крышка у рыбы’ || ср. кор. *ппям* ~ *ппам* ‘щека’.

11б. Кроме указанного выше названия для виска в эвенкийских восточных говорах используется якутское заимствование:

эвенк. *чанчик* ~ *чинчак* [< як.] Алд, Сх, Учр ‘висок’ || ср. як. *ǯаӈчык* ~ *ǯоӈǯук* ~ *чанчык* ~ *чаӈчык* ~ *чäнчік* ‘висок’, ‘волосы на висках’, ‘боковая сторона чего-л.’ (например, оконечности пальца, камелька); ср.: др.-тюрк. *jan*, тур. *yan*, башк., тат., туркм. *ян*, кирг. *жан* ‘сторона, бок’.

11в. В этих же эвенкийских говорах бытует и другое якутское заимствование со значением ‘висок’, по-видимому, монгольского происхождения:

эвенк. *чавургэj* ~ *чавуркаj* ~ *чибиргаj* Алд, Сх, Урм [< як.] ‘висок’ || ср.: п.-мо. *čitarxai*, монг. *чамархай*, бур. *сабиргай* ‘висок’ || ср. як. *чабырҕаі* ~ *чабарҕаі* ~ *чабархаі* ‘надбровная кость’ (дуга), ‘надбровье’, ‘висок’, ‘подбородок’; ср.: РСл *саамай*, башк. *һамай*, казах. *самай* ‘висок’.

11г. Предлагаемые ниже тунгусо-маньчжурские наименования виска являются, по всей вероятности, монголизмами, которые в языке — источнике заимствования указывают на ассоциацию представления о виске как части лба:

эвенк. *чакар* Е, С-Б, Ткм ‘висок’, ‘веко’, сол. *сохо* [< мо.] ‘висок’, ма. *чоки* ‘выпуклость на лбу’, ‘крутолобый’ || ср.: п.-мо. *čохи*, монг. *цох* ‘теменные бугры’, ‘середина верхней части лба’, бур. *сохо* ‘лоб’, ‘висок’, калм. *tsox*^{0} ‘висок’ || ср. як. *чоҕо* ‘что-л. выпуклое, выступающее’; ср.: узб. *чакка*, башк. *сикä* ~ *сикэ* ‘висок’.

11д. Второе солонское название для щеки представляет собой также монгольское заимствование:

сол. *һацира* Ив. ‘щека’ || ср.: п.-мо. *хасаr*, монг. *хацар*, бур. *хасар* ‘щека’.

11е. В некоторых тунгусо-маньчжурских языках существует особое наименование для внутренней стороны щеки, с корневым архетипом **пул-*, близко напоминающим корейское наименование для щеки:

эвен. *нулрън*, ульч. *пӯли*, *пӯлтӯ(н-)* ~ *пӯрпӯ(н-)*, орок. *пӯлчӣ*, нан. *полпӣ* ‘щека’ (внутренняя сторона), ма. *фулǯин* ~ *фулчин* ‘щека’ || ср. кор. *пол* ‘щека’, ‘сторона’.

Приведенные названия в ульчском и маньчжурском языках имеют также значение ‘скула’. В Бикинском говоре нанайского языка маньчжуризм *фэлчэ* употребляется в значении ‘десна’.

11ж. Кроме указанного выше в маньчжурском языке есть еще одно название для внутренней стороны щеки, скулы:

ма. *ҳолин* ‘внутренняя сторона щеки, скулы’.

11з. Далее, укажем на ряд названий для щеки в отдельных языках:

эвенк. *паγ* В-Л ‘щека’;

уд. *саса* ‘щека’;
ма. *шақшаҳа* ‘щека’, ‘челюсть’ (у животных), ‘жабры’.

11и. В южной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков в значении ‘скула’ употребляются наименования, по звучанию близко напоминающие приведенные выше якутские названия для виска (см. стр. 286):

ульч. *ǯажйкта*, нан. *ǯаӈǯйҳта* ‘скула’, ма. *ǯажин* ‘стог’, ‘скирд’, *ǯажин јали* ‘мясо на щеках’, мед. ‘свинка’.

11к. В нескольких из языков представлены следующие обозначения для виска:

эвенк. *ǯēракта* Чмк, ульч. *ǯорокта ~ ǯўрйқта*, орок. *дуруликтэ*, нан. *ǯороқто* ‘висок’.

11л. Одно из эвенкийских названий для виска находит себе параллель в орочском наименовании лба:

эвенк. *гувулкэ* Н, Ткм ‘висок’; ср. ороч. *гулкэ ~ гулукэ* ‘лоб’ (см. стр. 278).

11м. Приведем еще некоторые обозначения виска, не указанные ранее:

эвен. *hајймчйн ~ hајъмчън ~ ајймчйн* ‘висок’;
ма. *шулу* ‘висок’;
ма. *судан*, *судаму* ‘висок’, ‘волосы’ на висках.

12. Подбородок, челюсть (нижняя). Как уже указывалось выше, обозначение челюсти нередко переплетается с названием для щеки, скулы, виска, что объясняется, по-видимому, анатомическим строением нижней челюсти. При этом, естественно, названия для нижней челюсти, которыми располагают тунгусо-маньчжурские языки, обычно совпадают также с обозначением подбородка. Наиболее распространенным наименованием для нижней челюсти и подбородка в тунгусо-маньчжурских языках является слово с праформой **гиа-кан*, семантика которого отклоняется в солонском, эвенском а также ульчском языках:

эвенк. *гēкāн*, нег. *гēкāн ~ гēхāн*, орок. *геγа(н-) ~ гæқа ~ гйақа* ‘нижняя челюсть’, ‘подбородок’, ороч. *гиа(н)*, *гианча* ‘скула’, ульч. *гйа(н)* [< **гиакан*] ‘челюсть’, ‘пасть’, нан. *гйа̃ ~ гǣ(н) ~ гйкан* К-У ‘челюсть’, сол. *гӣхā̃* ‘языковая кость’, эвен. *гǣқан* ‘гортань’, ‘маленький язычок’ (увуля).

В нанайском языке приведенное выше слово имеет, кроме того, переносное значение — ‘веревка на конце невода’.

12а. В эвенкийском, солонском и удейском языках нижняя челюсть и подбородок обозначаются также следующим образом:

эвенк. *ǯэв ~ ǯэγ ~ ǯэј*, уд. *ǯэи* ‘нижняя челюсть’, сол. *ǯаγи ~ ǯэги* ‘подбородок’; ср. нан. *ǯэјлэ̄* ‘шнур для завязывания под подбородком’ (у шапки охотничьей, шаманской).

12б. В некоторых говорах эвенкийского языка и в эвенском языке употребляются, помимо того, и другие наименования:

эвенк. *кэвэ* Сх, Урм, Чмк ‘челюсть’, эвен. *кэвэ̄ ~ кэбэ̄* ‘нижняя челюсть’, ‘подбородок’.

Представляет интерес переносное значение этого слова в илимпийском и сахалинском говорах эвенкийского языка — ʻкостяная пластинка с зубчиками' (приспособление в недоуздке для тренировки оленя в упряжке).

12в. Ниже приводятся названия для челюсти и подбородка, встречающиеся в отдельных тунгусо-маньчжурских языках:

эвенк. *ӣкэ ~ ӣкэн* ʻнижняя челюсть', ʻподбородок', ʻвисочная кость', ʻзуб-резец';

ульч. *сэсэхэ*, нан. *сэсэхэ ~ сэсхэ ~ сэчхэ*, ма. *сэнчэхэ* ʻподбородок' ‖ ср. як. *чэчэҕэj* ʻвисок';

ма. *мул'ан* ʻчелюсть', ʻжабры', перен. ʻперекладина на двух столбиках у палатки'; ср. *мул'а-*, *мулина-* ʻглотать'.

13. Борода, усы. Понятия «борода», «усы» у всех тунгусо-маньчжурских народностей выражаются чаще всего одним и тем же словом. Наиболее широко представлено не отмеченное лишь в маньчжурском и чжурчженьском языках следующее название с корневой праформой **гурга-*:

эвенк. *гургакта*, сол. *гуггакта ~ гургакта ~ гуруакта*, эвен. *гӯргът* [< **гургакта*], нег. *гоjгакта* [< **гургакта*], ороч. *баӡакта ~ гуггакта*, уд. *гуакта*, ульч. *бӯӡақта*, орок. *гӯдақта ~ гӯӡақта*, нан. *боҕақта ~ боӡақта ~ ҕоҕақта* К-У ʻборода, усы'.

13а. Кроме того, в этом же значении в некоторых языках употребляется слово, общее с монгольскими и тюркскими языками:

эвенк. *сакал* С-Б [< мо], ма. *салу* ʻборода', сол. *саҕалá ~ сáҕала*, нан. *сало/ӯ* [< ма.] ʻборода, усы' ‖ ср: ср.-мо., п.-мо. *saqal*, монг. *сахал*, бур. *нахал*, калм. *saχal* ʻборода, усы' ‖ ср.: др.-тюрк. *saqal*, аз. *саггал*, туркм. *сакгал*, РСл. *сагал*, хак. *саҕал*, башк. *накал*, казах., каракалп., тат., уйг. *сақал*, кумык. *сакъал*, тур. *sakal*, узб. *соқол*, чув. *сухал*, тув. *сал* ʻборода'.

13б. Отмеченное в кур-урмийском говоре нанайского языка обозначение бороды и усов этимологически может быть связано с названием волос на лобке:

нан. *сапсоқта* К-У ʻборода, усы'; ср.: нан. *сафала* Снг, ма. *сабула* ʻволосы на лобке'.

13в. Интересно по своему фонетическому облику и возможным связям с обозначением волос, шерсти в монгольских языках следующее солонское слово:

сол. *пӯсэлэ̄* ʻбородатый' ‖ ср.: п.-мо. *üsün*, монг. *ус(эн)*, бур. *үһэ(н)*, калм. *üsn̥* ʻволосы', ʻшерсть', ʻусы', а также: п.-мо. *üsülig*, монг. *услэг*, бур. *үһэлиг* ʻволосатый', ʻпушной'.

14. Рот (уста). Тунгусо-маньчжурское название для рта характеризуется общим с монгольским корнем — **ама-*:

эвенк. *амӈа ~ амма*, сол. *амма ~ аӈгаi* Ив., эвен. *амӈъ ~ амӈа ~ амӈо ~ амга ~ аӈ*, нег. *амӈа*, ороч. *амма*, уд., ульч. *аӈма*, орок. *амӈа ~ аӈма*, нан. *амӈа ~ аӈма ~ амга ~ амгэ* ʻрот, уста', ʻпасть', ма. *аӈҕа* ʻрот, уста', ʻпасть', ʻклюв', чж. *'an-hāh(kā)*

'рот' || ср.: п.-мо. *ама*, монг. *ам* 'рот, уста', бур. *аман* 'рот, уста', 'слово', 'язык'.

Помимо значения 'рот, уста' указанное слово почти во всех тунгусо-маньчжурских и монгольских языках означает любое 'отверстие', 'вход', 'проход в нору, берлогу', а в нанайском и бурятском — переносно — 'слово', 'речь'.

В маньчжурском языке корневой элемент **ама-* в более близком фонетическом виде прослеживается в ряде следующих слов:

ма. *амҳулан* [< *ам* 'рот' + *ҳула* + *н-* 'призывать'] 'свисток для приманивания зверей', *амчада-* ~ *амчата-* 'кричать', 'ругать'.

14а. Маньчжурский язык имеет особое обозначение для углов рта, которое может быть сопоставлено с аналогичным обозначением этого понятия в бурятском и якутском языках:

ма. *ǯajan* 'углы рта', 'видный ряд зубов', *ǯaja-* 'раздирать углы рта удилами', 'отрезать губы у заколотого животного', 'закусывать губы', 'прикусывать язык', 'скрытничать' || ср. бур. *жабжа*, *жабжур* 'углы рта' || ср. як. *ǯабаǯ* 'углы рта', 'то, что служит разделом' (изгородь, полоска леса у берега).

Для обозначения углов рта в маньчжурском языке используется еще словосочетание *ауҕа и ҳошо* (букв. 'рта угол').

15. Г у б а, -ы. Понятие «губа, -ы» передается во всех тунгусо-маньчжурских языках одним общим словом с архетипом **пэмун*:

эвенк. *hэмун* ~ *hомун* ~ *эмун* Вл, С-Б, сол. *эммэ* ~ *эмун*, эвен. *hэмън* ~ *hämän* К-О, *hөмөн* ~ *эмън* Б ~ *эм* Арм, нег. *хэмун*, ороч., уд. *хэму(н-)*, ульч. орок. *пэму(н-)*, нан. *пэмӯ* ~ *хэмэн* К-У ~ *фэму(н-)* Бк, ма. *фэмэн*, чж. *fûh-tuh* 'губа, -ы'.

15а. В маньчжурском языке имеется, кроме того, особое слово для обозначения раздвоенной верхней губы, так называемой заячьей:

ма. *омшоҟо* 'заячья губа'.

15б. В связи с названиями для губы могут быть приведены еще следующие маньчжурские слова:

ма. *н'алма* 'желобок' (на верхней губе);

ма. *шуҰку* 'ямочка, впадина' (под нижней губой); ср.: *шуҰкулу* 'эспаньолка' (кустик волос над впадиной под нижней губой), *шуҰку-* 'вдавливаться'.

15в. В ряде языков существует особое название для губы таких животных, как олень, лось, лошадь, с праформой **пэǯун*:

эвенк. *hэǯун* ~ *эǯун* П-Т, Н, С 'губа' (верхняя), эвен. *hуǯун* ~ *hуǯөн* ~ *hуǯөҰ* ~ *hуǯън* ~ *уǯик* Б 'губа' (оленя, лошади), 'морда', нег. *хэǯун* 'губа' (оленя, лося), ороч. *хуǯэ* 'губа', 'щека'.

16. З у б, -ы. Общее понятие «зуб, -ы» передается во всех тунгусо-маньчжурских языках одним словом с корневой праформой **куі-ктэ, -хэ*:

эвенк. *ӣктэ* ~ *ӣттэ*, сол. *ӣттэ* (~ *иктэ* Ив.), эвен. *ӣт* [< **ӣктэ*] ~ *ӣтӓ* К-О, нег., ороч. *ӣктэ* ~ *ӣкта*, уд. *иктэ* ~ *итэ*,

ульч., орок. *иктэ*, нан. *хуктэ*, *хуктэлэ*, *иктэ* К-У, ма. *вэjхэ*, чж. *wéi-héi* ‘зуб, -ы’.

В ряде языков это слово довольно широко используется для обозначения других предметов, связанных по различным ассоциациям с представлением о зубах. Так, например, в эвенском и маньчжурском языках так же называется клык, бивень; в эвенском, удэйском и маньчжурском зубец (зубчик); в эвенском — резец; в негидальском — шип, игла растения; в ульчском — грабли, скребок; в ульчском и нанайском — зернышки ягод (малины, клюквы); в маньчжурском — рог.

Маньчжурское *вэjхэ* в сочетании с некоторыми другими словами служит для наименования следующих разных видов зубов:

ма. *сучун вэjхэ* ‘передние зубы’ (*сучу-* ‘бодаться’, ‘напирать’, ‘нападать’);

ма. *сајфа вэjхэ* ~ *сајфу вэjхэ* ‘коренные зубы’ (*сај-* ‘кусать’, ‘грызть’, ‘жалить’ (о насекомых)) (см. ниже);

ма. *сиду вэjхэ* ‘глазные зубы’ (*сиду* ~ *сидэн* ‘свидетель’);

ма. *чуӷчаҳа вэjхэ* ‘выдающийся зуб’ (растущий поверх другого), ‘двойные неровные зубы’ (*чуӷчуҳун* ‘выдающийся вперед или вверх острою вершиной’);

ма. *доӷсоҳо вэjхэ* ‘оскаленные, выдавшиеся наружу зубы’ (*доӷсоҳо* ‘выдавшийся наружу’; ‘открыто, на открытом высоком месте’).

ма. *вэjхэ ǯаӷа* ‘зубные щели’ (*ǯаӷа* ‘щель’, ‘отверстие’).

16а. Слово, служащее специальным названием для коренного зуба, представлено в ряде языков именным образованием от основы глагола **сиа-* ‘жевать’, ‘грызть’, ‘кусать’:

эвенк. *сēмук* ~ *hēмук*, эвен. *hӕвӱк* ~ *hӕвӱӷ* ~ *hӕвък* ~ *hӕвъӷ* ~ *hēвук* ~ *hᵘæбок* ~ *hᵘæвок* ~ *ӕвъӷ* Б, нег. *сēмух*, ороч. *сӕуку* ‘коренной зуб’; ср.: эвенк. *сē-* ~ *hē-* ~*шē-*, эвен. *hӕ-*, нег., ульч., орок. *сē-*, ороч. *сӕ-*, уд. *са-* ‘жевать’, нан. *сӣа-* ‘есть, питаться’, ма. *сај-* ‘кусать’, ‘грызть’, ‘жалить’ (о насекомых).

16б. В ряде языков отмечается название для зуба-резца:

эвенк. *ӣкэ* И ‘зуб-резец’.

В других говорах эвенкийского языка это слово означает ‘челюсть’, ‘подбородок’ (см. стр. 288).

эвен. *оӈкӱка* ~ *оӈӷӱӷа* ~ *онкӱка* ~ *омкӱка* ‘зуб-резец’.

В некоторых эвенских говорах указанным словом называется десна.

17. Д е с н а, ы. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков Приамурья для обозначения дёсен употребляется следующее слово:

нег. *ирхи*, ороч. *ирхи* ~ *ихи*, ульч. *ирхи(н-)*, орок. *ирки*, нан. *илхи*.

17а. Маньчжурский язык располагает иным названием для десны:

ма. *уман* ‘десна’, ‘мякоть’, ‘раковина’ (под копытом у животного).

17б. Что касается языков северной подгруппы, то в них наименование для десны, по-видимому, заимствовано из якутского языка, в котором оно, в свою очередь, является монголизмом:

эвенк. *милу* [< як.] И ~ *мӣлэ̄* [< як.] Тмт, Учр ~ *мӯлэ* [< як.] Тк, Тмт 'десна', сол. *буӣл'е* [< мо.] Ив. 'губа' || ср.: п.-мо. *büile*, монг. *бүйл*, бур. *мүйлэ* 'десна' || ср. як. *milä* ~ *mÿlä* ~ *bilä* ~ *bÿlä* 'десна'.

18. Я з ы к. Во всех тунгусо-маньчжурских языках (не отмечено лишь в чжурчженьском) язык обозначается словом с архетипом **килэӈу*:

эвенк. *инни* ~ *инӈи* ~ *ин'ӈи* ~ *илӈи* ~ *иӈи*, сол. *иӈи* ~ *иниге* ~ *иниӈе* ~ *иӈге* ~ *ириӈге*, эвен. *ᵘенӈъ* ~ *ᵘеӈӈө* ~ *ӣнӈъ* ~ *ӣнӈэ* ~ *иӈı*, нег. *ин'ни* ~ *ин'ӈи* ~ *инги* ~ *ини*, ороч. *иӈи* ~ *иӈӈи* ~ *инни* ~ *ин'н'и*, уд. *иӈи*, ульч. *син'у*, орок. *сину*, нан. *сиӈму* ~ *сирму* ~ *илэӈгу* ~ *илэǯи* ~ *илэнǯи*, ма. *илэӈгу* ~ *илэӈу* ~ *јилэӈу* 'язык'.

Дополнительные переносные значения это слово имеет в удэйском языке, обозначая — язычок музыкального инструмента — варгана и в маньчжурском — язык колокола, язычок у ловушки, кляп.

18а. Другое эвенкийское название для языка семантически связано с глаголом «болтать»:

эвенк. *чōлӣ* ~ *с'ōли* 'язык'; ср.: эвенк. *чōлӣ-* ~ *с'ōли-*, нег. *чōлӣ-* 'болтать языком, пустословить'.

18б. В материалах по орокскому языку отмечено название для подъязычной железы:

орок. *путаптаӈи*.

19. Н ё б о. Эвенкийское и солонское название для нёба заимствованы из монгольских языков:

эвенк. *таӈалај* А, Сх, Урм, *таӈгилај* Брг, Нрч, сол. *таӈа* ~ *таӈна* 'нёбо' || ср.: ср.-мо. *tanglai*, п.-мо. *tangnai*, монг. *тагнај*, бур. *тангалаи*, калм. *taŋnǟ* 'нёбо' || ср.: др.-тюрк. *taŋlai*, казах., кирг. *таӈдай*, каракалп., ног., узб., уйг. *таӈлай*, кумык. *танглав*, тув. *таалай*, як. *тан'алай* ~ *таӈалай* 'нёбо'.

19а. Далее, могут быть сопоставлены между собой следующие эвенкийские, эвенские и орокские наименования нёба:

эвенк. *эллэ*, эвен. *өрлэ* ~ *орла*, орок. *ололо* ~ *улулу* 'нёбо'.

19б. Следующее эвенкийское обозначение нёба имеет, по-видимому, связь со словом «запах», «чуять» (запах):

эвенк. *унӈун* ~ *унӈуӈнэ* ~ *уӈун* ~ *унми* 'нёбо'; ср. эвенк. *унӈу* 'запах', *унӈу-* 'чуять' (запах).

20. М а л е н ь к и й я з ы ч о к (у в у л я). Существует несколько обозначений маленького язычка (увуля). Одно из них зарегистрировано в материалах по негидальскому и орокскому языкам и восходит к праформе **гурка-кта*:

нег. *гојкакта* ~ *гујкакта*, орок. *гоǯаӄта* ~ *гоǯоӄто* 'маленький язычок'.

20а. В некоторых языках южной подгруппы название язычка (увуля), а также твердого нёба относятся, по-видимому, к заимствованиям из монгольских языков, в которых главное его значение связано с представленним о маленьких или нежных предметах:

уд. *кэ* ‘твердое нёбо’, ульч. *кэкэрэ ~ кэхэрэ ~ хэхэрэ* ‘язычок (увуля)’, ‘твердое нёбо’, нан. *кэкучэ̃ ~ кэукучэ̃* Нх ‘язычок (увуля)’ ~ *хэхэрэ* Нх, Бк ‘твердое нёбо’, ма. *кэку* ‘язычок’, *кэку ум'аҳа* ‘гусеница мохнатая’ || ср.: п.-мо. *kegüken ~ keüken* ‘ребенок’, ‘девушка’, ‘маленький’, ‘нежный’, ‘*keüken kele* ‘язычок’ (увуля), монг. *хүүхэн* ‘девушка’, ‘женщина’, ‘маленький’, ‘нежный’, *хүүхэн хэл* ‘язычок’ (увуля), бур. *хүүгэ(н) ~ хүүхэн* ‘дитя, ребенок’, ‘девочка’, ‘девушка’, ‘маленький’, *хүүгэн хэлэн* ‘язычок’ (увуля).

20б. Еще одно маньчжурское название маленького язычка этимологизируется в конечном счете как ‘червячок, наживка’:

ма. *илмаҳа* ‘маленький язычок’; ср.: эвенк. *илби ~ илбин ~ илбен ~ илбу ~ илбэ*, *илбэнмукэ* ‘язычок ботала’, ‘наживка, приманка в ловушке’ || ср.: п.-мо. *ilbegesü(n)*, монг. *илбээс(эн)*, ‘червяк’, ‘наживка’, ‘приманка для рыб’ || ср. як. *ilбiргäс* ‘бараболка’, ‘погремушка’ (колчана), ‘подвеска у серёг’, ‘бахрома’, ‘кисточки у кожаной кладки у двери чуланчика’.

20в. В удэйском языке ‘маленький язычок’ называется тем же словом, что и ‘мягкое нёбо’:

уд. *он'он'и* ‘маленький язычок’, ‘мягкое нёбо’.

III. ШЕЯ, ГОРЛО

При описании лексики данного раздела соблюдается по возможности следующий порядок: 1. Шея; 2. Горло; 3. Глотка, гортань; 4. Пищевод; 5. Кадык; 6. Подшейная ямка. Однако все перечисленные органы, расположенные в непосредственной близости друг к другу, обозначаются в тунгусо-маньчжурских языках или одними и теми же словами, или же названия их тесно переплетаются между собой.

1. Ш е я. Для наименования шеи, передней ее части, употребляется предпочтительно слово с праформой **моӈон*:

эвенк. *моӈон ~ моӈун* Олкм, нан. *моӈгõ*, ма. *моӈҕон* ‘шея’, ‘горло’, ‘гортань’, нег. *моӈон*, ульч. *моӈго(н-)*, ороч., орок. *моӈо(н-)*, ‘шея’, ороч. *моӈоксо* ‘горло’, ‘гортань’.

В эвенкийском, негидальском и орочском языках этим же словом называется воротник, тогда как в остальных языках эта часть одежды, а также другие предметы, связанные с представлением о шее, обозначаются производными от этого корня существительными, например:

уд. *моӈосо*, ульч. *моӈгоптӣн*, нан. *моӈгочоӄо*, ма. *моӈгороӄу* ‘воротник’, уд. *моӈоли* ‘воротник’, ‘ожерелье, бусы’, ульч. *моӈ-*

гочо(н-), нан. *моӈгоӄо*, ма. *моӈбочон* ‘кувшин’ (с узким горлом); ср.: эвенк. *моӈоптукāн* ‘шарф’, ‘галстук’, ‘ошейник’, *моӈоптун* ‘ожерелье’, ‘шарф’.

Маньчжурское сочетание *моӈбон јали* (*јали* ‘мясо’) выражает понятия ‘горло’, ‘пищевод’ (мускульная часть пищевода).

1а. В маньчжурском языке кроме указанного выше имеет место еще и другое специальное название для шеи:

ма. *мэјфэн* ‘шея’; ср. ‘плечо’.

2. Одно из наиболее употребительных названий для горла, а также глотки в эвенкийских говорах может быть поставлено в семантическую связь с глаголом «проглотить»:

эвенк. *либгāнмукā* ~ *ливгāнмукā* ‘горло’, ‘глотка’, ‘горлышко сосуда’; ср. эвенк. *либгāн-* ~ *ливгāн-* ‘проглотить’, ‘подавиться’, ‘застрять в узком месте — в горле, в устье реки, на повороте’, ‘нагромоздиться, образоваться затору’.

2а. Наиболее распространенным в тунгусо-маньчжурских языках названием для горла и одновременно для гортани, глотки и пищевода, не отмеченным лишь в материалах по солонскому, удэйскому и чжурчженьскому языкам, является слово с праформой **билга*:

эвенк. *билга*, ульч. *бӣлӡа*, орок. *бӣлда* ‘горло’, ‘гортань’, ‘глотка’, эвен. *бӣлгъ*, нег. *бӣлга*, ороч. *билга* ~ *бигга* ‘горло’, ‘гортань’, ‘глотка’, ‘пищевод’, ма. *билҳа* ‘горло дыхательное’, ‘пищевод’.

В негидальском языке *бӣлга* обозначает в то же время ‘пасть животного’, в орочском — ‘дыхательное горло’, ‘шея’.

2б. Что касается дыхательного горла, то специальным его названием обладает маньчжурский язык, используя для этого сочетания со словом *моӈбон*:

ма. *бугэ моӈбон* ~ *олҳон моӈбон* ~ *ҳусҳа моӈбон* ‘дыхательное горло’ (*бугэ* ‘хрящ’, *олҳон* ‘сухой’).

2в. Комплексом значений — ‘дыхательное горло’, ‘гортань’, ‘глотка’, ‘кадык’, ‘пищевод’ — обладает слово с праформой **кабка*:

эвенк. *кавка* ~ *капка* ~ *кафка* ~ *ха́пка* ‘дыхательное горло’, ‘гортань’, ‘пищевод’, ‘шея’, эвен. *ӄапӄъ̀* ~ *ӄапӄа* ~ *капкъ̀* ~ *капко* ~ *ӄавақ* ~ *ӄавақа* ‘дыхательное горло’, ‘гортань’, ‘кадык’, ульч. *ӄавӄа* ~ *ӄајӄа* ‘дыхательное горло’, ‘гортань’, ‘глотка’, ‘пищевод’, нег. *кавка* ~ *хавка* ‘дыхательное горло’, ‘кадык’, ‘зоб’, нан. *ӄавӄā* ~ *ӄаоӄā* ‘дыхательное горло’, орок. *ӄавӯ-ни* ‘шейка’ (копья — граница наконечника с древком) || ср.: башк. *кап(б)-* ‘брать, положить в рот’ (пищу), ‘клевать’ (о рыбе), тат. *кап(б)-* ‘брать в рот’, ‘есть’, ‘пить’, ‘хватать зубами’.

3. В значении «глотка», а также «пищевод» употребляется слово, корневая часть которого с праформой **нуӈбэ* связана с глаголом «проглотить»:

эвенк. *н'имӈэн*, эвен. *н'имнъсън* ~ *н'имнъһън* ~ *н'имӈөһөн* ‘глотка’, уд. *н'иӈмэкчи* ~ *н'имакчи* ‘глотка’, ‘пищевод’; ср.: эвенк.

н'имӈэ- ~ ӈимӈэ- ~ немна- ~ ниммэ- ~ нимӈэр-, сол. *ниӈэ-*, эвен. *н'имӈэ- ~ н'иӈэ-*, нег. *н'имӈэ-*, ороч. *н'иммэ-*, уд. *ниӈмэ-*, ульч. *луӈбэ-/и-*, орок. *нумгэ- ~ нуӈбэ-*, нан. *луӈбэ-*, ма. *нуӈгэ- ~ нуӈги-* 'проглотить' || ср. кор. *нэмгу-* 'проглотить' || ср. ма. *ниӈдан ~ ниӈтан* 'зоб' || ср. кит. *ӣн дай* 'зоб'.

4. Связь названий для пищевода с глаголом «есть, питаться» может быть прослежена в следующем случае:

эвенк. *дирга* 'пищевод'; ср.: уд. *дига-* 'есть, питаться', ульч. *дӣрга-* 'жить в достатке, объедаться'.

4а. Семантическая взаимосвязь между названиями, относящимися к верхней части дыхательного и пищеварительного тракта, наблюдается также на материалах других алтайских языков, что можно показать в связи с заимствованиями из этих языков:

эвенк. *кӧмака* З, Урм, сол. *кома ~ комага ~ комуге* 'шея' || ср.: РСл *кӧтӧі* 'нёбо', 'гортань', *кӧмäкäі* 'нёбо', *кӧмӧкӧі* 'пищевод', 'гортань', як. *кӧмӧгӧі ~ кӧмӧӈӧі* 'передняя часть шеи', 'наружная часть горла', пищевод'; ср.: эвенк. *комуj* Алд, Урм, Учр [< як.] 'горло вместе с пищеводом', 'общее название всей пищеварительной системы', *кӧмаj* Урм 'голос', сол. *хӧ̄м* 'горло', 'пища' || ср. як. *кӱӧмäі* 'дыхательное горло', 'гортань', 'глотка', 'горло', 'пищевод', 'голос';

эвенк. фольк. *олук* Урм [< як.] 'горло' 'ухо' || ср. як. *уолук* 'передняя часть шеи', 'глотка', 'ямочка над грудной костью';

эвенк. *hабурга* А, С-Б. [< як.] 'горло', 'гортань' || ср. як. *хабарӈа ~ хабырӈа* 'глотка', 'горло', 'гортань', 'кадык';

уд. *коги ~ когу* 'горло', 'трахея' || ср.: ср.-мо. *qa'ūlǰar* 'глотка', п.-мо. *хоγulai*, монг., бур. *хоолой*, 'горло', 'глотка', 'гортань' || ср. як. *куолаі* 'пищевод', 'глотка', 'горло'.

4б. Приведем еще ряд наименований из отдельных тунгусо-маньчжурских языков:

эвенк. *иӈэкэ* Брг 'шея';

эвенк. *чэкэн* Ск, Урм ~ *чэкэктэ* Алд, Сх, Урм, Учр 'гортань', 'нёбо';

эвен. *дарга* 'гортань', 'аорта'; ср.: эвенк. *дāрга* 'опухоль шейных желез', ма. *дарг'ан* 'трясущиеся жилы на шее спереди';

ма. *хэхэри* 'зев';

ма. *олҳотун* 'пищепроходные каналы', *илан олҳотун* 'три пищепроходных канала: пищеприемный канал (горло), средина желудка и канал в мочевой пузырь'.

5. Для кадыка в различных тунгусо-маньчжурских языках существует ряд особых наименований:

эвенк. *умэн* П-Т, Е, Вл 'кадык', эвен. *өм ~ ум* 'кадык', 'гортань';

эвенк. *бутукāн* В-Л 'кадык' || ср. як. *бӧтӧн* 'грудина', 'грудная кость', '*sternum*' (у птицы) || ср.: башк. *бутэгэ* (*бӱтäгä*) бот. 'мятлик кистовидный', 'желудок жевательный' (у птиц), тат. *бӱтэкэ* (*бӱтäкä*) 'желудок жевательный' (у птиц);

нег. *уӈэлэ* ‘кадык’, ‘зоб’ (у птиц);
уд. *каӈуэ* Смрг. ‘кадык’;
уд. *памгу* Бик ‘кадык’;
нан. *хуjэ* ‘кадык’ || ср.: п.-мо. *küžügün*, монг., бур. *хүзүү(н)* ‘шея’, ‘шейные позвонки’;
ма. *бууӄан* ‘кадык’; ср. ма. *бууӄана-* ‘выдаваться вперед’ (о кадыке);
ма. *ақшун да* ‘кадык’ (хрящ над горлом).

6. В некоторых тунгусо-маньчжурских языках есть специальное название для подшейной ямки:
эвенк. *žупку*, нег. *žипкун*, нан. *žупку ~ žуфку(н-)*, ма. *žулкун ~ žулхун* ‘подшейная ямка’; ср. эвенк. *žупкун* ‘оборотъ’ (шейный ремень в недоуздке), ‘орнамент из бисера на обороте’.
ма. *žулкун ~ žулхун* ‘впадина на груди у лошади’ (под дыхательным горлом), ‘дужка у птицы’, ‘отдушина’.

IV. ГРУДЬ, ГРУДНАЯ ПОЛОСТЬ

Данный раздел включает наименования, относящиеся к верхней передней части туловища, которые представлены нами в следующем порядке: 1. Грудь, грудная клетка; 2. Грудь женская, сосок; 3. Ребро, -а; 4. Легкое, -ие; 5. Сердце; 6. Кровеносные сосуды; 7. Диафрагма.

1. Грудь, грудная клетка. Общее слово с праформой * *туӈэн*, обозначающее во всех тунгусо-маньчжурских языках грудь, грудную клетку, грудную кость у человека (и у животного), в большинстве эвенкийских говоров употребляется только по отношению к животным:
эвенк. *тиӈэн ~ тиӈан ~ тиӈон* ‘грудь, грудная кость, грудина’ (у животного), эвенк. *тиүэн* Ткм, сол. *тиӈэ̄*, эвен. *тиӈъ̄н ~ тынӓ̄н ~ тиӈэн ~ тиӈөн ~ тиӈнэ* Арм, нег. *тиӈэн*, ороч., уд. *тиӈэ(н-)*, ульч., орок. *туӈгэ(н-)*, нан. *туӈгэ̄ ~ тиӈэ(н-)* К-У, ма. *туӈгэн* ‘грудь, грудная клетка, грудная кость’ (у человека и у животного).
В нанайском языке этим же словом, кроме того, обозначается пазуха, в маньчжурском — нижняя часть груди, в ульчском — в переносном значении — душа.

1а. В эвенкийском языке грудь именно у человека называется следующими словами:
эвенк. *ӈикэн ~ ӈикэ̄н ~ икэн* С-Б ‘грудь’ (у человека), ‘грудная клетка, грудная кость’, эвен. *ӈикэн* ‘грудь’ (у птицы), ‘грудная кость’ (костяной продольный гребень на груди у птицы).

1б. Отмеченное в маньчжурском языке слово, общее с монгольским, обозначает верхнюю часть груди:
ма. *чэžэн* ‘верхняя часть груди’ || ср.: п.-мо. *čegeži(n)*, монг. *цээж*, бур. *сээжэ* ‘грудь’, перен. ‘память’, ‘сердце’.

1в. В эвенкийском и эвенском языках существует особое название для средней части груди — мечевидного отростка:

эвенк. *сороптун ~ хороптун*, эвен. *хоръпън ~ хоропон* ‘средняя часть груди — мечевидный отросток грудной кости у человека’.

1г. Зарегистрированное А. Кастреном у нерчинских тунгусов наименование грудной впадины [9] заимствовано из монгольских языков:

эвенк. *будурикэй* Нрч ‘грудная впадина’ || ср.: п.-мо. *büdürkei*, монг. *бүдэрхий* ‘рукоятка грудины’ || ср. як. *бӱдӱргӓі ~ бӧдӱргӓі* [< мо.] ‘выпуклость на груди у человека или у скотины’, ‘грудина’, ‘мыс’.

1д. В ряде эвенкийских говоров, а также в солонском языке известно название груди, грудной клетки, которое можно сравнить с одним из монгольских наименований:

эвенк. *кэӈтырэ̄* П-Т, Брг, Нрч, Хнг, Втм, Урм ‘грудь, грудная клетка’, ‘верхняя часть туловища’, Алд, З, Урм, Учр, Ск ‘позвоночник’, ‘спина’, сол. *хэӈэр ~ кэӈырэ* ‘грудь’; ср.: эвен. *кэнтырэ̄* ‘бок’, уд. *кэӈтэ* ‘бок’ (у человека, животного) || ср. монг. *хэнхэрцэг* ‘грудная клетка’, *хэнхгэр* ‘очень широкий, крупный’ (например, о широкой груди).

1е. Орокское наименование груди, грудной клетки имеет семантическую связь со словами *ӽосо* ‘лапа’, *ӽосо-* ‘чесаться’:

орок. *ӽосоптӱ̄н* ‘грудь, грудная клетка’.

1ж. Для грудной кости, грудины в ряде языков отмечено еще следующее обозначение:

эвенк. *улин* С ‘грудь, грудная кость’ (медведя), эвен. *элън′ ~ элън ~ элэн ~ өлөн′өн* Ск ‘грудная кость, грудина’, *өлкэн ~ улкэн* Б, Ох ‘грудь, грудная клетка’, ма. *улку гираӈги* ‘грудная кость’, ‘ключица’.

1з. В некоторых тунгусо-маньчжурских языках для обозначения преимущественно нижней части грудины употребляются следующие слова:

эвенк. *боколӣ* ‘грудная кость’ (оленя), ‘нижняя часть груди’ (оленя), ‘грудная клетка’ (оленя — верхняя часть), ‘шкура с боков’ (оленя), эвен. *боколи̇̄вӱ̄н* ‘грудная кость’, ‘нижняя часть грудины’, орок. *боӽӽо* ‘живот’, ма. *бокшон* ‘подгрудная ложечка’, ‘оконечность грудной клетки’.

1и. Для подгрудной ложечки и находящейся рядом развилки у грудной кости в маньчжурском языке имеется еще и другое наименование:

ма. *н′аман ǯаӽа* ‘ложечка’, ‘нагрудная косточка’ (букв. *н′аман* ‘сердце’, *ǯака* ‘промежуток’).

ма. *фарса гираӈги* ‘развилок у грудной кости’ (букв. *фарса* ‘трава’, *гираӈги* ‘кость’).

---

[9] См.: Кастрен, стр. 96.

2. Грудь женская, сосок. Во всех тунгусо-маньчжурских языках существует общее специальное наименование для женской груди — слово с корневым архетипом **кöке-н*, которое входит в гнездо слов, обозначающих сосок, грудное молоко, производных от глагольной корневой основы **кöке-* 'сосать грудь, соску':

эвенк. *укун ~ hукун ~ hукур ~ hукуhу ~ укуксукун*, эвен. *өкън ~ өкөн'өн ~ укäн*, ороч. *оқо(н-) ~ уку ~ уочи*, *уд. кос'о ~ око*, орок. *қō(н-) ~ қӯ(н-)*, нан. *кӯ ~ кӯ(н-) ~ укун'* К-У, ма. *х̣ух̣ун* 'женская грудь', 'сосок', нег. *өкөн ~ өхөн*, ульч. *куэ(н-) ~ кӯ(н-)*, чж. *hūh-hûn* 'женская грудь'.

В отдельных говорах эвенкийского языка и в большинстве языков южной подгруппы этим же словом обозначается грудное молоко. Солонское *ухӯ ~ уккун* Ив. отмечено лишь в значении 'грудное молоко'. В ряде эвенкийских говоров им называется также вымя.

Приведенное тунгусо-маньчжурское название для женской груди является общим с монгольским и с названием груди вообще, грудной клетки в тюркских языках. Ср.: п.-мо. *köken ~ kökün*, монг. *хөх*, *бур. хүхэ(н)*, калм. *kökn̥* 'женская грудь' || ср.: др.-тюрк. *köküz ~ köküs*, ст.-узб. *көкӱс ~ кэгӱс*, хак. *кöгіс*, тур. *gögüs* [< **kökür*], кирг. *көкүрөк*, башк., тат. *кӱкрэк*, чув. *кăкăр* 'грудь, грудная клетка', як. *кöҕӱс ~ кöҥӱс ~ кöрӱс* 'средняя часть спины', 'часть спины выше поясницы', 'спина', 'хребет' (чего-либо).

Таким образом, архетип **кöкӱ-н* представляется общеалтайским.

2а. Как указывалось выше, сосок в большинстве тунгусо-маньчжурских языков имеет общее название с женской грудью. Однако в некоторых языках он имеет и другое обозначение:

ма. *тумих̣а* 'сосок, -соски', 'сосцы';

ма. *чилчи* 'сосок'; ср. *чилчин* 'железа на шее', 'желвак', 'вымя', 'соски у самки животного'; ср.: эвенк. *чилчун* 'опухоль', ульч., нан. *чилчуктэ* 'железа', 'бородавка', 'нарост' (на коже);

уд. *хаба* Хор, Бик, Смрг 'сосок'; ср. *хаба-* 'сосать'; ср. ороч. *хабаба* 'росток тальника' (прошлогодний).

2б. Специальное название для вымени отмечается в нескольких языках. В прошлом оно, по-видимому, относилось и к женской груди, о чем свидетельствуют материалы по языкам негидальскому и орокскому, причем обозначение женской груди этим словом сами негидальцы относят к устаревшему:

эвенк. *ǯадан* Учр, эвен. *ǯэǯин* Ол ~ *ǯаǯан* Т ~ *ǯаǯон* Ск ~ *ǯөǯин* Б ~ *ǯеǯ* Арм 'вымя', нег. *ǯоjан* уст. 'грудь' (женская), орок. *дадақта* 'грудь' (женская), 'вымя'.

2в. Заслуживает внимания название вымени и соска, отмечаемое для ряда языков и совпадающее с монгольским и частично с их обозначением в тюркских языках:

эвенк. *дэлэӈ* ‘вымя’, эвен. *делӈа*, орок. *ǯи̇ли̇а* ~ *ǯи̇ли̇ɣа* ‘сосок’, ма. *дэлэн* ‘вымя’, ‘сосок’ (у самки животного) || ср.: п.-мо. *deleŋ*, монг., бур. *дэлэн(г)* ‘вымя’ || ср.: др.-тюрк. *jelin*, туркм. *елин* ‘вымя’, кирг. *желин* ‘вымя’, ‘сосок вымени’.

2г. В эвенском вымя, кроме указанного выше, имеет еще одно обозначение:

эвен. *чӣмэчин* ~ *чӣмэчэн* ‘вымя’.

3. Р е б р о, -а. В качестве общего для всех тунгусо-маньчжурских языков наименования ребер служит слово, праформа которого **кэбти-* ~ **кэбтэ-* совпадает с названием для легких:

эвенк. *эвтилэ* ~ *эптилӭ* ~ *эптилэ* ~ *эфтилэ* ~ *уптилӭ* ~ *hэптилӭ*, сол. *ӧтэлэ*, эвен. *эвътлэ* ~ *эвэтлэ* ~ *эвутлэ* ~ *эбэ‘тлэ* ~ *эвэ‘тлэ* ~ *эвэллэ*, нег. *эвтилэ* ~ *эптилэ*, ороч. *эутилэ* ~ *эутулэ*, уд. *эунтилэ* ~ *эутилэ*, ульч. *хэунтылэ*, нан. *хэучилэ* ~ *эутилэ* К-У, ма. *эбчи* ~ *эбэчи* ‘ребро, -а’.

Приведенное слово имеет и некоторые другие анатомические значения. Так, в орокском оно означает ‘грудина’, в маньчжурском — ‘хребет’. Из других значений интересны эвенкийское — ‘ребрина в лодке’ и маньчжурское — ‘ребра судна’, эвенское — ‘бок’, маньчжурское ‘неровная покатость’, ‘бок горы’.

Следует указать, что маньчжурское *эбчи* ~ *эбэчи* ‘ребро’ совпадает по своей структуре с обозначением легких в большинстве тунгусо-маньчжурских языков.

Заслуживает внимания также наличие такого маньчжурского словосочетания, как *эбчилэмэ јабу-* ‘идти вдоль горного хребта’, где первое слово состоит из корневой основы *эбчи*+афф. *-лэ*+афф. *-мэ* и тем самым совпадает с формой слова *эбчилэ*.

3а. В маньчжурском языке особое наименование для верхних и нижних ребер представлено словосочетанием:

ма. *тутэри эбчи* ‘верхние короткие ребра у груди’, *тухэри эбчи* ‘нижние короткие, мягкие ребра’ (*тухэ-* ‘падать’, ‘опадать’).

Рассмотренное выше общетунгусское слово, обозначающее ‘ребро’, можно сопоставить с п.-мо. *ebčigün*, монг. *өвчүү(н)* ‘грудная кость’, бур. *үбсүү(н)* ‘грудь’, ‘грудинка’.

3в. В ряде языков существует совпадающее с монгольским наименование ложного ребра (ребер) с общей, по-видимому, праформой **сӱбэ*:

эвенк. *сувин* Алд, Брг, Н, Нрч, П-Т, Учр ~ *сувинэн* Урм ~ *сүүин* Урм, Учр ~ *сүүичӭн* В-Л ~ *сүһичӣн*, сол. *сувӭ ӧтэлэ*, эвен. *һујитлэ* ~ *өјитлэ* [< **сугӣптылэ*], уд. *суэптилэ* ~ *сумтилэ* ‘ложное ребро (ребра)’; ср. уд. *суэпти* ‘солнечное сплетение’ || ср.: п.-мо. *sübergen*, монг. *сүврэгдэс*, бур. *һүбөө хабирга* ‘ложные ребра’.

3г. Другое название для ложного ребра, отмечаемое в эвенкийском и негидальском языках, совпадает с названием реберных хрящей в эвенском и маньчжурском:

эвенк. *сивина* Сх, Урм, Чмк ~ *шивин* С, нег. *сйвйна* ‘ложное ребро’, эвен. *hйвйна* ~ *hйбйна* [< *сибина*], ма. *сибэхэ* ‘хрящи, соединяющие обе стороны груди’.

Зд. В одном из говоров эвенского языка имеется особое обозначение ложного ребра:

эвен. *ӯлина* Б ‘ложное ребро’.

4. Л е г к о е, -и е. Большинство тунгусо-маньчжурских языков употребляет одно общее наименование для легкого (как у человека, так и у животных) с упоминавшейся выше праформой **кэбти ~ *кэбтэ*:

эвенк. *эвтэ ~ эптэ ~ эвчэ ~ эпчэ ~ уптэ*, сол. *ӧтэ*, эвен. *эвтъ ~ эвтэ ~ эвти ~ өвтө*, нег. *эвтэ*, уд. *эутэ*, ульч. *хэунтэ*, нан. *хэутэ ~ эутэ* К-У ‘легкое (легкие)’; ср. ма. *эбчи ~ эбэчи* ‘ребро’, ‘хребет’.

4а. Название легкого в маньчжурском языке, имеющее корневой элемент *уфу- ~ упу-*, может быть сопоставлено с обозначением пуха, пера в других тунгусо-маньчжурских языках и, видимо, связано с представлением о чем-л. ноздреватом и легком:

ма. *уфуҳу* ‘легкое’, ‘ноздреватый’; ср.: *уфуҳу вэхэ* ‘пемза’, ‘туф’ (букв. ‘ноздреватый камень’), *уфуҳуна- ~ уфухунэ-* ‘пухнуть, вздуваться, пениться’; ср.: ороч., орок. *упуктэ*, уд. *офокто*, ульч. *уптэ ~ уфултэ*, нан. *упултэ ~ уфултэ ~ уфуктэ* К-У ‘пух, перо’ (птицы).

5. С е р д ц е. Основное наименование для сердца (человека и животного) является общим для всех тунгусо-маньчжурских языков (не отмечено лишь в чжурчженьском). При этом слово, выражающее понятие «сердце», восходя к праформе **миаван*, фонетически мало отличается в этих языках, за исключением маньчжурского:

эвенк. *мӗван ~ мӗγан ~ мӣван ~ нӗван*, сол. *м̀аев́а̀н ~ м̀еван ~ м'еγа ~ мӣγа̃*, эвен. *мӕвӯн ~ мӕвъ̄н ~ мйавъ̄н ~ мйавӯн ~ мӗван ~ мӕвон ~ мӗвон ~ мӗбон ~ мӗвна* Арм ~ *м'ӓвун* К-О, нег. *мӗван*, ороч. *мӕва(н-) ~ миава(н-)*, уд. *меӕва(н-)*, ульч., орок. *мӗва(н-)*, нан. *мйава̃ ~ мйаӯ(н-)* Снг, ма. *н'аман* ‘сердце’.

В Ербогачёнском говоре эвенкийского языка *мӗван* обозначает, кроме того, ‘туловище’, в Баргузинском *мӣван* употребляется в значении ‘передняя часть туши’, а в Олекминском — как ‘шейная часть туши’.

Солонское *м̀еван* в материалах А. О. Ивановского [10] обозначает ‘грудь’.

Маньчжурское *н'аман* обладает довольно широкой семантикой и наряду с сердцем обозначает сердцевину, ядро, внутренность, середку чего-л., головку цветка и, наконец, — переносно — родителей, родственников, свойственников, родных по жене.

---

[10] Ивановский, стр. 24.

5а. Употребляемое в некоторых северных и южных говорах эвенкийского языка название для сердца имеет, по-видимому, этимологическую связь со словом, обозначающим ‘чувствовать’, ‘почувствовать обиду’, ‘укорить’, ‘обвинить’:

эвенк. *сэлэмэ* И, Брг, Н ~ *hэлэмэ* И, Е ~ *шэлэмэ* С-Б, Ткм ‘сердце’; ср.: *сэлэ̄-* Н, Учр, Урм ‘обвинить’, ‘укорить’, ‘упрекнуть’, П-Т ‘почувствовать обиду’ ~ *сэлэ̄м-* П-Т ‘чувствовать’ ~ *сэмэлэ̄-* Сх, Урм ‘осуждать’, ‘порицать’, ‘упрекать’ || ср.: п.-мо. *ǯime* ~ *ǯeme*, монг. *зэм*, бур. *зэмэ* ‘проступок’, ‘вина’, ‘упрек’; п.-мо. *ǯimele-* ~ *ǯemele-*, монг. *зэмлэ-*, бур. *зэмэл-* ‘порицать’, ‘осуждать’, ‘упрекать’ || ср. як. *cätä* ‘порицание’, ‘обвинение’, ‘вина’, ‘виновность’, ‘проступок’, ‘порок’, *cämälā-* ‘порицать’, ‘попрекать’, ‘пенять’, ‘обвинять’.

5б. Следующее наименование сердца, отмечаемое в языках маньчжурском и чжурчженьском, воспринимается скорее переносно, как ‘дума’, ‘мысль’, ‘различные чувства’:

ма. *муǯилэн* ‘сердце’, ‘мысль’, ‘влечение’, ‘любовь’, чж. *méh-(mái)-zīh-lân-póh* ‘сердце’; ср.: эвенк. *мэргэ-* ~ *мирги-* ‘думать’, ‘унывать’, ‘грустить’, эвен. *мэргъ-* ~ *мäргä-* ~ *мıргı-* ~ *мөргө-* ~ *мъргъ-* ~ *мэргэ-* ‘думать’, ‘мыслить’, ‘печалиться, грустить’, ‘волноваться’, ‘беспокоиться’ (о ком-л.), нег. *мэjгэ-* ~ *мэjгэн-* ~ *мыjуа-* ‘думать’, ’заботиться’ (о ком-л.), ‘беспокоиться’, ‘волноваться’, ороч. *мэичи-* ‘думать’, уд. *мэиси-* ~ *муjси-* ‘думать’, нан. *мурчи-* ‘думать’, ‘размышлять’ || ср.: п.-мо. *mergen*, монг. *мэргэн*, бур. *мэргэ(н)* ‘меткий стрелок’, ‘мудрый’, ‘прозорливый’.

5в. В говорах эвенкийского языка зарегистрировано название для околосердечной сумки:

эвенк. *нумтэ* ~ *нумтэксэ* Урм, Урч ‘околосердечная сумка’ || ср.: п.-мо. *ünggülčeg*, монг. *үнхэлцэг* ‘околосердечная сумка’.

6. К р о в е н о с н ы е с о с у д ы. Большинство тунгусо-маньчжурских языков для обозначения кровеносных сосудов употребляет общее слово с праформой **куӈи-кта*:

эвенк. *уӈӣкта* ~ *оӈӣкта* ~ *уӈукта* ~ *үӣкта* ~ *уникта* ~ *уӈи*, эвен. *ӱӈтъ* ~ *ӱӈта* ~ *ӱӈто* ~ *онӈат* ~ *ӱмто*, нег. *оӈта* ~ *оӈйкта*, уд. *умакта* ~ *умукта*, ульч. *ҳоӈбйқта* ~ *ҳоӈбоқта*, орок. *ҳӱмӱқта*, нан. *ҳоӈгйқта* ~ *ҳоӈгйақта* ‘кровеносный сосуд’, ‘вена’, ‘аорта’.

6а. Довольно широко распространено также следующее слово:

эвенк. *уγ* ‘аорта’, ‘вена’, ‘пуповина’, сол. *ōг* ‘сердце’, эвен. *уγ* ‘кровеносный сосуд’.

В данном случае под сердцем в солонском языке, очевидно, подразумевается его роль в общей кровеносной системе.

6б. В ряде языков для передачи понятия «кровеносный сосуд» используется заимствованное из монгольских языков слово:

эвенк. *судасун* ~ *судаһун* [< мо.] Нрч, К., сол. *судал*, ма. *судала* ‘кровеносный сосуд’, ‘артерия’, ‘вена’, жила’, ‘пульс’ || ср.: п.-мо. *sudal*, *sudasu(n)*, монг. *судас*, бур. *hудаһа(н)* ‘кровеносный сосуд’, ‘артерия’, ‘вена’, ‘пульс’.

6в. В одном из восточных говоров эвенкийского языка — Учурском — аорта называется словом, общим для монгольских и тюркских языков; это название заимствовано из якутского языка:

эвенк. *тимэр* Учр ‘аорта’ || ср. як. *тымыр* ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’, ‘артерия’, ‘вена’, ‘нерв’, др.-тюрк. *tamar* ~ *tamir tamur*, ст.-узб. *тамар*, аз. *дамар*, уйг. *томур*, узб. *томир*, кирг. *тамыр* ‘жила’, ‘кровеносный сосуд’, ‘пульс’ || ср.: п.-мо. *tamir* ‘сила’ (физич.), ‘крепость’, ‘здоровье’, ‘энергия’, ‘бодрость’, ‘кровеносный сосуд’, монг. *тамир* уст. ‘кровеносный сосуд’, ‘сила’, ‘энергия’, ‘здоровье’, бур. *тамир* ‘сила’ (физич.), ‘энергия’, ‘здоровье’.

6г. Кроме приведенных выше, существует еще несколько наименований кровеносных сосудов в разных тунгусо-маньчжурских языках:

эвенк. *ӌанāктэ* ~ *ганакта* ‘вена’, ‘пульс’; ср. нег. *наӌакта* ~ *ӌанакта* этн. уст. ‘сердце’ (медведя);

эвен. *онӌъ̄лкъ̄* ‘кровеносный сосуд’ (крупный), ‘аорта’;

нег. *убгу* Н, *обголи̇* В, орок. *ӽобголи̇* ‘кровеносный сосуд’, ‘артерия’, ‘вена’;

уд. *ула* ‘артерия’, ‘вена’;

нан. *јарӯ* К-У ‘вена’;

ма. *кухэн* ‘становая кровеносная жила’;

ма. *сэӌги ӡ̆ун* ‘кровеносные жилы — вены и артерии’, ‘пульс’.

7. Диафрагма. Одним из наиболее распространенных названий для диафрагмы с корневой праформой **кап-ки* является в тунгусо-маньчжурских языках слово, семантика которого непосредственно связана с представлением о преграде, перегородке:

нег. *апкӣ*, ороч. *хакпē* ~ *хапкē* [< нан., ульч.] ‘перегородка’, уд. *афикта* ‘рама’ (оконная или дверная), ульч. *ӽакпӣ̇ча* ~ *ӽаӄпӣ̇ча* ‘диафрагма’, ‘легкие’, орок. *ӽакпӣ̇на*, нан. *ӽаӄпӣ̇р* ~ *ӽакпӣ̇ча* ‘диафрагма’; ср.: нан. *ӽаӄпӣ̇ӄо/ӯ* ‘заслонка для трубы’ (в печи), *ӽаӄпӣ̇о* ‘перегородка’, *ӽаӄпӣ̇-* ‘перегородить’ || ср.: др.-тюрк. *qapiγ* ‘дверь’, ‘ворота’, ‘врата’, уйг., кирг. *капкак*, аз. *гапаг*, туркм. *гапак*, узб. *копкок*, тат. *капкач*, башк. *капкас*, як. *хаппак*, чув. *хуппи* ‘крышка’, ‘покрышка’.

7а. Другое обозначение диафрагмы отмечено в эвенском и ороченском языках:

эвен., ороч. *āмӣ̇* ‘диафрагма’.

7б. Особое наименование диафрагмы имеет маньчжурский язык:

ма. *алхува јали* ‘диафрагма’ (букв. *алхува* ‘оболочка, кожица, плёнка’, *јали* ‘мясо — мышцы’).

V. ЖИВОТ, БРЮШНАЯ ПОЛОСТЬ

В пятом разделе представлены главным образом наименования внутренних органов человека, расположенные в нижней части туловища: 1. Живот, брюшная полость, внутренности, желудок,

кишка, -и; 2. Печень; 3. Желчь, желчный пузырь; 4. Почка, -и; 5. Селезенка; 6. Мочевой пузырь; 7. Матка, утроба (чрево); 8. Пуп, пуповина.

1. Следует отметить, что понятие о внутренностях как органах, расположенных и в грудной, и в брюшной полостях, в тунгусо-маньчжурских языках ограничивается последней, которая, в свою очередь, связана главным образом с понятиями — «живот», «брюхо», «кишки». Пожалуй, лишь в некоторых из этих языков в качестве наиболее общего названия для внутренностей служит слово, связанное с корнем *дō-* ‘нутро’, ‘внутренняя часть какого-л. предмета’, как это прослеживается и на материалах монгольских языков:

эвенк. *дōтор* [< мо.] Брг ‘внутренности’ (у животных), нег., ороч. *дō*, уд. *дōžо* ‘внутренности’, ма. *до* ‘внутренность, потроха’, сол. *дō* ‘сердце’, орок., нан. *дō*, ульч. *дой* ‘душа’, нан. *дō* ‘нутро’, ‘внутренность’, ‘состояние духа’ || ср.: п.-мо. *dotar*, мо. *дотор* ‘нутро’, ‘внутренности’, ‘кишки’, ‘внутренний мир человека’, ‘душа’, ‘сердце’, бур. *дотор* ‘внутренности’, ‘кишки’, *досоо* ‘нутро’, ‘внутренности’, ‘желудок’, перен. ‘душа’.

1а. Довольно широкая семантика присуща также в некоторых языках слову с праформой **кэму-гдэ*:

эвенк., нег., уд. *эмугдэ*, эвен. *эмдъ* ~ *эмдэ* ~ *өмдө* ~ *эмžэ*, орок. *хэмугдэ* ‘внутренности’, ульч., нан. *хэмдэ*, *эмугдэ* К-У ‘живот’, ‘брюхо’, ‘брюшко насекомого’.

Подобно слову *дō* ~ *до* эвенк. *эмугдэ*, эвен. *эмдъ* употребляется в переносном значении ‘душа’, ‘сердце’.

1б. С более узким значением ‘внутренности — кишки’ выступает слово с праформой **пу-кин*, широко представленное в тунгусо-маньчжурских языках:

эвенк. *нукин* И ‘кишка’, ‘брюшина’, нег. *хухин* ~ *хукин*, ороч. *хуки*, уд. *хуги* ~ *хуγу*, ульч. *пуку(н-)*, орок. *пухи(н-)*, нан. *пухĩ* ~ *фукĩ* ~ *фэхи* ‘внутренности’, ‘кишки’.

1в. Суффиксально осложненная форма рассмотренного выше слова в эвенкийском и эвенском языках имеет значение ‘живот’, ‘брюхо’, ‘брюшина’, а также ‘желудок‘ и ‘мочевой пузырь’:

эвенк. *нуктэ* Сх, Чмк ‘живот’ ~ *нуγитэ* П-Т, Ткм ‘живот’, ‘желудок’ ~ *укитэ* А, Брг ‘живот’ ~ *нукитэ* П-Т, Алд, Брг, Е, Н, С, С-Б ‘живот’, ‘брюхо’, ‘желудок’, ‘брюшина’, эвен. *нуктъ* Ол, Алл ~ *уктэ* ~ *укут* ~ *укэт* Арм ‘живот’, ‘брюшина’, Арм ‘мочевой пузырь’.

1г. Кроме того, в этих же языках, а также в солонском для названия живота и желудка имеется слово, этимологически сопоставляемое с монгольским и тюркским названиями:

эвенк. *ур* ‘живот’, ‘желудок’, эвен. *ур* ‘живот’, сол. *орхĩ* ‘желудок’ || ср.: п.-мо. *örі* ~ *örü* ‘брюхо’, ‘живот’, ‘брюшная полость’, ‘внутренности’, ‘сердце’, монг. *өр(өн)* ‘подложечная область’, бур. *үрэ* обычно в сочетании *үрэ зүрхэн* парн. ‘сердце’,

калм. *örö ~ ör* ‘грудь’, ‘внутренности’, ‘сострадание’ || ср. як. *өрөҕө* ‘передняя часть тела’, ‘чрево’, ‘живот’, ‘брюхо’.[11]

1д. По-видимому, с корнем *ур* связано следующее слово:

эвенк. *уригдэ* П-Т ‘желудок’.

1е. Для обозначения внутренностей отмечено еще следующее слово в маньчжурском языке:

ма. *сиҥгэку* ‘внутренности чрева’, *ниҥбун сиҥгэку* ‘шесть внутренностей: желчь, желудок, толстые кишки, тонкие кишки, мочевой пузырь, пищепроходные каналы (коих три)’.

1ж. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков название для желудка совпадает с названием для брюшины, являясь при этом общим и для монгольских языков с архетипом **гудигэ*:

эвенк. *гудигэ ~ гудэгэ ~ гӯдэхэ ~ гудик ~ гуди*, эвен., нег. *гуди* ‘желудок’, ‘брюшина’, сол. *гудэгэ ~ гудэгэ̃* ‘желудок’, ‘брюхо’, уд. *гудиэ* ‘брюшина’, нан. *гӯӡ̌ə̃*, ма. *гувэӡ̌ихэ* ‘желудок’, ма. *гувэӡ̌ихэ да* ‘верхняя часть желудка’ || ср.: п.-мо. *güǯege*, монг. *гүзээ* ‘желудок’, ‘брюшина’, ‘живот’, ‘брюшко’, бур. *гүзөө(н)* ‘брюшина’, ‘живот’, ‘брюхо’.

1з. В ряде тунгусо-маньчжурских языков имеет место следующее обозначение желудка и живота у человека и у животных, этимологически восходящее к монгольскому корню:

эвенк. *монку* ‘желудок’ (оленя), эвен. *боҥко* ‘желудок’, ‘живот’, нег. *бӯхан ~ бохон* ‘желудок’, орок. *боққо* ‘живот’, нан. *баӷа* ‘желудок’ (беличий), ма. *баӷта ~ баӷтан* ‘вместилище’, ‘вместительность’, перен. ‘околоплодная оболочка’; *баӷтаӷу* ‘вместилище’, ‘хранилище’, перен. ‘чрево’, ‘внутренности’, *сунӡа баӷтаӷу* ‘пять внутренностей: сердце, легкое, почки, печень, селезенка’, *баӷта-* ‘вмещаться’ || ср.: п.-мо. *bayta-*, монг., бур. *багта-* ‘вмещаться’, ‘помещаться’, ‘входить’, ‘влезать’.

1и. Отмечено также следующее обозначение желудка:

нег. *алга*, ороч. *агга* ‘желудок’.

1к. Кроме того, существует еще ряд названий для желудка у человека и животного и некоторых частей желудка в отдельных тунгусо-маньчжурских языках:

эвенк. *мэпэ* Учр ‘желудок’ (белки);

эвенк. *мивкэ*, нег. *мӥвај* ‘сетка’ (отдел желудка животных), эвен. *мевкӥ* ‘желудок’, ‘брюшина’, ‘слепая кишка’;

нан. *ӷота* ‘желудок’, ‘глотка’, ‘пищевод’;

ма. *хэфэли* ‘живот’, *аӡ̌игэ хэфэли* ‘малый желудок’, ‘нижняя часть желудка’;

эвенк. *нимнэ ~ нимдэ ~ нимрэ* ‘желудок’ (животного), ‘содержимое кишечника’, ‘селезенка’, эвен. *нимнэ* Ск ‘жир кишечника’, орок. *нум′ис′э ~ нуҥис′э* ‘желудок’, ‘требуха’ (оленя,

---

[11] Имеет место и иное сопоставление с якутским и другими тюркскими языками, а именно: як. *үөс* < **өz* ‘центр, средоточие, середина’, чув. *var* < **ӑr* ‘середина, центр’, ‘живот’, ‘желудок’, туркм. *ӑz* ‘сам’, ‘сущность’ (см.: P. Vergl., стр. 81, 109, 157).

коровы), ма. *нимэуги* ‘жир’, *сэмсу нимэуги* ‘брыжейка, сало на кишках’ (сальник);

эвенк. *hэун'э* Алд, З, Тнг, Урм, Учр ‘книжка’ (один из разделов желудка жвачных животных), эвен. *hэун'и* Ск ‘слепая кишка’.

1л. Заимствованием из монгольских языков является следующее название для брюха:

сол. *кели* Ив. ‘брюхо’ ‖ ср.: п.-мо. *kegeli*, мо. *хээл* ‘зародыш, плод в утробе’ (о животных), бур. *хээли* ‘живот’, перен. ‘беременная’ ‖ ср. як. *kiäli* [< мо.] ‘брюхо’, ‘утроба’ (женская), ‘матка’.

1м. Особый интерес представляет наименование для брюшины в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, с которым в южной подгруппе этимологически связано название для женского нагрудника:

эвенк. *дилба* ‘брюшина’, ‘брюшные мышцы’, ‘кожа’, ‘диафрагма’, сол. *дилва* ‘мясо с передней части туши’, эвен. *дйлбъ* ‘брюшина’, нег. *дйлба* ‘брюшина’, ‘диафрагма’, ‘набрюшник’ (женский), ульч. *дйлба*, нан. *ǯйлба* уст. ‘нагрудник’ (женский).

1н. В эвенкийских говорах встречаются следующие названия для брюшины:

эвенк. *кэjӣвкӣ* П-Т, Н ‘брюшина’;

эвенк. *мапа* Учр ‘брюшина’ (оленя).

1о. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков для передачи понятия «кишка, -и», в частности тонкие, употребляется слово с праформой **силу-кта*:

эвенк. *силукта* ~ *hилукта* ~ *шилукта* ~ *сулукта* ~ *hулукта* ~ *hуликта* ‘кишки’, сол. *ш'илукта* ~ *ш'илутта* ‘кишки’ (тонкие), эвен. *hйлтъ* ~ *hйлта* ~ *кйлтй* [< **силу-кта*] Ол ~ *йлтъ* Б ~ *hӓлта* К-О ‘кишки’, нег. *сйлӯкта* ~ *сйлта* ‘кишки’ (тонкие), ороч. *сулукта*, уд. *сулукта* ~ *сулакта* ‘кишки’, орок. *сйлӯӷта* ‘кишки’ (тонкие).

1п. В эвенском языке отмечено еще следующее название для кишок:

эвен. *анӯӯсӑ* Арм ‘кишка, -и’.

1р. Совпадает название для кишок в маньчжурском и чжурчженьском языках:

ма. *дуҳа*, чж. *tu-hān* ‘кишка, -и’.

Словосочетания с маньчжурским *дуҳа* служат для дифференцированного обозначения тонких и толстых кишок:

ма. *мува дуҳа* ~ *банчан дуҳа* ~ *мача дуҳа* ‘толстые кишки’ (у животных) (*мува* ‘толстый в ширину’, *мача* ‘дикий чеснок’, *банчан* < кит.), *нарҳун дуҳа* ‘тонкие кишки’ (*нарҳун* ‘тонкий’).

Здесь же следует отметить сочетание со словом *дуҳа*:

ма. *дуҳа до* парн. ‘внутренности’, ‘потроха’.

1с. Имеется особое маньчжурское название для толстых кишок отдельных животных:

ма. *молҳо* ‘толстые кишки свиней и кабанов’.

1т. В некоторых языках отмечено особое название для слепой и прямой кишки животных, которые набивают жиром:

эвенк. *ӣ* ‘слепая кишка’, эвен. *ӣ* ‘слепая кишка’, ‘прямая кишка’.

1у. В восточных говорах эвенкийского языка для обозначения слепой кишки используется якутское заимствование:

эвенк. *муӈур* Учр ‘слепая кишка’ || ср. як. *муӈур*, *муӈӯр* [< *муӈа̄* + *ур(ӯр)*] = *мугур*, *мумур* ‘тупой, без острия’, ‘конечный’, ‘завершенный’, ‘запертый’ (о посуде), ‘конец’, ‘отверстие, не имеющее исходного конца’, ‘толстая кишка’.

1ф. В отдельных языках имеется̇ся еще ряд названий для различного вида кишок:

эвенк. *мӧ̄маjа* ~ *мӧ̄ман'а* ‘желудок’, ‘толстые кишки’, ‘содержимое кишечника’, Учр ‘прямая кишка’ ~ *мӧ̄манаj* ~ *мӧ̄малаj* Тмт ~ *мӧ̄мика* Тт ‘кишки’, ‘жирная кишка’, М, Сх, Тк, Тмт, Урм, Учр ‘отваренные толстые кишки животного’, ‘содержимое кишечника’, эвен. *мӧ̄мӣна* ~ *мӧ̄мӣ* ‘колбаса’ (оленьи кишки, наполненные салом) || ср. як. *мӧ̄мунаj* [< т.-ма.] ‘жир на кишках’;

эвенк. *иӈэн'э* ‘двенадцатиперстная кишка’;

эвенк. *ӡ̌уки* З ‘слепая кишка’ (животного);

эвенк. *кэримэк* Алд, З, И, Н, П-Т, С ‘прямая кишка’, Нрч ‘брыжжейка’ ~ *кэрэмук* З ‘внутренности желудка’ (животного);

эвен. *тараки̇̄ч* ‘двенадцатиперстная кишка’;

эвен. *ча̄лми̇̄*, нег. *чаламӣ* ‘кишка’ (медведя);

ороч., ульч. *ин'иктэ* ‘прямая кишка’;

орок. *пэлтуӡ̌и* ‘кишка’ (оленья с жиром), ‘колбаса’.

2. П е ч е н ь. Во всех тунгусо-маньчжурских языках печень обозначается словом, представленным фонетическими вариантами его архетипа **nā-kun*:

эвенк. *hакин* ~ *hа̄кин* Брг, Д ~ *акин* Брг, З, М, С-Б, Тк, Ткм, Тт, сол. *а̄хӣ̃*, эвен. *hа̄ӄъ̇н* ~ *hа̄къ̇н* Алл, Мом, Т ~ *hа̄кан* К-О, Ох, *hа̄кон* Ск ~ *а̄ӄъ̇н* Б ~ *а̄ӄ* ~ *а̄ӄна* Арм, нег. *ха̄ки̇̄н* ~ *ха̄хи̇̄н*, ороч. *ха̄ки(н-)*, уд. *ха'и(н-)*, ульч. *па̄*, орок. *па̄ӷа* ~ *па̄ӄа*, нан. *па̄* Нх ~ *фа̄* Бк ~ *ҳакӣ̃* К-У, ма. *фаҳун* ‘печень’.

Это же слово в говорах эвенского языка употребляется в значении ‘желудок’, ‘живот’, а в орочском языке в значении ‘почки’, ‘внутренности’.

2а. Кроме того, отмечено следующее название для печени:

эвенк. *икэдиӷи* Е ‘печень’; ср. эвенк. *икэк-* ‘икать’.

2б. В отдельных эвенкийских говорах печень обозначается словом, которым называется также желчь, желчный пузырь, селезенка:

эвенк. *ӣлэн* И ‘печень’, Е ‘желчь’, ‘желчный пузырь’, П-Т, Вл, Е, Н, ‘селезенка’.

2в. Наконец, для названия печени используется монгольское заимствование:

эвенк. *элигэн ~ элэгэн* Нрч || ср.: по.-мо. *eligen*, монг. *элэг (элгэн)* ‘печень’, бур. *эльгэ(н)* ‘печень’, перен. ‘сердце’, ‘душа’, калм. *elkn̥* ‘печень’, ‘желудок’, ‘живот’, ‘брюхо’.

3. Ж е л ч ь, ж е л ч н ы й п у з ы р ь. Из нескольких наименований желчи, отмеченных в тунгусо-маньчжурских языках, в первую очередь следует указать на слово с праформой **си-л(и)-сэ*, которое как по своему корневому элементу, так и по морфологической структуре близко к монгольскому слову с тем же значением:

эвенк. *сӣ ~ hӣ ~ шӣ*, сол. *ш'ӣлдэ*, нег., ульч., орок. *силтэ*, уд. *сили^{h}э*, нан. *силтэ̄*, ма. *силхи*, чж. *ših-li-hī* || ср.: п.-мо. *söl-sün*, монг. *сөс(өн)*, бур. *һүлһэ(н)* ‘желчь’.

3а. Довольно распространенным является также название для желчи, которое в некоторых из языков (ороч., ульч., орок.) употребляется лишь по отношению к желчи медведя, в других же служит общим наименованием для желчи:

эвенк. *ǯ̌о ~ ǯ̌ō* ‘желчь’, М, Сх, Урм ‘желчь’ (медведя), эвен. *ǯ̌ō ~ д'о* К-О, нан. *ǯ̌ōл* Нх ‘желчь’, нег. *ǯ̌ō* ‘желчь’ (медведя), Ш. ‘моло́ки’, ороч. *ǯ̌о*, ульч. *ǯ̌ōли*, орок. *ǯ̌ō* ‘желчь’ (медведя).

3б. В восточных говорах эвенкийского языка и в западных эвенского встречается следующее название для желчи:

эвенк. *уγӣ* И, Вл, эвен. *уго* Ск ‘желчь’ || ср. як. *ӱӧс* ‘желчь’.

4. П о ч к а, -и. Наименование почки человека и животного, являющееся общим для всех тунгусо-маньчжурских языков (не отмеченное лишь в чжурчженьском), восходит к единому корню с архетипом **босо-кта*:

эвенк. *босокто ~ боһокто ~ бошокто ~ боста* Тт, сол., нег., ороч. *босокто*, эвен. *бостъ ~ боста ~ босто ~ ботта ~ ботто* Арм, уд. *бо^{h}окто*, ульч., орок., нан. *босоӷто*, ма. *босҳо ~ босҳу* ‘почки’ (человека, животного).

4а. В эвенкийском языке встречается, кроме того, следующее наименование для почки:

эвенк. *шуорко* П-Т, Ткм ‘почка’.

4б. Маньчжурский язык имеет также обозначение для почек, образно представляемых в виде одной из необходимых жизненных сил для человека:

ма. *эргэн* ‘жизнь, дыхание’, ‘душа’, ‘почки’ (как жизненная сила).

5. С е л е з е н к а. Для обозначения селезенки в различных тунгусо-маньчжурских языках употребляются несколько названий. Наибольшим распространением характеризуется наименование с архетипом **дэли-кун*, совпадающее с монгольским:

эвенк. *дэлкин*, сол. *дэлкӣ*, уд. *дэлиги*, ма. *дэл'ахун ~ дэлихун ~ дэл'эхун* ‘селезенка’ || ср.: п.-мо. *deligü(n)*, монг. *дэлүү(н)*, бур. *дэлюү(н)*, калм. *delīn ~ del'īn* ‘селезенка’.

5а. Обозначение селезенки в некоторых эвенкийских говорах по ассоциации с почками иногда совпадает с наименованием последних; ср.:

эвенк. *бohomo* Е, И ‘селезенка’.

5б. Наименование селезенки может совпадать также с названием для железы:

эвенк. *н'аруу* И железа ~ *н'ируу* Алд ‘селезенка’ ~ *н'ерун* Е, И, Н, С, П-Т ‘железа’, ‘опухоль железы’ || ср.: п.-мо. *noir*, монг., бур. *нойр* ‘поджелудочная железа’.

5в. В эвенкийском языке отмечено еще следующее наименование для селезенки:

эвенк. *бичэкэj* Алд ‘селезенка’.

5г. Одно из эвенских названий селезенки может быть сопоставлено с нанайским:

эвен. *өбдъ ~ өбдөн ~ убдэ ~ угдэ*, нан. *упкэ* ‘селезенка’.

5д. Кроме того, в эвенском языке встречается следующее название:

эвен. *дуит ~ дуэт* Ол ‘селезенка’.

5е. Для нанайского языка, помимо приведенного выше *упкэ*, известно другое название:

нан. *бороқто* Нх ‘селезенка’.

5ж. Особое название имеется также в орокском языке:

орок. *липче* ‘селезенка’.

6. Мочевой пузырь. Большинству тунгусо-маньчжурских языков для наименования мочевого пузыря известно слово, восходящее к праформе **кужуки*:

эвенк. *ужик*, эвен. *ужик ~ ужөкөн*, нег. *ужих*, орок. *худу ~ худууу*, ульч. *хужу*, нан. *хужӯ* ‘мочевой пузырь’; ср. сол. *ужихи* ‘задний проход’.

6а. Название мочевого пузыря в солонском языке связано с монгольским наименованием желудка:

сол. *ходōдо* ‘мочевой пузырь’ || ср.: п.-мо. *xoduγadu*, монг. *ходоод(он)* ‘желудок’.

6б. В некоторых говорах эвенкийского языка обозначение мочевого пузыря имеет общую корневую основу со словом, употребляемым в значении ‘желудок’:

эвенк. *урин* Н, С ‘мочевой пузырь’, Алд, З, Тнг, Учр ‘желудок’; ср. эвенк. *ур*, *уригдэ* ‘желудок’ (см. стр. 302—303).

6в. Сходное явление наблюдается в эвенском языке:

эвен. *нуктэ* Арм ‘мочевой пузырь’ (см. стр. 302).

6г. В восточных эвенкийских говорах используется якутское заимствование:

эвенк. *кабак ~ кабакка ~ кавак* Алд, Урм, Учр ‘мочевой пузырь’ || ср. як. *хабах* ‘пузырь’, ‘мочевой пузырь’ || ср.: др.-тюрк. *qaγuq ~ qavuq*, узб. *қовук*, хак. *хоох* ‘мочевой пузырь’, тат. *куык* ‘пузырь’, *сидек куыгы* ‘мочевой пузырь’, тур. *kavuk* ‘полый предмет’, ‘оболочка’, *sidik kavuku* ‘мочевой пузырь’.

С якутским влиянием связано также следующее наименование:

эвенк. *самган ~ hамуан* Е Н, П-Т, Сх, Урм, Учр ‘шкура с верхней части ноги оленя’, ‘мочевой пузырь’ || ср. як. *самабын ӯтӓ* ‘отверстие мочеиспускательного канала’ (*самах* ‘лобковая кость’, ‘мужские половые органы’, *ӯтӓ* ‘отверстие’).

6д. Связь названий для мочевого пузыря и для задней части туши животного отмечается в приводимом ниже случае:

эвенк. *кундукӣ* И, Олкм ‘мочевой пузырь’, ‘круп животного’, ‘крестец’.

6е. От других тунгусо-маньчжурских названий отличается название для мочевого пузыря в маньчжурском языке:

ма. *сифулу* ‘мочевой пузырь’.

7. Матка, утроба (чрево). Специальное название для матки, утробы, оказалось указанным в материалах только двух из тунгусо-маньчжурских языков: солонском и удэйском. В других же отмечены наименования лишь для таких смежных понятий, как околоплодная оболочка (сорочка), плацента, послед. При этом зарегистрированное в солонском языке слово, обозначающее матку, является монгольским заимствованием:

сол. *омӗ* ‘матка’ || ср.: п.-мо. *umai*, монг., бур. *умай* ‘матка’, ‘утроба’, ‘чрево’.

7а. Удэйский язык передает это понятие иным словом:

уд. *чэу* ‘матка’.

7б. Околоплодная оболочка имеет следующие обозначения:

нег. *агдй*, ороч. *агда* ‘околоплодная оболочка’;

нег. *лока* ‘околоплодная оболочка’; ср.: нег. *локачй-* ‘родиться в сорочке’, уд. *лохө-* Смрг ‘родить преждевременно’;

ма. *орон* ‘сорочка зародыша’;

ма. *тэбку* ‘чехол’, ‘футляр’, перен. ‘околоплодная оболочка’.

7в. В трех из тунгусо-маньчжурских языков имеется общее название для плаценты:

эвенк. *алмат*, эвен. *анмат*, орок. *алӣмāтчӯ ~ алӣмāччӯ* ‘плацента’.

7г. Другое название для плаценты этимологически восходит к корню слова, обозначающего «зад», «задний», «последний» (ср. рус. *послед*):

уд. *амеӕуха*, ульч. *хамаран* ‘плацента’.

7д. Кроме того, некоторые наименования для плаценты этимологически связаны со словом, обозначающим «нутро»:

эвенк. *дōптун*, ма. *додо* ‘плацента’ (ср. *дō* ‘нутро’).

7е. В ниже приводимом случае выражение рассматриваемого понятия имеет связь с названием для матери:

эвенк. *энӣнин* ‘плацента’ (ср. *энӣн* ‘мать’).

8. Пуп, пуповина. Понятие «пуп», «пуповина» обычно связано в тунгусо-маньчжурских языках с понятием «центр, середина». Одним из наиболее распространенных названий для пупа является слово с основой **чуӈур-*:

эвенк. *чуӈурэ̄ ~ чуӈурӯ ~ чуӈур ~ чумурӯ* Вл, Е ~ *суӈурэ* Ткм ~ *с'уӈурэ* Аг, нег. *чуӈојо ~ чоӈојо* ‘пуп’, ‘пуповина’, ‘центр, середина’, сол. *суӈур*, нан. *чуӈуру* К-У ‘пупок’, ‘пуповина’, ма. *чуӈгуру* ‘пупок’.

Приведенные эвенкийские слова имеют еще такие переносные значения, как ‘окно в трясине’, ‘болячка’ (чесоточная), этн. ‘средняя часть рукоятки шаманского бубна’.

Маньчжурское *чуӈгуру* обозначает также ‘впадина, углубление в цветке’ (из которого выходит стебелек — ножка плода) || ср.: монг. *цӯӈбӯрӯг* [*цӯӈбӝрӝг*] [12] ‘углубление, впадина у цветка’ (из которой выходит стебелек — ножка плода), ‘пупочная ямка’, п.-мо. *čongγur* ‘неровный, негладкий, с ямами’ (о местности, о дороге), *čongγur ongγur* парн., монг. *цонгор*: *онгор цонгор* парн. ‘ухабы’, ‘ямы’, ‘местность с ухабами, ямами’, ‘дыры’, ‘ухабистый’, ‘неровный’, ‘дырявый’ (п.-мо. *ongγur*, монг. *онгор* ‘дыры’, ‘углубления’, ‘скважины’, ‘неровности’).

8а. Другое также широко известное в тунгусо-маньчжурских языках обозначение пупа, с корневой морфемой **уӈур-*, очевидно, может быть сопоставлено с приведенным выше в парных монгольских сочетаниях словом *ongγur*, *онгор*:

эвенк. *уӈурэ̄ ~ уӈурэ ~ уӈурэн ~ умурэ̄ ~ умурэн ~ умурун ~ эмурэн*, нег. *уӈн'он* ‘пупок’, ‘середина, центр’, эвен. *инӈө ~ иӈӈө* Ск, орок. *хӯну*, ульч., нан. *хуjму* ‘пупок’.

8б. Фонетическая и семантическая близость отдельного маньчжурского названия для пупа позволяет сопоставить его со словом того же значения в монгольских языках:

ма. *улэӈгу* ‘пуп, пупок’, ‘ямочка у плода, остающаяся после отпадения цветка’, ‘большой коралл, зерно на четках, нижний против пупа’, *улэӈгу соӈба* ‘ямочка на пупке’, ‘пуп’ || ср.: п.-мо. *küilsü(n) ~ küisü(n)*, монг. *хуйс(эн)*, бур. *хуйһэ(н)* ‘пупок’, ‘ямочка у плода после отпадения стебля’, перен. редко ‘середина’, ‘центр чего-л.’.

8в. Наконец, существует несколько фонетических вариантов особого наименования для пупа в говорах эвенского языка:

эвен. *кө̄лэ̄кэ̄ ~ ко́лака* К-О ~ *кө̄лэкэ̄н*, *кө̄лэн* Арм ‘пуп, пупок’, Арм ‘пуповина’.

VI. СПИНА

Все названия, связанные с понятием о спине человека, подразделяются на группы: 1. Спина (общее понятие); 2. Верхняя часть спины; 3. Поясница; 4. Крестец, копчик; 5. Спинной хребет, позвоночник; 6. Спинной мозг.

Однако, как и в предыдущем разделе, такое подразделение является условным, так как некоторые из названий отдельных групп переплетаются между собой.

---

[12] См.: Монгольско-русский словарь. Архив ИВ, № 62 (3), т. 3, папка 2, стр. 1288.

1. В языках эвенкийском, солонском и удэйском для названия спины в наиболее общем смысле употребляется слово с праформой **согдон(о)-со*:

эвенк. *согдон ~ согдонно ~ согдонн'о ~ согдондо ~ согдоӈдо ~ сэгдэннэ ~ hогдонно ~ hогдондо ~ hэгдэннэ ~ hэгдэндэ ~ шогдон ~ шогдоӈдо ~ шэгдэн*, сол. *чогдоно* Ив., уд. *согду^{h}ө* 'спина'.

2. Верхняя часть спины. Для обозначения главным образом верхней, надлопаточной части спины человека употребляется слово с праформой **ар-ка*, которое, по-видимому, является общеалтайским названием для спины, этимологически связанным с представлением о задней, тыльной стороне:

эвенк. *аркан* 'спина', 'плечо', 'лопатка', 'углубление между лопатками', 'задняя часть туши животного', 'спинка одежды', сол. *аркā* 'спина', эвен. *арӄан ~ арӄън* 'спина', 'углубление между лопатками', 'плечо', 'позвоночник', 'горб', нег. *ajкан ~ аскан*, ороч. *аккан* 'спина' (надлопаточная часть), 'спинка' (одежды), уд. *ака(н-)*, орок. *атта(н-)* [< **ачан* < **аркан*] 'спина' || ср.: ср.-мо. *arqa* 'спина', п.-мо. *aru* 'зад', 'задняя, тыльная сторона', 'северный (теневой) склон', монг. *ар*, бур. *ара*, калм. *ar^{v} ~ ār^{v}* 'зад', 'спина', 'тыл', 'задняя (или теневая) сторона горы', 'северная сторона', 'север' || ср.: др.-тюрк. *arqa* 'спина', 'тыл', башк., тат., кирг. *арка*, уйг. *а(р)ка* 'спина', 'зад, задняя сторона' (чего-л.), 'тыл', каракалп. *арка* 'спина', 'север, северная сторона', як. *арҕа* 'спина', 'тыл', 'зад, задняя сторона' (чего-л.), 'запад', 'на запад', 'на западе' > эвен. *аргā* 'запад', 'западный'.

3. Поясница. Название для поясничной части спины, по-видимому, с общеалтайской праформой **даγа-ри* в некоторых тунгусо-маньчжурских языках служит для обозначения спины вообще:

эвенк. *дарама* 'поясница', 'позвоночник', 'филейная часть туши', 'почки' (животного), 'почечное блюдо' (угощение), сол., нан. *дарама* 'спина', эвен. *даръм*, ороч., уд. *дāма* 'поясница', 'поясничные позвонки', нег. *дajама*, ульч. *дарама* 'поясница', 'спина', орок. *дарама* 'позвоночник', 'поясничные позвонки', ма. *дара ~ дарама ~ дарма* 'поясница', 'спина', 'крестец', 'талия', 'спинка у рыбы'.

Приведенные выше фонетические варианты общетунгусского слова **дарама* могут быть сопоставлены с такими монгольскими и тюркскими словами, как: ср.-мо. *da'ari*, п.-мо. *даγari*, монг. *дайр*, бур. *даари ~ дайр* 'ссадина, рана' (от седла на спине лошади) || ср.: др.-тюрк. *jaγïr* 'лопатка', уйг. РСл *аҕыр* 'спинная лопатка', туркм. *ягырны* 'спина', 'спинной'.

За. Ко второму обозначению поясницы относится слово с праформой **кэӈэ-jэ*:

эвенк. *эӈэн'ē ~ эӈэрē*, эвен. *энън' ~ өӈөн*, нег. *эӈэн'ē* 'поясница', 'талия', ульч. *хэӈги*, орок. *хэӈгэjэ* 'поясница'.

Отличие в значении между двумя приведенными названиями состоит в том, что второе из них ассоциируется главным образом с поясницей у талии, на что указывают дополнительные значения этого слова, а именно: эвенк. ‘нижняя часть верхней одежды’, ‘юбка’, эвен. ‘пояс’, ‘ремень’; ср. также производное эвенк. *эӈэн'ӣкӣ*, *эӈэн'ӣптун* ~ *эӈэjӣптун* ‘пояс’, ‘кушак’, ‘женский поясок’.

3б. Могут быть приведены еще следующие наименования для поясницы и талии в маньчжурском языке:

ма. *сиӽали* ‘поясница’;

ма. *чомболи* ~ *чомбули* ‘талия’, ‘пах’ (у лошади).

3в. Для поясничной части спины у животных в эвенкийском языке имеется отдельное обозначение:

эвенк. *нугди* ‘поясничная часть спины’ (у животных); ср. эвен. *нувдӣку* ‘сломанный’ (о позвоночнике оленя), ‘олень со сломанным позвоночником’.

4. К р е с т е ц, к о п ч и к. Наименования для крестца и копчика обычно совпадают или перекрещиваются между собой. Так, например, название для крестца, отмеченное в говоре баргузинских эвенков, находит себе полную аналогию в бурятском обозначении копчика; при этом оба указанные наименования этимологизируются (по данным монгольских языков) как ‘короткий хвост’:

эвенк. *hокопчо* ~ *hокопсол* [< мо. *охиг* ‘короткий’ + *segül* ‘хвост’] Брг ‘крестец’ || ср.: п.-мо. *охиг segül*, монг. *охор сүүлтэй* ‘короткохвостый’, бур. *охор hүүл* ‘копчик’ || ср. як. *хоӈхочох уӈӈоҕа* ‘крестец’.

4а. Тесно связаны между собой названия для крестца и копчика, а также хвоста в эвенском и удэйском языках:

эвен. *кенимак* ~ *кинимак* ‘крестец’ ~ *кенякан* ~ *кинякан* ‘копчик’ ~ *кинемэкэ* ‘хвост’, уд. *көн'ө* ‘копчик’.

4б. Связь между значениями «копчик» и «хвост» наблюдается также на заимствовании из якутского языка:

эвенк. *кутурук* [< як.] Алд, З, Тнг, Учр ‘копчик’, ‘хвост’, перен. ‘волк’ || ср. як. *кутурук* ~ *ӷутуруӷ* ‘хвост’; ср.: др.-тюрк. *quduq* ‘хвост’, ‘задняя часть’, ‘зад’, аз. *гуйруг*, кирг., узб., уйг. *куйрук* ~ *ӷуйруӷ*, каракалп. *ӷуйрыӷ*, кумык. *къуйрук*, тув. *кудурук* ~ *ӷудуруӷ*, тур. *kuyruk*, туркм. *гурук* ~ *гуруӷ*, хак. *хуӯурук* ‘хвост’.

4в. В солонском языке отмечается монгольское заимствование для наименования крестца:

сол. *ӯса* || ср.: п.-мо. *иүиča*, монг. *үүц* ‘крестец’, бур. *үүса* ‘крестец’, ‘круп лошади’ || ср.: башк. *оса* ‘ягодица’, ‘круп’, тат. *оча* ‘ягодица’, *оча башы* ‘крестец’, як. *уса* ‘задняя часть туловища’ (животного).

4г. Помимо указанных выше отмечаются еще следующие названия для крестца и копчика:

эвенк. *куӈнукӣ* П-Т ‘копчик’, *кундукӣ* И, Олкм ‘крестец’, ‘круп животного’, ‘мочевой пузырь’;

эвенк. *коӈкочок* Алд, Сх ~ *кокочок* Олкм ~ *кэкэчэк* П-Т ‘копчик’;

эвен. *гӗркон* ‘копчик’, ‘кончик хвоста’.

4д. К указанным уже ранее названиям крестца, копчика можно добавить еще некоторые наименования из маньчжурского языка:

ма. *унчэхэн гираӈги* ‘хвостовая кость’, ‘крестец’, ‘репица’ (*унчэхэн* ‘хвост — кость, оконечность стана, репица’);

ма. *буӄсу* ‘бока крестцовой кости’, ‘окорок’, ‘задняя нога’.

5. Спинной хребет, позвоночник. Позвоночник обозначается во всех тунгусо-маньчжурских языках, за исключением маньчжурского и чжурчженьского, а также в монгольских языках словом с общей праформой **н′иру-*:

эвенк. *н′ири*, эвен. *н′ерӣ ~ н′ӣрӣ*, нег. *н′ӣjӣкта ~ н′ӣкта*, ороч., уд. *н′ӣкта*, ульч. *н′ӣрӣкта ~ н′ӣракта ~ н′араката*, орок., нан. *н′ӣрӣӄта* ‘позвоночник’.

В эвенкийских говорах *н′ири* употребляется, кроме того, в значении ‘филейная часть мяса’. Негидальцы словом *н′ӣjӣкта ~ н′ӣкта* называют также ‘костяк, хребет’ (рыбы).

Ср. в монгольских языках: ср.-мо. *niri′un ~ niru′un*, п.-мо. *niruγu*, мо. *нуруу(н)*, бур. *нюрга(н)* ‘спина’, ‘позвоночник’. В монгольском и бурятском, кроме того, — ‘горный хребет’, ‘возвышение на ровной местности’, ‘матица’.

5а. В эвенкийском и эвенском языках известно обозначение позвоночника, которое связано с представлением о спинном мозге, а также о сердцевине дерева, ядре ореха:

эвенк. *hатукӣ* Д ‘позвоночник’ ~ *hутукӣ* Е, И, Вл ‘спинной мозг’, Е, Н ‘сердцевина’ (дерева) ~ *кутукӣ* Хнг ~ *hучукӣ* Н ‘сердцевина’, ‘ядро’, эвен. *hӯтӄа ~ hӯтка ~ hӯткан ~ ӯтӄа* Б ‘позвоночник’, уд. *хутига* ‘сердцевина’ (дерева).

5б. Ниже приводятся названия для позвоночника и различных позвонков, встречающиеся в отдельных тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *иӯирэ ~ ӯера* С-Б, Сх, Чмк ‘позвоночник’, ‘спинной хребет’, ‘позвонок’, ‘спина’, ‘хвост’ (рыбий), ‘горб — верхняя часть хребта’ (оленя);

эвенк. *сиргин* Учр ‘поясничные позвонки’;

эвенк. *токсокӣ* Урм ~ *токсоко* Учр ‘шестой позвонок’;

эвенк. *сигдэ ~ hигдэ ~ шигдэ* ‘позвонок’, ‘сухожилие’, ‘мясофиле’, ‘середина лука’ (для стрельбы), ульч., нан. *сигдэ* ‘спинные сухожилия’ (у оленя, лося);

нан. *моро* Снг ‘позвоночник’;

ма. *сэjрэ* ‘спинные позвонки’, ‘хребтовая кость, к которой прикреплены ребра’.

5в. Обращает на себя внимание наличие особого названия для верхних грудных позвонков:

эвенк. *н′эгдэ ~ н′агда* ‘позвонок’, ‘плечо’, сол. *нӭрдэ* ‘позвонок’, ‘позвоночник’, ‘хребет’, эвен. *н′эдэн* ‘верхняя часть спины’ ~

н'ет ~ *н'ит* Ох ‘грудной позвонок у животных’, нег. *н'агда* ‘верхние грудные позвонки’, уд. *н'эгдэ* ‘грудные позвонки’, ма. *никдэ* ‘загривок’.

5г. Также особое обозначение, с корневой праформой **ники*, имеют в большинстве тунгусо-маньчжурских языков шейные позвонки:

эвенк. *н'икимна* ~ *н'икимда* ~ *н'икимма* ~ *н'икимŋа* ~ *н'икинма* ~ *н'икимн'а* ~ *н'икин*, сол. *нихама* ~ *нихими*, эвен. *н'иқън* ~ *н'икан* ~ *н'икън* ~ *н'икон*, нег. *н'йхма* ~ *н'йпма* ~ *н'йкма* ~ *н'йкймна*, ороч. *н'ики(н-)*, ульч. *н'йкй(н-)*, орок. *н'йкймн'а* ‘шейные позвонки’.

Одновременно это же слово служит названием для тыльной стороны шеи.

5д. В эвенкийском и орокском языках шейные позвонки имеют и другое название:

эвенк. *мэлимкӣ*, орок. *мэлиму*.

5. Специальное слово для передачи понятия «шейные позвонки» имеет маньчжурский язык:

ма. *илдэфун* ~ *илдуфун* ‘шейные позвонки’, ‘затылок’.

6. С п и н н о й м о з г. Отдельное название для спинного мозга существует в языках северной подгруппы:

эвенк. *hурка* ~ *уркӣн*, эвен. *hӧрақа*, нег. *хojкан* ~ *хоскан* [< **hуркан*].

Все эти слова имеют переносное значение — сердцевина дерева.

VII. КОНЕЧНОСТИ; ПЛЕЧЕВОЙ ПОЯС, ТАЗОВЫЙ ПОЯС

Наименования, включенные в настоящий раздел, рассматриваются в такой последовательности: 1. Конечность, -и (общее понятие); 2. Плечевой пояс: 2.1. Плечо, -и, 2.2. Ключица, -ы, 2.3. Подмышка, -и, мышечная впадина, пазуха, 2.4. Лопатка, -и, 2.5. Рука, и-, 2.6. Локоть, 2.7. Запястье, 2.8. Кисть руки, ладонь,2 .9. Пальцы рук (большой, указательный, средний, безымянный, мизинец), 2.10. Ногти (когти), 2.11. Фаланга, 2.12. Кулак; 3. Тазовый пояс: 3.1. Таз, 3.2. Лобок, лобковая кость, 3.3. Пах, 3.4. Промежность, 3.5. Нога, -и, 3.6. Бедро, -а, 3.7. Вертлюг, 3.8. Колено, 3.9. Коленная чашечка, 3.10. Голень, берцовая кость, 3.11. Йкры (ног), 3.12. Стопа, ступня, подошва, 3.13. Пятка, 3.14. Лодыжка, щиколотка, 3.15. Пальцы ног.

1. К о н е ч н о с т и. Общее понятие «конечность, -и» передается в солонском языке отдельным заимствованным из монгольского языка словом, которое этимологически связано с обозначением таких предметов, как ветка, сук, хворост:

сол. *мусу* ‘члены тела, конечности’ || ср.: п.-мо. *möče* ~ *möčі*, монг. *мөч* ‘конечность’, бур. *мусэ* ‘член тела’, *уе мусэ* ‘конечности’ (*уе* ‘сустав’); ср.: п.-мо. *möčir*, монг. *мөчир* ‘ветка’, ‘сук’, ‘хворост’,

салаа мөчир перен. ‘отрасли хозяйства’, *мөчид* ‘с краю’, ‘ближе к краю чего-л.’.

Это слово известно также в тюркских языках; ср.: башк. *мөсэ* уст. ‘орган’, ‘член’, ‘телосложение’, кирг. *мүчө*, казах. *муше* ‘часть тела’, ‘член’, ‘орган’, чаг. *муча* ~ *мучэ* ‘член тела’, ‘конечность’, ‘нога’, як. *мӱсӓ* ‘каждая из восьми частей расчлененной скотской туши’.

1а. Подобного рода этимологию, связанную с представлением о каком-л. ответвлении, отрасли, имеет маньчжурское наименование конечности:

ма. *барбa* ~ *барбан* ‘сук’, ‘ветка’, ‘отрасль’, ‘конечность’ (рука, нога), ‘приток реки’, ‘половинка двери, ворот’.

2. П л е ч е в о й п о я с.

2.1. П л е ч о, -и. Слово с праформой **муjрэ* во всех тунгусо-маньчжурских языках обозначает плечо, за исключением удэйского и чжурчженьского, где оно, в первом, означает шею, а во втором шею и горло. Из других алтайских языков в качестве названия плеча это слово свойственно монгольским и некоторым тюркским языкам:

эвенк. *мӣрэ*, сол. *мӣри* ~ *мӣрэ*, эвен. *мӣр*, нег., ороч. *мӣjэ*, ульч., нан. *мэjрэ* ~ *муjрэ* ~ *нуjрэ*, орок. *мэjрэ*, ма. *мэjрэн* ‘плечо’, уд. *мӱө* ‘шея’, чж. *têi-fān* ‘шея’, ‘горло’ || ср.: п.-мо. *törü(n)*, монг. *мөр(өн)*, бур. *мүр*, калм. *törn̥* ‘плечо’ || ср.: уйг. *мүрэ*, кирг. *мүр* ‘плечо’.

Этим же словом в языках эвенкийском, эвенском, орочском и орокском называется плечевая кость, а в маньчжурском еще и заплечье у шлема, у топорища — ручки; в переносном значении это — бок, сторона, фланг и, кроме того, знаки отличия — два круглых зерна против плеч у чиновничьих четок. С последним, очевидно, семантически связано употребление ульчского *мэjрэ* в значении ‘офицер’, ‘должностное лицо’ и нанайское *мэjрэ* ‘начальник’, ‘чиновник’.

Интересно отметить, что в языках эвенкийском, эвенском и негидальском с рассмотренным названием для плеча связано обозначение зимних месяцев.[13]

2.1а. В удэйском языке плечо имеет особое наименование: уд. *богдоло* ‘плечо’.

2.1б. Плечо как часть верхней конечности от плеча до локтя имеет отдельное наименование в маньчжурском языке:

ма. *дабси*.

2.1в. Отмечается для плечевой кости также специальное название, с праформой **пура-ки*:

эвенк. *hуракӣ* ~ *уракӣ* З, Олкм, Тнг, Учр, нег. *хojахӣ* ‘плечевая кость’, ‘кость крыла’ (у птицы), эвен. *hӱрӣкӯ* ~ *hӱрӣкӣ* ~

---

[13] Т. И. П е т р о в а. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей. В сб.: Памяти В. Г. Богораза. Л., 1937, стр. 79—123.

ӯрӣкӣ Б ‘плечевая кость’, орок. *хӯраӄӣ* ‘кость крыла’ (у птицы).

2.2. К л ю ч и ц а, -ы. Названий для ключицы в тунгусо-маньчжурских языках несколько. В некоторых из них оно представлено следующим словом:

эвенк. *тӯкрэ* ‘ключица’ (оленя), ‘ребро’ (оленя у соединения с позвоночником), эвен. *төкър ~ төкөн ~ тукэр*, уд. *туʰэ* ‘ключица’, нег. *тухсэ* ‘ребро’ (медвежье, верхнее).

2.2а. Одно из названий ключицы связано с монгольскими языками и, по всей вероятности, является заимствованием из последних:

эвенк. *эγэ ~ эγэм* Брг, сол. *эгэм*, орок. *эмогэ* ‘ключица’, уд. *эмугэ* ‘ключица’, ‘дужка’ (у птиц), ‘люлька’ || ср.: п.-мо. *egem*, монг. *эгэм* ‘ключица’, бур. *ээм* ‘ключица’, ‘плечо’ || ср.: др.-тюрк. *egin ~ egnin ~ eŋin*, аз., тув., туркм. *эгин*, хак. *иӈни* ‘плечо’, тур. *eğin ~ eğiç*, як. *ӓн* ‘спина’, ‘хребет’, ‘позвоночник’, ‘крестец’; ср. хак. парн. *иӈни сӧӧге* ‘ключица’.

2.2б. В восточных говорах эвенкийского языка для наименования ключицы используется якутское заимствование:

эвенк. *комурган* [< як.] Алд, Е, М, Тк, Тмт, Учр, Члм ~ *кэмургэн* Алд, В-Л, Сх, Учр ~ *камурган* Сх, Урм ~ *кӧмургэӈ* Тит. ‘ключица’, ‘дуга, баран’ (у оленьей нарты), эвен. *комурган ~ коборган* [< як.] Ск ‘дуга, баран’ (у нарты) || ср. як. *хобурҕан ~ хомурҕан* ‘ключица’, ‘дуга, баран’ (у нарты).

2.2в. В ряде тунгусо-маньчжурских языков название ключицы связано с названием для груди:

ма. *алаǯан* ‘ключица’, ‘грудь’, ‘грудная кость’ (у лошади, у птицы);

нег. *тиӈэн ихэjинин* ‘ключица’ (букв. ‘кость груди’);

ульч. *хаӈҕа гӣрамсанӣ* ‘ключица’ (букв. ‘кость яремной впадины на груди’).

2.2г. Кроме того, в отдельных тунгусо-маньчжурских языках употребляются следующие обозначения ключицы:

эвенк. *орокон* Ткм, ороч. *эjэукэ* (*öjöикӧ*) [< **орокон*] Ш.;

эвен. *курку* И;

орок. *палӣтӯ*;

орок. *сэмӈэрэ*.

2.3. П о д м ы ш к а, -и, м ы ш е ч н а я в п а д и н а, п а з у х а. Общим для тунгусо-маньчжурских языков названием для подмышки является:

эвенк. *оγон'ӣ ~ овон'и ~ огони ~ огон'и* К. ~ *оӈонӣ ~ эгэнӣ ~ эвэнӣ ~ эӈэнӣ ~ эγэрэ̄ ~ hэгэди*, сол. *оγонӣ ~ ухӯ ~ ооне́* Ив., эвен. *оγнӣ ~ овнӣ ~ āвнӣ ~ оӈна* К-О, нег. *оγонӣ*, ороч. *ō*, уд. *оγон'и ~ ван'и*, ульч. *ҳава(н-)*, орок. *ҳаванӣ*, нан. *ҳаванӣ ~ ҳаваӈӣ*, ма. *о ~ оҕо ~ оҳо* ‘подмышка’; ср. эвенк. *овур ~ увур* [< мо.] Нрч, К. ‘подмышки’ || ср.: п.-мо. *ösür*, монг. *өвөр*, бур. *үбэр* ‘грудь’, ‘пазуха’.

2.3а. Название, заимствованное из монгольских языков: эвенк. *сугу* Нрч ‘подмышка’ ||ср.: п.-мо. *sugu(n)*, монг. *суга(н)*, бур. *һуга* ‘подмышка’.

2.4. Л о п а т к а, -и. В преобладающем большинстве тунгусо-маньчжурских языков для названия лопатки известно слово с корневой праформой **писа-*:

эвенк. *һишакӣ* И ~ *исакӣ* ~ *иһакӣ* ~ *ишакӣ* ‘лопатка’, ‘крыло’, ‘кость’, сол. *исахи*, нег. *хӥсакӥ*, ороч. *хисаи* ~ *хисаки*, уд. *с‘ӕа*, ульч., орок. *пӥса*, нан. *пӥса* ~ *фӥса(н-)* Бк ‘лопатка’, ма. *фиса* ~ *фисэ*, ‘спина’, ‘спинка’ (у птицы), ‘спинка’ (кресла, экипажа), чж. *fēi-sāh* ‘горб’.

2.4а. Вместе с тем в северной подгруппе, а также в орокском языке употребляется следующее слово для наименования лопатки:

эвенк. *кэндэкэ* ~ *кэндэкӣ*, эвен. *кэ̄ндът*, нег. *кэндэхэ*, орок. *кэндэ* ‘лопатка’.

2.4б. В некоторых языках приамурских народностей имеется особое название для лопатки и верхней части спины, которое употребляется также в переносном значении — кокетка (у рубашки, халата):

нег. *дијэ* [< **дирэ*], ульч. *дирэ*, нан. *ǯирэ* [< **дирэ*].

2.4в. Одно из обозначений лопатки с корневой праформой **калба-* ~ **калби-*, отмечаемой в эвенкийском и маньчжурском языках, по-видимому, семантически связано с представлением о широких и плоских предметах с гребнем, горбинкой в середине:

эвенк. *калбика* ~ *калбаку* ~ *калбука*, ма. *ҳалба* ‘лопатка’ (у человека), ‘передняя нижняя лопатка’ (у животных); ср.: эвенк. *калбин*, эвен. *ӷалбӥн* ~ *калбӥн* ‘широкий’, ульч., нан. *ҳалбӥ* ‘лопатка’, ‘деревянная лопаточка’ (употребляемая для еды на охоте), ма. *ӷалф'ан* ‘плоский’, *ҳалбаҳа* ‘стрела с широким наконечником’, ‘горбатая часть плоской ложки’.

Подобные слова имеются в монгольских и тюркских языках; ср.: п.-мо. *xalbaγa(n)* ~ *xalbuγa*, монг., бур. *халбага* ‘ложка’, ‘поплавок’ (у удочки), а также: п.-мо. *xalbaγar*, монг. *халбагар*, *халхгар*, бур. *халхагар* ‘широкий, мешковатый’|| ср.: др.-тюрк. *qašuq* ‘ложка’, башк., тат. *калак* ‘ложка’ (металлическая), *калак сөяге* ‘лопатка’, ‘лопаточная кость’, казах. *ӷалақ* ‘лопата’, ног. *ӷалақ* ‘лопатка‘, як. *халба* ~ *халбу* ‘утка-соксун (широконоска)’.

2.4г. Семантическая связь между представлением о лопатке и крыле (см. выше — **писа-)* прослеживается на монгольских заимствованиях в эвенкийском языке:

эвенк. *далӯ* ‘лопатка’ (оленя, лося), *далӯ-* эти. ‘ворожить, гадать по лопаточной кости’ (оленя, лося), *далапчи* Нрч ‘крыло’ (птицы)||ср.: п.-мо. *dalu*, монг. *дал*, бур. *дала* ‘лопатка’, п.-мо. *dali*, монг. *даль*, бур. *дали* ‘крыло’ (птицы), п.-мо. *dalabč*, монг. *далавч* ‘крыло’, ‘костюм борцов (похожий на крылья), ‘лопасть’, бур. *далабша* ‘накидка’, пелерина’, ‘навес’.

2.4д. В эвенском языке имеется особое обозначение для гребня лопатки (оленя, лося):

эвен. *ӕръ̄н* ‘гребень лопатки,’ ‘плечевая кость’ (у человека) ‖ср.: як. *сарын*, хак., тув. *чарын* ‘лопатка’.

2.4е. Нанайский язык имеет специальное название для лопатки медведя:

нан. *пӣарӣ*.

2.5. Р у к а, -и. Для наименования руки в целом — от плеча до кончиков пальцев — во всех без исключения тунгусо-маньчжурских языках существует одно общее слово с архетипом **ӈа-ла*:

эвенк. *ӈа̄лэ ~ ӈа̄ла ~ на̄лэ*, сол. *на̄ла ~ на̄ли ~ ’га́ла ~ ӈа́ла* Ив., эвен. *ӈа̄л ~ ӈалӑ* К-О, нег., ороч., уд., ульч., орок. *ӈала*, нан. *ӈа̄ла ~ нала*, ма. *ӷала*, чж. *hāh[kā]-lâh* ‘рука’ ‖ ср. кор. *пхал* ‘рука’.

В эвенском языке *ӈа̄л ~ ӈалӑ* употребляется, кроме того, в значении ‘лапа’ (животного), а также ‘палец’.

Представляет интерес также переносное значение рассматриваемого слова: ороч. ‘помощник, старшина’ и ма. ‘сторона, фланг, крыло’ (войска).

С сопоставлением т.-ма. **ӈа-ла* с мо. *гар* ‘рука’ и тюрк. *кар* ‘верхняя часть руки’, ‘плечо’ [14] вряд ли можно согласиться. Нам, со своей стороны, представляется более убедительным этимологически сопоставить мо. *гар* и тюрк. *кар* с т.-ма. *гара* ‘ветвь’, ‘сук’; ср. значения ма. *ӷарӷа ~ ӷарӷан* ‘ветвь’, ‘сук’, ’отрасль’, ‘конечность’ (рука, нога). Что же касается тюрк. *кар*, то оно находит себе место в качестве якутского заимствования в некоторых говорах эвенкийского языка (см. стр. 318).

2.5а. Из тунгусо-маньчжурских названий для верхней части руки известно лишь ма. *дабси* (см. стр. 314).

2.5б. В некоторых языках существует особое название для передних конечностей животных — лапы медведя, ласта морского зверя:

эвенк. *мана* ‘лапа’ (животного, медведя), эвен. *ма̄на* ‘передние конечности’, ‘лапа’ (медведя, водоплавающей птицы) , ‘ласт’ (морского зверя), ‘кисть’ (руки), *ма̄нака* ‘лапа’ (передняя), ‘ласт’ (передний), нег. *ман'а* ‘лапа’ (медведя — передняя), *мачи* ‘ласт’ (нерпы), ороч. *ма̄н'ака* ‘лапа’ (медведя), уд. *мана* ‘лапа’ (водоплавающей птицы), ульч. *маj ~ ман'а* ‘лапа’ (медведя), нан. *ма̄ӣ ~ ма̄ja* ‘лапа’ (медведя) ‖ ср. нен. *мана* ‘ласт’ (морского животного — передний), ‘лапа’ (медведя — передняя).

2.6. Л о к о т ь. У всех тунгусо-маньчжурских народностей, за исключением маньчжуров и чжурчженей, локоть обозначается словом с праформой **куj-чэн*:

эвенк. *ӣчэн ~ ӣчэнкэ̄н* П-Т *~ ис'эн ~ ис'энкэ̄н* Аг, *ӣкэ̄н* Д, И, сол. *инчэ̄ ~ ӣсэ̄*, эвен. *ᵘечэн* Ол *~ ᵘечэ̄н* Б *~ иечэн* Алл *~ jēсэ̄н* Арм *~*

---

[14] P. Vergl., стр. 24, 97, 154; R. SKE, стр. 83.

ечан К-О, нег. *ӣчэ̄н*, ороч. *ӣчо(н-)*, уд. *исө(н-)*, ульч. *унчэ(н-)*, орок. *ӯитэ ~ ӯјтэ*, нан. *хујчэ̄ ~ хујсэ(н-)* Бк.

Орочское *ӣчо(н-)* служит, кроме того, названием для декабря месяца. В эвенском языке также сочетания со словом, обозначающим 'локоть', употребляются для наименования месяцев: *ојчӥрӥ ᵘечэн* Ол, Ох 'ноябрь', *эври ᵘечэн* Ол, Ох, *јēври јēсэ̄н* Арм, *иечэн бǣγъ̀нǯа ~ иечэн ӥла̄ннӥ* Алл 'март' (букв. 'месяц локтя').

2.6а. В маньчжурском и нанайском языках для обозначений локтя имеется слово другого корня:

нан. *мајā ~ мајӥн* [< ма.] Снг 'локоть', 'левая рука', ма. *мајан*, *ҕала ј мајан* 'локоть' (часть руки от локтя до кисти), 'мера длины'.

2.6б. В нанайском языке отмечено еще одно наименование локтя:

нан. *чаҳа ~ цаҳа* 'локоть', 'мера длины' (равная расстоянию от локтя до конца среднего пальца) || ср.: др.-тюрк. *čig* 'локоть', 'аршин (?)' (мера длины), алт. *чаганаӄ* (*чаҕанаӄ*), кирг. *чыӄанаӄ*, ног. *шыганаӄ*, тув. *шенек*, хак. *чығанак* 'локоть' || ср. кор. *чæи* 'мера длины' (33 см) || ср. кит. *чй* (*čhiæg* 'мера длины около 30 см').

2.6в Для названия локтя употребляется также заимствованное из монгольских языков слово:

эвенк. *токонок* Нрч 'локоть' || ср.: п.-мо. *toxoi*, монг., бур. *тохой* бур. *тохоног* 'локоть', 'излучина', 'изгиб' (реки) || ср. як. *тоҕоі* [< мо.] 'извилина', 'излучина'; ср. эвенк. *тоγој* Алд, Сх Урм, Учр [< як.] 'излучина', 'извилина' (реки).

2.6г. В восточных, а также в отдельных южных и северных говорах эвенкийского языка для обозначения в одних из них локтевой, а в других лучевой кости, используется якутское заимствование. При этом представление об указанных костях ассимилируется с прутом, лозой:

эвенк. *кар* З, Сх, Тнг, Урм, Учр, Хнг, П-Т, С, И ~ *каре* В-Л, Е ~ *карен* В-Л ~ *кари* Урм, Учр 'лучевая кость', 'локтевая кость', 'тонкий прут', 'лоза', 'вика', 'корень черемухи' || ср. як. *хара ~ хары ~ хары̄* 'рука', 'предплечье' (часть руки от локтя до запястья), 'локоть', 'лучевая кость', 'локтевая кость' || ср.: др.-тюрк. *qar* 'верхняя часть руки', 'плечо (?)', *qarï* 'локтевая часть руки', перен. 'локоть', 'аршин' (мера длины), кирг. *кары* 'верхняя часть руки' (от локтя до плеча), 'плечо', перен. 'мера длины' (от середины груди ко конца пальцев), ст.-узб. *кары* 'рука', 'мера длины' (от плеча до пальцев), уйг. *кары* 'рука' (верхняя часть), перен. 'локоть' (мера длины) || ср.: п.-мо. *γar*, монг. *гар* 'рука', перен. 'сторона', 'фланг', 'крыло', бур. *гар*, калм. *ǥar*, даг. *ҕ'ар'* 'рука', 'руки', бур. перен. 'почерк'.

2.6д. Названия локтевой и лучевой кости в некоторых тунгусо-маньчжурских языках служат для обозначения костей ноги или отдельных ее частей. Особый интерес в этом отношении представляет слово с корневой основой **сирэ*:

эвенк. *сирэ̄к ~ сирэ̄кэ* ‘локтевая кость’, ‘лучевая кость’, сол. *ширмӣ*, нег. *сиjимтэ ~ сиримтэ* [< **сиримиктэ*], уд. *симикта ~ симукта* [< *сиjимиктэ* < **сиримиктэ*], ‘локтевая кость’, ороч. *симиктэ* ‘плечевая кость’; ср.: эвен. *hиръмтъ ~ иръмть* Б ‘малая берцовая кость’, орок. *симусэ* ‘икра’ (ноги), ма. *сира* ‘берцовая кость’ (у человека и животного), ‘голень’ (у птицы); ср. нан. *сирэмэ* ‘кость’.

2.6е. Встречается еще ряд примеров подобного же рода:

эвенк. *н'уӈӣ ~ н'уӈэ ~ нуӷи ~ нуӈӣ* ‘локоть’, ‘локтевая кость’, ‘голень’, ‘бедро’, ‘костный мозг голени’, ‘мышцы’ (рук, ног), ороч. *н'уӈн'а* ‘икра’ (ноги), ‘мышцы’ (рук и ног);

ороч., уд. *илэ* ‘лучевая кость’, ‘малая берцовая кость’;

ма. *мэjрэн гираӈги* ‘плечевая кость’.

2.7. З а п я с т ь е. Особое название для запястья с корневой основой **билэ-* отмечено в трех из тунгусо-маньчжурских языков:

эвенк. *билэн*, эвен. *бӣлэн*, уд. *бул'э* ‘запястье’.

Эвенское *бӣлэн* означает, кроме того, ‘лучевая кость’.

Приведенное слово следует отнести к числу общих с тюркскими языками. Др.-тюрк. *bilӓk* также обозначает ‘запястье’. Семантически близкими являются его значения и в остальных тюркских языках; ср.: аз., уйг. *билэк*, тур. *bilek* ‘кисть’ (руки), алт. *белек*, башк., тат. *белӓк* [бĕлӓ́к], казах. *білек* [*бĕлэк*], каракалп. *белек*, кирг., кум., ног., тув., туркм. *билэк*, узб. *билак*, хак. *пілек* (*пĕлек*) ‘предплечье’.

Небезынтересно отметить, что если рассматриваемое выше слово в значении «запястье» встречается лишь в трех из тунгусо-маньчжурских языков, то почти во всех этих языках имеются производные от того же корня:

эвенк. *билэ*, *билэптин*, нег., орок. *билэ* ‘отворот’ (на рукавицах, на унтах — обычно орнаментированный), сол. *ӡилаптун*, эвен. *бӣлэпэн*, уд. *бул'эпти(н-)*, ульч., орок. *гилэпту(н-)* ‘нарукавник’, ‘напульсник’, ‘браслет’, нег. *билэ*, ульч. *бӣлэ*, нан. *бирэл* ‘борт лодки’.

При этом эвенк., нег. и орок. *билэ* имеет общую этимологию с як. *bilö ~ bӱlӓ* ‘отворот’ (на рукавицах, на обуви) и, по-видимому, представляет собой прямое заимствование из якутского языка.

Этимологическая связь указанных слов может быть усмотрена, кроме того, с п.-мо. *biločüg ~ biličeg ~ bilisüg ~ bilüčeg ~ bileček ~ bilüčüg* и с монг. *билжиг* в значении ‘кольцо’, ‘перстень’.

2.7а. В маньчжурском языке запястье обозначается другим словом. Оно же означает — браслет (в виде кольца): *сэмкэн*.

2.8. К и с т ь р у к и, л а д о н ь. В тунгусо-маньчжурских языках существуют особые названия для ладони и тыльной поверхности кисти. Для обозначения же кисти руки в целом в некоторых из языков (эвенк., эвен.) используется наименование для ладони.

Следует также отметить, что названия для ладони и тыльной поверхности кисти могут относиться и к части стопы:

эвенк. *hан'ӈа ~ hаннӈа ~ hаӈа ~ аннӈа*, эвен. *hаннӈа ~ hаӈгъ ~ hаннӯо ~ hаӈӯо ~ hаӈгӓ ~ аннӯъ* Б ~ *аннӈа* Арм ʻладоньʼ, ʻкистьʼ (руки), ʻступняʼ, нег. *хан'ӈа ~ хаӈн'а ~ хаӈа*, ороч. *пӓна*, уд. *хан'ʻа*, ульч. *пан'а*, нан. *паjӈа ~ фан'ӈа* ʻладоньʼ, орок. *пан'а ~ пана* ʻладоньʼ, ʻступняʼ || ср.: др.-тюрк. *аjа* ʻладоньʼ, тур. *ауа* ʻладоньʼ, ʻпяткаʼ, кумык., ног., туркм., хак. *ая* ʻладоньʼ.

Из слов того же корня с праформой **паjӈа* следует отметить эвенк. *hан'аγат* ʻбабка — косточкаʼ (игрушка).

В некоторых тунгусо-маньчжурских языках с рассмотренным выше наименованием для ладони связано название одной из мер длины:

нег. *хан'ӈала*, уд. *хан'ʻала*, орок. *паӈала* ʻмера длиныʼ (равная ширине ладони у основания пальцев вместе с верхним суставом большого пальца).

2.8а. Помимо рассмотренного выше названия для ладони, в эвенкийском, солонском и маньчжурском языках в том же значении употребляется слово с праформой **пала-ган*, которое в большинстве тунгусо-маньчжурских языков служит наименованием для ноги, стопы, ступни, подошвы. Интересно, что в монгольских языках это же слово означает — ладонь, а в корейском — ступню:

эвенк. *hалган ~ алган* С-Б, Бнт, Чмк, сол. *алга̄* ʻногаʼ (в целом), ʻстопаʼ, ʻступняʼ, ʻладоньʼ, эвен. *hалгън ~ алгън* Б ~ *алган* Арм, нег. *халган*, ульч., ороч. *палӡа(н-)*, нан. *палга̄* ʻстопа, ступняʼ, ʻподошваʼ (ноги), ороч., уд. *хага* ʻлапа, следʼ (медведя), ма. *фалаӈгу* ʻладоньʼ || ср.: ср.-мо. *halagan*, п.-мо. *alaγa(n)*, монг. *алга*, бур. *альга(н)*, калм. *al'x^{v}n* ʻладоньʼ || ср. кор. *пал* ʻступняʼ.

В солонском и маньчжурском языках выражение понятия «ладонь» может подчеркиваться постановкой в качестве определения слова, обозначающего «рука, -и»:

сол. *на̄лни алга̄*, ма. *ʁала j фалаӈгу* ʻрукú ладоньʼ.

2.8б. В нанайском языке в значении ʻладоньʼ употребляется также слово, которое в маньчжурском означает ʻгорстьʼ:

нан. *оҳоj* ʻладоньʼ, ма. *оҳол'о* ʻгорсть, пригоршняʼ; ср. нег. *оходо* ʻохапкаʼ.

2.8в. Название тыльной поверхности кисти руки совпадает с названием плюсны — верхней части стопы:

эвен. *ӯнмъ ~ ӯнма ~ ӯнмо ~ ӯммо ~ о$_{о}$нмо* К-О, нег. *онму*, орок. *хӯмнӯ* ʻтыльная поверхность кисти рукиʼ, ʻстопаʼ, ороч. *умну*, ма. *умуҳун* ʻплюснаʼ.

2.8г. Для наименования тыльной поверхности кисти в маньчжурском языке используется еще другое слово, заимствованное из монгольских языков, означающее в последних ʻпалецʼ:

ма. *ҳуру*, *ʁала j ҳуру* ʻтыльная поверхность кисти рукиʼ.

2.8д. В одном из говоров эвенского языка встречается следующее название для данной части руки:

эвен. *дикэтэн* Арм ʻтыльная поверхность кисти рукиʼ.

2.9. П а л ь ц ы р у к. Названия для пальца (вообще) в тунгусо-маньчжурских языках, по существу, не имеется. В некоторых из языков наименования отдельных пальцев иногда употребляются и как общее название. В ряде эвенкийских говоров и в эвенском языке палец (пальцы) обозначается тем же словом, что и промежуток между пальцами:

эвенк. *саја ~ haja ~ han'a ~ шаја* ‘промежуток между пальцами’, ‘щель между копытцами’ (у оленя), ‘палец’ (на ноге), эвен. *hajъp ~ hajap ~ hajйp ~ hajep ~ hajop ~ hajўp* ‘палец’, ‘перчатка’, *hajалдо* Ск ‘пальцы’, нег. *саја*, ульч. *сајā ~ саја(н-)*, нан. *сајā ~ саја ~ сајра* ‘промежуток между пальцами’, орок. *саја(н-)* ‘промежуток между пальцами’, ‘щель между копытцами’ (у оленя), ‘клинья между пальцами в перчатках’.

2.9а. В эвенкийском языке отмечено название для пальца (вообще), которое может быть этимологически связано с представлением о чем-то расставленном, растопыренном:

эвенк. *сарбака* П-Т, Тнг ~ *сарбас* Алд ~ *hарбака* Аг ~ *шаракал* З ‘палец’ (вообще), ‘лапа’; ср.: эвенк. *сарбаǯак* Тнг ‘след’ (зверя), *сарбалдӣ-* Сх, Урм, Тнг ‘растопыривать пальцы’, сол. *шарбаган* Ив. ‘палец’ (ноги) || ср.: п.-мо. *sarbai*, монг. *сарвай*, бур. *hарбай* ‘растопыриваться’, ‘протягиваться’ || ср. : як. *сарбаі* ‘растопыриваться’, ‘расширяться’, *сарбајар бiäс тарбахтах* ‘с пятью растопыренными пальцами’, ‘тот, у кого пять растопыривающихся пальцев’.

2.9б. Отдельное, не связанное с другими представлениями, название для пальца имеет маньчжурский язык:

ма. *симҳун* ‘палец’, *ҳафираӄу симҳун* ‘шестой палец’ (на ноге или руке) (*ҳафираӄу* ‘клещи’).

2.9в. Солонское наименование пальца, по-видимому, заимствовано из монгольских языков:

сол. *хоро* Ив. || ср.: ср.-мо. *qurγan ~ xurūn*, п.-мо. *xurugu(n)*, монг. *хуруун*, бур. *хурга(н)*, калм. *хургң* ‘палец’.

2.9г. Название для большого пальца в тунгусо-маньчжурских языках с архетипом **пэрэ-гун ~ пэрэ-гэн* является общим по своему корневому составу с аналогичным монгольским и тюркским словом:

эвенк. *нуруγγун* Алд, Сх, Урм, Учр ~ *нурувун* Брг, С-Б, Тит. ~ *уруγγун* К. ‘большой палец’, ‘сетка, подставка’ (для самострела), ‘спускная палочка’ (в самостреле) ~ *эрэкэј* Аг, В-Л, Тит. [< мо.] ~ *эрбэк* Алд, З, Тк, Тнг, Урм, Учр, Хнг ~ *hэрбэк* Алд [< як.], сол. *оруγγун ~ уруγγун ~ ургун* Ив. ~ *эргӯ ~ эргэ̄*, эвен. *hөръγън ~ hөрөгөн ~ hурэгэн ~ hэрэвэн ~ өрэγэ̄н* Б ~ *эрэгэн* Ск ~ *ӧрэн* Арм, нег. *хөјэӈэн ~ хојогон ~ хојуӈун*, ороч. *хӧӈо(н-)*, уд. *хуэ*, ульч. *поро(н-) ~ пуру(н-)*, орок. *поро(н-) ~ пуру(н-) ~ пэро(н-)*, ма. *фэрхэ* ‘большой палец’, нан. *пэрхэ ~ фурэхэ* Снг ‘большой палец’, ‘кольцо’ (надеваемое на большой палец) || ср.: п.-мо. *erekei*, монг. *эрхий*, бур. *эрхы*, калм. *erkē* ‘большой палец’ || ср.: др.-тюрк.

ernä ~ erŋäk, тув. *эргек*, алт. *äркäк*, уйг. *äрäӈäк*, як. *äрбäх* ‘большой палец’.

Представляют интерес некоторые производные от этого слова в связи с его вторым значением в нанайском языке:

сол. *уруӈупун* Ив., нег. *хөjэӈэпун*, ороч. *хоӈоптун(н-)*, ульч. *хэрэпту(н-)*, ма. *фэргэдун ~ фэргэтун* Сиб ‘кольцо’ (надеваемое на большой палец при стрельбе из лука) || ср.: монг. *эрхийвъ* ‘напёрсток’ (надеваемый при стрельбе из лука), бур. *эрхыбшэ* ‘напальчник’ (мешочек, надеваемый на пораненный или больной палец).

2.9д. Приведем еще некоторые названия для большого пальца в отдельных тунгусо-маньчжурских языках:

эвенк. *hими*, эвен. *hимэн* ‘большой палец’;

эвенк. *эӈкӣ ~ энкӣ ~ оӈкӣ* ‘большой палец’;

эвенк. *умӯкэ̄н ~ умэкэ̄н ~ умӯкэчэ̄н* ‘палец’, ‘большой палец’, ‘указательный палец’.

Последнее эвенкийское название восходит к числительному *умӯн* ‘один’.

2.9е. В солонском языке существует, кроме указанного выше, особое детское название для большого пальца:

сол. *бардам бāфӯ* ‘большой палец’ (детский)||ср.: монг., бур. *бардам* ‘кичливый’, ‘чванливый’, ‘хвастливый’, ‘тщеславный’, ‘горделивый’.

2.9ж. Слово с праформой **кун'а-кан*, обозначающее указательный палец и употребляемое главным образом в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков (эвенк., эвен., нег.), служит в некоторых других языках (сол., ороч., уд.) наименованием для пальца вообще:

эвенк. *ун'акāн ~ ун'акāчāн ~ ун'акāсāн ~ унакāн ~ ин'акāчāн ~ hун'акāн* Нрч *~ hунакāн ~ hан'акан ~ ун'акāкӣ*, эвен. *ӯн'йӈъ̄н ~ ӯн'йкъ̄н ~ ӯн'акан ~ ӯн'окон ~ он'ӈон* Арм, нег. *он'ахāн ~ хон'ахан* ‘указательный палец’, сол. *унахā̄ ~ унаӷа ~ онӷа* Ив., ороч. *ун'а ~ ун'ака(н-)*, уд. *ун'‘а ~ ун'‘аи* ‘палец’.

С приводимым наименованием для указательного пальца в большинстве тунгусо-маньчжурских языков связаны обозначения для кольца, перстня, наперстка и ложки, в том числе в языках ульчском и нанайском, в которых интересующее нас название для указательного пальца отсутствует: [15]

эвенк. *ун'акāптун ~ ин'акāптун ~ унакāптун ~ hунакāптун ~ hун'акāптун*, сол. *унахāттӯ*, эвен. *ӯн'капъ̄н ~ он'ӈап ~ ен'ӈап ~ йн'ӈап ~ ӯн'ӈапъ̄н, ӯн'капъ̄н ~ ӯн'н'капан ~ ӯӈкапон ~ ӯӈкопон ~ ӯмкапон ~ ункаһын* К-О, нег. *он'ахапӯн ~ он'акапӯн ~ ун'акаптӯн*, ороч. *ун'апту(н-) ~ ин'апту*, уд. *ун'‘апти(н-)*, ульч. *ҳон'аӷа(н-) ~ ҳӯн'аӷа(н-)*, орок. *хӯн'аптӯ(н-)*, нан. *ҳон'аӷā* ‘кольцо, перстень’;

---

[15] См.: В. И. Цинциус. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков. ИАН ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. 6, стр. 522.

эвенк. *ун'аптун ~ ин'аптун*, сол. *унаттӯ*, эвен. *ӯн'ӣпън ~ ӯн'апан ~ ӯн'ӣпан ~ ӯн'опон*, нег. *он'апӯн ~ ун'апӯн ~ он'аптӯн*, ульч. *ҳон'аптӯ(н-) ~ хӯн'аптӯ(н-)*, нан. *ҳон'аптӧ/ӯ ~ ҳон'ӣфто(н-)/ӯ(н-)* ‘наперсток’;

эвенк. *уӈкӑн ~ умкан ~ ункан*, эвен. *ӯн'ҳан ~ ӯнҳан ~ ӯн'кан ~ ӯӈкан ~ ӯмкан*, нег. *онкӑн*, ороч. *ун'а ~ ун'иɣа ~ ун'ика(н-)*, уд. *ун'иӈа*, ульч. *ҳон'а(н-) ~ хӯн'а(н-)*, орок. *ҳӯн'а ~ ҳӯн'ӣа ~ ҳӯнӣɣа*, нан. *ҳон'ӑ ~ ҳон'æ(н-) ~ он'кӑ* К-У ‘ложка’.

2.9з. В большинстве языков южной подгруппы с обозначением указательного пальца связано представление о мере длины:

уд. *сӣӧ*, ульч. *сӣрӯ(н-)*, орок. *сӣро*, нан. *сӣрӯ* ‘указательный палец’, ‘пядь’, ‘четверть’ (расстояние между концами большого и указательного пальцев), ма. *шуру* ‘четверть’ (расстояние между большим и указательным пальцами).

Связь между названиями для указательного пальца и четвертью, пядью наблюдается и в других случаях; ср.:

эвенк. *сӯм ~ сум* [< мо.] Нрч *~сэ̄м ~ сэ̄мэ* [< як.] Учр, Урм ‘пядь’, ‘четверть’ || ср.: п.-мо. *sögem ~ sögüm ~ sügem ~ sügüm*, мо. *сөөм*, бур. *һөөм* ‘пядь’ || ср.: як. *сӣӧм* ‘пядь’, ‘четверть’, *сӧмӣjja ~ сӣмӣjja* [< *сӣӧм + ӣjjä*] ‘указательный палец’, ‘перст’, башк. *һөйәм*, тат. *сөям* ‘пядь’, ‘четверть’.

2.9и. В эвенкийском и маньчжурском языках имеется несколько названий для указательного пальца, которые сравнительно легко этимологизируются:

эвенк. *силбашивун ~ силбашиун* В-Л ‘указательный палец’; ср.: *силба- ~ һилба- ~ шилба* ‘указывать’ (пальцем), ‘предостерегать’, ‘извещать’, ‘обещать’;

эвенк. *тэлэнǯэ* С ‘указательный палец’; ср. *тэлэ-* ‘распяливать, растягивать’ (шкуру), ‘налаживать’ (самострел);

эвенк. *чӑгди* Алд ‘указательный палец’; ср. *чӑгӣ ~ чӑгӑн* ‘находящийся поодаль’;

эвенк. *апкал* П-Т, *апкӑлкэ* Алд, Е, Н, С ‘указательный палец’; ср. *апка* П-Т ‘жена старшего брата’ (первая по старшинству невестка); ср. нан. *аӄпало/ӯ*, *акпалоǯӣма* ‘первенец’;

ма. *ǯорирэ симҳун* ‘указательный палец’; ср. *ǯори-* ‘указывать’ (пальцем), ‘объяснять’ (направление);

ма. *мочо симҳун* ‘указательный палец’; ср. *мочо* ‘тупой’, ‘неуклюжий’;

ма. *дэргэ симҳун* ‘указательный палец’.

2.9к. В солонском языке отмечается детское название указательного пальца:

сол. *бӑфӯ ǯэхэ* ‘указательный палец’; ср. *ǯэхэ-* ‘указывать’.

2.9л. Для наименования среднего пальца в тунгусо-маньчжурских языках обычно используются слова, выражающие понятия «середина», «средний». В эвенкийском и эвенском языках этими наименованиями являются соответствующие прилагательные:

эвенк. *дулуг ~ дулугӯ ~ дулувӯ, дулмӣ*, эвен. *дӯлаг ~ дӯлаган* ‘средний палец’.

В маньчжурском имеет место словосочетание с участием слова, также обозначающего «средний», «середина»: *дулимба ǰ симӽун* ‘средний палец’.

2.9м. Нанайское название среднего пальца, подобно монгольскому и тюркскому, представляет собой словосочетание, в котором первое слово означает «середина», «средний», а второе — служит наименованием для пальца (вообще):

нан. *токон чумчуэн* ‘средний палец’ || ср.: монг. *дунд хуруу*, бур. *дунда хурган* ‘средний палец’ || ср.: РСл. *ортон кол*, казах. *ортан қол*, башк. *урта бармаҡ*, як. *орто тарбах* ‘средний палец’.

2.9н. В удэйском языке отмечено название среднего пальца: *ǯөлөмти*.

2.9о. Солонским детским обозначением среднего пальца служит, по-видимому, заимствование из монгольского:

сол. *ундур āхā* ‘средний палец’ (халх. *öndör ахха* ‘высокий старший брат’) || ср.: п.-мо. *öndür*, монг. *өндөр* ‘высокий’ и п.-мо. *ах-а*, монг. *ах*, бур. *аха* ‘старший брат’.

2.9п. Наименование безымянного пальца в тунгусо-маньчжурских языках имеет два основных типа образования. В первом из них оно выражается сочетанием слов с общим значением «не имеющий имени», «без имени», «безымянный»:

эвенк. *гэрбӣе āчин*, эвен. *ач гэрбэлэ̄*, ма. *гэбу ақу симӽун* ‘безымянный палец’ (*гэрбӣ, гэрбэ, гэбу* ‘имя’ + *āчин, ач, ақу* ‘нет’).

2.9р. К этому же типу примыкает заимствованное из якутского языка название безымянного пальца, употребляемое в восточных говорах эвенкийского языка как целое слово, а не как словосочетание:

эвенк. *āтэӈāк* [< як. *āта суох* ‘безымянный палец’ < *āт* ‘имя’ + *суох* ‘отсутствующий’, ‘несуществующий’] Олкм, Тнг ‘безымянный палец’.

2.9с. У эвенков Подкаменной Тунгуски широкое употребление имеет аналогичное заимствование из русского языка:

эвенк. *бисимэ* [< рус. *без имени*] ‘безымянный палец’.

2.9т. Второй тип образования наименований для безымянного пальца представляют собой словосочетания, состоящие из названий для мизинца (в качестве определения) и одного из терминов родства (по старшей линии):

ороч. *гаӈбаjуку акини ~ гаӈбаjуку экини*, ульч. *гаӈбакӯ анни ~ гаӈбакӯ эгэни* (*эjэни*), орок. *гаjав (гаjаӯ) аӈни ~ гаjав (гаjаӯ) эгэни*, нан. *гаjкоан āӈни ~ гаjкоан эйкэни* ‘безымянный палец’ (букв. ‘старший брат мизинца’ ~ ‘старшая сестра мизинца’).

2.9у. К этому же типу относится удэйское наименование:

уд. *чимч‘а ‘аини ~ чимс‘а аг‘ани* ‘безымянный палец’ (букв. ‘старший брат мизинца’) (см. ниже названия для мизинца).

2.9ф. Сюда же примыкает солонское детское обозначение безымянного пальца, очевидно, монгольского происхождения:

сол. *үилэ сүилэ* ‘безымянный палец’ || ср.: монг., бур. *үеэлэ* ‘двоюродный брат (сестра)’ и монг. *сүүлийн*, бур. *үүлэй* ‘последний’.

2.9х. Наконец, в некоторых эвенкийских говорах употребляется название безымянного пальца, семантически связанное со словами, обозначающими «насаживать, надевать на распялку», «надевать кольцо», «поставить ловушку», «подпирать что-л.» и т. п.

эвенк. *тулэксэ̄н* И ~ *тулэкшэн* Брг ‘безымянный палец’ (букв. ‘то, на что надевают кольцо’).

2.9ц. Во всех тунгусо-маньчжурских языках северной подгруппы, а также в орочском и удэйском языках наиболее распространенным названием для мизинца является слово с корнем *чим(и)* ~ *чим(у)*, тогда как в остальных языках южной подгруппы оно употребляется в значении ‘палец’ (вообще):

эвенк. *чимкӣ* ~ *чимиткӣ* ~ *чимчикэ̄н* ~ *чимчэ̄н*, сол. *чім'еркі* ~ *ціміткі*, эвен. *чимчикэ* ~ *чимчэкэн* ~ *чимчэн* ~ *чимчан*, нег. *чимкэ̄н* ~ *чимкэ̄чэ̄н*, уд. *чимч'а* ‘мизинец’, ороч. *чимча* ~ *чомочко* ‘мизинец’, ‘палец’ (вообще), ульч. *чӯмӯчӯ(н-)* ~ *чомочо(н-)*, нан. *чумчуэ̄* ~ *цумцу(н-)* ~ *чучэкэ*, ма. *симҳун* ~ *шумҳун* ‘палец’ (вообще).

В некоторых говорах эвенкийского и эвенского языков, а также в негидальском указанное название мизинца обозначает одновременно ‘верхнее висячее копытце’ (у оленя, лося).

2.9ч. Для обозначения мизинца большинство языков южной подгруппы употребляет следующее слово (используемое ими в сочетании со словами, обозначающими ‘старший брат’, ‘старшая сестра’ и для названия безымянного пальца; см. выше):

ороч. *гаӈбајуку*, ульч. *гаӈбакӯ*, орок. *гајав* ~ *гајаӯ*, нан. *гаjаққоа̄* ~ *гајққоа̄* ‘мизинец’.

2.9ш. В некоторых говорах эвенкийского языка для мизинца употребляется наименование указательного пальца с аффиксом уменьшительности:

эвенк. *ун'акака̄кӣ* И, С ‘мизинец’.

2.9щ. В ряде случаев обозначение мизинца связано со словами, имеющими значение ‘маленький’, ‘младший’, ‘последний’:

эвенк. *н'икака̄кӣ* П-Т, В-Л, И, Н, С ~ *н'акака̄кӣ* Е ‘мизинец’; ср. *никā* П-Т, Е, Н, С, Урм ‘малыш’, ‘младший’, ‘меньшой’;

ма. *ф'аӈбу* ‘последний’, ‘последыш’, ‘последний сын’, перен. ‘мизинец’, *ф'аӈбу симҳун* ‘мизинец’;

эвенк. *илгинчикаj* Тк ~ *илгичикэ* Олкм ~ *иргинчикэ̄н* В-Л ~ *илгинчикӣjэ* Тмт ~ *илгинчиктэ* Тк ~ *илгинчикэjэ* М ~ *улгилчикэ* З, Тнг ‘мизинец’ [< як. *ылгын чікіjа* ‘мизинец’ < *ылгын* ‘младший’, ‘самый меньший’, *чікіjä* ~ *чыкыjа* ~ *чымыjа* ~ *чиӈиjä* (< бур. *шигэши* ‘мизинец’)] ‘мизинец’;

сол. *учӯхэ атапит* [< мо.] детск. ʻмизинецʼ || ср.: п.-мо. *üčügüken*, монг. *өчүүхэн*, бур. *үсөө(н) ~ үсөөхэн* ʻмаленькийʼ, ʻнезначительныйʼ, ʻничтожныйʼ;

сол. *суӣтки ~ суӣтхэ* ʻмизинецʼ || ср. монг. *суе* ʻотросток от корняʼ, ʻмолодая зелень, всходыʼ.

2.9ы. К названиям, относящимся к пальцам, можно присоединить еще одно близкое по представлениям слово:

ма. *фажу* ʻпромежуток между пальцамиʼ, ʻразвилокʼ.

2.10. Н о г т и (к о г т и). Такие близкие понятия, как ноготь на пальце человеческой руки и коготь у животных, объединены почти во всех тунгусо-маньчжурских языках одним общим названием — словом с праформой корня **коси-* и аффиксом собирательности *-кта*, *-кто*, *-ктэ*, ма.*-ҳа*. При этом семантически названия для ногтя (когтя) связаны с глаголом **коси-* ʻцарапатьʼ, ʻскрестиʼ:

эвенк. *осӣкта ~ оһӣкта ~ аһӗкта ~ оһикто ~ ошӣкта ~ ошиктэ ~ ӧтта*, эвен. *осто ~ оһтъ ~ ӧштӓ*, нег. *ӧтта*, уд. *ва^{h}икта ~ ваикта*, ульч. *ҳоста ~ ҳӱста*, орок. *ҳосӣқта* ʻноготьʼ, ʻкоготьʼ, нан. *ҳосақта ~ ҳосӣқта ~ ос'ақта ~ осэктэ ~ усактэ* ʻноготьʼ, сол. *ушӣкта ~ ушикта*, ма. *васиҳа ~ васиҳан ~ ошоҳо* ʻкоготьʼ; ср.: ороч. *хосу*, орок. *ҳосӣпӱ(н-)*, ма. *вашақу* ʻскребок для соскабливания мездры со шкурыʼ; ср.: эвенк. *осӣ- ~ ос- ~ оһи- ~ ош- ~ эс- ~ эсӣ-*, сол. *ошӣ-*, эвен. *осӣ- ~ ошӣ-*, нег. *осӣ-*, ороч. *хоси-*, уд. *ваиӡаси- ~ ваили-*, ульч., орок. *ҳосӣ-*, нан. *ҳосӣсӣ-*, ма. *ваша- ~ уша-* ʻцарапатьʼ, ʻчесатьʼ, ʻскрести, скоблитьʼ (шкуру) || ср.: др.-тюрк. *qaši-* ʻчесатьʼ, ʻщекотатьʼ, тур. *qaši-* ʻчесатьʼ, ʻскоблитьʼ, башк. *кысы-*, тат., кирг. *кашы-*, чув. *хыҫ-* ʻчесатьʼ, ʻпочесыватьʼ;

сол. *ушӣкта ~ ушикта* обозначает, кроме того, ʻкопытоʼ.

2.10а. В орочском языке отмечено иное обозначение ногтя:

ороч. *типа* ʻноготьʼ; ср. нан. изобр. *тӣап* ʻуколовшись' (не проткнув насквозь).

2.10б. Приведем еще одно особое обозначение ногтя в маньчжурском: *хитаҳун* ʻноготьʼ.

2.10в. В маньчжурском же существует слово, передающее близкое понятие к ногтю, а именно:

ма. *ӡооман* ʻкорень ногтяʼ.

2.11. Ф а л а н г а. В отдельных тунгусо-маньчжурских языках отмечены наименования для фаланги (пальцев руки, ноги):

эвен. *нувучин ~ нувучън* ʻфалангаʼ (пальцев руки); ср. *нувучин ӡаланнӣ* ʻиюньʼ (букв. ʻсустав фалангиʼ).

орок. *тэскэктэ* ʻфалангаʼ (пальцев руки, ноги);

уд. *токпугу* ʻнаросты на косточкахʼ (руки, ноги).

2.12. К у л а к. Наименования для кулака в тунгусо-маньчжурских языках представлены двумя группами слов, которые

принято возводить в конечном итоге к единому архетипу **нидурга* — общему с монгольским и тюркским: [16]

эвенк. *чурга* А, Сх, эвен. *чор* ~ *чоро*, нег. *чојга* [< *чурга*], орок. *чӱрга* ~ *ǯӱрқа* ~ *тӱрга* 'кулак';

эвенк. *нидурга* [< мо.] Нрч, сол. *норγа* ~ *нуруга*, нег. *нојга* [< *нурга*], ороч. *нугга* [< *нурга*], ульч. *н'ӱǯа(н-)* [< *нурга*], ма. *нуǯан* [< *нурга*] 'кулак' || ср.: ср.-мо. *nudurga*, п.-мо. *nidurγ-a*, монг. *нударга(н)*, бур. *нюдарга(н)* 'кулак' || ср.: др.-тюрк. *judruk* ~ *ǯudruk* ~ *ǯuduruk*, алт. *јудрук* ~ *дьюдрук*, башк. *йоǯрок* ~ *йӧǯӧроқ*, казах. *жүдырық* ~ *жоды̆рық*, каракалп. *жудырық*, тат. *йодырык*, тув. *чудурук*, хак. *нуǯурух*, як. *сутурук* 'кулак'.

2.12а. В большинстве языков южной подгруппы имеет распространение ниже приводимое слово, обозначающее кулак:

ороч. *сӕанту* ~ *сӕнту*, уд. *санту*, ульч. *сēнтӱ*, орок. *сēнтӱ*, нан. *сӥанто/ӱ* ~ *сӕнто/ӱ* 'кулак'.

2.12б. В эвенкийских говорах употребляются, кроме уже рассмотренных, следующие наименования для кулака:

эвенк. *колто* Е, И, Н, П-Т, Тнг, Урм, Учр, Чмк 'кулак'; ср. *колто-* 'ударить', 'бить', 'расколоть кулаком'; ср. также: нег. *колто-* 'расколоть', ороч. *кондо*, уд. *кандугу*, ма. *ҳонтоҳо* [< *колтоко*] 'половина', ма. *ҳонтоҳоло-* 'делить пополам' || ср.: п.-мо. *xoltul-* 'отламывать', монг. *холт* 'частица': *холт цохи-* 'отбивать', *холтло-* 'отламывать'; бур. *холто* усилительная частица: *холто сохи-* 'отламывать';

эвенк. *солто-* Брг, В-Л, Кч, Н, С-Б ~ *солта-* К. ~ *hолто* И ~ *шолокто-* С-Б 'кулак'; ср.: *солто-* 'ударить', 'бить кулаком', *солтомат-/ч-* 'драться кулаками' || ср.: п.-мо. *čokilta*, монг. *цохилт*, бур. *сохилто* 'удар'.

3. Т а з о в ы й п о я с.

3.1. Для выражения понятия «таз», «кости таза» в большинстве тунгусо-маньчжурских языков существует одно общее слово с праформой **дэбэ-кӣ*:

эвенк. *дэвэкӣ* ~ *дэвукӣ* ~ *дэ̄кӣ* ~ *дувукӣ* ~ *дуγукӣ* ~ *дӯкӣ* ~ *дулкӣ*, эвен. *дэвкӣ*, нег. *дэвэхӣ* ~ *дэ̄хӣ*, уд. *дэухи*, ульч., орок., нан. *дэвэ* 'таз, кости таза', сол. *дэбэхи* ~ *дэвэхи* 'бок', ма. *ду*, *ду гираӈги* 'кость у заднего прохода' (соединяющаяся с бедром).

При этом в языках эвенкийском, эвенском и негидальском приведенное слово является одновременно названием крупа животного. В эвенкийском им же обозначается окорок и, в отдельных говорах, — бедро, бедренные кости (человека и животного) и поясницу. Кроме того, ему свойственно переносное значение — женская одежда мехом внутрь с разрезом сзади до пояса.

3.1а. Интересно, что и другое название таза, употребляемое в сымском говоре эвенкийского языка, находит себе параллель

[16] См.: Ф. Г. И с х а к о в. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. IV. Лексика. М., 1962, стр. 20.

в обозначении полы одежды в ряде тунгусо-маньчжурских языков:

эвенк. *элэмнӣ* С ‘таз’ (верхняя часть тазовых костей) ~ *ӭлāмэ* П-Т ‘нижняя часть женской верхней одежды’; ср. ульч., орок., нан. *ӭлэ* ‘пола одежды’.

3.1б. Приводимое ниже эвенкийское название для таза, по-видимому, исходит из представления об отверстии:

эвенк. *шаӈāлран* С ‘таз, тазовые кости’; ср. эвенк. *саӈāр* ~ *hаӈāр* ~ *шаӈāр* ‘дыра’, ‘отверстие’.

3.1в. Наконец, еще одно из эвенкийских обозначений таза связано по своей семантике со словами, обозначающими низ, нижний:

эвенк. *hэргӣ* ‘тазовые кости’, ‘хвостовой позвонок’, ‘копчик’, ‘низ’.

3.1г. Для названия таза, бедер в маньчжурском языке употребляется слово, которое в других тунгусо-маньчжурских языках служит обозначением для промежности:

ма. *сарг'а* ‘таз’, ‘бедра’, ‘ляжки’, ‘шаг’, ‘ширинка у штанов’.

В связи с непосредственным отношением к тазу таких понятий, как ягодицы, ниже приводятся имеющиеся их наименования:

ма. *ура* ‘зад’, ‘ягодицы’; *ура фулчин* ‘ягодицы’ (*фулчин* ‘щека’).

3.1д. В маньчжурском языке отмечены еще некоторые названия для костей и других органов, расположенных в нижней задней части тазового пояса:

ма. *к'ōк'он гираӈги* ‘конец позвоночной кости над задним проходом’ (у животных);

ма. *нимэӈги jаса* ‘впадина у хвостовой кости’;

ма. *тэру* ‘задний проход’.

3.2. Л о б о к, л о б к о в а я к о с т ь. Передача этих понятий производится с помощью следующих слов:

эвенк. *самак* Алд, Сх, Урм, Учр, орок. *самаӄ* ‘лобок, лобковая кость’, ‘дужка в упряжке для нарты’ || ср. як. *самах* ‘лобок, лобковая кость’;

эвенк. *кака* Учр ‘лобковая кость’, ‘лонное соединение’;

уд. *бомбоктоги* ‘лобок’;

ма. *бэгу* ~ *бэку* ‘лобковая кость’.

3.3. П а х. Слов, обозначающих это понятие, в тунгусо-маньчжурских языках несколько:

эвен. *дэлбэ* К-О ‘пах’;

нег. *самӈан*, нан. *самӡа* ‘пах’;

ульч. *žакпа* ‘пах’;

ма. *факи* ~ *фахи* ‘пах’.

В ульчском языке в данном случае используется общее тунгусо-маньчжурское слово *žапка* ‘край’, ‘борт’, ‘межа’, ‘грань’, употребляемое в ульчском языке также в значении ‘разветвление’, ‘развилина’.

Что касается последнего маньчжурского названия, то оно, по-видимому, имеет этимологическую связь с маньчжурским же

фаӷа ‘рогулька’, ‘подставка с развилинами для подпирания оконных рам и занавесок, поднятых вверх’.

3.3а. К обозначению понятия «пах» имеет отношение следующее маньчжурское слово:

ма. *чаби* ‘подбрюшки’, ‘пашки меха’, ‘черевчатый, брюшчатый мех’ || ср.: п.-мо *čabi*, монг. *цавь*, бур. *сами* ‘пах’ || ср. кит. *цян пѝ* (букв. ‘грудь, живот+кожа, мех’).

3.3б. Монгольским заимствованием является и другое, приводимое ниже, маньчжурское название для паха:

ма. *ӷалби ~ ӷалбин* ‘пах’, ‘отвислое брюхо’; ср.: эвенк. *калбиӈ* Сх ~ *карбиӈ* Брг ‘подкожный жир у оленя’ || ср.: п.-мо. *xarbing*, монг. *харвин* ‘подбрюшный жир у животного’.

3.4. П р о м е ж н о с т ь. Наименование промежности выражается в тунгусо-маньчжурских языках словом с праформой **сала-ган*:

эвенк. *салган ~ сāлгэт ~ сāлгэ ~ hāлгэ ~ шалга*, эвен. *hāлгэ ~ hāлга ~ hалго*, нег. *салга*, ороч. *сāга*, уд. *сага* Ан, орок. *салда(н-)* [< **салга*], нан. *салга* К-У ‘промежность’.

В эвенкийском и эвенском языках это же название относится одновременно к паху. В эвенском оно, подобно маньчжурскому *сарг'ан*, имеет значение ‘шаг’ (расстояние на шаг). Из других его значений отмечены:

эвен. ‘расстояние, промежуток между треногами остова чума’, уд. ‘разрез’ (боковой на рубашке), орок. ‘развилина’ (реки, дороги, у остола), ма. ‘таз’, ‘бедра’, ‘ляжки’, ‘ширинка у штанов’.

Все указанные значения слова **сала-ган* позволяют предполагать его этимологическую связь с п.-мо. *salag-a(n)*, монг. *салаа(н)* и бур. *налаа* ‘развилина’, ‘разветвление’.

3.4а. В эвенкийском языке известно еще одно слово для обозначения промежности: *таӈӡаӡа* С.

3.5. Н о г а, -и. Из названий, употребляемых в тунгусо-маньчжурских языках для передачи понятия «нога», общим является слово с праформой **бэгди*, которое лишь в эвенкийском ограничено некоторыми говорами:

эвенк. *бэгди ~ богди* В-Ам, Хнг ~*боӡи* А, сол. *бэлдир*, эвен. *бāдъл* [< **бэгди + л*], нег., ороч., уд., ульч. *бэгди*, орок., нан. *бэгӡи*, ма. *бэтхэ*, чж. *pù̀h-tīh-hēi* ‘нога’; ср.: ульч. *будэл*, нан. *будэр ~ бэдэр* ‘пара’; ср. ма. *бэкдэрэ- ~ бэктэрэ-* ‘остолбенеть’ (от испуга) || ср.: др.-тюрк. *but* ‘бедро’, ‘нога’, аз. *буд*, башк., тат. *бот* [*бŏт*], кумык., туркм. *бут*, хак. *пут* ‘бедро’, алт., кирг., тув. *бут*, уйг. *пут* ‘нога’, як. *бӯт* ‘бедро’, ‘стегно’, ‘задняя нога’ (животного), ‘нога’ (человека), ‘ручки’ (у ножниц).

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков приведенное название одновременно обозначает ногу или лапу животного, а также ножку предмета, копылья нарты, ружейные сошки, сваи амбара и т. п.

3.5а. Вторым весьма распространенным названием либо для ноги в целом (эвенк., сол.), либо только для стопы, ступни, подошвы является слово с праформой **пала-ган*, которое в ряде тунгусо-маньчжурских языков (эвенк., сол., ма.), как и в монгольских языках, означает ‘ладонь’ (см. стр. 320).

3.5б. В нанайском языке отмечено специальное название для левой ноги: *мококо*.

3.6. Б е д р о, -а, л я ж к а, -и, к р у п (ж и в о т н о г о). Почти во всех тунгусо-маньчжурских языках бедро или ляжка, а также круп животного выражаются словом с праформой **оγо*:

эвенк. *оγо ~ hоγо* П-Т, Алд, Учр, сол., нег. *оγо*, эвен. *ōγ*, ороч., уд., ульч., орок., нан. *ō* ‘бедро’, ‘ляжка’, ‘круп’ (животного); ср.: ульч. *омбо ~ оӈбо*, орок. *омбо ~ омго*, нан. *оӈбо* ‘бедро’, ‘ляжка’, ‘круп’, ‘окорок’.

3.6а. Наряду с приведенным выше названием имеется еще другое, которое обозначает переднюю часть бедра около колена:

эвенк. *бōкан* ‘бедро’, ‘ляжка’, ‘наколенники’; *бōко* ‘зад’, ‘круп животного’, эвен. *бōкън* ‘бедро, ляжка’, ‘колени’, уд. *бō* ‘бедро’ (передняя часть), *боӈка* ‘бедренная кость’, ма. *бухи* ‘ляжка, передняя часть выше колена’.

3.6б. В некоторых из тунгусо-маньчжурских языков бедро, а также кости — бедренная, берцовая и плечевая — обозначаются следующим словом:

эвенк., нег. *даγан'а*, орок. *дāна*.

3.6в. В языках южной подгруппы бедро, мускулы, мышцы бедра, ягодицы имеют указанное ниже обозначение:

ульч. *тарпӣ ~ тайфа* Ш., орок. *тарпӣ ~ талпӣ ~ талапӯ ~ талаптӯ*, нан. *талпӣ ~ талфаҳа* Бк.

3.6г. В говорах эвенкийского языка для названия бедра используется общетунгусское слово, основным значением которого является ‘бок’, ‘сторона’:

эвенк. *олдон* Н, Е, И ‘бок’, ‘сторона’, ‘бедро’, сол. *олдō̃*, эвен. *олдан*, нег. *олдон*, ороч., уд. *огдо(н-)*, ульч., орок. *ҳолдо(н-)*, нан. *ҳолдō̃ ~ ҳодо(н-) ~ олдō̃* ‘бок’, ‘сторона’.

3.6д. Некоторые из эвенкийских говоров в значении ‘бедро’ и связанных с ними понятий употребляют то же слово, что обозначает в них ‘локоть’, ‘локтевая кость’, ‘голень’ (см. стр. 319).

3.6е. В отдельных тунгусо-маньчжурских языках существует еще ряд названий для бедра:

эвенк. *гулдука ~ гуллука* ‘бедро’, ‘мускул’, ‘мышцы’;

эвен. *hаӈ ~ hаӈо ~ hаӈӯн* ‘бедро’, ‘бедренная кость’;

ульч. *чӣвӯ*, нан. *чӣокӣ ~ цокӣ* ‘бедро’;

нан. *багдихӣ* ‘мышцы бедра’;

ма. *суӽсаҳа* ‘бедро’, ‘окорок’;

ма. *умʒан гираӈги* ‘кость бедра, трубчатая’ (*умʒан* ‘мозг, костный’).

3.7. Вертлюг. Название для вертлюга отмечено в следующих языках:

эвенк. *чики*, эвен. *чӣқ ~ чӣк*, нег *чіх* ‘вертлюг’, уд. *чиги* ‘бедро’; ср. нан. изобр. *чӣқор-чӣқор*, *чӣқорӣгда* ‘хрустя’.

В эвенкийских и негидальских языках это слово употребляется и в переносном значении ‘шарнир’ (оконный, дверной), ‘петля’.

3.7а. Кроме того, в эвенкийском языке используется заимствованное из якутского языка слово:

эвенк. *joрчak* Сх, Урм, Учр ‘вертлюг’ || ср. як. *іӓрчӓх ~ іӓтчӓх ~ іӓччӓх* ‘вертлюг’ (у бедренной кости), ‘шарнир’, ‘петля’ (у двери, ящика).

3.7б. Отдельное наименование для вертлюга известно в маньчжурском языке:

ма. *ҳорчиқу* ‘вертлюг’ || ср.: ср.-мо. *horči*, п.-мо. *orči-*, монг. *орчи-*, бур. *эршэгэнэ- ~ эрьелдэ-*, калм. *ortš'-* ‘вертеться’, ‘вращаться’, ‘кружиться’.

3.8. Колено. Общее понятие «колено» выражается в тунгусо-маньчжурских языках словом с праформой **пэjӈэн*, не отмеченном лишь в маньчжурском и чжурчженьском языках:

эвенк. *hэнӈэн ~ hэн'ӈэн ~ hэӈэн ~ энӈэн*, сол. *эӈэ̃*, эвен. *hэнӈън ~ hэнӈэн ~ hөӈӈөн* Ск ~ *hъннӈън ~ hэнӈън ~ hӓӈгӓн ~ hıӈгэн* К-О, нег. *хэн'ӈэн ~ хэӈэн ~ хэнж̌эн* Ш., ороч. *хэӈӈэ ~ хэӈэн*, уд. *хэӈэ*, ульч. *пэн'э(н-)*, орок. *пэнэ ~ пэӈэ(н-)*, нан. *пэjӈэ̃ ~ хэн'ӈэ(н-)* К-У ~ *hэрэӈэӈ* Снг ‘колено, -и’.

В Олёкминском говоре эвенкийского языка *hэнӈэн* обозначает коленную чашечку.

Производные имена существительные от *hэӈэн* в эвенкийском языке — *hэнӈэн'э* и *hэӈэмэ* — означают кость передней ноги оленя ниже бедренной кости.

В эвенском языке с помощью присоединения к основе слова *hэнӈъ* аффиксов *-с*, *-чэ*, *-м* образованы существительные *hэнӈъс*, *hэнӈъчэ*, *энӈъм*, обозначающие переднюю ногу оленя, лося, барана, т. е. ногу животного, на которой имеется колено.

3.8а. Маньчжурское название для колена, коленного сустава, коленной чашечки имеет, по-видимому, общее происхождение с аналогичным тюркским названием:

ма. *тобг'а* ‘колено’, коленная чашечка’; || ср.: др.-тюрк *tobïq ~ topuk*, тур. *topuk*, узб. *тӯпик* ‘лодыжка’, башк. *тубык* ‘колено’, казах., уйг. *тобук*, хак *тобык*, як. *тобук ~ табык ~ тамык* ‘колено’, ‘коленная чашечка’, ног. *тобык* ‘коленная чашечка’.

3.8б. Общими как с тюркскими, так и с монгольскими наименованиями коленного сгиба являются также следующие ульчские и маньчжурские названия:

ульч. *тахи* ‘коленная чашечка’, ма. *так'а* ‘колено’ (у скота); ‘коленце’ (у птицы) || ср. п.-мо. *takim*, монг., бур. *тахим* ‘коленный сгиб’ || ср.: алт., хак., шор. *такым*, казах., тат. Бараб *тағым* ‘коленный сгиб’, ‘подколенная часть ноги’.

3.8в. У тунгусо-маньчжурских народностей существует особое понятие о коленях как передней части бедер (при сидячем положении), которое имеет общее название с праформой **бэлгэ*:

эвенк. *бэлгэ ~ болго*, сол. *болохи*, эвен. *бэ̄лгъ ~ бэ̄лгэ ~ бэ̄лго ~ бäлгä* К-О, нег., нан. *бэлгэ*, уд. *бэгэ*, ульч. *бэлӡ̌э*, орок. *бэл'дэ* ‘колени’ (передняя часть бедер при сидячем положении).

Эвенское *бэ̄лгэ*, кроме того, означает ‘склон, подножие горы’. Последнее дает право для сопоставления рассматриваемого выше тунгусо-маньчжурского слова с п.-мо. *bel*, монг., бур. *бэл* ‘косогор’, ‘подножие, склон’ (горы); ср. также эвен. *бäлгä* в значении ‘подол’, нег. *бэлэгэпун ~ балгафун* ‘передник’, ‘набрюшник’ (из кожи) || ср.: монг. *бэлхэвч*, бур. *бэлхэнгэч* ‘набрюшник, пояс’ (широкий).

3.8г. Отмечено в одном лишь баргузинском говоре эвенкийского языка особое название для колена, а именно: *локсо*.[17]

Однако это слово, по-видимому, имеет ошибочный перевод. По своему фонетическому облику оно может быть сопоставлено с п.-мо. *logsi*, монг. *логш*, обозначающим подстилку для свиней в хлеву, а приведенное в качестве примера к эвенк. *локсо* словосочетание *локсолвотин токсо* ‘ноги в коленях изломав’, надо полагать, может быть представлено следующим образом: *локсо* ‘подстилка для свиней в хлеву’ + *-л* — афф. мн. ч. + *-во* — афф. вин. пад. + *-тин* — афф. 3-го л. мн. ч. Далее, *тоуо-* ‘ложиться (о животных)’ + *-ксо* — афф. разновременного деепричастия. Итак в целом, в буквальном переводе: ‘на подстилки (для свиней в хлеву) ложась’.

3.9. К о л е н н а я ч а ш е ч к а. Северная подгруппа тунгусо-маньчжурских языков имеет общее название для коленной чашечки:

эвенк. *инӈукэ̄н ~ инӈэкэ̄н ~ инникэ̄н ~ индикэ̄н ~ инjикэ̄н ~ hиндикэ̄н*, сол. *индэхэ̄*, эвен. *ӣнрикэн ~ ӣнрикэ̄н ~ ӣнръкэн ~ ӣндикэн ~ индэкэн* ‘коленная чашечка’.

3.9а. В удэйском и нанайском языках отмечены следующие наименования:

уд. *тэмисэ* ‘коленная чашечка’;

нан. *паӈбаўчў* ‘коленная чашечка’.

3.10. Г о л е н ь, б е р ц о в а я к о с т ь. Почти во всех тунгусо-маньчжурских языках голень и берцовая кость называются общим словом с праформой **куӈсу-ку*:

эвенк. *уӈнукӣ ~ умукӣ ~ умокӣ*, нег. *оӈнйхӣ ~ оӈйкӣ*, ороч. *уӈси ~ уӈсуи*, уд. *уиӈки ~ уэӈки ~ уэӈку*, ульч. *ҳоӈса*, орок. *ҳоӄсо ~ ҳўӄсо ~ ҳўӄсӱа*, нан. *ҳоӈсоа̃ ~ ҳоӈсо ~ омсоӄа ~ омсокӱа̃*, ма. *ҳолҳон, г'о ҳолҳон, ҳолҳочи* ‘голень’, ма. *ҳолҳон гираӈги* ‘голенная кость’.

3.10а. Маньчжурский язык, помимо указанного выше названия для голени, имеет еще и другое: *сajҳа* ‘голень’.

---

[17] См.: Тит., стр. 87.

3.10б. Сочетания со словом *сајӯа*, а также некоторые другие словосочетания обозначают в маньчжурском языке отдельные части голени:

ма. *сајӯа и туку* ‘передняя, наружная часть голени’;
ма. *сајӯа и доқо* ‘выпуклая часть голени’;
ма. *хин гираӈги* ‘выпуклая часть голени’.

3.10в. В эвенском языке голень, а также берцовая кость имеют наименование: *көнчөн ~ көнчэн*.

3.10г. Название берцовой кости в эвенском и маньчжурском языках иногда соответствует названиям локтевой и лучевой кости в других тунгусо-маньчжурских языках (см. стр. 319) или же совпадает с этими названиями, как это имеет место в эвенкийском, ороч-ском и удэйском языках (см. там же).

3.11. И к р ы (ног). Самым распространенным названием для икры ноги (не отмеченным лишь в солонском, маньчжурском и чжурчженьском языках) является слово с праформой **тиӡа-кӣ*:

эвенк. *тиӡакӣ ~ теӡакӣ ~ чиӡакӣ*, эвен. *тӣӡӣкӣ ~ чечӣкӣ ~ чӣчӣкӣ ~ чичӓки*, нег. *тӣӡахӣ ~ тӣӡакӣ ~ чӣӡахӣ*, ороч. *тиӡаки*, уд. *теӡæ‘и ~ тиӡæ‘и*, ульч. *чӣӡапа(н-)*, нан. *чӣӡакӣ ~ тӣӡакӣ* ‘икры’ (ног).

Это же название в эвенкийском, эвенском и негидальском языках относится одновременно к мускулам, мышцам на икрах ног. В говорах эвенкийского языка им обозначается, кроме того, мясо (с ног оленя). В нанайском оно служит также названием для задней части туши, ягодицы.

3.11а. В солонском и маньчжурском языках икры (ног) и мышцы (рук, ног) имеют название, общее с монгольскими и тюркскими языками:

сол. *булчатта*, ма. *булча јали ~ булчан јали* ‘икры’ (ног), ‘мышцы’ (рук, ног) ‖ ср.: п.-мо. *bulčing*, монг. *булчин(г)* ‘мускул, мышца’, бур. *булшан* ‘икры’, ‘мускулы, мышцы’ (ног) ‖ ср.: др.-тюрк. *baldïr ~ baltïr*, узб. *болдир*, казах. *балтыр*, хак. *палтыр*, тув. *балдыр* ‘икры’ (ног), як. *быlчыӈ ~ бытчыӈ ~ быччыӈ* ‘мускул, мышца’, ‘икры ног убитой скотины’.

3.11б. Отмечены также следующие названия для икры ноги в отдельных тунгусо-маньчжурских языках:

эвенк. *чакча* П-Т *~ чакчака* Нак ‘икры’ (ног);
эвен. *ақӯтӣ* Арм ‘икры’ (ног), ‘ляжки’; ср.: уд. *ва‘ипти* Хор, Бик, Смрг ‘наголенники’ *~ вэгикти ~ угэкти* Смрг ‘чулки из ровдуги’;
орок. *dajantӣj* ‘икры’ (ног).

3.12. С т о п а, с т у п н я, п о д о ш в а. Для названия этих частей тела в большинстве тунгусо-маньчжурских языков служит слово с праформой **пагди-кӣ*, которое одновременно обозначает в этих языках и лапу животного, в частности медведя:

эвенк. *hагди ~ hагдикӣ*, нег. *хаккӣ ~ хакӣ ~ хагдӣкӣ*, ороч. *хагди ~ хагдики ~ хагдуӈки*, уд. *хагдиги*, ульч., орок. *пагӡӣ*,

нан. *ҳагдйкй* К-У ‘стопа’, ‘ступня’, ‘подошва’, ‘лапа’, ма. *факӡин* ‘опора’, ‘подпора’, ‘основание’, ‘шпора — кочеток на задней лапе петуха’.

3.12а. В целом ряде тунгусо-маньчжурских языков понятия «стопа», «ступня», «подошва» выражаются словом с праформой **пала-ган*, которое, как уже отмечалось выше, в некоторых из этих языков, а также в языках монгольских служит для обозначения ладони (см. стр. 320).

3.12б. В бо̨льшинстве языков северной подгруппы в значении ‘нижняя часть стопы’, ‘подошва ноги’ употребляется слово с корневой основой *пэрэ* > *hэрэ* > **hэр* со значением ‘низ’, ‘нижняя часть чего-либо’, ‘дно’:

эвенк. *hэрмӣ* Е ‘ступня’ ~ *эссэ* [< эвен.] Тт ‘подошва’, эвен. *hэссэ* ~ *hэссъ* ~ *hэhhъ* ~ *hэhъ* ~ *häшшä* К-О ~ *эссъ* Б ~ *öhhö* ~ *öhө* Ск ‘подошва’, ‘подметка’, ‘пядь’, нег. *хэссэ* ‘подошва’, ‘подметка’, орок. *пэри*, *пэрэксэ* ‘подошва,’ ма. *хэргин* ‘черты’, ‘линии на руках или подошвах ног’, ‘черта’ (вообще).

В языках эвенском, негидальском и орокском этим же словом называется подошва обуви, подметка. Отметим также, что с указанным выше корнем в некоторых тунгусо-маньчжурских языках связано обозначение подошвы горы, нижней части склона; ср.: эвенк. *hэрэ*, нег. *хӭjгунмэ*, уд. *хӭ* ‘подошва горы’. В маньчжурском для названия подошвы имеется отдельное слово — *фатан*.

3.12в. В удэйском языке встречается особое наименование для верхней части стопы: *уjгэпси* ‘стопа, подъем ноги’.

3.12г. Название плюсны — верхней части стопы, как уже отмечалось выше, совпадает с названием тыловой поверхности кисти руки (см. стр. 320).

3.12д. Особое обозначение плюсны существует в маньчжурском языке: *умуҳун* ‘плюсна’.

3.12е. В орокском языке отмечено слово, обозначающее предплюсну, семантически связанное с глаголом *сйгӡй-* ‘опираться’: *сйгӡйпӱ(н-)* ‘предплюсна’.

3.13. П я т к а. Общим почти для всех тунгусо-маньчжурских языков наименованием пятки служит слово с праформой **ӌуӌути*:

эвенк. *ӌиӌути* ~ *ӌинти* ~ *ниӌути*, сол. *нӣнтэ*, эвен. *ӌӗӌутъ* ~ *ӌӣӌутъ* ~ *ӌӣӌутэ* ~ *н'ӣӌутэ* ~ *н'инты* К-О ~ *н'ӣнтэ* Арм, нег. *ӌиӌути* ~ *ниӌути*, ороч. *ӌиӌути* ~ *нинти* Ш. ~ *нинта* Л., уд. *ниӌути* ~ *иӌути* Бик, ульч. *ӌӌти*, орок. *укчи*, нан. *ӌӌчи* ~ *инси* ~ *инчи* ~ *ниӌчи* К-У ‘пятка’.

В эвенском, ульчском и нанайском языках это слово употребляется, кроме того, в значении ‘каблук’.

3.13а. В эвенкийском языке для передачи понятия «пятка» употребляется также заимствование:

эвенк. *усугуj* ~ *усугун* Нрч ‘пятка’ ‖ ср.: п.-мо *ösügei*, монг. *өсгий* ‘пятка’, ‘каблук’, бур. *hүсы* ‘пятка’.

3.13б. Часть восточных говоров эвенкийского языка использует для обозначения пятки якутское заимствование:

эвенк. *тиӈилэн ~ тиӈэлэк* З, Урм, Учр ‘пятка’ || ср. як. *тіӈіläх ~ тігіläх ~ тіліӈäх ~ тіläх* ‘пята, пятка’, ‘задки у торбасов, сапог’, ‘мясистая часть ладони’, ‘лодыжка’.

3.13в. В эвенском языке отмечено следующее наименование для пятки: *һэӈэ̄р ~ эӈэ̄р* Арм ‘пятка’, ‘подошва’.

3.13г. Специальное название для пятки имеет маньчжурский язык: *гуjэ*.

3.13д. Название для пятки в орокском и нанайском языках с корневой морфемой **пйа-* может быть сопоставлено, с одной стороны, с маньчжурским наименованием мозоли и, с другой стороны, с эвенкийским названием щетки, шкурки под копытом оленя:

эвенк. *һе̄ма* Е, И, Учр ‘щетка, шкурка’ (под копытом оленя), орок. *пйакта ~ пе̄кта* ‘пятка’, ‘кожа ступни’, ‘подушечки на лапах животных’ (оленя, кошки), нан. *пйакта* ‘пятка’, ма. *ф'аӽа ~ ф'аӽан* ‘мозоль’, *ф'аӽана-* ‘образовываться мозоли’, *ф'аӡа-* ‘затвердевать, образовываться рубцу, мозоли’, *ф'аӡан* ‘раковина под копытом’, ‘подошва’ (у животных).

3.13е. Сюда же следует отнести название, которое относится к подушечкам на ладони у человека и на лапах у животного:

ороч. *тиӡэ* ‘подушечки на ладони (у человека) и на лапах (у животного)’; ср.: уд. *тикпумӡи бихи* ‘покрытый мелкими бугорками, прыщиками’.

3.14. Лодыжка, щиколотка, бабка. Выражение этих трех понятий в тунгусо-маньчжурских языках часто совпадает:

эвенк. *аjӯ ~ аjукӑ̄н ~ аjикан* ‘лодыжка’, ‘бабка’, сол. *аjӯхӑ̄* ‘лодыжка’.

3.14а. То же самое наблюдается по удэйским и маньчжурским данным:

уд. *гуанӡиг'а* ‘лодыжка’, ма. *ʁанчуӽа ~ ʁачуӽа* ‘бабка’, *ʁачуӽа гираӈги* ‘щиколотка’ (букв. ‘кость бабки’).

3.14б. Солонское название для лодыжки может быть сопоставлено с маньчжурским наименованием голени и берцовой кости, а также с аналогичными монгольскими названиями:

сол. *сӑ̄ӽа* ‘лодыжка’, ма. *саjӽа, саjӽада ~ саjӽата* ‘голень’, ‘берцовая кость’, *шанту гираӈги* ‘берцовая кость’ || ср.: п.-мо. *šaaγan ~ šiγa(n) ~ šiγai* ‘лодыжка’, *šaaγantu ~ šantu* ‘берцовая кость’, монг. *шагай* ‘лодыжка’, ‘щиколотка’, ‘бабка’, ‘кость’ (игральная); *шаант чөмөг* ‘большая берцовая кость’, бур. *шагай* ‘лодыжка’, ‘щиколотка’, ‘бабка’, *шагайта* ‘бедренная кость’.

3.14в. В эвенском языке существуют следующие названия для лодыжки:

эвен. *туγγунукэ̄н ~ туγγунука ~ туһунукан ~ тугнукэ ~ тувнукэ ~ тӯнукэ ~ тэвнукэ̄н* ‘лодыжка’;

эвен. *чимуэ̄к* ‘лодыжка’.

Слово *чимӈэк*, по-видимому, имеет общую корневую основу со словом *чимчэкэ* ~ *чимчэн* ‘мизинец’.

3.14г. В некоторых эвенкийских говорах для наименования лодыжки используется слово, основным значением которого является ‘сустав’:

эвенк. *ǯалан* Алд, Е, Учр ~ *ǯалани* П-Т ‘сустав’, ‘лодыжка’.

3.14д. В удэйском языке название щиколотки совпадает с названием для запястья: *кандугу* ‘щиколотка’, ‘запястье’.

3.14е. Имеются, кроме того, отдельные названия для бабки в ряде тунгусо-маньчжурских языков:

эвенк. *иӈэрэкэн* П-Т ‘бабка, косточка оленьего копыта’;

эвенк. *бāбкэ* ~ *бāпкэ* [< рус.] П-Т, Н, С-Б, Хнг ‘бабки’ || ср. як. *баабхи* ~ *баабки* [< рус.] ‘бабка’, ‘лодыжка’;

эвенк. *умӈэкэн* П-Т, С ‘бабка’.

Последнее может быть этимологизировано с эвенкийским глаголом *умӈэ-* ‘поставить вьюки в ряд’, что, по-видимому, ассоциируется с постановкой в ряд бабок при игре в них.

ма. *ҕоӈҕон* ~ *гоӈгон* ‘бабка’ (игральная — прямо стоящая на кону);

ма. *чэбкэ* ~ *чэкэ* ‘бабка’ (плоская сторона); ср.: нег. *чāха* ‘пяточная кость’ (круглая), эвенк. *чāкэ* ‘ремень для пятки на лыже’;

ма. *шордай* ‘бабка’ (неровная, горбатая сторона).

3.15. Пальцы ног. Отмечено несколько особых названий, относящихся к пальцам ног:

эвенк. *чараткӣ* ~ *чираткӣ* Алд, Сх, Урм, Учр, нег. *чаjаткӣ* ‘палец’ (на ноге);

эвенк. *сурчāн* Алд ~ *чурчāн* Алд, Н, П-Т, С, Учр, Чмк ‘палец’ (ноги), ‘ступня’ (передняя часть), ‘носок сапога’, ‘конец лапы’ (животного);

эвен. *hөнки* ~ *hоӈки* ~ *hунки* ~ *hоₒнки* К-О ~ *сунʲки* Арм ~ *онки* ~ *унки* Б ‘пальцы’ (ног), ‘носок обуви’; ср. эвенк. *сунʲуки* ‘носок обуви’.

С. Н. МУРАТОВ

НЕКОТОРЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ СУХОПУТНЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ИХ ДЕТАЛЕЙ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1

Наименования ряда сухопутных [1] средств передвижения относятся к той части лексики алтайских языков, которая содержит слова как собственно алтайские, так и заимствованные. Последние восходят к поздней эпохе существования алтайских языков. В ранние периоды такие наименования возникали на базе общеалтайских корней и основ, которые получили дальнейшее развитие, усложнились в эпоху самостоятельного существования отдельных алтайских языков.

Для ранних эпох характерны такие наименования средств передвижения, как др.-тюрк. *qaŋγa ~ qaŋlï* ‘повозка’, ‘телега’ (ДТС, 118, 419); ср.: хак. *ханъаа* ‘телега’, п.-мо. *tergen* ‘телега’, тюркские *арба ~ араба ~ harава* ‘телега’, ‘арба’, эвенк. *ирӯвун* ‘телега’, ‘повозка’, ‘волокуша’, *ирāкā* ‘грузовая нарта’, п.-мо. *čirγa*, монг. *чарга* ‘сани’, як. *сыарҕа ~ сāрҕа* ‘сани’, ‘нарта’, ‘повозка’, ‘колесница’, ‘воз’. Позднее почти во всех алтайских языках вошли в обиход многие наименования средств передвижения, заимствованные из других языков, например, в диалектах татарского: *одёр ~ айдур* (< рус. *одер*) ‘телега’ (для перевозки снопов, соломы и т. п.) (ТДС, 22, 27; ДС, I, 10); *другá* (< рус. *дрогá*, *дроги*) ‘телега’ (для перевозки дров) (ДС, III, 51); алт., башк. *бричка* (< рус.); в ряде случаев для обозначения отдельных видов телеги к стержневому слову в качестве определения стали добавлять заимствованные слова, например: башк. *кашауай сана* ‘кошева, кошевка’, бур. диал. *адёор тэргэн* ‘лесовоз’.

Рассмотрим этимологию ряда основ — наименований сухопутных средств передвижения, а также этимологию наименований некоторых деталей их.

---

[1] По водным средствам передвижения имеется следующая литература: Sinor Denis. On Water-transport in Central Eurasia. Ural-Altaische Jahrbücher, Bd. 33, Hft. 1—2, 1961, стр. 159—179. В этой работе автор после исторического экскурса рассматривает наименования различных видов лодок, плотов и паромов в алтайских языках. См. также: К. М. Мыльникова-Форштейн. Развитие тунгусо-маньчжурской лодки по данным языка. В кн.: Памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, стр. 325—348.

1. Основа *тэргэн*. Рассматриваемая основа встречается во всех ветвях алтайской языковой общности. Она широко представлена в монгольских языках, тогда как для тюркских и тунгусо-маньчжурских обычно возводится к монгольскому источнику. Приведем соответствующие лексические данные:

п.-мо. *tergen*, монг. *тэрэг~тэргэн*, бур. *тэргэ(н)*, калм. *tergn̥*, даг. *m'ergə ~ m'ereG*, монгор. *t'iērGe* 'повозка', 'телега', 'ладья (шахматная)', бур. *үхэр тэргэ* 'бычья телега', бур. диал. *даргай тэргэн* 'двухколесная телега', 'арба' (ИБГ, II, 34), *ниидхын тэргэ* 'катушка для ниток'. Производными от наименования повозки являются п.-мо. *tergeči*, монг. *тэргэч*, бур. *тэргэшэ* 'ямщик', 'кучер', 'мастер-тележник', 'упряжное животное'.

В большинстве тюркских языков этому монгольскому наименованию повозки соответствует по значению *арба ~ араба*, например: д.-мо. *tergen* — чаг. *araba* 'телега' (МА, 349). Но в некоторых тюркских языках для этих целей служит рассматриваемое монгольское наименование; ср.: др.-тюрк. *tergän* 'телега'; ж.-уйг. *терген* 'телега-двуколка' (арба простая для земледельческих работ) (Малов, ЯЖУ, 118), тув. *терге* 'телега', 'ладья шахматная', алт. *тāрӈän* 'телега', 'колесо', 'круг' (Радлов, III, 1071; Päs. EW, 475 б).

В тунгусо-маньчжурских языках можно считать монголизмами сол. *тэргэ̄*, эвенк. (прибайкальские говоры) *тэргэ* 'повозка', 'телега', ма. *тэргэчи* 'возница, кучер' (ср. п.-мо. *tergeči*).

К приведенным вариантам рассматриваемой основы следует отнести ма. *сэǯэн* 'повозка'. Это слово считают древнейшим монгольским заимствованием,[2] однако его своеобразное фонетическое развитие, характерное для маньчжурского языка, а также широкое использование в маньчжурском оставляют открытым вопрос, является ли оно монголизмом; ср.: *сэǯэн* 'повозка', 'телега', 'экипаж', 'колесница', *фара сэǯэн* 'боевая колесница', *jаруӈан сэǯэн* 'колыбелька' (в которую ребенок помещается после рождения и которую, в случае его смерти, везут или несут впереди одра, букв. 'передовая тележка'), *файдаӈа сэǯэн* 'парадная широкая колесница' (*файдан* 'ряд, церемониальный строй', 'кортеж' (< *файда-* 'построить, расставить в соответствующем церемониальном порядке'), *сэǯэси* (~ *тэргэ-чи* < мо.) 'кучер', 'возница', *сэǯэ-чи* 'тележник', 'каретник'.

В качестве маньчжуризма слово *сэǯэн* представлено также в солонском и в большинстве тунгусо-маньчжурских языков

---

[2] L. Ligeti. Les anciens éléments mongols dans le mandchou. Acta orientalia Hungarica, X, 3, 1960, стр. 243. — Со своей стороны отметим, что из монгольских форм наиболее близка к маньчжурской монгор. *t'iērGe*, которая позволяет представить следующую картину развития: ма. *сэǯэн* < **чэǯэн* < **m'(и)эǯэн* < **m'иэргэ(н)* < **тэргэн* < **тэри-гэн* (ср. монг. *тэрэг*, даг. *m'эрэG*).

Приамурья; ср: сол. *сэǯӣ*, нан. *сэǯэ̄*, ульч., орок., ороч. *сэǯэ(н-)* 'повозка', 'телега', 'колесо'.

К сопоставлению с мо. * *тэргэн* привлекалось также кор. *тальгуди* 'повозка', 'телега', 'арба';[3] ср.: кор. *сондальгуди* 'тачка', 'тележка' (< *сон* 'рука'+*тальгуди* 'телега', букв. 'ручная тележка'), *чимдальгуди* 'тележка' (< *чим* 'ноша', 'багаж'+*тальгуди*, букв. 'багажная тележка').

В свою очередь первый слог кор. *таль+гуди* предположительно возводится к кор. *тат-та* 'бежать' (< *таль-/р-+да*);[4] ср.: кор. *тара-нада*, *тальли-да-* 'бежать'~'быстро передвигаться', *тари-да-* 'вести', 'тащить', *тариго ка-да~тарё-ка-да-* 'уводить', *тариго о-да-~тарё-ода-* 'приводить'. Наконец, в этот ряд был поставлен и тюркский глагол * *tez-* 'бежать', 'убегать';[5] ср.: др.-тюрк. *tez-* 'бежать', 'убегать', *tezit-* побуд. 'гнать', *tezgür-* побуд. 'избежать', *tezig* 'быстрый', 'расторопный', *tezgäk*, *tezik* 'человек, который избегает работы', *tezgin-* 'вращаться', 'кружиться', 'бродить', 'обходить', 'странствовать', *terk*, *terkin* 'быстро', 'скоро', *terklä-* 'торопить', 'ускорять'.

Интересно, что имеющиеся в монгольских языках вторичные глагольные производные от основы *тэргэн* 'повозка' также означают быстрое движение — 'убегать'~'удирать'; ср. бур. *тэргэл-* 'убегать', 'удирать', *тэргэлэлгэ* 'бегство'.

Поскольку алтаисты-монголисты (P. Vergl., стр. 14, 104) и тюркологи (Räs. EW, 475б, 477а; Егоров, 232) считают заслуживающей доверия реконструкцию тюрк. *тез-* < * *тер-* > чув. *тар-* 'бежать' и ставят в связь с этой глагольной основой мо. * *тэргэн* 'телега', указанное наименование может рассматриваться как отглагольное имя * *тэр-гэн* (букв. 'то, что быстро движется', 'бегущий').

2. Основа *чирга*. Различные фонетические регулярные модификации указанной лексемы в монгольских языках служат для обозначения саней:

п.-мо. *čirga*, монг. *чарга*, бур. *шарга*, бур. диал. *чарга* (ИБГ, I, 164) 'сани, нарта'; из числа тюркских языков это слово в качестве монголизма[6] отмечается в якутском, где оно служит для обозначения различного рода повозок: як. *сыарҕа~сы̄рҕа~сырҕа~са̄рҕа* 'сани', 'дровни', 'нарта', 'повозка', 'колесница', 'воз', *ат сы̄рҕата* 'сани, в которые запрягают лошадей', *оҕус сы̄рҕата* 'дровни' (букв. 'бычьи сани'), *таба сы̄рҕата* 'олений возок', *ыт сы̄рҕата* 'собачий возок', *ǯiä са̄рҕа* 'кибитка' (букв. 'юрта-повозка', 'дом-повозка'), *сайыӈны сы̄рҕа* 'телега' (букв. 'летние

---

[3] G. J. Ramstedt. Studies in Korean Etymology. MCFOu, XCV, 1953, стр. 253.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] RKW, стр. 442; Räs. EW, стр. 419а.

сани'), *сыарҕасыт* 'возчик на санях, нарте', 'мастер делать сани', 'ездовая собака, лошадь'.

Что касается тунгусо-маньчжурских языков, то в одних случаях это существительное является монголизмом, в других же проникло из якутского языка, как это наблюдается в различных эвенкийских говорах; ср.: сол. *ш'иргāл* [< мо.] 'салазки', эвенк. К. *т'ерга*, Втм, Нрч *чēрга*, С-Б *ширга* [< мо.], вост. *сēрга* ~ *сӣрга* ~ *сырга* [< як.], эвен. Скр *hирга* [< як.] 'нарта', 'сани'.

Несколько особняком стоит ма. *шэрхэ* 'нарта'. Г. Рамстедт и М. Рясянен монгольское наименование для саней ставят в связь со следующим монгольским глаголом: п.-мо. *čir-*, калм. *tšir-*, монг. *чирэ-*, бур. *шэрэ-* 'тащить', 'волочить', 'возить', 'перевозить'; ср. производные формы: п.-мо. *čirge-* 'тащить, волочить', *čirgegül-*, монг. *чиргүүлэ-*, бур. *шэргүүлэ-* 'тащиться', 'волочиться', монг. *чиргүүл* 'баржа', 'прицеп', бур. *шэргүүбшэ* 'сани', оглобли у саней', калм. *tširgūl* 'волокуша', 'оглобля'.

Однако в связи с мягкорядной огласовкой приведенных монгольских глаголов с ними может быть сопоставлено лишь маньчжурское наименование для нарты — *шэрхэ*, а также калм. *tširgūl* 'волокуша' и бур. *шэргүүбшэ*. К сопоставлению с мо. *чирга* 'сани' можно привлечь: др.-тюрк. *čïz-*, тур. *çız-*, туркм. *чыз-*, тат. *сыз-*, башк. *hыҙ-*, чув. *чĕр-* 'чертить', 'проводить линию', як. *сыс-* ~ *сос-* 'волочить'.

Исходя из приведенных фонетических разновидностей глагольной основы, бытующих в тюркских языках, общетюркская праформа может быть представлена следующим образом: *hыҙ-* < *сыз-* < *чыз-* < **чыр-* > чув. *чĕр-* 'чертить', 'волочить'.

Следовательно, если предположить, что мо. *чир-га* 'сани' является производным от глагольной основы ** чыр-* ~ *чир-*, дословно это существительное означало 'то, что волокут', 'то, что оставляет след, черту', 'волокуша'.

3. Основа *чана/сана* ~ *чанак*. Эта основа, являющаяся наименованием саней и лыж, более широко распространена в тюркских языках, менее в монгольских, а из тунгусо-маньчжурских имеется только в эвенкийском и эвенском, представляя собой заимствование из якутского. Поэтому ее невозможно считать основой общеалтайской; однако, тем не менее, она представляет интерес, так как, несмотря на широкое распространение, ее этимология даже в тюркологии до сих пор оставалась неясной (Егоров, 218). [7]

В тюркских языках Сибири и Средней Азии эта основа бытует в обоих вариантах, различающихся по значению: алт., тел., леб. *чанак* (Радлов, III, 1855), тат. (Сибирь) *чанаҡ*, тув., шор.

---

[7] Исчерпывающую интерпретацию эта основа получила в работе: Karl H. Menges. On the Etimology of Slav. *sani*, Ural. **śona*, Alt. *čana* «sledge». «Orientalia suecana», Vol. XVIII (1969), Uppsala, 1970, стр. 153–162.

шанак ‘сани’, чаг. *чанак* ‘стремя’ (Радлов, III, 1855), алт. *чана*, хак. *сана*, тув. *шана* ‘лыжи’, узб., уйг. *чана* ‘сани’. В других языках: башк. *сана*, казах., ног., каракалп. *шана*, карач.-балк., кумык., тат. *чана* ‘сани’, карач.-балк. *аякъ чана* ‘коньки’, кирг. *чана~чанаа*, чув. *ҫуна* ‘сани’, Тел, Леб *чана* ‘полозья у саней и лыж’ (Радлов, III, 1155).

Из монгольских языков только калм. *цан* употребляется в значении ‘сани’, а монг. *цана*, бур. *сана* — в значении ‘лыжи’. Поэтому можно предположить, что в монгольских языках данные слова являются тюркизмами, заимствованными, по всей вероятности, через посредство башкирского (*сана* ‘сани’) и хакасского (*сана* ‘лыжи’).

В ряде тунгусо-маньчжурских языков производные этой основы, в частности эвенк. *сиӈак*, эвен. *hыӈāк* ‘полоз нарты’, представляют собой якутское заимствование (ср. як. *сыӈāх* ‘полоз у саней’).

Нет сомнения, что башк. *сауғы* ’лыжи, обитые шкурой’, тат. *чауғы*, казах. *шауғы* ‘лыжи’, кирг. *чауғы* ‘плетеные лыжи’ (для ходьбы по снегу в горах) также являются производными корневой части рассматриваемой основы путем присоединения аффикса *-гы* со значением орудия/приспособления.[8]

По своему звучанию основа *чана/сана~чанак* напоминает распространенное во всех славянских языках слово «сани» (ср. укр. *са́ни*, *са́нка* ‘полоз’, др.-рус. *сань* ‘змея’, чеш. *sáně* ‘сани’, ‘челюсть’, ‘скула’ — Фасмер, III, 557). М. Фасмер утверждает, что наличие значений ‘сани, санный, полоз’ и ‘змея’ доказывает скорее исконно славянское происхождение основы, нежели ее заимствование. Поэтому он отклоняет попытки сблизить славянское *сани* с финно-угорским (мансийск. *šun*), а также с тат. *чана*, казах. *шана*, калм. *цан* ‘сани’, монг. *цана*, бур. *сана* ‘лыжи’, так как, по его мнению, подобное сближение представляется случайным (Фасмер, III, 557).

Можно еще отметить, что В. И. Абаев сравнивает славянские слова с осетинск. *žonyğ/conæğ* ‘сани’, ‘челюсть’.[9]

По-видимому, прав М. Фасмер, утверждая, что сближение славянских и тюркских слов, обозначающих сани, носит случайный характер и, по крайней мере на данном уровне наших знаний, они не могут быть возведены к какому-либо общему с тюркскими и монгольскими языками источнику. В тюркских языках рассматриваемая основа является самобытной; ср. ее фонетические варианты: *чана~шана~сана*, *чанак~шанак~чанаа*, первые из которых являются усеченными на конце вариантами вторых.

---

[8] См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 118—119; Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 229, 232.

[9] Абаев, стр. 398.

Однако этимология славянского слова *сани*, которое восходит к слову, обозначающему челюсть, скулу, дает разгадку и тюркомонгольской основы *чана/сана~чанак/чанаа*.[10]

В этом можно убедиться, если сопоставить основы *сана~чанак* со словом, обозначающим в тюркских языках челюсть, например: др.-тюрк. *jaŋaq* 'щека', чаг. *чаŋа* 'нижняя челюсть' (Радлов, III, 1851), алт. *jaak* (<*jaŋak*) 'щека', казах., каракалп. *жақ* (<*жаŋақ*), кирг. *жаак*, карач.-балк. *джаяк*, ног. *як* (<*йаŋак*) 'щека', 'челюсть', тат., туркм. *яŋак*, башк. *яŋаҡ*, тур. *yanak* 'щека', н.-уйг. диал. *jaŋaq* 'скула', 'щека' (Малов, ХН, 154), чув. *янах* 'подбородок', 'челюсть'.

Наиболее показательным в этом отношении является якутский язык, где данная основа употребляется в значении 'челюсть' и в значении 'полозья саней'; ср. *сыŋāх ~ сыŋыах ~ сыŋах ~ сыгах* 'щека', 'скула', 'челюсть', 'санки', *сыŋāх* 'полозья у саней и дровней'.

Если же слова, обозначающие в тюркских языках сани, лыжи, также щеку и челюсть, дополнить такими примерами, как башк. *саŋка* 'перегнутый', 'наклоненный назад', *саŋкай-* 'перегибаться', 'отклоняться назад', 'откидывать голову назад', 'загибаться' (обычно о носке обуви), н.-уйг. *чаŋкак* 'крюк', чаг. *чанка* 'когти' (Радлов, III, 1859), тур. *чāŋгāл* 'крючок' (Радлов, III, 1963), то становится очевидным, что полозья саней получили свое наименование по согнутой, крюкообразной форме и сами сани — по общему виду, напоминающему челюсть. Очень возможно, что первобытные люди приспосабливали челюсти крупных животных для транспортировки добычи, перевозки вещей волоком при больших переходах. Вполне вероятно, таким путем название челюсти закрепилось за санями как средством передвижения.

4. Основа *тилгāн*. Эта основа отмечена в тюркских языках. Она одновременно служит наименованием и колеса, и телеги; ср.: др.-тюрк. *tilgän* 'колесо', 'круг' 'диск', др.-уйг. *tilgän* 'Rad', 'Scheibe' (Gabain, 480a), чаг. *mälgän* 'деревянная военная машина' (Радлов, III, 1086). В каракалпакском языке телега обозначается двояко: словом *арба* и словосочетанием *телген арба*, которое является наименованием каракалпакской четырехколесной телеги. Случаи обозначения и колеса, и телеги одним и тем же словом нередки в алтайских языках (ср. чув. *урапа~орапа* 'телега', 'колесо'), подобно тому как одним и тем же словом обозначаются и полозья саней, и сами сани (см. выше основу *чана/сана~чанак*).

Колеса в большинстве случаев именуются словами, обозначающими предметы круглой конфигурации и поэтому при необходимости способные производить кругообразное вращательное

---

[10] Ср. рус. *сани* в значениях: 'полозья', 'зимняя повозка на полозьях', 'нарта', 'салазки', 'челюсти', 'нижние скулы', 'грудная кость у птиц', 'дужка', 'вилка', *са́нка* 'скула', 'челюсть' (Даль, IV, 137).

движение; ср.: др.-тюрк. *tilgän* ʻколесо', ʻкруг', ʻдиск', *qanlï tilgäni* ʻколесо телеги', *tiz tilgäni* ʻколенная чашечка', *qulyaq tilgäni* ʻушная раковина', *jēllig tilgäni* ʻвихрь, вихревые порывы ветра'; ср. также: кирг. *melägäi* ʻокружающее', кахаз. *telägäi* ʻкокандская шляпа' (Радлов, III, 1082);

Таким образом, можно утверждать, что основа *тилгäн* означает «нечто круглое, круглообразное, нечто вращающееся, катящееся». Эта основа оформилась в результате метатезы — перестановки корневого *г* с аффиксом основы *-л*: *тилгäн* < *тиглäн* < *тигилäн* ('вращающееся', ʻколесо'). Об этом свидетельствуют такие примеры, как шор. *tägilän-* ʻкатиться' (Радлов, III, 1085), а также наименования колеса: хак. *теглек* (< *тегилек*) ʻколесо', ʻкруглый', саг. *tägilik* ʻколесо' (Радлов, III, 1035), алт. *тегелик* ~ *tälĭk* (< *tägälĭk*) (Радлов, III, 1084) ʻколесо' и др. Нередки случаи подобной метатезы в других основах, обозначающих также круглые предметы; ср. бур. *түхэреэ(н)* ʻкруг',ʻ круглый', ʻсеребряная монета' и бур. диал. *төрхөгөр* (<*төхөрөгөр*) ʻкруглый' (ИБГ, II, 16).[11]

В заключение отметим, что основа *тилгäн*, по всей вероятности, имеет отношение к русскому слову *телега*, распространенному также в других славянских языках и вернувшемуся снова в ряд алтайских языков в том же звучании. Оно отмечено в древнерусских письменных памятниках с XII в.[12] Одни исследователи считают его тюркским заимствованием и сопоставляют с тур. *täkär* ʻколесо', алт. *täγäräk* ʻкруг', ʻкольцо' по данным «Опыта сравнительного словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, другие связывают со словом *стелю*.[13] Однако не ясно, как слово *телега* непосредственно можно сопоставить с указанными выше словами. Другое дело слово *тагарка* (Даль, IV, 395), обозначающее телегу у уральских казаков. Оно имеет прямое отношение к тюрк. *täkär/такар*, обозначающему колесо. На основе рассмотренного выше правильнее будет считать, что телега восходит к рассматриваемой основе *тилгäн*. Но вполне возможно, что вначале оно было заимствовано в виде *теглига/теглега*, т. е. в то время, когда в тюркских языках существовал более древний вариант данной основы в виде *тегилäн/тегилägäн*, который позднее, благодаря метатезе и стяжению, как указано выше, принял вид *телгäн/тилгäн* < **теглäн* < **тегилäн* ‖ **тегилägäн* > *тег(и)лägäн* > *теглägä(н)* > *теглегä*.

Об этом можно судить по двум формам: *teglighe* и *tiela*, отмеченным в первой половине XIX в. соответственно в боснийском

---

[11] Ср. также в словах другой семантики: тат. *тилгән* ~ леб. *täligän* (Радлов, III, 1084) и башк. *төйләгән* ~ шор. *täglägän* (Радлов, III, 1039) 'коршун'.

[12] Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 330.

[13] Фасмер, III, 89—90.

и люнебургском славянских наречиях наравне с другими формами (*telega*, *talika* и др).[14]

5. Основа **тиүгил*. Она употребляется в качестве наименования оси телеги. В небольшом количестве бытует во всех ветвях алтайских языков.

Примеры:

тур. *dingil*~чув. *тĕнĕл* (*урапа тĕнĕлĕ* 'ось телеги')~п.-мо. *tenggelig* (при *tonggelik modun* 'круглое дерево')~монг. *тэнхлэг*~сол. *тэүэл/тэүэли* 'ось телеги'.

В маньчжурском эта же основа имеет вид *тэмун* со звуком *м* в корневой части (ср. тат. диал. *дүүгәләк* [*дӱӱгӓлӓк*]~*дүмгәләк* 'кольцо для прикрепления косы к косовищу' — ТДС, 135) и наряду со значением 'ось тележная' обладает еще значениями: 'навой' (у ткацкого станка), 'скалка', 'катушка для ниток'. Другая маньчжурская основа — *тэмухэн*, образованная с помощью древнего афф. *-ак/-ок* (ср. эвенк. *тоүикā* 'круг', 'кружок', уйг. *төүгэ*<*төүгäк* 'большое железное кольцо'), имеет значения: 'скалка или палка, на которую навертываются картины, портреты', 'счетное слово для портретов и картин'. Эти две маньчжурские основы подчеркивают многоплановость значения корневой части рассматриваемой основы и в целом указывают на правомерность ее объединения с основами, обозначающими ось телеги.

В. Г. Егоров, сопоставляя чув. *тĕнĕл* 'ось' с приведенными выше турецкими и монгольскими обозначениями оси, а также с казах. *дөүгелек* 'колесо', приходит к выводу о связи этого чувашского слова с понятием о вращении (Егоров, 246).

Однако в том, что именно основа типа чув. *тĕнĕл* стала наименованием оси телеги, заключены более глубокие причины.

Основа **тиүгил* представляет собой дальнейшее развитие основ, обозначающих колесо и другие круглые предметы, и лишь в определенный период она стала употребляться в качестве наименования оси телеги. Так, прообразом оси явились кругляки, подкладываемые под тяжести при их волочении. Такие кругляки, наименования которых включают корень, обозначающий круглые предметы (ср. п.-мо. *tonggelig modun* 'круглое дерево', 'кругляк'), постепенно передали свое наименование не только оси телеги, но также и колесу; и прав В. Г. Егоров, сопоставляя чув. *тĕнĕл* и другие обозначения оси с казах. *дөүгелек*, обозначающим колесо.

Что же касается непосредственно самой оси, то ее наименование могло претерпеть изменения, после того как ось стала осознаваться в качестве отдельной детали повозки. Вследствие этих

---

[14] См.: Ф. Шимкевич. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками. СПб., 1842, стр. 81.

изменений основа, служившая наименованием оси, оформилась внешне (фонетически) и внутренне (по значению) в виде обобщения особенностей ряда корней и основ, обозначающих сходные с осью предметы.

Подтверждением этому являются следующие примеры слов, показывающих правомерность соответствия звуков *н*~*ң*~*м* [> *нк/нг*~*ңк/ңг*~*мг/мб* и т. п.] в качестве третьего элемента корня, а также связь основы **тингил* как с понятиями о круглом предмете, о кругообразном движении, так и с понятиями о колебательном движении, о пошатывании, сопровождаемыми громыханием, присущим оси телеги (когда ось вращалась вместе с наглухо прикрепленными к ней колесами), а также с громыханием самой телеги (с колесами, неподвижными на оси либо вращающимися на ней).

Рассмотрим следующие примеры:

др.-тюрк. *tenri-*(< *ten+ir+i-*) 'кружиться' (о голове), казах. *тентек* 'вертячка' (болезнь скота), чув. *тĕнекке-* 'идти неуверенной походкой, когда от слабости подгибаются ноги', тур. *dingilde-* 'шататься', 'качаться' (при *dingil* 'ось' (телеги)). ма. *дэңгэлӡэ-* 'зыбиться, качаться', 'колыхаться' (о флаге), *дэңси-* 'трясти' (о телеге), 'колыхаться с кочки на кочку' (по неровной дороге), ульч., нан. *дэңгэ-дэңгэ* 'качаясь' (ульч.), 'дрожа, трясясь, качаясь, шатаясь' (нан.), п.-мо. *дэңсэлгэтэй*~монг. *дэңсӗлгӗтэй* 'тряский' (о телеге).

В данном случае корни приведенных выше слов (др.-тюрк. *ten+ri-*, казах. *дөңг+ел+е-*, тур. *ding+il*, *ding+il+de-*, чув. *тĕн+ĕл*, *тĕнк+ке*, ма. *тэм+ун*, *дэңг+эл+ӡэ-*, *дэң+си-* и др.) в своем значении содержат отголоски представлений, которые возникают на основе впечатлений от телеги. Следовательно, развитие значения указанных корней шло по линии: понятие о всяком круглом предмете (круге, шаре и т. п.) → кругляк, бревно (подставляемые под тяжести) → вращение, передвижение || шатание, покачивание (когда кругляк катился по земле или когда ось свободно вращалась в своем гнезде в корпусе телеги) || дребезжание, громыхание (издаваемое катящимся предметом и ходовой частью телеги) → ось телеги, арбы.

Таким образом, рассмотренная основа, обозначающая ось, в плане семантики представляет собой синтез представлений об указанных предметах и явлениях; при этом образоподражательные (шатание, покачивание) и звукоподражательные (громыхание) аспекты в отношении сперва оси, затем самой телеги являются вторичными, сравнительно поздними.

В заключение отметим, что в основе другого наименования оси, существующего почти во всех тюркских языках, лежит образ перемещающегося, «перекочевывающего с места на место» предмета; ср. башк. *күсәр*~тат. *күчәр*~каракалп. *көшер* 'ось' (телеги), с одной стороны, и др.-тюрк. *köč-* 'переходить, передвигаться, кочевать', башк. *кус-*~тат. *куч-* 'перемещаться, пересе-

ляться, кочевать,' кирг. *көч* 'кочевка, перекочевка', *көч-* 'кочевать, переселяться', с другой.

Такое происхождение наименования оси в данном случае невозможно сопоставить непосредственно с телегой, хотя использование ее связано с перемещением с одного места на другое, а ось, наряду с колесом, является одной из характерных ее деталей. По всей вероятности, значение оси как «кочующего, перемещающегося (предмета)» связано с кругляками, подкладываемыми под тяжести при их волочении. Обычно несколько кругляков, подложенные под тяжесть, при волочении последней смещаются назад, а освободившийся из них снова подкладывают под тяжесть спереди. Этим создавалось впечатление перемещения, «перекочевывания» кругляка с места на место, почему он и получил наименование *көчäр* 'то, что перемещается', 'кочующий', от глагола *көч-* 'перемещаться', 'кочевать'. Позднее, когда подобный кругляк был вделан в гнездо в корпусе колесницы, арбы или иной повозки с наглухо прикрепленными к нему дисками в роли колеса, название «кочующий (предмет)» сохранилось в тюркских языках в качестве одного из наименований оси телеги.

2

Основы, обозначающие колесо. Для развития сухопутного колесного транспорта большое значение имело изобретение колеса. Оно зародилось от кругляков, подкладываемых под тяжести, передвигаемые волоком. В начале колёса не отделялись от оси, а вращались вместе с ней и имели форму диска.[15] Колеса, вращающиеся на неподвижной оси, вошли в употребление значительно позже. Указывают, что колесный вид транспорта возник еще в глубокой древности и был распространен, например, в Передней Азии еще в IV тысячелетии до н. э.[16]

При всей неравномерности развития колесного транспорта среди народов, говорящих на алтайских языках,[17] в течение веков для обозначения колеса этими народами создано множество слов на базе собственно алтайской лексики.

Рассмотрим основные наименования колеса в алтайских языках.

---

[15] На северо-западном побережье оз. Севан в Армении в курганах, относящихся ко II тысячелетию до н. э., были обнаружены четырехколесные повозки с дисковидными колесами (см.: С. А. Есаян. Из истории колесного транспорта древней Армении. Историко-филологический журнал, АН Арм. ССР, № 3 (10), Ереван, 1960, стр. 142.

[16] См.: Г. Чайлд. Древний Восток в свете новых раскопок. Русский перевод. М., 1956, стр. 230.

[17] Например, у нанайцев колесный транспорт не был развит. Летом они пользовались водными средствами сообщения, зимой — санями, нартами и лыжами (см.: С. Н. Оненко. Характеристика некоторых областей лексики современного нанайского языка. В сб.: Просвещение на советском Крайнем Севере, вып. 8, Л., 1958, стр. 276—277.

1. О с н о в а **т ä к ä р*. Широко распространена в тюркских языках, менее — в монгольских. В качестве наименования колеса имеет ряд фонетических и морфологических вариантов.

П р и м е р ы:

аз. *тәкәр*~башк. *тегәрмәс* [*тägärmäs*]~казах., ног. *тегершик*~тат. *тәгәрмәч*~тат. диал. *тәгәрцәк*~*тәгәрми* (ТДС, 436)~*тегертмәч* (ДС, II, 179)~*тигәрчек* (ДС, II, 184)~хак. *терпек* [< *тегерпек*] ‘колесо’, тур. *tekerlek* ‘колесо’, ‘круг’ (сыра и т. п.) ~туркм. *тигир* ‘колесо’, ‘шпулька’, ‘велосипед’ (в просторечии), чаг. *такіpläк* ‘вертящийся предмет’, ‘колесо’ (Радлов, III, 1021), як. *тиэрбэс* (< *тигэрбэс*) ‘кольцо’, ‘колечко’.

Все эти наименования восходят к глагольно-именной основе, выражающей понятие о круглых предметах и о кругообразном, вращательном движении; ср.: тув. *тегер-* ‘кружиться’, ‘описывать круг’, ‘обходить’, туркм. *тигирле-* ‘катить’ и др.-тюрк. *tegräk* (< *tegir+äk*) ‘ободок’, ‘обруч’, ‘круг’, *tegirmilä-* ‘кружить’, ‘ходить по кругу’, алт. *тегерик* ‘круг’, ‘круглый’, *täғäräktä-* ‘делать круглым’, ‘округлять’ (Радлов, III, 1031), кирг. *тегерен-* ‘кружиться, ‘вращаться’, тат. *тәгәрә-* ‘катиться’ (о круглых предметах), урум. *тағарла-* ‘катиться’ (о колесе, шаре и т. п.).

На базе этой основы в тюркских и монгольских языках возникло слово, обозначающее мельницу, например: др.-тюрк. *tegirmen*~аз. *дејирмән*~кирг. *тегирмен*~ног. *термен* (< *тегермен*)~тув. *дээрбэ* (< *дегер+бен*/*тегер+мен*)~п.-мо. *tegerme*~монг. *тээрэм* (< *тэгэр+ем* < *тегер+им+ен*?) ~ бур. *тээрмэ*~калм. *tēŗm°*~*tēŗtŋ*.

Эти примеры свидетельствуют, что значение аффикса *-ман*/*мän* в настоящее время затемнено; [18] этот аффикс уже разрушается, и основа, которая когда-то была живой, становится неразложимой. Однако сравнительный анализ дает возможность установить в данном случае орудийное значение аффикса *-ман*/*мän*. Слово *тегирмен* вначале означало ‘орудие, приспособление для вращения’ (жернова), т. е. ‘мельничное колесо’, а затем наименование это стало означать в целом мельницу. Но путь развития этого слова от его возникновения до настоящего времени не был прямолинейным для каждого языка; ср. тув. *тегер-* ‘кружиться’, ‘описывать круг’, лежащее в основе слова *тегирмän*, и *дээрбэ* (< *дэгэрбэ* < *дэгэрбэн* < **тэгэр+мэн* ‘мельница’).

2. О с н о в а **т о к о р*. Распространена в основном в тунгусо-маньчжурских языках. Наряду с наименованием колеса служит для образования наименований других предметов круглой формы.

---

[18] Даже в тюркологии, где этот аффикс достаточно проанализирован, еще невозможно считать его до конца изученным (см.: Э. В. С е в о р т я н. Афиксы именного словообразования. . ., стр. 197). Можно лишь указать, что этот аффикс весьма древен и не во всех ветвях алтайских языков получил одинаковое развитие.

Примеры:

ма. *тоҳоро* (< * *тоҳороқ* < * *тоɣороқ*) ‘колесо’, ‘обод’, *тоҳороқу* ‘жернов’ (верхний, т. е. вращающийся), ‘каток для укатывания земли после посева’;

п.-мо. *toγuriγ* ~монг. *дугараг/дойрог* ‘круглый’, ‘круг’, ‘колесо’ (телеги);

тув. *дугуруг* ‘круглый’, *тоорук* (< **тогорук*) ‘кедровая шишка’, ‘орех’;

чаг. *тоғур* ‘кибитка более длинная, чем широкая’ (Радлов, III, 1163);

як. *туорах* (< **тоɣорак*) ‘шишка’ (сосновая, еловая и т. п.);

ср. также: эвенк. диал. *токоркōн* ‘юла’ (ДСЭЯ, 159), эвенк. *тōраɣ* (< * *тогораɣ*) ‘метель’.

В основе подобных наименований лежат глаголы, например: п.-мо. *toγuri-* ~монг. *тойро-* ‘ходить вокруг чего-л.’, ‘кружить’, ‘окружать зверей на облаве’, бур. *тойро-* ‘обходить вокруг чего-л.’, ‘кружиться, вертеться’, калм. *duγrūl-* ‘вращать’, ‘катить’, эвенк. *токор-* ~эвен. *токор-* ‘кружиться, вертеться’, нег. *тохој-* (<*токор-*) ‘кружиться’, ‘ходить кругом’, ма. *тори-* (<*тōри-* < *тохори-* < * *токори-*) ‘кружиться’, ‘ходить кругом’.

3. Основа **тегилек*. В ряде тюркских языков является наименованием колеса и других круглых предметов.

Примеры:

алт. *тегелик* ~хак., саг., шор. *тегілек* ‘колесо’ (Радлов, III, 1035); ср.: тув. *төгелчик* ‘круглый’, ‘слегка округленной формы’, туркм. *тегелек* ‘круглый’, уйг. *дүглək* (< **дүг+ил+-ək*) ‘круг’, ‘овал’, ‘кольцо’; ср. глаголы: туркм. *тегеле-* (<*тегел+е-*) ‘округлять, закруглять’, н.-уйг. *дүгли-* ‘катиться’, ‘откатываться’.

4. Основа **дөүгел*. Распространена в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках. В тюркских оформленная соответствующим аффиксом, обозначает колесо и т. п. предметы, а в тунгусо-маньчжурских — различные предметы круглой формы.

Примеры:

казах. *дөңгелек* ‘колесо’, ‘круг’, кирг. *дөңгөлөк~дөңкөлөк* ‘колесо’ (телеги), узб. *дўнгалак* обл. ‘колесо’;

ср. другие значения: ног. *туьнъгелек* [*тӱүгелек*] ‘кочка’, тат. диал. *дүүгәләк* [*дӱүгӓлӓк*]~*дүмгәләк* ‘кольцо для прикрепления косы к косовищу’ (ТДС, 135), уйг. диал. (Аксу) *төүгӓлӓк* ‘кружок (из материи), подкладываемый под младенца в колыбели’ (Малов, УНС, 161);

эвенк. диал. *тӱүгōломо~тӱүгүрūн* ‘круглый’ (ДСЭЯ, 164), эвен. *тоңълръ* ‘кольцо’ (для упряжи, лямки), нег. *тоңолэ* ‘кольцо’, ‘узел’, *тоңгуликин* ‘круглый’, орок. *тоңгил~тоңгили* ‘водоворот’.

5. Основа **дугуй*. В основном встречается в монгольских языках.

Примеры:

п.-мо. *duγui* ‘колесо’, ‘круг’, *duγuila-* ‘образовать круг’, *duγuira-* ‘кружиться’, ‘образовать круг’, *duγuibtur*~*duγuišiγ* ‘колесообразный ’; ср. п.-мо. *duγuriγ*~монг. *дугариг* ‘круг’, ‘колесо’, ‘шар’;

монг. *дугуй* ‘круг’, ‘колесо’, ‘велосипед’, ‘круглый’ (*дугуй царайтай* ‘круглолицый’), *дугуйл-* ‘сделать, образовать круг’, *дугуйлан(г)* ‘кружок’, *дугуйра-* ‘кружиться’, ‘виться’, ‘образовать круг’;

калм. *duγū* (<*duγui*) ‘колесо’, ‘круг’, ‘дуга’;

бур. *дугуй* ‘колесо’, диал. *дугуи* ‘велосипед’ (ИБГ, II, 149);

тув. *дугуй* (<монг.?) ‘колесо’, ‘колесный’.

С этой основой в одном ряду стоят некоторые основы тюркские, снабженные аффиксами *-н* (*-ŋ*) и *-м* и обозначающие в основном обод колеса; ср.: башк. *туғын*~казах., каракалп., ног. *тоғын*~кирг., узб. *тогун*~кумык. *тоган* ~чув. *тукун* [*тугун*]~тат. *тугым* ‘обод колеса’, казах. *тоғун* ‘окружность кибиточного верхнего круга’ (Радлов, III, 1163), чаг. *тоғаŋ* ‘деревянное кольцо на конце веревки, служащей подвижной петлей’ (Радлов, III, 1159), як. *төкүнүк* ‘округленный’, ‘шаровидный’.

6. Основа *м ө ө р* (<**м ө г ө р*/*м ө к ө р*). Бытует в основном в монгольских языках, в большинстве случаев обозначает колесо, его обод и т. п.

Примеры:

п.-мо. *mōri-* ‘вертеться’ (*mōriba qoyar ösügeiłē* ‘вертелся на обоих пятках’ — МА, 352), монг. *мөөр* ‘обод’, калм. *mōr*~бур. *мөөр* ‘колесо’, *мөөрлэ-* ‘надевать колесо’, ‘приделывать колесо’.

В редких случаях встречается в тюркских языках, например: тув. *мөөрүк* ‘куполообразная вершина горного хребта’.

7. Основа **ч а к а р*~**ч ы к ы р*. Наибольшее распространение получила в тюркских языках, меньшее — в монгольских, а в тунгусо-маньчжурских встречается в единичных случаях (отмечена лишь в маньчжурском языке, где, по-видимому, является монголизмом).

Примеры:

др.-тюрк. *čakir* (<скр. *cakra*) рел. ‘магическое колесо’ (ДТС, 673), *čïγrï* (<*ир.* **caxra*) ‘колесо’, ‘колодезный ворот’, ‘пряслице’, ‘небесный свод’ (ДТС, 148), *čakiravart* ~ *čakravart* (<скр. *cakravartin*), будд. ‘чакравартин’ (эпитет великого царя, колесница которого беспрерывно катится) (ДТС, 136);

кирг. *чагарак* ‘что-л. вращающееся в виде колеса’, *чагарак* ‘кольцо’ (например, на подпруге), *чагарак куйрук* ‘хвост, загнутый кольцом’, *чагарикта-* ‘загибаться крючком, кольцом’;

ног. *шыгыр* ‘катушка’;

тат. *чыгыр* ‘блок’, ‘ролик’, ‘колесо’ (колодца), ‘лебедка’, ‘ворот’, ‘чигирь’, ‘детская тележка’;

тур. *çıkrık* ‘колесо’ (колодца), ‘ворот’, ‘мотовило’, ‘прялка’, ‘токарный станок’, *чыкрык* ‘токарный станок’, ‘матовник’, ‘ма-

шина для приготовления шерстяных ниток' (Радлов, III, 2060);

туркм. *чагарык* 'крестообразные соединения верхней круглой части кибитки';

узб. *чиғир* 'чигирь', 'колесо с черпаками, подающее воду для орошения посевов', *чиғириқ* 'ручная машина для очистки хлопка от семян', техн. 'ворот'.

уйг. *чиғириқ→чиғиқ* 'колесо', 'валик', 'блок', 'ворот', 'ручная прялка', 'ручная хлопкоочистительная машина', 'журавль' (у колодца);

чаг. *чікір* 'мотовило', 'большое колесо для подъема воды' (Радлов, III, 2107), *чігірчік* 'колесо у прялки' (Радлов, III, 2110); ср. казах. *тегершік* 'колесо';

по.-мо. *čaγariγ* 'обруч в дымовом отверстии юрты', 'обруч на ступице колеса', 'кольцо удил' (Владимирцов. Грамматика, 228), *čaγariγla-* 'делать обруч, кольцо';

монг. *цагариг* 'обруч', 'кольцо', *цагаригла-* 'делать обруч, кольцо';

бур. *сахариг* 'обруч', 'обод', 'круг', 'кольцо', *цахаригла-* 'делать обруч, обод', 'окольцовывать'; бур. Эхир-Булаг *сахариг* 'обод', 'ободья у колёс' (ИБГ, II, 34);

Происхождение этой основы можно объяснить двояко: 1) она может быть простым фонетическим вариантом общеалтайской основы **такар~тикир* (> *чакар~чикир*) со значением 'колесо' (см. выше, п. 1); 2) она может быть заимствована из древнеиндийского и древнеиранского; ср.: др.-инд. *cakras*, *cakram* 'колесо', ав. *čaxra* 'повозка' (Фасмер, II, 289), а также др.-тюрк. *čïγrï* (< ир.), *čakiravart~cakravart* (< скр.) — см. выше.

Однако не исключена возможность, что в развитии и распространении этой основы сыграли роль оба указанных выше фактора, которые взаимно дополнили друг друга.

8. Корень *кас/кос*. В основе наименования колеса, возникшего на базе данного корня и производных от него основ, лежит понятие о быстроте, о беге и отсюда — понятие о круглом, катящемся предмете.

Примеры: др.-тюрк. *kes* 'быстрый', ульч. *ҳус* 'быстро, сразу', орок. *ҳусал* 'быстрый, скорый', 'быстро, скоро', нан. *ҳосар~ҳосари* 'быстрый' (в беге), *ҳосарǯй-* 'быстро' (бегать), ма. *ҳосаҳан-ҳосаҳан* 'торопливо', 'бегом', 'усердно', чув. *кус-~кос-* 'катать', 'покатить', 'пускать вскачь' (Ашмарин, VII, 17), *кустар-* 'катить' (мяч, шар), *косакан* [*козакан*] *~ кусакан урапа ~ кускăç* [*кускьыс'*] *~ кусми* 'колесо' (Ашманин, VII, 15), *куса-тăран* [*кузатьыран*] 'бегающий' (букв. 'являющееся бегающим') 'колесо' (там же, 16), *кустăрмач* [*-мач'*] *~ кустарак* 'колесо' (там же, 19, 21), *кăстăрчăк* [*кьыстырǯьык*] 'колесо', 'маленькое колесо' (без спиц), *кăстăрчă* [*кьыстырǯы*] 'колесо', *кăстăрма* 'волчок' (там же, 19).

9. Основа *урапа* [*ураба/ораба*]. Это чувашское слово одновременно служит наименованием телеги, колеса и тому подобных предметов: *урапа~орапа* ‘колесо ручной мельницы с ручками на концах вала для приведения его в движение’; *шу урапи~шыв урапи* ‘(мельничное) колесо, на которое падает вода’ (по данным А. И. Ашмарина, все колеса, шестерни, находящиеся в мельнице, называются *орапа* — Ашмарин, II, 15, 16). Чув. *урапа~орапа* восходит к общетюркскому *араба* (*арба*, *harава*) ‘телега’ и является лишним подтверждением того, что слово, служащее наименованием колеса, может употребляться в качестве наименования телеги и наоборот.

10. Основа *нарӣа̄ ~ нӣриа̄*. Встречается в тунгусо-маньчжурских языках.

Примеры: нан. *нарӣа̄ ~ нӣрӣа̄ ~ нӣр'а̄* ‘колесо’, *нарӣауӈо* ‘колесный экипаж’, ороч. *н'ар͡ӣа ~* ульч. *н'арӣ* ‘колесо’, орок. *нарӣа* ‘глазное яблоко’, эвенк. *jари* ‘бусина (крупная)’, ‘бельмо’, *jаричӣа̄* ‘бельмо’.

Корень, на базе которого возникли эти слова, пока остается невыясненным. Слова эти лишь весьма отдаленно или в первом приближении можно сопоставить с эвенк. *ир-~ира-* ‘волочить’, ‘тащить’, *ира̄вун* ‘волокуша’, ‘повозка’. Возможно также, что чув. *йӑрана* ‘обойма обода’ (Ашмарин, VII, 18) имеет к ним отношение. Однако наши наблюдения приводят к выводу, что эвенк. *ира̄вун* является словом того же корня, что и тюркское *араба/harава* (> *арба*) ‘арба’, ‘телега’. Поэтому не исключена возможность, что все указанные основы могут быть объяснены, исходя из одного общеалтайского корня.[19]

11. Основа *көпчӓк*. Образована от корня *көп/кӱп*, существующего в тюркских языках и имеющего общее значение ‘нечто пухлое, дутое, выдающееся’, ср. тат. *куп-* ‘разбухать’, ‘раздуваться’, ‘распухать’, др.-тюрк. *köpčük* ‘передняя и задняя подушки седла’, *köpsün* ‘тюфяк’, *köpik ~ köpük* ‘пена’, тур. *kӱp-tӱpmä* ‘выпуклый’ (Радлов, II, 1516), узб. *кӯпчик* ‘седельная подушка’ и т. п.

Примеры: тат. диал. *көпчәк~күпчәк* ‘колесо’, ‘колесо телеги’ (ДС, I, 115, II, 131), урум. (пос. Старобешево) *көпчӓк* ‘колесо’, *көпчӓкбаш* (‘колесо’+‘голова’) ‘ступица колеса’, урум. (пос. Старый Крым) *көпчӓк мийӗ* (букв. ‘колесо’+‘мозг его’, т. е. ‘мозг колеса’) ‘ступица колеса’, башк. *көпсәк~*казах. *күпшек~*тат. *көпчәк~*узб. *купча* (ЭУЮХ, 267) *~*чув. *кӗпчек* (Ашмарин, VII, 18)/*кӱпчек* ‘ступица (колеса)’, тур. *кібчік* ‘ободок у бубна или барабана’ (Радлов II, 1401), саг., койб. *кібрӓ* ‘(поля́), край шляпы’ (Радлов, II, 1401), чаг. *кібӓч* ‘ободок, круг бубна’ (Радлов, II, 1399).

---

[19] На этот счет имеются многочисленные материалы, разбор которых и доказательство выдвинутого здесь предположения требует подробного изложения в специальной работе.

Семантическое развитие здесь шло, по-видимому, следующим путем: в начале эти основы служили наименованием центральной («пухлой») части колеса, т. е. его ступицы, потом стали употребляться как наименование самого колеса, его обода, а затем и других предметов, похожих на колесо своей округлою формой.

12. Слово *чарх*, восходящее к иранскому *чӓрх*. В современном персидском языке слово چرخ [*чӓрх*] означает ‘колесо’, ‘круг’, ‘обод’, ‘ворот’, ‘шестерня’ и т. п. (Перс.-русск. сл., М., 1953, стр. 162). Вопрос о том, когда оно было заимствовано из персидского языка тюркскими, требует специального рассмотрения. По-видимому, оно проникло в тюркские языки вместе с какими-либо особыми приспособлениями, машинами, например прялкой, вращающимся точильным кругом, так как заимствованное слово в тюркских языках связано именно с указанными орудиями и приспособлениями.

Примеры: аз. *чӓрк* ‘колесо’ (мельницы, машины) (Радлов, III, 1969), тур., кр.-тат. *чарк* ‘колесо в машинах’, ‘токарный станок’, *чаркла-* ‘точить’ (Радлов, III, 1866), уйг. *чāк* (< *чарк* < *чарх*) ‘колесо’ (телеги, мельницы, прялки — Радлов, III, 1832), уйг. диал. *чак* ‘колесо’, ‘прялка’, ‘веретено’ (Малов, ХН, 193).

В ряде случаев рассматриваемая основа, по-видимому, приняла вид *чар*; ср.: тат. *чар* ‘точило’, колесо’ (мельничное), *чарла-* ‘точить, затачивать’, алт. *чар* ‘брусок’ (точильный), *чарла-* ‘точить на бруске’ (Радлов, III, 1859, 1861), Тел, Леб, Куманд *чарҕы* ‘точильный брусок’ (Радлов, III, 1867).

13. Наименование колеса, восходящее к рус. *колесо*. Для обозначения колеса у народов, говорящих на алтайских языках, оно стало, по-видимому, употребляться в недавнем прошлом, может быть, не ранее последних ста-двухсот лет.

Примеры: тат. *käläcä* (Радлов, II, 114) ~ тат. диал. *куласа* ‘колесо’, ‘ручная тележка’ (ДС, II, 113), *кул'аса* ~ *колюса* ~ *кулəсə* (ДС, I, 74, 120, III, 90) ‘колесо’ як. *көлөһө* ~ эвен. *колесо* / *колӯӯһэ* ~ бур. *холисоо* ~ бур. диал. *кольцоо* (ИБГ, II, 147) ‘колесо’.

СПИСКИ СОКРАЩЕНИЙ

ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958.

Абдрахманов — М. А. Абдрахманов. О составе и развитии некоторых групп лексики томско-тюркских говоров. Ученые записки Томского гос. педагогического института, т. XX, вып. 2. Томск, 1962, стр. 112—126.

Аз. диал. — Азәрбайчан дилинин диалектоложи луғәти. Бир жилдлик. Бакы, 1964.

АН — Академия наук.

Афанасьев — П. С. Афанасьев. Говор верохоянских якутов. Якутск, 1965.

Ашмарин — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. I—II. Казань, 1928—1929; вып. III—XVII. Чебоксары, 1929—1950.

Баскаков — А. Н. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1966.

Башк. лекс. — Башкирская лексика. Тематический сборник под ред. Т. М. Гарипова. Уфа, 1966.

Бурганова — Н. Борһанова. Үсемлек атамалары (өстәмә бүлек). ДС, III. Казан, 1958, стр. 229—260.

Грюнберг — А. Л. Грюнберг. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.

Булгат — Булгат ал-муштак фи-л-лугат ат-турк ва-л-кыфҗак. (Памятник XIV в.; ссылки на него в работе З. Б. Мухамедовой — см. Мухамедова).

Владимирцов. Mongolica. — Б. Я. Владимирцов. Mongolica. I. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии. Записки коллегии востоковедов, I. Л.,1925, стр. 305—341.

Владимирцов. Грамматика — Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Владимирцов. Тур. элементы — Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. ЗВОРАО, XX, стр. 153—184.

ВЯ — Вопросы языкознания, М.

Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 3, тт. 1—4. СПб., 1903.

ДАН — Доклады Академии наук СССР, серия «В».

Дёрфер — G. Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I—III, Wiesbaden, 1963—1967.

Дмитриев — Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. Сборник статей. М., 1962, стр. 271—284.

ДС — Диалектологик сүзлек. Казан, I, 1948; II, 1953; III, 1958.
ДСЭЯ — А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Л., 1968.
ДТС — Древнетюркский словарь, Л., 1969.
Дыренкова. ГОЯ — И. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
Егоров — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Зам. — Замахшари. Мукаддимат ал-адаб (по статье: А. К. Боровков. Названия растений по бухарскому списку Мукаддимат ал-адаб. (К изучению узбекской ботанической терминологии). В сб.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, стр. 96—111).
З. ‖ Захаров. Словарь — И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
Захаров. Грамматика — И. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗРГО — Записки Русского имп. географического общества. СПб.
ИАН — Известия Академии наук.
ИБГ — Исследование бурятских говоров. I. Улан-Удэ, 1965; II, 1968.
ИВ — Институт востоковедения АН СССР.
Ив. ‖ Ивановский — А. О. Ивановский. Mandjurica. I. Образцы солонского и дагурского языков. СПб., 1894.
ИЯЛИ — Институт языка литературы и истории.
К. ‖ Кастрен — M. A. Castren. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. СПб., 1856.
Калужиньский — St. Kałużyński. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprachen. Warszawa, 1961.
Кононов — А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
Котвич — В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. Пер. с польск. Общ. ред. и предисл. Н. А. Баскакова, примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М., 1962. (W. Kotwicz. Studia nad językami altajskimi. RO. XVI (1950), Kraków, 1953).
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
Л. ‖ Лессинг — F. D. Lessing. Mongolian-English Dictionary. University of California Press. Berkley and Los Angeles, 1960.
МА — Н. Н. Поппе. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. I—II. Труды ИВ, XIV, М.—Л., 1938.
Малов, УНС — С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
Малов ХН — С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.—Л., 1954.
Малов. ЯЖУ — С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
Меркулова — В А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
Митрошина — А. Г. Митрошина. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. — Сборник трудов по филологии. Бурят-монгольский научно-исследовательский институт культуры. Вып. III. Улан-Удэ, 1958, стр. 283—295.
Мухамедова — З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. (по данным арабоязычных сочинений). Ашхабад, 1969 (машинопись).

НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
Пекарский — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, I—III. СПб., Л., 1907—1927.
Петрова. ЯО — Т. И. Петрова. Язык ороков (Ульча). Л., 1967.
ПОАЯз — Проблема общности алтайских языков. Сборник статей. Л., 1971.
полов. XVI в. — Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины). Транскрипция, перевод, предисловие и глоссарий Т. И. Грунина. М., 1967.
П. Сол. — Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Л., 1931.
П. Бур. — Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1938.
П. Даг. — Н. Н. Поппе. Дагурское наречие. Л., 1930.
П. Тунг. — Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.
Поппе. Грамматика п.-мо. — Н. Н. Поппе. Грамматика письменно-монгольского языка. М.—Л., 1937.
Покровская — Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
РСл ‖ Радлов — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1888—1911.
Раднаев — Э. Р. Раднаев. О фонетических своеобразиях баргузинского говора. Сборник трудов по филологии. Бурят-монгольский научно-исследовательский институт культуры, вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 296—301.
Рамстедт — Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Пер. с нем. Под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова. Примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М., 1957. (G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Formenlehre. Bearbeitet und herausgegeb. von Pentti Aalto. MSFOu, 1952).
Рясянен — М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Пер. с нем., ред., предисл. и примеч. Н. А. Баскакова. М., 1955.
Санжеев — Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953.
Санжеев. Глагол — Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
Санжеев. Параллели — Г. Д. Санжеев. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. ИАН. Отделение гуманитарных наук, 1930, № 8—9.
Севортян — Э. В. Севортян. Пробные статьи к этимологическому словарю тюркских языков. М., 1966.
Севортян. Афф. им. — Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1965.
Севортян. Афф. глаг. — Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
Серменьи — О. Серменьи. Славянская этимология на индоевропейском фоне. ВЯ, 1967, № 4, стр. 1—25.
СЭ — Советская этнография, М.
ТДС — Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.
Тит. — Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926.
тур. XVII в. — Турецкая медицинская рукопись 1628 г. (Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, шифр А 485).

узб. XIV в. — Э. Фазылов. Староузбекский язык. I. Хорезмские памятники XIV в. Ташкент, 1966.

узб. XVI в. — Узбекская историко-географическая рукопись XVI в. (Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, шифр В 574).

Уч. зап. БПИ — Ученые записки Бурятского педагогического института, Улан-Удэ.

Уч. зап. КалмПИ — Ученые записки Калмыцкого педагогического института, Элиста.

Уч. зап. ЛГПИ — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

УНТКМ — Услын нэр томьёони комиссын мэдээ № 59—60. Улаанбаатар, 1965.

ФАН — Филиал Академии наук.

Фасмер || Vasmer — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения. О. Н. Трубачева. Т. I, М., 1964; т. II, М., 1967. (M. Vasmer. Russisches etimologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1958).

Хоутс. — Словарь Хоутсма (памятник XIII в., ссылки на него в работе З. Б. Мухамедовой — см. Мухамедова).

Х. — (Хауер) E. Hauer. Handwörterbuch der Mandschusprachen. I—III. Wiesbaden, 1952—1955.

Ц. — (Цах) Dr. E, von Zach. 1) Einige Ergaenzungen zu Sacharow's Mandžursko-Russki Slovarj. Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. XIV, Teil 1. Tōkyo, 1911; 2) Weitere Ergänzungen zu Sacharow's Mandžursko-Ruski Slovarj. Там же, Teil 3, 1913.

Цинциус — В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

Чуркин — Т. Я. Чуркин. Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района Чувашской АССР. В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, стр. 152—176.

Ш. — (П. Шмидт) P. Schmidt. 1) The Language of the Negidals. AUL, VII, 1923; 2) The Language of the Olchas. AUL, VIII, 1923; 3) The Language of the Oroches, AUL, XVII, 1928; 4) The Language of the Samagirs, AUL, XIX, 1928; 5) Chinesische Elemente in Mandschu. Asia Major, Leipzig, 1932, VII, 4, VIII, 1/2, 3.

Щербак — А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Шредер — O. Schräder. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.

Экманн — Janos Eckmann. The turkish dialect of Edirne. American Studies in Altaic Linguistics. V. 13 of the Uralic and Altaic Series. The Hague, 1962, стр. 45—69.

ЭУЮХ — М. В. Сазонова. К этнографии узбеков южного Хорезма. В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмийской экспедиции 1945—1948 гг. Л., 1957.

ALH — Acta Linguistica, Budapest.

AUL — Acta Universitatis Latwiensis, Riga.

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London.

CAJ — Central Asiatic Journal, Wiesbaden.

Gabain — A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig. 1950.

JA — Journal Asiatuque, Paris.

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London.
JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors—Helsinki.
KSz — Keleti Szemlé, Budapest.
Menges. Turkic Languages— K. H. Menges. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968.
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors—Helsinki.
P. Intr. Alt. — N. Poppe. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
P. Mo. Compar. — N. Poppe. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
P. Jak. — N. Poppe. Jakutische Emytologien. Ural-Altaische Jahrbücher, Bd. XXXIII, H. 1—2, August, 1961. Wiesbaden, стр. 136—141.
P. Vergl. — N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1. Wiesbaden, 1960.
R. Einf. — G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre bearbaitet und herausgegenben von Pentti Aalto. Helsinki, 1957.
R. SKE — G. J. Ramstedt. Studies in Korean Etimology. Helsinki, 1949.
R. KW — G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
R. Mat. — M. Räsänen. Materialen zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. StO, XV, 1949.
Räs. EW — M. Räsänen. Versuch eines Etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.
RO — Rocznik orientalistyczny. Lwów—Kraków.
Rona-Tasch — Rona-Tasch. Türkisch-Tocharische Parallelen. PIAC, 1969 (машинопись).
Sanglax — Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Languages by Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.
SBOAW — Sitzunsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-Histor. Klasse, Wien.
StO — Studia Orientalia, Helsinki.
UAJ — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
UJ — Ungarische Jahrbücher, Berlin—Leipzig.
Vambery — H. Vamberi. Etimologisches Wörterbuch der Turko-Tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

ав.	— авестийский	бох.	— бохайский
аз.	—азербайджанский	бур.	— бурятский
алб.	—албанский	венг.	— венгерский
алт.	— алтайский (=ойротский)	гаг.	— гагаузский
		голл.	— голландский
андийск.	— андийский	гот.	— готский
ар.	— арабский	гр.	— греческий
арм.	— армянский	груз.	— грузинский
балк.	— балкарский	даг.	— дагурский
балт.	— балтийские языки	дагест.	— дагестанский
башк.	— башкирский	дж.	— джагатайский (=чагатайский= староузбекский)
белорус.	— белорусский		
болг.	— болгарский		

догот.	— доготский (=праготский)
долг.	— долганский
др.-в.-нем.	— древневерхненемецкий
др.-инд.	— древнеиндийский
др.-кит.	— древнекитайский
др.-кор.	— древнекорейский
др.-мо.	— древнемонгольский
др.-прусск.	— древнепрусский
др.-тюрк.	— древнетюркский
др.-уйг.	— древнеуйгурский
др.-чув.	— древнечувашский
др.-яп.	— древнеяпонский
ж.-уйг.	— язык желтых уйгуров(=сарыг-югурск.)
з.-е.	— западноевропейские языки
и.-е.	— индоевропейские языки
инд.-герм.	— индогерманские языки
ир.	— иранские языки
ит.	— итальянский
кавказ.	— кавказские языки
казах.	— казахский
калм.	— калмыцкий
караим.	— караимский
каракалп.	— каракалпакский
карач.	— карачаевский
карач.-балк.	— карачаевобалкарский
картв.	— картвельский
кирг.	— киргизский
кит.	— китайский
койб.	— койбальский
кор.	— корейский
коряк.	— корякский
кр.-тат.	— крымскотатарский
кумык.	— кумыкский
лам.	— ламутский (=эвенский)
лат.	— латинский
латыш.	— латышский
литов.	— литовский
ма.	— маньчжурский
манегр.	— манегирский
мар.	— марийский
мо.	— монгольские языки
могол.	— могольский
монг.	— монгольский
монгор.	— монгорский
нан.	— нанайский (=гольдский)
нег.	— негидальский
нен.	— ненецкий
нж.-нем.	— нижненемецкий
нивх.	— нивхский
ног.	— ногайский
н.-уйг.	— новоуйгурский
огуз.	— огузские языки
ойр.	— ойротский (=алтайский)
ойрат.	— ойратский
орок.	— орокский
ороч.	— орочский
осет.	— осетинский
п.-мо.	— старописьменный монгольский
перс.	— персидский
полов.	— половецкий
праслав.	— праславянские языки
пратюрк.	— пратюркский
пратох. В	— пратохарский В
рус.	— русский
с.-хорв.	— сербохорватский
сал.	— саларский
сев.-аз.-тат.	— язык североазербайджанских татов
семитск.	— семитские языки
скр.	— санскрит
слав.	— славянские языки
сол.	— солонский
ср.-мо.	— среднемонгольский
ст.-слав.	— старославянский
ст.-узб.	— староузбекский (=чагатайский)
тат.	— татарский
т.-ма.	— тунгусо-маньчжурские языки
тиб.	— тибетский
тоф.	— тофаларский (=карагасский)
тох.	— тохарский
тох. АВ	— тохарский АВ
тув.	— тувинский
тунг.	— тунгусские языки (эвенкийский, эвенский, негидальский)
тур.	— турецкий (=османский)
туркм.	— туркменский
тюрк.	— тюркские языки
уд.	— удэйский (=удэгейский)
удм.	— удмуртский
узб.	— узбекский
уйг.	— уйгурский (=тарапчинский)
укр.	— украинский
ульч.	— ульчский (=ольчский)
урал.	— уральские языки
урум.	— язык урумов Украины
фин.	— финский
фр.	— французский

хак.	— хакасский (=язык абаканских татар)
хорезм.	— хорезмский
хотан.	— хотанский
чаг.	— чагатайский (=староузбекский
чж.	— чжурчженьский
чув.	— чувашский
чук.	— чукотский
широнг.	— широнгольский
шор.	— шорский
эвен.	— эвенский
эвенк.	— эвенкийский
юж.-рус.	— южнорусские языки
юк.	— юкагирский
як.	— якутский
яп.	— японский

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

Монгольские языки

Бурятский

Аг	— агинский
Ал	— аларский
Бох	— боханский
Качуг	— качугский
Ок	— окинский
Тунк	— тункинский
Хорин	— хоринский
Цонг	— цонгольский
Эхир	— эхиритский
Эхир-Булаг	— эхирит-булагатский

Монгольский

Даг	— дагурский
Орд	— ордосский
Ург	— ургинский
Халх	— халхасский

Ойратский

Баит	— баитский
Дэрб-Аст	— дэрбетско-астраханский
Дэрб-Кобд	— дэрбетско-кобдосский

Тунгусо-маньчжурские языки

Маньчжурский

Сиб	— сибинский

Нанайский

Бк	— бикинский
Гр	— горинский
К-У	— кур-урмийский
Нх	— найхинский
Сиг	— сунгарский

Негидальский

В	— верхнеамгуньский
Н	— нижнеамгуньский

Удэйский

Ан	— анюйский
Бик	— бикинский
Им	— иманский
Смрг	— самаргинский
Хор	— хорский

Эвенский

Алл	— аллайховский
Ан	— анюйский
Арм	— арманский
Бст	— быстринский
К-О	— колымско-омолинский
Мом	— момский
Ол	— ольский
Ох	— охотский
П	— пенжинский
Ск	— саккырырский
Т	— томпонский

Эвенкийский

А	— аянский
Алд	— алданский
Б	— байкитский
Бнт	— баунтовский
Брг	— баргузинский
В-Ам	— верхнеамурский
В-Л	— верхоленский
Вл	— вилюйский
Вт	— витимский
Д	— дудинский
Е	— ербогоченский
З	— зейский
И	— илимпийский
Кч	— качугский

М — майский
Н — непский
Нак — наканновский
Нрч — нерчинский
Олкм — олекминские говоры
П-Т — подкаменно-тунгусские говоры
С — сымский
С-Б — северобайкальские говоры
Сх — сахалинские говоры
Тк — токкинский
Ткм — токминский.
Тмт — томмотский
Тнг — тунгирский
Тп — тимптонский
Тт — тоттинский
У — учамский
Урм — урмийский
Учр — учурский
Хнг — хинганский
Члм — чулманский
Чмк — чумиканские говоры

Русский

Арханг — архангельский
Олонец — олонецкий
Орнб — оренбургский

Тюркские языки

Алтайский

Куманд — кумандинский
Леб — язык лебединских татар (=чалканский диалект)
Тел — телеутский
Туба — туба-диалект

Башкирский

Горн — горный (кувакан-ский) диалект

Татарский

Арч — арчский
Бараб — барабинский
Бер — беренгинский
Бир — бирский
Бор — борайский
Каз — казанский
Кас — касимовский
Качин — качинский
Куз — кузнечихинский
Лем — лембренский
Мал — малмыжский
Мам — мамадышский
Минз — минзелинский
Мишар — мишарский
Мишк — мишкинский
Нокр — нократовский
Пенз — пензенский
Перм — пермский
Серг — сергачский
Ср — средний
Тар — тарский
Тау — тауский
Тевр — тевризский
Темн — темниковский
Тоб — тобольский
Том — томский
Тюм — тюменский
Урал — уральский
Хвал — хвалынский
Чист — чистопольский

Тувинский

Тодж — тоджинский

Хакасский

Кач — качинский
Саг — сагайский

Чувашский

Сунд — сундырский

СЛОВАРНЫЕ ПОМЕТЫ

анат. — анатомический
арх. — архаичный
астр. — астрономический
афф. — аффикс
безл. — безличный
бот. — ботанический
бран. — бранный
будд. — буддийский
букв. — буквально
воен. — военное
возвр. — возвратный
вопр. — вопросительный
вос . — восточный
вр. — время
вспом. — вспомогательный
геогр. — географический
гл. — глагол
грамм. — грамматический
дат. — дательный
деепр. — деепричастие

детск. — детский
диал. — диалектный
ед. — единственное число
заимств. — заимствованный (ое)
зал. — залог
зап. — западный
зват. — звательный
звукоподр. — звукоподражательный
знач. — значение
изобр. — изобразительное слово
им. — именительный падеж
иноск. — иносказательно
интенсив. — интенсивная форма
искл. — исключительная форма
ист. — исторический
книжн. — книжный (ая)
колич. — количественное числительное
косв. — косвенный
л. — лицо
лам. — ламаистский
ласк. — ласкательный
лингв. — лингвистический
личн. — личный
малоупотр. — малоупотребительный
матем. — математический
межд. — междометие
мест. — местоимение
местн. — местный падеж
миф. — мифологический
мн. — множественное
многокр. — многократный
направ. — направительный падеж
нареч. — наречие
народн. — народное
наст. — настоящее
неизм. — неизменяемый
неол. — неологизм
неперех. — непереходный
неупотр. — неупотребительно
обл. — областное
образн. — образное слово
обращ. — обращение
однокр. — однократный
отриц. — отрицательный
охотн. — охотничий
п. — падеж
парн. — парные слова
первонач. — первоначальный
перен. — переносный
перех. — переходный
побуд. — побудительный
погов. — поговорка
полит. — политический
посл. — послелог
почтит. — почтительная форма
прил. — прилагательное
притяж. — притяжательный
прич. — причастие
продолж. — продолженный вид глагола
простонар. — простонародный
простореч. — просторечный
разг. — разговорный
рел. — религиозный
род. — родительный
родств. — родственные (й)
сев. — северный
сл. — слово
сиб. — сибирский
собир. — собирательный
собств. — собственный
совр. — современный
соотв. — соответствует
спец. — специальный
страд. — страдательный
суфф. — суффикс
сущ. — существительное
увел. — увеличительный
уменьш. — уменьшительный
уст. — устаревший
ф. — форма
физич. — физический
фил. — философский
фольк. — фольклорный
ч. — число
числ. — числительное
эвф. — эвфемизм
этн. — этнографический
южн. — южный
яз. — язык

Знаки

< заимствовано из, перешло из, произошло из
> перешло в
~ или, вариант
* предполагаемая форма

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. И. Ц и н ц и у с. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков 3

В. И. Ц и н ц и у с. К этимологии алтайских терминов родства . . . 15

В. Д. К о л е с н и к о в а. Названия частей тела человека в алтайских языках 71

К. А. Н о в и к о в а. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру 104

Л. В. Д м и т р и е в а. Названия растений в тюркских и других алтайских языках 151

О. А. К о н с т а н т и н о в а. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем 224

В. Д. К о л е с н и к о в а. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках 257

С. Н. М у р а т о в. Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках 337

Списки сокращений 353

ОЧЕРКИ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ
АЛТАЙСКИХ
ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства К. Н. Феноменов
Художник В. В. Грибакин
Технический редактор О. Н. Скобелева
Корректоры В. В. Аствацатурова, Н. В. Лихарева и Т. Г. Эдельман

Сдано в набор 26/IV 1972 г. Подписано к печати 11/XII 1972 г.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 22³/₄=22.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 25.32. Изд. № 4954. Тип. зак. № 1006. М-10521. Тираж 1300. *Цена 1 р. 84 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград. Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В НАЛИЧИИ КНИГИ:

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Том I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. 1959. 282 стр. Цена 1 р. 69 к.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба—кижи). Грамматический очерк и словарь. 1966. 173 стр. Цена 88 коп.

Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба—кижи). Тексты и переводы. (Северные диалекты алтайского (ойротского) языка). 1965. 340 стр. Цена 1 р. 50 к.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть 3. Синтаксис. 1961. 232 стр. Цена 1 р. 08 к.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Том 4. Лексика. 1962. 128 стр. Цена 67 коп.

Керт Г. М. Саамский язык. (Кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис. 1971. 355 стр. Цена 1 р. 73 к.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. 1964. 271 стр. Цена 1 р. 07 к.

Меновщиков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Часть II. Глагол, причастие, наречие, служебные слова. 1967. 288 стр. Цена 1 р. 69 к.

Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть I. 1960. 263 стр. Цена 1 р. 25 к.

Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). 1967. 156 стр. Цена 60 коп.

Проблема общности алтайских языков. 1971. 404 стр. Цена 1 р. 93 к.

Романова А. В., Мыреева А. Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР. Вып. II. 1964. 170 стр. Цена 60 коп.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Часть I. Фонетика и морфология именных частей речи. 1961. 448 стр. Цена 1 р. 97 к.

Современный татарский литературный язык. Синтаксис. 1971. 311 стр. Цена 1 р. 16 к.

Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. 1962. 363 стр. Цена 1 р. 51 к.

Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Часть I. Фонетика и морфология. 1951. 195 стр. Цена 1 р. 35 к.

Тюркская лексикология и лексикография. 1971. 310 стр. Цена 1 руб.

Харитонов Л. И. Формы глагольного вида в якутском языке. 1960. 179 стр. Цена 85 коп.

Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. 1970. 204 стр. Цена 1 р. 25 к.

Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. 1965. 275 стр. Цена 1 р. 32 к.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ:

117463. ***Москва,*** *Мичуринский проспект, дом № 12*
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»

197110. ***Ленинград,*** *Петрозаводская улица, дом № 7*
Магазин «Книга — почтой»
Северо-западной конторы «Академкнига»

1р. 84к.